THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/polnoesobranieso34aiku

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

PG
3467
K8
1912
v.3-4

СУЛАМИѳЬ.

Положи мя яко печать на сердцѣ твоемъ, яко печать на мышцѣ твоей: зане крѣпка яко смерть любовь, жестока яко смерть ревность: стрѣлы ея—стрѣлы огненныя.

Пѣснь Пѣсней.

I.

Царь Соломонъ не достигъ еще средняго возраста,—сорока пяти лѣтъ,—а слава о его мудрости и красотѣ, о великолѣпіи его жизни и пышности его двора распространилась далеко за предѣлами Палестины. Въ Ассиріи и Финикіи, въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ, отъ древней Тавризы до Іемена и отъ Исмара до Персеполя, на побережьѣ Чернаго моря и на островахъ Средиземнаго—съ удивленіемъ произносили его имя, потому что не было подобнаго ему между царями во всѣ дни его.

Въ 480-мъ году по исшествіи Израиля, въ четвертый годъ своего царствованія, въ мѣсяцѣ Зифѣ, предпринялъ царь сооруженіе великаго храма Господня на горѣ Моріа и постройку дворца въ Іерусалимѣ. Восемьдесятъ тысячъ каменотесовъ и семьдесятъ тысячъ носильщиковъ безпрерывно работали въ горахъ и въ предмѣстьяхъ города, а десять тысячъ дровосѣковъ изъ числа тридцати восьми

127197

тысячъ отправлялись посмѣнно на Ливанъ, гдѣ проводили цѣлый мѣсяцъ въ столь тяжкой работѣ, что послѣ нея отдыхали два мѣсяца. Тысячи людей вязали срубленныя деревья въ плоты, и сотни моряковъ сплавляли ихъ моремъ въ Іаффу, гдѣ ихъ обдѣлывали тиряне, искусные въ токарной и столярной работѣ. Только лишь при возведеніи пирамидъ Хефрена, Хуфу и Микерина въ Гизехѣ употреблено было такое несмѣтное количество рабочихъ.

Три тысячи шестьсотъ приставниковъ надзирали за работами, а надъ приставниками начальствовалъ Азарія, сынъ Наѳановъ, человѣкъ жестокій и дѣятельный, про котораго сложился слухъ, что онъ никогда не спитъ, пожираемый огнемъ внутренней неизлѣчимой болѣзни. Всѣ же планы дворца и храма, рисунки колоннъ, давира и мѣднаго моря, чертежи оконъ, украшенія стѣнъ и троновъ созданы были зодчимъ Хирамомъ-Авіемъ изъ Сидона, сыномъ мѣдника изъ рода Нафалимова.

Черезъ семь лѣтъ, въ мѣсяцѣ Булѣ, былъ завершенъ храмъ Господень и черезъ тринадцать лѣтъ — царскій дворецъ. За кедровыя бревна съ Ливана, за кипарисныя и оливковыя доски, за дерево певговое, ситтимъ и ѳарсисъ, за обтесанные и отполированные громадные дорогіе камни, за пурпуръ, багряницу и виссонъ, шитый золотомъ, за голубыя шерстяныя матеріи, за слоновую кость и красныя бараньи кожи, за желѣзо, оникъ и множество мрамора, за драгоцѣнные камни, за золотыя цѣпи, вѣнцы, шнурки, щипцы, сѣтки, лотки, лампады, цвѣты и свѣтильники, золотыя петли къ дверямъ и золотые гвозди, вѣсомъ въ шестьдесятъ сиклей каждый, за златокованныя чаши и блюда, за рѣзные и мозаичные орнаменты, за литыя и изсѣченныя въ камнѣ изображенія львовъ, херувимовъ, воловъ, пальмъ и ананасовъ—подарилъ Соломонъ Тирскому царю Хираму, соименнику зодчаго, два-

дцать городовъ и селеній въ землѣ Галилейской, и Хирамъ нашелъ этотъ подарокъ ничтожнымъ—съ такой неслыханной роскошью были выстроены храмъ Господень и дворецъ Соломоновъ и малый дворецъ въ Милло, для жены царя, красавицы Астисъ, дочери египетскаго фараона Суссакима. Красное же дерево, которое позднѣе пошло на перила и лѣстницы галлерей, на музыкальные инструменты и на переплеты для священныхъ книгъ, было принесено въ даръ Соломону царицей Савской, мудрой и прекрасной Балкисъ, вмѣстѣ съ такимъ количествомъ ароматныхъ куреній, благовонныхъ маслъ и драгоцѣнныхъ духовъ, какого до сихъ поръ еще не видали въ Израилѣ.

Съ каждымъ годомъ росли богатства царя. Три раза въ годъ возвращались въ гавани его корабли: «Ѳарсисъ», ходившій по Средиземному морю, и «Хирамъ», ходившій по Чермному морю. Они привозили изъ Африки слоновую кость, обезьянъ, павлиновъ и антилопъ; богато украшенныя колесницы изъ Египта, живыхъ тигровъ и львовъ, а также звѣриныя шкуры и мѣха изъ Месопотаміи, бѣлоснѣжныхъ коней изъ Кувы, парваимскій золотой песокъ на шестьсотъ шестьдесятъ талантовъ въ годъ, красное, черное и сандаловое дерево изъ страны Офиръ, пестрые ассурскіе и калахскіе ковры съ удивительными рисунками—дружественные дары царя Тиглатъ-Пилеазара, художественную мозаику изъ Ниневіи, Нимруда и Саргона; чудныя узорчатыя ткани изъ Хатуара; златокованные кубки изъ Тира; изъ Сидона—цвѣтныя стекла, а изъ Пунта, близъ Бабъ-Эль-Мандеба, тѣ рѣдкія благовонія—нардъ, алоэ, тростъ, киннамонъ, шафранъ, амбру, мускусъ, стакти, халванъ, смирну и ладанъ, изъ-за обладанія которыми египетскіе фараоны предпринимали не разъ кровавыя войны.

Серебро же во дни Соломоновы стало цѣною какъ про-

стой камень и красное дерево не дороже простыхъ сикиморъ, растущихъ на низинахъ.

Каменныя бани, обложенныя порфиромъ, мраморные водоемы и прохладные фонтаны устроилъ царь, повелѣвъ провести воду изъ горныхъ источниковъ, низвергавшихся въ Кедронскій потокъ, а вокругъ дворца насадилъ сады и рощи и развелъ виноградникъ въ Ваалъ-Гамонѣ.

Было у Соломона 40.000 стойлъ для муловъ и коней колесничныхъ и 12.000 для конницы; ежедневно привозили для лошадей ячмень и солому изъ провинцій. Десять воловъ откормленныхъ и двадцать воловъ съ пастбища, тридцать коровъ пшеничной муки и шестьдесятъ прочей, сто батовъ вина разнаго, 300 овецъ, не считая птицы откормленной, оленей, сернъ и сайгаковъ — все это черезъ руки двѣнадцати приставниковъ шло ежедневно къ столу Соломона, а также къ столу его двора, свиты и гвардіи. Шестьдесятъ воиновъ, изъ числа пятисотъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ во всемъ войскѣ, держали посмѣнно караулъ во внутреннихъ покояхъ дворца. Пятьсотъ щитовъ, покрытыхъ золотыми пластинками, повелѣлъ Соломонъ сдѣлать для своихъ тѣлохранителей.

II.

Чего бы глаза царя ни пожелали, онъ не отказывалъ имъ и не возбранялъ сердцу своему никакого веселія. Семьсотъ женъ было у царя и триста наложницъ, не считая рабынь и танцовщицъ. И всѣхъ ихъ очаровывалъ своей любовью Соломонъ, потому что Богъ далъ ему такую неизсякаемую силу страсти, какой не было у людей обыкновенныхъ. Онъ любилъ бѣлолицыхъ, черноглазыхъ, красногубыхъ хеттеянокъ за ихъ яркую, но мгновенную красоту, которая такъ же рано и прелестно расцвѣтаетъ

и такъ же быстро вянетъ, какъ цвѣтокъ нарцисса; смуглыхъ, высокихъ, пламенныхъ филистимлянокъ, съ жесткими курчавыми волосами, носившихъ золотыя звенящія запястья на кистяхъ рукъ, золотые обручи на плечахъ, а на обѣихъ щиколоткахъ широкіе браслеты, соединенные тонкой цѣпочкой; нѣжныхъ, маленькихъ, гибкихъ аммореянокъ, сложенныхъ безъ упрека, — ихъ вѣрность и покорность въ любви вошли въ пословицу; женщинъ изъ Ассиріи, удлинявшихъ красками свои глаза и вытравливавшихъ синія звѣзды на лбу и на щекахъ; образованныхъ, веселыхъ и остроумныхъ дочерей Сидона, умѣвшихъ хорошо пѣть, танцовать, а также играть на арфахъ, лютняхъ и флейтахъ подъ аккомпанементъ бубна; желтокожихъ египтянокъ, неутомимыхъ въ любви и безумныхъ въ ревности; сладострастныхъ вавилонянокъ, у которыхъ все тѣло подъ одеждой было гладко какъ мраморъ; потому что онѣ особой пастой истребляли на немъ волосы; дѣвъ Бактріи, красившихъ волосы и ногти въ огненно-красный цвѣтъ и носившихъ шальвары; молчаливыхъ, застѣнчивыхъ моавитянокъ, у которыхъ роскошныя груди были прохладны въ самыя жаркія лѣтнія ночи; безпечныхъ и расточительныхъ аммонитянокъ съ огненными волосами и съ тѣломъ такой бѣлизны, что оно свѣтилось во тьмѣ; хрупкихъ голубоглазыхъ женщинъ съ льняными волосами и нѣжнымъ запахомъ кожи, которыхъ привозили съ сѣвера, черезъ Баальбекъ, и языкъ которыхъ былъ непонятенъ для всѣхъ живущихъ въ Палестинѣ. Кромѣ того любилъ царь многихъ дочерей Іудеи и Израиля.

Также раздѣлялъ онъ ложе съ Балкисъ-Македа, царицей Савской, превзошедшей всѣхъ женщинъ въ мірѣ красотой, мудростью, богатствомъ и разнообразіемъ искусства въ страсти; и съ Ависагой-сунамитянкой, согрѣвавшей старость царя Давида, съ этой ласковой, тихой кра-

савицей, изъ-за которой Соломонъ предалъ своего старшаго брата Адонію смерти отъ руки Ванеи, сына Іодаева.

И съ бѣдной дѣвушкой изъ виноградника, по имени Суламиѳь, которую одну изъ всѣхъ женщинъ любилъ царь всѣмъ своимъ сердцемъ.

Носильный одръ сдѣлалъ себѣ Соломонъ изъ лучшаго кедроваго дерева, съ серебряными столпами, съ золотыми локотниками въ видѣ лежащихъ львовъ, съ шатромъ изъ пурпуровой тирской ткани. Внутри же весь шатеръ былъ украшенъ золотымъ шитьемъ и драгоцѣнными камнями — любовными дарами женъ и дѣвъ Іерусалимскихъ. И когда стройные черные рабы проносили Соломона въ дни великихъ празднествъ среди народа, поистинѣ былъ прекрасенъ царь, какъ лилія Саронской долины!

Блѣдно было его лицо, губы—точно яркая алая лента; волнистые волосы черны изсиня, и въ нихъ—украшеніе мудрости—блестѣла сѣдина, подобно серебрянымъ нитямъ горныхъ ручьевъ, падающихъ съ высоты темныхъ скалъ Аэрмона; сѣдина сверкала и въ его черной бородѣ, завитой, по обычаю царей Ассирійскихъ, правильными мелкими рядами.

Глаза же у царя были темны, какъ самый темный агатъ, какъ небо въ безлунную лѣтнюю ночь, а рѣсницы, разверзавшіяся стрѣлами вверхъ и внизъ, походили на черные лучи вокругъ черныхъ звѣздъ. И не было человѣка во вселенной, который могъ бы выдержать взглядъ Соломона, не потупивъ своихъ глазъ. И молніи гнѣва въ очахъ царя повергали людей на землю.

Но бывали минуты сердечнаго веселія, когда царь опьянялся любовью, или виномъ, или сладостью власти, или радовался онъ мудрому и красивому слову, сказанному кстати. Тогда тихо опускались до половины его длинныя рѣсницы, бросая синія тѣни на свѣтлое лицо;

и въ глазахъ царя загорались, точно искры въ черныхъ брильянтахъ, теплые огни ласковаго нѣжнаго смѣха; и тѣ, кто видѣли эту улыбку, готовы были за нее отдать тѣло и душу—такъ она была неописуема прекрасна. Одно имя царя Соломона, произнесенное вслухъ, волновало сердце женщинъ, какъ ароматъ пролитаго мирра, напоминающій о ночахъ любви.

Руки царя были нѣжны, бѣлы, теплы и красивы, какъ у женщины, но въ нихъ заключался такой избытокъ жизненной силы, что, налагая ладони на темя больныхъ, царь исцѣлялъ головныя боли, судороги, черную меланхолію и бѣсноваиіе. На указательномъ пальцѣ лѣвой руки носилъ Соломонъ гемму изъ кроваво-краснаго астерикса, извергавшаго изъ себя шесть лучей жемчужнаго цвѣта. Много сотенъ лѣтъ было этому кольцу, и на оборотной сторонѣ его камня вырѣзана была надпись на языкѣ древняго, исчезнувшаго народа: «Все проходитъ».

И такъ велика была власть души Соломона, что повиновались ей даже животныя: львы и тигры ползали у ногъ царя, и терлись мордами о его колѣни, и лизали его руки своими жесткими языками, когда онъ входилъ въ ихъ помѣщенія. И онъ, находившій веселіе сердца въ сверкающихъ переливахъ драгоцѣнныхъ камней, въ ароматѣ египетскихъ благовонныхъ смолъ, въ нѣжномъ прикосновеніи легкихъ тканей, въ сладостной музыкѣ, въ тонкомъ вкусѣ краснаго искристаго вина, играющаго въ чеканномъ нинуанскомъ потирѣ,—онъ любилъ также гладить суровыя гривы львовъ, бархатныя спины черныхъ пантеръ и нѣжныя лапы молодыхъ пятнистыхъ леопардовъ, любилъ слушать ревъ дикихъ звѣрей, видѣть ихъ сильныя и прекрасныя движенія и ощущать горячій запахъ ихъ хищнаго дыханія.

Такъ живописалъ царя Соломона Іосафатъ, сынъ Ахилуда, историкъ его дней.

III.

«За то, что ты не просилъ себѣ долгой жизни, не просилъ себѣ богатства, не просилъ себѣ душъ враговъ, но просилъ мудрости, то вотъ Я дѣлаю по слову твоему. Вотъ Я даю тебѣ сердце мудрое и разумное, такъ что подобнаго тебѣ не было прежде тебя, и послѣ тебя не возстанетъ подобный тебѣ».

Такъ сказалъ Соломону Богъ, и по слову Его позналъ царь составленіе міра и дѣйствіе стихій, постигъ начало, конецъ и середину временъ, проникъ въ тайну вѣчнаго волнообразнаго и кругового возвращенія событій; у астрономовъ Библоса, Акры, Саргона, Борсиппы и Ниневіи научился онъ слѣдить за измѣненіемъ расположенія звѣздъ и за годовыми кругами. Зналъ онъ также естество всѣхъ животныхъ и угадывалъ чувства звѣрей, понималъ происхожденіе и направленіе вѣтровъ, различныя свойства растеній и силу цѣлебныхъ травъ.

Помыслы въ сердцѣ человѣческомъ—глубокая вода, но и ихъ умѣлъ вычерпывать мудрый царь. Въ словахъ и голосѣ, въ глазахъ, въ движеніяхъ рукъ такъ же ясно читалъ онъ самыя сокровенныя тайны душъ, какъ буквы въ открытой книгѣ. И потому со всѣхъ концовъ Палестины приходило къ нему великое множество людей, прося суда, совѣта, помощи, разрѣшенія спора, а также и за разгадкою непонятныхъ предзнаменованій и сновъ. И дивились люди глубинѣ и тонкости отвѣтовъ Соломоновыхъ.

Три тысячи притчей сочинилъ Соломонъ и тысячу и пять пѣсней. Диктовалъ онъ ихъ двумъ искуснымъ и быстрымъ писцамъ, Елиховеру и Ахіи, сыновьямъ Сивы, и потомъ сличалъ написанное обоими. Всегда облекалъ онъ свои мысли изящными выраженіями, потому что зо-

лотому яблоку въ чашѣ изъ прозрачнаго сардоникса подобно слово, сказанное умѣло, и потому также, что слова мудрыхъ остры какъ иглы, крѣпки какъ вбитые гвозди, и составители ихъ всѣ отъ Единаго Пастыря. «Слово— искра въ движеніи сердца»,—такъ говорилъ царь. И была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ Востока и всей мудрости египтянъ. Былъ онъ мудрѣе и Еѳана Езрахитянина, и Емана, и Хилколы, и Додры, сыновей Махола. Но уже начиналъ онъ тяготиться красотою обыкновенной человѣческой мудрости, и не имѣла она въ глазахъ его прежней цѣны. Безпокойнымъ и пытливымъ умомъ жаждалъ онъ той высшей мудрости, которую Господь имѣлъ на Своемъ пути прежде всѣхъ созданій Своихъ искони, отъ начала, прежде бытія земли, той мудрости, которая была при Немъ великой художницей, когда Онъ проводилъ круговую черту по лицу бездны. И не находилъ ея Соломонъ.

Изучилъ царь ученія маговъ халдейскихъ и ниневійскихъ, науку астрологовъ изъ Абидоса, Саиса и Мемфиса, тайны волхвовъ, мистагоговъ, и эпоптовъ ассирійскихъ и прорицателей изъ Бактры и Персеполя, и убѣдился, что знанія ихъ были знаніями человѣческими.

Также искалъ онъ мудрости въ тайнодѣйствіяхъ древнихъ языческихъ вѣрованій и потому посѣщалъ капища и приносилъ жертвы: могущественному Ваалу-Либанону, котораго чтили подъ именемъ Мелькарта, бога созиданія и разрушенія, покровителя мореплаванія, въ Тирѣ и Сидонѣ, называли Аммономъ въ оазисѣ Сивахъ, гдѣ идолъ его кивалъ головою, указывая пути праздничнымъ шествіямъ, Бэломъ у халдеевъ, Молохомъ у хананеевъ; поклонялся также женѣ его—грозной и сладострастной Астартѣ, имѣвшей въ другихъ храмахъ имена Иштаръ, Исааръ, Ваальтисъ, Ашера, Истаръ-Белить и Атаргатисъ.

Изливалъ онъ елей и возжигалъ куреніе Изидѣ и Озирису египетскимъ, брату и сестрѣ, соединившимся бракомъ еще во чревѣ матери своей и зачавшимъ тамъ бога Гора, и Деркето, рыбообразной богинѣ тирской, и Анубису съ собачьей головой, богу бальзамированія, и вавилонскому Оанну, и Дагону филистимскому, и Авденаго ассирійскому, и Утсабу, идолу ниневійскому, и мрачной Киббелѣ, и Белъ-Мародоху, покровителю Вавилона—богу планеты Юпитеръ, и халдейскому Ору—богу вѣчнаго огня, и таинственной Оморогѣ, праматери боговъ, которую Бэль разсѣкъ на двѣ части, создавъ изъ нихъ небо и землю, а изъ головы—людей; и поклонялся царь еще богинѣ Атанаисъ, въ честь которой дѣвушки Финикіи, Лидіи, Арменіи и Персіи отдавали прохожимъ свое тѣло, какъ священную жертву, на порогѣ храмовъ.

Но ничего не находилъ царь въ обрядахъ языческихъ, кромѣ пьянства, ночныхъ оргій, блуда, кровосмѣшенія и противоестественныхъ страстей, и въ догматахъ ихъ видѣлъ суесловіе и обманъ. Но никому изъ подданныхъ не воспрещалъ онъ приношеніе жертвъ любимому богу и даже самъ построилъ на Масличной горѣ капище Хамосу, мерзости моавитской, по просьбѣ прекрасной, задумчивой Эллаанъ — моавитянки, бывшей тогда возлюбленной женою царя. Одного лишь не терпѣлъ Соломонъ и преслѣдовалъ смертью — жертвоприношеніе дѣтей.

И увидѣлъ онъ въ своихъ исканіяхъ, что участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ одна: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одно дыханіе у всѣхъ, и нѣтъ у человѣка преимущества передъ скотомъ. И понялъ царь, что во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познаніе—умножаетъ скорбь. Узналъ онъ также, что и при смѣхѣ иногда болитъ сердце и концомъ радости бываетъ печаль. И однажды утромъ впервые продиктовалъ онъ Елихоферу и Ахіи:

— Все суета суетъ и томленіе духа, — такъ говоритъ Екклезіастъ.

Но тогда не зналъ еще царь, что скоро пошлетъ ему Богъ такую нѣжную и пламенную, преданную и прекрасную любовь, которая одна дороже богатства, славы и мудрости, которая дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожитъ и не боится смерти.

IV.

Виноградникъ былъ у царя въ Ваалъ-Гамонѣ, на южномъ склонѣ Ватнъ-Эль-Хава, къ западу отъ капища Молоха; туда любилъ царь уединяться въ часы великихъ размышленій. Гранатовыя деревья, оливы и дикія яблони, вперемежку съ кедрами и кипарисами, окаймляли его съ трехъ сторонъ по горѣ, съ четвертой же былъ онъ огражденъ отъ дороги высокой каменной стѣной. И другіе виноградники, лежавшіе вокругъ, также принадлежали Соломону; онъ отдавалъ ихъ въ наемъ сторожамъ за 1.000 сребренниковъ каждый.

Только съ разсвѣтомъ окончился во дворцѣ роскошный пиръ, который давалъ царь Израильскій въ честь пословъ царя Ассирійскаго, славнаго Тиглатъ-Пилеазара. Несмотря на утомленіе, Соломонъ не могъ заснуть этимъ утромъ. Ни вино ни сикера не отуманили крѣпкихъ ассирійскихъ головъ и не развязали ихъ хитрыхъ языковъ. Но проницательный умъ мудраго царя уже опередилъ ихъ планы и уже вязалъ въ свою очередь тонкую политическую сѣть, которою онъ оплететъ этихъ важныхъ людей съ надменными глазами и съ льстивой рѣчью. Соломонъ сумѣетъ сохранить необходимую пріязнь съ повелителемъ Ассиріи и въ то же время, ради вѣчной дружбы съ Хирамомъ Тирскимъ, спасетъ отъ разграбленія его царство, которое своими неисчислимыми богатствами, скры-

тыми въ подвалахъ подъ узкими улицами съ тѣсными домами, давно уже привлекаетъ жадные взоры восточныхъ владыкъ.

И вотъ на зарѣ приказалъ Соломонъ отнести себя на гору Ватнъ-Эль-Хавъ, оставилъ носилки далеко на дорогѣ и теперь одинъ сидитъ на простой деревянной скамьѣ, наверху виноградника, подъ сѣнью деревьевъ, еще затаившихъ въ своихъ вѣтвяхъ росистую прохладу ночи. Простой бѣлый плащъ надѣтъ на царѣ, скрѣпленный на правомъ плечѣ и на лѣвомъ боку двумя египетскими аграфами изъ зеленаго золота, въ формѣ свернувшихся крокодиловъ — символъ бога Себаха. Руки царя лежатъ неподвижно на колѣняхъ, а глаза, затѣненные глубокой мыслью, не мигая, устремлены на востокъ, въ сторону Мертваго Моря, — туда, гдѣ изъ-за круглой вершины Аназе восходитъ въ пламени зари солнце.

Утренній вѣтеръ дуетъ съ востока и разноситъ ароматъ цвѣтущаго винограда, — тонкій ароматъ резеды и варенаго вина. Темные кипарисы важно раскачиваютъ тонкими верхушками и льютъ свое смолистое дыханіе. Торопливо переговариваются серебряно-зеленые листы оливъ.

Но вотъ Соломонъ встаетъ и прислушивается. Милый женскій голосъ, ясный и чистый, какъ это росистое утро, поетъ гдѣ-то невдалекѣ, за деревьями. Простой и нѣжный мотивъ льется, льется себѣ, какъ звонкій ручей въ горахъ, повторяя все тѣ же пять-шесть нотъ. И его незатѣйливая изящная прелесть вызываетъ тихую улыбку умиленія въ глазахъ царя.

Все ближе слышится голосъ. Вотъ онъ уже здѣсь, рядомъ, за раскидистыми кедрами, за темной зеленью можжевельника. Тогда царь осторожно раздвигаетъ руками вѣтви, тихо пробирается между колючими кустами и выходитъ на открытое мѣсто.

Передъ нимъ, за низкой стѣной, грубо сложенной изъ большихъ желтыхъ камней, разстилается вверхъ виноградникъ. Дѣвушка въ легкомъ голубомъ платьѣ ходитъ между рядами лозъ, нагибается надъ чѣмъ-то внизу и опять выпрямляется и поетъ. Рыжіе волосы ея горятъ на солнцѣ.

День дохнулъ прохладою,
Убѣгаютъ ночныя тѣни.
Возвращайся скорѣе, мой милый,
Будь легокъ, какъ серна,
Какъ молодой олень среди горныхъ ущелій...

Такъ поетъ она, подвязывая виноградныя лозы, и медленно спускается внизъ, ближе и ближе къ каменной стѣнѣ, за которой стоитъ царь. Она одна — никто не видитъ и не слышитъ ея; запахъ цвѣтущаго винограда, радостная свѣжесть утра и горячая кровь въ сердцѣ опьяняютъ ее, и вотъ слова наивной пѣсенки мгновенно рождаются у нея на устахъ и уносятся вѣтромъ, забытыя навсегда:

Ловите намъ лисъ и лисенятъ,
Они портятъ наши виноградники,
А виноградники наши въ цвѣтѣ.

Такъ она доходитъ до самой стѣны и, не замѣчая царя, поворачиваетъ назадъ и идетъ, легко взбираясь въ гору, вдоль сосѣдняго ряда лозъ. Теперь пѣсня звучитъ глуше:

Бѣги, возлюбленный мой,
Будь подобенъ сернѣ
Или молодому оленю
На горахъ бальзамическихъ.

Но вдругъ она замолкаетъ и такъ пригибается къ землѣ, что ея не видно за виноградникомъ.

Тогда Соломонъ произноситъ голосомъ, ласкающимъ ухо:

— Дѣвушка, покажи мнѣ лицо твое, дай еще услышать твой голосъ.

Она быстро выпрямляется и оборачивается лицомъ къ царю. Сильный вѣтеръ срывается въ эту секунду и треплетъ на ней легкое платье и вдругъ плотно облѣпляетъ его вокругъ ея тѣла и между ногъ. И царь на мгновенье, пока она не становится спиною къ вѣтру, видитъ всю ее подъ одеждой, какъ нагую, высокую и стройную, въ сильномъ расцвѣтѣ тринадцати лѣтъ; видитъ ея маленькія, круглыя, крѣпкія груди и возвышенія сосцовъ, отъ которыхъ матерія лучами расходится врозь, и круглый, какъ чаша, дѣвическій животъ, и глубокую линію, которая раздѣляетъ ея ноги снизу до верху и тамъ расходится надвое, къ выпуклымъ бедрамъ.

— Потому что голосъ твой сладокъ и лицо твое пріятно! — говоритъ Соломонъ.

Она подходитъ ближе и смотритъ на царя съ трепетомъ и съ восхищеніемъ. Невыразимо прекрасно ея смуглое и яркое лицо. Тяжелые, густые темно-рыжіе волосы, въ которые она воткнула два цвѣтка алаго мака, упругими безчисленными кудрями покрываютъ ея плечи и разбѣгаются по спинѣ и пламенѣютъ, пронзенные лучами солнца, какъ золотой пурпуръ. Самодѣльное ожерелье изъ какихъ-то красныхъ сухихъ ягодъ трогательно и невинно обвиваетъ въ два раза ея темную, высокую, тонкую шею.

— Я не замѣтила тебя! — говоритъ она нѣжно, и голосъ ея звучитъ, какъ пѣніе флейты. — Откуда ты пришелъ?

— Ты такъ хорошо пѣла, дѣвушка!

Она стыдливо опускаетъ глаза и сама краснѣетъ, но подъ ея длинными рѣсницами и въ углахъ губъ дрожитъ тайная улыбка.

— Ты пѣла о своемъ миломъ. Онъ легокъ, какъ серна,

какъ молодой горный олень. Вѣдь онъ очень красивъ, твой милый, дѣвушка, не правда ли?

Она смѣется такъ звонко и музыкально, точно серебряный градъ падаетъ на золотое блюдо.

— У меня нѣтъ милаго. Это только пѣсня. У меня еще не было милаго...

Они молчатъ съ минуту и глубоко, безъ улыбки смотрятъ другъ на друга... Птицы громко перекликаются среди деревьевъ. Грудь дѣвушки часто колеблется подъ ветхимъ полотномъ.

— Я не вѣрю тебѣ, красавица. Ты такъ прекрасна...

— Ты смѣешься надо мною. Посмотри, какая я черная...

Она поднимаетъ кверху маленькія темныя руки, и широкіе рукава легко скользятъ внизъ, къ плечамъ, обнажая ея локти, у которыхъ такой тонкій и круглый дѣвическій рисунокъ.

И она говоритъ жалобно:

— Братья мои разсердились на меня и поставили меня стеречь виноградникъ, и вотъ — погляди, какъ опалило меня солнце!

— О, нѣтъ, солнце сдѣлало тебя еще красивѣе, прекраснѣйшая изъ женщинъ! Вотъ ты засмѣялась, и зубы твои — какъ бѣлые двойни-ягнята, вышедшіе изъ купальни, и ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ порока. Щеки твои — точно половинки граната подъ кудрями твоими. Губы твои алы—наслажденіе смотрѣть на нихъ. А волосы твои... Знаешь, на что похожи твои волосы? Видала ли ты, какъ съ Галаада вечеромъ спускается овечье стадо? Оно покрываетъ всю гору, съ вершины до подножья, и отъ свѣта зари и отъ пыли кажется такимъ же краснымъ и такимъ же волнистымъ, какъ твои кудри. Глаза твои глубоки, какъ два озера Есевонскихъ у воротъ Батраббима. О, какъ ты красива! Шея твоя пряма и стройна, какъ башня Давидова!..

— Какъ башня Давидова!—повторяетъ она въ упоеніи.

— Да, да, прекраснѣйшая изъ женщинъ. Тысяча щитовъ виситъ на башнѣ Давида, и все это щиты побѣжденныхъ военачальниковъ. Вотъ и мой щитъ вѣшаю я на твою башню...

— О, говори, говори еще...

— А когда ты обернулась назадъ, на мой зовъ, и подулъ вѣтеръ, то я увидѣлъ подъ одеждой оба сосца твои и подумалъ: вотъ двѣ маленькія серны, которыя пасутся между лиліями. Станъ твой былъ похожъ на пальму и груди твои на грозди виноградныя.

Дѣвушка слабо вскрикиваетъ, закрываетъ лицо ладонями, а грудь локтями, и такъ краснѣетъ, что даже уши и шея становятся у нея пурпуровыми.

— И бедра твои я увидѣлъ. Они стройны, какъ драгоцѣнная ваза — издѣліе искуснаго художника. Отними же твои руки, дѣвушка. Покажи мнѣ лицо твое.

Она покорно опускаетъ руки внизъ. Густое золотое сіяніе льется изъ глазъ Соломона и очаровываетъ ее, и кружитъ ей голову, и сладкой, теплой дрожью струится по кожѣ ея тѣла.

— Скажи мнѣ, кто ты? — говоритъ она медленно, съ недоумѣніемъ. — Я никогда не видѣла подобнаго тебѣ.

— Я пастухъ, моя красавица. Я пасу чудесныя стада бѣлыхъ ягнятъ на горахъ, гдѣ зеленая трава пестрѣетъ нарциссами. Не придешь ли ты ко мнѣ, на мое пастбище?

Но она тихо качаетъ головою:

— Неужели ты думаешь, что я повѣрю этому? Лицо твое не огрубѣло отъ вѣтра и не обожжено солнцемъ, и руки твои бѣлы. На тебѣ дорогой хитонъ, и одна застежка на немъ стоитъ годовой платы, которую братья мои вносятъ за нашъ виноградникъ Адонираму, царскому сборщику. Ты пришелъ оттуда, изъ-за стѣны... Ты, вѣрно,

одинъ изъ людей, близкихъ къ царю? Мнѣ кажется, что я видѣла тебя однажды въ день великаго празднества, мнѣ даже помнится—я бѣжала за твоей колесницей.

— Ты угадала, дѣвушка. Отъ тебя трудно скрыться. И правда, зачѣмъ тебѣ быть скиталицей около стадъ пастушескихъ? Да, я одинъ изъ царской свиты. Я главный поваръ царя. И ты видѣла меня, когда я ѣхалъ въ колесницѣ Аминодавовой въ день праздника Пасхи. Но зачѣмъ ты стоишь далеко отъ меня? Подойди ближе, сестра моя! Сядь вотъ здѣсь на камнѣ стѣны и разскажи мнѣ что-нибудь о себѣ. Скажи мнѣ твое имя?

— Суламиѳь, — говоритъ она.

— За что же, Суламиѳь, разсердились на тебя твои братья?

— Мнѣ стыдно говорить объ этомъ. Они выручили деньги отъ продажи вина и послали меня въ городъ купить хлѣба и козьяго сыра. А я...

— А ты потеряла деньги?

— Нѣтъ, хуже...

Она низко склоняетъ голову и шепчетъ:

— Кромѣ хлѣба и сыра я купила еще немножко, совсѣмъ немножко розоваго масла у египтянъ въ старомъ городѣ.

— И ты скрыла это отъ братьевъ?

— Да...

И она произноситъ еле слышно:

— Розовое масло такъ хорошо пахнетъ!

Царь ласково гладитъ ея маленькую жесткую руку.

— Тебѣ, вѣрно, скучно одной въ виноградникѣ?

— Нѣтъ. Я работаю, пою... Въ полдень мнѣ приносятъ поѣсть, а вечеромъ меня смѣняетъ одинъ изъ братьевъ. Иногда я рою корни мандрагоры, похожіе на маленькихъ человѣчковъ... У насъ ихъ покупаютъ халдейскіе купцы. Говорятъ, они дѣлаютъ изъ нихъ сонный

напитокъ... Скажи, правда ли, что ягоды мандрагоры помогаютъ въ любви?

— Нѣтъ, Суламиѳь, въ любви помогаетъ только любовь. Скажи, у тебя есть отецъ или мать?

— Одна мать. Отецъ умеръ два года тому назадъ. Братья—всѣ старше меня—они отъ перваго брака, а отъ второго только я и сестра.

— Твоя сестра такъ же красива, какъ и ты?

— Она еще мала. Ей только девять лѣтъ.

Царь смѣется, тихо обнимаетъ Суламиѳь, привлекаетъ ее къ себѣ и говоритъ ей на ухо:

— Девять лѣтъ... Значитъ, у нея еще нѣтъ такой груди, какъ у тебя? Такой гордой, такой горячей груди!

Она молчитъ, горя отъ стыда и счастья. Глаза ея свѣтятся и меркнутъ, они туманятся блаженной улыбкой. Царь слышитъ въ своей рукѣ бурное біеніе ея сердца.

— Теплота твоей одежды благоухаетъ лучше, чѣмъ мирра, лучше, чѣмъ нардъ, — говоритъ онъ, жарко касаясь губами ея уха. — И когда ты дышишь, я слышу запахъ отъ ноздрей твоихъ, какъ отъ яблоковъ. Сестра моя, возлюбленная моя, ты плѣнила сердце мое однимъ взглядомъ твоихъ очей, однимъ ожерельемъ на твоей шеѣ.

— О, не гляди на меня!—проситъ Суламиѳь. — Глаза твои волнуютъ меня.

Но она сама изгибаетъ назадъ спину и кладетъ голову на грудь Соломона. Губы ея рдѣютъ надъ блестящими зубами, вѣки дрожатъ отъ мучительнаго желанія. Соломонъ приникаетъ жадно устами къ ея зовущему рту. Онъ чувствуетъ пламень ея губъ, и скользкость ея зубовъ, и сладкую влажность ея языка, и весь горитъ такимъ нестерпимымъ желаніемъ, какого онъ еще никогда не зналъ въ жизни.

Такъ проходитъ минута и двѣ.

— Что ты дѣлаешь со мною! — слабо говоритъ Суламиѳь, закрывая глаза. — Что ты дѣлаешь со мной!

Но Соломонъ страстно шепчетъ около самаго ея рта:

— Сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста, медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ... О, иди скорѣе ко мнѣ. Здѣсь за стѣной темно и прохладно. Никто не увидитъ насъ. Здѣсь мягкая зелень подъ кедрами.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня. Я не хочу, не могу.

— Суламиѳь... ты хочешь, ты хочешь... Сестра моя, возлюбленная моя, иди ко мнѣ!

Чьи-то шаги раздаются внизу по дорогѣ, у стѣны царскаго виноградника, но Соломонъ удерживаетъ за руку испуганную дѣвушку.

— Скажи мнѣ скорѣе, гдѣ ты живешь? Сегодня ночью я приду къ тебѣ, — говоритъ онъ быстро.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Я не скажу тебѣ это. Пусти меня. Я не скажу тебѣ.

— Я не пущу тебя, Суламиѳь, пока ты не скажешь... Я хочу тебя!

— Хорошо, я скажу... Но сначала обѣщай мнѣ не приходить этой ночью... Также не приходи и въ слѣдующую ночь... и въ слѣдующую за той... Царь мой! Заклинаю тебя сернами и полевыми ланями, не тревожь свою возлюбленную, пока она не захочетъ!

— Да, я обѣщаю тебѣ это... Гдѣ же твой домъ, Суламиѳь?

— Если по пути въ городъ ты перейдешь черезъ Кедронъ, по мосту выше Силоама, ты увидишь нашъ домъ около источника. Тамъ нѣтъ другихъ домовъ.

— А гдѣ же тамъ твое окно, Суламиѳь?

— Зачѣмъ тебѣ это знать, милый? О, не гляди же на меня такъ. Взглядъ твой околдовываетъ меня... Не цѣлуй меня... Не цѣлуй меня... Милый! Цѣлуй меня еще...

— Гдѣ же твое окно, единственная моя?

— Окно на южной сторонѣ. Ахъ, я не должна тебѣ этого говорить... Маленькое, высокое окно съ рѣшеткой.

— И рѣшетка отворяется изнутри?

— Нѣтъ, это глухое окно. Но за угломъ есть дверь. Она прямо ведетъ въ комнату, гдѣ я сплю съ сестрою. Но вѣдь ты обѣщалъ мнѣ!.. Сестра моя спитъ чутко. О, какъ ты прекрасенъ, мой возлюбленный. Ты вѣдь обѣщалъ, не правда ли?

Соломонъ тихо гладитъ ея волосы и щеки.

— Я приду къ тебѣ этой ночью, — говоритъ онъ настойчиво. — Въ полночь приду. Это такъ будетъ, такъ будетъ. Я хочу этого.

— Милый!

— Нѣтъ. Ты будешь ждать меня. Только не бойся и вѣрь мнѣ. Я не причиню тебѣ горя. Я дамъ тебѣ такую радость, рядомъ съ которой все на землѣ ничтожно. Теперь прощай. Я слышу, что за мной идутъ.

— Прощай, возлюбленный мой... О, нѣтъ, не уходи еще. Скажи мнѣ твое имя, я не знаю его.

Онъ на мгновеніе, точно нерѣшительно, опускаетъ рѣсницы, но тотчасъ же поднимаетъ ихъ.

— У меня одно имя съ царемъ. Меня зовутъ Соломономъ. Прощай. Я люблю тебя.

V.

Свѣтелъ и радостенъ былъ Соломонъ въ этотъ день, когда сидѣлъ онъ на тронѣ въ залѣ дома Ливанскаго и творилъ судъ надъ людьми, приходившими къ нему.

Сорокъ колоннъ, по четыре въ рядъ, поддерживали потолокъ судилища, и всѣ онѣ были обложены кедромъ и оканчивались капителями въ видѣ лилій; полъ состоялъ изъ штучныхъ кипарисовыхъ досокъ, и на стѣнахъ нигдѣ не было видно камня изъ-за кедровой отдѣлки, укра-

шенной золотой рѣзьбой, представлявшей пальмы, ананасы и херувимовъ. Въ глубинѣ трехсвѣтной залы шесть ступеней вели къ возвышенію трона, и на каждой ступени стояло по два бронзовыхъ льва, по одному съ каждой стороны. Самый же тронъ былъ изъ слоновой кости съ золотой инкрустаціей и золотыми локотниками въ видѣ лежащихъ львовъ. Высокая спинка трона завершалась золотымъ дискомъ. Завѣсы изъ фіолетовыхъ и пурпурныхъ тканей висѣли отъ пола до потолка при входѣ въ залу, отдѣляя притворъ, гдѣ между пяти колоннъ толпились истцы, просители и свидѣтели, а также обвиняемые и преступники подъ крѣпкой стражей.

На царѣ былъ надѣтъ красный хитонъ, а на головѣ простой узкій вѣнецъ изъ 60 берилловъ, оправленныхъ въ золото. По правую руку стоялъ тронъ для матери его, Вирсавіи, но въ послѣднее время, благодаря преклоннымъ лѣтамъ, она рѣдко показывалась въ городѣ.

Ассирійскіе гости, съ суровыми чернобородыми лицами, сидѣли вдоль стѣнъ на яшмовыхъ скамьяхъ; на нихъ были свѣтлыя оливковыя одежды, вышитыя по краямъ красными и бѣлыми узорами. Они еще у себя въ Ассиріи слышали такъ много о правосудіи Соломона, что старались не пропустить ни одного изъ его словъ, чтобы потомъ разсказывать о судѣ царя израильтянъ. Между ними сидѣли военачальники Соломоновы, его министры, начальники провинцій и придворные. Здѣсь былъ Ванея, — нѣкогда царскій палачъ, убійца Іоава, Адоніи и Семея, — теперь главный начальникъ войска, невысокій, тучный старецъ съ рѣдкой длинной сѣдой бородой; его выцвѣтшіе голубоватые глаза, окруженные красными, точно вывороченными вѣками, глядѣли по-старчески тупо; ротъ былъ открытъ и мокръ, а мясистая красная нижняя губа безсильно свисала внизъ; голова его была всегда потуплена и слегка дрожала. Былъ также Азарія, сынъ Наѳановъ,

желчный высокій человѣкъ съ сухимъ, болѣзненнымъ лицомъ и темными кругами подъ глазами, и добродушный, разсѣянный Іосафатъ, исторіографъ, и Ахеларъ, начальникъ двора Соломонова, и Завуоъ, носившій высокій титулъ друга царя, и Бенъ-Авинодавъ, женатый на старшей дочери Соломона—Таѳафіи, и Бенъ-Геверъ, начальникъ области Арговіи, что̀ въ Васанѣ; подъ его управленіемъ находилось шестьдесятъ городовъ, окруженныхъ стѣнами, съ воротами на мѣдныхъ затворахъ; и Ваана, сынъ Хушая, нѣкогда славившійся искусствомъ метать копье на разстояніи тридцати парасанговъ, и многіе другіе. Шестьдесятъ воиновъ, блестя золочеными шлемами и щитами, стояло въ рядъ по лѣвую и по правую сторну трона; старшимъ надъ ними сегодня былъ чернокудрый красавецъ Эліавъ, сынъ Ахилуда.

Первымъ предсталъ передъ Соломономъ со своей жалобой нѣкто Ахіоръ, ремесломъ гранильщикъ. Работая въ Белѣ Финикійскомъ, онъ нашелъ драгоцѣнный камень, обдѣлалъ его и попросилъ своего друга Захарію, отправлявшагося въ Іерусалимъ, отдать этотъ камень его, Ахіоровой, женѣ. Черезъ нѣкоторое время возвратился домой и Ахіоръ. Первое, о чемъ онъ спросилъ свою жену, увидѣвшись съ нею,—это о камнѣ. Но она очень удивилась вопросу мужа и клятвенно подтвердила, что никакого камня она не получала. Тогда Ахіоръ отправился за разъясненіемъ къ своему другу Захаріи; но тотъ увѣрялъ, и тоже съ клятвою, что онъ тотчасъ же по пріѣздѣ передалъ камень по назначенію. Онъ даже привелъ двухъ свидѣтелей, подтверждавшихъ, что они видѣли, какъ Захарія при нихъ передавалъ камень женѣ Ахіора.

И вотъ теперь всѣ четверо—Ахіоръ, Захарія и двое свидѣтелей—стояли передъ тономъ царя Израильскаго.

Соломонъ поглядѣлъ каждому изъ нихъ въ глаза поочередно и сказалъ стражѣ:

— Отведите ихъ всѣхъ въ отдѣльные покои и заприте каждаго отдѣльно.

И когда это было исполнено, онъ приказалъ принести четыре куска сырой глины.

— Пусть каждый изъ нихъ,—повелѣлъ царь:—вылѣпитъ изъ глины ту форму, которую имѣлъ камень.

Черезъ нѣкоторое время слѣпки были готовы. Но одинъ изъ свидѣтелей сдѣлалъ свой слѣпокъ въ видѣ лошадиной головы, какъ обычно обдѣлывались драгоцѣнные камни; другой—въ видѣ овечьей головы, и только у двоихъ—у Ахіора и Захаріи — слѣпки были одинаковы, похожіе формой на женскую грудь.

И царь сказалъ:

— Теперь и для слѣпого ясно, что свидѣтели подкуплены Захаріей. Итакъ, пусть Захарія возвратитъ камень Ахіору и вмѣстѣ съ нимъ уплатитъ ему тридцать гражданскихъ сиклей судебныхъ издержекъ и отдастъ десять сиклей священныхъ на храмъ. Свидѣтели же, обличившіе сами себя, пусть заплатятъ по пяти сиклей въ казну за ложное показаніе.

Затѣмъ приблизились къ трону Соломонову три брата, судившіеся о наслѣдствѣ. Отецъ ихъ передъ смертью сказалъ имъ: «Чтобы вы не ссорились при дѣлежѣ, я самъ раздѣлю васъ по справедливости. Когда я умру, идите за холмъ, что въ срединѣ рощи за домомъ, и разройте его. Тамъ найдете вы ящикъ съ тремя отдѣленіями: знайте, что верхнее для старшаго, среднее—для средняго, нижнее—для меньшого изъ братьевъ». И когда, послѣ его смерти, они пошли и сдѣлали, какъ онъ завѣщалъ, то нашли, что верхнее отдѣленіе было наполнено доверху золотыми монетами, между тѣмъ какъ въ среднемъ лежали только простыя кости, а въ нижнемъ куски дерева. И вотъ возникла между меньшими братьями зависть къ старшему и вражда, и жизнь ихъ

сдѣлалась подъ конецъ такой невыносимой, что рѣшили они обратиться къ царю за совѣтомъ и судомъ. Даже и здѣсь, стоя передъ тропомъ, не воздержались они отъ взаимныхъ упрековъ и обидъ.

Царь покачалъ головой, выслушалъ ихъ и сказалъ:

— Оставьте ссоры; тяжелъ камень, вѣсокъ и песокъ, но гнѣвъ глупца тяжелѣе ихъ обоихъ. Отецъ вашъ былъ, очевидно, мудрый и справедливый человѣкъ, и свою волю онъ высказалъ въ своемъ завѣщаніи такъ же ясно, какъ будто бы это совершилось при сотнѣ свидѣтелей. Неужели сразу не догадались вы, несчастные крикуны, что старшему брату онъ оставилъ всѣ деньги, среднему— весь скотъ и всѣхъ рабовъ, а младшему—домъ и пашню. Идите же съ миромъ и не враждуйте больше.

И трое братьевъ—недавніе враги—съ просіявшими лицами поклонились царю въ ноги и вышли изъ судилища рука объ руку.

И еще рѣшилъ царь другое дѣло о наслѣдствѣ, нашатое три дня тому назадъ. Одинъ человѣкъ, умирая, сказалъ, что онъ оставляетъ все свое имущество достойнѣйшему изъ двухъ его сыновей. Но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не соглашался признать себя худшимъ, то и обратились они къ царю.

Соломонъ спросилъ ихъ, кто они по дѣламъ своимъ, и, услышавъ въ отвѣтъ, что оба они охотники-лучники, сказалъ:

— Возвращайтесь домой. Я прикажу поставить у дерева трупъ вашего отца. Посмотримъ сначала, кто изъ васъ мѣтче попадетъ ему стрѣлой въ грудь, а потомъ рѣшимъ ваше дѣло.

Теперь оба брата возвратились назадъ въ сопровожденіи человѣка, посланнаго царемъ съ ними для присмотра. Его и разспрашивалъ Соломонъ о состязаніи.

— Я исполнилъ все, что ты приказалъ, царь, — ска-

залъ этотъ человѣкъ.—Я поставилъ трупъ старика у дерева и далъ каждому изъ братьевъ ихъ луки и стрѣлы. Старшій стрѣлялъ первымъ. На разстояніи ста двадцати локтей онъ попалъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ бьется у живого человѣка сердце.

— Прекрасный выстрѣлъ, — сказалъ Соломонъ. — А младшій?

— Младшій... Прости меня, царь, я не могъ настоять на томъ, чтобы твое повелѣніе было исполнено въ точности... Младшій натянулъ тетиву и положилъ уже на нее стрѣлу, но вдругъ опустилъ лукъ къ ногамъ, повернулся и сказалъ, заплакавъ: «Нѣтъ, я не могу сдѣлать этого... Не буду стрѣлять въ трупъ моего отца».

— Такъ пусть ему и принадлежитъ имѣніе его отца,— рѣшилъ царь. — Онъ оказался достойнѣйшимъ сыномъ. Старшій же, если хочетъ, можетъ поступить въ число моихъ тѣлохранителей. Мнѣ нужны такіе сильные и жадные люди, съ мѣткою рукою, вѣрнымъ взглядомъ и съ сердцемъ, обросшимъ шерстью.

Затѣмъ предстали предъ царемъ три человѣка. Ведя общее торговое дѣло, нажили они много денегъ. И вотъ, когда пришла имъ пора ѣхать въ Іерусалимъ, то зашили они золото въ кожаный поясъ и пустились въ путь. Дорогою заночевали они въ лѣсу, а поясъ для сохранности зарыли въ землю. Когда же они проснулись на утро, то не нашли пояса въ томъ мѣстѣ, куда его положили.

Каждый изъ нихъ обвинялъ другого въ тайномъ похищеніи, и такъ какъ всѣ трое казались людьми очень хитрыми и тонкими въ рѣчахъ, то сказалъ имъ царь:

— Прежде, чѣмъ я рѣшу ваше дѣло, выслушайте то, что я разскажу вамъ. Одна красивая дѣвица обѣщала своему возлюбленному, отправлявшемуся въ путешествіе, ждать его возвращенія и никому не отдавать своего дѣвства, кромѣ него. Но, уѣхавъ, онъ въ непродолжитель-

номъ времени женился въ другомъ городѣ на другой дѣвушкѣ, и она узнала объ этомъ. Между тѣмъ къ ней посватался богатый и добросердечный юноша изъ ея города, другъ ея дѣтства. Понуждаемая родителями, она не рѣшилась отъ стыда и страха сказать ему о своемъ обѣщаніи и вышла за него замужъ. Когда же по окончаніи брачнаго пира онъ повелъ ее въ спальню и хотѣлъ лечь съ нею, она стала умолять его: «Позволь мнѣ сходить въ тотъ городъ, гдѣ живетъ прежній мой возлюбленный. Пусть онъ сниметъ съ меня клятву, тогда я возвращусь къ тебѣ и сдѣлаю все, что ты хочешь!» И такъ какъ юноша очень любилъ ее, то согласился на ея просьбу, отпустилъ ее, и она пошла. Дорогой напалъ на нее разбойникъ, ограбилъ ее и уже хотѣлъ ее изнасиловать. Но дѣвица упала передъ нимъ на колѣни и въ слезахъ молила пощадить ея цѣломудріе, и разсказала она разбойнику все, что произошло съ ней, и зачѣмъ идетъ она въ чужой городъ. И разбойникъ, выслушавъ ее, такъ удивился ея вѣрности слову и такъ тронулся добротой ея жениха, что не только отпустилъ дѣвушку съ миромъ, но и возвратилъ ей отнятыя драгоцѣнности. Теперь спрашиваю я васъ, кто изъ всѣхъ трехъ поступилъ лучше предъ лицомъ Бога—дѣвица, женихъ или разбойникъ?

И одинъ изъ судившихся сказалъ, что дѣвица болѣе всѣхъ достойна похвалы за свою твердость въ клятвѣ. Другой удивлялся великой любви ея жениха; третій же находилъ самымъ великодушнымъ поступокъ разбойника.

И сказалъ царь послѣднему:

— Значитъ, ты и укралъ поясъ съ общимъ золотомъ, потому что по своей природѣ ты жаденъ и желаешь чужого.

Человѣкъ же этотъ, передавъ свой дорожный посохъ одному изъ товарищей, сказалъ, поднявъ руки кверху, какъ бы для клятвы:

— Свидѣтельствую передъ Іеговой, что золото не у меня, а у него!

Царь улыбнулся и приказалъ одному изъ своихъ воиновъ:

— Возьми жезлъ этого человѣка и разломи его пополамъ.

И когда воинъ исполнилъ повелѣніе Соломона, то посыпались на полъ золотыя монеты, потому что онѣ были спрятаны внутри выдолбленной палки; воръ же, пораженный мудростью царя, упалъ ницъ передъ его тономъ и признался въ своемъ преступленіи.

Также пришла въ домъ Ливанскій женщина, бѣдная вдова каменщика, и сказала:

— Я прошу правосудія, царь! На послѣдніе два динарія, которые у меня оставались, я купила муки, насыпала ее вотъ въ эту большую глиняную чашу и понесла домой. Но вдругъ поднялся сильный вѣтеръ и развѣялъ мою муку. О, мудрый царь, кто возвратитъ мнѣ этотъ убытокъ! Мнѣ теперь нечѣмъ накормить моихъ дѣтей.

— Когда это было?—спросилъ царь.

— Это случилось сегодня утромъ, на зарѣ.

И вотъ Соломонъ приказалъ позвать нѣсколькихъ богатыхъ купцовъ, корабли которыхъ должны были въ этотъ день отправляться съ товарами въ Финикію черезъ Іаффу. И когда они явились, встревоженные, въ залу судилища, царь спросилъ ихъ:

— Молили ли вы Бога или боговъ о попутномъ вѣтрѣ для вашихъ кораблей?

И они отвѣтили:

— Да, царь! Это такъ. И Богу были угодны наши жертвы, потому что Онъ послалъ намъ добрый вѣтеръ.

— Я радуюсь за васъ,—сказалъ Соломонъ.—Но тотъ же вѣтеръ развѣялъ у бѣдной женщины муку, которую

она несла въ чашѣ. Не находите ли вы справедливымъ, что вамъ нужно вознаградить ее?

И они, обрадованные тѣмъ, что только за этимъ призывалъ ихъ царь, тотчасъ же набросали женщинѣ полную чашу мелкой и крупной серебряной монеты. Когда же она со слезами стала благодарить царя, онъ ясно улыбнулся и сказалъ:

— Подожди, это еще не все. Сегодняшній утренній вѣтеръ далъ и мнѣ радость, которой я не ожидалъ. Итакъ, къ дарамъ этихъ купцовъ я прибавлю и свой царскій даръ.

И онъ повелѣлъ Адонираму, казначею, положить сверхъ денегъ купцовъ столько золотыхъ монетъ, чтобы вовсе не было видно подъ ними серебра.

Никого не хотѣлъ Соломонъ видѣть въ этотъ день несчастнымъ. Онъ роздалъ столько наградъ, пенсій и подарковъ, сколько не раздавалъ иногда въ цѣлый годъ, и простилъ онъ Ахимааса, правителя земли Нефоалимовой, на котораго прежде пылалъ гнѣвомъ за беззаконные поборы, и сложилъ вины многимъ, преступившимъ законъ, и не оставилъ онъ безъ вниманія просьбъ своихъ подданныхъ, кромѣ одной.

Когда выходилъ царь изъ дома Ливанскаго малыми южными дверями, сталъ на его пути нѣкто въ желтой кожаной одеждѣ, приземистый, широкоплечій человѣкъ съ темно-краснымъ сумрачнымъ лицомъ, съ черною густою бородою, съ воловьей шеей и съ суровымъ взглядомъ изъ-подъ косматыхъ черныхъ бровей. Это былъ главный жрецъ капища Молоха. Онъ произнесъ только одно слово умоляющимъ голосомъ:

— Царь!..

Въ бронзовомъ чревѣ его бога было семь отдѣленій: одно для муки, другое для голубей, третье для овецъ, четвертое для барановъ, пятое для телятъ, шестое для

быковъ, седьмое же, предназначенное для живыхъ младенцевъ, приносимыхъ ихъ матерями, давно пустовало по запрещенію царя.

Соломонъ прошелъ молча мимо жреца, но тотъ протянулъ вслѣдъ ему руки и воскликнулъ съ мольбой:

— Царь! Заклинаю тебя твоей радостью!.. Царь, окажи мнѣ эту милость, и я открою тебѣ, какой опасности подвергается твоя жизнь.

Соломонъ не отвѣтилъ, и жрецъ, сжавъ кулаки сильныхъ рукъ, проводилъ его до выхода яростнымъ взглядомъ.

VI.

Вечеромъ пошла Суламиѳь въ старый городъ, туда, гдѣ длинными рядами тянулись лавки мѣнялъ, ростовщиковъ и торговцевъ благовонными снадобьями. Тамъ продала она ювелиру за три драхмы и одинъ динарій свою единственную драгоцѣнность — праздничныя серьги, серебряныя, кольцами, съ золотой звѣздочкой каждая.

Потомъ она зашла къ продавцу благовоній. Въ глубокой, темной каменной нишѣ, среди банокъ съ сѣрой аравійской амброй, пакетовъ съ ливанскимъ ладаномъ, пучковъ ароматическихъ травъ и склянокъ съ маслами — сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и щуря лѣнивые глаза, неподвижный, самъ весь благоухающій, старый, жирный, сморщенный скопецъ-египтянинъ. Онъ осторожно отсчиталъ изъ финикійской склянки въ маленькій глиняный флакончикъ ровно столько капель мирры, сколько было динаріевъ во всѣхъ деньгахъ Суламиѳи, и когда онъ окончилъ это дѣло, то сказалъ, подбирая пробкой остатокъ масла вокругъ горлышка и лукаво смѣясь:

— Смуглая дѣвушка, прекрасная дѣвушка! Когда сегодня твой милый поцѣлуетъ тебя между грудей и ска-

жетъ: «Какъ хорошо пахнетъ твое тѣло, о, моя возлюбленная!»—ты вспомни обо мнѣ въ этотъ мигъ. Я перелилъ тебѣ три лишнія капли.

И вотъ, когда наступила ночь и луна поднялась надъ Силоамомъ, перемѣшавъ синюю бѣлизну его домовъ съ черной синевой тѣней и съ матовой зеленью деревьевъ, встала Суламиѳь съ своего бѣднаго ложа изъ козьей шерсти и прислушалась. Все было тихо въ домѣ. Сестра ровно дышала у стѣны, на полу. Только снаружи, въ придорожныхъ кустахъ, сухо и страстно кричали цикады, и кровь толчками шумѣла въ ушахъ. Рѣшетка окна, вырисованная луннымъ свѣтомъ, четко и косо лежала на полу.

Дрожа отъ робости, ожиданья и счастья, разстегнула Суламиѳь свои одежды, опустила ихъ внизъ къ ногамъ и, перешагнувъ черезъ нихъ, осталась среди комнаты нагая, лицомъ къ окну, освѣщенная луною черезъ переплетъ рѣшетки. Она налила густую благовонную мирру себѣ на плечи, на грудь, на животъ и, боясь потерять хоть одну драгоцѣнную каплю, стала быстро растирать масло по ногамъ, подъ мышками и вокругъ шеи. И гладкое, скользящее прикосновеніе ея ладоней и локтей къ тѣлу заставляло ее вздрагивать отъ сладкаго предчувствія. И, улыбаясь и дрожа, глядѣла она въ окно, гдѣ за рѣшеткой виднѣлись два тополя, темные съ одной стороны, осеребренные съ другой, и шептала про себя:

— Это для тебя, мой милый, это для тебя, возлюбленный мой. Милый мой лучше десяти тысячъ другихъ, голова его — чистое золото, волосы его волнистые, черные, какъ воронъ. Уста его—сладость, и весь онъ—желаніе. Вотъ кто возлюбленный мой, вотъ кто братъ мой, дочери іерусалимскія!..

И вотъ, благоухающая миррой, легла она на свое ложе. Лицо ея обращено къ окну; руки она, какъ дитя, за-

жала между колѣнями, сердце ея громко бьется въ комнатѣ. Проходитъ много времени. Почти не закрывая глазъ, она погружается въ дремоту, но сердце ея бодрствуетъ. Ей грезится, что милый лежитъ съ ней рядомъ. Правая рука у нея подъ головой, лѣвой онъ обнимаетъ ее. Въ радостномъ испугѣ сбрасываетъ она съ себя дремоту, ищетъ возлюбленнаго около себя на ложѣ, но не находитъ никого. Лунный узоръ на полу передвинулся ближе къ стѣнѣ, укоротился и сталъ косѣе. Кричатъ цикады, монотонно лепечетъ Кедронскій ручей, слышно, какъ въ городѣ заунывно поетъ ночной сторожъ.

«Что, если онъ не придетъ сегодня,—думаетъ Суламиѳь:—я просила его, и вдругъ онъ послушался меня?.. Заклинаю васъ, дочери іерусалимскія, сернами и полевыми лиліями: не будите любви, доколѣ она не придетъ... Но вотъ любовь посѣтила меня. Приди скорѣй, мой возлюбленный! Невѣста ждетъ тебя. Будь быстръ, какъ молодой олень въ горахъ бальзамическихъ».

Песокъ захрустѣлъ на дворѣ подъ легкими шагами. И души не стало въ дѣвушкѣ. Осторожная рука стучитъ въ окно. Темное лицо мелькаетъ за рѣшеткой. Слышится тихій голосъ милаго:

— Отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! Голова моя покрыта росой.

Но волшебное оцѣпенѣніе овладѣваетъ вдругъ тѣломъ Суламиѳи. Она хочетъ встать и не можетъ, хочетъ пошевельнуть рукою и не можетъ. И, не понимая, что съ нею дѣлается, она шепчетъ, глядя въ окно:

— Ахъ, кудри его полны ночною влагой! Но я скинула мой хитонъ. Какъ же мнѣ опять надѣть его?

— Встань, возлюбленная моя. Прекрасная моя, выйди. Близится утро, раскрываются цвѣты, виноградъ льетъ свое благоуханіе, время пѣнія настало, голосъ горлицы доносится съ горъ.

— Я вымыла ноги мои,—шепчетъ Суламиѳь:—какъ же мнѣ ступать ими на полъ?

Темная голова исчезаетъ изъ оконнаго переплета, звучные шаги обходятъ домъ, затихаютъ у двери. Милый осторожно просовываетъ руку сквозь дверную скважину. Слышно, какъ онъ ищетъ пальцами внутреннюю задвижку.

Тогда Суламиѳь встаетъ, крѣпко прижимаетъ ладони къ грудямъ и шепчетъ въ страхѣ:

— Сестра моя спитъ, я боюсь разбудить ее.

Она нерѣшительно обуваетъ сандаліи, надѣваетъ на голое тѣло легкій хитонъ, накидываетъ сверхъ него покрывало и открываетъ дверь, оставляя на ея замкѣ слѣды мирры. Но никого уже нѣтъ на дорогѣ, которая одиноко бѣлѣетъ среди темныхъ кустовъ въ сѣрой утренней мглѣ. Милый не дождался — ушелъ, даже шаговъ его не слышно. Луна уменьшилась и поблѣднѣла и стоитъ высоко. На востокѣ надъ волнами горъ холодно розовѣетъ небо передъ зарею. Вдали бѣлѣютъ стѣны и дома іерусалимскіе.

— Возлюбленный мой! Царь жизни моей! — кричитъ Суламиѳь во влажную темноту. — Вотъ я здѣсь. Я жду тебя... Вернись!

Но никто не отзывается.

«Побѣгу же я по дорогѣ, догоню, догоню моего милаго,—говоритъ про себя Суламиѳь. — Пойду по городу, по улицамъ, по площадямъ, буду искать того, кого любитъ душа моя. О, если бы ты былъ моимъ братомъ, сосавшимъ грудь матери моей! Я встрѣтила бы тебя на улицѣ и цѣловала бы тебя, и никто не осудилъ бы меня. Я взяла бы тебя за руку и привела бы въ домъ матери моей. Ты училъ бы меня, а я поила бы тебя сокомъ гранатовыхъ яблоковъ. Заклинаю васъ, дочери іерусалимскія: если встрѣтите возлюбленнаго моего, скажите ему, что я уязвлена любовью».

Такъ говоритъ она самой себѣ и легкими, послушными шагами бѣжитъ по дорогѣ къ городу. У Навозныхъ воротъ около стѣны сидятъ и дремлютъ въ утренней прохладѣ двое сторожей, обходившихъ ночью городъ. Они просыпаются и смотрятъ съ удивленіемъ на бѣгущую дѣвушку. Младшій изъ нихъ встаетъ и загораживаетъ ей дорогу распростертыми руками.

— Подожди, подожди, красавица! — восклицаетъ онъ со смѣхомъ. — Куда такъ скоро? Ты провела тайкомъ ночь въ постели у своего любезнаго и еще тепла отъ его объятій, а мы продрогли отъ ночной сырости. Будетъ справедливо, если ты немножко посидишь съ нами.

Старшій тоже поднимается и хочетъ обнять Суламиѳь. Онъ не смѣется, онъ дышитъ тяжело, часто и со свистомъ, онъ облизываетъ языкомъ синія губы. Лицо его, обезображенное большими шрамами отъ зажившей проказы, кажется страшнымъ въ блѣдной мглѣ. Онъ говоритъ гнусавымъ и хриплымъ голосомъ:

— И правда. Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ мужчинъ, милая дѣвушка! Закрой глаза, и ты не отличишь меня отъ него. Я даже лучше, потому что, навѣрно, поопытнѣе его.

Они хватаютъ ее за грудь, за плечи, за кисти рукъ, за одежду. Но Суламиѳь гибка и сильна, и тѣло ея, умащенное масломъ, скользко. Она вырывается, оставивъ въ рукахъ сторожей свое верхнее покрывало, и еще быстрѣе бѣжитъ назадъ прежней дорогой. Она не испытала ни обиды ни страха — она вся поглощена мыслью о Соломонѣ. Проходя мимо своего дома, она видитъ, что дверь, изъ которой она только-что вышла, такъ и осталась отворенной, зіяя чернымъ четырехугольникомъ на бѣлой стѣнѣ. Но она только затаиваетъ дыханіе, съежывается, какъ молодая кошка, и на цыпочкахъ, беззвучно пробѣгаетъ мимо.

Она переходитъ черезъ Кедронскій мостъ, огибаетъ окраину Силоамской деревни и каменистой дорогой взбирается постепенно на южный склонъ Ватнъ-Эль-Хава, въ свой виноградникъ. Братъ ея спитъ еще между лозами, завернувшись въ шерстяное одѣяло, все мокрое отъ росы. Суламиѳь будитъ его, но онъ не можетъ проснуться, окованный молодымъ утреннимъ сномъ.

Какъ и вчера, заря пылаетъ надъ Аназе. Подымается вѣтеръ. Струится ароматъ виноградного цвѣтенія.

— Пойду, погляжу на то мѣсто у стѣны, гдѣ стоялъ мой возлюбленный, — говоритъ Суламиѳь. — Прикоснусь руками къ камнямъ, которые онъ трогалъ, поцѣлую землю подъ его ногами.

Легко скользитъ она между лозами. Роса падаетъ съ нихъ и холодитъ ей ноги и брызжетъ на ея локти. И вотъ радостный крикъ Суламиѳи оглашаетъ виноградникъ! Царь стоитъ за стѣной. Онъ съ сіяющимъ лицомъ протягиваетъ ей навстрѣчу руки.

Легче птицы переносится Суламиѳь черезъ ограду и безъ словъ, со стономъ счастья обвивается вокругъ царя.

Такъ проходитъ нѣсколько минутъ. Наконецъ, отрываясь губами отъ ея рта, Соломонъ говоритъ въ упоеніи, и голосъ его дрожитъ:

— О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!

— О, какъ ты прекрасенъ, возлюбленный мой!

Слезы восторга и благодарности — блаженныя слезы блестятъ на блѣдномъ и прекрасномъ лицѣ Суламиѳи. Изнемогая отъ любви, она опускается на землю и едва слышно шепчетъ безумныя слова

— Ложе у насъ—зелень. Кедры—потолокъ надъ нами... Лобзай меня лобзаніемъ устъ своихъ. Ласки твои лучше вина...

Спустя небольшое время Суламиѳь лежитъ головою на груди Соломона. Его лѣвая рука обнимаетъ ее.

Склонившись къ самому ея уху, царь шепчетъ ей что-то, царь нѣжно извиняется, и Суламиѳь краснѣетъ отъ его словъ и закрываетъ глаза. Потомъ съ невыразимо-прелестной улыбкой смущенія она говоритъ:

— Братья мои поставили меня стеречь виноградникъ... а своего виноградника я не уберегла.

Но Соломонъ беретъ ея маленькую темную руку и горячо прижимаетъ ее къ губамъ.

— Ты не жалѣешь объ этомъ, Суламиѳь?

— О, нѣтъ, царь мой, возлюбленный мой, я не жалѣю. Если бы ты сейчасъ же всталъ и ушелъ отъ меня, и если бы я осуждена была никогда потомъ не видѣть тебя, я до конца моей жизни буду произносить съ благодарностью твое имя, Соломонъ!

— Скажи мнѣ еще, Суламиѳь... Только, прошу тебя, скажи правду, чистая моя... Знала ли ты, кто я?

— Нѣтъ, я и теперь не знаю этого. Я думала... Но мнѣ стыдно признаться... Я боюсь, ты будешь смѣяться надо мной... Разсказываютъ, что здѣсь, на горѣ Ватнъ-Эль-Хавъ, иногда бродятъ языческіе боги... Многіе изъ нихъ, говорятъ, прекрасны... И я думала: не Горъ ли ты, сынъ Озириса, или иной богъ?

— Нѣтъ, я только царь, возлюбленная. Но вотъ на этомъ мѣстѣ я цѣлую твою милую руку, опаленную солнцемъ, и клянусь тебѣ, что еще никогда: ни въ пору первыхъ любовныхъ томленій юности, ни въ дни моей славы не горѣло мое сердце такимъ неутолимымъ желаніемъ, которое будитъ во мнѣ одна твоя улыбка, одно прикосновеніе твоихъ огненныхъ кудрей, одинъ изгибъ твоихъ пурпуровыхъ губъ! Ты прекрасна, какъ шатры Кидарскіе, какъ завѣсы въ храмѣ Соломоновомъ! Ласки твои опьяняютъ меня. Вотъ груди твои — онѣ ароматны. Сосцы твои — какъ вино!

— О, да, гляди, гляди на меня, возлюбленный. Глаза

твои волнуютъ меня! О, какая радость: вѣдь это ко мнѣ, ко мнѣ обращено желаніе твое! Волосы твои душисты. Ты лежишь какъ мирровый пучокъ у меня между грудей!

Время прекращаетъ свое теченіе и смыкается надъ ними солнечнымъ кругомъ. Ложе у нихъ — зелень, кровля — кедры, стѣны—кипарисы. И знамя надъ ихъ шатромъ—любовь.

VII.

Бассейнъ былъ у царя во дворцѣ, восьмиугольный, прохладный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора. Темно-зеленыя малахитовыя ступени спускались къ его дну. Облицовка изъ египетской яшмы, снѣжно-бѣлой съ розовыми, чуть замѣтными прожилками, служила ему рамою. Лучшее черное дерево пошло на отдѣлку стѣнъ. Четыре львиныя головы изъ розоваго сардоникса извергали тонкими струями воду въ бассейнъ. Восемь серебряныхъ отполированныхъ зеркалъ отличной сидонской работы, въ ростъ человѣка, были вдѣланы въ стѣны между легкими бѣлыми колоннами.

Передъ тѣмъ, какъ войти Суламиѳи въ бассейнъ, молодыя прислужницы влили въ него ароматные составы, и вода отъ нихъ побѣлѣла, поголубѣла и заиграла переливами молочнаго опала. Съ восхищеніемъ глядѣли рабыни, раздѣвавшія Суламиѳь, на ея тѣло и, когда раздѣли, подвели ее къ зеркалу. Ни одного недостатка не было въ ея прекрасномъ тѣлѣ, озолоченномъ, какъ смуглый зрѣлый плодъ, золотымъ пухомъ нѣжныхъ волосъ. Она же, глядя на себя нагую въ зеркало, краснѣла и думала:

«Все это для тебя, мой царь!»

Она вышла изъ бассейна свѣжая, холодная и благоухающая, покрытая дрожащими каплями воды. Рабыни

надѣли на нее короткую бѣлую тунику изъ тончайшаго египетскаго льна и хитонъ изъ драгоцѣннаго саргонскаго виссона, такого блестящаго золотого цвѣта, что одежда казалась сотканной изъ солнечныхъ лучей. Онѣ обули ея ноги въ красныя сандаліи изъ кожи молодого козленка, онѣ осушили ея темно-огненные кудри и перевили ихъ нитями крупнаго чернаго жемчуга, и украсили ея руки звенящими запястьями.

Въ такомъ нарядѣ предстала она предъ Соломономъ, и царь воскликнулъ радостно:

— Кто это, блистающая, какъ заря, прекрасная, какъ луна, свѣтлая, какъ солнце? О, Суламиѳь, красота твоя грознѣе, чѣмъ полки съ распущенными знаменами! Семьсотъ женъ я зналъ и триста наложницъ, и дѣвицъ безъ числа, но единственная — ты, прекрасная моя! Увидятъ тебя царицы и превознесутъ, и поклонятся тебѣ наложницы, и восхвалятъ тебя всѣ женщины на землѣ. О, Суламиѳь, тотъ день, когда ты сдѣлаешься моей женой и царицей, будетъ самымъ счастливымъ для моего сердца.

Она же подошла къ рѣзной масличной двери и, прижавшись къ ней щекою, сказала:

— Я хочу быть только твоею рабою, Соломонъ. Вотъ я приложила ухо мое къ дверному косяку. И прошу тебя: по закону Моисееву, пригвозди мнѣ ухо, въ свидѣтельство моего добровольнаго рабства предъ тобою.

Тогда Соломонъ приказалъ принести изъ своей сокровищницы драгоцѣнныя подвѣски изъ глубоко-красныхъ карбункуловъ, обдѣланныхъ въ видѣ удлиненныхъ грушъ. Онъ самъ продѣлъ ихъ въ уши Суламиѳи и сказалъ:

— Возлюбленная моя принадлежитъ мнѣ, а я ей.

И, взявъ Суламиѳь за руку, повелъ ее царь въ залу пиршества, гдѣ уже дожидались его друзья и приближенные.

VIII.

Семь дней прошло съ того утра, когда вступила Суламиѳь въ царскій дворецъ. Семь дней она и царь наслаждались любовью и не могли насытиться ею.

Соломонъ любилъ украшать свою возлюбленную драгоцѣнностями. «Какъ стройны твои маленькія ноги въ сандаліяхъ!»—восклицалъ онъ съ восторгомъ и, становясь передъ нею на колѣни, цѣловалъ поочередно пальцы на ея ногахъ и нанизывалъ на нихъ кольца съ такими прекрасными и рѣдкими камнями, какихъ не было даже на эфодѣ первосвященника. Суламиѳь заслушивалась его, когда онъ разсказывалъ ей о внутренней природѣ камней, о ихъ волшебныхъ свойствахъ и таинственныхъ значеніяхъ.

— Вотъ анфраксъ, священный камень земли Офиръ,— говорилъ царь. — Онъ горячъ и влаженъ. Погляди, онъ красенъ, какъ кровь, какъ вечерняя заря, какъ распустившійся цвѣтъ граната, какъ густое вино изъ виноградниковъ эигедскихъ, какъ твои губы, моя Суламиѳь, какъ твои губы утромъ, послѣ ночи любви. Это камень любви, гнѣва и крови. На рукѣ человѣка, томящагося въ лихорадкѣ или опьяненнаго желаніемъ, онъ становится теплѣе и горитъ краснымъ пламенемъ. Надѣнь его на руку, моя возлюбленная, и ты увидишь, какъ онъ загорится. Если его растолочь въ порошокъ и принимать съ водой, онъ даетъ румянецъ лицу, успокаиваетъ желудокъ и веселитъ душу. Носящій его пріобрѣтаетъ власть надъ людьми. Онъ врачуетъ сердце, мозгъ и память. Но при дѣтяхъ не слѣдуетъ его носить, потому что онъ будитъ вокругъ себя любовныя страсти.

«Вотъ прозрачный камень цвѣта мѣдной яри. Въ странѣ ээіоповъ, гдѣ онъ добывается, его называютъ

Мгнадисъ-Фза. Мнѣ подарилъ его отецъ моей жены, царицы Астисъ, египетскій фараонъ Суссакимъ, которому этотъ камень достался отъ плѣннаго царя. Ты видишь— онъ некрасивъ, но цѣна его неисчислима, потому что только четыре человѣка на землѣ владѣютъ камнемъ Мгнадизъ-Фза. Онъ обладаетъ необыкновеннымъ качествомъ притягивать къ себѣ серебро, точно жадный и сребролюбивый человѣкъ. Я тебѣ его дарю, моя возлюбленная, потому что ты безкорыстна.

«Посмотри, Суламиѳь, на эти сапфиры. Одни изъ нихъ похожи цвѣтомъ на васильки въ пшеницѣ, другіе на осеннее небо, иные на море въ ясную погоду. Это камень дѣвственности—холодный и чистый. Во время далекихъ и тяжелыхъ путешествій его кладутъ въ ротъ для утоленія жажды. Онъ также излѣчиваетъ проказу и всякіе злые наросты. Онъ даетъ ясность мыслямъ. Жрецы Юпитера въ Римѣ носятъ его на указательномъ пальцѣ.

«Царь всѣхъ камней — камень Шамиръ. Греки называютъ его Адамасъ, что̀ значитъ — неодолимый. Онъ крѣпче всѣхъ веществъ на свѣтѣ и остается невредимымъ въ самомъ сильномъ огнѣ. Это свѣтъ солнца, сгустившійся въ землѣ и охлажденный временемъ. Полюбуйся, Суламиѳь, онъ играетъ всѣми цвѣтами, но самъ остается прозрачнымъ, точно капля воды. Онъ сіяетъ въ темнотѣ ночи, но даже днемъ теряетъ свой свѣтъ на рукѣ убійцы. Шамиръ привязываютъ къ рукѣ женщины, которая мучится тяжелыми родами, и его также надѣваютъ воины на лѣвую руку, отправляясь въ бой. Тотъ, кто носитъ Шамиръ—угоденъ царямъ и не боится злыхъ духовъ. Шамиръ сгоняетъ пестрый цвѣтъ съ лица, очищаетъ дыханіе, даетъ спокойный сонъ лунатикамъ и отпотѣваетъ отъ близкаго сосѣдства съ ядомъ. Камни Шамиръ бываютъ мужскіе и женскіе; зарытые глубоко въ землю, они способны размножаться.

«Лунный камень, блѣдный и кроткій, какъ сіяніе луны — это камень маговъ халдейскихъ и вавилонскихъ. Передъ прорицаніями они кладутъ его подъ языкъ, и онъ сообщаетъ имъ даръ видѣть будущее. Онъ имѣетъ странную связь съ луною, потому что въ новолуніе холодѣетъ и сіяетъ ярче. Онъ благопріятенъ для женщины въ тотъ годъ, когда она изъ ребенка становится дѣвушкой.

«Это кольцо съ смарагдомъ ты носи постоянно, возлюбленная, потому что смарагдъ—любимый камень Соломона, царя Израильскаго. Онъ зеленъ, чистъ, веселъ и нѣженъ, какъ трава весенняя, и когда смотришь на него долго, то свѣтлѣетъ сердце; если поглядѣть на него съ утра, то весь день будетъ для тебя легкимъ. У тебя надъ ночнымъ ложемъ я повѣшу смарагдъ, прекрасная моя: пусть онъ отгоняетъ отъ тебя дурные сны, утишаетъ біеніе сердца и отводитъ черныя мысли. Кто носитъ смарагдъ, къ тому не приближаются змѣи и скорпіоны; если же держать смарагдъ передъ глазами змѣи, то польется изъ нихъ вода и будетъ литься до тѣхъ поръ, пока она не ослѣпнетъ. Толченый смарагдъ даютъ отравленному ядомъ человѣку вмѣстѣ съ горячимъ верблюжьимъ молокомъ, чтобы вышелъ ядъ испариной; смѣшанный съ розовымъ масломъ, смарагдъ врачуетъ укусы ядовитыхъ гадовъ, а растертый съ шафраномъ и приложенный къ больнымъ глазамъ исцѣляетъ куриную слѣпоту. Помогаетъ онъ еще отъ кроваваго поноса и при черномъ кашлѣ, который неизлѣчимъ никакими средствами человѣческими».

Дарилъ также царь своей возлюбленной ливійскіе аметисты, похожіе цвѣтомъ на раннія фіалки, распускающіяся въ лѣсахъ у подножія Ливійскихъ горъ, — аметисты, обладавшіе чудесной способностью обуздывать вѣтеръ, смягчать злобу, предохранять отъ опьянѣнія и по-

могать при ловлѣ дикихъ звѣрей; персепольскую бирюзу, которая приноситъ счастье въ любви, прекращаетъ ссору супруговъ, отводитъ царскій гнѣвъ и благопріятствуетъ при укрощеніи и продажѣ лошадей; и кошачій глазъ — оберегающій имущество, разумъ и здоровье своего владѣльца; и блѣдный, сине-зеленый, какъ морская вода у берега, вериллій — средство отъ бѣльма и проказы, добрый спутникъ странниковъ; и разноцвѣтный агатъ—носящій его не боится козней враговъ и избѣгаетъ опасности быть раздавленнымъ во время землетрясенія; и нефритъ, почечный камень, отстраняющій удары молніи; и яблочно-зеленый, мутно-прозрачный онихій — сторожъ хозяина отъ огня и сумасшествія; и ясписъ, заставляющій дрожать звѣрей; и черный ласточкинъ камень, дающій краснорѣчіе; и уважаемый беременными женщинами орлиный камень, который орлы кладутъ въ свои гнѣзда, когда приходитъ пора вылупляться ихъ птенцамъ; и заберзатъ изъ Офира, сіяющій какъ маленькія солнца; и желто-золотистый хрисолитъ—другъ торговцевъ и воровъ; и сардоникъ, любимый царями и царицами; и малиновый лигирій: его находятъ, какъ извѣстно, въ желудкѣ рыси, зрѣніе которой такъ остро, что она видитъ сквозь стѣны,— поэтому и носящіе лигирій отличаются зоркостью глазъ,— кромѣ того онъ останавливаетъ кровотеченіе изъ носу и заживляетъ всякія раны, исключая ранъ, нанесенныхъ камнемъ и желѣзомъ.

Надѣвалъ царь на шею Суламиои многоцѣнныя ожерелья изъ жемчуга, который ловили его подданные въ Персидскомъ морѣ, и жемчугъ отъ теплоты ея тѣла пріобрѣталъ живой блескъ и нѣжный цвѣтъ. И кораллы становились краснѣе на ея смуглой груди, и оживала бирюза на ея пальцахъ, и издавали въ ея рукахъ трескучія искры тѣ желтыя янтарныя бездѣлушки, которыя привозили въ даръ царю Соломону съ береговъ да-

лскихъ сѣверныхъ морей отважные корабельщики царя Хирама Тирскаго.

Златоцвѣтомъ и лиліями покрывала Суламиѳь свое ложе, приготовляя его къ ночи, и, покоясь на ея груди, говорилъ царь въ веселіи сердца:

— Ты похожа на царскую ладью въ странѣ Офиръ, о, моя возлюбленная, на золотую легкую ладью, которая плыветъ, качаясь, по священной рѣкѣ, среди бѣлыхъ ароматныхъ цвѣтовъ.

Такъ посѣтила царя Соломона — величайшаго изъ царей и мудрѣйшаго изъ мудрецовъ — его первая и послѣдняя любовь.

Много вѣковъ прошло съ той поры. Были царства и цари, и отъ нихъ не осталось слѣда, какъ отъ вѣтра, пробѣжавшаго надъ пустыней. Были длинныя безпощадныя войны, послѣ которыхъ имена полководцевъ сіяли въ вѣкахъ точно кровавыя звѣзды, но время стерло даже самую память о нихъ.

Любовь же бѣдной дѣвушки изъ виноградника и великаго царя никогда не пройдетъ и не забудется, потому что крѣпка, какъ смерть, любовь, потому что каждая женщина, которая любитъ, — царица, потому что любовь — прекрасна!

IX.

Семь дней прошло съ той поры, когда Соломонъ—поэтъ, мудрецъ и царь — привелъ въ свой дворецъ бѣдную дѣвушку, встрѣченную имъ въ виноградникѣ на разсвѣтѣ. Семь дней наслаждался царь ея любовью и не могъ насытиться ею. И великая радость освѣщала его лицо, точно золотое солнечное сіяніе.

Стояли свѣтлыя, теплыя, лунныя ночи—сладкія ночи любви! На ложѣ изъ тигровыхъ шкуръ лежала обнаженная Суламиѳь, и царь, сидя на полу у ея ногъ, наполнялъ свой изумрудный кубокъ золотистымъ виномъ изъ Мареотиса и пилъ за здоровье своей возлюбленной, веселясь всѣмъ сердцемъ, и разсказывалъ онъ ей мудрыя древнія странныя сказанія. И рука Суламиѳи покоилась на его головѣ, гладила его волнистые черные волосы.

— Скажи мнѣ, мой царь, — спросила однажды Суламиѳь:—не удивительно ли, что я полюбила тебя такъ внезапно? Я теперь припоминаю все, и мнѣ кажется, что я стала принадлежать тебѣ съ самаго перваго мгновенія, когда не успѣла еще увидѣть тебя, а только услышала твой голосъ. Сердце мое затрепетало и раскрылось навстрѣчу къ тебѣ, какъ раскрывается цвѣтокъ во время лѣтней ночи отъ южнаго вѣтра. Чѣмъ ты такъ плѣнилъ меня, мой возлюбленный?

И царь, тихо склоняясь головой къ нѣжнымъ колѣнямъ Суламиѳи, ласково улыбнулся и отвѣтилъ:

— Тысячи женщинъ до тебя, о, моя прекрасная, задавали своимъ милымъ этотъ вопросъ, и сотни вѣковъ послѣ тебя онѣ будутъ спрашивать объ этомъ своихъ милыхъ. Три вещи есть въ мірѣ, непонятныя для меня, и четвертую я не постигаю: путь орла въ небѣ, змѣи на скалѣ, корабля среди моря и путь мужчины къ сердцу женщины. Это не моя мудрость, Суламиѳь, это слова Агура, сына Іакеева, слышанныя отъ него учениками. Но почтимъ и чужую мудрость.

— Да, — сказала Суламиѳь задумчиво: — можетъ-быть, и правда, что человѣкъ никогда не пойметъ этого. Сегодня во время пира на моей груди было благоухающее вязаніе стакти. Но ты вышелъ изъ-за стола, и цвѣты мои перестали пахнуть. Мнѣ кажется, что тебя должны любить, о, царь, и женщины, и мужчины, и звѣри, и даже

цвѣты. Я часто думаю и не могу понять: какъ можно любить кого-нибудь другого, кромѣ тебя?

— И кромѣ тебя, кромѣ тебя, Суламиѳь! Каждый часъ я благодарю Бога, что Онъ послалъ тебя на моемъ пути.

— Я помню, я сидѣла на камнѣ стѣнки, и ты положилъ свою руку сверхъ моей. Огонь побѣжалъ по моимъ жиламъ, голова у меня закружилась. Я сказала себѣ: «Вотъ кто господинъ мой, вотъ кто царь мой, возлюбленный мой!»

— Я помню, Суламиѳь, какъ обернулась ты на мой зовъ. Подъ тонкимъ платьемъ я увидѣлъ твое тѣло, твое прекрасное тѣло, которое я люблю, какъ Бога. Я люблю его, покрытое золотымъ пухомъ, точно солнце оставило на немъ свой поцѣлуй. Ты стройна, точно кобылица въ колесницѣ фараоновой, ты прекрасна, какъ колесница Аминодавова. Глаза твои, какъ два голубя, сидящихъ у истока водъ.

— О, милый, слова твои волнуютъ меня. Твоя рука сладко жжетъ меня. О, мой царь, ноги твои, какъ мраморные столбы. Животъ твой, точно ворохъ пшеницы, окруженный лиліями.

Окруженные, осіянные молчаливымъ свѣтомъ луны, они забывали о времени, о мѣстѣ, и вотъ проходили часы, и они съ удивленіемъ замѣчали, какъ въ рѣшетчатыя окна покоя заглядывала розовая заря.

Также сказала однажды Суламиѳь:

— Ты зналъ, мой возлюбленный, женъ и дѣвицъ безъ числа, и всѣ онѣ были самыя красивыя женщины на землѣ. Мнѣ стыдно становится, когда я подумаю о себѣ, простой, неученой дѣвушкѣ, и о моемъ бѣдномъ тѣлѣ, опаленномъ солнцемъ.

Но, касаясь губами ея губъ, говорилъ царь съ безконечной любовью и благодарностью:

— Ты царица, Суламиѳь. Ты родилась настоящей ца-

рицей. Ты смѣла и щедра въ любви. Семьсотъ женъ у меня и триста наложницъ, и дѣвицъ я зналъ безъ числа, но ты единственная моя, кроткая моя, прекраснѣйшая изъ женщинъ. Я нашелъ тебя подобно тому, какъ водолазъ въ Персидскомъ заливѣ наполняетъ множество корзинъ пустыми раковинами и малоцѣнными жемчужинами, прежде чѣмъ достанетъ съ морского дна перлъ, достойный царской короны. Дитя мое, тысячи разъ можетъ любить человѣкъ, но только одинъ разъ онъ любитъ. Тьмы-темъ людей думаютъ, что они любятъ, но только двумъ изъ нихъ посылаетъ Богъ любовь. И когда ты отдалась мнѣ тамъ, между кипарисами, подъ кровлей изъ кедровъ, на ложѣ изъ зелени, я отъ души благодарилъ Бога, столь милостиваго ко мнѣ.

Еще однажды спросила Суламиѳь:

— Я знаю, что всѣ онѣ любили тебя, потому что тебя нельзя не любить. Царица Савская приходила къ тебѣ изъ своей страны. Говорятъ, она была мудрѣе и прекраснѣе всѣхъ женщинъ, когда-либо бывшихъ на землѣ. Точно во снѣ я вспоминаю ея караваны. Не знаю почему, но съ самаго ранняго дѣтства влекло меня къ колесницамъ знатныхъ. Мнѣ тогда было, можетъ-быть, семь, можетъ-быть, восемь лѣтъ, я помню верблюдовъ въ золотой сбруѣ, покрытыхъ пурпурными попонами, отягощенныхъ тяжелыми ношами, помню муловъ съ золотыми бубенчиками между ушами, помню смѣшныхъ обезьянъ въ серебряныхъ клѣткахъ и чудесныхъ павлиновъ. Множество слугъ шло въ бѣлыхъ и голубыхъ одеждахъ; они вели ручныхъ тигровъ и барсовъ на красныхъ лентахъ. Мнѣ было только восемь лѣтъ.

— О, дитя, тебѣ тогда было только восемь лѣтъ, — сказалъ Соломонъ съ грустью.

— Ты любилъ ее больше, чѣмъ меня, Соломонъ? Разскажи мнѣ что-нибудь о ней?

И царь разсказалъ ей все объ этой удивительной женщинѣ. Наслышавшись много о мудрости и красотѣ Израильскаго царя, она прибыла къ нему изъ своей страны съ богатыми дарами, желая испытать его мудрость и покорить его сердце. Это была пышная сорокалѣтняя женщина, которая уже начинала увядать. Но тайными, волшебными средствами она достигала того, что ея рыхлѣющее тѣло казалось стройнымъ и гибкимъ, какъ у дѣвушки, и лицо ея носило печать страшной, нечеловѣческой красоты. Но мудрость ея была обыкновенной человѣческой мудростью, и при томъ еще мелочной мудростью женщины.

Желая испытать царя загадками, она сначала послала къ нему пятьдесятъ юношей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и пятьдесятъ дѣвушекъ. Всѣ они такъ хитроумно были одѣты въ одинаковыя одежды, что самый зоркій глазъ не распозналъ бы ихъ пола. «Я назову тебя мудрымъ, царь, — сказала Балкисъ: — если ты скажешь мнѣ, кто изъ нихъ женщина и кто мужчина».

Но царь разсмѣялся и приказалъ каждому и каждой изъ посланныхъ подать поодиночкѣ серебряный тазъ и серебряный кувшинъ для умыванія. И въ то время, когда мальчики смѣло брызгались въ водѣ руками и бросали себѣ ее горстями въ лицо, крѣпко вытирая кожу, дѣвочки поступали такъ, какъ всегда дѣлаютъ женщины при умываніи. Онѣ нѣжно и заботливо натирали водою каждую изъ своихъ рукъ, близко поднося ее къ глазамъ.

Такъ просто разрѣшилъ царь первую загадку Балкисъ-Македы.

Затѣмъ прислала она Соломону большой алмазъ, величиною съ лѣсной орѣхъ. Въ камнѣ этомъ была тонкая, весьма извилистая трещина, которая узкимъ сложнымъ ходомъ пробуравливала насквозь все его тѣло. Нужно было продѣть сквозь этотъ алмазъ шелковинку. И мудр-

рый царь впустилъ въ отверстіе шелковичнаго червя, который, пройдя наружу, оставилъ за собою слѣдомъ тончайшую шелковую паутинку.

Также прислала прекрасная Балкисъ царю Соломону многоцѣнный кубокъ изъ рѣзного сардоникса великолѣпной художественной работы. «Этотъ кубокъ будетъ твоимъ, — повелѣла она сказать царю: — если ты его наполнишь влагою, взятою ни съ земли ни съ неба». Соломонъ же, наполнивъ сосудъ пѣною, падавшей съ тѣла утомленнаго коня, приказалъ отнести его царицѣ.

Много подобныхъ загадокъ предлагала царица Соломону, но не могла унизить его мудрость, и всѣми тайными чарами ночного сладострастія не сумѣла она сохранить его любви. И когда наскучила она наконецъ царю, онъ жестоко, обидно насмѣялся надъ нею.

Всѣмъ было извѣстно, что царица Савская никому не показывала своихъ ногъ и потому носила длинное до земли платье. Даже въ часы любовныхъ ласкъ держала она ноги плотно закрытыми одеждой. Много странныхъ и смѣшныхъ легендъ сложилось по этому поводу.

Одни увѣряли, что у царицы козлиныя ноги, обросшія шерстью; другіе клялись, что у нея вмѣсто ступней перепончатыя гусиныя лапы. И даже разсказывали о томъ, что мать царицы Балкисъ однажды, послѣ купанья, сѣла на песокъ, гдѣ только-что оставилъ свое сѣмя нѣкій богъ, временно превратившійся въ гуся, и что отъ этой случайности понесла она прекрасную царицу Савскую.

И вотъ повелѣлъ однажды Соломонъ устроить въ одномъ изъ своихъ покоевъ прозрачный хрустальный полъ съ пустымъ пространствомъ подъ нимъ, куда налили воды и пустили живыхъ рыбъ. Все это было сдѣлано съ такимъ необычайнымъ искусствомъ, что не предупрежденный человѣкъ ни за что не замѣтилъ бы стекла

и сталъ бы давать клятву, что передъ нимъ находится бассейнъ съ чистой свѣжей водой.

И когда все было готово, то пригласилъ Соломонъ свою царственную гостью на свиданіе. Окруженная пышной свитой, она идетъ по комнатамъ Ливанскаго дома и доходитъ до коварнаго бассейна. На другомъ концѣ его сидитъ царь, сіяющій золотомъ и драгоцѣнными камнями и привѣтливымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Дверь отворяется передъ царицею, и она дѣлаетъ шагъ впередъ, но вскрикиваетъ и...

Суламиѳь смѣется радостнымъ дѣтскимъ смѣхомъ и хлопаетъ въ ладоши.

— Она нагибается и приподымаетъ платье? — спрашиваетъ Суламиѳь.

— Да, моя возлюбленная, она поступила такъ, какъ поступила бы каждая изъ женщинъ. Она подняла кверху край своей одежды, и хотя это продолжалось только одно мгновеніе, но и я и весь мой дворъ увидѣли, что у прекрасной Савской царицы Балкисъ-Македы обыкновенныя человѣческія ноги, но кривыя и обросшія густыми волосами. На другой же день она собралась въ путь, не простилась со мною и уѣхала съ своимъ великолѣпнымъ караваномъ. Я не хотѣлъ ея обидѣть. Вслѣдъ ей я послалъ надежнаго гонца, которому приказалъ передать царицѣ пучокъ рѣдкой горной травы—лучшее средство для уничтоженія волосъ на тѣлѣ. Но она вернула мнѣ назадъ голову моего посланнаго въ мѣшкѣ изъ дорогой багряницы.

Разсказывалъ также Соломонъ своей возлюбленной многое изъ своей жизни, чего не зналъ никто изъ другихъ людей и что Суламиѳь унесла съ собою въ могилу. Онъ говорилъ ей о долгихъ и тяжелыхъ годахъ скитаній, когда, спасаясь отъ гнѣва своихъ братьевъ, отъ зависти Авессалома и отъ ревности Адоніи, онъ принужденъ былъ

подъ чужимъ именемъ скрываться въ чужихъ земляхъ, терпя страшную бѣдность и лишенія. Онъ разсказалъ ей о томъ, какъ въ отдаленной неизвѣстной странѣ, когда онъ стоялъ на рынкѣ въ ожиданіи, что его наймутъ куда-нибудь работать, къ нему подошелъ царскій поваръ и сказалъ:

— Чужестранецъ, помоги мнѣ донести эту корзину съ рыбами во дворецъ.

Своимъ умомъ, ловкостью и умѣлымъ обхожденіемъ Соломонъ такъ понравился придворнымъ, что въ скоромъ времени устроился во дворцѣ, а когда старшій поваръ умеръ, то онъ заступилъ его мѣсто. Дальше говорилъ Соломонъ о томъ, какъ единственная дочь царя, прекрасная пылкая дѣвушка, влюбилась тайно въ новаго повара, какъ она открылась ему невольно въ любви, какъ они однажды бѣжали вмѣстѣ изъ дворца ночью, были настигнуты и приведены обратно, какъ осужденъ былъ Соломонъ на смерть, и какъ чудомъ удалось ему бѣжать изъ темницы.

Жадно внимала ему Суламиѳь, и когда онъ замолкалъ, тогда среди тишины ночи смыкались ихъ губы, сплетались руки, прикасались груди. И когда наступало утро, и тѣло Суламиѳи казалось пѣнно-розовымъ, и любовная усталость окружала голубыми тѣнями ея прекрасные глаза, она говорила съ нѣжной улыбкою:

— Освѣжите меня яблоками, подкрѣпите меня виномъ, ибо я изнемогаю отъ любви.

X.

Въ храмѣ Изиды на горѣ Ватнъ-Эль-Хавъ только-что отошла первая часть великаго тайнодѣйствія, на которую допускались вѣрующіе малаго посвященія. Очередной жрецъ — древній старецъ въ бѣлой одеждѣ, съ бри-

той головой, безусый и безбородый, повернулся съ возвышенія алтаря къ народу и произнесъ тихимъ, усталымъ голосомъ:

— Пребывайте въ мирѣ, сыновья мои и дочери. Усовершенствуйтесь въ подвигахъ. Прославляйте имя богини. Благословеніе ея надъ вами да пребудетъ во вѣки вѣковъ.

Онъ вознесъ свои руки надъ народомъ, благословляя его. И тотчасъ же всѣ посвященные въ малый чинъ таинствъ простерлись на полу и затѣмъ, вставъ, тихо, въ молчаніи направились къ выходу.

Сегодня былъ седьмой день египетскаго мѣсяца Фаменота, посвященный мистеріямъ Озириса и Изиды. Съ вечера торжественная процессія трижды обходила вокругъ храма со свѣтильниками, пальмовыми листами и амфорами, съ таинственными символами боговъ и со священными изображеніями Фаллуса. Въ серединѣ шествія на плечахъ у жрецовъ и вторыхъ пророковъ возвышался закрытый «наосъ» изъ драгоцѣннаго дерева, украшеннаго жемчугомъ, слоновой костью и золотомъ. Тамъ пребывала сама богиня, Она, Невидимая, Подающая плодородіе, Таинственная, Мать, Сестра и Жена боговъ.

Злобный Сетъ заманилъ своего брата, божественнаго Озириса, на пиршество, хитростью заставилъ его лечь въ роскошный гробъ и, захлопнувъ надъ нимъ крышку, бросилъ гробъ вмѣстѣ съ тѣломъ великаго бога въ Нилъ. Изида, только-что родившая Гора, въ тоскѣ и слезахъ разыскиваетъ по всей землѣ тѣло своего мужа и долго не находитъ его. Наконецъ рыбы разсказываютъ ей, что гробъ волнами отнесло въ море и прибило къ Библосу, гдѣ вокругъ него выросло громадное дерево и скрыло въ своемъ стволѣ трупъ бога и его плавучій домъ. Царь той страны приказалъ сдѣлать себѣ изъ громаднаго дерева мощную колонну, не зная, что въ ней покоится

самъ богъ Озирисъ, великій податель жизни. Изида идетъ въ Библосъ, приходитъ туда утомленная зноемъ, жаждой и тяжелой каменистой дорогой. Она освобождаетъ гробъ изъ середины дерева, несетъ его съ собою и прячетъ въ землю у городской стѣны. Но Сетъ опять тайно похищаетъ тѣло Озириса, разрѣзаетъ его на четырнадцать частей и разсѣиваетъ ихъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ Верхняго и Нижняго Египта.

И опять въ великой скорби и рыданіяхъ отправилась Изида въ поиски за священными членами своего мужа и брата. Къ плачу ея присоединяетъ свои жалобы сестра ея, богиня Нефтисъ, и могущественный Тоотъ, и сынъ богини, свѣтлый Горъ, Горизитъ.

Таковъ былъ тайный смыслъ нынѣшней процессіи въ первой половинѣ священнослуженія. Теперь, по уходѣ простыхъ вѣрующихъ и послѣ небольшого отдыха, надлежало совершиться второй части великаго тайнодѣйствія. Въ храмѣ остались только посвященные въ высшія степени—мистагоги, эпопты, пророки и жрецы.

Мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ разносили на серебряныхъ подносахъ мясо, хлѣбъ, сухіе плоды и сладкое пелузское вино. Другіе разливали изъ узкогорлыхъ тирскихъ сосудовъ сикеру, которую въ тѣ времена давали передъ казнью преступникамъ для возбужденія въ нихъ мужества, но которая также обладала великимъ свойствомъ порождать и поддерживать въ людяхъ огонь священнаго безумія.

По знаку очередного жреца мальчики удалились. Жрецъ-привратникъ заперъ всѣ двери. Затѣмъ онъ внимательно обошелъ всѣхъ оставшихся, всматриваясь имъ въ лица и опрашивая ихъ таинственными словами, составлявшими пропускъ нынѣшней ночи. Два другіе жреца провезли вдоль храма и вокругъ каждой изъ его колоннъ серебряную кадильницу на колесахъ. Синимъ, густымъ, пьянящимъ

ароматнымъ ѳиміамомъ наполнился храмъ, и сквозь слои дыма едва стали видны разноцвѣтные огни лампадъ, сдѣланныхъ изъ прозрачныхъ камней, — лампадъ, оправленныхъ въ рѣзное золото и подвѣшенныхъ къ потолку на длинныхъ серебряныхъ цѣпяхъ. Въ давнее время этотъ храмъ Озириса и Изиды отличался небольшими размѣрами и бѣднотою и былъ выдолбленъ на подобіе пещеры въ глубинѣ горы. Узкій подземный коридоръ велъ къ нему снаружи. Но во дни царствованія Соломона, взявшаго подъ свое покровительство всѣ религіи, кромѣ тѣхъ, которыя допускали жертвоприношенія дѣтей, и благодаря усердію царицы Астисъ, родомъ египтянки, храмъ разросся въ глубину и въ высоту и украсился богатыми приношеніями.

Прежній алтарь такъ и остался неприкосновеннымъ въ своей первоначальной суровой простотѣ, вмѣстѣ со множествомъ маленькихъ покоевъ, окружавшихъ его и служившихъ для сохраненія сокровищъ, жертвенныхъ предметовъ и священныхъ принадлежностей, а также для особыхъ тайныхъ цѣлей во время самыхъ сокровенныхъ мистическихъ оргій.

Зато поистинѣ былъ великолѣпенъ наружный дворъ съ пилонами въ честь богини Гаторъ и съ четырехсторонней колоннадой изъ двадцати четырехъ колоннъ. Еще пышнѣе была устроена внутренняя подземная гипостильная зала для молящихся. Ея мозаичный полъ весь былъ украшенъ искусными изображеніями рыбъ, звѣрей, земноводныхъ и пресмыкающихся. Полотокъ же былъ покрытъ голубой глазурью, и на немъ сіяло золотое солнце, свѣтилась серебряная луна, мерцали безчисленныя звѣзды, и парили на распростертыхъ крыльяхъ птицы. Полъ былъ землею, потолокъ—небомъ, а ихъ соединяли, точно могучіе древесные стволы, круглыя и многогранныя колонны. И такъ какъ всѣ колонны завершались капителями въ

видѣ нѣжныхъ цвѣтовъ лотоса или тонкихъ свертковъ папируса, то лежавшій на нихъ потолокъ дѣйствительно казался легкимъ и воздушнымъ, какъ небо.

Стѣны до высоты человѣческаго роста были обложены красными гранитными плитами, вывезенными, по желанію царицы Астисъ, изъ Ѳивъ, гдѣ мѣстные мастера умѣли придавать граниту зеркальную гладкость и изумительный блескъ. Выше, до самаго потолка, стѣны такъ же, какъ и колонны, пестрѣли рѣзными и раскрашенными изображеніями съ символами боговъ обоихъ Египтовъ. Здѣсь былъ Себехъ, чтимый въ Фаюмэ подъ видомъ крокодила, и Тоотъ, богъ луны, изображаемый, какъ ибисъ, въ городѣ Хмуну, и солнечный богъ Горъ, которому въ Эдфу былъ посвященъ копчикъ, и Бастъ изъ Бубаса, подъ видомъ кошки, Шу, богъ воздуха—левъ, Пта — апись, Гаторъ — богиня веселья — корова, Анубисъ, богъ бальзамированія, съ головою шакала, и Монту изъ Гермона, и коптскій Мину, и богиня неба Нейтъ изъ Саиса, и наконецъ, въ видѣ овна, страшный богъ, имя котораго не произносилось и котораго называли Хентіементу, что̀ значитъ «Живущій на Западѣ».

Полутемный алтарь возвышался надъ всѣмъ храмомъ, и въ глубинѣ его тускло блестѣли золотомъ стѣны святилища, скрывавшаго изображенія Изиды. Трое воротъ— большія, среднія и двое боковыхъ маленькихъ — вели въ святилище. Передъ средними стоялъ жертвенникъ со священнымъ каменнымъ ножомъ изъ эѳіопскаго обсидіана. Ступени вели къ алтарю, и на нихъ расположились младшіе жрецы и жрицы съ тимпанами, систрами, флейтами и бубнами.

Царица Астисъ возлежала въ маленькомъ потайномъ покоѣ. Небольшое квадратное отверстіе, искусно скрытое тяжелымъ занавѣсомъ, выходило прямо къ алтарю и позволяло, не выдавая своего присутствія, слѣдить за всѣми

подробностями священнодѣйствія. Легкое узкое платье изъ льняного газа, затканное серебромъ, вплотную облекало тѣло царицы, оставляя обнаженными руки до плечъ и ноги до половины икръ. Сквозь прозрачную матерію розово свѣтилась ея кожа и видны были всѣ чистыя линіи и возвышенія ея стройнаго тѣла, которое до сихъ поръ, несмотря на тридцатилѣтній возрастъ царицы, не утеряло своей гибкости, красоты и свѣжести. Волосы ея, выкрашенные въ синій цвѣтъ, были распущены по плечамъ и по спинѣ, и концы ихъ убраны безчисленными ароматическими шариками. Лицо было сильно нарумянено и набѣлено, а тонко обведенные тушью глаза казались громадными и горѣли въ темнотѣ, какъ у сильнаго звѣря кошачьей породы. Золотой священный уреусъ спускался у нея отъ шеи внизъ, раздѣляя полуобнаженныя груди.

Съ тѣхъ поръ, какъ Соломонъ охладѣлъ къ царицѣ Астисъ, утомленный ея необузданной чувственностью, она со всѣмъ пыломъ южнаго сладострастія и со всей яростью оскорбленной женской ревности предалась тѣмъ тайнымъ оргіямъ извращенной похоти, которыя входили въ высшій культъ скопческаго служенія Изидѣ. Она всегда показывалась окруженная жрецами-кастратами, и даже теперь, когда одинъ изъ нихъ мѣрно обвѣвалъ ея голову опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ, — другіе сидѣли на полу, впиваясь въ царицу безумно-блаженными глазами. Ноздри ихъ расширялись и трепетали отъ вѣявшаго на нихъ аромата ея тѣла, и дрожащими пальцами они старались незамѣтно прикоснуться къ краю ея чуть колебавшейся легкой одежды. Ихъ чрезмѣрная, никогда не удовлетворяющаяся страстность изощряла ихъ воображеніе до крайнихъ предѣловъ. Ихъ изобрѣтательность въ наслажденіяхъ Кибеллы и Ашеры переступала всѣ человѣческія возможности. И, ревнуя царицу другъ къ другу, ко всѣмъ женщинамъ, мужчинамъ и дѣтямъ,

ревнуя даже къ ней самой, они поклонялись ей больше, чѣмъ Изидѣ, и, любя, ненавидѣли ее, какъ безконечный огненный источникъ сладостныхъ и жестокихъ страданій.

Темные, злые, страшные и плѣнительные слухи ходили о царицѣ Астисъ въ Іерусалимѣ. Родители красивыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ прятали дѣтей отъ ея взгляда; ея имя боялись произносить на супружескомъ ложѣ, какъ знакъ осквернения и напасти. Но волнующее, опьяняющее любопытство влекло къ ней души и отдавало во власть ей тѣла. Тѣ, кто испыталъ хоть однажды ея свирѣпыя кровавыя ласки, тѣ уже не могли ея забыть никогда и дѣлались навѣки ея жалкими, отвергнутыми рабами. Готовые ради новаго обладанія ею на всякій грѣхъ, на всякое униженіе и преступленіе, они становились похожими на тѣхъ несчастныхъ, которые, попробовавъ однажды горькое маковое питье изъ страны Офиръ, дающее сладкія грезы, уже никогда не отстанутъ отъ него и только ему одному поклоняются и одно его чтутъ, пока истощеніе и безуміе не прервутъ ихъ жизни.

Медленно колыхалось въ жаркомъ воздухѣ опахало. Въ безмолвномъ восторгѣ созерцали жрецы свою ужасную повелительницу. Но она точно забыла объ ихъ присутствіи. Слегка отодвинувъ занавѣску, она неотступно глядѣла напротивъ, по ту сторону алтаря, гдѣ когда-то изъза темныхъ изломовъ старинныхъ златокованныхъ занавѣсокъ показывалось прекрасное, свѣтлое лицо Израильскаго царя. Его одного любила всѣмъ своимъ пламеннымъ и порочнымъ сердцемъ отвергнутая царица, жестокая и сладострастная Астисъ. Его мимолетнаго взгляда, ласковаго слова, прикосновенія его руки искала она повсюду и не находила. На торжественныхъ выходахъ, на дворцовыхъ обѣдахъ и въ дни суда оказывалъ Соломонъ къ ней почтительность, какъ къ царицѣ и дочери царя, но

душа его была мертва для нея. И часто гордая царица приказывала въ урочные часы проносить себя мимо дома Ливанскаго, чтобы хоть издали, незамѣтно, сквозь тяжелыя ткани носилокъ, увидѣть среди придворной толпы гордое, незабвенно-прекрасное лицо Соломона. И давно уже ея пламенная любовь къ царю такъ тѣсно срослась съ жгучей ненавистью, что сама Астисъ не умѣла отличить ихъ.

Прежде и Соломонъ посѣщалъ храмъ Изиды въ дни великихъ празднествъ и приносилъ жертвы богинѣ, и даже принялъ титулъ ея верховнаго жреца, второго послѣ египетскаго фараона. Но страшныя таинства «Кровавой жертвы Оплодотворенія» отвратили его умъ и сердце отъ служенія Матери боговъ.

— Оскопленный по невѣдѣнію, или насиліемъ, или случайно, или по болѣзни — не униженъ передъ Богомъ,— сказалъ царь.—Но горе тому, кто самъ изуродуетъ себя.

И вотъ уже цѣлый годъ ложе его въ храмѣ оставалось пустымъ. И напрасно пламенные глаза царицы жадно глядѣли теперь на неподвижныя занавѣски.

Между тѣмъ вино, сикера и одуряющія куренія уже оказывали замѣтное дѣйствіе на собравшихся въ храмѣ. Чаще слышались крикъ и смѣхъ и звонъ падающихъ на каменный полъ серебряныхъ сосудовъ. Приближалась великая, таинственная минута кровавой жертвы. Экстазъ овладѣвалъ вѣрующими.

Разсѣяннымъ взоромъ оглядѣла царица храмъ и вѣрующихъ. Много здѣсь было почтенныхъ и знаменитыхъ людей изъ свиты Соломоновой и изъ его военачальниковъ: Бенъ-Геверъ, властитель области Арговіи, и Ахимаасъ, женатый на дочери царя Васемаѳи, и остроумный Бенъ-Декеръ, и Зовуфъ, носившій, по восточнымъ обычаямъ, высокій титулъ «друга царя», и братъ Соломона отъ перваго брака Давидова — Далуіа, разслабленный,

полумертвый человѣкъ, преждевременно впадшій въ идіотизмъ отъ излишествъ и пьянства. Всѣ они были — иные по вѣрѣ, иные по корыстнымъ расчетамъ, иные изъ подражанія, а иные изъ сластолюбивыхъ цѣлей — поклонниками Изиды.

И вотъ глаза царицы остановились долго и внимательно, съ напряженною мыслью, на красивомъ юношескомъ лицѣ Эліава, одного изъ начальниковъ царскихъ тѣлохранителей.

Царица знала, отчего горитъ такой яркой краской его смуглое лицо, отчего съ такою страстной тоской устремлены его горячіе глаза сюда, на занавѣски, которыя едва движутся отъ прикосновенія прекрасныхъ бѣлыхъ рукъ царицы. Однажды, почти шутя, повинуясь минутному капризу, она заставила Эліава провести у нея цѣлую длинную блаженную ночь. Утромъ она отпустила его, но съ тѣхъ поръ уже много дней подъ рядъ видѣла она повсюду—во дворцѣ, въ храмѣ, на улицахъ — два влюбленныхъ, покорныхъ, тоскующихъ глаза, которые повсюду провожали ее.

Темныя брови царицы сдвинулись, и ея зеленые длинные глаза вдругъ потемнѣли отъ страшной мысли. Едва замѣтнымъ движеніемъ руки она приказала кастрату опустить внизъ опахало и сказала тихо:

— Выйдите всѣ. Хушай, ты пойдешь и позовешь ко мнѣ Эліава, начальника царской стражи. Пусть онъ придетъ одинъ.

XI.

Десять жрецовъ въ бѣлыхъ одеждахъ, испещренныхъ красными пятнами, вышли въ середину алтаря. Слѣдомъ за ними шли еще двое жрецовъ, одѣтыхъ въ женскія одежды. Они должны были изображать сегодня Нефтисъ

и Изиду, оплакивающихъ Озириса. Потомъ изъ глубины алтаря вышелъ нѣкто въ бѣломъ хитонѣ безъ единаго украшенія, и глаза всѣхъ женщинъ и мужчинъ съ жадностью приковались къ нему. Это былъ тотъ самый пустынникъ, который провелъ десять лѣтъ въ тяжеломъ подвижническомъ искусѣ на горахъ Ливана и нынче долженъ былъ принести великую добровольную кровавую жертву Изидѣ. Лицо его, изнуренное голодомъ, обвѣтренное и обожженное, было строго и блѣдно, глаза сурово опущены внизъ, и нечеловѣческимъ ужасомъ повѣяло отъ него на толпу.

Наконецъ вышелъ и главный жрецъ храма, столѣтній старецъ съ тіарой на головѣ, съ тигровой шкурой на плечахъ, въ парчевомъ передникѣ, украшенномъ хвостами шакаловъ.

Повернувшись къ молящимся, онъ старческимъ голосомъ, кроткимъ и дрожащимъ, произнесъ:

— Сутонъ-ди-готпу (Царь приноситъ жертву).

И затѣмъ, обернувшись къ жертвеннику, онъ принялъ изъ рукъ помощника бѣлаго голубя съ красными лапками, отрѣзалъ птицѣ голову, вынулъ у нея изъ груди сердце и кровью ея окропилъ жертвенникъ и священный ножъ.

Послѣ небольшого молчанія онъ возгласилъ:

— Оплачемте Озириса, бога Атуму, великаго Унъ-Неферъ-Онуфрія, бога Она!

Два кастрата въ женскихъ одеждахъ—Изида и Нефтисъ — тотчасъ же начали плачъ гармоничными тонкими голосами:

«Возвратись въ свое жилище, о, прекрасный юноша. Видѣть тебя — блаженство.

«Изида заклинаетъ тебя, Изида, которая была зачата съ тобою въ одномъ чревѣ, жена твоя и сестра.

«Покажи намъ снова лицо твое, свѣтлый богъ. Вотъ

Нефтисъ, сестра твоя. Она обливается слезами и въ горести рветъ свои волосы.

«Въ смертельной тоскѣ разыскиваемъ мы прекрасное тѣло твое. Озирисъ, возвратись въ домъ свой!»

Двое другихъ жрецовъ присоединили къ первымъ свои голоса. Это Горъ и Анубисъ оплакивали Озириса, и каждый разъ, когда они оканчивали стихъ, хоръ, расположившійся на ступеняхъ лѣстницы, повторялъ его торжественнымъ и печальнымъ мотивомъ.

Потомъ съ тѣмъ же пѣніемъ старшіе жрецы вынесли изъ святилища статую богини, теперь уже не закрытую наосомъ. Но черная мантія, усыпанная золотыми звѣздами, окутывала богиню съ ногъ до головы, оставляя видимыми только ея серебряныя ноги, обвитыя змѣей, а надъ головою серебряный дискъ, включенный въ коровьи рога. И медленно, подъ звонъ кадильницъ и систръ, со скорбнымъ плачемъ двинулась процессія богини Изиды со ступенекъ алтаря, внизъ, въ храмъ, вдоль его стѣнъ, между колоннами.

Такъ собирала богиня разбросанные члены своего супруга, чтобы оживить его при помощи Тота и Анубиса:

«Слава городу Абидосу, сохранившему прекрасную голову твою, Озирисъ.

«Слава тебѣ, городъ Мемфисъ, гдѣ нашли мы правую руку великаго бога, руку войны и защиты.

«И тебѣ, о, городъ Саисъ, скрывшій лѣвую руку свѣтлаго бога, руку правосудія.

«И ты будь благословенъ, городъ Ѳивы, гдѣ покоилось сердце Унъ-Ноферъ-Онуфрія».

Такъ обошла богиня весь храмъ, возвращаясь назадъ къ алтарю, и все страстнѣе и громче становилось пѣніе хора. Священное воодушевленіе овладѣвало жрецами и молящимися. Всѣ части тѣла Озириса нашла Изида, кромѣ

одной, священнаго Фаллуса, оплодотворяющаго материнское чрево, созидающаго новую вѣчную жизнь. Теперь приближался самый великій актъ въ мистеріи Озириса и Изиды.

— Это ты, Эліавъ?—спросила царица юношу, который тихо вошелъ въ дверь.

Въ темнотѣ ложи онъ беззвучно опустился къ ея ногамъ и прижалъ къ губамъ край ея платья. И царица почувствовала, что онъ плачетъ отъ восторга, стыда и желанія. Опустивъ руку ему на курчавую жесткую голову, царица произнесла:

— Разскажи мнѣ, Эліавъ, все, что ты знаешь о царѣ и объ этой дѣвочкѣ изъ виноградника.

— О, какъ ты его любишь, царица!—сказалъ Эліавъ съ горькимъ стономъ.

— Говори...—приказала Астисъ.

— Что я могу тебѣ сказать, царица? Сердце мое разрывается отъ ревности.

— Говори!

— Никого еще не любилъ царь, какъ ее. Онъ не разстается съ ней ни на мигъ. Глаза его сіяютъ счастьемъ. Онъ расточаетъ вокругъ себя милости и дары. Онъ, авимелехъ и мудрецъ, онъ, какъ рабъ, лежитъ около ея ногъ и, какъ собака, не спускаетъ съ нея глазъ своихъ.

— Говори!

— О, какъ ты терзаешь меня, царица! И она... она— вся любовь, вся нѣжность и ласка! Она кротка и стыдлива, она ничего не видитъ и не знаетъ, кромѣ своей любви. Она не возбуждаетъ ни въ комъ ни злобы, ни ревности, ни зависти...

— Говори!—яростно простонала царица и, вцѣпившись своими гибкими пальцами въ черные кудри Эліава, она притиснула его голову къ своему тѣлу, царапая его лицо серебрянымъ шитьемъ своего прозрачнаго хитона.

А въ это время въ алтарѣ вокругъ изображенія богини, покрытой чернымъ покрываломъ, носились жрецы кругомъ, въ священномъ изступленіи, съ криками, похожими на лай, подъ звонъ тимпановъ и дребезжаніе систръ.

Нѣкоторые изъ нихъ стегали себя многохвостыми плетками изъ кожи носорога, другіе наносили себѣ короткими ножами въ грудь и въ плечи длинныя кровавыя раны, третьи пальцами разрывали себѣ рты, надрывали себѣ уши и царапали лица ногтями. Въ серединѣ этого бѣшенаго хоровода у самыхъ ногъ богини кружился на одномъ мѣстѣ, съ непостижимой быстротой, отшельникъ съ горъ Ливана въ бѣлоснѣжной развѣвающейся одеждѣ. Одинъ верховный жрецъ оставался неподвижнымъ. Въ рукѣ онъ держалъ священный жертвенный ножъ изъ эѳіопскаго обсидіана, готовый передать его въ послѣдній страшный моментъ.

— Фаллусъ! Фаллусъ! Фаллусъ!—кричали въ экстазѣ обезумѣвшіе жрецы. — Гдѣ твой Фаллусъ, о, свѣтлый бо̀гъ! Приди, оплодотвори богиню! Грудь ея томится отъ желанія! Чрево ея, какъ пустыня въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы!

И вотъ страшный, безумный, пронзительный крикъ на мгновеніе заглушилъ весь хоръ. Жрецы быстро разступились, и всѣ бывшіе въ храмѣ увидѣли ливанскаго отшельника, совершенно обнаженнаго, ужаснаго своимъ высокимъ, костлявымъ, желтымъ тѣломъ. Верховный жрецъ протянулъ ему ножъ. Стало невыносимо-тихо въ храмѣ. И онъ, быстро нагнувшись, сдѣлалъ какое-то движеніе, выпрямился и съ воплемъ боли и восторга вдругъ бросилъ къ ногамъ богини безформенный кровавый кусокъ мяса.

Онъ шатался. Верховный жрецъ осторожно поддержалъ его, обвивъ рукою за спину, подвелъ его къ изображе-

нію Изиды и бережно накрылъ его чернымъ покрываломъ и оставилъ такъ на нѣсколько мгновеній, чтобы онъ втайнѣ, невидимо для другихъ, могъ запечатлѣть на устахъ оплодотворенной богини свой поцѣлуй.

Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ его положили на носилки и унесли изъ алтаря. Жрецъ-привратникъ вышелъ изъ храма. Онъ ударилъ деревяннымъ молоткомъ въ громадный мѣдный кругъ, возвѣщая всему міру о томъ, что свершилась великая тайна оплодотворенія богини. И высокій поющій звукъ мѣди понесся надъ Іерусалимомъ.

Царица Астисъ, еще продолжая содрогаться всѣмъ тѣломъ, откинула назадъ голову Эліава. Глаза ея горѣли напряженнымъ краснымъ огнемъ. И она сказала медленно, слово за словомъ:

— Эліавъ, хочешь, я сдѣлаю тебя царемъ Іудеи и Израиля? Хочешь быть властителемъ надъ всей Сиріей и Месопотаміей, надъ Финикіей и Вавилономъ?

— Нѣтъ, царица, я хочу только тебя...

— Да, ты будешь моимъ властелиномъ. Всѣ мои ночи будутъ принадлежать тебѣ. Каждое мое слово, каждый мой взглядъ, каждое дыханіе будутъ твоими. Ты знаешь пропускъ. Ты пойдешь сегодня во дворецъ и убьешь ихъ. Ты убьешь ихъ обоихъ! Ты убьешь ихъ обоихъ!

Эліавъ хотѣлъ что-то сказать. Но царица притянула его къ себѣ и прильнула къ его рту своими жаркими губами и языкомъ. Это продолжалось мучительно-долго. Потомъ, внезапно оторвавъ юношу отъ себя, она сказала коротко и повелительно:

— Иди!

— Я иду, — отвѣтилъ покорно Эліавъ.

XII.

И была седьмая ночь великой любви Соломона.

Странно тихи и глубоко нѣжны были въ эту ночь ласки царя и Суламиѳи. Точно какая-то задумчивая печаль, осторожная стыдливость, отдаленное предчувствіе окутывали легкою тѣнью ихъ слова, поцѣлуи и объятія.

Глядя въ окно на небо, гдѣ ночь уже побѣждала догорающій вечеръ, Суламиѳь остановила свои глаза на яркой голубоватой звѣздѣ, которая трепетала кротко и нѣжно.

— Какъ называется эта звѣзда, мой возлюбленный?— спросила она.

— Эта звѣзда Сопдитъ,—отвѣтилъ царь. — Это священная звѣзда. Ассирійскіе маги говорятъ намъ, что души всѣхъ людей живутъ на ней послѣ смерти тѣла.

— Ты вѣришь этому, царь?

Соломонъ не отвѣтилъ. Правая рука его была подъ головою Суламиѳи, а лѣвою онъ обнималъ ее, и она чувствовала его ароматное дыханіе на себѣ, на волосахъ, на вискѣ.

— Можетъ-быть, мы увидимся тамъ съ тобою, царь, послѣ того, какъ умремъ?—спросила тревожно Суламиѳь.

Царь опять промолчалъ.

— Отвѣть мнѣ что-нибудь, возлюбленный,—робко попросила Суламиѳь.

Тогда царь сказалъ:

— Жизнь человѣческая коротка, но время безконечно и вещество безсмертно. Человѣкъ умираетъ и утучняетъ гніеніемъ своего тѣла землю, земля вскармливаетъ колосъ, колосъ приноситъ зерно, человѣкъ поглощаетъ хлѣбъ и питаетъ имъ свое тѣло. Проходятъ тьмы и тьмы-темъ вѣковъ, все въ мірѣ повторяется, — повторяются люди,

звѣри, камни, растенія. Во многообразномъ круговоротѣ времени и вещества повторяемся и мы съ тобою, моя возлюбленная. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что если мы съ тобою наполнимъ большой мѣшокъ доверху морскимъ гравіемъ и бросимъ въ него всего лишь одинъ драгоцѣнный сапфиръ, то, вытаскивая много разъ изъ мѣшка, ты все-таки рано или поздно извлечешь и драгоцѣнность. Мы съ тобою встрѣтимся, Суламиѳь, и мы не узнаемъ другъ друга, но съ тоской и съ восторгомъ будутъ стремиться наши сердца навстрѣчу, потому что мы уже встрѣчались съ тобою, моя кроткая, моя прекрасная Суламиѳь, но мы не помнимъ этого.

— Нѣтъ, царь, нѣтъ! Я помню. Когда ты стоялъ подъ окномъ моего дома и звалъ меня: «Прекрасная моя, выйди, волосы мои полны ночной росою!»—я узнала тебя, я вспомнила тебя, и радость и страхъ овладѣли моимъ сердцемъ. Скажи мнѣ, мой царь, скажи, Соломонъ: вотъ, если завтра я умру, будешь ли ты вспоминать свою смуглую дѣвушку изъ виноградника, свою Суламиѳь?

И, прижимая ее къ своей груди, царь прошепталъ, взволнованный:

— Не говори такъ никогда... Не говори такъ, о, Суламиѳь! Ты избранная Богомъ, ты настоящая, ты царица души моей... Смерть не коснется тебя...

Рѣзкій мѣдный звукъ вдругъ пронесся надъ Іерусалимомъ. Онъ долго заунывно дрожалъ и колебался въ воздухѣ, и когда замолкъ, то долго еще плыли его трепещущіе отзвуки.

— Это въ храмѣ Изиды окончилось таинство, — сказалъ царь.

— Мнѣ страшно, прекрасный мой!—прошептала Суламиѳь.—Темный ужасъ проникъ въ мою душу... Я не хочу смерти... Я еще не успѣла насладиться твоими объ-

ятіями... Обойми меня... Прижми меня къ себѣ крѣпче... Положи меня какъ печать на сердцѣ твоемъ, какъ печать на мышцѣ твоей!..

— Не бойся смерти, Суламиѳь! Такъ же сильна, какъ и смерть, любовь... Отгони грустныя мысли... Хочешь, я разскажу тебѣ о войнахъ Давида, о пирахъ и охотахъ фараона Суссакима? Хочешь ты услышать одну изъ тѣхъ сказокъ, которыя складываются въ странѣ Офиръ?.. Хочешь, я разскажу тебѣ о чудесахъ Вакрамадитья?

— Да, мой царь. Ты самъ знаешь, что, когда я слушаю тебя, сердце мое растетъ отъ радости! Но я хочу тебя попросить о чемъ-то...

— О, Суламиѳь, — все, что̀ хочешь! Попроси у меня мою жизнь — я съ восторгомъ отдамъ ее тебѣ. Я буду только жалѣть, что слишкомъ малой цѣной заплатилъ за твою любовь.

Тогда Суламиѳь улыбнулась въ темнотѣ отъ счастья и, обвивъ шею царя руками, прошептала ему на ухо:

— Прошу тебя, когда наступитъ утро, пойдемъ вмѣстѣ туда... на виноградникъ... Туда, гдѣ зелень и кипарисы и кедры, гдѣ около каменной стѣнки ты взялъ руками мою душу... Прошу тебя объ этомъ, возлюбленный... Тамъ снова окажу я тебѣ ласки мои....

Въ упоеніи поцѣловалъ царь губы своей милой.

Но Суламиѳь вдругъ встала на своемъ ложѣ и прислушалась.

— Что̀ съ тобою, дитя мое?.. Что̀ испугало тебя?— спросилъ Соломонъ.

— Подожди, мой милый... сюда идутъ... Да... Я слышу шаги...

Она замолчала. И было такъ тихо, что они различали біеніе своихъ сердецъ.

Легкій шорохъ послышался за дверью, и вдругъ она распахнулась быстро и беззвучно.

— Кто тамъ? — воскликнулъ Соломонъ.

Но Суламиѳь уже спрыгнула съ ложа, однимъ движеніемъ метнулась навстрѣчу темной фигурѣ человѣка съ блестящимъ мечомъ въ рукѣ. И тотчасъ же, пораженная насквозь короткимъ, быстрымъ ударомъ, она со слабымъ, точно удивленнымъ крикомъ упала на полъ.

Соломонъ разбилъ рукой сердоликовый экранъ, закрывавшій свѣтъ ночной лампады. Онъ увидалъ Эліава, который стоялъ у двери, слегка наклонившись надъ тѣломъ дѣвушки, шатаясь, точно пьяный. Молодой воинъ подъ взглядомъ Соломона поднялъ голову и, встрѣтившись глазами съ гнѣвными, страшными глазами царя, поблѣднѣлъ и застоналъ. Сверхъестественный ужасъ исказилъ его черты. И вдругъ, согнувшись, спрятавъ въ плащъ голову, онъ робко, точно испуганный шакалъ, сталъ выползать изъ комнаты. Но царь остановилъ его, сказавъ только три слова:

— Кто принудилъ тебя?

Весь трепеща и щелкая зубами, съ глазами, побѣлѣвшими отъ ужаса, молодой воинъ уронилъ глухо:

— Царица Астисъ...

— Выйди, — приказалъ Соломонъ. — Скажи очередной стражѣ, чтобы она стерегла тебя.

Скоро по безчисленнымъ комнатамъ дворца забѣгали люди съ огнями. Всѣ покои освѣтились. Пришли врачи, собрались военачальники и друзья царя.

Старшій врачъ сказалъ:

— Царь, теперь не поможетъ ни наука ни Богъ. Когда извлечемъ мечъ, оставленный въ ея груди, она тотчасъ же умретъ.

Но въ это время Суламиѳь очнулась и сказала со спокойною улыбкой:

— Я хочу пить.

И, когда напилась, она съ нѣжной, прекрасной улыб-

кою остановила свои глаза на царѣ и уже больше не отводила ихъ; а онъ стоялъ на колѣняхъ передъ ея ложемъ, весь обнаженный, какъ и она, не замѣчая, что его колѣни купаются въ ея крови, и что руки его обагрены алою кровью.

Такъ, глядя на своего возлюбленнаго и улыбаясь кротко, говорила съ трудомъ прекрасная Суламиѳь:

— Благодарю тебя, мой царь, за все: за твою любовь, за твою красоту, за твою мудрость, къ которой ты позволилъ мнѣ прильнуть устами, какъ къ сладкому источнику. Дай мнѣ поцѣловать твои руки, не отнимай ихъ отъ моего рта до тѣхъ поръ, пока послѣднее дыханіе не отлетитъ отъ меня. Никогда не было и не будетъ женщины счастливѣе меня. Благодарю тебя, мой царь, мой возлюбленный, мой прекрасный. Вспоминай изрѣдка о твоей рабѣ, о твоей обожженной солнцемъ Суламиѳи.

И царь отвѣтилъ ей глубокимъ, медленнымъ голосомъ:

— До тѣхъ поръ, пока люди будутъ любить другъ друга, пока красота души и тѣла будутъ самой лучшей и самой сладкой мечтой въ мірѣ, до тѣхъ поръ, клянусь тебѣ, Суламиѳь, имя твое во многіе вѣка будетъ произноситься съ умиленіемъ и благодарностью.

Къ утру Суламиѳи не стало.

Тогда царь всталъ, велѣлъ дать себѣ умыться и надѣлъ самый роскошный пурпуровый хитонъ, вышитый золотыми скарабеями, и возложилъ на свою голову вѣнецъ изъ кроваво-красныхъ рубиновъ. Послѣ этого онъ подозвалъ къ себѣ Ванею и сказалъ спокойно:

— Ванея, ты пойдешь и умертвишь Эліава.

Но старикъ закрылъ лицо руками и упалъ ницъ передъ царемъ.

— Царь, Эліавъ — мой внукъ!

— Ты слышалъ меня, Ванея?

— Царь, прости меня, не угрожай мнѣ своимъ гнѣвомъ, прикажи это сдѣлать кому-нибудь другому. Эліавъ, выйдя изъ дворца, побѣжалъ въ храмъ и схватился за рога жертвенника. Я старъ, смерть моя близка, я не смѣю взять на свою душу этого двойного преступленія.

Но царь возразилъ:

— Однако, когда я поручилъ тебѣ умертвить моего брата Адонію, также схватившагося за священные рога жертвенника, развѣ ты ослушался меня, Ванея?

— Прости меня! Пощади меня, царь!

— Подними лицо твое, — приказалъ Соломонъ.

И когда Ванея поднялъ голову и увидѣлъ глаза царя, онъ быстро всталъ съ пола и послушно направился къ выходу.

Затѣмъ, обратившись къ Ахиссару, начальнику и смотрителю дворца, онъ приказалъ:

— Царицу я не хочу предавать смерти, пусть она живетъ, какъ хочетъ, и умираетъ, гдѣ хочетъ. Но никогда она не увидитъ болѣе моего лица. Сегодня, Ахиссаръ, ты снарядишь караванъ и проводишь царицу до гавани въ Іаффѣ, а оттуда въ Египетъ, къ фараону Суссакиму. Теперь пусть всѣ выйдутъ.

И, оставшись одинъ лицомъ къ лицу съ тѣломъ Суламиѳи, онъ долго глядѣлъ на ея прекрасныя черты. Лицо ея было бѣло, и никогда оно не было такъ красиво при ея жизни. Полуоткрытыя губы, которыя всего часъ тому назадъ цѣловалъ Соломонъ, улыбались загадочно и блаженно, и зубы, еще влажные, чуть-чуть поблескивали изъ-подъ нихъ.

Долго глядѣлъ царь на свою мертвую возлюбленную, потомъ тихо прикоснулся пальцами къ ея лбу, уже начавшему терять теплоту жизни, и медленными шагами вышелъ изъ покоя.

За дверями его дожидался первосвященникъ Азарія, сынъ Садокіи. Приблизившись къ царю, онъ спросилъ:

— Что намъ дѣлать съ тѣломъ этой женщины? Теперь суббота.

И вспомнилъ царь, какъ много лѣтъ тому назадъ скончался его отецъ и лежалъ на пескѣ, и уже началъ быстро разлагаться. Собаки, привлеченныя запахомъ падали, уже бродили вокругъ него съ горящими отъ голода и жадности глазами. И, какъ и теперь, спросилъ его первосвященникъ, отецъ Азаріи, дряхлый старикъ:

— Вотъ лежитъ твой отецъ, собаки могутъ растерзать его трупъ... Что намъ дѣлать? Почтить ли память царя и осквернить субботу, или соблюсти субботу, но оставить трупъ твоего отца на съѣденіе собакамъ?

Тогда отвѣтилъ Соломонъ:

— Оставить. Живая собака лучше мертваго льва.

И когда теперь, послѣ словъ первосвященника, вспомнилъ онъ это, то сердце его сжалось отъ печали и страха.

Ничего не отвѣтивъ первосвященнику, онъ пошелъ дальше, въ залу судилища.

Какъ и всегда по утрамъ, двое его писцовъ, Елихоферъ и Ахія, уже лежали на цыновкахъ по обѣ стороны трона, держа наготовѣ свертки папируса, тростникъ и чернила. При входѣ царя они встали и поклонились ему до земли. Царь же сѣлъ на свой тронъ изъ слоновой кости съ золотыми украшеніями, оперся локтемъ на спину золотого льва и, склонивъ голову на ладонь, приказалъ:

— Пишите!

«Положи меня, какъ печать на сердцѣ твоемъ, какъ перстень на рукѣ твоей, потому что крѣпка, какъ смерть, любовь и жестока, какъ адъ, ревность: стрѣлы ея — стрѣлы огненныя».

И, помолчавъ такъ долго, что писцы въ тревогѣ затаили дыханіе, онъ сказалъ:

— Оставьте меня одного.

И весь день, до первыхъ вечернихъ тѣней, оставался царь одинъ на одинъ со своими мыслями, и никто не осмѣлился войти въ громадную, пустую залу судилища.

ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ РЫБНИКОВЪ.

I.

Въ тотъ день, когда ужасный разгромъ русскаго флота у о. Цусима приближался къ концу, и когда объ этомъ кровавомъ торжествѣ японцевъ проносились по Европѣ лишь первыя, тревожныя, глухія вѣсти,—въ этотъ самый день штабсъ-капитанъ Рыбниковъ, жившій въ безыменномъ переулкѣ на Пескахъ, получилъ слѣдующую телеграмму изъ Иркутска:

«Вышлите немедленно листы слѣдите за больнымъ уплатите расходы».

Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ тотчасъ же заявилъ своей квартирной хозяйкѣ, что дѣла вызываютъ его на день—на два изъ Петербурга, и чтобы поэтому она не безпокоилась его отсутствіемъ. Затѣмъ онъ одѣлся, вышелъ изъ дому и больше ужъ никогда туда не возвращался.

И только спустя пять дней хозяйку вызвали въ полицію для снятія показаній объ ея пропавшемъ жильцѣ. Честная, толстая, сорокапятилѣтняя женщина, вдова консисторскаго чиновника, чистосердечно разсказала все, что ей было извѣстно: жилецъ ея былъ человѣкъ тихій, бѣдный, глуповатый, умѣренный въ ѣдѣ, вѣжливый; не пилъ, не курилъ, рѣдко выходилъ изъ дому и у себя никого не принималъ.

Больше она ничего не могла сказать, несмотря на весь свой почтительный ужасъ передъ жандармскимъ ротмистромъ, который звѣрски шевелилъ пышными подусниками и за сквернымъ словомъ въ карманъ не лазилъ.

Въ этотъ-то пятидневный промежутокъ времени штабсъ-капитанъ Рыбниковъ обѣгалъ и объѣздилъ весь Петербургъ. Повсюду: на улицахъ, въ ресторанахъ, въ театрахъ, въ вагонахъ конокъ, на вокзалахъ появлялся этотъ маленькій, черномазый, хромой офицеръ, странно болтливый, растрепанный и не особенно трезвый, одѣтый въ общеармейскій мундиръ со сплошь краснымъ воротникомъ — настоящій типъ госпитальной, военно-канцелярской или интендантской крысы. Онъ являлся также по нѣсколько разъ въ главный штабъ, въ комитетъ о раненыхъ, въ полицейскіе участки, въ комендантское управленіе, въ управленіе казачьихъ войскъ и еще въ десятки присутственныхъ мѣстъ и управленій, раздражая служащихъ своими безтолковыми жалобами и претензіями, своимъ унизительнымъ попрошайничествомъ, армейской грубостью и крикливымъ патріотизмомъ. Всѣ уже знали наизусть, что онъ служилъ въ корпусномъ обозѣ, подъ Ляояномъ контуженъ въ голову, а при Мукденскомъ отступленіи раненъ въ ногу. Почему онъ, чортъ меня возьми, до сихъ поръ не получаетъ пособія?! Отчего ему не выдаютъ до сихъ поръ суточныхъ и прогонныхъ? А жалованье за два прошлыхъ мѣсяца? Абсолютно онъ готовъ пролить послѣднюю, чортъ ее побери, каплю крови за царя, престолъ и отечество, и онъ сейчасъ же вернется на Дальній Востокъ, какъ только заживетъ его раненая нога. Но— сто чертей!—проклятая нога не хочетъ заживать... Вообразите себѣ — нагноеніе! Да вотъ, посмотрите сами. — И онъ ставилъ больную ногу на стулъ и уже съ готовностью засучивалъ кверху панталоны, но всякій разъ его останавливали съ брезгливой и сострадательной стыдли-

востью. Его суетливая и нервная развязность, его запуганность, странно граничившая съ наглостью, его глупость и привязчивое, праздное любопытство выводили изъ себя людей, занятыхъ важной и страшно отвѣтственной бумажной работой.

Напрасно ему объясняли со всевозможной кротостью, что онъ обращается въ неподлежащее мѣсто, что ему надобно направиться туда-то, что слѣдуетъ представить такія-то и такія-то бумаги, что его извѣстятъ о результатѣ—онъ ничего, рѣшительно ничего не понималъ. Но и очень сердиться на него было невозможно: такъ онъ былъ беззащитенъ, пугливъ и наивенъ, и, если его съ досадой обрывали, онъ только улыбался, обнажая дёсны съ идіотскимъ видомъ, торопливо и многократно кланялся и потиралъ смущенно руки. Или вдругъ произносилъ заискивающимъ хриплымъ голосомъ:

— Пожалуйста... не одолжите ли папиросочку? Смерть покурить хочется, а папиросъ купить не на что. Яко нагъ, яко благъ... Бѣдность, какъ говорится, не порокъ, но большое свинство.

Этимъ онъ обезоруживалъ самыхъ придирчивыхъ и мрачныхъ чиновниковъ. Ему давали папироску и позволяли присѣсть у краешка стола. Противъ воли и, конечно, небрежно ему даже отвѣчали на его назойливые разспросы о теченіи военныхъ событій. Было, впрочемъ, много трогательнаго, дѣтски-искренняго въ томъ болѣзненномъ любопытствѣ, съ которымъ этотъ несчастный, замурзанный, обнищавшій раненый армеецъ слѣдитъ за войной. Просто-напросто, по человѣчеству, хотѣлось его успокоить, освѣдомить и ободрить, и оттого съ нимъ говорили откровеннѣе, чѣмъ съ другими.

Интересъ его ко всему, что касалось русско-японскихъ событій, простирался до того, что въ то время, когда для него наводили какую-нибудь путанную дѣловую

справку, онъ слонялся изъ комнаты въ комнату, отъ стола къ столу, и какъ только улавливалъ гдѣ-нибудь два слова о войнѣ, то сейчасъ же подходилъ и прислушивался съ своей обычной напряженной и глуповатой улыбкой.

Когда онъ наконецъ уходилъ, то оставлялъ по себѣ вмѣстѣ съ чувствомъ облегченія какое-то смутное, тяжелое и тревожное сожалѣніе. Нерѣдко чистенькіе, выхоленные штабные офицеры говорили о немъ съ благородной горечью:

— И это русскіе офицеры! Посмотрите на этотъ типъ. Ну, развѣ не ясно, почему мы проигрываемъ сраженіе за сраженіемъ? Тупость, безтолковость, полное отсутствіе чувства собственнаго достоинства... Бѣдная Россія!..

Въ эти хлопотливые дни штабсъ-капитанъ Рыбниковъ нанялъ себѣ номеръ въ грязноватой гостиницѣ близъ вокзала. Хотя при немъ и былъ собственный паспортъ запаснаго офицера, но онъ почему-то нашелъ нужнымъ заявить, что его бумаги находятся пока въ комендантскомъ управленіи. Сюда же въ гостиницу онъ перевезъ и свои вещи—портъ-пледъ съ одѣяломъ и подушкой, дорожный несессеръ и дешевый новенькій чемоданъ, въ которомъ было бѣлье и полный комплектъ штатскаго платья.

Впослѣдствіи прислуга показывала, что приходилъ онъ въ гостиницу поздно и какъ будто подъ хмелькомъ, но всегда аккуратно давалъ швейцару, отворявшему двери, гривенникъ на чай. Спалъ не болѣе трехъ-четырехъ часовъ, иногда совсѣмъ не раздѣваясь. Вставалъ рано и долго, часами, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ полдень уходилъ.

Время отъ времени штабсъ-капитанъ изъ разныхъ почтовыхъ отдѣленій посылалъ телеграммы въ Иркутскъ, и всѣ эти телеграммы выражали глубокую заботливость о какомъ-то раненомъ, тяжело-больномъ человѣкѣ, вѣроятно, очень близкомъ сердцу штабсъ-капитана.

И вотъ съ этимъ-то суетливымъ, смѣшнымъ и несуразнымъ человѣкомъ встрѣтился однажды фельетонистъ большой петербургской газеты, Владиміръ Ивановичъ Щавинскій.

II.

Передъ тѣмъ, какъ ѣхать на бѣга, Щавинскій завернулъ въ маленькій, темный ресторанчикъ «Слава Петрограда», гдѣ обыкновенно собирались къ двумъ часамъ дня, для обмѣна мыслями и свѣдѣніями, газетные репортеры. Это была довольно безпардонная, веселая, циничная, всезнающая и голодная компанія, и Щавинскій, до извѣстной степени аристократъ газетнаго міра, къ ней, конечно, не принадлежалъ. Его воскресные фельетоны, блестящіе и забавные, но не глубокіе, имѣли значительный успѣхъ въ публикѣ. Онъ зарабатывалъ большія деньги, отлично одѣвался и велъ широкое знакомство. Но его хорошо принимали и въ «Славѣ Петрограда» за его развязный, острый языкъ и за милую щедрость, съ которой онъ ссужалъ братьевъ-писателей маленькими золотыми. Сегодня репортеры обѣщали достать для него бѣговую программу съ таинственными помѣтками изъ конюшни.

Швейцаръ Василій, почтительно и дружелюбно улыбаясь, снялъ съ Щавинскаго пальто.

— Пожалуйте, Владиміръ Ивановичъ. Всѣ въ сборѣ-съ. Въ большомъ кабинетѣ у Прохора.

И толстый, низко-стриженый рыжеусый Прохоръ также фамильярно-ласково улыбался, глядя, по обыкновенію, не въ глаза, а поверхъ лба почетному посѣтителю.

— Давненько не изволили бывать, Владиміръ Ивановичъ. Пожалуйте-съ. Все свои-съ.

Какъ и всегда, братья-писатели сидѣли вокругъ длиннаго стола и, торопливо макая перья въ одну черниль-

ницу, быстро строчили на длинныхъ полосахъ бумаги. Въ то же время они успѣвали, не прекращая этого занятія, поглощать растегаи и жареную колбасу съ картофельнымъ пюре, пить водку и пиво, курить и обмѣниваться свѣжими городскими новостями и редакціонными сплетнями, не подлежащими тисненію. Кто-то спалъ камнемъ на диванѣ, подстеливъ подъ голову носовой платокъ. Воздухъ въ кабинетѣ былъ синій, густой и слоистый отъ табачнаго дыма.

Здороваясь съ репортерами, Щавинскій замѣтилъ среди нихъ штабсъ-капитана въ обще-армейскомъ мундирѣ. Онъ сидѣлъ, разставивъ врозь ноги, опираясь руками и подбородкомъ на эфесъ огромной шашки. При видѣ его, Щавинскій не удивился, какъ привыкъ ничему не удивляться въ жизни репортеровъ. Онъ бывалъ свидѣтелемъ, что въ этой путаной безшабашной компаніи пропадали по цѣлымъ недѣлямъ: тамбовскіе помѣщики, ювелиры, музыканты, танцмейстеры, актеры, хозяева звѣринцевъ, рыбные торговцы, распорядители кафе-шантановъ, клубные игроки и другія лица самыхъ неожиданныхъ профессій.

Когда дошла очередь до офицера, тотъ всталъ, приподнялъ плечи, оттопыривъ локти, и отрекомендовался хриплымъ, настоящимъ армейскимъ пропойнымъ голосомъ:

— Хемм!.. Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Очень пріятно. Вы тоже писатель? Очень, очень пріятно. Уважаю пишущую братію. Печать — шестая великая держава. Что? Неправда?

При этомъ онъ осклаблялся, щелкалъ каблуками, крѣпко трясъ руку Щавинскаго и все время какъ-то особенно смѣшно кланялся, быстро сгибая и выпрямляя верхнюю часть тѣла.

«Гдѣ я его видѣлъ? — мелькнула у Щавинскаго безпокойная мысль. — Удивительно кого-то напоминаетъ. Кого?»

Здѣсь въ кабинетѣ были всѣ знаменитости петербургскаго репортажа. Три мушкетера—Кодлубцевъ, Ряжкинъ и Поповъ. Ихъ никогда не видали иначе, какъ вмѣстѣ, даже ихъ фамиліи, произнесенныя рядомъ, особенно ловко укладывались въ четырехстопный ямбъ. Это не мѣшало имъ постоянно ссориться и выдумывать другъ про друга случаи невѣроятныхъ вымогательствъ, уголовныхъ подлоговъ, клеветы и шантажа. Присутствовалъ также Сергѣй Кондрашовъ, котораго за его необузданное сладострастіе называли «не человѣкъ, а патологическій случай». Былъ нѣкто, чья фамилія стерлась отъ времени, какъ одна сторона скверной монеты, и осталась только ходячая кличка «Матаня», подъ которой его зналъ весь Петербургъ. Про мрачнаго Свищева, писавшаго фельетончики «По камерамъ мировыхъ судей», говорили въ видѣ дружеской шутки: «Свищевъ крупный шантажистъ, онъ меньше трехъ рублей не беретъ». Спавшій же на диванѣ длинноволосый поэтъ Пеструхинъ поддерживалъ свое утлое и пьяное существованіе тѣмъ, что воспѣвалъ въ лирическихъ стихахъ царскіе дни и двунадесятые праздники. Были и другія, не менѣе крупныя имена: спеціалисты по городскимъ дѣламъ, по пожарамъ, по трупамъ, по открытіямъ и закрытіямъ садовъ.

Длинный, вихрястый, угреватый Матаня сказалъ:

— Программу вамъ сейчасъ принесутъ, Владимиръ Ивановичъ. А покамѣстъ рекомендую вашему вниманію храбраго штабсъ-капитана. Только-что вернулся съ Дальняго Востока, гдѣ, можно сказать, разбивалъ въ пухъ и прахъ желтолицаго, косоглазаго и коварнаго врага. Ну-съ, генералъ, валяйте дальше.

Офицеръ прокашлялся и сплюнулъ въ бокъ на полъ.

«Хамъ!»—подумалъ Щавинекій, поморщившись.

— Русскій солдатъ это, братъ, не фунтъ изюму! — воскликнулъ хрипло Рыбниковъ, громыхая шашкой. —

Чудо-богатыри, какъ говорилъ безсмертный Суворовъ. Что? Не правду я говорю? Однимъ словомъ... Но скажу вамъ откровенно: начальство наше на Востокѣ не годится ни къ чорту! Знаете извѣстную нашу поговорку: каковъ попъ, таковъ приходъ. Что? Не вѣрно? Воруютъ, играютъ въ карты, завели любовницъ... А вѣдь извѣстно: гдѣ чортъ не поможетъ, бабу пошлетъ.

— Вы, генералъ, что-то о съемкахъ начали, — напомнилъ Матаня.

— Ага, о съемкахъ. Мерси. Голова у меня... Дер-рбалызнулъ я сегодня. — Рыбниковъ метнулъ быстрый, острый взглядъ на Щавинскаго. — Да, такъ вотъ-съ... Назначили одного полковника генеральнаго штаба произвести маршрутную рекогносцировку. Беретъ онъ съ собой взводъ казаковъ — лихое войско, чортъ его побери... Что? Не правда?.. Беретъ онъ переводчика и ѣдетъ. Попадаетъ въ деревню. — «Какъ названіе?» Переводчикъ молчитъ. «А ну-ка, ребятушки!» Казаки его сейчасъ нагайками. Переводчикъ говоритъ: «Бутунду». А «бутунду» по-китайски значитъ: «не понимаю».—«Ага, заговорилъ, сукинъ сынъ!» И полковникъ пишетъ на кроки: «Деревня «Бутунду». Опять ѣдутъ — опять деревня. «Названіе?»— «Бутунду». — «Какъ? Еще Бутунду?»—«Бутунду». Полковникъ опять пишетъ: «Бутунду». Такъ онъ десять деревень назвалъ «Бутунду», и вышелъ онъ, какъ у Чехова: «Хоть ты, говоритъ — Ивановъ седьмой, а все-таки дуракъ!»

— А-а! Вы знаете Чехова? — спросилъ Щавинскій.

— Кого? Чехова? Антошу? Еще бы, чортъ побери!.. Друзья! Пили мы съ нимъ здорово... Хоть ты, говоритъ, и седьмой, а все-таки дуракъ...

— Вы съ нимъ тамъ на Востокѣ видѣлись? —быстро спросилъ Щавинскій.

— Какъ же, обязательно на Востокѣ. Мы, братъ,

бывало, съ Антонъ Петровичемъ... Хоть ты и седьмой, а...

Пока онъ говорилъ, Щавинскій внимательно наблюдалъ за нимъ. Все у него было обычное, чисто-армейское: голосъ, манеры, поношенный мундиръ, бѣдный и грубый языкъ. Щавинскому приходилось видѣть сотни такихъ забулдыгъ-капитановъ, какъ онъ. Такъ же они осклаблялись и чертыхались, расправляли усы влѣво и вправо молодцоватыми движеніями, такъ же вздергивали вверхъ плечи, оттопыривали локти, картинно опирались на шашку и щелкали воображаемыми шпорами. Но было въ немъ и что-то совсѣмъ особенное, затаенное, чего Щавинскій никогда не видалъ и не могъ опредѣлить — какая-то внутренняя напряженная, нервная сила. Было похоже на то, что Щавинскій вовсе не удивился бы, если бы вдругъ этотъ хрипящій и пьяный бурбонъ заговорилъ о тонкихъ и умныхъ вещахъ, непринужденно и ясно, изящнымъ языкомъ, но не удивился бы также какой-нибудь безумной, внезапной, горячечной, даже кровавой выходкѣ со стороны штабсъ-капитана.

Въ лицѣ его поражало Щавинскаго то разное впечатлѣніе, которое производили его фасъ и профиль. Сбоку это было обыкновенное русское, чуть-чуть калмыковатое лицо: маленькій выпуклый лобъ подъ уходящимъ вверхъ черепомъ, русскій безформенный носъ сливой, рѣдкіе, жесткіе, черные волосы въ усахъ и на бороденкѣ, голова, коротко остриженная, съ сильной просѣдью, тонъ лица темно-желтый отъ загара... Но, поворачиваясь лицомъ къ Щавинскому, онъ сейчасъ же начиналъ ему кого-то напоминать. Что-то чрезвычайно знакомое, но такое, чего никакъ нельзя было ухватить, чувствовалось въ этихъ узенькихъ, зоркихъ, ярко-кофейныхъ глазкахъ съ разрѣзомъ наискось, въ тревожномъ изгибѣ черныхъ бровей, идущихъ отъ переносья кверху, въ энергичной

сухости кожи, крѣпко обтягивавшей мощныя скулы, а главное, въ общемъ выраженіи этого лица — злобнаго, насмѣшливаго, умнаго, пожалуй, даже высокомѣрнаго, но не человѣческаго, а скорѣе звѣринаго, а еще вѣрнѣе — лица, принадлежащаго существу съ другой планеты.

«Точно я его во снѣ видѣлъ»,—подумалъ Щавинскій.

Всматриваясь, онъ невольно прищурился и наклонилъ голову набокъ.

Рыбниковъ тотчасъ же повернулся къ нему и захохоталъ нервно и громко:

— Что вы на меня любуетесь, господинъ писатель? Интересно? Я,—онъ возвысилъ голосъ и съ смѣшной гордостью ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Я штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Рыб-ни-ковъ! Православный русскій воинъ, не считая, бьетъ враговъ. Такая есть солдатская русская пѣсня. Что? Не вѣрно?

Кодлубцевъ, бѣгая перомъ по бумагѣ и не глядя на Рыбникова, бросилъ небрежно:

— И не считаясь, сдается въ плѣнъ.

Рыбниковъ быстро бросилъ взглядъ на Кодлубцева, и Щавинскій замѣтилъ, какъ въ его коричневыхъ глазахъ блеснули странные желто-зеленые огоньки. Но это было только на мгновеніе. Тотчасъ же штабсъ-капитанъ захохоталъ, развелъ руками и звонко хлопнулъ себя по ляжкамъ.

— Ничего не подѣлаешь — Божья воля. Недаромъ говорится въ пословицѣ: нашла коса на камень. Что? Не вѣрно? — Онъ обратился вдругъ къ Щавинскому, слегка потрепалъ его рукою по колѣну и издалъ губами безнадежный звукъ: фить! — Мы все авось, да кое-какъ, да какъ-нибудь — тяпъ да ляпъ. Къ мѣстности не умѣемъ примѣняться, снаряды не подходятъ къ калибрамъ орудій, люди на позиціяхъ по четверо сутокъ не ѣдятъ. А японцы, чортъ бы ихъ побралъ, работаютъ, какъ ма-

шины. Макаки, а на ихъ сторонѣ цивилизація, чортъ бы ихъ бралъ! Что? Не вѣрно я говорю?

— Такъ что они, по-вашему, пожалуй, насъ и побѣдятъ? — спросилъ Щавинскій.

У Рыбникова опять задергались губы. Эту привычку уже успѣлъ за нимъ замѣтить Щавинскій. Во все время разговора, особенно когда штабсъ-капитанъ задавалъ вопросъ и, насторожившись, ждалъ отвѣта, или нервно оборачивался на чей-нибудь пристальный взглядъ, губы у него быстро дергались то въ одну, то въ другую сторону въ странныхъ гримасахъ, похожихъ на судорожныя злобныя улыбки. И въ то же время онъ торопливо облизывалъ концомъ языка свои потрескавшіяся сухія губы, тонкія, синеватыя, какія-то обезьяньи или козлиныя губы.

— Кто знаетъ! — воскликнулъ штабсъ-капитанъ. — Одинъ Богъ. Безъ Бога ни до порога, какъ говорится. Что? Не вѣрно? Кампанія еще не кончена. Все впереди. Русскій солдатъ привыкъ къ побѣдамъ. Вспомните Полтаву, незабвеннаго Суворова... А Севастополь! А какъ въ двѣнадцатомъ году мы прогнали величайшаго въ мірѣ полководца Наполеона. Великъ Богъ земли русской! Что?

Онъ заговорилъ, а углы его губъ дергались странными, злобными, насмѣшливыми, нечеловѣческими улыбками, и зловѣщій желтый блескъ игралъ въ его глазахъ подъ черными суровыми бровями.

Щавинскому принесли въ это время кофе.

— Не хотите ли рюмочку коньяку? — предложилъ онъ штабсъ-капитану.

Рыбниковъ опять слегка похлопалъ его по колѣну.

— Нѣтъ, спасибо, голубчикъ. Я сегодня чортъ знаетъ сколько выпилъ. Башка трещитъ. Съ утра, чортъ возьми, наклюкался. Веселіе Руси есть пити. Что? Не правда? — воскликнулъ онъ вдругъ съ лихимъ видомъ и внезапно пьянымъ голосомъ.

«Притворяется», — подумалъ Щавинскій.

Но почему-то онъ не хотѣлъ отстать и продолжалъ угощать штабсъ-капитана.

— Можетъ-быть, пива? Краснаго вина?

— Нѣтъ, покорно благодарю. И такъ пьянъ. Гранъ мерси.

— Сельтерской воды?

Штабсъ-капитанъ оживился.

— Ахъ, да, да! Вотъ именно... именно сельтерской... стаканчикъ не откажусь.

Принесли сифонъ. Рыбниковъ выпилъ стаканъ большими, жадными глотками. Даже руки у него задрожали отъ жадности. И тотчасъ же налилъ себѣ другой стаканъ. Сразу было видно, что его уже долго мучила жажда.

«Притворяется, — опять подумалъ Щавинскій. — Что за диковинный человѣкъ! Онъ недоволенъ, утомленъ, но ничуть не пьянъ».

— Жара, чортъ ее побери,—сказалъ Рыбниковъ хрипло. — Однако я, господа, кажется, мѣшаю вамъ заниматься.

— Нѣтъ, ничего. Мы привыкли,—пробурчалъ Ряжкинъ.

— А что, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь свѣжихъ извѣстій съ войны? — спросилъ Рыбниковъ. — Эхъ, господа! — воскликнулъ онъ вдругъ и громыхнулъ шашкой. — Сколько бы могъ я вамъ дать интереснаго матеріала о войнѣ! Хотите, я вамъ буду диктовать, а вы только пишите. Вы только пишите. Такъ и озаглавьте:— «Воспоминанія штабсъ-капитана Рыбникова, вернувшагося съ войны». Нѣтъ, вы не думайте — я безъ денегъ, я задаромъ, задаромъ. Какъ вы думаете, господа писатели?

— Что жъ, это можно, — вяло отозвался Матаня: — какъ-нибудь устроимъ вамъ интервьюшку... Послушайте,

Владимиръ Петровичъ, вы ничего не знаете о нашемъ флотѣ?

— Нѣтъ, ничего; а развѣ что̀ есть?

— Разсказываютъ что-то невозможное. Кондрашовъ слышалъ отъ знакомаго изъ морского штаба. Эй! Патологическій случай, разскажи Щавинскому!

«Патологическій случай», человѣкъ съ черной трагической бородой и изжеваннымъ лицомъ, сказалъ въ носъ:

— Я не могу, Владимиръ Ивановичъ, ручаться. Но источникъ какъ будто достовѣрный. Въ штабѣ ходитъ темный слухъ, что бо̀льшая часть нашей эскадры сдалась безъ боя. Что будто бы матросы перевязали офицеровъ и выкинули бѣлый флагъ. Чуть ли не двадцать судовъ.

— Это, дѣйствительно, ужасно, — тихо произнесъ Щавинскій. — Можетъ-быть, еще неправда? Впрочемъ, теперь такое время, что самое невозможное стало возможнымъ. Кстати, вы знаете, что̀ дѣлается въ морскихъ портахъ? Во всѣхъ экипажахъ идетъ страшное, глухое броженіе. Морскіе офицеры на берегу боятся встрѣчаться съ людьми своей команды.

Разговоръ сталъ общимъ. Эта пронырливая, вездѣсущая, циничная компанія была своего рода чувствительнымъ пріемникомъ для всевозможныхъ городскихъ слуховъ и толковъ, которые часто доходили раньше до отдѣльнаго кабинета «Славы Петрограда», чѣмъ до министерскихъ кабинетовъ. У каждаго были свои новости. Это было такъ интересно, что даже три мушкетера, для которыхъ, казалось, ничего не было на свѣтѣ святого и значительнаго, заговорили съ непривычной горячностью.

— Носятся слухи о томъ, что въ тылу арміи запасные отказываются повиноваться. Что будто солдаты стрѣляютъ въ офицеровъ изъ ихъ же собственныхъ револьверовъ.

— Я слышалъ, что главнокомандующій повѣсилъ пять-

десятъ сестеръ милосердія. Ну, конечно, онѣ были только подъ видомъ сестеръ.

Щавинскій оглянулся на Рыбникова. Теперь болтливый штабсъ-капитанъ молчалъ. Сузивъ глаза, налегши грудью на эфесъ шашки, онъ напряженно слѣдилъ поочередно за каждымъ изъ товорившихъ, и на его скулахъ подъ натянутой кожей быстро двигались сухожилія, а губы шевелились, точно онъ повторялъ про себя каждое слово.

«Господи, да кого же наконецъ онъ напоминаетъ?»— въ десятый разъ съ нетерпѣніемъ подумалъ фельетонистъ.

Это такъ мучило его, что онъ пробовалъ прибѣгнуть къ старому знакомому средству: притвориться предъ самимъ собой, что онъ какъ будто совсѣмъ забылъ о штабсъ-капитанѣ, и потомъ вдругъ внезапно взглянуть на него. Обыкновенно такой пріемъ довольно быстро помогалъ ему вспомнить фамилію или мѣсто встрѣчи, но теперь онъ оказывался совсѣмъ недѣйствительнымъ.

Подъ его упорнымъ взглядомъ Рыбниковъ опять обернулся, глубоко вздохнулъ и съ сокрушеніемъ покрутилъ головой.

— Ужасное извѣстіе. Вы вѣрите? Что? Если даже и правда, не надо отчаиваться. Знаете, какъ мы, русскіе, говоримъ: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. То-есть я хочу сказать, что свинья — это, конечно, японцы.

Теперь онъ упорно выдерживалъ пристальный взглядъ Щавинскаго, и въ его рыжихъ звѣриныхъ глазахъ фельетонистъ увидѣлъ пламя непримиримой, нечеловѣческой ненависти.

Въ эту минуту спавшій на диванѣ поэтъ Пеструхинъ вдругъ приподнялся, почмокалъ губами и уставился мутнымъ взглядомъ на офицера.

— А, японская морда, ты еще здѣсь? — сказалъ онъ

пьянымъ голосомъ, едва шевеля губы: — поговори у меня еще!

И опять упалъ на диванъ, перевернувшись на другой бокъ.

«Японецъ!—подумалъ съ жуткимъ любопытствомъ Щавинскій.—Вотъ онъ на кого похожъ».—И Щавинскій сказалъ протяжно, съ многозначительной вѣскостью:

— Однако вы фру-уктъ, господинъ штабсъ-капитанъ!

— Я? — закричалъ тотъ. Глаза его потухли, но губы еще нервно кривились. — Я — штабсъ-капитанъ Рыбниковъ! — Онъ опять со смѣшной гордостью стукнулъ себя кулакомъ по груди.—Мое русское сердце болитъ. Позвольте пожать вашу правую руку. Я подъ Ляояномъ контуженъ въ голову, а подъ Мукденомъ раненъ въ ногу. Что? Вы не вѣрите? Вотъ я вамъ сейчасъ покажу.

Онъ поставилъ ногу на стулъ и сталъ засучивать кверху свои панталоны.

— Ну васъ, бросьте, штабсъ-капитанъ. Вѣримъ,—сказалъ, морщась, Щавинскій.

Но тѣмъ не менѣе изъ привычнаго любопытства онъ успѣлъ быстро взглянуть на ногу Рыбникова и замѣтить, что этотъ штабсъ-капитанъ армейской пѣхоты носитъ нижнее бѣлье изъ прекраснаго шелковаго трико.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ посыльный съ письмомъ къ Матанѣ.

— Это для васъ, Владимиръ Ивановичъ, — сказалъ Матаня, разорвавъ конвертъ. — Программа изъ конюшни. Поставьте за меня, пожалуйста, одинъ билетъ въ двойномъ на Зенита. Я вамъ во вторникъ отдамъ.

— Поѣдемте со мной на бѣга, капитанъ? — предложилъ Щавинскій.

— Куда? На бѣга? Съ моимъ удовольствіемъ. — Рыбниковъ шумно всталъ, опрокинувъ стулъ. — Это гдѣ ло-

шади скачутъ? Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ куда угодно. Въ бой, въ строй, къ чортовой матери! Ха-ха-ха! Вотъ каковъ. Что? Не правда?

Когда они уже сидѣли на извозчикѣ и ѣхали по Кабинетской улицѣ, Щавинскій продѣлъ свою руку подъ руку офицера, нагнулся къ самому его уху и сказалъ чуть слышно:

— Не бойтесь, я васъ не выдамъ. Вы такой же Рыбниковъ, какъ я Вандербильтъ. Вы офицеръ японскаго генеральнаго штаба, думаю, не меньше, чѣмъ въ чинѣ полковника, и теперь—военный агентъ въ Россіи...

Но Рыбниковъ не слышалъ его словъ за шумомъ колесъ или не понялъ его. Покачиваясь слегка изъ стороны въ сторону, онъ говорилъ хрипло съ новымъ пьянымъ восторгомъ:

— З-значитъ, мы съ вами з-закутили! Люблю, чортъ! Не будь я штабсъ-капитанъ Рыбниковъ, русскій солдатъ, если я не люблю русскихъ писателей! Славный народъ! Здорово пьютъ и знаютъ жизнь насквозь. Веселіе Руси есть пити. А я, братъ, здорово съ утра дерябнулъ.

III.

Щавинскій — и по роду его занятія и по склонностямъ натуры — былъ собирателемъ человѣческихъ документовъ, коллекціонеромъ рѣдкихъ и странныхъ проявленій человѣческаго духа. Нерѣдко въ продолженіе недѣль, иногда цѣлыхъ мѣсяцевъ, наблюдалъ онъ за интереснымъ субъектомъ, выслѣживая его съ упорствомъ страстнаго охотника или добровольнаго сыщика. Случалось, что такой добычей оказывался, по его собственному выраженію, какой-нибудь «рыцарь изъ-подъ темной звѣзды» — шуллеръ, извѣстный плагіаторъ, сводникъ, альфонсъ, графоманъ —

ужасъ всѣхъ редакцій, зарвавшійся кассиръ или артельщикъ, тратящій по ресторанамъ, скачкамъ и игорнымъ заламъ казенныя деньги съ безуміемъ человѣка, несущагося въ пропасть; но бывали также предметами его спортивнаго увлеченія знаменитости сезона — піанисты, пѣвцы, литераторы, чрезмѣрно счастливые игроки, жокеи, атлеты, входящія въ моду кокотки. Добившись во что бы то ни стало знакомства, Щавинскій мягко и любовно, съ какой-то обволакивающей паучьей манерой овладѣвалъ вниманіемъ своей жертвы. Здѣсь онъ шелъ на все: просиживалъ цѣлыми ночами безъ сна съ пошлыми, ограниченными людьми, весь умственный багажъ которыхъ составлялъ — точно у бушменовъ — десятокъ-другой зоологическихъ понятій и шаблонныхъ фразъ; онъ поилъ въ ресторанахъ отъявленныхъ дураковъ и негодяевъ, терпѣливо выжидая, пока въ опьянѣніи они не распустятъ пышнымъ махровымъ цвѣтомъ своего уродства; льстилъ людямъ наобумъ, съ ясными глазами, въ чудовищныхъ дозахъ, твердо вѣря въ то, что лесть—ключъ ко всѣмъ замкамъ; щедро раздавалъ взаймы деньги, зная заранѣе, что никогда ихъ не получитъ назадъ. Въ оправданіе скользкости этого спорта онъ могъ бы сказать, что внутренній психологическій интересъ значительно превосходилъ въ немъ тѣ выгоды, которыя онъ потомъ пріобрѣталъ въ качествѣ бытописателя. Ему доставляло странное, очень смутное для него самого наслажденіе проникнуть въ тайныя, недопускаемыя комнаты человѣческой души, увидѣть скрытыя, иногда мелочныя, иногда позорныя, чаще смѣшныя, чѣмъ трогательныя, пружины внѣшнихъ дѣйствій — такъ сказать, подержать въ рукахъ живое, горячее человѣческое сердце и ощутить его біеніе. Часто при этой пытливой работѣ ему казалось, что онъ утрачиваетъ совершенно свое «я», до такой степени онъ начиналъ думать и чувствовать душою другого человѣка,

даже говорить его языкомъ и характернымп словечками, наконецъ онъ даже ловилъ себя на томъ, что употребляетъ чужіе жесты и чужія интонаціи. Но, насытившись человѣкомъ, онъ бросалъ его. Правда, иногда за минуту увлеченія приходилось расплачиваться долго и тяжело.

Но ужъ давно никто такъ глубоко, до волненія, не интересовалъ его, какъ этотъ растерзанный, хриплый, пьяноватый обще-армейскій штабсъ-капитанъ. Цѣлый день Щавинскій не отпускалъ его отъ себя. Порою, сидя бокъ-о-бокъ съ нимъ на извозчикѣ и незамѣтно наблюдая его, Щавинскій думалъ рѣшительно:

«Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы я ошибался,—это желтое, раскосое, скуластое лицо, эти постоянные короткіе поклоны и потираніе рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ эта напряженная, нервная, жуткая развязность... Но если все это правда, и штабсъ-капитанъ Рыбниковъ дѣйствительно японскій шпіонъ, то какимъ невообразимымъ присутствіемъ духа долженъ обладать этотъ человѣкъ, разыгрывающій съ великолѣпной дерзостью среди бѣла дня, въ столицѣ враждебной націи, такую злую и вѣрную карикатуру на русскаго забубеннаго армейца! Какія страшныя ощущенія долженъ онъ испытывать, балансируя весь день, каждую минуту надъ почти неизбѣжной смертью».

Здѣсь была совсѣмъ уже непонятная для Щавинскаго очаровательная, безумная и въ то же время холодная отвага, былъ, можетъ-быть, высшій изо всѣхъ видовъ патріотическаго героизма. И острое любопытство вмѣстѣ съ какимъ-то почтительнымъ ужасомъ все сильнѣе притягивали умъ фельетониста къ душѣ этого диковиннаго штабсъ-капитана.

Но иногда онъ мысленно одергивалъ себя:

«А что, если я самъ себѣ навязалъ смѣшную и предвзятую мысль? Что, если я, пытливый сердцевѣдецъ, самъ

себя одурачилъ просто-напросто закутившимъ гоголевскимъ капитаномъ Копейкинымъ? Вѣдь на Уралѣ и среди оренбургскаго казачества много именно такихъ монгольскихъ шафранныхъ лицъ». И тогда онъ еще внимательнѣе приглядывался къ каждому жесту и выраженію физіономіи штабсъ-капитана, чутко прислушивался къ звукамъ его голоса.

Рыбниковъ не пропускалъ ни одного солдата, отдававшаго ему честь, и самъ прикладывалъ руку къ козырьку фуражки съ особенно продолжительной, аффектированной тщательностью. Когда они проѣзжали мимо церквей, онъ неизмѣнно снималъ шапку и крестился широко и аккуратно, и при этомъ чуть-чуть косилъ глазомъ на своего сосѣда — видитъ тотъ или нѣтъ?

Однажды Щавинскій не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Однако вы набожны, капитанъ.

Рыбниковъ развелъ руками, комично ушелъ головой въ поднятыя плечи и захрипѣлъ:

— Ничего не подѣлаешь, батенька. Привыкъ въ бояхъ. Кто на войнѣ не былъ, Богу не маливался. Знаете? Прекрасная русская поговорка. Тамъ, голубчикъ, поневолѣ научишься молиться. Бывало, идешь на позицію — пули визжатъ, шрапнель, гранаты... эти самыя проклятыя шимозы... но ничего не подѣлаешь — долгъ, присяга — идешь! А самъ читаешь про себя: «Отче нашъ, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси...»

И онъ дочиталъ до самаго конца всю молитву, старательно отчеканивая каждый звукъ.

«Шпіонъ!»—рѣшилъ Щавинскій.

Но онъ не хотѣлъ оставить свое подозрѣніе на половинѣ. Нѣсколько часовъ подъ рядъ онъ продолжалъ испытывать и терзать штабсъ-капитана. Въ отдѣльномъ кабинетѣ, за обѣдомъ, онъ говорилъ, нагибаясь черезъ

столъ за стаканомъ вина и глядя Рыбникову въ самые зрачки:

— Слушайте, капитанъ, теперь насъ никто не слышитъ, и... я не знаю, какое вамъ дать честное слово, что никто въ мірѣ не узнаетъ о нашемъ разговорѣ. Я совсѣмъ безповоротно, я глубоко убѣжденъ, что вы—японецъ.

Рыбниковъ опять хлопнулъ себя по груди кулакомъ.

— Я штабсъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ эти выходки. Своего лица вы не спрячете, какъ вы ни умны. Очертаніе скулъ, разрѣзъ глазъ, этотъ характерный черепъ, цвѣтъ кожи, рѣдкая и жесткая растительность на лицѣ, все, все несомнѣнно указываетъ на вашу принадлежность къ желтой расѣ. Но вы въ безопасности. Я не донесу на васъ, что бы мнѣ за это ни обѣщали, чѣмъ бы мнѣ ни угрожали за молчаніе. Уже по одному тому я не сдѣлаю вамъ вреда, что все мое сердце полно безконечнымъ уваженіемъ передъ вашей удивительной смѣлостью, я скажу даже больше — полно благоговѣніемъ,—ужасомъ, если хотите. Я, — а вѣдь я писатель, слѣдовательно человѣкъ съ воображеніемъ и фантазіей, — я не могу себѣ даже представить, какъ это возможно рѣшиться: за десятки тысячъ верстъ отъ родины, въ городѣ, полномъ ненавидящими врагами, ежеминутно рискуя жизнью, — вѣдь васъ повѣсятъ безъ всякаго суда, если вы попадетесь, не такъ ли? — и вдругъ разгуливать въ мундирѣ офицера, втесываться безъ разбора во всякія компаніи, вести самые рискованные разговоры! Вѣдь маленькая ошибка, оговорка погубитъ васъ въ одну секунду. Вотъ, полчаса тому назадъ, вы вмѣсто слова рукопись сказали — манускриптъ. Пустякъ, а очень характерный. Армейскій штабсъ-капитанъ никогда не употребитъ этого слова примѣнительно къ современной рукописи, а только

къ архивной или къ особенно торжественной. Онъ даже не скажетъ: рукопись, а сочиненіе. Но это пустяки. Главное, я не могу постигнуть этого постояннаго напряженія ума и воли, этой дьявольской траты душевныхъ силъ. Разучиться думать по-японски, совсѣмъ забыть свое имя, отожествиться съ другой личностью. Нѣтъ, нѣтъ, это положительно выше всякаго героизма, о которомъ намъ говорили въ школахъ. Милый мой, не лукавьте со мною. Клянусь, я не врагъ вамъ.

Онъ говорилъ это совсѣмъ искренно, весь воспламененный и растроганный тѣмъ героическимъ образомъ, который ему рисовало воображеніе. Но штабсъ-капитанъ не шелъ и на лесть. Онъ слушалъ его, глядя слегка прищуренными глазами въ бокалъ, который онъ тихо двигалъ по скатерти, и углы его синихъ губъ нервно передергивались. И въ лицѣ его Щавинскій узнавалъ все ту же скрытую насмѣшку, ту же упорную, глубокую, неугасимую ненависть, особую, быть-можетъ, никогда непостижимую для европейца, ненависть мудраго, очеловѣченнаго, культурнаго, вѣжливаго звѣря къ существу другой породы.

— Э, бросьте вы, благодѣтель, — возразилъ небрежно Рыбниковъ.—Ну его къ дьяволу! Меня и въ полку дразнили японцемъ. Что тамъ! Я — штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Знаете, есть русская поговорка: рожа овечья, а душа человѣчья. А вотъ я разскажу вамъ, у насъ въ полку былъ однажды случай...

— А вы въ какомъ полку служили? — внезапно спросилъ Щавинскій.

Но штабсъ-капитанъ какъ будто не разслышалъ. Онъ началъ разсказывать тѣ старые, заѣзженные, похабные анекдоты, которые разсказываются въ лагеряхъ, на маневрахъ, въ казармахъ. И Щавинскій почувствовалъ невольно обиду.

Одинъ разъ, уже вечеромъ, сидя на извозчикѣ, Щавинскій обнялъ его за талію, притянулъ къ себѣ и сказалъ вполголоса:

— Капитанъ... нѣтъ, не капитанъ, а навѣрно полковникъ, иначе бы вамъ не дали такого серьезнаго порученія. Итакъ, скажемъ, полковникъ: я преклоняюсь предъ вашей отвагой, то-есть, я хочу сказать, передъ безграничнымъ мужествомъ японскаго народа. Иногда, когда я читаю или думаю объ единичныхъ случаяхъ вашей чертовской храбрости и презрѣнія къ смерти, я испытываю дрожь восторга. Какая, напримѣръ, безсмертная красота и божественная дерзость въ поступкѣ этого командира разстрѣляннаго судна, который на предложеніе сдаться молча закурилъ папироску и съ папироской въ зубахъ пошелъ ко дну. Какая необъятная сила и какое восхитительное презрѣніе къ врагамъ! А морскіе кадеты, которые на брандерахъ пошли на вѣрную смерть съ такой радостью, какъ будто они отправились на балъ? А помните, какъ какой-то лейтенантъ — одинъ, совсѣмъ одинъ, пробуксировалъ на лодкѣ торпеду къ окончанію портъ-артурскаго мола? Его освѣтили прожекторами, и отъ него съ его торпедой осталось только большое кровавое пятно на бетонной стѣнѣ, но на другой же день всѣ мичманы и лейтенанты японскаго флота засыпали адмирала Того прошеніями, гдѣ они вызывались повторить тотъ же безумный подвигъ. Что за герои! Но еще великолѣпнѣе приказъ Того о томъ, чтобы подчиненные ему офицеры не смѣли такъ рисковать своей жизнью, которая принадлежитъ не имъ, а отечеству. Ахъ, чортъ, красиво!

— По какой это мы улицѣ ѣдемъ? — прервалъ его Рыбниковъ и зѣвнулъ. — Послѣ манчжурскихъ сопокъ я совсѣмъ забылъ оріентироваться на улицѣ. У насъ въ Харбинѣ...

Но увлекшійся Щавинскій продолжалъ, не слушая его:

— Помните вы случай, когда офицеръ, взятый въ плѣнъ, разбилъ себѣ голову о камень? Но что всего изумительнѣе — это подписи самураевъ. Вы, конечно, не слыхали объ этомъ, господинъ штабсъ-капитанъ Рыбниковъ? — спросилъ Щавинскій съ язвительнымъ подчеркиваніемъ. — Ну да, понятно, не слыхали... Генералъ Ноги, видите ли, вызвалъ охотниковъ итти въ первой колоннѣ на ночной штурмъ портъ-артурскихъ укрѣпленій. Почти весь отрядъ вызвался на это дѣло, на эту почетную смерть. И такъ какъ ихъ оказалось слишкомъ много, и такъ какъ они торопились другъ передъ другомъ попасть на смерть, то они просили объ этомъ письменно, и нѣкоторые изъ нихъ, по древнему обычаю, отрубали себѣ указательный палецъ лѣвой руки и прикладывали его къ подписи въ видѣ кровавой печати. Это дѣлали самураи!

— Самураи!—повторилъ Рыбниковъ глухо.

Въ горлѣ у него что-то точно оборвалось и захлестнулось. Щавинскій быстро оглядѣлъ его въ профиль. Неожиданное, невиданное до сихъ поръ выраженіе нѣжной мягкости легло вокругъ рта и на дрогнувшемъ подбородкѣ штабсъ-капитана, и глаза его засіяли тѣмъ теплымъ, дрожащимъ свѣтомъ, который свѣтится сквозь внезапныя непроливающіяся слезы. Но онъ тотчасъ же справился съ собой, на секунду зажмурился, потомъ повернулъ къ Щавинскому простодушное, безсмысленное лицо и вдругъ выругался сквернымъ, длиннымъ русскимъ ругательствомъ.

— Капитанъ, капитанъ, что это съ вами? — воскликнулъ Щавинскій почти въ испугѣ.

— Это все въ газетахъ наврали, — сказалъ Рыбниковъ небрежно: — нашъ русскій солдатикъ ничѣмъ не хуже. Но, конечно, есть разница. Они дерутся за свою жизнь, за славу, за самостоятельность, а мы почему ввязались?

Никто не знаетъ! Чортъ знаетъ почему! Не было печали — черти накачали, какъ говорится по-русски. Что? Не вѣрно? Ха-ха-ха.

На бѣгахъ Щавинскаго нѣсколько отвлекла игра, и онъ не могъ все время слѣдить за штабсъ-капитаномъ. Но въ антрактахъ между заѣздами онъ видѣлъ его изрѣдка то на одной, то на другой трибунѣ, вверху, внизу, въ буфетѣ и около кассъ. Въ этотъ день слово «Цусима» было у всѣхъ на языкѣ — у игроковъ, у наѣзниковъ, у букмекеровъ, даже у всѣхъ таинственныхъ рваныхъ личностей, обыкновенно неизбѣжныхъ на бѣгахъ. Это слово произносили и въ насмѣшку надъ выдохшейся лошадью и въ досадѣ на проигрышъ, и съ равнодушнымъ смѣхомъ и съ горечью. Кое-гдѣ говорили страстно. И Щавинскій видѣлъ издали, какъ штабсъ-капитанъ съ его довѣрчивой, развязной и пьяноватой манерой заводилъ съ кѣмъ-то споры, жалъ кому-то руки, хлопалъ кого-то по плечамъ. Его маленькая прихрамывающая фигура мелькала повсюду.

Съ бѣговъ поѣхали въ ресторанъ, а оттуда на квартиру къ Щавинскому. Фельетонистъ немного стыдился своей роли добровольнаго сыщика, но чувствовалъ, что не въ силахъ отстать отъ нея, хотя у него уже начиналась усталость и головная боль отъ этой тайной, напряженной борьбы съ чужой душою. Убѣдившись, что лесть ему не помогала, онъ теперь пробовалъ довести штабсъ-капитана до откровенности, дразня и возбуждая его патріотическія чувства.

— Да, но все-таки жаль мнѣ бѣдныхъ макаковъ!—говорилъ онъ съ ироническимъ сожалѣніемъ. — Что тамъ ни разсказывай, а Японія въ этой войнѣ истощила весь свой національный геній. Она, по-моему, похожа на худенькаго, тщедушнаго человѣка, который въ экстазѣ и опьянѣніи или отъ хвастовства взялъ и поднялъ спиною

двадцать пудовъ, надорвалъ себѣ животъ и вотъ уже начинаетъ умирать медленной смертью. Россія, видите, это совсѣмъ особая страна — это колоссъ. Для нея манчжурскія пораженія все равно, что кровесосныя банки для полнокровнаго человѣка. Вотъ увидите, какъ она поправится и зацвѣтетъ послѣ войны. А Японія захиретъ и умретъ. Она надорвалась. Пусть мнѣ не говорятъ, что тамъ культура, общая грамотность, европейская техника. Все-таки въ концѣ концовъ японецъ — азіатъ, получеловѣкъ, полуобезьяна. Онъ и по типу приближается къ обезьянѣ такъ же, какъ бушменъ, туарегъ и ботокудъ. Стоитъ обратить вниманіе на камперовъ уголъ его лица. Однимъ словомъ—макаки. И насъ побѣдила вовсе не ваша культура или политическая молодость, а просто какая-то сумасшедшая вспышка, эпилептическій припадокъ. Вы знаете, что такое raptus, припадокъ бѣшенства? Слабая женщина разрываетъ цѣпи и разбрасываетъ здоровенныхъ мужчинъ, какъ щепки. На другой день она не въ силахъ поднять руку. Такъ и Японія. Повѣрьте, послѣ ея героическаго припадка наступитъ безсиліе, маразмъ. Но, конечно, раньше она пройдетъ черезъ полосу національнаго хвастовства, оскорбительной военщины и безумнаго шовинизма.

— Вѣр-р-но! — кричалъ на это штабсъ-капитанъ Рыбниковъ въ дурацкомъ восторгѣ.—Что вѣрно, то вѣрно. Вашу руку, мусьё-писатель. Сразу видно умнаго человѣка.

Онъ хрипло хохоталъ, отплевывался, хлопалъ Щавинскаго по колѣнамъ, трясъ его за руку. И Щавинскому вдругъ стало стыдно за себя и за свои тайные пріемы проницательнаго сердцевѣда.

«А что, если я ошибаюсь, и этотъ Рыбниковъ — самый что ни на есть истый распѣхотный армейскій пропойца? Фу, ты, чортъ! Да нѣтъ, это невозможно. И если возможно, то, Боже мой, какимъ дуракомъ я себя веду!»

У себя на квартирѣ онъ показалъ штабсъ-капитану свою библіотеку, коллекцію стариннаго фарфора, рѣдкія гравюры и двухъ породистыхъ сибирскихъ лаекъ. Жены его—маленькой опереточной артистки—не было въ городѣ.

Рыбниковъ разглядывалъ все это съ вѣжливымъ, но безучастнымъ любопытствомъ, въ которомъ хозяину казалось даже нѣчто похожее на скуку, даже на холодное презрѣніе. Между прочимъ, Рыбниковъ открылъ книжку какого-то журнала и прочелъ изъ нея вслухъ нѣсколько строчекъ.

«Это онъ однако сдѣлалъ ошибку!»—подумалъ Щавинскій, когда услышалъ его чтеніе, чрезвычайно правильное, но деревянное, съ преувеличенно-точнымъ произношеніемъ каждой буквы, какимъ щеголяютъ первые ученики, изучающіе чужой языкъ. Но, должно-быть, Рыбниковъ и самъ это замѣтилъ, потому что вскорѣ захлопнулъ книжку и спросилъ:

— Вы вѣдь сами писатель?

— Да..., немного...

— А вы въ какихъ газетахъ пишете?

Щавинскій назвалъ. Этотъ вопросъ Рыбниковъ предлагалъ ему за нынѣшній день въ шестой разъ.

— Ахъ, да, да, да. Я позабылъ, я уже спрашивалъ. Знаете что, господинъ писатель?

— Именно?

— Сдѣлаемъ съ вами такъ: вы пишите, а я буду диктовать... То-есть не диктовать... О, нѣтъ, я никогда не посмѣю. — Рыбниковъ потеръ руки и закланялся торопливо. — Вы, конечно, будете излагать сами, а я вамъ буду только давать мысли и нѣкоторыя... какъ бы выразиться... мемуары о войнѣ. Ахъ, сколько у меня интереснаго матеріала!..

Щавинскій сѣлъ бокомъ на столъ и посмотрѣлъ на штабсъ-капитана, лукаво прищуривъ одинъ глазъ.

— И, конечно, упомянуть вашу фамилію?

— А что же? Можете. Я ничего не имѣю противъ. Такъ и упомяните: свѣдѣнія эти любезно сообщены штабсъ-капитаномъ Рыбниковымъ, только-что вернувшимся съ театра военныхъ дѣйствій.

— Такъ-съ, чудесно-съ. Это вамъ для чего же?

— Что такое?

— Да вотъ непремѣнно, чтобы вашу фамилію? Или это вамъ нужно будетъ впослѣдствіи для отчета? Что вотъ, молъ, инспирировалъ русскія газеты?.. Какой я ловкій мужчина? А?

Но штабсъ-капитанъ, по своему обыкновенію, ушелъ отъ прямого отвѣта.

— А можетъ-быть, у васъ нѣтъ времени? Заняты другой работой? Тогда — и ну ихъ къ чорту, эти воспоминанія. Всего не перепишешь, что было. Какъ говорится: жизнь пережить — не поле перейти. Что? Не правду я говорю? Ха-ха-ха!

Въ это время Щавинскому пришла въ голову интересная затѣя. У него въ кабинетѣ стоялъ большой бѣлый столъ изъ некрашенаго ясеневаго дерева. На чистой, нѣжной доскѣ этого стола всѣ знакомые Щавинскаго оставляли свои автографы въ видѣ афоризмовъ, стиховъ, рисунковъ и даже музыкальныхъ нотъ. Онъ сказалъ Рыбникову:

— Смотрите, вотъ мой альбомъ, господинъ капитанъ. Не напишете ли вы мнѣ что-нибудь на память о нашемъ пріятномъ (Щавинскій учтиво поклонился) и, смѣю льстить себя надеждой, не кратковременномъ знакомствѣ?

— Отчего же, я съ удовольствіемъ, — охотно согласился Рыбниковъ. — Что-нибудь изъ Пушкина или изъ Гоголя?

— Нѣтъ... ужъ лучше что-нибудь сами.

— Самъ? Отлично.

Онъ взялъ перо, обмакнулъ, подумалъ и приготовился писать. Но Щавинскій вдругъ остановилъ его:

— Мы съ вами вотъ какъ сдѣлаемъ лучше. Нате вамъ четвертушку бумаги, а здѣсь, въ коробочкѣ, кнопки. Прошу васъ, напишите что-нибудь особенно интересное, а потомъ закройте бумагой и прижмите по угламъ кнопками. Я даю вамъ честное слово, честное слово писателя, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ я не притронусь къ этой бумажкѣ и не буду глядѣть, что вы тамъ написали. Идетъ? Ну, такъ пишите. Я нарочно уйду, чтобъ вамъ не мѣшать.

Черезъ пять минутъ Рыбниковъ крикнулъ ему:

— Пожалуйте!

— Готово?—спросилъ Щавинскій, входя.

Рыбниковъ вытянулся, приложилъ руку ко лбу, какъ отдаютъ честь, и гаркнулъ по-солдатски:

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Спасибо! Ну, а теперь поѣдемъ въ Буффъ, или еще куда-нибудь, — сказалъ Щавинскій. — Тамъ будетъ видно. Я васъ сегодня цѣлый день не отпущу отъ себя, капитанъ.

— Съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ,—сказалъ хриплымъ басомъ Рыбниковъ, щелкая каблуками.

И, поднявъ кверху плечи, онъ лихо расправилъ въ одну и другую сторону усы.

Но Щавинскій невольно обманулъ штабсъ-капитана и не сдержалъ своего слова. Въ послѣдній моментъ, передъ уходомъ изъ дома фельетонистъ спохватился, что забылъ въ кабинетѣ свой портсигаръ, и пошелъ за нимъ, оставивъ Рыбникова въ передней. Бѣлый листокъ бумаги, аккуратно приколотый кнопками, раздразнилъ его любопытство. Онъ не устоялъ передъ соблазномъ, обернулся по-воровски назадъ и, отогнувъ бумагу, быстро прочи-

талъ слова, написанныя тонкимъ, четкимъ, необыкновенно изящнымъ почеркомъ:

«Хоть ты Ивановъ 7-й, а дуракъ!..»

IV.

Много позднѣе полуночи они выходили изъ загороднаго кафе-шантана въ компаніи извѣстнаго опереточнаго комика Женина-Лирскаго, молодого товарища прокурора Сашки Штральмана, который былъ извѣстенъ повсюду въ Петербургѣ своимъ несравненнымъ умѣньемъ разсказывать смѣшныя сценки на злобу дня, и покровителя искусствъ — купеческаго сына Карюкова.

Было не свѣтло и не темно. Стояла теплая, бѣлая, прозрачная ночь съ ея нѣжными переливчатыми красками, съ перламутровой водой въ тихихъ каналахъ, четко отражавшихъ сѣрый камень набережной и неподвижную зелень деревьевъ, съ блѣднымъ, точно утомленнымъ безсонницей небомъ и со спящими облаками на небѣ, длинными, тонкими, пушистыми, какъ клочья растрепанной ваты.

- Куда жъ мы поѣдемъ? — спросилъ Щавинскій, останавливаясь у воротъ сада. — Маршалъ Ояма! Ваше просвѣщенное мнѣніе?

Всѣ пятеро замѣшкались на тротуарѣ. Ими овладѣлъ моментъ обычной предутренней нерѣшительности, когда въ закутившихъ людяхъ физическая усталость борется съ непреодолимымъ раздражающимъ стремленьемъ къ новымъ прянымъ впечатлѣніямъ. Изъ сада непрерывно выходили посѣтители, смѣясь, напѣвая, звонко шаркая ногами по сухимъ бѣлымъ плитамъ. Торопливой походкой, смѣло свистя шелкомъ нижнихъ юбокъ, выбѣгали шансонетныя пѣвицы въ огромныхъ шляпахъ, съ дрожащими брильянтами въ ушахъ, въ сопровожденіи щеголеватыхъ

мужчинъ въ свѣтлыхъ костюмахъ, украшенныхъ бутоньерками. Эти дамы, почтительно подсаживаемыя швейцарами, впархивали въ экипажи и въ пыхтящіе автомобили, непринужденно расправляли вокругъ своихъ ногъ платья и быстро уносились впередъ, придерживая рукой передній край шляпы. Хористки и садовыя дѣвицы высшаго разбора разъѣзжались на простыхъ извозчикахъ, сидя съ мужчиной по одной и по двѣ. Другія — обыкновенныя, панельныя проститутки шныряли тутъ же около деревяннаго забора, приставая къ тѣмъ мужчинамъ, которые расходились пѣшкомъ, и въ особенности къ пьянымъ. Ихъ лица въ свѣтломъ, бѣломъ сумракѣ майской ночи казались, точно грубыя маски, голубыми отъ бѣлилъ, рдѣли пунцовымъ румянцемъ и поражали глазъ чернотой, толщиной и необычайной круглостью бровей; но тѣмъ жалче изъ-подъ этихъ наивно-яркихъ красокъ выглядывала желтизна морщинистыхъ висковъ, худоба жилистыхъ шей и ожирѣлость дряблыхъ подбородковъ. Двое конныхъ городовыхъ, непристойно ругаясь, то и дѣло наѣзжали на нихъ опѣненными мордами своихъ лошадей, отъ чего дѣвицы визжали, разбѣгались и хватались за рукава прохожихъ. У рѣшетки, ограждающей каналъ, толпилось человѣкъ двадцать — тамъ происходилъ обычный утренній скандалъ. Мертвецки пьяный безусый офицерикъ буянилъ и дѣлалъ видъ, что хочетъ вытащить шашку, а городовой о чемъ-то его упрашивалъ убѣдительнымъ фальцетомъ, прилагая руку къ сердцу. Какая-то юркая, темная и нетрезвая личность въ картузѣ съ рваннымъ козырькомъ говорила слашаво и подобострастно: «Ваше благородіе, плюньте на ихъ, не стоитъ вамъ внимать обращеніе. Лучше вы вдарьте мине въ морду, позвольте, я вамъ ручку поцѣлую, ваше благородіе». А въ заднихъ рядахъ сухопарый и суровый джентльменъ, у котораго изъ-подъ надвинутаго на носъ котелка вид-

нѣлись только толстые черные усы, гудѣлъ невнятнымъ басомъ: — «Чего ему въ зубы смотрѣть! Въ воду его и крышка!»

— А въ самомъ дѣлѣ, майоръ Фукушима, — сказалъ актеръ. — Надо же достойно заключить день нашего пріятнаго знакомства. Поѣдемте къ дѣвочкамъ. Сашка, куда?

— Къ Бертѣ? — отвѣтилъ вопросомъ Штральманъ.

Рыбниковъ захихикалъ и съ веселой суетливостью потеръ руки.

— Къ женщинамъ? А что жъ, за компанію — говоритъ русская пословица — и жидъ удавился. Куда люди, туда мы. Что, не правда? Ѣхать такъ ѣхать—сказалъ попугай. Что? Ха-ха-ха!

Съ этими молодыми людьми его познакомилъ Щавинскій, и они всѣ вмѣстѣ ужинали въ кафе-шантанѣ, слушали румынъ и пили шампанское и ликеры. Одно время имъ казалось смѣшнымъ называть Рыбникова фамиліями разныхъ японскихъ полководцевъ, тѣмъ болѣе, что добродушіе штабсъ-капитана, повидимому, не имѣло границъ. Эту грубую и фамильярную игру началъ Щавинскій. Правда, онъ чувствовалъ по временамъ, что поступаетъ по отношенію къ Рыбникову некрасиво, даже, пожалуй, предательски. Но онъ успокаивалъ свою совѣсть тѣмъ, что ни разу не высказалъ вслухъ своихъ подозрѣній, а его знакомымъ они вовсе не приходили въ голову.

Въ началѣ вечера онъ наблюдалъ за Рыбниковымъ. Штабсъ-капитанъ былъ шумнѣе и болтливѣе всѣхъ: онъ ежеминутно чокался, вскакивалъ, садился, разливалъ вино по скатерти, закуривалъ папиросу не тѣмъ концомъ. Однако Щавинскій замѣтилъ, что пилъ онъ очень мало.

Рыбникову опять пришлось ѣхать на извозчикѣ вмѣстѣ съ фельетонистомъ. Щавинскій почти не былъ пьянъ—

онъ вообще отличался большой выносливостью въ кутежахъ, но голова у него была легкая и шумная, точно въ ней играла пѣна отъ шампанскаго. Онъ поглядѣлъ на штабсъ-капитана сбоку. Въ невѣрномъ, полусонномъ свѣтѣ бѣлой ночи лицо Рыбникова приняло темный, глиняный оттѣнокъ. Всѣ впадины на немъ стали рѣзкими и черными, морщинки на вискахъ и складки около носа и вокругъ рта углубились. И самъ штабсъ-капитанъ сидѣлъ сгорбившись, опустившись, запрятавъ руки въ рукава шинели, тяжело дыша раскрытымъ ртомъ. Все это вмѣстѣ придавало ему измученный, страдальческій видъ. Щавинскій даже слышалъ носомъ его дыханіе и подумалъ, что именно такое несвѣжее, кислое дыханіе бываетъ у игроковъ послѣ нѣсколькихъ ночей азарта, у людей, истомленныхъ безсонницей или напряженной мозговой работой. Волна добродушнаго умиленія и жалости прилила къ сердцу Щавинскаго. Штабсъ-капитанъ вдругъ показался ему маленькимъ, загнаннымъ, трогательно-жалкимъ. Онъ обнялъ Рыбникова, привлекъ къ себѣ и сказалъ ласково:

— Ну, ладно, капитанъ. Я сдаюсь. Ничего не могу съ вами подѣлать и извиняюсь, если доставилъ вамъ нѣсколько непріятныхъ минутъ. Вашу руку.

Онъ отстегнулъ отъ своей визитки бутоньерку съ розой, которую ему навязала въ саду продавщица цвѣтовъ, и вдѣлъ ее въ петлицу капитанскаго пальто.

— Это въ знакъ мира, капитанъ. Не будемъ больше изводить другъ друга.

Извозчикъ остановился у каменнаго двухъэтажнаго особняка съ приличнымъ подъѣздомъ, съ окнами, закрытыми сплошь ставнями. Остальные пріѣхали раньше и уже ихъ дожидались. Ихъ пустили не сразу. Сначала въ тяжелой двери открылось изнутри четырехугольное отверстіе, величиной съ ладонь, и въ немъ на нѣсколько

секундъ показался чей-то холодный и внимательный сѣрый глазъ. Потомъ двери раскрылись.

Это учрежденіе было нѣчто среднее между дорогимъ публичнымъ домомъ и роскошнымъ клубомъ — съ шикарнымъ входомъ, съ чучеломъ медвѣдя въ передней, съ коврами, шелковыми занавѣсками и люстрами, съ лакеями во фракахъ и перчаткахъ. Сюда ѣздили мужчины заканчивать ночь послѣ закрытія ресторановъ. Здѣсь же играли въ карты, держались дорогія вина, и всегда былъ большой запасъ красивыхъ, свѣжихъ женщинъ, которыя часто мѣнялись.

Пришлось подниматься во второй этажъ. Тамъ наверху была устроена широкая площадка съ растеніями въ кадкахъ и съ диванчикомъ, отдѣленная отъ лѣстницы перилами. Щавинскій поднимался подъ руку съ Рыбниковымъ. Хоть онъ и далъ себѣ внутренно слово — не дразнить его больше, но тутъ не могъ сдержаться и сказалъ:

— Взойдемте на эшафотъ, капитанъ!

— Я не боюсь, — сказалъ тотъ лѣниво. — Я и такъ хожу каждый день на смерть.

Рыбниковъ слабо махнулъ рукой и принужденно улыбнулся. Лицо его вдругъ сдѣлалось отъ этой улыбки усталымъ, какимъ-то сѣрымъ и старческимъ.

Щавинскій посмотрѣлъ на него молча съ удивленіемъ. Ему стало стыдно своей назойливости. Но Рыбниковъ тотчасъ же вывернулся.

— Ну да, на смерть. Солдатъ всегда долженъ быть готовъ къ этому. Что подѣлаешь? Смерть—это маленькое неудобство въ нашей профессіи.

Въ этомъ домѣ Щавинскій и меценатъ Карюковъ были свои люди и почетные завсегдатаи. Ихъ встрѣчали съ веселыми улыбками и глубокими поклонами.

Имъ отвели большой, теплый кабинетъ, красный съ зо-

лотомъ, съ толстымъ свѣтло-зеленымъ ковромъ на полу, съ канделябрами въ углахъ и на столѣ. Подали шампанское, фрукты и конфеты. Пришли женщины — сначала три, потомъ еще двѣ, — потомъ все время однѣ изъ нихъ приходили, другія уходили, и всѣ до одной онѣ были хорошенькія, сильно напудренныя, съ обнаженными бѣлыми руками, шеями и грудью, одѣтыя въ блестящія, яркія, дорогія платья, нѣкоторыя въ юбкахъ по колѣно, одна въ коричневой формѣ гимназистки, одна въ тѣсныхъ рейтузахъ и жокейской шапочкѣ. Пришла также пожилая полная дама въ черномъ, что-то въ родѣ хозяйки или домоправительницы — очень приличная на видъ, съ лицомъ лимонно-желтымъ и дряблымъ, которая все время смѣялась по-старчески пріятно, ежеминутно кашляла и курила, не переставая. Она обращалась съ Щавинскимъ, съ актеромъ и меценатомъ съ милымъ, непринужденнымъ кокетствомъ дамы, годящейся имъ въ матери, хлопала ихъ по рукамъ платкомъ, а Штральмана — очевидно, любимца — называла Сашкой.

— Ну-съ, генералъ Куроки, выпьемъ за блестящіе успѣхи славной манчжурской арміи. А то вы сидите и киснете, — сказалъ Карюковъ.

Щавинскій перебилъ его, зѣвнувъ:

— Будетъ вамъ, господа. Кажется, ужъ должно бы надоѣсть. Вы злоупотребляете добродушіемъ капитана.

— Нѣтъ, я не сержусь,—возразилъ Рыбниковъ:—выпьемте, господа, за здоровье нашихъ милыхъ дамъ.

— Лирскій, спой что-нибудь,—попросилъ Щавинскій.

Актеръ охотно сѣлъ за піанино и запѣлъ цыганскій романсъ. Онъ собственно не пѣлъ его, а скорѣе разсказывалъ, не выпуская изо рта сигары, глядя въ потолокъ, манерно раскачиваясь. Женщины вторили ему громко и фальшиво, стараясь одна поспѣть раньше другой въ словахъ. Потомъ Сашка Штральманъ прекрасно имитиро-

валъ фонографъ, изображалъ въ лицахъ итальянскую оперу и подражалъ животнымъ. Карюковъ танцовалъ фанданго и все спрашивалъ новыя бутылки.

Онъ первый исчезъ изъ комнаты съ рыжей молчаливой полькой, за нимъ послѣдовали Штральманъ и актеръ. Остались только Щавинскій, у котораго на колѣняхъ сидѣла смуглая бѣлозубая венгерка, и Рыбниковъ рядомъ съ бѣлокурой полной женщиной въ синей атласной кофтѣ, вырѣзанной четыреугольникомъ до половины груди.

— Что жъ, капитанъ, простимся на минутку, — сказалъ Щавинскій, поднимаясь и потягиваясь. — Поздно. Вѣрнѣе, надо бы сказать, рано. Пріѣзжайте ко мнѣ въ часъ завтракать, капитанъ. Мамаша, вы вино запишите на Карюкова. Если онъ любитъ святое искусство, то пусть и платитъ за честь ужинать съ его служителями. Мои комплименты.

Бѣлокурая женщина обняла капитана голой рукой за шею и сказала просто:

— Пойдемъ и мы, дуся. Правда, поздно.

V.

У нея была маленькая, веселая комнатка съ голубыми обоями, блѣдно-голубымъ висячимъ фонаремъ; на туалетномъ столѣ круглое зеркало въ голубой кисейной рамѣ, на одной стѣнѣ олеографіи, на другой стѣнѣ коверъ, и вдоль его широкая металлическая кровать.

Женщина раздѣлась и съ чувствомъ облеченія и удовольствія погладила себя по бокамъ, гдѣ сорочка отъ корсета залегла складками. Потомъ она прикрутила фитиль въ лампѣ и, сѣвши на кровать, стала спокойно расшнуровывать ботинки.

Рыбниковъ сидѣлъ у стола, разставивъ локти и опустивъ на нихъ голову. Онъ, не отрываясь, глядѣлъ на

ея большія, но красивыя ноги съ полными икрами, которыя ловко обтягивали черные ажурные чулки.

— Что же вы, офицеръ, не раздѣваетесь? — спросила женщина. — Скажите, дуся, отчего они васъ зовутъ японскимъ генераломъ?

Рыбниковъ засмѣялся, не отводя взгляда отъ ея ногъ.

— Это такъ — глупости. Просто, они шутятъ. Знаешь стихи: смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно...

— Дуся, вы меня угостите еще шампанскимъ? Ну, если вы такой скупой, то я спрошу хоть апельсиновъ. Вы на время или на ночь?

— На ночь. Иди ко мнѣ.

Она легла съ нимъ рядомъ, торопливо бросила черезъ себя на полъ папиросу и забарахталась подъ одѣяломъ.

— Ты у стѣнки любишь? — спросила она. — Хорошо, лежи, лежи. У, какія у тебя ноги холодныя! Ты знаешь, я обожаю военныхъ. Какъ тебя зовутъ?

— Меня?—онъ откашлялся и отвѣтилъ невѣрнымъ тономъ: — Я — штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Василій Александровичъ Рыбниковъ.

— А, Вася! У меня есть одинъ знакомый лицеистикъ Вася — прелесть, какой хорошенькій!

Она запѣла, ёжась подъ одѣяломъ, смѣясь и жмурясь:

Вася, Вася. Васенька,
Говоришь ты басенки.

— А, знаешь, ей-Богу, ты похожъ на япончика. И знаешь на кого? На микаду. У насъ есть портретъ. Жаль, теперь поздно, а то я бы тебѣ показала. Ну, вотъ, прямо, какъ двѣ капли воды.

— Что жъ, очень пріятно, — сказалъ Рыбниковъ и тихо обнялъ ея гладкое и круглое плечо.

— А можетъ, ты и правда японецъ? Они говорятъ,

что ты былъ на войнѣ — это правда? Ой, милочка, я боюсь щекотки. А что, страшно на войнѣ?

— Страшно... Нѣтъ, не особенно... Оставимъ это,— сказалъ онъ устало. — Какъ твое имя?

— Клотильда. Нѣтъ, я тебѣ скажу по секрету, что меня зовутъ Настей. Это только мнѣ здѣсь дали имя Клотильда. Потому что мое имя такое некрасивое... Настя, Настасья, точно кухарка.

— Настя?—переспросилъ онъ задумчиво и осторожно поцѣловалъ ее въ грудь. — Нѣтъ, это хорошо. На-стя,— повторилъ онъ медленно.

— Ну вотъ, что хорошаго? Вотъ хорошія имена, напримѣръ, Мальвина, Ванда, Женя, а то вотъ еще Ирма... Ухъ, дуся!—она прижалась къ нему.—А вы симпатичный... Такой брюнетъ. Я люблю брюнетовъ. Вы, навѣрно, женаты?

— Нѣтъ, не женатъ.

— Ну вотъ, разсказывайте. Всѣ здѣсь прикидываются холостыми. Навѣрно, шесть человѣкъ дѣтей имѣете?

Оттого, что окно было заперто ставнями, а лампа едва горѣла, въ комнатѣ было темно. Ея лицо, лежавшее совсѣмъ близко отъ его головы, причудливо и измѣнчиво выдѣлялось на смутной бѣлизнѣ подушки. Оно уже стало непохоже на прежнее лицо, простое и красивое, круглое русское сѣроглазое лицо,—теперь оно сдѣлалось точно худѣе и, ежеминутно и странно мѣняя выраженіе, казалось нѣжнымъ, милымъ, загадочнымъ и напоминало Рыбникову чье-то безконечно знакомое, давно любимое, обаятельное, прекрасное лицо.

— Какъ ты хороша! — шепталъ онъ.—Я люблю тебя... я тебя люблю...

Онъ произнесъ вдругъ какое-то непонятное слово, совершенно чуждое слуху женщины.

— Что ты сказалъ?—спросила она съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, ничего... ничего. Это—такъ. Милая! Женщина! Ты — женщина... Я люблю тебя...

Онъ цѣловалъ ей руки, шею, волосы, дрожа отъ нетерпѣнія, сдерживать которое ему доставляло чудесное наслажденіе. Имъ овладѣла бурная и нѣжная страсть къ этой сытой, бездѣтной самкѣ, къ ея большому, молодому, выхоленному, красивому тѣлу. Влеченіе къ женщинѣ, подавляемое до сихъ поръ суровой аскетической жизнью, постоянной физической усталостью, напряженной работой ума и воли, внезапно зажглось въ немъ нестерпимымъ, опьяняющимъ пламенемъ.

— У тебя и руки холодныя, — сказала она съ застѣнчивой неловкостью. Было въ этомъ человѣкѣ что-то неожиданное, тревожное, совсѣмъ непонятное для нея. — Руки холодныя — сердце горячее.

— Да, да, да... Сердце, — твердилъ онъ, какъ безумный, задыхаясь и дрожа. — Сердце горячее... сердце...

Она уже давно привыкла къ внѣшнимъ обрядамъ и постыднымъ подробностямъ любви и исполняла ихъ каждый день по нѣсколько разъ — механически, равнодушно, часто съ молчаливымъ отвращеніемъ. Сотни мужчинъ, отъ древнихъ старцевъ, клавшихъ на ночь свои зубы въ стаканъ съ водой, до мальчишекъ, у которыхъ въ голосѣ басъ мѣшается съ дискантомъ, штатскіе, военные, люди плѣшивые и обросшіе, какъ обезьяны, съ ногъ до головы шерстью, взволнованные и безсильные, морфинисты, не скрывавшіе передъ ней своего порока, красавцы, калѣки, развратники, отъ которыхъ ее иногда тошнило, юноши, плакавшіе отъ тоски перваго паденія—всѣ они обнимали ее съ безстыдными словами, съ долгими поцѣлуями, дышали ей въ лицо, стонали отъ пароксизма собачьей страсти, которая— она уже заранѣе знала — сію минуту смѣнится у нихъ нескрываемымъ, непреодолимымъ отвращеніемъ. И

давно уже всѣ мужскія лица потеряли въ ея глазахъ всякія индивидуальныя черты—и точно слились въ одно омерзительное, но неизбѣжное, вѣчно склоняющееся къ ней, похотливое, козлиное мужское лицо съ колючимъ слюнявымъ ртомъ, съ затуманенными глазами, тусклыми, какъ слюда, перекошенное, обезображенное гримасой сладострастія, которое ей было противно, потому что она его никогда не раздѣляла.

Къ тому же всѣ они были грубы, требовательны и лишены самаго простѣйшаго стыда, были большей частью безобразно смѣшны, какъ только можетъ быть безобразенъ и смѣшонъ современный мужчина въ нижнемъ бѣльѣ. Но этотъ маленькій пожилой офицеръ производилъ какое-то особенное, новое, привлекательное впечатлѣніе. Всѣ движенія его отличались тихой и вкрадчивой осторожностью. Его ласки, поцѣлуи и прикосновенія были невиданно-нѣжны. И между тѣмъ онъ незамѣтно окружалъ ее той нервной атмосферой истинной, напряженной, звѣриной страсти, которая даже на разстояніи, даже противъ воли, волнуетъ чувственность женщины, дѣлаетъ ее послушной, подчиняетъ ее желаніямъ самца. Но ея бѣдный маленькій умъ, не выходившій за узкія рамки обихода публичнаго дома, не умѣлъ сознать этого страннаго, волнующаго очарованія. Она могла только шептать, стыдясь, счастливая и удивленная, обычныя пошлыя слова:

— Какой вы интересный мужчина! Вы мой цыпаляля? Да?

Она встала, потушила лампу и опять легла возлѣ него. Сквозь щели между ставнями и стѣной тонкими полосами бѣлѣло утро, наполняя комнату синимъ туманнымъ полусвѣтомъ. Гдѣ-то за перегородкой торопливо стучалъ будильникъ. Кто-то пѣлъ далеко-далеко и грустно.

— Когда ты еще придешь? — спросила женщина.

— Что? — сонно спросилъ Рыбниковъ, открывая глаза. — Когда приду? Скоро... Завтра...

— Ну да... обманываешь. Нѣтъ, скажи по правдѣ — когда? Я безъ тебя буду скучать.

— Мм... Мы придемъ скучать.... Мы имъ напишемъ... Они остановятся въ горахъ... — бормоталъ онъ безсвязно.

Тяжелая дремота сковывала и томила его тѣло. Но, какъ это всегда бываетъ съ людьми, давно выбившимися изъ сна, онъ не могъ заснуть сразу. Едва только сознаніе его начинало заволакиваться темной, мягкой и сладостной пеленой забвенія, какъ страшный внутренній толчокъ вдругъ подбрасывалъ его тѣло. Онъ со стономъ вздрагивалъ, широко открывалъ въ дикомъ испугѣ глаза и тотчасъ же опять погружался въ раздражающее переходное состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, похожее на бредъ, полный грозныхъ, путанныхъ видѣній.

Женщинѣ не хотѣлось спать. Она сидѣла на кровати въ одной сорочкѣ, обхвативъ голыми руками согнутыя колѣни, и съ боязливымъ любопытствомъ смотрѣла на Рыбникова. Въ голубоватомъ полумракѣ его лицо еще больше пожелтѣло, обострилось и было похоже на мертвое. Ротъ оставался открытымъ, но дыханія его она не слышала. И на всемъ его лицѣ—особенно кругомъ глазъ и около рта—лежало выраженіе такой измученности, такого глубокаго человѣческаго страданія, какого она еще никогда не видала въ своей жизни. Она тихо провела рукой по его жесткимъ волосамъ и лбу. Кожа была холодна и вся покрыта липкимъ потомъ. Отъ этого прикосновенія Рыбниковъ задрожалъ, испуганно вскрикнулъ и быстрымъ движеніемъ поднялся съ подушекъ.

— А!.. Кто это? Кто?—произносилъ онъ отрывисто, вытирая рукавомъ рубашки лицо.

— Что съ тобой, котикъ? — спросила женщина участливо.—Тебѣ нехорошо? Можетъ-быть. дать тебѣ воды?

Но Рыбниковъ уже овладѣлъ собой и опять легъ.

— Нѣтъ, благодарю!.. Теперь хорошо... Мнѣ приснилось... Ложись спать, милая дѣвочка, прошу тебя.

— Когда тебя разбудить, дуся? — спросила она.

— Разбудить... Утромъ.... Рано взойдетъ солнце, и пріѣдутъ драгуны... Мы поплывемъ... Знаете? Мы поплывемъ черезъ рѣку.

Онъ замолчалъ и нѣсколько минутъ лежалъ тихо. Но внезапно его неподвижное мертвое лицо исказилось гримасой мучительной боли. Онъ со стономъ повернулся на спину, и странныя, дико звучащія, таинственныя слова чужого языка быстро побѣжали съ его губъ.

Женщина слушала, переставъ дышать, охваченная тѣмъ суевѣрнымъ страхомъ, который всегда порождается бредомъ спящаго. Его лицо было въ двухъ вершкахъ отъ нея, и она не сводила съ него глазъ. Онъ молчалъ съ минуту, потомъ опять заговорилъ длинно и непонятно. Опять помолчалъ, точно прислушиваясь къ чьимъ-то словамъ. И вдругъ женщина услышала произнесенное громко, яснымъ и твердымъ голосомъ, единственное знакомое ей изъ газетъ японское слово:

— Банзай!

Сердце ея такъ сильно трепетало, что отъ его толчковъ часто и равномѣрно вздрагивало плюшевое одѣяло. Она вспомнила, какъ сегодня въ красномъ кабинетѣ Рыбникова называли именами японскихъ генераловъ, и слабое, далекое подозрѣніе уже начинало копошиться въ ея темномъ умѣ.

Кто-то тихонько поцарапался въ дверь. Она встала и отворила ее.

— Клотильдочка, это ты? — послышался тихій женскій шопотъ. — Ты не спишь? Зайди ко мнѣ на минуточку. У меня Лёнька, угощаетъ абрикотиномъ. Зайди, милочка!

Это была Соня-Караимка — сосѣдка Клотильды, свя-

занная съ нею узами той истеричной и слащавой влюбленности, которая всегда соединяетъ попарно женщинъ въ этихъ учрежденіяхъ.

— Хорошо. Я сейчасъ приду. Ахъ, я тебѣ разскажу что-то интересное. Подожди, я одѣнусь.

— Глупости! Не надо. Передъ кѣмъ стѣсняться, передъ Лёнькой! Иди, какъ есть.

Она стала надѣвать юбку.

Рыбниковъ проснулся.

— Ты куда?—спросилъ онъ сонно.

— Я сейчасъ, мнѣ надо, — отвѣтила она, поспѣшно завязывая тесемку надъ бедрами. — Спи себѣ. Я сію минуту вернусь.

Но онъ уже не слыхалъ ея послѣднихъ словъ, потому что густой черный сонъ сразу потопилъ его сознаніе.

VI.

Лёнька былъ кумиромъ всего дома, начиная отъ мамаши и кончая послѣдней горничной. Въ этихъ учрежденіяхъ, гдѣ скука, бездѣйствіе и лубочная литература порождаютъ повышенные романтическіе вкусы, наибольшимъ обожаніемъ пользуются воры и сыщики, благодаря своему героическому существованію, полному захватывающихъ приключеній, опасности и риска. Лёнька появлялся здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, чуть ли не гримированнымъ, былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ многозначительно и таинственно молчаливъ, и главное — это всѣ хорошо помнятъ — онъ неоднократно доказывалъ, что мѣстные городовые чувствуютъ къ нему безграничное уваженіе и слѣпо исполняютъ его приказанія. Былъ случай, когда онъ тремя-четырьмя словами, сказанными на загадочномъ жаргонѣ, въ одинъ мигъ прекратилъ стран-

ный скандалъ, затѣянный пьяными ворами, и заставилъ ихъ покорно уйти изъ заведенія. Кромѣ того, у него временами водились большія деньги. Поэтому немудрено, что къ Генріеттѣ, или, какъ онъ ее называлъ, Генькѣ, съ которою онъ «крутилъ любовь», относились здѣсь съ завистливымъ почтеніемъ.

Это былъ молодой человѣкъ со смуглымъ веснущатымъ лицомъ, съ черными усами, торчащими вверхъ, къ самымъ глазамъ, съ твердымъ, низкимъ и широкимъ подбородкомъ и съ темными, красивыми, наглыми глазами. Онъ сидѣлъ теперь на диванѣ безъ сюртука, въ разстегнутомъ жилетѣ и развязанномъ галстукѣ. Онъ былъ строенъ и малъ ростомъ, но выпуклая грудь и крѣпкіе мускулы, распиравшіе рукава рубашки у плечъ, говорили объ его большой силѣ. Рядомъ съ нимъ, съ ногами на диванѣ, сидѣла Генька, напротивъ — Клотильда. Медленно потягивая красными губами ликеръ, онъ разсказывалъ небрежно, наигранымъ фатовскимъ тономъ:

— Привели его въ участокъ. Паспортъ при немъ: Корней Сапѣтовъ, колпинскій мѣщанинъ, или какъ тамъ его. Ну, конечно, обязательно пьянъ, каналья. «Посадить его въ холодную для вытрезвленья». Обыкновенный принципъ. Но въ эту самую минуту я случайно прихожу въ канцелярію пристава. Гляжу — ба-ба-ба! Старый знакомый, Санька-Мясникъ. Тройное убійство и взломъ святого храма. Сейчасъ сдѣлалъ издали глазами намекъ дежурному околоточному и, какъ будто ничего себѣ, вышелъ въ коридоръ. Выходитъ ко мнѣ околоточный. «Что вы, Леонтій Спиридоновичъ?»—«А ну-ка отправьте этого красавца на минуточку въ сыскную». Привели его. У мерзавца ни одинъ мускулъ на лицѣ не дрогнулъ. Я этакъ посмотрѣлъ ему въ глаза и го-во-рю...—Лёнька значительно постучалъ костяжками пальцевъ по столу.— «Давно ли, Санечка, пожаловали къ намъ изъ Одессы?»

Онъ, конечно, держитъ себя индифферентно — валяетъ дурака. Никакихъ. Тоже субъектъ! «Не могу знать, какой-такой Санька-Мясникъ. Я такой-то». Тутъ я подхожу къ нему, хвать его за бороду! — трахъ! Борода остается у меня въ рукахъ. Привязная!.. «Сознаёшься, сукинъ сынъ?»—«Не могу знать». Кэ-экъ я его, прохвоста, врѣжу въ переносье, прямымъ штосомъ — р-разъ! Потомъ — два! Въ кровь! — «Сознаёшься?» — «Не могу знать». — «А — такъ ты такъ-то! Я до сихъ поръ гуманно щадилъ тебя. А теперь пеняй на себя. Позвать сюда Арсентія-Блоху». Былъ у насъ такой арестантъ, до слезъ этого Саньку ненавидѣлъ. Я, братъ, ужъ только знаю ихніе взаимные фигель-мигели. Привели Блоху. «Ну, такъ и такъ, Блоха. Кто сей самый индивидумъ?» Блоха смѣется: — «Да кто же иной, какъ не Санька-Мясникъ? Какъ ваше здоровье, Санечка? Давно ли къ намъ припожаловали? Какъ вамъ фартило въ Одестахъ?» Ну, ужъ тутъ Мясникъ сдался. «Берите, говоритъ, Леонтій Спиридоновичъ, ваша взяла, отъ васъ никуда не уйдешь. Одолжите папиросочку». Ну, конечно, я ему папироску далъ. Я имъ въ этомъ никогда не отказываю изъ альтруизма. Повели раба Божьяго. А на Блоху онъ только поглядѣлъ. И я подумалъ: «Ну, ужъ, должно-быть, Блохѣ не поздоровится. Навѣрно, его Мясникъ пришьетъ».

— Пришьетъ? — шопотомъ, съ ужасомъ, съ подобострастіемъ и увѣренностью, спросила Генька.

— Абсолютно пришьетъ. Амба. Этотъ такой!

Онъ самодовольно прихлебнулъ изъ рюмки. Генька, которая глядѣла на него остановившимися испуганными глазами съ такимъ вниманіемъ, что даже ротъ у нея открылся и сталъ влажнымъ, хлопнула себя руками по ляжкамъ.

— Ахъ, ты, Боже жъ мой! Какіе ужасы! Ну, подумай только, Клотильдочка! И ты не боялся, Лёня?

— Ну вотъ!.. Стану я всякой рвани бояться.

Восторженное вниманіе женщинъ раззудило его, и онъ сталъ врать о томъ, что гдѣ-то на Васильевскомъ островѣ студенты готовили бомбы, и о томъ, какъ ему градоначальникъ поручилъ арестовать этихъ злоумышленниковъ. А бомбъ тамъ было—потомъ ужъ это оказалось—двѣнадцать тысячъ штукъ. Если бъ все это взорвалось, такъ не только, что дома этого, а, пожалуй, и полъ-Петербурга не осталось бы...

Дальше слѣдовалъ захватывающій разсказъ о необычайномъ геронзмѣ Лёньки, который самъ переодѣлся студентомъ, проникъ въ «адскую лабораторію», подалъ кому-то знакъ изъ окна и въ одинъ мигъ обезоружилъ злодѣевъ. Одного онъ даже схватилъ за рукавъ въ тотъ самый моментъ, когда тотъ собирался взорвать кучу бомбъ.

Генька ахала, ужасалась, шлепала себя по ногамъ и то и дѣло обращалась къ Клотильдѣ съ восклицаніями:

— Ахъ, ну и что же это такое, Господи? Нѣтъ, ты подумай только, Клотильдочка, какіе подлецы эти студенты. Вотъ ужъ я ихъ никогда не уважала.

Наконецъ, совсѣмъ растроганная, очарованная своимъ любовникомъ, она повисла у него на шеѣ и стала его громко цѣловать.

— Лёнечка, моя дуся! Даже страшно слушать! И какъ это ты ничего не боишься?

Онъ самодовольно взвинтилъ свой лѣвый усъ вверхъ и обронилъ небрежно:

— Чего жъ бояться? Разъ умирать. За то и деньги получаю.

Клотильду все время мучила ревнивая зависть къ подругѣ, обладавшей такимъ великолѣпнымъ любовникомъ. Она смутно подозрѣвала, что въ разсказахъ Лёньки много вранья, а между тѣмъ у нея было сейчасъ въ рукахъ нѣчто совсѣмъ необыкновенное, чего еще ни у кого не

бывало и что̀ сразу заставило бы потускнѣть впечатлѣніе отъ Лёнькиныхъ подвиговъ. Она колебалась нѣсколько минутъ. Какой-то отголосокъ нѣжной жалости къ Рыбникову еще удерживалъ ее. Но истерическое стремленіе блеснуть романтическимъ случаемъ взяло верхъ, и она сказала тихо, глухимъ голосомъ:

— А знаешь, Лёня, что̀ я тебѣ хотѣла сказать? Вотъ у меня сегодня странный гость.

— Мм? Думаешь, жуликъ? — спросилъ снисходительно Лёнька.

Генька обидѣлась.

— Что̀-о? Это по-твоему жуликъ? Тоже скажешь! Пьяный офицеришка какой-то.

— Нѣтъ, ты не говори,—съ дѣловой важностью перебилъ ее Лёнька: — бываютъ, которые и жулики офицерами переодѣваются. Ну, такъ что̀ ты хотѣла сказать, Клотильда?

Тогда она разсказала подробно, обнаруживъ большую, мелочную, чисто-женскую наблюдательность, обо всемъ, что̀ касалось Рыбникова: о томъ, какъ его называли генераломъ Куроки, объ его японскомъ лицѣ, объ его странной нѣжности и страстности, объ его бредѣ и наконецъ о томъ, какъ онъ сказалъ слово «Банзай».

— Слушай, ты не врешь?—спросилъ быстро Лёнька, и въ его темныхъ глазахъ зажглись острыя искры.

— Вотъ ей-Богу! Не сойти мнѣ съ мѣста! Да ты посмотри въ замо̀къ — я открою ставню. Ну, вотъ — двѣ капли воды—японецъ!

Лёнька всталъ, неторопливо, съ серьезнымъ видомъ, надѣлъ сюртукъ и заботливо ощупалъ лѣвый внутренній карманъ.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ рѣшительно. — Съ кѣмъ онъ пріѣхалъ?

Изъ всей ночной компаніи остались только Карюковъ

и Штральманъ. Но Карюкова не могли добудиться, а Штральманъ, съ оплывшими красными глазами, еще полупьяный, ворчалъ неразборчиво:

— Какой офицеръ? Да чортъ съ нимъ совсѣмъ. Подсѣлъ онъ къ намъ въ Буффѣ, откуда онъ взялся, никто не знаетъ.

Онъ тотчасъ сталъ одѣваться, сердито сопя. Лѣнька извинился и вышелъ. Онъ уже успѣлъ разглядѣть въ дверную щелку лицо Рыбникова, и хотя у него оставались кое-какія сомнѣнія, но онъ былъ хорошимъ патріотомъ, отличался наглостью и не былъ лишенъ воображенія. Онъ рѣшилъ дѣйствовать на свой рискъ. Черезъ минуту онъ былъ уже на крыльцѣ и давалъ тревожные свистки.

VII.

Рыбниковъ внезапно проснулся, точно какой-то властный голосъ крикнулъ внутри его: встань! Полтора часа сна совершенно освѣжили его. Прежде всего онъ подозрительно уставился на дверь: ему почудилось, что кто-то слѣдилъ за нимъ оттуда пристальнымъ взглядомъ. Потомъ онъ оглянулся вокругъ. Ставня была полуоткрыта, и оттого въ комнатѣ можно было разглядѣть всякую мелочь. Женщина сидѣла напротивъ кровати у стола, безмолвная и блѣдная, глядя на него огромными свѣтлыми глазами.

— Что случилось?—спросилъ Рыбниковъ тревожно.— Послушай, что здѣсь случилось?

Она не отвѣчала. Но подбородокъ у нея задрожалъ, и зубы застучали другъ о друга.

Недовѣрчивый, жестокій блескъ зажегся въ глазахъ офицера. Онъ весь перегнулся впередъ съ кровати и наклонилъ ухо по направленію къ двери. Чьи-то многочисленные шаги, очевидно, непривычные къ осторож-

ности, приближались по коридору и вдругъ затихли у двери.

Рыбниковъ мягкимъ, беззвучнымъ движеніемъ спрыгнулъ съ кровати и два раза повернулъ ключъ. Тотчасъ же въ дверь постучали. Женщина съ крикомъ опрокинулась головой на столъ, закрывъ лицо ладонями.

Въ нѣсколько минутъ штабсъ-капитанъ одѣлся. Въ двери опять постучали. Съ нимъ была только фуражка. Шашку и пальто онъ оставилъ внизу. Онъ былъ блѣденъ, но совершенно спокоенъ, даже руки у него не дрожали, когда онъ одѣвался, и всѣ движенія его были отчетливо-неторопливы и ловки. Застегивая послѣднюю пуговицу сюртука, онъ подошелъ къ женщинѣ и съ такой страшной силой сжалъ ея руку выше кисти, въ запястьѣ, что у нея лицо мгновенно побагровѣло отъ крови, хлынувшей въ голову.

— Ты!—сказалъ онъ тихо, гнѣвнымъ шопотомъ, не разжимая челюстей.—Если ты шевельнешься, крикнешь, я тебя убью!..

Въ дверь снова постучались. И глухой голосъ произнесъ:

— Господинъ, соблаговолите, пожалуйста, отворить.

Теперь штабсъ-капитанъ не хромалъ больше. Онъ быстро и беззвучно подбѣжалъ къ окну, мягкимъ, кошачьимъ движеніемъ вскочилъ на подоконникъ, отворилъ ставни и однимъ толчкомъ распахнулъ рамы. Внизу подъ нимъ бѣлѣлъ мощеный дворъ съ чахлой травой между камнями и торчали вверхъ вѣтви жидкихъ деревьевъ. Онъ не колебался ни секунды, но въ тотъ самый моментъ, когда онъ, сидя бокомъ на желѣзной облицовкѣ подоконника, опираясь въ нее лѣвой рукой и уже свѣсивъ внизъ одну ногу, готовился сдѣлать всѣмъ тѣломъ толчокъ—женщина съ пронзительнымъ крикомъ кинулась къ нему и ухватила его за лѣвую руку. Вырываясь, онъ сдѣ-

лалъ неловкое движеніе и вдругъ съ слабымъ, точно удивленнымъ крикомъ, неловко, нерасчетливо полетѣлъ внизъ на камни.

Почти одновременно ветхая дверь упала внутрь въ комнату. Первымъ вбѣжалъ, задыхаясь, съ оскаленными зубами и горящими глазами, Лёнька. За ними входили, топоча и придерживая лѣвыми руками шашки, огромные городовые. Увидавъ открытое окно и женщину, которая, уцѣпившись за раму, визжала не переставая, Лёнька быстро понялъ все, что здѣсь произошло. Онъ былъ безусловно смѣлымъ человѣкомъ и потому, не задумываясь, не произнеся ни слова, точно это заранѣе входило въ планъ его дѣйствій, онъ съ разбѣгу выпрыгнулъ въ окошко

Онъ упалъ въ двухъ шагахъ отъ Рыбникова, который лежалъ на боку неподвижно. Несмотря на то, что у Лёньки отъ паденія гудѣло въ головѣ, несмотря на страшную боль, которую онъ ощущалъ въ животѣ и пяткахъ, онъ не потерялся и въ одинъ мигъ тяжело, всѣмъ тѣломъ навалился на штабсъ-капитана.

— А-а! Вре-ошь! — хрипѣлъ онъ, тиская свою жертву съ бѣшенымъ озлобленіемъ.

Штабсъ-капитанъ не сопротивлялся. Глаза его горѣли непримиримой ненавистью, но онъ былъ смертельно блѣденъ, и розовая пѣна пузырьками выступала на краяхъ его губъ.

— Не давите меня, — сказалъ онъ шопотомъ: — я сломалъ себѣ ногу.

ГАМБРИНУСЪ.

I.

Такъ называлась пивная въ бойкомъ портовомъ городѣ на югѣ Россіи. Хотя она и помѣщалась на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ, но найти ее было довольно трудно, благодаря ея подземному расположенію. Часто посѣтитель, даже близко знакомый и хорошо принятый въ Гамбринусѣ, умудрялся миновать это замѣчательное заведеніе и, только пройдя двѣ-три сосѣднія лавки, возвращался назадъ.

Вывѣски совсѣмъ не было. Прямо съ тротуара входили въ узкую, всегда открытую дверь. Отъ нея вела внизъ такая же узкая лѣстница въ двадцать каменныхъ ступеней, избитыхъ и скривленныхъ многими милліонами тяжелыхъ сапогъ. Надъ концомъ лѣстницы въ простѣнкѣ красовалось горельефное раскрашенное изображеніе славнаго покровителя пивного дѣла, короля Гамбринуса, величиною приблизительно въ два человѣческихъ роста. Вѣроятно, это скульптурное произведеніе было первой работой начинающаго любителя и казалось грубо исполненнымъ изъ окаменѣлыхъ кусковъ ноздреватой губки, но красный камзолъ, горностаевая мантія, золотая корона и высоко поднятая кружка со стекающей внизъ бѣлой пѣной не оставляли никакого сомнѣнія, что передъ посѣтителемъ — самъ великій патронъ пивоваренія.

Пивная состояла изъ двухъ длинныхъ, но чрезвычайно низкихъ, сводчатыхъ залъ. Съ каменныхъ стѣнъ всегда сочилась бѣглыми струйками подземная влага и сверкала въ огнѣ газовыхъ рожковъ, которые горѣли денно и нощно, потому что въ пивной оконъ совсѣмъ не было. На сводахъ однако можно еще было достаточно ясно разобрать слѣды занимательной стѣнной живописи. На одной картинѣ пировала большая компанія нѣмецкихъ молодчиковъ, въ охотничьихъ зеленыхъ курткахъ, въ шляпахъ съ тетеревиными перьями, съ ружьями за плечами. Всѣ они, обернувшись лицомъ къ пивной залѣ, привѣтствовали публику протянутыми кружками, а двое при этомъ еще обнимали за талію двухъ дебелыхъ дѣвицъ, служанокъ при сельскомъ кабачкѣ, а можетъ-быть, дочерей добраго фермера. На другой стѣнѣ изображался великосвѣтскій пикникъ временъ первой половины XVIII столѣтія; графини и виконты въ напудренныхъ парикахъ жеманно рѣзвятся на зеленомъ лугу съ барашками, а рядомъ, подъ развѣсистыми ивами, — прудъ съ лебедями, которыхъ граціозно кормятъ кавалеры и дамы, сидящіе въ какой-то золотой скорлупѣ. Слѣдующая картина представляла внутренность хохлацкой хаты и семью счастливыхъ малороссіянъ, пляшущихъ гопака со штофами въ рукахъ. Еще дальше красовалась большая бочка, и на ней, увитые виноградомъ и листьями хмеля, два безобразно-толстые амура съ красными лицами, жирными губами и безстыдно-масляными глазами чокаются плоскими бокалами. Во второй залѣ, отдѣленной отъ первой полукруглой аркой, шли картины изъ лягушечьей жизни: лягушки пьютъ пиво въ зеленомъ болотѣ, лягушки охотятся на стрекозъ среди густого камыша, играютъ струнный квартетъ, дерутся на шпагахъ и т. д. Очевидно, стѣны расписывалъ иностранный мастеръ.

Вмѣсто столовъ были разставлены на полу, густо усы-

панномъ опилками, тяжелыя дубовыя бочки; вмѣсто стульевъ — маленькіе боченочки. Направо отъ входа возвышалась небольшая эстрада, а на ней стояло піанино. Здѣсь каждый вечеръ, уже много лѣтъ подъ рядъ, игралъ на скрипкѣ для удовольствія и развлеченія гостей музыкантъ Сашка — еврей, — кроткій, веселый, пьяный, плѣшивый человѣкъ, съ наружностью облѣзлой обезьяны, неопредѣленныхъ лѣтъ. Проходили года, смѣнялись лакеи въ кожаныхъ нарукавникахъ, смѣнялись поставщики и развозчики пива, смѣнялись сами хозяева пивной, но Сашка неизмѣнно каждый вечеръ къ шести часамъ уже сидѣлъ на своей эстрадѣ со скрипкой въ рукахъ и съ маленькой бѣленькой собачкой на колѣняхъ, а къ часу ночи уходилъ изъ Гамбринуса, въ сопровожденіи той же собачки Бѣлочки, едва держась на ногахъ отъ выпитаго пива.

Впрочемъ, было въ Гамбринусѣ и другое несмѣняемое лицо — буфетчица мадамъ Иванова, — полная, безкровная, старая женщина, которая отъ безпрерывнаго пребыванія въ сыромъ пивномъ подземельѣ походила на блѣдныхъ лѣнивыхъ рыбъ, населяющихъ глубину морскихъ гротовъ. Какъ капитанъ корабля изъ рубки, она съ высоты своей буфетной стойки безмолвно распоряжалась прислугой и все время курила, держа папиросу въ правомъ углу рта и щуря отъ дыма правый глазъ. Голосъ ея рѣдко кому удавалось слышать, а на поклоны она отвѣчала всегда одинаковой безцвѣтной улыбкой.

II.

Громадный портъ, одинъ изъ самыхъ большихъ торговыхъ портовъ міра, всегда бывалъ переполненъ судами. Въ него заходили темно-ржавые гигантскіе броненосцы. Въ немъ грузились, идя на Дальній Востокъ, желтые

толстотрубые пароходы Добровольнаго флота, поглощавшіе ежедневно длинные поѣзда съ товарами или тысячи арестантовъ. Весной и осенью здѣсь развѣвались сотни флаговъ со всѣхъ концовъ земного шара, и съ утра до вечера раздавалась команда и ругань на всевозможныхъ языкахъ. Отъ судовъ къ безчисленнымъ пакгаузамъ и обратно по колеблющимся сходнямъ сновали грузчики: русскіе босяки, оборванные, почти оголенные, съ пьяными, раздутыми лицами, смуглые турки въ грязныхъ чалмахъ и въ широкихъ до колѣнъ, но обтянутыхъ вокругъ голени шароварахъ, коренастые мускулистые персы, съ волосами и ногтями, окрашенными хиной въ огненно-морковный цвѣтъ. Часто въ портъ заходили прелестныя издали двух- и трехмачтовыя итальянскія шкуны, со своими правильными этажами парусовъ — чистыхъ, бѣлыхъ и упругихъ, какъ груди молодыхъ женщинъ; показываясь изъ-за маяка, эти стройные корабли представлялись — особенно въ ясныя весеннія утра — чудесными бѣлыми видѣніями, плывущими не по водѣ, а по воздуху, выше горизонта. Здѣсь мѣсяцами раскачивались въ грязно-зеленой портовой водѣ, среди мусора, яичной скорлупы, арбузныхъ корокъ и стадъ бѣлыхъ морскихъ чаекъ, высоковерхія анатолійскія кочермы и трапезондскія феллюги, съ ихъ странной раскраской, рѣзьбой и причудливыми орнаментами. Сюда изрѣдка заплывали и какія-то диковинныя узкія суда, подъ черными просмоленными парусами, съ грязной тряпкой вмѣсто флага; обогнувъ молъ и чуть-чуть не черкнувъ объ него бортомъ, такое судно, все накренившись набокъ и не умѣряя хода, влетало въ любую гавань, приставало среди разноязычной руготни, проклятій и угрозъ къ первому попавшемуся молу, гдѣ матросы его, — совершенно голые, бронзовые, маленькіе люди, — издавая гортанный клекотъ, съ непостижимой быстротой убирали рваные паруса, и мгно-

венно грязное, таинственное судно дѣлалось, какъ мертвое. И такъ же загадочно, темной ночью, не зажигая огней, оно беззвучно исчезало изъ порта. Весь заливъ по ночамъ кишѣлъ легкими лодочками контрабандистовъ. Окрестные и дальніе рыбаки свозили въ городъ рыбу: весною—мелкую камсу, милліонами наполнявшую доверху ихъ баркасы, лѣтомъ — уродливую камбалу, осенью — макрель, жирную кефаль и устрицы, а зимой—десяти- и двадцатипудовую бѣлугу, выловленную часто съ большой опасностью для жизни за много верстъ отъ берега.

Всѣ эти люди — матросы разныхъ націй, рыбаки, кочегары, веселые юнги, портовые воры, машинисты, рабочіе, лодочники, грузчики, водолазы, контрабандисты — всѣ они были молоды, здоровы и пропитаны крѣпкимъ запахомъ моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужасъ ежедневнаго риска, цѣнили выше всего силу, молодечество, задоръ и хлесткость крѣпкаго слова, а на сушѣ предавались съ дикимъ наслажденіемъ разгулу, пьянству и дракамъ. По вечерамъ огни большого города, взбѣгавшіе высоко наверхъ, манили ихъ, какъ волшебные свѣтящіеся глаза, всегда обѣщая что-то новое, радостное, еще неиспытанное, и всегда обманывая.

Городъ соединялся съ портомъ узкими, крутыми, колѣнчатыми улицами, по которымъ порядочные люди избѣгали ходить ночью. На каждомъ шагу здѣсь попадались ночлежные дома съ грязными, забранными рѣшеткой окнами, съ мрачнымъ свѣтомъ одинокой лампы внутри. Еще чаще встрѣчались лавки, въ которыхъ можно было продать съ себя всю одежду вплоть до натѣльной матросской сѣтки и вновь одѣться въ любой морской костюмъ. Здѣсь также было много пивныхъ, тавернъ, кухмистерскихъ и трактировъ, съ выразительными вывѣсками на всѣхъ языкахъ, и немало явныхъ и тайныхъ публичныхъ домовъ, съ пороговъ которыхъ по ночамъ грубо-

размалеванныя женщины зазывали сиплыми голосами матросовъ. Были греческія кофейни, гдѣ играли въ домино и въ шестьдесятъ шесть, и турецкія кофейни, съ приборами для куренія наргиле и съ ночлегомъ за пятачокъ; были восточные кабачки, въ которыхъ продавали улитокъ, металиди, креветокъ, миди, большихъ бородавчатыхъ чернильныхъ каракатицъ и другую морскую гадость. Гдѣ-то на чердакахъ и въ подвалахъ, за глухими ставнями, ютились игорные притоны, въ которыхъ штоссъ и баккара часто кончались распоротымъ животомъ или проломленнымъ черепомъ, и тутъ же рядомъ за угломъ, иногда въ сосѣдней каморкѣ, можно было спустить любую краденую вещь, отъ брильянтоваго браслета до серебрянаго креста и отъ тюка съ лионскимъ бархатомъ до казенной матросской шинели.

Эти крутыя, узкія улицы, черныя отъ угольной пыли, къ ночи всегда становились липкими и зловонными, точно онѣ потѣли въ кошмарномъ снѣ. И онѣ походили на сточныя канавы или на грязныя кишки, по которымъ большой международный городъ извергалъ въ море всѣ свои отбросы, всю свою гниль, мерзость и порокъ, заражая ими крѣпкія мускулистыя тѣла и простыя души.

Здѣшніе буйные обитатели рѣдко подымались наверхъ въ нарядный, всегда праздничный городъ съ его зеркальными стеклами, гордыми памятниками, сіяніемъ электричества, асфальтовыми тротуарами, аллеями бѣлой акаціи, величественными полицейскими, со всей его показной чистотой и благоустройствомъ. Но каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ расшвырять по вѣтру свои трудовыя, засаленныя, рваныя, разбухшія рублевки, непремѣнно посѣщалъ Гамбринусъ. Это было освящено древнимъ обычаемъ, хотя для этого и приходилось подъ прикрытіемъ вечерняго мрака пробираться въ самый центръ города.

Многіе, правда, совсѣмъ не знали мудренаго имени славнаго пивного короля. Просто кто-нибудь предлагалъ:

— Идемъ къ Сашкѣ?

А другіе отвѣчали:

— Есть! Такъ держать.

И уже всѣ вмѣстѣ говорили:

— Вира!

Нѣтъ ничего удивительнаго, что среди портовыхъ и морскихъ людей Сашка пользовался бо̀льшимъ почетомъ и извѣстностью, чѣмъ, напримѣръ, мѣстный архіерей или губернаторъ. И, безъ сомнѣнія, если не его имя, то его живое обезьянье лицо и его скрипка вспоминались изрѣдка въ Сиднеѣ и въ Плимутѣ, такъ же, какъ въ Нью-Іоркѣ, во Владивостокѣ, въ Константинополѣ и на Цейлонѣ, не считая уже всѣхъ заливовъ и бухтъ Чернаго моря, гдѣ водилось множество почитателей его таланта изъ числа отважныхъ рыбаковъ.

III.

Обыкновенно Сашка приходилъ въ Гамбринусъ въ 4 часы, когда тамъ еще никого не было, кромѣ одного-двухъ случайныхъ посѣтителей. Въ залахъ въ это время стоялъ густой и кислый запахъ вчерашняго пива и было темновато, потому что днемъ берегли газъ. Въ жаркіе іюльскіе дни, когда каменный городъ изнывалъ отъ солнца и глохъ отъ уличной трескотни, здѣсь пріятно чувствовалась тишина и прохлада.

Сашка подходилъ къ прилавку, здоровался съ мадамъ Ивановой и выпивалъ свою первую кружку пива. Иногда буфетчица просила:

— Саша, сыграйте что-нибудь!

— Что̀ прикажете вамъ сыграть, мадамъ Иванова? — любезно освѣдомлялся Сашка, который всегда былъ съ ней изысканно-любезенъ.

— Что-нибудь свое...

Онъ садился на обычное мѣсто налѣво отъ піанино и игралъ какія-то странныя, длительныя, тоскливыя пьесы. Становилось какъ-то сонно и тихо въ подземельѣ, только съ улицы доносилось глухое рокотаніе города, да изрѣдка лакеи осторожно побрякивали посудой за стѣной на кухнѣ. Со струнъ Сашкиной скрипки плакала древняя, какъ земля, еврейская скорбь, вся затканная и обвитая печальными цвѣтами національныхъ мелодій. Лицо Сашки съ напруженнымъ подбородкомъ и низко опущеннымъ лбомъ, съ глазами, сурово глядѣвшими вверхъ изъ-подъ отяжелѣвшихъ бровей, совсѣмъ не бывало похоже въ этотъ сумеречный часъ на знакомое всѣмъ гостямъ Гамбринуса оскаленное, подмигивающее, пляшущее лицо Сашки. Собачка Бѣлочка сидѣла у него на колѣняхъ. Она давно уже привыкла не подвывать музыкѣ, но страстно-тоскливые, рыдающіе и проклинающіе звуки невольно раздражали ее: она въ судорожныхъ зѣвкахъ широко раскрывала ротъ, завивая назадъ тонкій розовый язычокъ, и при этомъ на минуту дрожала всѣмъ тѣльцемъ и нѣжной черноглазой мордочкой.

Но вотъ мало-по-малу набиралась публика, приходилъ аккомпаніаторъ, покончившій какое-нибудь стороннее дневное занятіе у портного или часовщика, на буфетѣ выставлялись сосиски въ горячей водѣ и бутерброды съ сыромъ, и наконецъ зажигались всѣ остальные газовые рожки. Сашка выпивалъ свою вторую кружку, командовалъ товарищу: «Майскій парадъ, ейнъ, цвей, дрей!» и начиналъ бурный маршъ. Съ этой минуты онъ едва успѣвалъ раскланиваться со вновь приходящими, изъ которыхъ каждый считалъ себя особеннымъ интимнымъ знакомымъ Сашки и оглядывалъ гордо прочихъ гостей послѣ его поклона. Въ то же время Сашка прищуривалъ то одинъ, то другой глазъ, собиралъ кверху длинныя мор-

щины на своемъ лысомъ, покатомъ назадъ черепѣ, двигалъ комически губами и улыбался на всѣ стороны.

Къ десяти-одиннадцати часамъ Гамбринусъ, вмѣщавшій въ свои залы до двухсотъ и болѣе человѣкъ, оказывался биткомъ-набитымъ. Многіе, почти половина, приходили съ женщинами въ платочкахъ, никто не обижался на тѣсноту, на отдавленную ногу, на смятую шапку, на чужое пиво, окатившее штаны; если обижались, то только по пьяному дѣлу «для задёра». Подвальная сырость, тускло блестя, еще обильнѣе струилась со стѣнъ, покрытыхъ масляной краской, а испаренія толпы падали внизъ съ потолка, какъ рѣдкій, тяжелый, теплый дождь. Пили въ Гамбринусѣ серьезно. Въ нравахъ этого заведенія почиталось особеннымъ шикомъ, сидя вдвоемъ-троемъ, такъ уставлять столъ пустыми бутылками, чтобы за ними не видѣть собесѣдника, какъ въ стеклянномъ зеленомъ лѣсу.

Въ развалѣ вечера гости краснѣли, хрипли и становились мокрыми. Табачный дымъ рѣзалъ глаза. Надо было кричать и нагибаться черезъ столъ, чтобы разслышать другъ друга въ общемъ гамѣ. И только неутомимая скрипка Сашки, сидѣвшаго на своемъ возвышеніи, торжествовала надъ духотой, надъ жарой, надъ запахомъ табака, газа, пива и надъ ораніемъ безцеремонной публики.

Но посѣтители быстро пьянѣли отъ пива, отъ близости женщинъ, отъ жаркаго воздуха. Каждому хотѣлось своихъ любимыхъ, знакомыхъ пѣсенъ. Около Сашки постоянно торчали, дергая его за рукавъ и мѣшая ему играть, по два, по три человѣка, съ тупыми глазами и нетвердыми движеньями.

— Сашш!.. С-стра-дательную... Убла... — проситель икалъ: — убла-а-твори!

— Сейчасъ, сейчасъ, — твердилъ Сашка, быстро ки-

вая головой, и съ ловкостью врача, безъ звука, опускалъ въ боковой карманъ серебряную монету. — Сейчасъ, сейчасъ.

— Сашка, это же подлость. Я деньги далъ и уже двадцать разъ прошу: «Въ Одессу моремъ я плыла».

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Сашка, «Соловья»!

— Сашка, «Марусю»!

— «Зецъ-Зецъ», Сашка, «Зецъ-Зецъ»!

— Сейчасъ, сейчасъ...

— «Ча-ба-на»! — оралъ съ другого конца залы не человѣческій, а какой-то жеребячій голосъ.

И Сашка при общемъ хохотѣ кричалъ ему по-пѣтушиному:

— Сейча-а-асъ...

И онъ игралъ безъ отдыха всѣ заказанныя пѣсни. По-видимому, не было ни одной, которой бы онъ не зналъ наизусть. Со всѣхъ сторонъ въ карманы ему сыпались серебряныя монеты, и со всѣхъ столовъ ему присылали кружки съ пивомъ. Когда онъ слѣзалъ со своей эстрады, чтобы подойти къ буфету, его разрывали на части.

— Сашенька... Мил' чекъ... Одну кружечку.

— Саша, за ваше здоровье. Иди же сюда, чортъ, печенки, селезенки, если тебѣ говорятъ.

— Сашка-а, пиво иди пи-ить! — оралъ жеребячій голосъ.

Женщины, склонныя, какъ и всѣ женщины, восхищаться людьми эстрады, кокетничать, отличаться и раболѣпствовать передъ ними, звали его воркующимъ голосомъ, съ игривымъ, капризнымъ смѣшкомъ:

— Сашечка, вы должны непремѣнно отъ мене выпить... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я васъ прошу. И потомъ сыграйте «куку-вокъ».

Сашка улыбался, гримасничалъ и кланялся налѣво и направо, прижималъ руку къ сердцу, посылалъ воздушные поцѣлуи, пилъ у всѣхъ столовъ пиво и, возвратившись къ піанино, на которомъ его ждала новая кружка, начиналъ играть какую-нибудь «Разлуку». Иногда, чтобы потѣшить своихъ слушателей, онъ заставлялъ свою скрипку въ ладъ мотиву скулить щенкомъ, хрюкать свиньею или хрипѣть раздирающими басовыми звуками. И слушатели встрѣчали эти шутки съ благодушнымъ одобреніемъ:

— Го-го-го-го-о-о!

Становилось все жарче. Съ потолка лило, нѣкоторые изъ гостей уже плакали, ударяя себя въ грудь, другіе съ кровавыми глазами ссорились изъ-за женщинъ и изъза прежнихъ обидъ и лѣзли другъ на друга, удерживаемые болѣе трезвыми сосѣдями, чаще всего прихлебателями. Лакеи чудомъ протискивались между бочками, боченками, ногами и туловищами, высоко держа надъ головами сидящихъ свои руки, унизанныя пивными кружками. Мадамъ Иванова, еще болѣе безкровная, невозмутимая и молчаливая, чѣмъ всегда, распоряжалась изъза буфетной стойки дѣйствіями прислуги, подобно капитану судна во время бури.

Всѣхъ одолѣвало желаніе пѣть. Сашка, размякшій отъ пива, отъ собственной доброты и отъ той грубой радости, которую доставляла другимъ его музыка, готовъ былъ играть что угодно. И подъ звуки его скрипки охрипшіе люди нескладными деревянными голосами орали въ одинъ тонъ, глядя другъ другу съ безсмысленной серьезностью въ глаза:

„На что намъ ра-азлучаться,
Ахъ, на что въ разлу-укѣ жить.
Не лучше ль повѣнчаться,
Любовью дорожить?“

А рядомъ другая компанія, стараясь перекричать первую, очевидно, враждебную, голосила уже совсѣмъ враздродъ:

„Вижу я по походкѣ,
Что пестрѣются штанцы.
Въ него волосъ подъ шантрета
И на ринахъ сапоги“

Гамбринусъ часто посѣщали малоазіатскіе греки «допголаки», которые приплывали въ русскіе порты на рыбные промысла. Они тоже заказывали Сашкѣ свои восточныя пѣсни, состоящія изъ унылаго, гнусаваго, однообразнаго воя на двухъ-трехъ нотахъ, и съ мрачными лицами, съ горящими глазами, готовы были пѣть ихъ по цѣлымъ часамъ. Игралъ Сашка и итальянскіе народные куплеты, и хохлацкія думки, и еврейскіе свадебные танцы, и много другого. Однажды зашла въ Гамбринусъ кучка матросовъ-негровъ, которымъ, глядя на другихъ, тоже очень захотѣлось попѣть. Сашка быстро уловилъ по слуху скачущую негритянскую мелодію, тутъ же подобралъ къ ней аккомпанементъ на піанино, и вотъ, къ большому восторгу и потѣхѣ завсегдатаевъ Гамбринуса, пивная огласилась странными, капризными, гортанными звуками африканской пѣсни.

Одинъ репортеръ мѣстной газеты, Сашкинъ знакомый, уговорилъ какъ-то профессора музыкальнаго училища пойти въ Гамбринусъ послушать тамошняго знаменитаго скрипача. Но Сашка догадался объ этомъ и нарочно заставилъ скрипку болѣе обыкновеннаго мяукать, блеять и ревѣть. Гости Гамбринуса такъ и разрывались отъ смѣха, а профессоръ сказалъ презрительно:

— Клоунство.

И ушелъ, не допивъ своей кружки.

IV.

Нерѣдко деликатныя маркизы и пирующіе нѣмецкіе охотники, жирные амуры и лягушки бывали со своихъ стѣнъ свидѣтелями такого широкаго разгула, какой рѣдко гдѣ можно было бы увидѣть, кромѣ Гамбринуса.

Являлась, напримѣръ, закутившая компанія воровъ, послѣ хорошаго дѣла, каждый съ возлюбленной, каждый въ фуражкѣ, лихо заломленной набокъ, въ лакированныхъ сапогахъ, съ изысканными трактирными манерами, съ пренебрежительнымъ видомъ. Сашка игралъ для нихъ особыя воровскія пѣсни: «Погибъ я мальчишечка», «Не плачь ты, Маруся», «Прошла весна» и другія. Плясать они считали ниже своего достоинства, но ихъ подруги, всѣ недурныя собой, молоденькія, иныя почти дѣвочки, танцовали «Чабана» съ визгомъ и щелканьемъ каблуковъ. И женщины и мужчины пили очень много, — было дурно только то, что воры всегда заканчивали свой кутежъ старыми денежными недоразумѣніями, и любили исчезнуть, не платя.

Приходили большими артелями, человѣкъ по тридцати, рыбаки послѣ счастливаго улова. Поздней осенью выдавались такія счастливыя недѣли, когда въ каждый заводъ попадалось ежедневно тысячъ по сорока скумбріи или кефали. За это время самый мелкій пайщикъ зарабатывалъ болѣе двухсотъ рублей. Но еще болѣе обогащалъ рыбаковъ удачный ловъ бѣлуги зимой, зато онъ и отличался большими трудностями. Приходилось тяжело работать, за 30 — 40 верстъ отъ берега, среди ночи, иногда въ ненастную погоду, когда вода заливала баркасъ и тотчасъ же обледянѣвала на одеждѣ, на веслахъ, а погода держала по двое, по трое сутокъ въ морѣ, пока не выбрасывала куда-нибудь верстъ за 200, въ Анапу

или въ Трапезондъ. Каждую зиму пропадало безъ вѣсти до десятка яликовъ, и только весною волны прибивали то тутъ, то тамъ, къ чужому берегу трупы отважныхъ рыбаковъ.

Зато, когда они возвращались съ моря благополучно и удачливо, то на сушѣ ими овладѣвала бѣшеная жажда жизни. Нѣсколько тысячъ рублей спускались въ 2 — 3 дня въ самомъ грубомъ, оглушительномъ, пьяномъ кутежѣ. Рыбаки забирались въ трактиръ или еще въ какое-нибудь веселое мѣсто, вышвыривали всѣхъ посторонихъ гостей, запирали наглухо двери и ставни и цѣлыя сутки напролетъ пили, предавались любви, орали пѣсни, били зеркала, посуду, женщинъ и нерѣдко другъ друга, пока сонъ не одолѣвалъ ихъ гдѣ попало — на столахъ, на полу, поперекъ кроватей, среди плевковъ, окурковъ, битаго стекла, разлитаго вина и кровавыхъ пятенъ. Такъ кутили рыбаки нѣсколько сутокъ подъ рядъ, иногда мѣняя мѣсто, иногда оставаясь въ одномъ и томъ же. Прокутивъ все до послѣдняго гроша, они съ гудящими головами, со знаками битвъ на лицахъ, трясясь отъ похмелья, молчаливые, удрученные и покаянные, шли на берегъ, къ баркасамъ, чтобы приняться вновь за свое милое и проклятое, тяжелое и увлекательное ремесло.

Они никогда не забывали навѣстить Гамбринусъ. Они туда вламывались огромные, осипшіе, съ красными лицами, обожженными свирѣпымъ зимнимъ нордъ-остомъ, въ непромокаемыхъ куртках, въ кожаныхъ штанахъ и въ воловьихъ сапогахъ по бедра, — въ тѣхъ самыхъ сапогахъ, въ которыхъ ихъ друзья среди бурной ночи шли ко дну, какъ камни.

Изъ уваженія къ Сашкѣ они не выгоняли постороннихъ, хотя и чувствовали себя хозяевами пивной и били тяжелыя кружки объ полъ. Сашка игралъ имъ ихнія рыбацкія пѣсни, протяжныя, простыя и грозныя, какъ

шумъ моря, и они пѣли всѣ въ одинъ голосъ, напрягая до послѣдней степени свои здоровыя груди и закаленныя глотки. Сашка дѣйствовалъ на нихъ, какъ Орфей, усмирявшій волны, и случалось, что какой-нибудь сорокалѣтній атаманъ баркаса, бородатый, весь обвѣтренный, звѣроподобный мужчинище, заливался слезами, выводя тонкимъ голосомъ жалостливыя слова пѣсни:

Ахъ, бѣдный, бѣдный я мальчишечка,
Что вродился рыбакомъ...

А иногда они плясали, топчась на мѣстѣ, съ каменными лицами, громыхая своими пудовыми сапогами и распространяя по всей пивной острый соленый запахъ рыбы, которымъ насквозь пропитались ихъ тѣла и одежды. Къ Сашкѣ они были очень щедры и подолгу не отпускали отъ своихъ столовъ. Онъ хорошо зналъ образъ ихъ тяжелой, отчаянной жизни. Часто, когда онъ игралъ имъ, то чувствовалъ у себя въ душѣ какую-то почтительную грусть.

Но особенно онъ любилъ играть англійскимъ матросамъ съ коммерческихъ судовъ. Они приходили гурьбой, держась рука объ руку — всѣ какъ бы на подборъ грудастые, широкоплечіе, молодые, бѣлозубые, съ здоровымъ румянцемъ, съ веселыми, смѣлыми, голубыми глазами. Крѣпкія мышцы распирали ихъ куртки, а изъ глубоко вырѣзанныхъ воротниковъ возвышались прямыя, могучія, стройныя шеи. Нѣкоторые знали Сашку по прежнимъ стоянкамъ въ этомъ порту. Они узнавали его и, привѣтливо скаля бѣлые зубы, привѣтствовали его по-русски:

— Здрайстъ, здрайстъ.

Сашка самъ, безъ приглашенія, игралъ имъ «Rule Britannia». Должно-быть, сознаніе того, что они сейчасъ находятся въ странѣ, отягощенной вѣчнымъ рабствомъ, при-

давало особенно гордую торжественность этому гимну англійской свободы. И когда они пѣли, стоя, съ обнаженными головами, послѣднія великолѣпныя слова:

Никогда, никогда, никогда
Англичанинъ не будетъ рабомъ!—

то невольно и самые буйные сосѣди снимали шапки.

Коренастый боцманъ съ серьгой въ ухѣ и съ бородой, растущей точно бахрома изъ шеи, подходилъ къ Сашкѣ съ двумя кружками пива, широко улыбался, хлопалъ его дружелюбно по спинѣ и просилъ сыграть джигу. При первыхъ же звукахъ этого залихватскаго морского танца, англичане вскакивали и расчищали мѣсто, отодвигая къ стѣнамъ боченки. Постороннихъ просили объ этомъ жестами, съ веселыми улыбками, но если кто не торопился, съ тѣмъ не церемонились, а прямо вышибали изъ-подъ него сидѣніе хорошимъ ударомъ ноги. Къ этому, однако, прибѣгали рѣдко, потому что въ Гамбринусѣ всѣ были цѣнителями танцевъ и въ особенности любили англійскую джигу. Даже самъ Сашка, не переставая играть, становился на стулъ, чтобы лучше видѣть.

Матросы дѣлали кругъ и въ тактъ быстрому танцу били въ ладоши, а двое выступали въ середку. Танецъ изображалъ жизнь матроса во время плаванія. Судно готово къ отходу, погода чудесная, все въ порядкѣ. У танцоровъ руки скрещены на груди, головы откинуты назадъ, тѣло спокойно, хотя ноги выбиваютъ бѣшеную дробь. Но вотъ поднялся вѣтерокъ, начинается небольшая качка. Для моряка — это одно веселье, только колѣна танца становятся все сложнѣе и замысловатѣе. Задулъ и свѣжій вѣтеръ — ходить по палубѣ уже не такъ удобно— танцоровъ слегка покачиваетъ съ боку на бокъ. Наконецъ вотъ и настоящая буря — матроса швыряетъ отъ борта къ борту, дѣло становится серьезнымъ. — «Всѣ наверхъ,

убирать паруса!» По движеніямъ танцоровъ до смѣшного понятно, какъ они карабкаются руками и ногами на ванты, тянутъ паруса и крѣпятъ шкоты, между тѣмъ какъ буря все сильнѣе раскачиваетъ судно. «Стой, человѣкъ за бортомъ!» Спускаютъ шлюпку. Танцоры, опустивъ внизъ головы, напруживъ мощныя, голыя шеи, гребутъ частыми взмахами, то сгибая, то распрямляя спины. Буря однако проходитъ, мало-по-малу утихаетъ качка, проясняется небо, и вотъ уже судно опять плавно бѣжитъ съ попутнымъ вѣтромъ, и опять танцоры съ неподвижными тѣлами, со скрещенными руками, отдѣлываютъ ногами веселую частую джигу.

Приходилось Сашкѣ иногда играть лезгинку для грузинъ, которые занимались въ окрестностяхъ города винодѣліемъ. Для него не было незнакомыхъ плясокъ. Въ то время, когда одинъ танцоръ, въ папахѣ и черкескѣ, воздушно носился между бочками, закидывая за голову то одну, то другую руку, а его друзья прихлопывали въ тактъ и подкрикивали, Сашка тоже не могъ утерпѣть и вмѣстѣ съ ними одушевленно кричалъ: «Хасъ! хасъ! хасъ! хасъ!» Случалось ему также играть молдаванскій джокъ и итальянскую тарантеллу и вальсы нѣмецкимъ матросамъ.

Случалось, что въ Гамбринусѣ дрались, и довольно жестоко. Старые посѣтители любили разсказывать о легендарномъ побоищѣ между русскими военными матросами, уволенными въ запасъ съ какого-то крейсера, и англійскими моряками. Дрались кулаками, кастетами, пивными кружками и даже швыряли другъ въ друга боченками для сидѣнія. Не къ чести русскихъ воиновъ надо сказать, что они первые начали скандалъ, первые же пустили въ ходъ ножи и вытѣснили англичанъ изъ пивной только послѣ получасового боя, хотя превосходили ихъ численностью въ три раза.

Очень часто Сашкино вмѣшательство останавливало ссору, которая на волоскѣ висѣла отъ кровопролитія. Онъ подходилъ, шутилъ, улыбался, гримасничалъ, и тотчасъ же со всѣхъ сторонъ къ нему протягивались бокалы.

— Сашка, кружечку!.. Сашка, со мной!.. Вѣра, законъ, печенки, гробъ...

Можетъ-быть, на простые дикіе нравы вліяла эта кроткая и смѣшная доброта, весело лучившаяся изъ его глазъ, спрятанныхъ подъ покатымъ черепомъ? Можетъ-быть, своеобразное уваженіе къ таланту и что-то въ родѣ благодарности? А можетъ-быть, также и то обстоятельство, что большинство завсегдатаевъ Гамбринуса состояло вѣчными Сашкиными должниками. Въ тяжелыя минуты «декохта», что на морскомъ и портовомъ жаргонѣ обозначаетъ полное безденежье, къ Сашкѣ свободно и безотказно обращались за мелкими суммами или за небольшимъ кредитомъ у буфета.

Конечно, долговъ ему не возвращали — не по злостному умыслу, а по забывчивости, — но эти же должники въ минуту разгула возвращали ссуду десятерицею за Сашкины пѣсни.

Буфетчица иногда выговаривала ему:

— Удивляюсь, Саша, какъ это вы не жалѣете своихъ денегъ?

Онъ возражалъ убѣдительно:

— Да мадамъ же Иванова. Да мнѣ же ихъ съ собой въ могилу не брать. Намъ съ Бѣлочкой хватитъ. Бѣлинька, собачка моя, поди сюда.

V.

Появлялись въ Гамбринусѣ также и свои модныя, сезонныя пѣсни.

Во время войны англичанъ съ бурами процвѣталъ «Бур-

скій маршъ» (кажется, къ этому именно времени относилась знаменитая драка русскихъ моряковъ съ англійскими). По меньшей мѣрѣ разъ двадцать въ вечеръ заставляли Сашку играть эту героическую пьесу и неизмѣнно въ концѣ ея махали фуражками, кричали «ура», а на равнодушныхъ косились недружелюбно, что̀ не всегда бывало добрымъ предзнаменованіемъ въ Гамбринусѣ.

Затѣмъ подошли франко-русскія торжества. Градоначальникъ съ кислой миной разрѣшилъ играть марсельезу. Ее тоже требовали ежедневно, но уже не такъ часто, какъ бурскій маршъ, при чемъ «ура» кричали жиже и шапками совсѣмъ не размахивали. Происходило это оттого, что, съ одной стороны, не было мотивовъ для игры сердечныхъ чувствъ, съ другой стороны—посѣтители Гамбринуса недостаточно понимали политическую важность союза, а съ третьей — было замѣчено, что каждый вечеръ требуютъ марсельезу и кричатъ «ура» все одни и тѣ же лица.

На минутку сдѣлался-было моднымъ мотивъ кекъ-уока, и даже какой-то случайный, заколобродившій купчикъ, не снимая енотовой шубы, высокихъ калошъ и лисьей шапки, протанцовалъ его однажды между бочками. Однако этотъ негритянскій танецъ былъ въ скорости позабытъ.

Но вотъ наступила великая японская война. Посѣтители Гамбринуса зажили ускоренною жизнью. На бочонкахъ появились газеты, по вечерамъ спорили о войнѣ. Самые мирные, простые люди обратились въ политиковъ и стратеговъ, но каждый изъ нихъ въ глубинѣ души трепеталъ если не за себя, то за брата, или, что̀ еще вѣрнѣе, за близкаго товарища: въ эти дни ясно сказалась та незамѣтная и крѣпкая связь, которая спаиваетъ людей, долго раздѣлявшихъ трудъ, опасность и ежедневную близость къ смерти.

Вначалѣ никто не сомнѣвался въ нашей побѣдѣ.

Сашка раздобылъ гдѣ-то «Куропаткинъ-маршъ» и вечеровъ двадцать подъ рядъ игралъ его съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Но какъ-то въ одинъ вечеръ «Куропаткинъ-маршъ» былъ навсегда вытѣсненъ пѣсней, которую привезли съ собой балаклавскіе рыбаки, «соленые греки» или «пиндосы», какъ ихъ здѣсь называли:

„Ахъ, зачѣмъ насъ отдали въ солдаты,
Посылаютъ на Дальній Востокъ?
Неужли же мы въ томъ виноваты,
Что вышли ростомъ на лишній вершокъ?“

Съ тѣхъ поръ въ Гамбринусѣ ничего другого не хотѣли слушать. Цѣлыми вечерами только и было слышно требованіе:

— Саша, страдательную! Балаклавскую! запасную!

Пѣли и плакали и пили вдвое больше обыкновеннаго, какъ, впрочемъ, пила тогда поголовно вся Россія. Каждый вечеръ приходилъ кто-нибудь прощаться, храбрился, ходилъ пѣтухомъ, бросалъ шапку объ землю, грозился одинъ разбить всѣхъ япошекъ и кончалъ страдательной пѣсней со слезами.

Однажды Сашка явился въ пивную раньше, чѣмъ всегда. Буфетчица, наливъ ему первую кружку, сказала, по обыкновенію:

— Саша, сыграйте что-нибудь свое...

У него вдругъ закривились губы, и кружка заходила въ рукѣ.

— Знаете что, мадамъ Иванова? — сказалъ онъ точно въ недоумѣніи. — Вѣдь меня же въ солдаты забираютъ. На войну.

Мадамъ Иванова всплеснула руками.

— Да не можетъ быть, Саша! Шутите?

— Нѣтъ, — уныло и покорно покачалъ головой Сашка: — не шучу.

— Но вѣдь вамъ лѣта вышли, Саша? Сколько вамъ лѣтъ?

Этимъ вопросомъ какъ-то до сихъ поръ никто не интересовался. Всѣ думали, что Сашкѣ столько же лѣтъ, сколько стѣнамъ пивной, маркизамъ, хохламъ, лягушкамъ и самому раскрашенному королю Гамбринусу, сторожившему входъ.

— Сорокъ шесть. — Саша подумалъ. — А можетъ-быть сорокъ девять. Я сирота, — прибавилъ онъ уныло.

— Такъ вы пойдите, объясните кому слѣдуетъ.

— Я уже ходилъ, мадамъ Иванова, я уже объяснялъ.

— И... Ну?

— Ну, мнѣ отвѣтили: пархатый жидъ, жидовская морда, поговори еще — попадешь въ клоповникъ... И дали вотъ сюда.

Вечеромъ новость стала извѣстной всему Гамбринусу, и изъ сочувствія Сашку напоили мертвецки. Онъ пробовалъ кривляться, гримасничать, прищуривать глаза, но изъ его кроткихъ, смѣшныхъ глазъ глядѣли грусть и ужасъ. Одинъ здоровенный рабочій, ремесломъ котельщикъ, вдругъ вызвался итти на войну вмѣсто Сашки. Всѣмъ была ясна очевидная глупость такого предложенія, но Сашка растрогался, прослезился, обнялъ котельнаго мастера и тутъ же подарилъ ему свою скрипку. А Бѣлочку онъ оставилъ буфетчицѣ.

— Мадамъ Иванова, вы же смотрите за собачкой. Можетъ, я и не вернусь, такъ будетъ вамъ память о Сашкѣ. Бѣлинька, собачка моя! Смотрите, облизывается. Ахъ, ты, моя бѣдная... И еще попрошу васъ, мадамъ Иванова. У меня за хозяиномъ остались деньги, такъ вы получите и отправьте... Я вамъ напишу адреса. Въ Гомелѣ у меня есть двоюродный братъ, у него семья, и еще въ Жмеринкѣ живетъ вдова племянника. Я имъ каждый мѣсяцъ... Что жъ, мы, евреи, такой народъ...

мы любимъ родственниковъ. А я сирота, я одинокій. Прощайте же, мадамъ Иванова.

— Прощайте, Саша! Давайте хоть поцѣлуемся на прощаніе-то. Сколько лѣтъ... И — вы не сердитесь — я васъ перекрещу на дорогу.

Сашкины глаза были глубоко-печальны, но онъ не могъ удержаться, чтобы не спаясничать напослѣдокъ:

— А что, мадамъ Иванова, я отъ русскаго креста не подохну?

VI.

Гамбринусъ опустѣлъ и заглохъ, точно онъ осиротѣлъ безъ Сашки и его скрипки. Хозяинъ пробовалъ-было пригласить въ видѣ приманки квартетъ бродячихъ мандолинистовъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый опереточнымъ англичаниномъ съ рыжими баками и наклейнымъ носомъ, въ клѣтчатыхъ панталонахъ и въ воротничкѣ выше ушей, исполнялъ съ эстрады комическіе куплеты и безстыдныя тѣлодвиженія. Но квартетъ не имѣлъ ровно никакого успѣха: наоборотъ, мандолинистамъ свистали и бросали въ нихъ огрызками сосисокъ, а главнаго комика однажды поколотили тендровскіе рыбаки за непочтительный отзывъ о Сашкѣ.

Однако, по старой памяти, Гамбринусъ еще посѣщался морскими и портовыми молодцами изъ тѣхъ, кого война не повлекла на смерть и страданія. Сначала о Сашкѣ вспоминали каждый вечеръ:

— Эхъ, Сашку бы теперь! Душѣ безъ него тѣсно...

— Да-а... Гдѣ-то ты витаешь, милъ-любезный другъ Сашенька?

„Въ поляхъ Манжу-у-уріи далеко“...—

заводилъ кто-нибудь новую сезонную пѣсню, смущенно замолкалъ, а другой произносилъ неожиданно:

— Раны бываютъ сквозныя, колотыя и рубленыя. А бываютъ и рваныя...

„Сибе съ побѣдой проздравляю,
Тибе съ оторванной рукой“...

— Постой, не скули... Мадамъ Иванова, отъ Сашки нѣтъ ли какихъ извѣстій? Письма или открыточки?

Мадамъ Иванова теперь цѣлыми вечерами читала газету, держа ее отъ себя на разстояніи вытянутой руки, откинувъ голову и шевеля губами. Бѣлочка лежала у нея на колѣняхъ и мирно похрапывала. Буфетчица далеко уже не походила на бодраго капитана, стоящаго на посту, а ея команда бродила по пивной вялая и заспанная.

На вопросъ о Сашкиной судьбѣ она медленно качала головой.

— Ничего не знаю... И писемъ нѣтъ, и изъ газетъ ничего неизвѣстно.

Потомъ медленно снимала очки, клала ихъ вмѣстѣ съ газетой, рядомъ съ теплой, угрѣвшейся Бѣлочкой, и, отвернувшись, тихонько всхлипывала.

Иногда она, склоняясь къ собачкѣ, говорила жалобнымъ, трогательнымъ голоскомъ:

— Что, Бѣлинька? Что, собаченька? Гдѣ нашъ Саша? А? Гдѣ нашъ хозяинъ?

Бѣлочка подымала кверху деликатную мордочку, моргала влажными черными глазами и въ тонъ буфетчицѣ начинала тихонько подвывать:

— А-у-у-у... Ау-фъ... А-у-у...

Но... все обтачиваетъ и смываетъ время. Мандолинистовъ смѣнили балалаечники, балалаечниковъ—русско-малороссійскій хоръ съ дѣвицами, и наконецъ прочнѣе другихъ утвердился въ Гамбринусѣ извѣстный Лёшка-гармонистъ, по профессіи воръ, но рѣшившій, вслѣдствіе женитьбы, искать правильныхъ путей. Его давно знали

по разнымъ трактирамъ, а потому терпѣли и здѣсь, да, впрочемъ, и надо было терпѣть: дѣла въ Гамбринусѣ шли очень плохо.

Проходили мѣсяцы, прошелъ годъ. О Сашкѣ теперь никто не вспоминалъ, кромѣ мадамъ Ивановой, да и та больше не плакала при его имени. Прошелъ еще годъ. Должно-быть, о Сашкѣ забыла даже и бѣленькая собачка.

Но, вопреки Сашкиному сомнѣнію, онъ не только не подохъ отъ русскаго креста, но не былъ даже ни разу раненъ, хотя участвовалъ въ трехъ большихъ битвахъ и однажды ходилъ въ атаку впереди батальона въ составѣ музыкантской команды, куда его зачислили играть на флейтѣ. Подъ Вафангоу онъ попалъ въ плѣнъ и по окончаніи войны былъ привезенъ на германскомъ пароходѣ въ тотъ самый портъ, гдѣ работали и буйствовали его друзья.

Вѣсть о его прибытіи, какъ электрическій токъ, разнеслась по всѣмъ гаванямъ, моламъ, пристанямъ и мастерскимъ... Вечеромъ въ Гамбринусѣ было такъ много народа, что большинству приходилось стоять, кружки съ пивомъ передавались изъ рукъ въ руки черезъ головы, и хотя многіе въ этотъ день ушли, не плативши, Гамбринусъ торговалъ, какъ никогда. Котельный мастеръ принесъ Сашкину скрипку, бережно завернутую въ женинъ платокъ, который онъ тутъ же и пропилъ. Откуда-то раздобыли послѣдняго по времени Сашкина аккомпаніатора. Лёшка-гармонистъ, человѣкъ самолюбивый и самомнительный, вломился-было въ амбицію. — «Я получаю поденно, и у меня контрактъ!» — твердилъ онъ упрямо. Но его попросту выбросили за дверь и навѣрно поколотили бы, если бы не Сашкино заступничество.

Ужъ навѣрно ни одинъ изъ отечественныхъ героевъ временъ японской войны не видѣлъ такой сердечной и

бурной встрѣчи, какую сдѣлали Сашкѣ! Сильныя, корявыя руки подхватывали его, поднимали на воздухъ и съ такой силой подбрасывали вверху, что чуть не расшибли Сашку о потолокъ. И кричали такъ оглушительно, что газовые язычки гасли, а городовой нѣсколько разъ заходилъ въ пивную и упрашивалъ, «чтобы потише, потому что на улицѣ очень громко».

Въ этотъ вечеръ Сашка переигралъ всѣ любимые пѣсни и танцы Гамбринуса. Игралъ онъ также и японскія пѣсенки, заученныя имъ въ плѣну, но онѣ не понравились слушателямъ. Мадамъ Иванова, словно ожившая, опять бодро держалась надъ своимъ капитанскимъ мостикомъ, а Бѣлка сидѣла у Сашки на колѣняхъ и визжала отъ радости. Случалось, что когда Сашка переставалъ играть, то какой-нибудь простодушный рыболовъ, только теперь осмысливши чудо Сашкинаго возвращенія, вдругъ восклицалъ съ наивнымъ и радостнымъ изумленіемъ:

— Братцы, да вѣдь это Сашка!

Густымъ ржаніемъ и веселымъ сквернословіемъ наполнялись залы Гамбринуса, и опять Сашку хватали, бросали подъ потолокъ, орали, пили, чокались и обливали другъ друга пивомъ.

Сашка, казалось, совсѣмъ не измѣнился и не постарѣлъ за свое отсутствіе: время и бѣдствія такъ же мало дѣйствовали на его наружность, какъ и на лѣпного Гамбринуса, охранителя и покровителя пивной. Но мадамъ Иванова съ чуткостью сердечной женщины замѣтила, что изъ глазъ Сашки не только не исчезло выраженіе ужаса и тоски, которые она видѣла въ нихъ при прощаніи, но стало еще глубже и значительнѣе. Сашка попрежнему паясничалъ, подмигивалъ и собиралъ на лбу морщины, но мадамъ Иванова чувствовала, что онъ притворяется.

VII.

Все пошло своимъ порядкомъ, какъ будто вовсе не было ни войны ни сашкинскаго плѣненія въ Нагасаки. Такъ же праздновали счастливый уловъ бѣлуги и лобана рыбаки въ сапогахъ-великанахъ, такъ же плясали воровскія подруги, и Сашка попрежнему игралъ матросскія пѣсни, привезенныя изъ всѣхъ гаваней земного шара.

Но уже близились пестрыя, перемѣнчивыя, бурныя времена. Однажды вечеромъ весь городъ загудѣлъ, заволновался, точно встревоженный набатомъ, и въ необычный часъ на улицахъ стало черно отъ народа. Маленькіе бѣлые листки ходили по рукамъ вмѣстѣ съ чудеснымъ словомъ: «свобода», которое въ этотъ вечеръ безъ числа повторяла вся необъятная, довѣрчивая страна.

Настали какіе-то свѣтлые, праздничные, ликующіе дни, и сіяніе ихъ озаряло даже подземелье Гамбринуса. Приходили студенты, рабочіе, приходили молодыя, красивыя дѣвушки. Люди съ горящими глазами становились на бочки, такъ много видѣвшія на своемъ вѣку, и говорили. Не все было понятно въ этихъ словахъ, но отъ той пламенной надежды и великой любви, которая въ нихъ звучала, трепетало сердце и раскрывалось имъ навстрѣчу.

— Сашка, марсельезу! Ж-жарь! Марсельезу!

Нѣтъ, это было совсѣмъ непохоже на ту марсельезу, которую скрѣпя сердце разрѣшилъ играть градоначальникъ въ недѣлю франко-русскихъ восторговъ. По улицамъ ходили безконечныя процессіи съ красными флагами и пѣніемъ. На женщинахъ алѣли красныя ленточки и красные цвѣты. Встрѣчались совсѣмъ незнакомые люди и вдругъ, свѣтло улыбнувшись, пожимали руки другъ другу...

Но вся эта радость мгновенно исчезла, точно ее смыло, какъ слѣды дѣтскихъ ножекъ на морскомъ прибрежьѣ.

Въ Гамбринусъ однажды влетѣлъ помощникъ пристава, толстый, маленькій, задыхающійся, съ выпученными глазами, темно-красный, какъ очень спѣлый томатъ.

— Что? Кто здѣсь хозяинъ? — хрипѣлъ онъ. — Подавай хозяина!

Онъ увидѣлъ Сашку, стоявшаго со скрипкой.

— Ты хозяинъ? Молчать! Что? Гимны играете? Чтобы никакихъ гимновъ!

— Никакихъ гимновъ больше не будетъ, ваше превосходительство, — спокойно отвѣтилъ Сашка.

Полицейскій посизѣлъ, приблизилъ къ самому носу Сашки указательный палецъ, поднятый вверхъ, и грозно покачалъ имъ влѣво и вправо.

— Ник-как-кихъ!

— Слушаю, ваше превосходительство, никакихъ.

— Я вамъ покажу революцію, я вамъ покаж-у-у-у!

Помощникъ пристава, какъ бомба, вылетѣлъ изъ пивной, и съ его уходомъ всѣхъ придавило уныніе.

И на весь городъ спустился мракъ. Ходили темные, тревожные, омерзительные слухи. Говорили съ осторожностью, боялись выдать себя взглядомъ, пугались своей тѣни, страшились собственныхъ мыслей. Городъ въ первый разъ съ ужасомъ подумалъ о той клоакѣ, которая глухо ворочалась подъ его ногами, тамъ, внизу, у моря, и въ которую онъ такъ много лѣтъ выбрасывалъ свои ядовитыя испражненія. Городъ забивалъ щитами зеркальныя окна своихъ великолѣпныхъ магазиновъ, охранялъ патрулями гордые памятники и разставлялъ на всякій случай по дворамъ прекрасныхъ домовъ артиллерію. А на окраинахъ въ зловонныхъ каморкахъ и на дырявыхъ чердакахъ трепеталъ, молился и плакалъ отъ ужаса избранный народъ Божій, давно покинутый гнѣвнымъ библейскимъ Богомъ, но до сихъ поръ вѣрящій, что мѣра его тяжелыхъ испытаній еще не исполнена.

Внизу, около моря, въ улицахъ, похожихъ на темныя липкія кишки, совершалась тайная работа. Настежь были открыты всю ночь двери кабаковъ, чайныхъ и ночлежекъ.

Утромъ начался погромъ. Тѣ люди, которые однажды, растроганные общей чистой радостью и умиленные свѣтомъ грядущаго братства, шли по улицамъ съ пѣніемъ, подъ символами завоеванной свободы, — тѣ же самые люди шли теперь убивать, и шли не потому, что имъ было приказано, и не потому, что они питали вражду противъ евреевъ, съ которыми часто вели тѣсную дружбу, и даже не изъ-за корысти, которая была сомнительна, а потому, что грязный, хитрый дьяволъ, живущій въ каждомъ человѣкѣ, шепталъ имъ на ухо: «Идите. Все будетъ безнаказанно: запретное любопытство убійства, сладострастіе насилія, власть надъ чужой жизнью».

Въ дни погромовъ Сашка свободно ходилъ по городу со своей смѣшной, обезьяньей, чисто-еврейской физіономіей. Его не трогали. Въ немъ была та непоколебимая лушевная смѣлость, та *небоязнь боязни*, которая охраняетъ даже слабаго человѣка лучше всякихъ браунинговъ. Но одинъ разъ, когда онъ, прижатый къ стѣнѣ дома, сторонился отъ толпы, ураганомъ лившейся во всю ширь улицы, какой-то каменщикъ въ красной рубахѣ и бѣломъ фартукѣ замахнулся надъ нимъ зубиломъ и зарычалъ:

— Жи-идъ! Бей жида! Въ крррровь!

Но кто-то схватилъ его сзади за руку.

— Стой, чортъ, это же Сашка. Олухъ ты, матери твоей въ сердце, въ печень...

Каменщикъ остановился. Онъ въ эту хмельную, безумную, бредовую секунду готовъ былъ убить кого угодно — отца, сестру, священника, даже самого православнаго Бога, но также былъ готовъ, какъ ребенокъ, послушаться приказанія каждой твердой воли.

Онъ осклабился, какъ идіотъ, сплюнулъ и утеръ носъ рукой. Но вдругъ въ глаза ему бросилась бѣлая нервная собачка, которая, дрожа, терлась около Сашки. Быстро наклонившись, онъ поймалъ ее за заднія ноги, высоко поднялъ, ударилъ головой о плиты тротуара и побѣжалъ. Сашка молча глядѣлъ на него. Онъ бѣжалъ, весь наклонившись впередъ, съ протянутыми руками, безъ шапки, съ раскрытымъ ртомъ и съ глазами, круглыми и бѣлыми отъ безумія.

На сапоги Сашки брызнулъ мозгъ изъ Бѣлочкиной головы. Сашка отеръ пятно платкомъ.

VIII.

Затѣмъ настало странное время, похожее на сонъ человѣка въ параличѣ. По вечерамъ во всемъ городѣ ни въ одномъ окнѣ не свѣтилось огня, но зато ярко горѣли огненныя вывѣски кафешантановъ и окна кабачковъ. Побѣдители провѣряли свою власть, еще не насытясь вдоволь безнаказанностью. Какіе-то разнузданные люди въ манчжурскихъ папахахъ, съ георгіевскими лентами въ петлицахъ куртокъ, ходили по ресторанамъ и съ настойчивой развязностью требовали исполненія народнаго гимна и слѣдили за тѣмъ, чтобы всѣ вставали. Они вламывались также въ частныя квартиры, шарили въ кроватяхъ и комодахъ, требовали водки, денегъ и гимна, и наполняли воздухъ пьяной отрыжкой.

Однажды они вдесятеромъ пришли въ Гамбринусъ и заняли два стола. Они держали себя самымъ вызывающимъ образомъ, повелительно обращались съ прислугой, плевали черезъ плечи незнакомыхъ сосѣдей, клали ноги на чужія сидѣнья, выплескивали на полъ пиво, подъ предлогомъ, что оно несвѣжее. Ихъ никто не трогалъ. Всѣ знали, что это сыщики, и глядѣли на нихъ съ тѣмъ же

тайнымъ ужасомъ и брезгливымъ любопытствомъ, съ какимъ простой народъ смотритъ на палачей. Одинъ изъ нихъ явно предводительствовалъ. Это былъ нѣкто Мотька Гундосый, рыжій, съ перебитымъ носомъ, гнусавый человѣкъ — какъ говорили — большой физической силы, прежде воръ, потомъ вышибала въ публичномъ домѣ, затѣмъ сутенеръ и сыщикъ, крещеный еврей.

Сашка игралъ «Мятелицу». Вдругъ Гундосый подошелъ къ нему, крѣпко задержалъ его правую руку и, оборотясь назадъ, на зрителей, крикнулъ:

— Гимнъ! Народный гимнъ! Братцы, въ честь обожаемаго монарха... Гимнъ!

— Гимнъ! Гимнъ! — загудѣли мерзавцы въ папахахъ.

— Гимнъ! — крикнулъ вдали одинокій, неувѣренный голосъ.

Но Сашка выдернулъ руку и сказалъ спокойно:

— Никакихъ гимновъ.

— Что? — заревѣлъ Гундосый. — Ты не слушаться! Ахъ, ты, жидъ вонючій!

Сашка наклонился впередъ, совсѣмъ близко къ Гундосому, и, весь сморщившись, держа опущенную скрипку за грифъ, спросилъ:

— А ты?

— Что а я?

— Я жидъ вонючій. Ну хорошо. А ты?

— Я православный.

— Православный? А за сколько?

Весь Гамбринусъ расхохотался, а Гундосый, бѣлый отъ злобы, обернулся къ товарищамъ.

— Братцы! — говорилъ онъ дрожащимъ, плачущимъ голосомъ чьи-то чужія, заученныя слова. — Братцы, доколѣ мы будемъ терпѣть надруганія жидовъ надъ престоломъ и святой церковью?..

Но Сашка, вставъ на своемъ возвышеніи, однимъ зву-

комъ заставилъ его вновь обернуться къ себѣ, и никто изъ посѣтителей Гамбринуса никогда не повѣрилъ бы, что этотъ смѣшной, кривляющійся Сашка можетъ говорить такъ вѣско и властно.

— Ты! — крикнулъ Сашка. — Ты, сукинъ сынъ! Покажи мнѣ твое лицо, убійца... Смотри на меня!.. Ну!..

Все произошло быстро, какъ одинъ мигъ. Сашкина скрипка высоко поднялась, быстро мелькнула въ воздухѣ, и — трахъ! — высокій человѣкъ въ папахѣ качнулся отъ звонкаго удара по виску. Скрипка разлетѣлась въ куски. Въ рукахъ у Сашки остался только грифъ, который онъ побѣдоносно подымалъ надъ головами толпы.

— Братцы-ы, выруча-ай! — заоралъ Гундосый.

Но выручать было уже поздно. Мощная стѣна окружила Сашку и закрыла его. И та же стѣна вынесла людей въ папахахъ на улицу.

Но спустя часъ, когда Сашка, окончивъ свое дѣло, выходилъ изъ пивной на тротуаръ, нѣсколько человѣкъ бросилось на него. Кто-то изъ нихъ ударилъ Сашку въ глазъ, засвистѣлъ и сказалъ подбѣжавшему городовому:

— Въ Бульварный участокъ. По политическому. Вотъ мой значокъ.

IX.

Теперь вторично и окончательно считали Сашку похороненнымъ. Кто-то видѣлъ всю сцену, происшедшую на тротуарѣ около пивной, и передалъ ее другимъ. А въ Гамбринусѣ засѣдали опытные люди, которые знали, что̀ такое за учрежденіе Бульварный участокъ и что̀ такое за штука месть сыщиковъ.

Но теперь о Сашкиной судьбѣ гораздо меньше безпокоились, чѣмъ въ первый разъ, и гораздо скорѣе забыли о немъ. Черезъ два мѣсяца на его мѣстѣ сидѣлъ

новый скрипачъ (между прочимъ, Сашкинъ ученикъ), котораго разыскалъ аккомпаніаторъ.

И вотъ однажды, спустя мѣсяца три, тихимъ весеннимъ вечеромъ, въ то время, когда музыканты играли вальсъ «Ожиданіе», чей-то тонкій голосъ воскликнулъ испуганно:

— Ребята, Сашка!

Всѣ обернулись и встали съ боченковъ. Да, это былъ онъ, дважды воскресшій Сашка, но теперь обросшій бородой, исхудалый, блѣдный. Къ нему кинулись, окружили, тискали его, мяли, совали ему кружки съ пивомъ. Но внезапно тотъ же голосъ крикнулъ:

— Братцы, рука-то!..

Всѣ вдругъ замолкли. Лѣвая рука у Сашки, скрюченная и точно смятая, была приворочена локтемъ къ боку. Она, очевидно, не сгибалась и не разгибалась, а пальцы торчали навсегда около подбородка.

— Что это у тебя, товарищъ? — спросилъ наконецъ волосатый боцманъ изъ Русскаго Общества.

— Э, глупости... тамъ какое-то сухожиліе, или что, — отвѣтилъ Сашка безпечно.

— Та-а-къ...

Опять всѣ помолчали.

— Значитъ, и «Чабану» теперь конецъ?—спросилъ боцманъ участливо.

— «Чабану»? — переспросилъ Сашка, и глаза его заиграли. — Эй, ты! — приказалъ онъ съ обычной увѣренностью аккомпаніатору: — «Чабана»! Ейнъ, цей, дрей!..

Піанистъ зачастилъ веселую пляску, недовѣрчиво оглядываясь назадъ. Но Сашка здоровой рукой вынулъ изъ кармана какой-то небольшой, въ ладонь величиной, продолговатый черный инструментъ съ отросткомъ, вставилъ этотъ отростокъ въ ротъ и, весь изогнувшись налѣво, насколько ему это позволяла изуродованная, неподвиж-

ная рука, вдругъ засвистѣлъ на окаринѣ оглушительно-веселаго «Чабана».

— Хо-хо-хо! — раскатились радостнымъ смѣхомъ зрители.

— Чортъ! — воскликнулъ боцманъ и, совсѣмъ неожиданно для самого себя, сдѣлалъ ловкую выходку и пустился выдѣлывать дробныя колѣнца. Подхваченные его порывомъ, заплясали гости, женщины и мужчины. Даже лакеи, стараясь не терять достоинства, съ улыбкой перебирали на мѣстѣ ногами. Даже мадамъ Иванова, забывъ обязанности капитана на вахтѣ, качала головой въ тактъ огненной пляскѣ и слегка прищелкивала пальцами. И, можетъ-быть, даже самъ старый, ноздреватый, источенный временемъ Гамбринусъ пошевеливалъ бровями, весело глядя на улицу, и казалось, что изъ рукъ изувѣченнаго, скрючившагося Сашки жалкая, наивная свистулька пѣла на языкѣ, къ сожалѣнію, еще непонятномъ ни для друзей Гамбринуса ни для самого Сашки:

— Ничего! Человѣка можно искалѣчить, но искусство все перетерпитъ и все побѣдитъ.

МЕЛЮЗГА.

I.

Въ полутораста верстахъ отъ ближней желѣзнодорожной станціи, въ сторонѣ отъ всякихъ шоссейныхъ и почтовыхъ дорогъ, окруженная стариннымъ сосновымъ Касимовскимъ боромъ, затерялась деревня Большая Курша. Обитателей ея зовутъ въ окрестностяхъ—Куршей-головастой и Литвой-некрещеной. Смыслъ послѣдняго прозвища затерялся въ вѣкахъ, но остался его живой памятникъ, въ видѣ стоящей въ центрѣ деревни дряхлой католической часовенки, внутри которой за стеклами виднѣется страшная раскрашенная деревянная статуя, изображающая Христа со связанными руками, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ и съ окровавленнымъ лицомъ. Жители Курши — коренные великороссы, крупнаго сложенія, бѣлокурые и лохматые. Говорятъ по-русски чисто, хотя нерѣдко мѣшаютъ ч и ц: вмѣсто винцо — произносятъ винчо, вмѣсто человѣкъ — целовѣкъ.

При въѣздѣ въ деревню стоитъ земская школа; при выѣздѣ, у оврага, на днѣ котораго течетъ рѣчонка Пра, находится фельдшерскій пунктъ. Фельдшеръ и учитель— единственные люди не здѣшняго происхожденія. Обоихъ

судьба порядочно помыкала по бѣлу свѣту, прежде чѣмъ свела ихъ въ этомъ углу, забытомъ Богомъ и начальствомъ и отдаленномъ отъ остального міра: лѣтомъ—непроходимыми болотами, зимою—непролазными снѣгами. Суровая жизнь по-разному отразилась на нихъ. Учитель мягокъ, незлобивъ, наивенъ и довѣрчиво, и все это съ оттѣнкомъ покорной, тихой печали. Фельдшеръ—циникъ и сквернословъ. Онъ ни во что на свѣтѣ не вѣритъ и всѣхъ людей считаетъ большими подлецами. Онъ угрюмъ, грубъ, у него лающій голосъ.

Оба они изъ духовнаго званія, неудавшіеся попы. Фамилія учителя—Астреинъ, а фельдшера—Смирновъ. Оба холостые. Учитель служитъ въ Куршѣ съ осени; фельдшеръ же — второй годъ.

II.

Установилась долгая, снѣжная зима. Давно уже нѣтъ проѣзда по деревенской улицѣ. Намело сугробы выше оконъ, и даже черезъ дорогу приходится иногда переходить на лыжахъ, а снѣгъ все идетъ и идетъ, не переставая. Курша до весны похоронена въ снѣгу. Никто въ нее не заглянетъ до тѣхъ поръ, пока послѣ весенней распутицы не обсохнутъ дороги. По ночамъ въ деревню заходятъ волки и таскаютъ собакъ.

Днемъ учитель и фельдшеръ занимаются каждый своимъ дѣломъ. Фельдшеръ принимаетъ приходящихъ больныхъ изъ Курши и изъ трехъ сосѣднихъ деревень. Зимою мужикъ любитъ лѣчиться. Съ ранняго утра, еще затемно, въ сѣняхъ фельдшерскаго дома и на крыльцѣ толпится народъ. Болѣзни все больше старыя, неизлѣчимыя, запущенныя, на которыя лѣтомъ во время горячей работы никто не обращаетъ вниманія: катарры, гнойники, трахома, воспаленіе ушей и глазъ, каріозъ зубной по-

лости, привычные вывихи. Многіе считаютъ себя больными только отъ мнительности, отъ долгой зимней скуки, женщины—отъ истеричности, свойственной всѣмъ крестьянскимъ бабамъ.

Смирновъ знаетъ въ медицинѣ рѣшительно все и по всѣмъ отраслямъ. По крайней мѣрѣ самъ онъ въ этомъ такъ глубоко убѣжденъ, что къ ученымъ врачамъ и къ медицинскимъ авторитетамъ относится даже не съ презрѣніемъ, а со снисходительной жалостью. Лѣчитъ онъ безъ колебаній и безъ угрызеній совѣсти, ставитъ діагнозъ мгновенно. Ему достаточно только, нахмуря брови, поглядѣть на больного сверхъ своихъ синихъ очковъ, и онъ уже видитъ насквозь натуру его болѣзни. «По утрамъ блюешь? На соленое позываетъ? Какъ ходишь до вѣтру? Дай руку... разъ, два, три, четыре, пять, шесть... Ладно. Раздѣвайся... Дыши.... Сильнѣй. Здѣсь больно, когда нажимаю? Здѣсь? Здѣсь? Одѣвайся. Вотъ тебѣ порошки. Примешь одинъ сейчасъ, другой передъ обѣдомъ, третій черезъ часъ послѣ обѣда, четвертый передъ ужиномъ, пятый на ночь. Такъ же и завтра. Понялъ? Ступай». И все это занимаетъ ровно три минуты.

Онъ съ невѣроятной храбростью и быстротой рветъ зубы, прижигаетъ ляписомъ язвы, вскрываетъ тупымъ ланцетомъ ужасные крестьянскіе чирьи и нарывы, прививаетъ оспу и прокалываетъ дѣвчонкамъ ушныя мочки для сережекъ. Онъ отъ всей души жалѣетъ, что медицинское начальство не разрѣшаетъ фельдшерамъ производить, напримѣръ, трепанацію черепа, вскрытіе брюшной полости или ампутацію ногъ. Ужъ навѣрно онъ сдѣлалъ бы такую операцію почище любого петербургскаго или московскаго профессора! Асептику и антисептику онъ называетъ чушью и хрѣновиной. По его мнѣнію, бактеріи даже боятся грязи. Главное дѣло въ вѣрности глаза и въ ловкости рукъ. Крестьяне ему вѣрятъ и только лишь въ

самыхъ тяжкихъ случаяхъ, когда фельдшеръ велитъ везти недужнаго въ больницу, обращаются къ мѣстнымъ знахаркамъ.

Въ это время учитель занимается въ тѣсной и темной школѣ. Онъ сидитъ въ пальто, а ребятишки въ тулупахъ, и у всѣхъ изо рта вылетаютъ клубы пара. Оконныя стекла изнутри сплошь покрыты толстымъ бѣлымъ, бархатнымъ слоемъ снѣга. Снѣгъ бахромой виситъ на потолочныхъ брусьяхъ и блеститъ нѣжнымъ инеемъ на округлости стѣнныхъ бревенъ. «Мартышка въ старости слаба глазами стала... Ванюшечкинъ, что такое мартышка? Кто знаетъ? Ты? Разсказывай. А вы, маленькіе, списывайте вотъ это: хороша соха у Михея, хороша и у Сысоя». Ноги даже въ калошахъ зябнутъ и застываютъ. Крестьяне рѣшительно отказались топить школу. Они и дѣтей-то посылаютъ учиться только для того, чтобы даромъ не пропадалъ гривенникъ, который земство взимаетъ на нужды народнаго образованія. Приходится топить остатками забора и братъ взаймы охапками у фельдшера. Тому — житье. Однажды мужики попробовали-было и его оставить безъ дровъ, а онъ взялъ и прогналъ наутро всѣхъ больныхъ, пришедшихъ на пунктъ. И дрова въ тотъ же день явились сами собой.

III.

Въ три часа Астреинъ на лыжахъ идетъ къ фельдшеру обѣдать. Они столуются вмѣстѣ, а водку покупаютъ поочередно. Иногда для запаха и цвѣта фельдшеръ впускаетъ въ бутылку съ водкой рюмку ландышнаго экстракта, и отъ этого у обоихъ послѣ обѣда долго колотятся и трепыхаются сердца. За обѣдомъ присутствуетъ собака фельдшера Другъ, большой, гладкій, рыжій, бѣлогрудый песъ дворовой породы. Онъ кладетъ голову то

одному, то другому на колѣни, вздыхаетъ, моргаетъ глупыми голубыми глазами и стучитъ по ножкамъ табуретокъ своимъ прямымъ, крѣпкимъ, какъ палка, хвостомъ. Прислуживаетъ имъ старуха-бобылка.

Послѣ обѣда спятъ около часу, фельдшеръ на кровати, Астреинъ на печкѣ. Просыпаются, когда уже стало темно и когда старуха приноситъ самоваръ. За чаемъ Астреинъ просматриваетъ ученическія тетрадки, а Смирновъ приготовляетъ лѣкарства. Онъ дѣлаетъ ихъ оптомъ, въ запасъ, пакетовъ по пятидесяти каждаго средства, преимущественно хины, салициловаго натра, соды, висмута и доверова порошка. Онъ близорукъ и низко нагибается надъ столомъ при свѣтѣ лампы. Его прямые, плоскіе волосы свисаютъ со лба по обѣимъ щекамъ, точно бабій платокъ. Съ этими волосами, въ синихъ очкахъ и съ рѣдкой, безпорядочной бороденкой, онъ похожъ на нигилиста старыхъ временъ.

Учитель встаетъ и ходитъ вкось избы изъ угла въ уголъ. Онъ высокъ, тонокъ и голову на длинной шеѣ держитъ наклоненной на бокъ. У него маленькое, съеженное лицо съ старообразнымъ малиновымъ румянцемъ, косматыя брови и голубые глаза, волосы надъ низкимъ лбомъ торчатъ стоймя, ротъ западаетъ внутрь подъ усами и короткой, выступающей впередъ, густой бородой. Лѣтъ ему подъ тридцать.

Вотъ онъ останавливается посреди комнаты и говоритъ мечтательно:

— Какъ это дико, Сергѣй Ѳирсычъ, что мы съ вами уже три мѣсяца не читаемъ газетъ. Богъ знаетъ, что произошло за это время въ Россіи? Подумайте только: вдругъ случилась революція, или объявлена война, или кто-нибудь сдѣлалъ замѣчательное открытіе, а мы ровно ничего не знаемъ? Понимаете, такое открытіе, которое вдругъ перевернетъ всю жизнь... напримѣръ, летающій

корабль, или вотъ... напримѣръ... читать въ мысляхъ у другого, или взрывчатое вещество такой удивительной силы...

— Ха! Фантазіи!—говоритъ Смирновъ презрительно.

Астреинъ подходитъ къ столу и длинными, нервными, всегда дрожащими пальцами перебираетъ разновѣски.

— Ну что жъ, что фантазіи, Сергѣй Өирсычъ? Что тутъ плохого? Я, знаете, иногда сижу въ школѣ, или у васъ вечеромъ, и вдругъ мнѣ кажется, что вотъ-вотъ произойдетъ что-то совершенно необыкновенное. Вдругъ бубенцы подъ окнами. Собака лаетъ. Кто-то входитъ въ сѣни, отворяетъ дверь. Лица не видать, потому что воротникъ у шубы поднятъ и занесло снѣгомъ.

— Жандармъ?—насмѣшливо говоритъ Смирновъ, пригибая лицо еще ниже къ столу.

— Нѣтъ, погодите, Сергѣй Өирсычъ. Онъ входитъ и спрашиваетъ: «Не вы ли мѣстный учитель Клавдій Иванычъ Астреинъ?» Я говорю: «Это я-съ». И вотъ онъ мнѣ объявляетъ какую-то счастливую, неожиданную вѣсть, которая меня всего потрясаетъ. Я не могу себѣ даже вообразить, что онъ именно скажетъ, но что-то глубоко пріятное и радостное для меня.

— Что вы выиграли двѣсти тысячъ на билетъ отъ конки? Или что васъ назначили китайскимъ богдыханомъ?..

— Ахъ, въ томъ-то и дѣло, что я всегда стараюсь себѣ представить и не могу. Это не деньги, не должность — ничего подобнаго. Это будетъ какое-то чудо, послѣ котораго начнется совсѣмъ новая, прекрасная жизнь... начнется и для васъ, и для меня, и для всѣхъ... Понимаете, Сергѣй Өирсычъ, я жду чуда! Неужели этого съ вами никогда не бываетъ?

— За кого вы меня считаете? Конечно — никогда.

— А я жду! И мнѣ кажется, вы неправду говорите.

Вы тоже ждете. Это ожиданіе чуда — точно въ крови у всего русскаго народа. Мы родились съ нимъ на свѣтъ Божій. Иначе невозможно жить, Сергѣй Ѳирсычъ, страшно жить! Поглядите вы на мужиковъ. Ихъ можетъ разбудить, расшевелить и увлечь только чудо. Подите вы къ мужику съ математикой, съ машиной, съ политической экономіей, съ медициной... Вы думаете, онъ не пойметъ васъ? Онъ пойметъ, потому что онъ все способенъ понять, что выражено логично, просто и безъ иностранныхъ словъ. Но онъ не повѣритъ отъ васъ ничему, что просто и понятно. Онъ убивалъ докторовъ въ оспенныя и холерныя эпидеміи, устраивалъ картофельные бунты, билъ кольями землемѣровъ. Изобрѣтите завтра самое вѣрное, ясное, какъ палецъ, но только не чудесное средство для поднятія его благосостоянія — и онъ сожжетъ васъ послѣзавтра. Но шепните ему, только шепните на ухо одно словечко: «золотая грамота!», или: «антихристъ!», или: «объявился!» — все равно, кто объявился, лишь бы это было нелѣпо и таинственно, — и онъ тотчасъ же выдергиваетъ стягъ изъ пряселъ и готовъ итти на самую вѣрную смерть. Вы его увлечете въ любую, самую глупую, самую смѣшную, самую отвратительную и кровавую секту, и онъ пойдетъ за вами. Это чудо! Пусть нынче его же сосѣдъ Иванъ Евграфовъ вдругъ откашляется и начнетъ говорить нараспѣвъ и въ носъ, зажмуря глаза:—«И было мнѣ, братіе, сонное видѣніе, что воплотися во мнѣ древній змій Илья Пророкъ»—и мужикъ сегодня же поклонится Ивану Евграфову, какъ святителю, или какъ обуянному демономъ. Онъ восторженно повѣритъ любому самозванцу, юродивому, предсказателю, лишь бы слова ихъ были вдохновенны, туманны и чудесны. Вспомните русскихъ самозванцевъ, ревизоровъ, явленныя иконы, ереси, бунты — вы вездѣ увидите въ основѣ чудо. Стремленіе къ чуду,

жажда чуда—проходитъ черезъ всю русскую исторію!.. Мужикъ вѣритъ глупому чуду не потому, что онъ теменъ и неразвитъ, а потому, что это духъ его исторіи, непреложный историческій законъ...

Смирновъ вдругъ теряетъ терпѣніе и начинаетъ кричать грубо:

— Чортъ бы побралъ ваши историческіе законы. Вы просто ерунду порете, милый мой, а никакая не исторія. У русскаго народа нѣтъ исторіи.

— То-есть какъ это нѣтъ?

— А вотъ такъ и нѣтъ! Исторія есть у царей, патріарховъ, у дворянъ... даже у мѣщанъ, если хотите знать. Исторія что подразумѣваетъ? Постоянное развитіе или паденіе, смѣну явленій. А нашъ народъ, какимъ былъ во время Владимира Краснаго-Солнышка, такимъ и остался по сіе время. Та же вѣра, тотъ же языкъ, та же утварь, одежда, сбруя, телѣга, тѣ же знанія и культура. Какая тутъ къ чорту исторія!

— Позвольте, Сергѣй Оирсычъ,—мягко возражаетъ учитель:—вы не о томъ...

— О томъ о самомъ, батенька. Да, если хотите знать, и никакого русскаго народа нѣтъ. И Россіи никакой нѣтъ!.. Есть только нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ пространства и нѣсколько сотенъ совершенно разныхъ національностей,—есть нѣсколько тысячъ языковъ и множество религій. И ничего общаго, если хотите знать. Вотъ я сейчасъ закрываю глаза и говорю себѣ: Рос-сі-я. И мнѣ, если хотите знать, представляется все это ужасное, необозримое пространство, все сплошь заваленное снѣгомъ, молчаливое, а изъ снѣга лишь кое-гдѣ торчатъ соломенныя крыши. И кругомъ ни огня, ни звука, ни признака жизни! И вдругъ, ни съ того ни съ сего, неизвѣстно почему—городъ. Каменные дома, электричество, телефоны, театры, и тамъ какіе-то господа во фракахъ—какіе-то прыщи!—

говорятъ:—«Позвольте-съ, мы чудесно знаемъ исторію русскаго народа и лучше всѣхъ понимаемъ, что этому народу надобно. Вотъ мы ему сейчасъ пропишемъ рецептъ, и онъ у насъ сейчасъ...» Народъ живетъ въ грязи и невѣжествѣ, надо ему, значитъ, выписать персидскаго порошку, и каждому чтобы на руки азбуку-копейку. О-о! Кто только не знаетъ этотъ добрый, старый, вѣрный русскій народъ. Урядникъ всыпалъ мужику туда, откуда ноги растутъ, выпилъ рюмку водки, крякнулъ и хвастается:—«Я свой народишко знаю во-какъ!» Становой говоритъ гордо:—«Мой народъ меня знаетъ, но и я знаю мой народъ!» Губернаторъ говоритъ и трясетъ головой:—«Я и народъ—мы понимаемъ другъ друга». А тутъ же рядомъ торчитъ этакій интеллигентъ стрюцкій, въ родѣ васъ, Клавдій Ивановичъ, и тоже чирикаетъ:—«Кто? Народъ? Это мы сейчасъ, моментально... Вотъ тутъ книжка, и въ книжкѣ все это объяснено: и всякіе историческіе законы, и душа великаго русскаго народа, и все такое прочее». И никто ничего не понимаетъ: ни вы, ни я, ни попъ, ни дьяконъ, ни помѣщикъ, ни урядникъ, ни чортъ, ни дьяволъ, ни самъ мужикъ. Душа народа! Душа этого народа такъ же темна для насъ, какъ душа коровы, если вы хотите знать!

— Виноватъ, Сергѣй Ѳирсычъ, позвольте..

— Нѣтъ, ужъ вы мнѣ позвольте. Будемъ говорить поочередно: сначала я, а потомъ вы, или, наоборотъ, сначала вы, а потомъ я. Вмѣстѣ говорить неудобно. Я только хотѣлъ сказать...

— Нѣтъ, я хочу только...

И вотъ между ними закипаетъ тяжелый, безконечный, оскорбительный, скучный, русскій споръ. Какой-нибудь отростокъ мысли, придирка къ слову, къ сравненію, случайно и вздорно увлекаютъ ихъ вниманіе въ сторону, и, дойдя до тупика, они уже не помнятъ, какъ вошли въ

него. Промежуточные этапы исчезли безслѣдно; надо схватиться поскорѣе за первую мысль противника, какая отыщется въ памяти, чтобы продлить споръ и оставить за собою послѣднее слово.

Фельдшеръ уже начинаетъ говорить грубости. У него вырываются слова въ родѣ: ерунда, глупость, чушь, чепуха. Въ разговорѣ онъ откидываетъ назадъ голову, отчего волосы разлетаются въ стороны, и то и дѣло тычетъ рѣзко и прямо передъ собою вытянутой рукой. Учитель же говоритъ жалобно, дрожащимъ, обиженнымъ голоскомъ, и ребромъ ладони, робко выставленной изъ-подъ мышки, точно рубитъ воздухъ на одномъ мѣстѣ.

— Ну да, ладно! — говоритъ наконецъ съ неудовольствіемъ Смирновъ:—начнешь съ вами, такъ и самъ не радъ. Давай-ка лучше въ козла... Угощайте: кому сдавать? Вамъ.

Они играютъ съ полчаса въ карты, оба серьезны. Изрѣдка произносятъ вполголоса: «крали, бордадымъ, мирю да подъ тебя, замирилъ, фоска, захаживай, крести, вини, буби...» Разбухшія темныя карты падаютъ на столъ, какъ блины.

Потомъ они расходятся. Иногда фельдшеръ немного провожаетъ Астрепна, который побаивается волковъ. На крыльцѣ имъ кидается подъ ноги Другъ. Онъ изгибается, тычетъ холоднымъ носомъ въ руки и повизгиваетъ. Деревня тиха и темна, какъ мертвая. Изъ снѣжной пелены едва выглядываютъ, чернѣя, трехугольники чердаковъ. Крыши слабо и зловѣще бѣлѣютъ на мутномъ небѣ.

У крыльца, вдоль стѣны, лежитъ кверху дномъ лодка, занесенная снѣгомъ. И почти каждый вечеръ передъ прощаніемъ фельдшеръ говоритъ:

— Подождите, Клавдій Ивапычъ, вотъ придетъ весна, дождемся половодья—тогда мы съ вами спустимъ лодочку

въ запрудѣ. У мельницы, батенька, вотъ какія щуки попадаются!

Иногда же онъ предлагаетъ, дразнясь:

— А хотите, я подвою?

Онъ уже дѣлаетъ ладони рупоромъ вокругъ рта и набираетъ воздухъ, чтобы завыть по-волчьи, и знающій эту штуку Другъ уже начинаетъ напередъ нервно скулить, но Астреинъ торопливо хватаетъ Смирнова за руки.

— Ну зачѣмъ это, Сергѣй Өирсычъ? Зачѣмъ? Что̀ вамъ за удовольствіе доставляетъ пугать меня? Я не виноватъ, что у меня нервы.

— А вы не спорьте!—говоритъ фельдшеръ, смѣясь.

IV.

Такъ проходятъ три мѣсяца, и ничто не измѣняется въ ихъ жизни. Они живутъ вдвоемъ, точно на необитаемомъ островѣ, затерявшемся среди снѣжнаго океана. Иногда учителю начинаетъ казаться, что онъ, съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя, никуда не выѣзжалъ изъ Курши, что зима никогда не прекращалась и никогда не прекратится, и что онъ только въ забытой сказкѣ или во снѣ слышалъ про другую жизнь, гдѣ есть цвѣты, тепло, свѣтъ, сердечные, вѣжливые люди, умныя книги, женскіе нѣжные голоса и улыбки. И тогда лицо фельдшера представляется ему такимъ до-нельзя знакомымъ и непріятнымъ, точно оно перестаетъ быть чужимъ человѣческимъ лицомъ, а становится чѣмъ-то въ родѣ привычнаго пятна на обояхъ, примелькавшейся фотографической карточки съ выколотыми глазами, или давнишней царапины на столѣ, по которымъ скользишь взоромъ, уже не замѣчая ихъ, но все-таки безсознательно раздражаясь.

Къ Рождеству мужики проторили въ сугробахъ узкія дорожки. Стало возможно ѣздить гусемъ. По давно за-

веденному обычаю, всѣ окрестные священники и дьячки, вмѣстѣ съ попадьями, дьяконицами и дочерями, съѣзжались на встрѣчу Новаго года въ село Шилово, къ отцу Василію, который къ тому же на другой день, 1-го января, бывалъ именинникомъ. Пріѣзжали также мѣстные учители, псаломщики и различные молодые люди духовнаго происхожденія, ищущіе невѣстъ.

Шилово находилось въ двѣнадцати верстахъ отъ Курши. Фельдшеръ и учитель выѣхали засвѣтло. Астреинъ ни разу еще не бывалъ у о. Василія и немного колебался, ѣхать ему или не ѣхать, но фельдшеръ успокоилъ его:

— Да ужъ я вамъ говорю, будьте покойны. Разъ вы пріѣдете со мной—увидите, какъ вамъ будутъ всѣ рады. Тамъ всѣмъ рады. Попадья гостепріимная. Такая будетъ встрѣча!

Съ мороза, съ одеревянѣвшими губами и распухшими пальцами, вошли они изъ сѣней въ маленькую гостиную. Было свѣтло и жарко. Вдоль стѣнъ сидѣли дѣвицы въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, вертя въ рукахъ носовые платки. Молодые люди съ папиросками ходили тутъ же взадъ и впередъ, не обращая никакого вниманія на барышень, и казались погруженными въ размышленія. Всѣ они, какъ на подборъ, были долговязы, бѣлобрысы и острижены ежикомъ, всѣ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, пахнувшихъ нафталиномъ и одеколономъ-геліотропъ, почти всѣ носили дымчатыя пенсне на безусыхъ лицахъ, но такъ какъ глядѣть сквозь стекла имъ все-таки было затруднительно, то они держали головы откинутыми назадъ съ надменнымъ, сухимъ и строгимъ видомъ. У каждаго лѣвая рука была заложена за спину, а правая съ растопыренными пальцами засунута за бортъ сюртука.

Фельдшеръ двинулся первымъ, а учитель шелъ слѣдомъ за нимъ, вдоль ряда сидѣвшихъ барышень; фельд-

шеръ кланялся, шаркалъ ногой, стукалъ каблукомъ о каблукъ, встряхивалъ волосами и говорилъ, выворачивая лѣвую ладонь по направленію учителя:

— Позвольте вамъ рекомендовать...

А учитель произносилъ:

— Учитель Куршинской земской школы Астреинъ.

Если же встрѣчалось новое, незнакомое лицо, фельдшеръ и самъ представлялся.

— Мѣстный фельдшеръ Смирновъ. Сынъ священника. А вотъ позвольте вамъ рекомендовать...

Покончивъ съ барышнями, они представлялись такимъ же порядкомъ молодымъ людямъ въ сюртукахъ. Молодые люди, знакомясь, называли себя сдержанно и вѣско:

— Преображенскій. Окончившій.

— Фоліантовъ. Окончившій.

— Меморскій. Окончившій.

— Поповъ. Окончившій.

И тотчасъ же отходили въ сторону, чтобы продолжать свою глубокомысленную прогулку.

Званіе же «окончившій» было въ нѣкоторомъ смыслѣ ученой степенью и означало то, что молодой человѣкъ кончилъ въ этомъ году курсъ семинаріи, а теперь подыскиваетъ себѣ невѣсту и священнослужительскую вакансію.

Въ другой комнатѣ попы играли на трехъ столахъ въ преферансъ и на одномъ въ стуколку. Придерживая одной рукой рукавъ рясы, они тянулись волосатыми руками за прикупкой, а карты свои разсматривали подъ столомъ, закрывая ихъ сбоку полой рясы.

Время отъ времени раздавались солидные возгласы:

— Стучу.

— Четвертая.

— Моя.

— Семь первыхъ.

— Моя.

— Кушайте на здоровье. Пассъ.

— Позвольте.

— Вотъ такъ купилъ отецъ Аѳанасій. Вотъ купи-илъ.

— Говорятъ, вы водку пили, отецъ Аѳанасій?

— Отецъ Евлампій, вы уже того... вы у меня въ картахъ не ночуйте, пожалуйста.

— Хе-хе-хе! Меня еще дѣдушка училъ. Свои карты всегда успѣешь поглядѣть—ты погляди у сосѣда.

— Своя. Что свѣтитъ?

— Пики. Пикендрясы.

— Мнѣ, пожалуйста, три.

— Куплю.

— Темная!

— Откройтесь!

За спинами у нѣкоторыхъ изъ игроковъ сидѣли ихъ пожилыя матушки. Онѣ волновались, учили, совѣтовали, упрекали, шипѣли на мужей—и, заглядывая въ карты налѣво и направо, выдавали съ милой игривостью чужія тайны. Ссоры еще не было.

Въ третьей комнатѣ чинно бесѣдовали, поглаживая бороды, два почтенныхъ священника, а сама шиловская попадья, старая, высокая, полная, еще красивая женщина, съ властнымъ большимъ лицомъ и черными круглыми бровями—настоящая король-баба!—хлопотала около стола, приготовляя закуски.

— Здравствуйте, молодые люди,—привѣтствовала она вошедшихъ.—Съ холоду? Да, да, послалъ Богъ нынче морозы. Не хотите ли настойки, согрѣться? Васъ-то я знаю, господинъ фершалъ, а вотъ молодого человѣка, кажется, въ первый разъ вижу.

— Позвольте вамъ рекомендовать...—вывернулъ ладонь Смирновъ.

— Учитель Куршинской земской школы Астреинъ.

Потомъ начались въ гостиной танцы подъ гармонію,

на которой прекрасно игралъ шиловскій псаломщикъ. Окончившіе танцовали съ полнымъ пренебреженіемъ къ своимъ дамамъ, глядя имъ поверхъ головы или даже совсѣмъ не глядя въ ихъ сторону, точно они были сами по себѣ, а дамы сами по себѣ, и сохраняя на своихъ лицахъ и въ осанкѣ выраженіе суровой озабоченности и холоднаго достоинства. Можетъ-быть, это просто была извѣстная свѣтская манера, которую какой-нибудь сынъ соборнаго протопопа занесъ къ нимъ въ семинарію, и она стала общей, благодаря подражательности? Дамы же старались изображать полнѣйшую безучастность къ тому, что съ ними дѣлали кавалеры, и танцовали—нѣкоторыя, впрочемъ, съ легкимъ оттѣнкомъ обиженности — какъ деревянныя.

Зато невысокій плотный фельдшеръ леталъ по гостиной самымъ побѣдоноснымъ и развязнымъ образомъ, и его длинные волосы тряслись и прыгали вмѣстѣ съ его движеніями. Онъ болѣе всего увивался за дочерью отца Василія, хорошенькой вдовой-попадьей, Александрой Васильевной. Надо было видѣть, какъ онъ лихо танцовалъ съ ней модные танцы, па-д'эспань, па-де-патиперъ, краковякъ и лезгинку, какъ, оставивъ свою даму на одномъ концѣ комнаты, онъ ловко скакалъ вокругъ самого себя, держа руку надъ головой и живописно изогнувшись, какъ уже на другомъ концѣ, отдѣленный отъ дамы другими парами, онъ выдѣлывалъ, щелкая каблуками, соло, какъ потомъ онъ стремительно мчался, кружась и толкая другихъ танцоровъ, къ покинутой дамѣ, какъ онъ встряхивалъ плечами и округленными локтями въ тактъ музыкѣ и какъ, геройски полуобернувшись направо къ Александрѣ Васильевнѣ, онъ наступалъ на чужіе каблуки и платья.

Онъ же дирижировалъ кадрилью на чистомъ французскомъ языкѣ: гра-ро, болянсе, кавале, рон-да-да, шершево дамъ, агошъ налѣво, агошъ направо, шен-да-да!

«Мерррси во да-а-амъ!» Онъ даже искренно разсмѣшилъ всѣхъ, когда вдругъ, въ серединѣ шестой фигуры, скомандовалъ: «Аль-Фонсъ Ралле, Луи Буисъ, Генрихъ Блокъ!» и вдругъ, точно спохватившись, весело воскликнулъ: «Пардонъ, это не изъ той оперы». Положительно, онъ былъ львомъ бала, и Александра Васильевна отчаянно кокетничала съ нимъ, то-есть капризничала, надувала губки, хлопала его платкомъ по рукѣ, дѣлала видъ, что ей ужасно противно его ухаживаніе, и, вся розовая, звонко хохотала, откидываясь назадъ и блестя свѣжими темными глазками. Фельдшеръ ураганомъ носился по комнатамъ за водой для Александры Васильевны, со всѣхъ ногъ кидался подымать уроненный ею платокъ и выхватывалъ для нея стулья у другихъ, болѣе застѣнчивыхъ кавалеровъ.

Астреинъ не умѣлъ ничего танцовать, кромѣ польки, да и ту танцовалъ, вытянувшись какъ можно прямѣе, на цыпочкахъ, маленькими шажками, благообразно, плавно и равнодушно, сохраняя въ полной неподвижности свою длинную, склоненную набокъ шею и покатыя плечи; при этомъ онъ старался не выходить на середину и скромно вертѣлся въ углу. Онъ облюбовалъ себѣ тихонькую даму, дочь козлинскаго дьякона, маленькую, толстенькую, Олимпіаду Евгеньевну, и танцовалъ только съ ней. Она была бѣдно одѣта въ старенькое, даже короткое голубое шерстяное платье, выцвѣтшее и обзеленѣвшее подъ мышками и вотъ-вотъ готовое лопнуть или разстегнуться спереди подъ напоромъ ея крѣпкихъ, круглыхъ грудей. Но она была такъ свѣжа, что, казалось, отъ нея пахнетъ арбузомъ или парнымъ молокомъ. У нея было круглое лицо, голубые глаза и неровный мраморный румянецъ. Когда они кружились съ Астреинымъ, ея толстая коса, съ голубымъ бантикомъ на концѣ, иногда ударяла учителя по плечу. Она часто краснѣла и поминутно такъ наклонялась впередъ и поворачивала голову, точно хо-

тѣла убѣжать. Астреинъ все только откашливался. Онъ не слышалъ своего голоса изъ-за звуковъ гармоніи и въ десятый разъ говорилъ дѣвушкѣ, что она навѣрно страшно скучаетъ у себя въ деревнѣ.

Въ промежуткахъ между танцами кавалеры выходили на улицу на морозъ, курили и охлаждались, обмахиваясь платками. Паръ валилъ отъ нихъ, какъ отъ почтовыхъ лошадей.

Послѣ небольшого неизбѣжнаго карточнаго скандала, вслѣдствіе котораго одинъ изъ батюшекъ совсѣмъ-было собрался уѣзжать, говоря, что нога его больше не будетъ подъ этой кровлей, и даже покушался отыскивать въ сѣняхъ свою шубу и шапку, въ чемъ однако ему помѣшали, шиловская попадья позвала ужинать. Мужчины сѣли на одномъ концѣ стола, дамы—на другомъ. Фельдшеръ помѣстился рядомъ съ Астреинымъ.

— Видѣлъ, братъ, видѣлъ,—сказалъ Смирновъ, покровительственно хлопая учителя по спинѣ.—Видѣлъ, видѣлъ... Настоящій ухажеръ. Вполнѣ можно дать браво.

— Тсс... Бросьте... Сергѣй Ѳирсычъ.

Ужинъ вышелъ шумный и веселый. Даже окончившіе разошлись, говорили поздравительныя рѣчи съ приведеніемъ текстовъ и, снявъ свои дымчатыя стекла, оказались теплыми ребятами съ простоватыми, добродушными физіономіями и не дураками выпить. Новый годъ встрѣчали по-старинному, съ воззваніемъ: «Благослови, Господи, вѣнецъ лѣта благости Твоя на 19** годъ». Хотѣли гадать, но о. Василій воспрепятствовалъ этому.

Немножко пьяный и немножко влюбленный, Астреинъ, по примѣру фельдшера, скаталъ два шарика изъ хлѣба, поймалъ глазами взглядъ голубой дѣвушки и, нагибаясь надъ столомъ, крикнулъ ей среди общаго шума:

— Что вы желаете этимъ шарикамъ?

Она же, вся пунцовая, благодаря тремъ рюмкамъ на-

ливки, перекинула назадъ движеніемъ головы свою толстую свѣтлую косу и крикнула, прыская отъ смѣха и тоже наклоняясь къ столу:

— Мышь за пазуху!

Въ три часа учитель и фельдшеръ, выпившіе на ты, поцѣловавшіеся и, по обычаю, обругавшіе другъ друга свиньей и скотиной, ѣхали домой. Фельдшеръ былъ совсѣмъ пьянъ. Онъ клялся Астреину въ дружбѣ, цѣловалъ его, холодя его щеку обмерзлыми колючими усами, и все упрашивалъ его не губить Липочку и не срывать цвѣтка невинности.

— Я т-тебя зна-аю. Ты спеціалистъ!—говорилъ онъ многозначительно.

Не доѣзжая Курши, онъ заснулъ и даже тогда не проснулся, когда собака Другъ, вскочивъ въ сани, облизала ему все лицо. Учителю пришлось вмѣстѣ съ мужикомъ и старухой-бобылкою втаскивать его въ комнату.

V.

Этотъ вечеръ былъ, какъ мгновенный свѣтъ въ темнотѣ, послѣ котораго долго еще мрѣютъ въ глазахъ яркіе плывущіе круги. На цѣлую половину января хватило у фельдшера и учителя вечернихъ разговоровъ о новогодьѣ у отца Василія.

Своихъ шиловскихъ дамъ они сначала называли заочно по именамъ-отчествамъ, потомъ—твоя Липочка, моя Сашенька, и наконецъ просто твоя и моя. Было особенно щекотливо-пріятно каждому изъ нихъ, когда не онъ, а другой вспоминалъ за него разныя мелочи—и тѣ, которыя были на самомъ дѣлѣ, и созданныя впослѣдствіи воображеніемъ.

— Ей-Богу, это всѣ замѣтили,—увѣрялъ Астреинъ.—

Когда ты танцовалъ съ другой, она отъ тебя глазъ не отводила.

— Ну вотъ! Брось... Глупости,—махалъ фельдшеръ рукой и не могъ удержать на толстыхъ губахъ самодовольной улыбки.

— Ей-Богу! Даже отецъ Василій сказалъ:—«Посмотрите, эскулапъ-то нашъ... каково? А?» Я, братъ, даже удивился на тебя, такъ ты и сыплешь, такъ и сыплешь разговоромъ. А она такъ и помираетъ со смѣху. И потомъ я видѣлъ, братъ, какъ ты ей шепталъ на ухо, когда вы шли отъ ужина. Я видѣлъ!

— Оставь, пожалуйста. Ничего подобнаго, — сладко скромничалъ фельдшеръ.—А вѣдь, дѣйствительно, пикарная женщина эта Сашенька, а?

— Красавица! Что и говорить. Царица бала!

— Н-да, но и твоя въ своемъ родѣ... Вѣдь это, конечно, дѣло вкуса, не правда ли? Вкусовъ вѣдь нѣтъ одинаковыхъ?.. Моя—она больше бросается въ глаза, этакая свѣтская, эффектная женщина, ну, а у твоей красота чисто-русская... не кричащая, а, знаешь, тихая такая. И какіе роскошные волосы! Коса въ мою руку толщиной. Въ голубенькомъ платьѣ... одна прелесть. Такой, понимаешь ли... въ глуши расцвѣтшій василекъ. Какъ ты ей съ шарикомъ-то? Злодѣй Злодѣичъ!..

— А она вдругъ отвѣчаетъ: мышь за пазуху!..

— Да. И вся вспыхнула. Ты думаешь, это такъ себѣ, на вѣтеръ сказано? Никогда. Я ужъ, братъ, женщинъ знаю достоканально, ничего не скажутъ безъ цѣли. Липочка этимъ дала тебѣ намекъ, если ты хочешь знать.

Учитель блаженно улыбался.

— Перестань, Сергѣй Ѳирсычъ... Какой тамъ намекъ...

— Очень простой. Хочу быть у вашего сердца—вотъ какой намекъ. Честное слово, она премилая. Свѣжа, какъ роза. И какой цвѣтъ лица!

— Чудный, чудный... У твоей Сашеньки тоже вѣдь цвѣтъ лица...

Но прошли двѣ недѣли, и какъ-то само собой сдѣлалось, что эти пряные разговоры стали рѣже и короче, а тамъ и совсѣмъ прекратились. Зима, подобно смерти, все сглаживаетъ и уравниваетъ. Къ концу января оба— и фельдшеръ и учитель — испытывали чувство стыда и отвращенія, если одинъ изъ нихъ случайно заговаривалъ о Шиловѣ. Прежняя добродушная услужливость въ воспоминаніяхъ и маленькая невинная сладкая ложь теперь казались имъ издали невыносимо противными.

А безконечная, упорная, неодолимая зима все длилась и длилась. Держались жестокіе морозы, сверкали ледяныя капли на голыхъ деревьяхъ, носились по полямъ крутящіеся снѣжные вьюны, по ночамъ громко ухали, осѣдая, сугробы, красныя кровавыя зори подолгу рдѣли на небѣ, и тогда дымъ изъ трубъ выходилъ кверху къ зеленому небу прямыми страшными столбами; падалъ снѣгъ крупными, тихими, безнадежными хлопьями, падалъ цѣлые дни и цѣлыя ночи, и вѣтви сосенъ гнулись отъ тяжести бѣлыхъ шапокъ.

Теперь даже и фельдшеру казалось временами, что зимѣ не будетъ и конца, и эта мысль оковывала ужасомъ его трезвый, чуждый всякой мечтательности, поповскій умъ. Онъ становился все раздражительнѣе и часто говорилъ грубости земскому доктору, когда тотъ наѣзжалъ на фельдшерскій пунктъ.

— У меня не тысяча рукъ, а двѣ,—бурчалъ онъ глухимъ басомъ, тряся волосами и выбрасывая впередъ руку съ растопыренными пальцами.—А если вамъ моя физіономія не нравится, такъ такъ и заявите въ управѣ. Я не илотъ вамъ дался.

Часто, оставаясь одинъ, онъ быстро ходилъ по комнатѣ и воображалъ себѣ свою бѣшеную ссору съ докто-

ромъ. Иногда онъ давалъ ему пощечину, иногда стрѣлялъ въ него. При этомъ онъ блѣднѣлъ отъ волненія, и губы у него бѣлѣли, сохли, холодѣли и дергались.

Перевалило за февраль. Дни стали длиннѣе, но зима держалась еще крѣпче.

Фельдшеръ и учитель тяготились другъ другомъ. Все было изучено другъ въ другѣ и все надоѣло до тошноты: жесты, тонъ голоса, привычныя словечки. Маленькіе стѣснительные недостатки возбуждали дрожь ненависти, той острой, мелочной, безумной ненависти, которую люди чувствуютъ другъ къ другу во время продолжительнаго и невольнаго заключенія вдвоемъ и которая такъ часто бываетъ въ бракѣ. Разговоры всегда оканчивались взаимной обидой.

По старой привычкѣ, они иногда спорили, — спорили подолгу, стараясь оскорбить другъ друга: фельдшеръ — грубостями, учитель—тонкими, смиренными, незамѣтными уколами самолюбію, и, сами сознавая противную сторону этихъ споровъ, они все-таки въѣдались въ нихъ и не могли ихъ прекратить.

Волки, которые теперь отъ голода совсѣмъ обнаглѣли и забѣгали въ деревню даже днемъ, вѣроятно, съ любопытствомъ и со злобой слѣдили издали въ длинные лютые вечера, какъ въ освѣщенномъ окнѣ на краю деревни рисовалась нагнувшаяся надъ столомъ человѣческая фигура, и какъ другая фигура, тонкая и длинная, быстро шныряла по комнатѣ, то пропадая въ темныхъ углахъ, то показываясь въ освѣщенномъ пространствѣ. И они, должно-быть, слышали, какъ высокій, вздрагивающій голосъ учителя нервно частилъ: «ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды...», а фельдшеръ перебивалъ его глухимъ, недовольнымъ, тягучимъ басомъ: «бу-у, бу-у, бу-у...»

Однажды, перебирая одной рукой аптекарскія разновѣски на столѣ, а другой, по обыкновенію, разрѣзая воз-

духъ на мелкіе кусочки, Астреинъ стоялъ возлѣ фельдшера и говорилъ:

— Я всегда, Сергѣй Өирсычъ, думалъ, что это хорошо—приносить свою, хоть самую малюсенькую пользу. Я гляжу, напримѣръ, на какое-нибудь прекраснѣйшее зданіе, на дворецъ или соборъ, и думаю: пусть имя архитектора останется безсмертнымъ на вѣки вѣчные—я радуюсь его славѣ, и я совсѣмъ не завидую ему. Но вѣдь незамѣтный каменщикъ, который тоже съ любовью клалъ свой кирпичъ и обмазывалъ его известкой, развѣ онъ также не можетъ чувствовать счастья и гордости? И я часто думаю, что мы съ тобой — крошечные люди, мелюзга, но если человѣчество станетъ когда-нибудь свободнымъ и прекраснымъ...

— Оставьте! Читали!—крикнулъ сердито фельдшеръ и отмахнулся рукой. — Я не хочу варить щей, которыхъ мнѣ никогда не придется хлебать. Къ чорту будущее человѣчество! Пусть оно подыхаетъ отъ сифилиса и вырожденія!

Астреинъ вдругъ поблѣднѣлъ и сказалъ, заикаясь:

— Но вѣдь это ужасно, что ты говоришь, Сергѣй Өирсычъ. Вѣдь жить больше нельзя, если такъ думать. Значитъ, что же?.. Значитъ, остается только пти и повѣситься!..

— И вѣшайся! — закричалъ фельдшеръ, трясясь отъ злости.—Однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше будетъ!..

Астреинъ молча надѣлъ пальто, взялъ шапку и ушелъ. Онъ не появлялся къ обѣду два дня. Но они не могли уже обойтись другъ безъ друга, не могли жить безъ этихъ привычныхъ, мелочныхъ взаимныхъ оскорбленій, безъ этой зудящей, длительной ненависти другъ къ другу. Къ концу второго дня фельдшеръ пришелъ въ школу мириться, и все пошло по-старому.

Такія ссоры повторялись часто. Надѣвая дрожащими

руками пальто, торопясь и не попадая въ рукава, ища въ то же время ногами калоши, а глазами — шапку, Астреинъ говорилъ плачущимъ голосомъ:

— Я уйду, Сергѣй Ѳирсычъ, я уйду, Богъ съ вами. Но клянусь вамъ, что это въ послѣдній разъ. И прошу васъ не приходить больше ко мнѣ! Да, прошу объ этомъ васъ покорнѣйше.

— И чортъ съ вами! И не приду! Очень вы нужны мнѣ! Съ Богомъ по гладенькой дорожкѣ. Дверь сами найдете.

Но они все-таки мирились, ибо уже до болѣзни вжились другъ въ друга.

Скука длинныхъ ночей, которую нельзя было одолѣть даже сномъ, толкала ихъ на ужасныя вещи.

Однажды среди ночи фельдшеръ проникъ въ кухню къ старухѣ-бобылкѣ и, несмотря на ея ужасъ и на ея причитанія, несмотря на то, что она крестилась отъ испуга, онъ овладѣлъ ею. Ей было 65 лѣтъ. И это стало повторяться настолько нерѣдко, что даже старуха привыкла и молча подчинялась.

Уйдя отъ нея, Смирновъ каждый разъ бѣгалъ по комнатѣ, скрежеталъ зубами, стоналъ и хваталъ себя за волосы отъ омерзѣнія.

Учителя же одолѣвали ночныя сладострастныя грезы во время безсонницъ. Онъ худѣлъ, глаза его увеличивались и стеклянѣли, и подъ ними углублялись черные синяки. И его нервные, тонкіе пальцы дрожали еще сильнѣе.

Какъ-то фельдшеръ предложилъ Астреину попробовать вдыханіе эѳира.

— Это очень пріятно, — говорилъ онъ:—только надо преодолѣть усиліемъ воли тотъ моментъ, когда тебѣ захочется сбросить повязку. Хочешь, я помогу тебѣ?

Онъ уложилъ учителя на кровать, облѣпилъ ему ротъ и носъ, какъ маской, гигроскопической ватой и сталъ на-

нитывать ее эѳиромъ. Сладкій, приторный запахъ сразу наполнилъ горло и легкія учителя. Ему представилось, что онъ сію же минуту задохнется, если не скинетъ со своего лица мокрой ваты, и онъ уже ухватился за нее руками, но фельдшеръ только еще крѣпче зажалъ ему ротъ и носъ и быстро вылилъ въ маску остатки эѳира.

VI.

Была одна страшная секунда, когда Астреинъ почувствовалъ, что онъ умираетъ отъ удушья, но всего только одна секунда, не болѣе. Тотчасъ же ему стало удивительно покойно и просторно. Что-то радостно задрожало у него внутри, какая-то свѣтящаяся и поющая точка, и отъ нея, точно круги отъ камня, брошеннаго въ воду, побѣжали во всѣ стороны веселыя трепещущія струйки. Лежа на спинѣ, онъ ясно увидѣлъ, какъ прямая линія, образованная стѣною и потолкомъ, вдругъ расцвѣтилась радугой, изломалась и вся расплылась въ мелкихъ, какъ Млечный путь, звѣздочкахъ. Потомъ задрожало все: воздухъ, стѣны, свѣтъ, звуки—весь міръ. И ему казалось, что каждый атомъ его существа превращается въ вибрирующее движеніе, слитое съ общимъ неуловимо-быстрымъ, свѣтлымъ движеніемъ. Все его тѣло растворялось и таяло; оно сдѣлалось невѣсомымъ, и это ощущеніе легкости и свободы было невыразимо блаженно. И вдругъ его сознаніе полетѣло по безконечной кривой — куда-то внизъ, въ темную пропасть, и угасло.

Онъ очнулся съ головной болью и съ противнымъ вкусомъ эѳира во рту. Этотъ вкусъ преслѣдовалъ его цѣлую ночь и весь слѣдующій день.

Фельдшеръ попросилъ Астреина оказать ему такую же услугу—подержать надъ лицомъ ватную маску, и учитель подчинился. Они продѣлали этотъ опытъ нѣсколько

разъ, но не успѣли сдѣлаться эѳироманами, потому что весь запасъ волшебной жидкости вышелъ, а новаго имъ не присылали.

А зима все лежала и лежала на поляхъ мертвымъ снѣгомъ, выла въ трубахъ, носилась по улицамъ, гудѣла въ лѣсу. Куршинскіе мужики кормили скотъ соломой съ крышъ и продавали лошадей на шкуры заѣзжимъ кошатникамъ.

Астреинъ совсѣмъ опустился. Онъ не только цѣлый день ходилъ въ пальто и калошахъ, но и спалъ въ нихъ, не раздѣваясь. Съ утра до вечера онъ пилъ водку, иногда пилъ ее, даже проснувшись среди ночи, доставая бутылку изъ-подъ кровати. Воспаленный мозгъ его одиноко безумствовалъ въ сладострастныхъ оргіяхъ.

Въ школѣ, въ часы занятій, онъ садился за столъ, подпиралъ голову обѣими руками и говорилъ:

— Пусть каждый изъ васъ, дѣти, прочитаетъ «Мартышку и очки». Всѣ по очереди. Наизусть. Валяйте.

Ребятишки уже давно приспособились къ нему и говорили, что̀ хотѣли. А онъ сидѣлъ, расширивъ свѣтлые, сумасшедшіе глаза и уставивъ ихъ всегда въ одну и ту же точку на географической картѣ, гдѣ-то между Италіей и Карпатами.

Фельдшеръ же во время пріемовъ кричалъ на мужиковъ и нарочно, съ дикой злобой на нихъ и на себя, дѣлалъ имъ больно при перевязкахъ. Когда онъ оставался одинъ и думалъ о докторѣ, то глаза его наливались кровью отъ долго затаеннаго бѣшенства, ставшаго маніей.

Казалось, они оба неизбѣжно подходили къ какому-то страшному концу. Но что-то странное и таинственное есть въ человѣческой природѣ. Когда физическая боль, отчаяніе, экстазъ или паденіе достигаютъ высочайшаго напряженія, когда вотъ-вотъ они готовы перейти черезъ пре-

дѣльную черту, возможную для человѣка, тогда судьба на минутку даетъ человѣку роздыхъ и точно ослабляетъ ему жестокіе тиски. Иногда она даже на мгновеніе улыбнется ему. Такъ бываетъ при тяжелыхъ, смертельныхъ родахъ у женщинъ, на войнѣ, во время непосильнаго труда, при неизлѣчимыхъ болѣзняхъ, иногда при сумасшествіи, и, должно-быть, бывало во время пытокъ передъ смертью. Потомъ судьба холодно и безлобно успокаиваетъ человѣка навсегда.

VII.

Вдругъ случилось чудо, въ которое такъ наивно вѣрилъ учитель Астреинъ. Пришла весна!

Сначала, нѣсколько дней подъ рядъ, воздухъ стоялъ неподвижно и былъ тепелъ. Тяжелыя сизыя облака медленно и низко сгруживались къ землѣ. Тощіе горластые пѣтухи орали, не переставая, по дворамъ въ деревнѣ. Галки съ тревожнымъ крикомъ носились по темному небу. Дальніе лѣса густо посинѣли. Людей клонило днемъ ко сну.

Потомъ сразу пошли дожди, подули южные вѣтры. Вѣтеръ и дождь прямо на глазахъ ѣли снѣгъ, который сталъ на поляхъ ноздреватымъ и грязнымъ, а тамъ, гдѣ подъ нимъ бѣжала вода, зернистымъ и жидкимъ. Деревенская улица обнажилась, довѣрчиво размякла, и коричневые болтливые ручейки побѣжали по ней во всю ея ширину вдоль уклона.

Весенній безпорядокъ—шумный, торопливый, сорный — воцарился въ лѣсахъ, поляхъ и на дорогахъ—точно дружная, веселая суета передъ большимъ праздникомъ происходила въ природѣ. Какъ чудесно пахли по ночамъ земля, вѣтеръ и, кажется, даже звѣзды!

Вскрылась Пра. Фельдшеръ все хлопоталъ около лодки.

Однажды вечеромъ онъ сказалъ Астреину, потирая намозоленныя руки:

— Теперь все готово. Завтра приходи пораньше. Пообѣдаемъ и айда. Намъ некогда терять времени. Черезъ недѣлю Пра обмелѣетъ, и тогда придется тащить лодку на плечахъ. А теперь мы какъ разъ ее пригонимъ къ мельницѣ.

На другой день послѣ ранняго обѣда они сволокли легкую, плоскодонную лодку по откосу оврага къ рѣкѣ, спустили ее въ воду и поплыли по теченію внизъ. Такъ какъ рѣка бѣжала необыкновенно быстро, то фельдшеръ пустилъ Астреина на гребныя весла, а самъ сѣлъ на корму съ рулевымъ весломъ. Смирновъ взялъ съ собой на всякій случай шомпольную одностволку и даже зарядилъ ее. Другъ, увязавшійся за лодкой, бѣжалъ по берегу и весело лаялъ.

Сейчасъ же, саженъ черезъ тридцать, былъ мостъ между крутыми берегами. Теперь онъ висѣлъ надъ поднявшейся водой, почти касаясь ея. Оглянувшись назадъ, учитель спросилъ съ безпокойствомъ:

— Пройдемъ ли?

— Глупости! Пройдемъ!—отвѣтилъ увѣренно фельдшеръ.—Нагнемся и проѣдемъ.

Чтобы войти подъ мостъ, имъ пришлось не только лечь ничкомъ на банки, но и защищать руками лица отъ мостовыхъ бревенъ. Подъ мостомъ было темно, сыро и гулко. Вырвавшись изъ-подъ него, лодка точно прибавила ходу и теперь плыла со скоростью хорошей почтовой лошади.

По небу опрометью неслись круглыя пухлыя облака. Совсѣмъ неожиданно пошелъ дождь. Фельдшеръ обвязалъ замокъ у своего ружья носовымъ платкомъ, чтобы пистоны не отсырѣли. Но дождь сейчасъ же и пересталъ, и снова засмѣялось весеннее непостоянное солнце. Берега понижались постепенно, а рѣка все расширялась.

Вода бурлила, разрѣзаемая носомъ лодки; она была, по-весеннему, грязно-коричневая и на изломахъ струекъ поблескивала голубымъ отраженіемъ неба. Все чаще и чаще попадались льдины—круглыя, покрытыя сверху грязнымъ снѣгомъ. Онѣ кружились, подгоняемыя теченіемъ, и терлись, шурша о борта лодки, которая ихъ обгоняла.

Навстрѣчу лодкѣ росъ приближающійся лѣсъ. Издали было слышно, какъ вода клокотала въ немъ вокругъ затопленныхъ деревьевъ. Лодка, не умѣряя скорости, вошла въ него, и вдругъ берега рѣки разбѣжались и пропали. Куда бы ни глядѣлъ глазъ, всюду—налѣво, направо, впереди, позади—разстилалась бѣгущая, говорливая, плоская вода, изъ которой кое-гдѣ торчали верхушки кустовъ. Но главное теченіе все-таки легко можно было опредѣлить по быстротѣ струй и по широкому разстоянію между деревьями. Фельдшеръ правилъ молодцомъ, зато нѣсколько разъ искупавшійся въ лужахъ Другъ остался на берегу. Онъ попробовалъ-было плыть, но испугался и вернулся назадъ. Онъ долго еще отряхивался, трепеща шеей и ушами, и скулилъ, глядя вслѣдъ лодкѣ. Начинало темнѣть.

— Господи! Что же можетъ быть на свѣтѣ лучше русской весны!—говорилъ Астреинъ.—Знаешь, Өирсычъ, она точно любимая женщина. Отчаялся ее дождаться, проклинаешь ее, готовишь ей гнѣвныя слова,—а вотъ она пришла, и какая радость!..

— Ну, ладно, ладно, — бурчалъ съ ласковой грубостью фельдшеръ. — Держись крѣпко, старикъ, не кисни.

Рѣка такъ же внезапно, какъ расширилась, такъ и сузилась. Впереди виднѣлся второй мостъ, какъ будто перехватывающій рѣку узкимъ горломъ; за нимъ она опять расширялась.

— Послушай, друже, — сказалъ фельдшеръ: — я думаю, лучше намъ пристать у берега, не доходя моста,

а лодку ужъ мы проведемъ волокомъ. Мы здѣсь не проскочимъ.

— Э, чепуха, проскочимъ! Держи прямо! Штиръ-бомъ-бимъ-брамъ-штреньгу!—крикнулъ задорно Астреинъ.

— Ну, ну!—сказалъ фельдшеръ въ знакъ согласія.

Но они не разсчитали. Вода была слишкомъ высока. Лодка ударилась носомъ о мостовую настилку, теченіе тотчасъ же повернуло ее бокомъ, прижало къ мосту, и вдругъ Астреинъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ вся рѣка хлынула въ лодку.

Фельдшеръ успѣлъ во-время ухватиться за настилку и выкарабкаться почти сухимъ. Но Астреинъ по горло погрузился въ воду. Онъ досталъ ногами дно, здѣсь было вовсе не глубоко, но теченіе съ такой силой тянуло его подъ мостъ, что онъ едва-едва успѣлъ уцѣпиться за столбъ. Лодка, переполнившись водою, перевернулась вверхъ дномъ, легко скользнула въ пролетъ и на той сторонѣ моста сейчасъ же запуталась въ кустахъ. Фельдшеръ стоялъ наверху и хохоталъ во все горло.

— Это свинство,— мрачно сказалъ Астреинъ изъ воды.—Самъ перевернулъ лодку, когда выскакивалъ, и самъ смѣешься. Давай руку.

— Подожди. Притяни сначала лодку. Тебѣ все равно заодно мокнуть. Иди смѣло. Здѣсь мелко.

— Да, хорошо тебѣ сверху.

Пока фельдшеръ вытаскивалъ учителя на мостъ, пока онъ обжималъ на немъ набухшую отъ воды одежду, стаскивалъ съ него сапоги и выливалъ изъ нихъ воду, незамѣтно настала ночь.

Снѣгъ на берегу, казавшійся вечеромъ свѣтло-фіолетовымъ, сразу побѣлѣлъ и сдѣлался прозрачно-легкимъ и тонкимъ. Деревья почернѣли и сдвинулись. Теперь ясно было слышно, какъ вдали ровно и безпрестанно гудѣла вода на мельничной плотинѣ.

— Все равно надо ѣхать, — сказалъ фельдшеръ: — выберемся на заворотъ, а тамъ вытащимъ лодку куда-нибудь на берегъ и пойдемъ ночевать на мельницу. Назадъ ужъ невозможно.

Они опять сѣли въ лодку. Прямо отъ моста рѣка расширялась воронкой передъ запрудой. Лѣвый берегъ круто загибалъ влѣво, а правый уходилъ прямо впередъ, теряясь въ темнотѣ.

Неожиданное теченіе вдругъ подхватило лодку и понесло ее съ ужасной стремительностью. Черезъ минуту не стало видно ни лѣваго ни праваго берега. Ревъ воды на мельницѣ, которому до сихъ поръ мѣшала преграда изъ лѣса, вдругъ донесся съ жуткой явственностью.

— Куда гребешь? Куда? Чортъ! Лѣвымъ загребай, правымъ табань. Лѣвымъ, лѣвымъ, дьяволъ, чортъ, сволочь! Да лѣвымъ же, лѣвымъ, чортъ бы тебя побралъ. Чортъ, свинья!..

— Дрянь, сволочь! Сидишь на рулѣ. Чего смотришь? Собака, сволочь! Клистирная трубка!

Астреинъ выбивался изъ силъ, стараясь направить лодку къ лѣвому берегу, но она неслась невѣдомо куда. И въ это время фельдшеръ и учитель яростно ругали другъ друга всѣми бранными словами, какія имъ попадали на языкъ.

— Стой, стой! Кустъ! Держи! Кустъ!—вдругъ закричалъ радостно фельдшеръ.

Ему удалось схватиться руками за вѣтки куста, торчавшаго изъ воды. Лодка стала, вся содрогаясь и порываясь впередъ. Вода бѣжала вдоль ея бортовъ слѣва и справа съ гнѣвнымъ рокотомъ. Теперь видимъ сталъ правый берегъ. Снѣгъ лежалъ на немъ, бѣлѣя слабо и плоско, какъ бумага въ темнотѣ. Но фельдшеръ зналъ мѣстность. Этотъ берегъ представлялъ собою огромное болото, непроходимое даже лѣтомъ.

Нѣсколько минутъ оба молчали. Большія льдины, крутясь, быстро проплывали мимо лодки и казались легкими, какъ вата. Иногда онѣ сталкивались, терлись другъ о друга и шуршали, и вздыхали съ коварной осторожностью.

Астреинъ чувствовалъ, какъ у него волосы холодѣютъ и становятся прямыми и твердыми, точно тонкія стеклянныя трубки. Ревъ воды на мельницѣ стоялъ въ воздухѣ ровнымъ страшнымъ гуломъ; и было ясно, что вся тяжелая масса воды въ рѣкѣ бѣжитъ неудержимо туда, къ этому звуку.

— Надо двигаться!—сказалъ фельдшеръ. — Пусти-ка меня на весла.

Они перемѣнились мѣстами, и теперь уже Астреинъ держался за вѣтки. Оба старались казаться спокойными.

— Дѣло въ томъ, что о правомъ берегѣ намъ нечего и думать. Тамъ мы увязнемъ и не выберемся до трубы архангельской. Послушай, Клавдій Ивановичъ.—Голосъ фельдшера вдругъ задрожалъ теплымъ, глубокимъ тономъ.—Послушай, ты не сердишься на меня, что я потащилъ тебя сегодня въ эту дурацкую поѣздку?

— О, что ты, родной мой. Не думай объ этомъ, ради Бога, — ласково отвѣтилъ учитель.

Онъ наклонился, чтобы увидѣть лицо Смирнова, но увидѣлъ только слабое темное очертаніе его плечъ и головы.

— Видишь ли, намъ надо, если ты хочешь знать, выбиваться къ лѣвому берегу,—опять заговорилъ фельдшеръ. — Попробуемъ пересѣчь теченіе? а? Какъ ты думаешь?

— Давай, — тихо сказалъ учитель: — судьба, такъ судьба.

— Ничего... Можетъ, и выгребу, а не выгребу — наплевать...

— Конечно, — сказалъ учитель.

Опять наступило молчаніе. Вода плескалась и роптала вокругъ лодки, кружились и вздыхали со свистомъ льдины, ревѣла вдали мельница.

— Пускать? — спросилъ учитель съ тоской.

— Прости меня за все, Клавдій Ивановичъ,—вдругъ просто и серьезно, даже точно дѣловито, сказалъ фельдшеръ. — Я былъ къ тебѣ такъ несправедливъ эту зиму.

— Брось, милый, что ужъ тутъ. Я тебя люблю, мало ли что бываетъ между близкими? Ну, держись. Я пускаю.

Онъ разжалъ руки, и лодка, точно обезумѣвъ отъ свободы, понеслась впередъ. И тотчасъ же Астреинъ увидѣлъ свѣтъ на мельницѣ. Онъ, какъ красная булавка, торчалъ среди черной ночи.

Фельдшеръ гребъ, нагнувъ внизъ голову, упираясь ногами въ переднюю скамейку, шумно и коротко выдыхая воздухъ. Ему казалось, что лодка быстро подается впередъ при каждомъ взмахѣ веселъ, но это былъ обманъ: ее несло только теченіемъ, и самъ Смирновъ хорошо это зналъ.

Учитель ничего не говорилъ, но онъ видѣлъ, какъ съ каждымъ мгновеніемъ увеличивался огонь на мельницѣ. Можно было уже разобрать переплетъ окна.

Воздухъ дрожалъ отъ рева воды подъ шлюзами. Вдругъ Астреинъ увидѣлъ впереди лодки длинный бѣлый гребень пѣны, который приближался, какъ живой. Онъ со слабымъ крикомъ закрылъ лицо руками и бросился ничкомъ на дно лодки. Фельдшеръ понялъ все и оглянулся назадъ. Лодка бокомъ вкось летѣла на шлюзы. Неясно чернѣла плотина. Бѣлые бугры пѣны метались впереди.

— Конецъ!—сказалъ фельдшеръ вслухъ.—Астреинъ, Астреинъ! — крикнулъ онъ: — держись за борта, держись!

Но его тотчасъ же сбило со скамейки. Онъ упалъ грудью на ключину и судорожно вцѣпился обѣими руками въ бортъ. Огромная тяжелая волна обдала его съ ногъ до головы. Почему-то ему послышался въ ревѣ водопада густой, частый звонъ колокола. Какая-то чудовищная сила оторвала его отъ лодки, подняла высоко и швырнула въ бездну головой внизъ. «А Другъ-то, пожалуй, одинъ не найдетъ дорогу домой»,—мелькнуло вдругъ въ головѣ фельдшера. И потомъ ничего не стало.

Рѣка долго влекла ихъ избитыя, обезображенныя тѣла, крутя въ водоворотахъ и швыряя о камни. Трупъ фельдшера застрялъ между ветлами. Учителя потащило дальше.

НОЧНАЯ СМѢНА.

Въ казармѣ четырнадцатой роты давно окончили вечернюю перекличку и пропѣли молитву. Уже одиннадцатый часъ въ началѣ, но люди не спѣшатъ раздѣваться. Завтра воскресенье, а въ воскресенье всѣ, кромѣ должностныхъ, встаютъ часомъ позже.

Дневальный — Лука Меркуловъ — только-что «заступилъ на смѣну». До двухъ часовъ пополуночи онъ долженъ не спать, ходить по казармѣ въ шинели, въ шапкѣ и со штыкомъ на боку и слѣдить за порядкомъ: за тѣмъ, чтобы не было покражъ, чтобы люди не выбѣгали на дворъ раздѣтыми, чтобы въ помѣщеніе не проникали постороннія лица. Въ случаѣ посѣщенія начальства, онъ обязанъ рапортовать о благополучіи и о всемъ происшедшемъ.

Меркуловъ дневалитъ не въ очередь, а въ наказаніе, — за то, что въ прошедшій понедѣльникъ, во время подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій, его скатанная шинель была обвязана не ременнымъ трынчикомъ, который у него украли, а веревочкой. Дневалитъ онъ черезъ день вотъ уже третій разъ, и все ему достаются самые тяжелые ночные часы.

Меркуловъ плохой фронтовикъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ лѣнивъ и нестарателенъ. Просто ему не дается сложное искусство чисто дѣлать ружейные пріемы, вы-

тягивать при маршировкѣ внизъ носокъ ноги, «подаваясь всѣмъ корпусомъ впередъ», и въ должной степени «затаивать дыханіе въ моментъ спуска ударника» при стрѣльбѣ. Тѣмъ не менѣе онъ извѣстенъ за солдата серьезнаго и обстоятельнаго: въ одеждѣ наблюдаетъ опрятность; сквернословитъ сравнительно мало; водку пьетъ только казенную, какую даютъ по большимъ праздникамъ, а въ свободное время медленно и добросовѣстно точаетъ сапоги, — не болѣе пары въ полгода, но зато какіе сапоги! — огромные, тяжеловѣсные, не знающіе износа, — меркуловскіе сапоги.

Лицо у него шершавое, сѣрое, въ одинъ тонъ съ шинелью и съ оттѣнкомъ той грязной блѣдности, которую придаетъ простымъ лицамъ воздухъ казармъ, тюремъ и госпиталей. Странное и какое-то неумѣстное впечатлѣніе производятъ на меркуловскомъ лицѣ выпуклые глаза удивительно нѣжнаго и чистаго цвѣта — добрые, дѣтскіе и до того ясные, что они кажутся сіяющими. Губы у Меркулова простодушныя, толстыя, особенно верхняя, надъ которой точно прилизанъ рѣдкій бурый пушокъ.

Въ казармѣ гомонъ. Четыре длинныхъ, сквозныхъ комнаты еле освѣщены коптящимъ красноватымъ свѣтомъ четырехъ жестяныхъ ночниковъ, висящихъ въ каждомъ взводѣ у стѣны ручкой на гвоздикѣ. По серединѣ комнатъ тянутся въ два ряда сплошныя нары, покрытыя сверху сѣнниками. Стѣны выбѣлены известкой, а снизу выкрашены коричневой масляной краской. Вдоль стѣнъ стоятъ въ длинныхъ деревянныхъ стойкахъ красивыми, стройными шеренгами ружья; надъ ними висятъ въ рамкахъ олеографіи и гравюры, изображающія въ грубомъ, нагляднomъ видѣ всю солдатскую науку.

Меркуловъ медленно ходитъ изъ взвода въ взводъ. Ему скучно, хочется спать, и онъ чувствовалъ зависть ко всѣмъ этимъ людямъ, которые коношатся, галдятъ и

хохочутъ въ тяжелой мглѣ казармы. У всѣхъ у нихъ впереди такъ много часовъ сна, что они не боятся отнять у него нѣсколько минутъ. Но всего томительнѣе, всего непріятнѣе — сознаніе, что черезъ полчаса вся рота замолкнетъ, уснетъ, и только Меркуловъ остается бодрствовать — тоскующій и забытый, одинокій среди ста человѣкъ, перенесенныхъ какою-то ужасной, таинственной силой въ невѣдомый міръ.

Во второмъ взводѣ тѣсно сбились въ кучу около десяти или двѣнадцати солдатиковъ. Они такъ близко разсѣлись и разлеглись другъ возлѣ друга на нарахъ, что сразу не разберешь, къ какимъ головамъ и спинамъ принадлежатъ какія руки и ноги. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ то и дѣло вспыхиваютъ красные огоньки «цыгарокъ». Въ самой серединѣ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, старый солдатъ Замошниковъ,—«дядька Замошниковъ», какъ его называетъ вся рота. Замошниковъ — маленькій, худой, подвижной солдатикъ, общій любимецъ, запѣвала и добровольный увеселитель. Мѣрно покачиваясь взадъ и впередъ и потирая колѣни ладонями, онъ разсказываетъ сказку, держась все время пониженнаго, медленнаго и какъ будто бы недоумѣвающаго тона. Его слушаютъ въ сосредоточенномъ молчаніи. Изрѣдка одинъ изъ присутствующихъ, захваченный интересомъ разсказа, вдругъ вставитъ, не вытерпѣвъ, торопливое, восхищенно-ругательное восклицаніе.

Меркуловъ останавливается подлѣ кучки и равнодушно прислушивается.

— И посылаетъ этта ему турецкій салтанъ большущую бочку мака и пишетъ ему письмо: «Вашее пріасходительство, славный и храбрый генералъ Скобелевъ! Даю я тебѣ три дня и три ночи строку, чтобы ты пересчиталъ весь этотъ макъ до единаго зерна. И сколько, значитъ, ты зеренъ насчитаешь, столько у меня въ моемъ войскѣ

есть солдатовъ». Прочиталъ генералъ Скобелевъ салтаново письмо и вовсе даже отъ этого не испужался, а только, наоборотъ, посылаетъ обратно турецкому салтану горсточку стручковаго перцу. — «У меня, говоритъ, солдатовъ куда противъ твоего меньше, всего-навсего одна малая горстка, а нука-ся, попробуй-ка,—раскуси!..»

— Ловко повернулъ! — одобряетъ голосъ за спиной Замошникова.

Другіе слушатели сдержанно смѣются.

— Да... На-ка, говоритъ, раскуси, попробуй! — повторяетъ Замошниковъ, жалѣя разстаться съ выигрышнымъ мѣстомъ. — Салтанъ-то ему, значитъ, бочку мака, а онъ ему горсть перцу: «На-ка-сь, говоритъ, выкуси!» Это Скобелевъ-то нашъ, салтану-то турецкому. «У меня, говоритъ, солдатовъ всего одна горсточка, а попробуй-ка, поди-ка, раскуси!..»

— Вся, что ли, сказка-то, дядька Замошниковъ? — робко спрашиваетъ какой-то нетерпѣливый слушатель.

— А ты... погоди, братецъ мой, — досадливо замѣчаетъ ему Замошниковъ. — Ты не подталдыкивай... Сказку сказывать—это, братъ, тоже не блохъ ловить... Да...— Затѣмъ, помолчавъ немного и успокоившись, онъ продолжаетъ сказку.—Да... «Хоть и малая, говоритъ, горсточка, а поди-ка, раскуси...» Прочиталъ турецкій салтанъ скобелевское письмо и опять ему пишетъ: «Убери ты, по добру, по здорову, свое храброе войско изъ моей турецкой земли... А ежели ты своего храбраго войска убрать не захочешь, то дамъ я своимъ солдатамъ по чаркѣ водки, солдаты мои отъ этого разсердятся и выгонятъ въ три дня всю твою армію изъ Турціи». А Скобелевъ ему сейчасъ отвѣтъ: «Великій и славный турецкій салтанъ, какъ это смѣешь ты, турецкая твоя морда, мнѣ такія слова писать? Нашелъ чѣмъ стращать: «по чаркѣ водки дамъ!». А я вотъ своимъ солдатушкамъ три дня ло-

пать ничего не дамъ, и они тебя, распротакого-то сына, со всѣмъ твоимъ войскомъ живьемъ сожрутъ и назадъ не вернутъ, такъ ты безъ вѣсти и пропадешь, собачья образина, свиное твое ухо!..» Какъ услышалъ эти слова турецкій салтанъ, сильно онъ, братцы мои, въ ту пору испужался и сейчасъ подался на замиренье. — «Ну, говоритъ, тебя совсѣмъ къ Богу и съ войскомъ съ твоимъ. Вотъ тебѣ мельонтъ рублей денегъ, и отвяжись ты отъ меня, пожалуйста...»

Замошниковъ молчитъ съ минуту и потомъ добавляетъ коротко:

— Вся сказка, ребята.

Слушатели оживляются, и кучка начинаетъ шевелиться. Со всѣхъ сторонъ раздается одобрительная ругань.

— Важно онъ яво, братцы!..

— Н-да-а, саданулъ... нечего сказать...

— На что лучше... Я, гритъ, своимъ солдатамъ три дни ѣсть не дамъ, такъ они тебя, мерзавца, живьемъ слопаютъ. Какъ онъ ему сказалъ, дядька Замошниковъ? А дядька Замошниковъ?

Замошниковъ повторяетъ ту же самую фразу слово въ слово.

— Куда жъ противъ нашихъ! — подхватываютъ хвастливые голоса.

— Ку-у-да-а!.. Противъ руцкихъ-то!

— Ежели противъ нашихъ, такъ это еще, братъ, погодить надоть.

— Да еще и какъ погодить-то... Это такое дѣло, что надо благословимшись да каши сперва поѣмши.

Замошниковъ въ это время тянется къ огоньку цыгарки, то вспыхивающему, то погасающему подлѣ него, и говоритъ небрежно:

— Дай-ка-сь, братецъ, потянуть разочекъ. Что-й-то смерть покурить хоцца.

Онъ нѣсколько разъ подъ рядъ торопливо и глубоко затягивается, пуская дымъ изъ носа двумя прямыми, сильными струями. Лицо его, особенно подбородокъ и губы, поперемѣнно то озаряются краснымъ блескомъ, то мгновенно тухнутъ, пропадаютъ въ темнотѣ. Чья-то рука протягивается къ его рту за цыгаркой, и чей-то голосъ проситъ:

— А ну-ка, дядька Замошниковъ, оставь, я покурю немножко.

— Кто покурить, а кто и поплюить, — отрѣзаетъ Замошниковъ.

Солдаты смѣются: «Ужъ этотъ Замошниковъ... всегда такое ввернетъ!..» Поощренный Замошниковъ продолжаетъ шутить:

— Знаешь, братъ, какъ нонче курятъ? Табачокъ вашъ, бумажку дашь, вотъ и покуримъ.

Однако онъ тутъ же суетъ въ протянутую руку окурокъ, сплевываетъ на сторону, перегнувшись черезъ чью-то спину, и говоритъ:

— А вотъ тоже, ребята, знаю я еще одну исторію. Може, кто слышалъ изъ васъ? Про то, какъ солдатъ прицѣпилъ себѣ желѣзные когти и лазилъ къ царевнѣ на башню? Если знаете, такъ я лучше и сказывать не буду.

— Не знаемъ... Нѣтъ, нѣтъ... Валяй, дядька Замошниковъ. Никто не слыхалъ.

— Начинается это такъ, что жилъ-былъ на свѣтѣ солдатъ Яшка, Мѣдная пряжка. И былъ, братцы мои, этотъ солдатъ удивительный человѣкъ на свѣтѣ...

Меркуловъ вяло отходитъ прочь. Въ другое время онъ самъ съ живымъ удовольствіемъ слушалъ бы сказки Замошникова, но теперь ему даже кажется страннымъ, какъ это другіе могутъ слушать съ такимъ интересомъ вещи незанимательныя, скучныя и, главное, завѣдомо вымышленныя.

«Ишь, черти, и ко сну ихъ не манитъ, — злобно думаетъ Меркуловъ. — Будутъ себѣ цѣлую ночь дрыхнуть»...

Онъ подходитъ къ окну. Стекла изнутри запотѣли, и по нимъ то и дѣло быстро и извилисто сбѣгаютъ капли. Меркуловъ протираетъ рукавомъ шинели стекло, прижимается къ нему лбомъ и загораживаетъ глаза съ обѣихъ сторонъ ладонями, чтобы не мѣшало отраженіе почника. На дворѣ осенняя, дождливая, черная ночь. Свѣтъ, падающій изъ окна, лежитъ на землѣ косымъ, вытянутымъ четырехугольникомъ, и видно, какъ въ этой свѣтлой полосѣ морщится и рябится отъ дождя большая лужа. Далеко впереди и внизу, точно на краю свѣта, чуть-чуть блестятъ огни мѣстечка. Больше ничего не различаетъ глазъ въ темнотѣ ненастной ночи.

Постоявъ немного у окна, Меркуловъ идетъ дальше, въ четвертый взводъ, обходитъ его и медленно бредетъ по другой сторонѣ казармы, вдоль оконъ. На самомъ концѣ наръ, по бокамъ угла усѣлись, спустивъ ноги, двое солдатъ—Панчукъ и Коваль. Между ними стоитъ маленькій деревянный сундучокъ съ замкомъ на кольцахъ. На сундукѣ лежитъ цѣльный хлѣбъ, накроенный толстыми ломтями во всю длину, пятокъ луковицъ, кусокъ свиного сала и крупная сѣрая соль въ чистой тряпкѣ. Панчукъ и Коваль связаны между собою странной, молчаливой дружбой, основанной на необычайномъ обжорствѣ. Имъ не хватаетъ казенныхъ шести фунтовъ хлѣба; они прикупаютъ его каждый день у товарищей и всегда поѣдаютъ его вмѣстѣ, обыкновенно вечеромъ, не обмѣниваясь при этомъ ни единымъ словомъ. Оба они изъ зажиточныхъ семействъ и ежемѣсячно получаютъ изъ дому по рублю и даже по два...

Каждый изъ нихъ поочередно узкимъ ножикомъ, источеннымъ до того, что его острее даже вогнулось внутрь,

отрѣзаетъ нѣсколько тонкихъ, какъ папиросная бумага, кусочковъ сала и аккуратно распластываетъ ихъ между двумя ломтями хлѣба, круто посоленными съ обѣихъ сторонъ. Потомъ они начинаютъ молча и медленно поѣдать эти огромные бутерброды, лѣниво болтая спущенными внизъ ногами.

Меркуловъ останавливается противъ нихъ и тупо смотритъ, какъ они ѣдятъ. Видъ сала вызываетъ у него подъ языкомъ острую слюну, но просить онъ не рѣшается: все равно ему отвѣтятъ отказомъ и хлесткой насмѣшкой. Однако онъ все-таки произноситъ срывающимся голосомъ, въ которомъ слышится почти просьба:

— Хлѣбъ да соль, ребята.

— Ѣмъ, да свой, а ты рядомъ постой, — отвѣчаетъ совершенно серьезно Коваль и, не глядя на Меркулова, обчищаетъ ножомъ отъ коричневой шелухи луковицу, рѣжетъ ее на четыре части, обмакиваетъ одну четверть въ соль и жуетъ ее съ сочнымъ хрустѣніемъ. Панчукъ ничего не говоритъ, но смотритъ прямо въ лицо Меркулову тупыми, сонными, неподвижными глазами. Онъ громко чавкаетъ, и на его массивныхъ скулахъ, подъ обтягивающей ихъ кожей, напрягаются и ходятъ связки челюстныхъ мускуловъ.

Нѣсколько минутъ всѣ трое молчатъ. Наконецъ Панчукъ съ трудомъ проглатываетъ большой кусокъ и сдавленнымъ голосомъ равнодушно спрашиваетъ:

— Что, братъ, дневалишь?

Онъ и безъ того отлично знаетъ, что Меркуловъ дневалитъ, и предложилъ этотъ вопросъ ни съ того ни съ сего, безъ всякаго интереса; просто, такъ себѣ, спросилось. И Меркуловъ такъ же равнодушно испускаетъ, вмѣсто отвѣта, длинное ругательство, неизвѣстно кому, адресованное: двумъ ли солдатамъ, которые имѣютъ возможность объѣдаться хлѣбомъ съ саломъ, или началь-

ству, заставившему Меркулова не въ очередь дневалить.

Онъ отходитъ отъ пріятелей, продолжающихъ свою молчаливую, медленную ѣду, и бредетъ дальше. Сырая казарма быстро нагрѣвается человѣческимъ дыханіемъ: Меркулову даже становится жарко въ его шинели. Нѣсколько разъ кряду онъ обходитъ всѣ взводы, со скукой прислушиваясь къ разговору, громкому смѣху, руготнѣ и пѣнію, долго не смолкающимъ въ ротѣ. Ничего его не смѣшитъ и не занимаетъ, но въ душѣ ему сильно хочется, чтобы еще долго, долго, хоть всю ночь, не затихалъ этотъ шумъ, чтобы только ему, Меркулову, не оставаться одному въ ужасной тишинѣ спящей казармы.

Въ концѣ перваго взвода стоитъ отдѣльная нара унтеръ-офицера Евдокима Ивановича Ноги, ближайшаго начальника Меркулова. Евдокимъ Ивановичъ—большой франтъ, бабникъ, говорунъ и человѣкъ зажиточный. Его нара поверхъ сѣнника покрыта толстымъ ватнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ множества разноцвѣтныхъ квадратиковъ и треугольниковъ; въ головахъ къ деревянной спинкѣ прилѣплено хлѣбомъ маленькое, круглое, треснутое посрединѣ зеркальце въ жестяной оправѣ.

Евдокимъ Ивановичъ безъ мундира и босой лежитъ сверхъ своего великолѣпнаго одѣяла на спинѣ, заложивъ за голову руки и задравъ кверху ноги, изъ которыхъ одна упирается пяткой въ стѣну, а другая черезъ нее перекинута. Изъ угла рта торчитъ у него камышевый мундштукъ со вставленной въ него дымящейся «кручонкой». Передъ унтеръ-офицеромъ въ понурой, печальной и покорной позѣ большой обезьяны стоитъ рядовой его взвода Шангирей Камафутдиновъ — блѣдный, грязный, глуповатый татаринъ, не выучившій за три года своей службы почти ни одного русскаго слова, — посмѣшище всей роты, ужасъ и позоръ инспекторскихъ смотровъ.

Ногѣ не спится, и, пользуясь минутой, онъ «репетитъ» съ Камафутдиновымъ «словесность». У татарина отъ умственнаго напряженія виски и конецъ носа покрылись мелкими каплями пота. Время отъ времени онъ вытаскиваетъ изъ кармана грязную ветошку и сильно третъ ею свои зараженные трахомой, воспаленные, распухшіе, гноящіеся глаза.

— Идіотъ турецкій! Морда! Что я тебя спрашиваю? Ну! Что я тебя спрашиваю, идолъ? — кипятится Нога.

Камафутдиновъ молчитъ.

— Эѳіопъ неумытый! Какъ твое ружье называется? Говори, какъ твое ружье называется, скотина подлая!

Камафутдиновъ третъ свои больные глаза, переминается съ ноги на ногу, но продолжаетъ молчать.

— Ахъ, ты!.. Нѣтъ съ тобой никакой моей возможности! Ну, повторяй за мной... — И Нога произноситъ, громко отчеканивая каждый слогъ:—Ма-ло-ка-ли-бер-на-я, ско-ро-стрѣль-на-я.

— Малякарли... карасти... — испуганно и торопливо повторяетъ Камафутдиновъ.

— Дура! Не спѣши... Еще разъ: малокалиберная, скорострѣльная...

— Малякяли... скарлястиль...

— У-у! Образина татарская! — И Нога дѣлаетъ на него злобно-искаженную физіономію. — Ну, чортъ съ тобой... Дальше повторяй: пѣхотная винтовка...

— Пихоть бинтофкъ...

— Со скользящимъ затворомъ...

— Заскальзяситворомъ...

— Системы Бердана, номеръ второй...

— Ссемъ бирданъ, номеръ тарой.

— Такъ... Ну, катай сначала.

Татаринъ вяло мнется и опять лѣзетъ въ карманъ за тряпкой.

— Ну же! Чортъ!

— К... к... кали... калибри... заскальзи... — Камафутдиновъ наугадъ подбираетъ первые попадающіеся ему звуки.

— Заскальзи-и! — перебиваетъ его унтеръ-офицеръ.— Самъ ты — заскальзи. Вставать мнѣ только не хочется, а то бы я тебѣ выутюжилъ морду-то! Весь фасонъ ты у меня во взводѣ нарушаешь!.. Ты думаешь, съ меня изъ-за тебя не зискуется? Строго, братъ, зискуется... Ну, повторяй опять: малокалиберная, скорострѣльная...

Въ концѣ перваго взвода, близъ желѣзной печки, разлеглись на нарахъ головами другъ къ другу трое старыхъ солдатъ и поютъ вполголоса, но съ большимъ чувствомъ и съ видимымъ удовольствіемъ вольную, «свою», деревенскую пѣсню. Первый голосъ высокимъ, нѣжнымъ фальцетомъ выводитъ грустную мелодію, небрежно выговаривая слова и вставляя въ нихъ для пѣвучести лишнія гласныя. Другой пѣвецъ старательно и бережно вторитъ ему въ терцію сиплымъ, но пріятнымъ и сочнымъ теноркомъ, немного въ носъ. Третій поетъ въ октаву съ первымъ глухимъ и невыразительнымъ голосомъ; въ иныхъ мѣстахъ онъ нарочно молчитъ, пропускаетъ два такта и вдругъ сразу подхватываетъ и догоняетъ товарищей въ своеобразной фугѣ.

Прощай, радость моя и покой,—
Слышу, уѣзжаетъ отъ меня милой.
Ахъ, намы долыжно
Съ та-або-ой...—

согласно и красиво вытягиваютъ первые голоса, а третій, отставшій отъ нихъ послѣ слова «должно», вдругъ присоединяется къ нимъ рѣшительнымъ, крѣпкимъ подхватомъ:

Съ тобой разстаться.

И затѣмъ всѣ трое поютъ вмѣстѣ:

Тебя мнѣ не видать,
Темною ночкой вмѣстѣ не гулять.

Закончивъ куплетъ, голосъ, пѣвшій мелодію, вдругъ беретъ страшно высокую ноту и долго-долго тянетъ ее, широко раскрывъ при этомъ ротъ, зажмуривъ глаза и наморщивъ отъ усилія носъ. Потомъ, сразу оборвавъ, точно отбросивъ эту ноту, онъ дѣлаетъ маленькую паузу, откашливается и начинаетъ снова:

Ахы, темыною ночикой
Мнѣ-ѣ не сыпится,
Сама я не знаю по-оче-ему...

— Сударь, почему! — ввертываетъ вдругъ третій увѣреннымъ речитативомъ, и опять всѣ втроемъ продолжаютъ:

Ахъ, буду помнить я
Твои ласковые взоры,
Твой веселый разговоръ...

Пѣсня эта знакома Меркулову еще съ деревни, и поэтому онъ слушаетъ ее очень внимательно. Ему кажется, что хорошо было бы теперь лежать раздѣтымъ, укрывшись съ головой шинелью, и думать про деревню и про своихъ, думать до тѣхъ поръ, пока сонъ тихо и ласково не заведетъ ему глазъ.

Пѣвцы вдругъ замолкаютъ. Меркуловъ долго дожидается, чтобы они опять запѣли; ему нравится неопредѣленная грусть и жалость къ самому себѣ, которую всегда вызываютъ въ немъ печальные мотивы. Но солдаты лежатъ молча на животахъ, головами другъ къ другу: должно-быть, заунывная пѣсня и на нихъ навѣяла молчаливую тоску. Меркуловъ глубоко вздыхаетъ, долго скребетъ подъ шинелью зачесавшуюся грудь, сдѣлавъ при этомъ страдающее лицо, и медленно отходитъ отъ пѣвцовъ.

Казарма затихаетъ постепенно. Только во второмъ взводѣ слышатся то и дѣло взрывы буйнаго хохота. Замошниковъ уже окончилъ исторію про солдата съ желѣзными когтями и теперь начинаетъ «приставлять». Онъ самъ — и актеръ и импровизаторъ. Его любимый номеръ, который онъ сейчасъ и разыгрываетъ, — это полковой смотръ, производимый строгимъ генераломъ Замошниковымъ. Здѣсь онъ является поочередно и толстымъ генераломъ съ одышкой, и полковымъ командиромъ, и штабсъ-капитаномъ Глазуновымъ, и фельдфебелемъ Тарасомъ Гавриловичемъ, и старухой-хохлушкой, которая только-что пришла изъ деревни и «восемнадцать лѣтъ москаливъ не бачила», и кривоногимъ, косымъ рядовымъ Твердохлѣбомъ, и плачущимъ ребенкомъ, и сердитой барыней съ собачкой, и татариномъ Камафутдиновымъ, и цѣлымъ батальономъ солдатъ, и музыкой, и полковымъ врачомъ. Навѣрно, каждый изъ слушателей не менѣе десяти разъ присутствовалъ на «приставленьяхъ» Замошникова, но интересъ вовсе не ослабѣваетъ отъ этого, тѣмъ болѣе, что Замошниковъ всегда наново разукрашиваетъ свое діалоги бойкими риѳмами и то и дѣло загибаетъ поговорки, одна другой неожиданнѣй и непристойнѣй... Замошниковъ ведетъ сцену, стоя въ проходѣ между нарами и окномъ, зрители разсѣлись и разлеглись на нарахъ.

— Муз-зыканты, по мѣст-а-а-амъ! — командуетъ Замошниковъ хриплымъ, нарочно задушеннымъ голосомъ, преувеличенно разѣвая ротъ и тряся закинутой назадъ головой: онъ, конечно, боится кричать громко и этими пріемами изображаетъ до извѣстной степени оглушительность команды полкового командира. — По-олкъ! Слуша-а-ай! На крау-у-улъ! Музыка, играй... Трамъ, папамъ, тати-ра-рамъ...

Замошниковъ трубитъ маршъ, раздувая щеки и хло-

пая себя по нимъ ладонями, какъ по барабану. Затѣмъ онъ говоритъ бойкой скороговоркой:

— Вотъ ѣдетъ на бѣломъ конѣ храбрый генералъ Замошниковъ. Смотритъ соколомъ, грудь колесомъ. Весь мундиръ въ орденахъ, посмотришь — прямо тибѣ беретъ страхъ. — «Здорово, молодцы, славные нижнеломовцы!»— «Здра-жела-вассс!» — «Молодцы, ребята!» — «Ради стараться, вассс!..» Сейчасъ полковой къ нему съ рапортомъ: — «Вашему пріасходительству, славному и храброму генералу Замошникову имѣю честь лепортовать... Въ Нижнеломовскомъ развеселомъ полкѣ все обстоитъ благополучно. По списку солдатовъ цѣлая тыща. Сто человѣкъ въ лазаретѣ валяется, сто по кабакамъ шатается, да сто въ бѣгахъ обрѣтается. Пятьдесятъ подъ заборомъ лежатъ, пятьдесятъ подъ арестомъ сидятъ, а пятьдесятъ пьяные — на ногахъ не стоятъ... Двѣсти по-міру пошли побираться, а другіе и совсѣмъ никуда не годятся. Не стрижены, не бриты, морды у нихъ не умыты, подъ глазами синяки подбиты. Цѣлый годъ ничего не ѣли, не пили, а только все по дѣвкамъ ходили. Нѣтъ нашего полка на свѣтѣ веселѣе!» — «Молодцы, ребята, спасибо, красавцы!» — «Ради стараться, вассс...» — «Претензій не имѣете?» — «Никакъ нѣтъ, вассс...» — «Хлѣба много ѣдите?» — «Точно такъ, вассс... очинно много: какъ ѣдимъ, такъ за ушами трещитъ, а съѣдимъ, такъ въ брюхѣ пишшитъ». — «Молодцы, братцы. Такъ и надоть. Пой пѣсни, хоть тресни, гляди орломъ, а ѣсть не проси. Выдать каждому солдатику по манеркѣ водки, да по фунту табаку, да деньгами полтинникъ».—«Покорнѣйше благодаримъ вассс...»

«А тутъ с'часъ полковой впередъ выѣзжаетъ. — «По цирмуріальному маршу, по-ротно, на двухвзводную дистанцію... Первая рота шагомъ!» Музыка. Ту-ру-румъ турумъ... Идутъ — ать, два! ать, два... Лѣвой!.. Лѣвой!..

Вдругъ: «Сто-ой! На-за-адъ! Отстави-ить!» — «Что т-такое за исторія?» — «Это у васъ какая рота, полковникъ?» — «Четырнадцатая — нарѣзная, вассс...» — «А это что за морда кривая стоитъ въ строю?» — «Рядовой Твердохлѣбъ, вассс...» — «Прогнать со смотра и всыпать пятьдесятъ...»

Солдаты хохочутъ, и всѣхъ громче рядовой Твердохлѣбъ, котораго со всѣхъ сторонъ толкаютъ подъ бока локтями. Дальше обыкновенно слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ послѣ смотра генералъ Замошниковъ обѣдаетъ у полкового командира.

«Вамъ борщу или супу, вассс?..» — «Мнѣ бы того и другого... поболѣ...» — «А водочки, вассс?..» — «Гм... можно и водочки... стаканчикъ». Затѣмъ идетъ изысканный разговоръ съ полковничьей дочкой. — «Барышня, угостите поцѣлуйчикомъ». — «Ахъ, что вы-съ... нешто это можно при папашахъ?.. Они увидаютъ...» — «Нельзя, значитъ?» — «Аххх... никакъ невозможно». — «Въ такомъ разѣ предпожалуйте ручку». — «Ручку извольте...»

Но Замошниковъ не успѣваетъ докончить «приставленья». Внезапно растворяется дверь казармы, и въ просвѣтѣ показывается фигура фельдфебеля Тараса Гавриловича, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу ногу и въ очкахъ.

— Чего вы гогочете, словно жеребцы на овесъ? — раздается его сердитый старческій окрикъ. — Когда вы утихомиритесь?! Вотъ я васъ всѣхъ сейчасъ по мордамъ раскассирую. Ну!.. Живо расходись!..

Солдаты медленно, неохотно расходятся по своимъ мѣстамъ. Необыкновенно быстро, въ какихъ-нибудь пять минутъ, казарма совсѣмъ стихаетъ. Гдѣ-то среди наръ слышится торопливый шопотъ молитвы: «Господи, Сусе Христе... Сыне Божій, помилуй насъ... Пресвятая Троица, помилуй насъ». Гдѣ-то звучно падаютъ одинъ за дру-

гимъ на асфальтовый полъ сброшенные съ ногъ сапоги. Кто-то кашляетъ глухо, съ надсадой, по-овечьи... Жизнь сразу прекратилась.

Меркуловъ продолжаетъ ходить по казармѣ. Онъ идетъ вдоль стѣны, машинально обдирая ногтемъ большого пальца масляную краску. Солдаты лежатъ на нарахъ, покрытые сверху сѣрыми шинелями, тѣсно прижавшись другъ къ другу. При тускломъ, коптящемъ свѣтѣ ночниковъ очертанія спящихъ фигуръ теряютъ рѣзкость, сливаются, и кажется, будто это лежатъ не люди, а сѣрые, однообразные и неподвижные вороха шинелей.

Отъ-нечего-дѣлать Меркуловъ присматривается къ спящимъ. Одинъ лежитъ на спинѣ, поднявъ и согнувъ подъ острымъ угломъ ноги; онъ полураскрылъ ротъ и дышитъ глубоко и ровно; съ лица его не сходитъ спокойное, глупое выраженіе. Другой спитъ на животѣ, уткнувшись головой въ сгибъ лѣвой руки, между тѣмъ какъ правая протянута вдоль тѣла и выворочена ладонью наружу. Голыя ноги высунулись изъ-подъ короткой шинели; икры на нихъ напружились, а концы пальцевъ сведены, какъ въ судорогѣ. Вотъ скорчился солдатъ Естифеевъ, землякъ Меркулова и сосѣдъ его по строю. Кажется, нарочно не примешь такой неестественной позы: голова глубоко засунута подъ кумачевую засаленную подушку, ноги прижаты чуть не къ самому подбородку. Должно-быть, кровь прилила Естифееву къ головѣ, потому что изъ-подъ подушки раздаются медленные, мучительные стоны.

Меркулову жутко и тягостно. Всего нѣсколько минутъ назадъ всѣ эти сто человѣкъ ходили, смѣялись, разговаривали, бранились... и вотъ они, всѣ до одного, лежатъ неподвижные, стонущіе и храпящіе, объятые и унесенные какой-то д р у г о й, непонятной, таинственной жизнью. Для каждаго изъ нихъ уже нѣтъ болѣе ни военной службы

съ ея тягостями и напускнымъ весельемъ, ни скучнаго мрака казармы, ни сосѣда, безпокойно мечущагося у него на груди головой, ни одиноко бродящаго со своей тоской Меркулова. И темный ужасъ заползаетъ понемногу въ сердце Меркулова, съеживаетъ кожу на его черепѣ и волной холодныхъ мурашекъ бѣжитъ по его спинѣ.

Онъ останавливается противъ часовъ, висящихъ въ третьемъ взводѣ подъ ночникомъ, и долго, пристально смотритъ на нихъ. Меркуловъ плохо разбираетъ время, но онъ знаетъ (это ему терпѣливо и пространно объяснялъ сегодня дежурный), что когда большая стрѣлка станетъ прямо вверхъ, а маленькая почти перпендикулярно къ ней вправо, то тогда надо ему смѣняться. Это — обыкновенные двухрублевые часы съ бѣлымъ квадратнымъ циферблатомъ, разрисованнымъ по угламъ розанами, съ мѣдными гирьками, къ одной изъ которыхъ подвязаны веревкой камень и желѣзный болтъ, съ избитымъ отъ времени, точно изжеваннымъ, мѣднымъ маятникомъ.

— Ти-та, ти-та, — отсчитываетъ среди тишины маятникъ, и Меркуловъ внимательно прислушивается къ его ходу. Первый ударъ слабѣе и чище, а второй звучитъ глухо и выбивается съ трудомъ, какъ будто бы его что-то задерживаетъ внутри, и слышно, какъ между обоими ударами въ серединѣ часовъ передергивается какая-то цѣпочка. — Ти-к-та, ти-к-та... — И Меркуловъ шепчетъ вслѣдъ за ходомъ часовъ: «Тягота, тягота»... Странная духовная связь есть между этими часами и ночнымъ бодрствованіемъ Меркулова: точно оба они — одни въ казармѣ — осуждены какой-то жестокой силой тоскливо отсчитывать секунды и томиться долгимъ одиночествомъ. «Тягота, тягота»,—монотонно и устало шепчетъ маятникъ. Въ казармѣ скучно и жутко, ночники еле свѣтятъ, въ углахъ громоздятся безобразныя тѣни, и Меркуловъ сонно шепчетъ вмѣстѣ съ маятникомъ: «Тя-го-та...»

Потомъ онъ идетъ въ дальній уголъ перваго взвода и садится между печкой и ружейной пирамидой, на высокомъ табуретѣ съ залосненнымъ и почернѣвшимъ отъ времени сидѣньемъ. Отъ желѣзной печки идетъ легкое тепло вмѣстѣ съ запахомъ угара. Меркуловъ глубоко засовываетъ руки въ рукава и задумывается.

Вспоминается ему письмо, полученное третьяго-дня «съ родины». Это письмо читали ему вслухъ: сначала взводный унтеръ-офицеръ, потомъ ротный писарь, потомъ всѣ грамотные земляки, такъ что текстъ письма Меркуловъ успѣлъ выучить наизусть и даже подсказывалъ чтецамъ неразборчивыя мѣста.

«Письмо солдатское, пѣхотное, очень нужное. Письмо пущено съ родины 20-го сентября настоящаго года. Село Мокрые Верхи, отъ отца вашего.

«Любезный сынокъ нашъ Лука Моисеевичъ!

«Во первыхъ строкахъ сего письма посылаемъ тебѣ родительское наше благословеніе и желаемъ отъ Господа Бога скораго и счастливаго успѣха въ дѣлахъ вашихъ и увѣдомляемъ васъ, что мы съ матушкой вашей Лукерьей Трофимовной, слава Богу, живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ. Еще кланяется вамъ любящая супруга Татьяна Ивановна и посылаетъ свое искренно любящее супружеское почтеніе, съ любовью низкій поклонъ и желаетъ вамъ отъ Бога всего хорошаго. Еще кланяется тебѣ любезный тестечикъ твой Иванъ Ѳедосеевичъ съ супругой и съ дѣтками и желаетъ вамъ успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Еще кланяется вамъ братецъ вашъ Николай Моисеевичъ съ супругой и съ дѣтками и съ низкимъ поклономъ желаетъ вамъ отъ Бога всего хорошаго.

«А у насъ все, слава Богу, благополучно, чего и тебѣ отъ всей души желаемъ. Въ деревнѣ у насъ все по-старому. На пречистую сгорѣлъ у насъ Николай Ивановъ съ большой дороги. Безпремѣнно не кто, какъ Матюшка

спалилъ; такъ и урядникъ сказалъ. Милый Лукаша, прошу я тебя, пропиши пояснѣе, я въ вашемъ письмѣ ничего не понялъ, потому что плохо писано, никто не можетъ прочитать, и пропиши, кто ее писалъ и кто писалъ адресъ, нельзя понять, чья это рука писала, но приблизительно вы пишете такую чушь, что не можно и вѣрить такой эрундѣ. За симъ остаюсь любящій отецъ М. Меркуловъ, а за него, безграмотнаго, расписался Ананій Климовъ».

— Ахъ, бѣда, бѣда, — шепчетъ Меркуловъ и при этомъ качаетъ головой и горестно прищелкиваетъ языкомъ. Думаетъ онъ о томъ, что еще два года слишкомъ осталось ему «сполнять долгъ отечества», о томъ, какъ трудно и тяжело жить на чужой сторонѣ, думаетъ и о своей женѣ Татьянѣ Ивановнѣ. — «Бабочка она молодая, веселая, балованная. Тоже, поди, не легко жить четыре-то года безъ мужа, въ чужой семьѣ... Солдатка... Извѣстно, какія онѣ, солдатки-то эти самыя... Вотъ поручикъ Забіякинъ всегда смѣются... — «Ты женатый?» спроситъ. — «Точно такъ, вашбродь, женатый». — «Ну, такъ погоди, погоди, говоритъ, воротишься со службы — въ домѣ новые работники прибудутъ». Гм!.. Хорошо ему смѣяться. Толстый, да гладкій... Всталъ утречкомъ — чайку съ булочкой напился... денщикъ ему сапожки чистые подалъ. Вышелъ на ученье — знай себѣ папиросочки попаливаетъ. А ты вотъ сиди цѣлую ночь... Эхъ, бѣда, бѣда, бѣда-а-а, — шепчетъ Меркуловъ, оканчивая послѣднее слово длиннымъ, глубокимъ зѣвкомъ, отъ котораго у него даже слезы выступаютъ на глазахъ.

Никогда еще Меркуловъ не чувствовалъ себя такимъ покинутымъ, затерянным, жалкимъ... Хочется ему поговорить съ какимъ-нибудь добрымъ и молчаливымъ человѣкомъ, объяснить ему жалостными словами всѣ свои горести и заботы, и чтобы этотъ добрый и молчаливый

человѣкъ слушалъ внимательно, все бы понималъ и всему сочувствовалъ... Да гдѣ жъ его найдешь, этого человѣка? Каждому до себя, до своей заботушки. «Горько, братецъ мой»,—думаетъ, покачивая головой, Меркуловъ и вслѣдъ затѣмъ произноситъ вслухъ, протяжнымъ, пѣвучимъ голосомъ: «о-охъ и го-о-орько...»

И вотъ, понемножку, вполголоса Меркуловъ начинаетъ напѣвать. Сначала въ его пѣснѣ почти нѣтъ словъ. Выходитъ что-то заунывное, печальное и безтолковое, но размягчающее и пріятно шевелящее душу: «Э-э-а-ахъ ты-ы, да э-э-охъ го-о-орько-о»... Потомъ начинаютъ подбираться и слова — все такія хорошія, трогательныя слова:

О-охъ да ты моя матушка,
Э-охъ да моя родименька-я-а...

Тутъ Меркуловъ окончательно проникается глубокой жалостью къ бѣдному, забытому солдату Лукѣ Меркулову. Кормятъ его впроголодь, наряжаютъ не въ очередь дневалить, взводный его ругаетъ, отдѣленный ругаетъ, — иной разъ и кулакомъ ткнетъ въ зубы, — ученье тяжелое, трудное... Долго ли заболѣть, руку ли, ногу сломать, отъ глазной болѣзни ослѣпнуть, — вонъ, у половины роты глаза гноятся? А то, можетъ, и умереть на чужой сторонѣ придется... Что-то горестное подступаетъ Меркулову къ самой глоткѣ, что-то начинаетъ слегка пощипывать ему вѣки, а въ груди подъ ложечкой онъ ощущаетъ приливъ искусственной, замирающей, томной, сладковатой тоски. И еще больше трогаютъ его печальныя слова импровизированной пѣсни, еще нѣжнѣе и прекраснѣе кажется ему свой собственный мотивъ:

Охъ, ты, моя мамынька.
Положи жъ ты миня во гро-опъ,
Положи во сосновый да во гропъ,
Во сосновый гропъ, да во осиновый...

Воздухъ въ казармѣ сгустился и сталъ невыносимо тяжелъ. Точно въ банѣ, сквозь завѣсу пара, слабыми, расплывчатыми пятнами свѣтятъ ночники, у которыхъ стекла почернѣли сверху отъ копоти. Меркуловъ сидитъ, сгорбившись, переплетя ноги за табуретную перекладину и глубоко вдвинувъ руки въ рукава шинели. Тѣсно, жарко и неловко ему въ шинели, — воротникъ третъ затылокъ, крючки давятъ горло, и спать ему хочется страшно. Вѣки у него точно распухли и зудятъ, въ ушахъ стоитъ какой-то глухой, непрерывный шумъ, а гдѣ-то внутри, не то въ груди, не то въ животѣ, все не проходитъ тягучая, приторная, физическая истома. Меркуловъ не хочетъ поддаваться сну, но временами что-то мягкое и властное пріятно сжимаетъ его голову; тогда вѣки вдругъ задрожатъ и сомкнутся съ усталой рѣзью, приторная истома сразу пропадаетъ, и уже нѣтъ больше ни казармы ни длинной ночи, и на нѣсколько секундъ Меркулову легко и покойно до блаженства. Онъ самъ не замѣчаетъ въ это время, что голова его короткими, внезапными толчками падаетъ все ниже и ниже, и вдругъ... сильно качнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, онъ съ испугомъ открываетъ глаза, выпрямляется, встряхиваетъ головой, и опять вступаетъ ему въ грудь приторная, сосущая истома безсонья.

А память Меркулова въ эти короткія секунды неожиданной полудремоты все не можетъ оторваться отъ деревни, и пріятно ему и занимательно, что о чемъ бы онъ ни вспомнилъ, такъ сейчасъ же это и видитъ передъ глазами, — такъ ярко, отчетливо и красиво видитъ, какъ никогда не увидишь наяву. Вотъ его старый, бѣлый, весь усѣянный «гречкой» меринъ. Стоитъ онъ на зеленомъ выгонѣ со своими согнутыми передними ногами, съ торчащими костяжками на крестцѣ, съ выступающими рѣзко на бокахъ ребрами. Голова его уныло и неподвижно опу-

шена внизъ, дряблая нижняя губа, съ рѣдкими, прямыми и длинными волосами, отвисла, глаза, цвѣта линялой бирюзы, съ бѣлыми рѣсницами, смотрятъ тупо и удивленно.

А тутъ, сейчасъ же за выгономъ, идетъ проѣзжая широкая дорога. И кажется Меркулову, что теперь — теплый вечеръ ранней весны, и что вся дорога, черная отъ грязи, изборождена слѣдами копытъ, а въ глубокихъ колеяхъ стоитъ вода, розовая и янтарная отъ вечерней зари. Пересѣкая дорогу, вьется изъ-подъ бревенчатаго мостка узкая рѣчонка, точно сжатая въ невысокихъ, но крутыхъ изумрудно-зеленыхъ берегахъ, гладкая, какъ зеркало, и уже чуть-чуть подернутая вдали легкимъ туманомъ. Вѣрно и рѣзко отразились въ ней внизъ верхушками прибрежныя крутыя, покрытыя желто-зеленымъ пухомъ ветлы и самые берега, которые кажутся въ водѣ еще свѣжѣй, еще изумруднѣй. А вонъ вдалекѣ, на ясномъ небѣ стройно и четко рисуется колокольня церкви, деревянная, бѣлая съ розовыми продольными полосами и съ крутой зеленой крышей. Сейчасъ же рядомъ съ церковью и меркуловскій огородъ: вонъ даже видно покривившееся набокъ и точно падающее впередъ чучело въ старомъ отцовскомъ картузѣ, съ растопыренными рукавами, отрепанными на концахъ, навсегда застывшее въ рѣшительной и напряженной позѣ...

И кажется Меркулову, что онъ самъ ѣдетъ по этой черной, грязной дорогѣ, возвращаясь съ пашни. Онъ бокомъ сидитъ на бѣломъ меринѣ, мотая спущенными внизъ ногами и ерзая, при каждомъ шагѣ лошади, взадъ и впередъ на ея хребтѣ. Ноги лошади звучно чмокаютъ, вылѣзая изъ грязи. Легкій вѣтерокъ, чуть задѣваетъ лицо Меркулова, принося съ собой глубокій, свѣжій ароматъ земли, еще не высохшей послѣ снѣга, и хорошо, радостно на душѣ у Меркулова. Усталъ онъ, выбился изъ силъ, вздравъ за нынѣшній день чуть ли не цѣлую де-

сятину земли; ноетъ у него все тѣло, ломитъ руки, трудно разгибать и сгибать спину, а онъ, небрежно болтая ногами, знай заливается во всю грудь:

Вы сады-ы ль, мои са-ады!..

Ахъ, какъ хорошо ему будетъ сейчасъ, когда онъ уляжется въ прохладной ригѣ, на соломѣ, вытянувъ и свободно разбросавъ натруженныя руки и ноги!..

Голова Меркулова опять падаетъ внизъ, чуть не касаясь колѣнъ, и опять Меркуловъ просыпается съ приторнымъ, томящимъ ощущеніемъ въ груди. «Никакъ я вздремалъ? — шепчетъ онъ въ удивленіи. — Вотъ такъ штука!» Ему страшно жаль только-что видѣнной черной весенней дороги, запаха свѣжей земли и нарядnаго отраженія прибрежныхъ ветелъ въ гладкомъ зеркалѣ рѣчки. Но онъ боится спать и, чтобы ободриться, опять начинаетъ ходить по казармѣ. Ноги его замлѣли отъ долгаго сидѣнья, и при первыхъ шагахъ онъ совсѣмъ не чувствуетъ ихъ.

Проходя мимо часовъ, Меркуловъ смотритъ на циферблатъ. Большая стрѣлка уперлась прямо вверхъ, а маленькая отошла отъ нея чуть-чуть вправо. «Послѣ полуночи», — соображаетъ Меркуловъ. Онъ сильно зѣваетъ, быстрымъ движеніемъ нѣсколько разъ кряду креститъ ротъ и бормочетъ что-то въ родѣ молитвы: «Господи... Царица Небесная... еще, небось, часа два съ половиной осталось... Святые угодники... Петра, Алексѣя, Іоны, Филиппа... добропожившихъ отцовъ и братій нашихъ...»

Керосинъ догораетъ въ ночникахъ, и въ казармѣ становится совсѣмъ темно. Позы у спящихъ мучительно-напряженныя, неестественныя. Должно-быть, у всѣхъ на жесткихъ сѣнникахъ обомлѣли руки и затекли головы. Отовсюду, со всѣхъ сторонъ, раздаются жалобные стоны, глубокіе вздохи, нездоровый, захлебывающійся храпъ.

Что-то зловѣщее, удручающее, таинственное слышится въ этихъ нечеловѣческихъ звукахъ, идущихъ среди печальнаго мрака изъ-подъ сѣрыхъ, однообразныхъ вороховъ...

— На дворъ выттить, что ль? — говоритъ Меркуловъ самому себѣ вслухъ и медленно идетъ къ дверямъ.

На дворѣ — густая темень, и льетъ, не переставая, мелкій, частый дождь. На другомъ концѣ двора едва обрисовывается рядъ слабо освѣщенныхъ оконъ: это казармы пятнадцатой и шестнадцатой ротъ. Дождикъ глухо барабанитъ по крышѣ, стучитъ въ оконныя стекла, стучитъ по меркуловской фуражкѣ. Гдѣ-то вблизи вода бѣжитъ со звономъ и торопливымъ журчаніемъ изъ жолоба и потомъ плещется по какимъ-то камнямъ. Сквозь этотъ шумъ Меркулову слышатся порою странные звуки! Точно кто-то идетъ къ нему вдоль казарменной стѣны, часто и тяжело шлепая по лужамъ ногами. Меркуловъ оборачивается въ эту сторону и напрягаетъ зрѣніе. Шлепанье тотчасъ же прекращается. Но едва Меркуловъ отвернется, какъ опять начинаютъ шлепать по водѣ грузные, спѣшные шаги. «Мерещится!» — рѣшаетъ Меркуловъ и подымаетъ кверху голову, подставляя лицо подъ частыя капли... На небѣ нѣтъ ни одной звѣзды...

Вдругъ рядомъ, въ казармѣ тринадцатой роты, быстро раскрывается наружу входная дверь, и дверной блокъ пронзительно взвизгиваетъ на весь дворъ. На секунду въ слабомъ свѣтѣ распахнутой двери мелькаетъ фигура солдата въ шинели и въ шапкѣ. Но дверь тотчасъ же захлопнулась, увлекаемая снова взвизгнувшимъ блокомъ, и въ темнотѣ нельзя даже опредѣлить ея мѣста. Вышедшій изъ казармы солдатъ стоитъ на крыльцѣ; слышно, какъ онъ крякаетъ отъ свѣжаго воздуха и сильно потираетъ руками одна о другую.

«Тоже дневальный, должно-быть», — думаетъ Меркулов.

ловъ, и его страстно тянетъ подойти къ этому бодрствующему, живому человѣку, посмотрѣть на его лицо или хоть послушать его голосъ.

— Эй, землячокъ! — окликаетъ Меркуловъ невидимаго въ темнотѣ солдата. — А нѣтъ ли у васъ, землячокъ, спички?

— Кажись, должны быть, — отвѣчаетъ съ крыльца глухой и сиплый голосъ. — Постой... я сейчасъ...

И Меркуловъ слышитъ, какъ солдатъ долго охлопываетъ себя по карманамъ, и какъ наконецъ тарахтятъ въ коробкѣ найденныя спички.

Оба солдата сходятся на серединѣ между обѣими казармами, у колодца, отыскивая другъ друга по звуку сапогъ, шлепающихъ по мокрой, скользкой глинѣ.

— Вотъ вамъ спички, — говоритъ солдатъ, и такъ какъ Меркуловъ не можетъ сразу найти его протянутой руки, то онъ слегка погромыхиваетъ коробкой.

Но Меркулову спички вовсе не нужны, — онъ не куритъ, — ему только хотѣлось хоть минуту побыть около живого человѣка, не охваченнаго этой странной, сверхъестественной силой сна.

— Спасибо вамъ, — говоритъ Меркуловъ: — мнѣ только парочку. У меня въ казармѣ есть коробка, да вотъ спички-то, признаться, вышли.

Оба солдата заходятъ подъ высокій навѣсъ, устроенный надъ колодцемъ. Меркуловъ для чего-то трогаетъ огромное деревянное колесо, приводящее въ движеніе валъ. Колесо жалобно скрипитъ и дѣлаетъ мягкій размахъ. Солдаты облокачиваются на верхній срубъ колодца и, свѣсивъ внизъ головы, пристально глядятъ въ зіяющую темноту.

— Спать хочется, братецъ мой, — страсть! — говоритъ Меркуловъ и громко зѣваетъ.

Зѣваетъ тотчасъ же и другой солдатъ. Ихъ голоса и

зѣвки глухо, раскатисто и усиленно отдаются въ пустотѣ глубокаго колодца.

— Часъ, должно, первый въ началѣ? — спрашиваетъ нехотя, вялымъ голосомъ солдатъ тринадцатой роты. — Вы съ какого года?

По измѣнившемуся звуку голоса Меркуловъ догадывается, что солдатъ повернулся къ нему лицомъ. Повертывается и Меркуловъ, но въ темнотѣ не видитъ даже фигуры своего собесѣдника.

— Я съ девяностаго. А вы?

— И я съ девяностаго. Вы — тоже орлоцкіе?

— Мы — кромскіе,—отвѣчаетъ Меркуловъ.—Наша деревня Мокрые Верхи прозывается. Можетъ, слышали?

— Не... Мы дальніе... мы изъ-подъ самаго Ельца. И скука же, братецъ ты мой! — Послѣднія слова онъ произноситъ вмѣстѣ съ зѣвкомъ, глухимъ, нутрянымъ голосомъ и неразборчиво, такъ что у него выходитъ: «ы гугу ы аатецъ ты мой!»

Оба они замолкаютъ на нѣкоторое время. Солдатъ изъ Ельца плюетъ сквозь зубы прямо въ колодецъ. Проходитъ около десяти секундъ, въ теченіе которыхъ Меркуловъ съ любопытствомъ прислушивается, наклонивъ голову набокъ. Вдругъ изъ темноты доносится необычно чистый и ясный — точно ударъ двухъ гладкихъ камней другъ о друга — звукъ шлепка.

— И глыбоко же тута! — говоритъ солдатъ изъ Ельца и опять плюетъ въ колодецъ.

— Грѣхъ въ воду плевать. Не годится это, — поучительно замѣчаетъ Меркуловъ и тотчасъ же самъ плюетъ въ свою очередь.

Обоихъ солдатъ чрезвычайно занимаетъ то, что между плевкомъ и звукомъ, раздающимся потомъ изъ колодца, проходитъ такъ много времени.

— А что, ежели туда сигануть? — вдругъ спрашиваетъ

солдатъ изъ Ельца. — Небось, покамѣстъ долетишь, такъ объ стѣнки головой изобьешься?

— Какъ не избиться... Изобьешься, — увѣренно отзывается Меркуловъ. — Въ лучшемъ видѣ изобьешься.

— Бяда! — говоритъ другой солдатъ, и Меркуловъ догадывается, что онъ качаетъ головой.

Опять наступаетъ долгое молчаніе, и опять солдаты плюютъ въ колодецъ. Вдругъ Меркуловъ оживляется.

— Вотъ штука-то была, братецъ мой! Сижу я сейчасъ въ казармѣ и того... задремалъ, должно-быть, немножко... И какой мнѣ это... чудной сонъ приснился.

Ему хочется разсказать свой сонъ со всей прелестью мелкихъ поэтическихъ подробностей, съ чарующимъ ароматомъ родной земли и далекой, привычной, любимой жизни. Но у него выходитъ что-то слишкомъ простое, блѣдное и неинтересное.

— Вижу я, будто бы я, значитъ, у себя въ деревнѣ. И какъ будто бы вечеръ... И все мнѣ скрозь видно... то-есть такъ видно, такъ видно, точно и не во снѣ...

— Н-на... это бываетъ, — равнодушно и небрежно вставляетъ другой солдатъ, почесывая щеку.

— А я самъ, какъ будто бы, ѣду верхомъ на лошади... на меринѣ... Есть у насъ такой меринъ бѣлый, годовъ двадцать ему, небось, будетъ... Можетъ, ужъ поколѣлъ теперь...

— Лошадь видѣть — это означаетъ ложь... Обманетъ тебя кто-нибудь, — замѣчаетъ солдатъ.

— А я будто бы ѣду на меринѣ, и все мнѣ скрозь видно... Ну вотъ просто, какъ наяву... То-есть такой это чудный сонъ мнѣ приставился...

— Н-на... разные сны бываютъ, — лѣниво вставляетъ солдатъ. — Одначе прощенья просимъ, — говоритъ онъ, подымаясь со сруба. — У насъ фитьфебель — чортъ, по ночамъ шляется. До свиданья вамъ.

— До свиданьичка... Ночь-то, ночь какая... ахъ, ты, Господи, Боже мой... зги не видно.

Со свѣжаго воздуха казарменная атмосфера въ первыя минуты кажется просто невыносимой. Воздухъ весь пропитанъ тяжелыми человѣческими испареніями, ѣдкимъ дымомъ махорки, кислой затхлостью шинельнаго сукна и густымъ запахомъ невыпеченнаго хлѣба. Люди спятъ неспокойно, мечутся, стонутъ и такъ храпятъ, какъ будто бы имъ каждый вздохъ стоитъ громадныхъ усилій. Когда Меркуловъ проходитъ третьимъ взводомъ, какой-то солдатъ быстро вскакиваетъ и садится на нарахъ. Онъ нѣсколько секундъ дико озирается вокругъ, точно въ недоумѣніи, и долго чавкаетъ губами. Потомъ онъ начинаетъ яростно скрести пятерней: сначала голову, затѣмъ грудь, и вдругъ, точно подкошенный сномъ, мгновенно падаетъ на бокъ. Другой деревяннымъ и хриплымъ голосомъ быстро бормочетъ длинную фразу. Меркуловъ прислушивается съ суевѣрнымъ страхомъ и разбираетъ отдѣльныя слова: «Не обрывай!.. Завяжи узломъ!.. Узломъ завяжи, говорятъ тебѣ!..» Въ бредѣ, раздающемся среди ночи, всегда есть что-то ужасное для Меркулова. Ему кажется, что эти отрывочныя, внезапныя слова произноситъ не человѣкъ, а кто-то другой, *незримый*, вселившійся въ его душу и овладѣвшій ею.

Часы попрежнему тикаютъ неровно, точно задерживая второй ударъ, но стрѣлки ихъ, повидимому, остались все въ томъ же положеніи. Въ головѣ Меркулова вдругъ проносится ужасное, нелѣпое, фантастическое предположеніе, что, можетъ-быть, время совсѣмъ остановилось, и что цѣлые мѣсяцы, цѣлые года — вѣчно будетъ длиться эта ночь; будутъ такъ же тяжело дышать и бредить спящіе, такъ же тускло будутъ свѣтить умирающіе ночники, такъ же равнодушно и медлительно стучать маятникъ. Это темное, быстрое, непонятное самому Мерку-

лову ощущеніе переполняетъ его душу злобой и тоской. И онъ грозитъ въ пространство крѣпко сжатымъ кулакомъ и шепчетъ, не раскрывая стиснутыхъ челюстей:

— У-у, дьяволы!.. Погодите ужо-тко!

Онъ опять садится на то же самое мѣсто, между печкой и ружейной пирамидкой, и почти тотчасъ же мягко и нѣжно сжимаетъ его виски дремота. «О чемъ? О чемъ я теперь? — спрашиваетъ себя шопотомъ Меркуловъ, зная, что теперь въ его власти вызвать передъ глазами что-то очень пріятное и знакомое. — Ахъ, да! Деревня... рѣчка... А ну-ка, ну-ка... Ну, пожалуйста, ну, прошу тебя...»

И снова змѣится въ зеленой свѣжей травѣ рѣчка, то скрываясь за бархатными холмами, то опять блестя своей зеркальной грудью, снова тянется широкая, черная, изрытая дорога, благоухаетъ талая земля, розовѣетъ вода въ поляхъ, вѣтеръ съ ласковой, теплой улыбкой обвѣваетъ лицо, и снова Меркуловъ покачивается мѣрно взадъ и впередъ на остромъ лошадиномъ хребтѣ, между тѣмъ какъ сзади тащится по дорогѣ соха, перевернутая сошникомъ вверхъ.

Вы сады-ы ль, мои са-ды!—

громко, во всю мочь голоса поетъ Меркуловъ и съ удовольствіемъ думаетъ о томъ, какъ сладко ему будетъ сейчасъ вытянуться усталымъ тѣломъ на высоко взбитой охапкѣ соломы. По обѣимъ сторонамъ дороги идутъ вспаханныя поля, и по нимъ ходятъ, степенно переваливаясь съ боку на бокъ, черно-сизые, блестящіе грачи. Лягушки въ болотцахъ и лужахъ кричатъ дружнымъ, звенящимъ, оглушительнымъ хоромъ. Тонко пахнетъ цвѣтущая верба.

Ахъ, и вы сады-ы ль, мои са-ды!..

Одно только кажется Меркулову страннымъ: какъ-то

ужъ неровно идетъ сегодня бѣлый меринъ. Такъ и шатаетъ его изъ стороны въ сторону... Ишь, какъ качнуло. Насилу удержался Меркуловъ, чтобы не полетѣть съ лошади впередъ головой. Нѣтъ, надо усѣсться верхомъ, какъ слѣдуетъ. Пробуетъ Меркуловъ перебросить правую ногу на другую сторону, но нога не шевелится, отяжелѣла — точно къ ней кто привязалъ странную тяжесть. А лошадь такъ и ходитъ, такъ и шатается подъ нимъ. — «Но, ты, чо-ортъ! Засну-улъ?..»

Меркуловъ стремглавъ падаетъ съ лошадиной спины, съ размаху ударяется лицомъ объ землю и... открываетъ глаза.

— Чортъ! Заснулъ! — кричитъ надъ Меркуловымъ чей-то голосъ.

Меркуловъ вскакиваетъ съ табуретки и растерянно нащупываетъ на головѣ фуражку. Передъ нимъ стоитъ со взлохмаченной головой, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, фельдфебель Тарасъ Гавриловичъ. Это онъ разбудилъ сейчасъ Меркулова, ткнувъ его кулакомъ въ щеку.

— Заснулъ!—повторяетъ грозно фельдфебель.—Ахъ, ты!.. Спать на дневальствѣ? Я т-тебѣ покажу, какъ спать!..

Меркуловъ отшатывается назадъ отъ быстраго удара по скулѣ, встряхиваетъ головой и хрипло бормочетъ:

— Намаялся, господинъ фитьфебель...

— А-а! Намаялся? Такъ вотъ, чтобы ты не маялся, будешь еще два раза не въ очередь дневалить. Когда смѣняешься?

— Въ два, господинъ фитьфебель.

— Ахъ, мерзавецъ... Ты и смѣну-то свою проспалъ! Ну!.. Живо, буди очередного... Маршъ!..

Фельдфебель уходитъ. Меркуловъ бѣгомъ бросается къ той нарѣ, гдѣ спитъ очередной дневальный — старый солдатъ Рябошапка. «Спать, спать, спать, спать! — кри-

читъ въ душѣ Меркулова какой-то радостный, ликующій голосъ. — Два лишнихъ дневальства? Это пустяки, это потомъ, а теперь спать, спать!..»

— Дядька Рябошапка, а, дядька Рябошапка, — пугающимъ шопотомъ вскрикиваетъ Меркуловъ, теребя за ногу спящаго солдата.

— Мрмр... брайсь...

— Дядька Рябошапка, вставайте... Смѣна...

— Поди ссе...

Безсонница такъ измучила Меркулова, что у него больше не хватаетъ терпѣнія будить Рябошапку. Онъ бѣжитъ къ своему мѣсту на нарахъ, торопливо раздѣвается и протискивается между двумя сосѣдями, которые тотчасъ же грузно, безжизненно наваливаются на него боками.

На секунду встаетъ въ воображеніи Меркулова колодецъ, густая темнота ночи, мелкій дождикъ, журчанье воды, бѣгущей изъ жолоба, и шлепанье по грязи чьихъ-то таинственныхъ ногъ. О! Какъ тамъ теперь холодно, непріятно и жутко... Все тѣло, все существо Меркулова проникается блаженной животной радостью. Онъ крѣпко прижимаетъ локти къ тѣлу, съеживается, уходитъ поглубже головой въ подушку и шепчетъ самому себѣ:

— Ну, а теперь... поскорѣе — дорогу... дорогу...

Снова передъ его глазами отчетливо и красиво извивается черная изрытая дорога, снова смотрится въ зеркало рѣки нѣжная зелень ветелъ... И внезапно Меркуловъ летитъ со страшной, но пріятной быстротой въ какую-то глубокую, мягкую мглу...

ПОХОДЪ.

Пѣхотный Инсарскій полкъ выступаетъ въ ночной походъ послѣ дневки въ большой деревнѣ Погребищахъ. Въ темнотѣ ненастнаго осенняго вечера идетъ страшная, кипучая и осторожная сутолока. Слышно, какъ вдоль всей широкой и грязной деревенской улицы сотни ногъ тяжело, торопливо, вразбродъ, шлепаютъ по лужамъ, раздаются сердитые, но сдержанные окрики, лязгаетъ и звенитъ желѣзо о желѣзо. Кое-гдѣ мелькаютъ фонари; ихъ желтыя, расплывающіяся въ туманѣ пятна точно сами собой держатся высоко въ воздухѣ, раскачиваясь и вздрагивая.

Солдаты собираются быстро и съ охотой. Утомленные длинными переходами, оборвавшіеся, исхудалые, они рады тому, что завтра съ послѣднимъ корпуснымъ маневромъ кончится давно надоѣвшій лагерный сборъ, и полкъ повезутъ по желѣзной дорогѣ на зимнія квартиры. Хотя днемъ никто не ложился, но всѣ чувствуютъ себя бодро. Той озлобленной, вычурно-скверной ругани, которую только и можно услыхать между матросами, солдатами и арестантами,—сегодня совсѣмъ не слышно.

Подпоручикъ Борисъ Владимировичъ Яхонтовъ, младшій офицеръ седьмой роты, въ первый разъ участвуетъ на большихъ маневрахъ, и они еще не утратили для него своеобразной прелести кочевой жизни. Все ему продол-

жаетъ нравиться: ежедневная перемѣна мѣстности, деревень, лицъ и оттѣнковъ въ нарѣчіяхъ; дневки въ опрятныхъ малорусскихъ хатахъ, наполненныхъ душистымъ запахомъ чебреца и полыни, стоящихъ пучками за иконами; ночлеги на голой землѣ, подъ низкой, въ формѣ карточнаго домика, палаткой, сквозь полотно которой нѣжно и неясно серебрятся звѣзды; здоровый аппетитъ на привалахъ подъ затяжнымъ дождемъ, освѣжающимъ тѣло и заставляющимъ щеки пріятно и сильно горѣть... Предстоящій сегодня ночной переходъ заранѣе возбуждаетъ Яхонтова своей необычностью. Итти Богъ знаетъ куда, по незнакомымъ мѣстамъ, глухой дождливой ночью, ничего не видя ни впереди ни рядомъ; итти такимъ образомъ не одному, а вмѣстѣ съ тысячью другихъ людей,— представляется ему чѣмъ-то серьезнымъ, немного таинственнымъ, даже жуткимъ, и въ то же время привлекательнымъ.

Вечеромъ онъ провозился надъ отправкой своихъ вещей, опоздалъ въ строй и теперь торопится поспѣть къ ротѣ раньше, чѣмъ его отсутствіе замѣтитъ ротный командиръ. Но найти свою роту ночью гораздо труднѣе, чѣмъ это казалось днемъ, во время пробнаго сбора. На пути то и дѣло попадаются какіе-то заборы и канавы, которыхъ днемъ не было; а ночь такъ темна, что невольно хочется закрыть глаза и итти ощупью, протянувъ впередъ руки, какъ ходятъ слѣпые.

Седьмая рота раньше другихъ подтянулась къ сборному пункту. Послѣдніе запоздавшіе люди, подоткнувъ полы шинелей подъ пояса, сбѣгаются къ строю и протискиваются въ свои ряды, задѣвая товарищей ранцами и гремя мѣдными баклагами о ружейные стволы. Голоса звучатъ глухо, безжизненно и однообразно, точно они выцвѣли, потеряли силу въ этомъ осеннемъ дождѣ.

— Куда прешь? Нешто не видишь, что въ чужой взводъ

втесался? Экой какой ты, братецъ, право, косопузый!..— Да, ну, ворочайся, что ли, орясина. — О, щобъ тоби лысыго батька, трясца твоей матери!..

— И чего ты крутишься, Сѣроштанъ?—укоризненно тонкимъ голоскомъ замѣчаетъ унтеръ-офицеръ Соловьевъ неуклюжему солдатику, который никакъ не попадетъ въ свое мѣсто.—Чего ты все крутишься? Вертитъ тебя, словно навозъ въ проруби, а чего — неизвѣстно. Да обуй глаза-то, чо-ортъ!

Нѣкоторые солдаты движеніями плечъ и локтей подкидываютъ на себѣ и поправляютъ удобнѣе ранцы, умнаютъ складки шинелей и туже подпоясываютъ ремни, помогая другъ другу.

— А ну-ка, землякъ, стяни мнѣ сзади шинель! Потуже, потуже, не бойсь, не лопну. Да ты колѣнкой-то, колѣнкой въ спину упрись. О-о-о, такъ, такъ! Ну, вотъ теперь ладно. Спасибо вамъ, землячокъ!

Старый солдатъ, «дядька» Веденяпинъ, запѣвала и общій увеселитель, балагуритъ вполголоса.

— Ну, ребятишки, завтра сабашъ маневрамъ. По-оѣхала седьмая рота по чугункѣ. У-у-ухъ!—протягиваетъ онъ, подражая паровозу. — А какая у меня, братцы, въ городѣ баба осталась, — сахаръ! Сейчасъ она мнѣ это пироговъ напекетъ, за водочкой сбѣгаетъ, самоварчикъ взбодритъ. «Пожалуйте, молъ, батюшка, Фролъ Иванычъ, господинъ Сковородинъ, по прозванью Веденяпинъ... откушайте, сдѣлайте милость!..»

— А казалы хлопци, що завтра горилку будутъ давать, — неожиданно произноситъ хриплымъ голосомъ лѣнивый и тупой рядовой Легкоконецъ.

— Горилку? — язвительно подхватываетъ Веденяпинъ. — Это, братецъ, у насъ въ Тулѣ называется: захотѣла кобыла уксусу...

Немного въ сторонѣ отъ роты, на пригорочкѣ стоитъ

ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Скибинъ. Около него горнистъ держитъ на высокой палкѣ фонарь, который бросаетъ на землю неровное, мутное, движущееся пятно. Василій Васильевичъ Скибинъ—мужчина высокій, костлявый, сутуловатый, длиннорукій и весь какой-то неловкій. Отъ его наружности, отъ нерѣшительнаго, близорукаго взгляда, отъ бѣглой улыбки, даже отъ шаткой, присѣдающей походки—вѣетъ чѣмъ-то слабымъ, удрученнымъ, недоброжелательнымъ и жалкимъ. Въ немъ есть что-то бабье, старушечье. Говоритъ онъ тихо, мягкимъ и сиплымъ, точно усталымъ голосомъ, но почти всегда вещи непріятныя и злыя. Всему полку извѣстно, что его жена — худая, гибкая дама, похожая на ящерицу—вотъ уже четыре года, какъ влюблена въ поручика Вержбицкаго, влюблена открыто, ревниво и безтолково. Вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, Василій Васильевичъ съ особенной нелюбовью относится къ молодымъ офицерамъ.

Яхонтовъ подошелъ къ фонарю и, остановившись въ двухъ шагахъ отъ Скибина, приложилъ руку къ фуражкѣ. Ротный командиръ замѣтилъ его и, глядя ему въ кокарду, сказалъ своимъ вялымъ, утомленнымъ голосомъ:

— Если вамъ угодно опаздывать, подпоручикъ, переводитесь въ другую роту. Здѣсь у меня не танцовальный вечеръ, а служба-съ. Иначе я подамъ командиру полка рапортъ, чтобы васъ изъ моей роты убрали. Да-съ! Мнѣ эти мазуристы и дамскіе хвосты не нужны.

Онъ помолчалъ немного, затѣмъ повернулъ къ двумъ другимъ офицерамъ свое унылое, худое лицо съ дряблой кожей и толстыми усами и продолжалъ только-что прерванную рѣчь:

— Гг. офицеровъ прошу на походѣ мѣстъ своихъ не оставлять. Поручика Тумковскаго прошу... Гдѣ вы, поручикъ, я васъ не вижу?.. Ага!... Такъ вы, поручикъ, пожалуйста, обращайте вниманіе на фонарь въ-

хвостѣ шестой роты и держите отъ него дистанцію. Да наблюдайте, господа, за тѣмъ, чтобы солдаты не спали на ходу. А то, знаете, задремлетъ, подлецъ, и полетитъ вмѣстѣ съ ружьемъ. Впрочемъ, я самъ... Грегорашъ! — кидаетъ онъ куда-то въ темноту.

Это восклицаніе услужливо подхватывается въ ближнихъ рядахъ и быстро перекатывается изъ взвода во взводъ.

— Фельдфебеля къ ротному! Фельдфебеля къ командиру! Тарасъ Гаврилычъ, пожалуйте къ ротному!..

Фельдфебель Грегорашъ, преувеличенно спѣша и разбрасывая далеко вокругъ себя грязь, подбѣгаетъ на согнутыхъ ногахъ, точно подплываетъ къ фонарю.

— Я, ваше благородіе!

— Чтобы люди на ходу не спали! Отъ строя чтобы никто не отлучался. Скажешь унтеръ-офицерамъ, чтобы смотрѣли. Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе! Такъ что я ужъ объяснялъ имъ...

— Молчи! Затѣмъ прошу васъ, господа, наблюдать, чтобы люди не курили, не зажигали спичекъ, не разговаривали и вообще не шумѣли... А то насъ можетъ замѣтить непріятель,—прибавляетъ Скибинъ съ едва замѣтной насмѣшкой. — Грегорашъ, ты у меня за это отвѣчаешь. Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе! Такъ что я...

— Молчи! Главное, господа, чтобы люди не спали. Выколятъ канальи другъ другу глаза, а ты потомъ за нихъ отдувайся. Подпрапорщикъ Москвинъ, вы будете замыкать роту. Смотрите, чтобы не было отсталыхъ. Да, вотъ еще что. Сзади роты пойдетъ вотъ этотъ болванъ (Скибинъ показываетъ черезъ плечо большимъ пальцемъ на горниста), такъ, пожалуйста, поглядывайте, чтобы онъ несъ фонарь свѣтомъ назадъ, къ восьмой ротѣ. Это тоже...

отъ непріятеля. Затѣмъ-съ... Впрочемъ, кажется, все. Прошу васъ, гг. офицеры, по мѣстамъ!

Офицеры расходятся. Скибину подводятъ его лошадь, старую, гнѣдую, одноглазую кобылу, купленную нарочно для маневровъ изъ кавалерійскаго брака. Зовутъ ее «Настасьей». На ходу она держитъ шею гусакомъ, высоко подымаетъ разбитыя шпатомъ ноги и такъ задираетъ назадъ голову, точно что-то разглядываетъ на небѣ (такихъ лошадей зовутъ въ кавалеріи звѣздочетами). Скибинъ долго прыгаетъ вокругъ нея на одной ногѣ, осыпая руганью лошадь и горниста, и наконецъ грузно вваливается въ сѣдло.

Рота готова къ выступленію. Но проходитъ десять, двадцать минутъ, полчаса, а стоящая впереди шестая рота не трогается съ мѣста. Это безпричинное, вынужденное бездѣйствіе въ темнотѣ, подъ дождемъ, начинаетъ тяготить и безпокоить людей. Они нетерпѣливо переминаются съ ноги на ногу, вздыхаютъ и молчатъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, чего они тамъ застряли?!—говоритъ вслухъ, но точно самъ съ собою, Скибинъ, проѣзжая медленно вдоль роты и поталкивая каблуками упирающуюся лошадь. — Вѣчное безобразіе!

Стоящій неподалеку фельдфебель вѣжливо откашливается и тоже, какъ будто бы размышляя вслухъ, говоритъ:

— Должно-быть, мы первую бригаду впередъ пропущаемъ. А то чего же стоять!..

— Первую бригаду! — сердито возражаетъ Скибинъ, останавливая лошадь.—Такъ на то есть расписаніе, кому когда выступать, чтобы потомъ не выходило ерунды. Вообще, постоянно эти «моменты» *) что-нибудь напутаютъ.

---

*) Офицеры главнаго штаба.

Въ его голосѣ Яхонтову слышится всегдашняя зависть пѣхотнаго строевика къ штабнымъ офицерамъ, а также и доля увѣренности въ томъ, что если бы ему, Скибину, было поручено это дѣло, то все устроилось бы очень скоро, просто и хорошо.

Проходитъ еще нѣсколько томительныхъ минутъ. Шестая рота вдругъ зашевелилась, зашлепала ногами и какъ будто бы затопталась, не сходя съ мѣста. Только по движеніямъ фонаря, заколебавшагося вверхъ и внизъ, можно было судить, что она не стоитъ на мѣстѣ, а тронулась впередъ. Скибинъ поворачивается къ строю и произноситъ вполголоса, небрежно сливая слова:

— Ружья-вольно, шагомъ-маршъ!

Черезъ четверть часа весь полкъ медленно вытягивается вдоль широкой почтовой дороги. Ни людей ни лошадей не видно въ ночномъ мракѣ, только еле-еле мерцаетъ впереди длинная цѣпь фонарей, которыми каждая рота показываетъ дорогу слѣдующей за ней части.

Неудобства ночного похода скоро даютъ себя знать. Черезъ каждые двѣсти-триста шаговъ происходятъ задержки. Передніе ряды то и дѣло останавливаются, а задніе не видятъ этого и напираютъ на нихъ. Потомъ вдругъ между взводами образуются слишкомъ большія разстоянія. Тогда заднему взводу приходится догонять передній, и люди бѣгутъ тяжело, съ усиліями, громыхая на бѣгу баклагами, лопатами и патронными сумками, бѣгутъ, ничего не различая въ темнотѣ, наугадъ, до тѣхъ поръ, пока не навалятся на переднихъ. Отдѣленія давно уже перемѣшались, но никому не приходитъ въ голову возстановить порядокъ. Все сильнѣй и сильнѣй сказываются утомленіе, тревога, скука и насильственная безсонница. Люди молчатъ, но въ этомъ молчаньи чувствуется нервная напряженность. Слышно только, какъ множество

сапогъ мѣситъ грязь, влѣзая въ нее и вылѣзая съ жирнымъ чавканьемъ, сопѣньемъ и чмоканьемъ. И Яхонтову думается, что, должно-быть, точно такимъ же образомъ пятьсотъ, и тысячу, и пять тысячъ лѣтъ тому назадъ водили по ночамъ своихъ плѣнниковъ суровые и равнодушные побѣдители. Вѣроятно, такъ же угрюмо и тревожно молчали усталые люди, такъ же безпорядочно и озлобленно надвигались они другъ на друга при остановкахъ, такъ же чмокала подъ ихъ ногами размякшая земля, и такъ же падалъ на нихъ частый осенній дождь.

— Эхъ, братики, покурить бы теперь!—вырывается со вздохомъ у «дядьки» Веденяпина.

— Я тебѣ покурю, каналья!—неожиданно отвѣчаетъ откуда-то изъ темноты суровый басъ фельдфебеля.—Ты у меня покуришь, прохвостъ!

Ровная до сихъ поръ дорога начинаетъ опускаться. Яхонтовъ замѣчаетъ это по тому, что его ноги теряютъ устойчивость и скользятъ впередъ, такъ что поневолѣ приходится выворачивать ступню бокомъ. Потянуло острой и холодной сыростью, точно изъ глубокаго подвала, и тотчасъ же подъ ногами заходилъ и задрожалъ деревянный мостъ. Гдѣ-то внизу, въ черной водѣ безъ береговъ, отразился на мгновеніе длиннымъ волнистымъ хвостомъ свѣтъ фонаря.

— Подпоручикъ Яхонтовъ, это вы?—слышитъ Яхонтовъ надъ собой голосъ ротнаго командира. — Не хотите ли сѣсть на лошадь, а я покамѣстъ пѣшкомъ пройдусь. Что-то ноги затекли.

Яхонтову кажется подозрительной эта внезапная любезность, но онъ охотно соглашается. Когда онъ опускается въ сѣдло, то внутри лошади что-то глубоко и глухо крякаетъ. Потомъ «Настасья» медленно вздыхаетъ, широко разводя боками, точно и ей сообщилось тоскливое безпокойство, нависшее надъ людьми. Яхонтовъ тро-

гаетъ ее каблуками, и она начинаетъ осторожно перебирать ногами, вытаскивая ихъ изъ вязкой глины съ такими звуками, какіе бываютъ, когда откупориваютъ бутылки.

Вдалекѣ, на самомъ краю темнаго горизонта, вдругъ показывается маленькій огонекъ, который все разрастается по мѣрѣ того, какъ рота подвигается впередъ. Наконецъ можно ясно разобрать, что это — большой двухъэтажный домъ. Весь низъ его освѣщенъ изнутри очень ясно, по-праздничному, а въ верхнемъ этажѣ свѣтятся — но гораздо блѣднѣе—только два крайнихъ лѣвыхъ окна. Яхонтовъ глядитъ на эти свѣтлыя, веселыя пятна и думаетъ о теплѣ, свѣтѣ и довольствѣ, которое испытываютъ живущіе въ этомъ домѣ люди. Воображается ему большая и дружная помѣщичья семья, сытая, веселая жизнь, танцы, смѣхъ, общество нарядныхъ и красивыхъ женщинъ. И его собственная жизнь кажется ему въ эти минуты такой же тяжелой, скучной и однообразной, какъ эта дождливая ночь, какъ эта безконечная незнакомая дорога.

Впереди опять останавливаются. Слышно, что въ рядахъ шестой роты происходитъ какая-то странная возня. Нѣсколько голосовъ говорятъ быстро, громко и разомъ. Словъ нельзя разобрать, но замѣтно, что кто-то бранится и кто-то оправдывается. Яхонтовъ продвигается впередъ и по отблеску фонаря, скользнувшему по офицерскимъ погонамъ, узнаетъ Тумковскаго.

— Что тамъ такое, Иванъ Мартиньяновичъ?—спрашиваетъ онъ, наклоняясь съ лошади.

— А, дуся моя, это вы?—говоритъ сладко, какъ всегда, Тумковскій, и по звуку его голоса видно, что онъ поднялъ голову вверхъ.—Не знаю, золото мое! Какой-то олухъ на штыкъ напоролся. Да вотъ его тащатъ въ линейку.

Фонарь на секунду освѣщаетъ двухъ солдатъ, ведущихъ подъ мышки третьяго, который отрывисто, точно съ натугой, стонетъ и держится руками за лицо.

— Въ глазъ, что ли?—вяло спрашиваетъ Скибинъ.— Чего же ты молчишь, дуракъ?

Трое солдатъ останавливаются.

— Слышишь, тебя спрашиваютъ, въ глазъ, что ли?— громко, какъ къ глухому, обращается къ раненому одинъ изъ провожатыхъ.

— Такъ что... не можу знать,—тусклымъ, надсаженнымъ голосомъ, съ запинками отвѣчаетъ тотъ и отнимаетъ ладони отъ лица. — Дуже больно, ваше благородіе, не можно вытерпѣть...

— Чего же ты лѣзъ на штыкъ, идіотъ?—такъ же вяло замѣчаетъ Скибинъ. — Самъ и виноватъ, дурень. Ну, проходи, проходи!

И онъ прибавляетъ поучительнымъ тономъ, обращаясь къ Тумковскому:

— Вотъ теперь изъ-за такого ротозѣя влетитъ ротному командиру. А чѣмъ, спрашивается, ротный виноватъ?.. Порядки!..

Яхонтовъ низко нагибается къ раненому и вглядывается въ его лицо. Въ темнотѣ нельзя даже разобрать отдѣльныхъ чертъ, но молодому офицеру кажется, что у солдата вмѣсто праваго глаза—огромное, съ кулакъ величиною, черное отверстіе. И, вмѣстѣ съ чувствомъ брезгливой жалости, Яхонтовъ ощущаетъ у себя въ пальцахъ ногъ и въ низу живота какую-то противную, щекочущую и раздражающую боль.

Солдата уводятъ, и опять возобновляется тягостное, молчаливое движеніе. Изъ всей роты энергію сохранилъ только одинъ фельдфебель. Время отъ времени Яхонтовъ слышитъ, какъ онъ пробираетъ въ серединѣ роты задремавшаго солдатика:

— Заснулъ? Деревню бачилъ во снѣ? Можетъ, подушку тебѣ принести?

И затѣмъ приговариваетъ шипящимъ голосомъ, сквозь стиснутые зубы:

— А вотъ не спи, не спи, не спи, не спи!

Между тѣмъ Яхонтовъ уже давно начинаетъ испытывать странное и чрезвычайно непріятное ощущеніе. Ему все кажется, что лошадь не идетъ подъ нимъ, а только качаетъ взадъ и впередъ спиной и топчется ногами на одномъ и томъ же мѣстѣ. Напрасно онъ старается увѣрить себя въ ложности этого удивительнаго ощущенія, наклоняясь внизъ и напрягая зрѣніе, чтобы увидѣть дорогу,—лошадь продолжаетъ раскачиваться и вытаскивать ноги изъ грязи, не сходя съ мѣста и не дѣлая ни одного шага впередъ.

— Чортъ! Да мы идемъ или стоимъ? — воскликнулъ Яхонтовъ и вдругъ самъ похолодѣлъ отъ своего испуганнаго голоса.

Изъ рядовъ кто-то отвѣтилъ ему коротко и угрюмо:

— Полземъ!

Въ этомъ грубомъ, совсѣмъ не солдатскомъ отвѣтѣ Яхонтову послышалось что-то новое и зловѣщее, какая-то покорная и безнадежная усталость, какой-то общій упадокъ духа, который точно окончательно уничтожилъ всякую разницу между солдатомъ и офицеромъ. И Яхонтовъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать выговоръ, только растерянно обернулся въ ту сторону, откуда послышался этотъ отвѣтъ.

А лошадь все такъ же безцѣльно качала спиной и тыкала въ одно мѣсто ногами. Яхонтову стало жутко. Это ощущеніе такъ походило на одинъ изъ нелѣпыхъ, изнуряющихъ лихорадочныхъ сновъ, въ которыхъ торопишься куда-нибудь и съ отчаяніемъ чувствуешь, что не можешь шевельнуть ни рукой ни ногой. И едва только Яхонтову

пришло въ голову это сравненіе, какъ все вдругъ стало похожимъ на сонъ. Весь этотъ ночной переходъ, и безмолвно-покорные солдаты, и уходящая далеко-далеко цѣпь фонарей, и давешній раненый солдатъ, и вялая озлобленность Скибина, и тоскливая дорога съ ея тьмой, сыростью и холодомъ,—все это представилось ему какимъ-то грознымъ, давно забытымъ бредомъ, который повторяется теперь съ прежней силой и прежнимъ ужасомъ.

— Ахъ, вѣдь все это было, было...—прошепталъ Яхонтовъ. — Господи, что же это такое!

Онъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее горнисту и, перегоняя солдатъ, прошелъ на правый флангъ. Тамъ, въ промежуткѣ между ротами, гдѣ было свѣтлѣе отъ фонаря и просторнѣе, шли рядомъ, разговаривая вполголоса, Скибинъ и Тумковскій.

— Я отдалъ лошадь горнисту, — сказалъ Яхонтовъ.

— Отлично,—бросилъ ему разсѣянно Скибинъ.—А я вамъ скажу, поручикъ, — повернулся онъ торопливо къ Тумковскому: — что эти маневры — одинъ только развратъ и антимонія. Можетъ-быть, для генеральнаго штаба оно и нужно, а солдаты только распускаются и теряютъ выправку. Да и для офицеровъ лишнее. Какой къ чорту это непріятель, когда вы отлично видите, что это поручикъ Сидоровъ, у котораго вы вчера заняли три рубля? Вы командуете: «Прямо, по колоннѣ, пальба взводомъ», а вамъ рѣшительно наплевать, какъ солдаты цѣлятся, и укрыты ли они отъ огня, и все такое...

— Совершенно вѣрно, дорогой Василій Васильевичъ,— согласился Тумковскій.—А я вотъ читалъ гдѣ-то или, кажется, слышалъ, что одинъ генералъ предложилъ раздавать во время маневровъ въ числѣ холостыхъ патроновъ какой-то тамъ процентъ боевыхъ. Что-то такое одинъ на десять тысячъ, не помню хорошенько...

— Ахъ, глупости! — досадливо протянулъ Скибинъ.—

Никакіе тутъ патроны не нужны. Какіе тутъ къ чорту патроны, когда теперь солдаты въ родѣ институтокъ стали: пальцемъ его тронуть не смѣй. А по-моему, бить ихъ, подленовъ, нужно, вотъ что̀ нужно! Прежде у насъ и Суворовы были и Севастополь, а почему? Потому что десятерыхъ засѣкали, а изъ одиннадцатаго дѣлали солдата. Прежде, батенька, солдатъ пять лѣтъ служилъ, а все еще молодымъ солдатомъ считался. Вотъ это была служба-съ!.. А теперь... Эхъ!

— Теперь прямо—пансіонъ благородныхъ дѣвицъ,— услужливо подхватилъ Тумковскій: — гуманисты какіе-то пошли, либералы. Попробовали бы эти либералы съ нашими скотами повозиться, небось, у самихъ руки бы опухли отъ битья. А то, изволите ли видѣть: ударишь какую-нибудь сволочь, да и ударишь-то не больно, почти въ шутку, а онъ сейчасъ: «Охъ!»—«Что̀ такое?»—«Ничего не слышу на правое ухо...» И сейчасъ тебя подъ судъ. За истязаніе нижняго чина, имѣвшее послѣдствіемъ и т. д. А онъ, мерзавецъ, лучше нашего слышитъ.

— Потому что дураки! — возразилъ презрительно Скибинъ.—Кто же такъ дѣлаетъ, при свидѣтеляхъ? Нѣтъ, ты его сначала позови въ цейхгаузъ или къ себѣ на квартиру, да тамъ и поговори, какъ слѣдуетъ. Повѣрьте, потомъ самъ всю жизнь благодарить будетъ, что подъ судъ не отдали. Судъ-то его куда законопатитъ, а ты начистилъ ему морду, и все тутъ. А что̀ ему морда?..

Они еще долго тянутъ этотъ разговоръ, точно стараясь не уступить другъ другу въ равнодушной жестокости къ солдату, въ презрительномъ отношеніи къ своему дѣлу, въ пренебрежительной насмѣшкѣ надъ высшимъ начальствомъ. Въ этихъ пошлыхъ, холодныхъ и злыхъ фразахъ Яхонтову опять слышится что-то похожее на тотъ страшный бредъ, который онъ испыталъ нѣсколько минутъ тому назадъ, и на душѣ у него дѣлается

пусто и противно до тошноты. Тѣмъ же тусклымъ, утомительнымъ, давно-давно знакомымъ бредомъ представляется ему и вся его военная карьера, и безрадостное дѣтство, прошедшее въ большихъ казенныхъ домахъ, и ждущая впереди сѣренькая жизнь, и его собственныя, теперешнія мысли — такія блѣдныя, безсильныя и тоскливыя.

А рота все идетъ и идетъ по грязной почтовой дорогѣ, и кажется, что никогда не будетъ конца этому движенію, что какая-то чудовищная сила овладѣла тысячами взрослыхъ, здоровыхъ людей, оторвала ихъ отъ родныхъ угловъ, отъ привычнаго, любимаго дѣла и гонитъ — Богъ вѣсть куда и зачѣмъ — среди этой ненастной ночи...

Недалеко до разсвѣта. Понемногу вырисовываются изъ темноты сѣрыя, измятыя, глянцовитыя отъ тумана и отъ безсонницы солдатскія лица. Всѣ они похожи одно на другое и выглядятъ еще суровѣе и покорнѣе въ слабомъ и невѣрномъ утреннемъ полусвѣтѣ.

ОДИНОЧЕСТВО.

Послѣ полудня стало такъ жарко, что пассажиры I-го и II-го классовъ одинъ за другимъ перебрались на верхнюю палубу. Несмотря на безвѣтріе, вся поверхность рѣки кипѣла мелкой дрожащей зыбью, въ которой нестерпимо ярко дробились солнечные лучи, производя впечатлѣніе безчисленнаго множества серебряныхъ шариковъ, невысоко подпрыгивающихъ на водѣ. Только на отмеляхъ, тамъ, гдѣ берегъ длиннымъ мысомъ врѣзался въ рѣку, вода огибала его неподвижной лентой, спокойно синѣвшей среди этой блестящей ряби. На небѣ, поблѣднѣвшемъ отъ солнечнаго жара и свѣта, не было ни одной тучки, но на пыльномъ горизонтѣ, какъ разъ надъ сизой и зубчатой полосой дальняго лѣса, кое-гдѣ протянулись тонкія бѣлыя облачка, отливавшія по краямъ, какъ мазки расплавленнаго металла. Черный дымъ, не подымаясь надъ низкой закоптѣлой трубой, стлался за пароходомъ длиннымъ грязнымъ хвостомъ.

Покромцевы, мужъ и жена, тоже вышли на палубу. Ихъ вовсе не стѣсняло окружавшее многолюдное и совершенно незнакомое общество; наоборотъ, они въ немъ чувствовали себя еще ближе, еще тѣснѣе другъ къ другу. Они были женаты уже три мѣсяца — именно такой срокъ, послѣ котораго молодые супруги особенно охотно посѣщаютъ театры, гулянья и балы, гдѣ, затерявшись въ

толпѣ чужихъ людей, они глубже и острѣе чувствуютъ взаимную близость, обратившуюся въ привычку за время медоваго мѣсяца. Лишь изрѣдка они обмѣнивались незначительнымъ односложнымъ замѣчаніемъ, улыбкой или долгимъ взглядомъ. И онъ и она испытывали то полное, лѣнивое и сладкое счастье, которое даетъ только путешествіе, сопровождаемое молодостью и беззаботной удовлетворенной любовью.

Снизу, изъ машиннаго отдѣленія, вмѣстѣ съ теплымъ запахомъ нефти, доносилось непрерывное шипѣніе, мягкіе удары работающихъ поршней и какіе-то глубокіе, правильные вздохи, въ тактъ которымъ такъ же размѣренно вздрагивала деревянная палуба «Ястреба». Подъ колесами парохода клокотала вода, выбрасывая сердитые бугры бѣлой пѣны. За кормой, торопливо догоняя ее, бѣжали ряды длинныхъ, широкихъ волнъ; бѣлые курчавые гребни неожиданно вскипали на ихъ мутно-зеленой вершинѣ и, плавно опустившись внизъ, вдругъ таяли, точно прятались подъ воду. Расходясь по рѣкѣ все шире, все дальше, волны набѣгали на берегъ, колебали и пригибали къ землѣ жидкіе кусты ивняка и, разбившись съ шумнымъ плескомъ и пѣною объ откосъ, бѣжали назадъ, обнажая мокрую песчаную отмель, всю изъѣденную прибоемъ.

Кое-гдѣ на кустахъ висѣли длинныя рыбачьи сѣти. Чайки съ пронзительнымъ крикомъ летѣли навстрѣчу пароходу, сверкая на солнцѣ при каждомъ взмахѣ своихъ широкихъ, изогнутыхъ крыльевъ. Изрѣдка на болотистомъ берегу виднѣлась сѣрая цапля, стоявшая въ важной и задумчивой позѣ на своихъ длинныхъ красноватыхъ ногахъ.

Но это однообразіе не прискучивало Вѣрѣ Львовнѣ и не утомляло ее, потому что на весь Божій міръ она глядѣла сквозь радужную пелену тихаго очарованья, переполнявшаго ея душу. Ей все казалось милымъ и доро-

гимъ: и «нашъ» пароходъ — необыкновенно чистенькій и быстрый пароходъ! — и «нашъ» капитанъ — здоровенный толстякъ въ парусинной парѣ и клеенчатомъ картузѣ, съ багровымъ лицомъ, сизымъ носомъ и звѣринымъ голосомъ, давно охрипшимъ отъ непогодъ, оранья и пьянства,— «нашъ» лоцманъ — красивый, чернобородый мужикъ въ красной рубахѣ, который вертѣлъ въ своей стеклянной будочкѣ колесо штурвала, въ то время, какъ его острые, прищуренные глаза твердо и неподвижно смотрѣли вдаль. Слегка облокотившись на проволочную сѣтку, Вѣра Львовна съ наслажденіемъ глядѣла, какъ играли въ волнахъ бѣлые барашки, а въ головѣ ея подъ размѣренные вздохи машины звучалъ мотивъ какой-то самодѣльной польки, и съ этимъ мотивомъ въ странную гармонію сливались и шумъ воды подъ колесами и дребезжаніе чашекъ въ буфетѣ...

Иногда навстрѣчу «Ястребу» попадался буксирный пароходъ, тащившій за собою на толстомъ канатѣ длинную вереницу низкихъ, неуклюжихъ барокъ. Тогда оба парохода начинали угрожающе ревѣть, что̀ заставляло Вѣру Львовну съ испуганнымъ видомъ зажмуривать глаза и затыкать уши...

Вдали показывалась пристань—маленькій красный домикъ, выстроенный на баркѣ. Капитанъ, приложивши ротъ къ мѣдному рупору, проведенному въ машинное отдѣленіе, кричалъ командныя слова, и его голосъ казался выходящимъ изъ глубокой бочки. «Самый малый! Ступъ! Задній ходъ! Сту-упъ!..» Съ нижней палубы выбрасывали канатъ, и онъ, развиваясь въ воздухѣ, съ грохотомъ падалъ на крышу пристани. Матросы по дрожащимъ сходнямъ выносили на берегъ громадные кули и мѣшки, сгибаясь подъ ихъ тяжестью и придерживая ихъ желѣзными крюками. Около станціи толпились бабы и дѣвчонки въ красныхъ сарафанахъ; онѣ навязчиво пред-

лагали пассажирамъ вялую малину, бутылки съ кипяченымъ молокомъ, соленую рыбу и баранину. Ямскія лошади, надъ которыми вились тучи слѣпней, нетерпѣливо позвякивали бубенчиками и колокольцами...

Жара понемногу спадала. Отъ воды поднялся легкій вѣтерокъ. Солнце садилось въ пожарѣ пурпурнаго пламени и растопленнаго золота; когда же яркія краски зари потухли, то весь горизонтъ освѣтился ровнымъ пыльно-розовымъ сіяніемъ. Наконецъ и это сіяніе померкло, и только невысоко надъ землей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ закатилось солнце, осталась неясная длинная розовая полоска, незамѣтно переходившая наверху въ нѣжный голубоватый оттѣнокъ вечерняго неба, а внизу въ тяжелую сизоватую мглу, подымавшуюся отъ земли. Воздухъ сгустился, похолодѣлъ. Откуда-то донесся и скользнулъ по палубѣ слабый запахъ меда и сырой травы. На востокѣ, за волнистой линіей холмовъ, разрастался темно-золотой свѣтъ луны, готовой взойти. Она показалась сначала только однимъ краешкомъ и потомъ выплыла—большая, огненно-красная и какъ будто бы приплюснутая сверху.

На пароходѣ зажгли электричество и засвѣтили на бортахъ сигнальные фонари. Изъ трубы валили длиннымъ снопомъ и стлались за пароходомъ, тая въ воздухѣ, красныя искры. Вода казалась свѣтлѣе неба и уже не кипѣла больше. Она успокоилась, затихла, и волны отъ парохода расходились по ней такія чистыя и гладкія, какъ будто бы онѣ рождались и застывали въ жидкомъ стеклѣ. Луна поднялась еще выше и поблѣднѣла; дискъ ея сдѣлался правильнымъ и блестящимъ, какъ отполированный серебряный щитъ. По водѣ протянулся отъ берега къ пароходу и заигралъ золотыми блестками и струйками длинный дрожащій столбъ.

Становилось свѣжо. Покромцевъ замѣтилъ, что жена его два раза содрогнулась плечами и спиной подъ своимъ

шерстянымъ платкомъ, и, нагнувшись къ ней, спросилъ:

— Птичка моя, тебѣ не холодно? Можетъ-быть, пойдемъ въ каюту?

Вѣра Львовна подняла голову и посмотрѣла на мужа. Его лицо при лунномъ свѣтѣ стало блѣднѣе обыкновеннаго, пушистые усы и остроконечная бородка вырисовывались рѣзче, а глаза удлинились и приняли странное, нѣжное выраженіе.

— Нѣтъ, нѣтъ... не безпокойся, милый... Мнѣ очень хорошо, — отвѣтила она.

Она не чувствовала холода, но ее охватила та щемящая, томная жуть, которая овладѣваетъ нервными людьми въ яркія лунныя ночи, когда небо кажется холодной и огромной пустыней. Низкіе берега, бѣжавшіе мимо парохода, были молчаливы и печальны, прибрежные лѣса, окутанные влажнымъ мракомъ, казались страшными.

У Вѣры Львовны вдругъ явилось непреодолимое желаніе прильнуть какъ можно ближе къ своему мужу, спрятать голову на сильной груди этого близкаго человѣка, согрѣться его теплотой...

Онъ, точно угадывая ея мимолетное желаніе, тихо обвилъ ее половиной своего широкаго пальто, и они оба затихли, прижавшись другъ къ другу, и, касаясь другъ друга головами, слились въ одинъ граціозный темный силуэтъ, между тѣмъ какъ луна бросала яркія серебряныя пятна на ихъ плечи и на очертаніе ихъ фигуръ.

Пароходъ сталъ двигаться осторожнѣе, изъ боязни наткнуться на мель... Матросы на носу измѣряли глубину рѣки, и въ ночномъ воздухѣ отчетливо звучали ихъ протяжныя восклицанія: «Ше—есть!.. Шесть съ полови—иной!.. Во—осемь!.. По-одъ таба—акъ!.. Се—мь!» Въ этихъ высокихъ стонущихъ звукахъ слышалось то же

унынïе, какимъ были полны темные, печальные берега и холодное небо. Но подъ плащомъ было очень тепло, и, крѣпко прижимаясь къ любимому человѣку, Вѣра Львовна еще глубже ощущала свое счастье.

На правомъ берегу показались смутныя очертанія высокой горы съ легкой, рѣзной, деревянной бесѣдкой на самой вершинѣ. Бесѣдка была ярко освѣщена, и внутри ея двигались люди. Видно было, какъ, услышавъ шумъ приближающагося парохода, они подходили къ перилamъ и, облокотившись на нихъ, глядѣли внизъ.

— Ахъ, Володя, посмотри, какая прелесть!—воскликнула Вѣра Львовна. — Совсѣмъ кружевная бесѣдка... Вотъ бы намъ съ тобой здѣсь пожить...

— Я здѣсь провелъ цѣлое лѣто, — сказалъ Покромцевъ.

— Да? Неужели? Это, навѣрно, чье-нибудь имѣнïе?

— Князей Ширковыхъ. Очень богатые люди...

Она не видѣла его лица, но чувствовала, что, произнося эти слова, онъ слегка разглаживаетъ концами пальцевъ свои усы, и что въ его голосѣ звучитъ улыбка воспоминанïя.

— Когда же ты былъ тамъ? Ты мнѣ ничего о нихъ не разсказывалъ... Что они за люди?

— Люди?.. Какъ тебѣ сказать?.. Ни дурные, ни хорошïе... Веселые люди....

Онъ замолчалъ, продолжая улыбаться своимъ воспоминаніямъ. Тогда Вѣра Львовна сказала:

— Ты смѣешься... Ты, вѣрно, вспомнилъ что-нибудь интересное?

— О, нѣтъ... Ничего... Ровно ничего интереснаго,— возразилъ Покромцевъ и крѣпче обнялъ талію жены. — Такъ... маленькïя глупости... не стоитъ и вспоминать.

Вѣра Львовна не хотѣла больше разспрашивать, но Покромцевъ началъ говорить самъ. Ему пріятно было,

что его жена узнаетъ, въ какой широкой барской обстановкѣ ему приходилось жить. Это щекотало мелочнымъ, но пріятнымъ образомъ его самолюбіе. Ширковы жили лѣтомъ въ своемъ имѣніи, точь въ точь, какъ англійскіе лорды. Правда, самъ Покромцевъ былъ тамъ только репетиторомъ, но онъ сумѣлъ себя поставить такъ, что съ нимъ обращались какъ со своимъ, даже больше того,— какъ съ близкимъ человѣкомъ. Вѣдь настоящихъ свѣтскихъ людей всего скорѣе и узнаёшь именно по ихъ очаровательной простотѣ. Лѣто промелькнуло удивительно быстро и весело: лаунъ-теннисъ, пикники, шарады, спектакли, прогулки верхомъ... Къ обѣду всѣ собирались по звуку гонга, непремѣнно во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ,—однимъ словомъ, самое утонченное соединеніе строгаго этикета съ простотой и прекрасныхъ манеръ съ непринужденнымъ весельемъ. Конечно, въ такой жизни есть и свои недостатки, но пожить ею хоть одно лѣто—и то чрезвычайно пріятно.

Вѣра Львовна слушала его, не прерывая ни однимъ словомъ и въ то же время испытывая нехорошее, похожее на ревность, чувство. Ей было больно думать, что у него въ памяти остался хоть одинъ счастливый моментъ изъ его прежней жизни, не уничтоженный, не сглаженный ихъ теперешнимъ общимъ счастьемъ.

Бесѣдка вдругъ точно спряталась за поворотомъ. Вѣра Львовна молчала, а Покромцевъ, увлеченный своими воспоминаніями, продолжалъ:

— Ну, конечно, играли въ любовь, безъ этого на дачѣ нельзя. Всѣ играли, начиная со стараго князя и кончая безусыми лицеистами, моими учениками. И всѣ другъ другу покровительствовали, смотрѣли сквозь пальцы

— А ты? Ты тоже... ухаживалъ за кѣмъ-нибудь?— спросила Вѣра Львовна неестественно-спокойнымъ тономъ.

Онъ провелъ рукой по усамъ. Этотъ самодовольный, такъ хорошо знакомый Вѣрѣ Львовнѣ жестъ вдругъ показался ей пошлымъ.

— Н-да... и я тоже. У меня вышелъ маленькій романъ съ княжной Кэтъ. Очень смѣшной романъ и, пожалуй, если хочешь, даже немного безнравственный. Понимаешь: дѣвицѣ еще и 16-ти лѣтъ не исполнилось, но развязность, самоувѣренность и прочее—просто удивительныя. Она мнѣ прямо изложила свой взглядъ. «Мнѣ, говоритъ, здѣсь скучно, потому что я ни одного дня не могу прожить безъ сознанія, что въ меня всѣ кругомъ влюблены. Вы одинъ здѣсь только мнѣ и нравитесь. Вы недурны собой, съ вами можно разговаривать, ну и такъ далѣе. Вы, конечно, понимаете, что женой вашей я быть не могу, но почему же намъ не провести это лѣто весело и пріятно?»

— Ну и что же? Было весело? — спросила Вѣра Львовна, стараясь говорить небрежно, и сама испугалась своего внезапно охрипшаго голоса.

Этотъ голосъ заставилъ Покромцева насторожиться. Какъ бы извиняясь за то, что причинилъ ей боль, онъ притянулъ къ себѣ голову жены и прикоснулся губами къ ея виску. Но какое-то подлое, неудержимое влеченіе, копошившееся въ его душѣ, какое-то смутное и гадкое чувство, похожее на хвастливое молодечество, тянуло его разсказывать дальше.

— Вотъ мы и играли въ любовь съ этимъ подлѣтком и въ концѣ лѣта разстались. Она совсѣмъ равнодушно благодарила меня за то, что я помогъ ей не скучать, и жалѣла, что не встрѣтилась со мною, уже выйдя замужъ. Впрочемъ, она, по ея словамъ, не теряла надежды встрѣтиться со мною впослѣдствіи.

И онъ прибавилъ съ дѣланнымъ смѣхомъ:

— Вообще, эта исторія составляетъ для меня одно изъ

самыхъ непріятныхъ воспоминаній. Вѣдь правда, Вѣрочка, гадко все это?

Вѣра Львовна не отвѣтила ему. Покромцевъ почувствовалъ къ ней жалость и сталъ раскаиваться въ своей откровенности. Желая загладить непріятное впечатлѣніе, онъ еще разъ поцѣловалъ жену въ щеку...

Вѣра Львовна не сопротивлялась, но и не отвѣтила на поцѣлуй... Странное, мучительное и самой ей неясное чувство овладѣло ея душой. Тутъ была отчасти и ревность къ прошедшему,—самый ужасный видъ ревности,—но была только отчасти. Вѣра Львовна давно слышала и знала, что у каждаго мужчины бываютъ до женитьбы интрижки и связи, что то, что для женщины составляетъ огромное событіе, для мужчины является простымъ случаемъ, и что съ этимъ ужаснымъ порядкомъ вещей надо поневолѣ мириться. Было тутъ и негодованіе на ту унизительную и развратную роль, которая выпала въ этомъ романѣ на долю ея мужа, но Вѣра Львовна вспомнила, что и ея поцѣлуи съ нимъ, когда они еще были женихомъ и невѣстой, не всегда носили невинный и чистый характеръ. Страшнѣе всего въ этомъ новомъ чувствѣ было сознаніе того, что Владиміръ Ивановичъ вдругъ сдѣлался для своей жены чужимъ, далекимъ человѣкомъ, и что ихъ прежняя близость никогда уже не можетъ возвратиться.

«Зачѣмъ онъ мнѣ разсказывалъ всю эту гадость?—мучительно думала она, стискивая и терзая свои похолодѣвшія руки.—Онъ перевернулъ всю мою душу и наполнилъ ее грязью, но что же я могу ему сказать на это? Какъ я узнаю, что онъ испытывалъ во время своего разсказа? Сожалѣніе о прошломъ? Нехорошее волненіе? Гадливость? (Нѣтъ, ужъ во всякомъ случаѣ не гадливость: тонъ у него былъ самодовольный, хотя онъ и старался это скрыть)... Надежду опять встрѣтиться когда-нибудь

съ этой Кэтъ? А почему же и не такъ? Если я спрошу его объ этомъ, онъ, конечно, поспѣшитъ меня успокоить, но какъ проникнуть въ самую глубь его души, въ самые отдаленные изгибы его сознанія? По чему я могу узнать, что, говоря со мной искренно и правдиво, онъ въ то же время не обманываетъ—и, можетъ-быть, совершенно невольно—своей совѣсти? О! Чего бы я ни дала за возможность хоть одинъ только мигъ пожить его внутренней, чужой для меня жизнью, подслушать всѣ оттѣнки его мысли, подсмотрѣть, что дѣлается въ этомъ сердцѣ...

И это страстное влеченіе слиться мыслью, отожествиться съ другимъ человѣкомъ, приняло такіе огромные размѣры, что Вѣра Львовна, нечаянно для самой себя, крѣпко прижалась головой къ головѣ мужа, точно желая проникнуть, войти въ его существо. Но онъ не понялъ этого невольнаго движенія и подумалъ, что жена просто хочетъ къ нему приласкаться, какъ озябшая кошечка. Онъ пощекоталъ ее усами по щекѣ и сказалъ тономъ, какимъ говорятъ съ балованными дѣтьми:

— Вѣруся бай-бай хочетъ? Вѣрусенька озябла? Пойдемъ въ каютку, Вѣрусенька?

Она молча поднялась, кутаясь въ свой платокъ.

— Вѣрусенька на насъ ни за что не сердится? — спросилъ Покромцевъ тѣмъ же сладкимъ голосомъ.

Вѣра Львовна отрицательно покачала головой. Но передъ трапомъ, ведущимъ въ каюты, она остановилась и сказала:

— Послушай, Володя, тебѣ ни разу не приходило въ голову, что никогда, понимаешь, никогда двое людей не поймутъ вполнѣ другъ друга?.. Какими бы тѣсными узами они ни были связаны?..

Онъ чувствовалъ себя немного виноватымъ и потому пробормоталъ со смѣхомъ:

— Ну вотъ, Вѣруничкъ, какую философію развела... Развѣ мы съ тобой не понимаемъ другъ друга?

Въ каютѣ онъ скоро заснулъ тихимъ сномъ здороваго сытаго человѣка. Его дыханія не было слышно, и лицо приняло дѣтское выраженіе.

Но Вѣра Львовна не могла спать. Ей стало душно въ тѣсной каютѣ, и прикосновеніе бархатной обивки дивана раздражало кожу ея рукъ и шеи. Она встала, чтобы опять выйти на палубу.

— Ты куда, мамуся?—спросилъ Покромцевъ, разбуженный шелестомъ ея юбокъ.

— Лежи, лежи, я сейчасъ приду. Я еще минутку посижу на палубѣ,—отвѣтила она, дѣлая ему рукою знакъ, чтобы онъ не вставалъ.

Ей хотѣлось остаться одной и думать. Присутствіе мужа, даже спящаго, стѣсняло ее. Выйдя на палубу, она невольно сѣла на то же самое мѣсто, гдѣ сидѣла раньше. Небо стало еще холоднѣе, а вода потемнѣла и потеряла свою прозрачность. То и дѣло легкія тучки, похожія на пушистые комки ваты, набѣгали на свѣтлый кругъ луны и вдругъ окрашивались причудливымъ золотымъ сіяніемъ. Печальные, низкіе и темные берега такъ же молчаливо бѣжали мимо парохода.

Вѣрѣ Львовнѣ было жутко и тоскливо. Она впервые въ своей жизни натолкнулась сегодня на ужасное сознаніе, приходящее рано или поздно въ голову каждаго чуткаго вдумчиваго человѣка,—на сознаніе той неумолимой непроницаемой преграды, которая вѣчно стоитъ между двумя близкими людьми. «Что же я о немъ знаю?—шопотомъ спрашивала себя Вѣра Львовна, сжимая руками горячій лобъ.—Что я знаю о моемъ мужѣ, объ этомъ человѣкѣ, съ которымъ я вмѣстѣ и ѣмъ, и пью, и сплю, и съ которымъ всю жизнь должна пройти вмѣстѣ? Положимъ, я знаю, что онъ красивъ, что онъ любитъ свою физическую

силу и холитъ свои мускулы, что онъ музыкаленъ, что онъ читаетъ стихи наразпѣвъ, знаю даже больше,—знаю его ласковыя слова, знаю, какъ онъ цѣлуется, знаю пять или шесть его привычекъ... Ну, а больше? Что же я больше-то знаю о немъ? Извѣстно ли мнѣ, какой слѣдъ оставили въ его сердцѣ и умѣ его прежнія увлеченія? Могу ли я отгадать у него тѣ моменты, когда человѣкъ во время смѣха внутренно страдаетъ или когда наружной, лицемѣрной печалью прикрываетъ злорадство? Какъ разобраться во всѣхъ этихъ тонкихъ изворотахъ чужой мысли, въ этомъ чудовищномъ вихрѣ чувствъ и желаній, который постоянно, быстро и неуловимо несется въ душѣ посторонняго человѣка?»

Внезапно она почувствовала такую глубокую внутреннюю тоску, такое щемящее сознаніе своего вѣчнаго одиночества, что ей захотѣлось плакать. Она вспомнила свою мать, братьевъ, меньшую сестру. Развѣ и они не такъ же чужды ей, какъ чуждъ этотъ красивый брюнетъ съ нѣжной улыбкой и ласковыми глазами, который называется ея мужемъ? Развѣ сможетъ она когда-нибудь такъ взглянуть на міръ, какъ они глядятъ, увидѣть то, что они видятъ, почувствовать, что они чувствуютъ?..

Около четырехъ часовъ утра Покромцевъ проснулся и былъ очень удивленъ, не видя на противоположномъ диванѣ своей жены. Онъ быстро одѣлся и, позѣвывая и вздрагивая отъ утренняго холодка, вышелъ на палубу.

Солнце еще не всходило, но половина неба уже была залита блѣднымъ розовымъ свѣтомъ. Прозрачная и спокойная рѣка лежала точно громадное зеркало въ зеленой, влажной рамѣ ожившихъ, орошенныхъ луговъ. Легкія розовыя морщины слегка бороздили ея гладкую поверхность, а пѣна подъ пароходными колесами казалась молочно-розовой. На правомъ берегу молодой березовый лѣсъ съ его частымъ строемъ тонкихъ, прямыхъ, бѣлыхъ

стволовъ былъ окутанъ, точно тонкой кисеей, легкимъ покровомъ тумана. Сизая, тяжелая туча, низко повисшая на востокѣ, одна только боролась съ сіяющимъ торжествомъ нарядnаго лѣтняго утра. Но и на ней уже брызнули, точно кровавые потоки, темно-красные штрихи.

Вѣра Львовна сидѣла на томъ же мѣстѣ, облокотясь руками на рѣшетку и положивъ на нихъ отяжелѣвшую голову. Покромцевъ подошелъ къ ней и, обнявъ ее, напыщенно продекламировалъ голосомъ, разбухшимъ отъ здороваго сна:

— «Вышла изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ»...

Но, когда онъ увидѣлъ ея серьезное, заплаканное лицо, онъ точно поперхнулся послѣднимъ словомъ.

— Вѣрусенька, что̀ съ тобой? Что̀ такое, моя дорогая?

Но она уже приготовилась къ этому вопросу. Она такъ много передумала за эту ночь, что пришла къ единственному разумному и холодному рѣшенію: надо жить, какъ всѣ, надо подчиняться обстоятельствамъ, надо даже лгать, если нельзя говорить правду.

И она отвѣтила, виновато и растерянно улыбаясь:

— Ничего, мой милый. Просто — у меня безсонница...

СВАДЬБА.

I.

Вапнярскій пѣхотный армейскій полкъ расквартированъ въ жалкомъ уѣздномъ юго-западномъ городишкѣ и по окрестнымъ деревнямъ, но одинъ изъ его четырехъ батальоновъ поочередно отправляется съ начала осени за шестьдесятъ верстъ въ отдѣлъ, въ пограничное еврейское мѣстечко, котораго не найти на географической картѣ, и стоитъ тамъ всю зиму и весну, вплоть до лагернаго времени. Командиры ротъ ежегодно смѣняются вмѣстѣ со смѣной батальоновъ, но младшіе офицеры остаются почти одни и тѣ же. Строгій полковникъ ссылаетъ туда все, что въ полку поплоше: игроковъ, скандалистовъ, пьющихъ, слабыхъ строевиковъ, замухрышекъ, лѣнтяевъ, тѣхъ, что вовсе не умѣютъ танцовать, и просто офицеровъ, отличающихся непредставительной наружностью, «наводящей унынiе на фронтъ»,—благо высшее начальство никогда не заглядываетъ въ отдѣлъ. Командуетъ же ссыльными батальонами изъ зимы въ зиму уже много лѣтъ подъ рядъ старый, запойный, безтолковый, болтливый, но добродушный подполковникъ Окишъ.

Рождественскія каникулы. Послѣ долгихъ мятелей установилась прекрасная погода. На улицахъ пропасть молодого, свѣжаго, вкусно пахнущаго снѣга, едва взрытаго полозьями. Солнечные дни ослѣпительно ярки и веселы. По ночамъ сіяетъ полная луна, дѣлая снѣгъ розовато-

голубымъ. Къ полночи слегка морозитъ, и тогда изъ края на край мѣстечка слышно, какъ звонко скрипятъ шаги ночного сторожа.

Занятій въ ротахъ нѣтъ вотъ уже третій день. Большинство офицеровъ отпросилось въ штабъ полка, другіе уѣхали тайкомъ. Тамъ теперь веселье: въ офицерскомъ собраніи балъ и любительскій спектакль—ставятъ «Лѣсъ» и «Не спросясь броду, не суйся въ воду», маскарадъ въ гражданскомъ клубѣ; пріѣхала драматическая труппа, которая ставитъ вперемежку мелодрамы, малорусскія комедіи съ гопакомъ, колбасой, горилкой и плясками, а также и легкую оперетку; у семейныхъ офицеровъ устраиваются поочередно «балки» съ катаньемъ на извозчикахъ, съ винтомъ и ужиномъ. Изъ всего четвертаго батальона остались только три офицера: командиръ шестнадцатой роты капитанъ Бутвиловичъ, болѣзненный поручикъ Штейнъ и подпрапорщикъ Слезкинъ.

Вечеръ. Темно. Подпрапорщикъ сидитъ на кровати, положивъ ногу на ногу и сгорбившись. Въ рукахъ у него гитара, въ углу открытаго толстаго рта виситъ потухшая и прилипшая къ губѣ папироска. Тоскливая тьма ползетъ въ комнату, но Слезкину лѣнь крикнуть вѣстового, чтобы тотъ пришелъ и зажегъ лампу. За окномъ на дворѣ смутно торчатъ какіе-то черные, отягощенные снѣгомъ прутья, и сквозь нихъ слабо рисуются далекія крыши, нахлобучившіяся точно бѣлыя толстыя шапки надъ низенькими синими домишками, а еще дальше, за желѣзнодорожнымъ мостомъ, густо алѣетъ между бѣлымъ снѣгомъ и темнымъ небомъ тоненькая полоска зари.

Праздники выбили подпрапорщика изъ привычной наладившейся колеи и отуманили его мозгъ своей свѣтлой, тихой, задумчивой грустью. Утромъ онъ спалъ до одиннадцати часовъ, спалъ насильно, спалъ въ счетъ будущихъ и прошедшихъ буденъ, спалъ до тѣхъ поръ, пока

у него не распухла голова, не осипъ голосъ, а вѣки сдѣлались красными и тяжелыми. Ему даже казалось, что онъ видѣлъ въ первый разъ въ своей жизни какой-то сонъ, но припомнить его не смогъ, какъ ни старался.

Послѣ чая онъ надѣлъ праздничные сапоги французскаго лака и безцѣльно гулялъ по городу, заложивши руки въ карманы. Зашелъ для чего-то въ отворенный костелъ и посидѣлъ немного на скамейкѣ. Тамъ было пусто, просторно, холодно и гулко. Органъ протяжно повторялъ однѣ и тѣ же три густыя ноты, точно онъ все собирался и никакъ не могъ окончить финалъ мелодіи. Пять-шесть стариковъ и десятокъ старухъ, всѣ похожіе на нищихъ, уткнувшись въ молитвенники, тянули въ унисонъ дребезжащими голосами какой-то безконечно длинный хоралъ. «Панна Марія, Панна Марія, Кру-у-ле-е-ва»,—разслышалъ подпрапорщикъ слова и про себя внутренно усмѣхнулся съ пренебреженіемъ. Слова чужого языка всегда казались ему такими нелѣпыми и смѣшными, точно ихъ произносятъ такъ себѣ, нарочно, для баловства, въ родѣ того, какъ семилѣтнія дѣти иногда ломаютъ языкъ, выдумывая диковинныя созвучія: «каляля-маляля-паляля». И обстановка чужого храма—кисейныя занавѣски на открытомъ алтарѣ, дубовая рѣзная каѳедра, скамейки, органъ, раскрашенныя статуи, бритый ксендзъ, звонки, исповѣдальня—все это не возбуждало въ немъ никакого уваженія, и онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто бы зашелъ въ никому не принадлежащій, большой и холодный каменный сарай. «Молятся, а сидятъ!—подумалъ онъ презрительно. — Сволочь!»

Онъ презиралъ все, что̀ не входило въ обиходъ его узкой жизни или чего онъ не понималъ. Онъ презиралъ науку, литературу, всѣ искусства и культуру, презиралъ столичную жизнь, а еще больше заграницу, хотя не имѣлъ

о нихъ никакого представленія, презиралъ безповоротно всѣхъ штатскихъ, презиралъ прапорщиковъ запаса съ высшимъ образованіемъ, гвардію и генеральный штабъ, чужія религіи и народности, хорошее воспитаніе и даже простую опрятность, глубоко презиралъ трезвость, вѣжливость и цѣломудренность. Онъ былъ изъ семинаристовъ, но семинаріи не окончилъ, и такъ какъ ему не удалось занять псаломщичьей вакансіи въ большомъ городѣ, то онъ и поступилъ вольноопредѣляющимся въ полкъ и, съ трудомъ окончивъ юнкерское училище, сдѣлался подпрапорщикомъ. Теперь ему было 26 лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, лысъ, голубоглазъ, прыщавъ и носилъ длинные, свѣтлые, прямые усы.

Изъ костела онъ зашелъ къ поручику Штейну, поигралъ съ нимъ въ шашки и выпилъ водки. У Штейна все лицо было изуродовано давнишней запущенной болѣзнью. Старыя зажившія язвы бѣлѣли лоснящимися рубцоватыми пятнами, на новыхъ были приклеены черные кружочки изъ ртутнаго пластыря; никого изъ молодыхъ офицеровъ не удивляло и не коробило, когда Штейнъ вслухъ называлъ эти украшенія миѳологическими прозвищами: поцѣлуй Венеры, ударъ шпоры Марса, туфелька Діаны и т. д. Прежде, только-что выйдя изъ военнаго училища, онъ былъ очень красивъ — милой, бѣлокурой, розовой, стройной красотой холенаго мальчика изъ хорошаго дома. Но и теперь онъ продолжалъ считать себя красавцемъ: длительное, ежедневное разрушеніе лица было ему такъ же незамѣтно, какъ влюбленнымъ супругамъ — новыя черты постепенной старости другъ въ другѣ.

Штейнъ, поминутно подходя къ зеркалу, оправлялъ заклейки на лицѣ и ожесточенно бранилъ командира полка, который на-дняхъ посовѣтовалъ ему или лѣчиться серьезно, или уходить изъ полка. Штейнъ находилъ это подлостью и несправедливостью со стороны полковника.

Весь полкъ болѣетъ этой же самой болѣзнью. Развѣ Штейнъ виноватъ въ томъ, что она бросилась ему именно въ лицо, а не въ ноги или не на мозгъ, какъ другимъ? Это свинство! Въ третичномъ періодѣ болѣзнь вовсе не заразительна — это всякій дуракъ знаетъ. А службу онъ несетъ не хуже любого въ полку.

Онъ долго, все повторяя, говорилъ объ этомъ. Потомъ сталъ жаловаться Слезкинъ на свою участь: на нищенское подпрапорщичье содержаніе, на то, что его привлекаютъ къ суду за разбитіе барабанной перепонки у рядового Греченки, на то, что его вотъ уже четвертый годъ маринуютъ въ званіи подпрапорщика, и на то, что къ нему придирается ротный командиръ, капитанъ Бутвиловичъ. При томъ оба пили водку и закусывали поджареннымъ, прозрачнымъ свинымъ саломъ.

II.

Къ двумъ часамъ подпрапорщикъ вернулся домой. Вѣстовой принесъ ему обѣдъ изъ ротнаго котла: горшокъ жирныхъ щей, крѣпко заправленныхъ лавровымъ листомъ и краснымъ перцемъ, и пшенной каши въ деревянной мискѣ. Подавая на столъ, вѣстовой уронилъ хлѣбъ, и Слезкинъ дважды ударилъ его по лицу. Денщикъ же таращилъ на него большіе безцвѣтные глаза и старался не моргать и не мотать головой при ударахъ.

Изъ носа у него потекла кровь.

— Поди, умойся, болванъ! — сердито крикнулъ на него подпрапорщикъ.

За обѣдомъ Слезкинъ выпилъ въ одиночку очень много водки и потомъ, уже совершенно насытившись, все еще продолжалъ черезъ силу медленно и упорно ѣсть, чтобы хоть этимъ убить время. Послѣ обѣда онъ легъ спать съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто бы его животъ былъ

туго, по самое горло, набитъ крупнымъ, тяжелымъ мокрымъ пескомъ.

Спалъ онъ до сумерекъ. Онъ и теперь еще чувствуетъ отъ сна легкій ознобъ, вмѣстѣ съ тупой, мутной тяжестью во всемъ тѣлѣ, и каждую минуту зѣваетъ судорожно, съ дрожью.

Аристотель, о, о, о, о — ный
Мудрый философъ,
Мудрый философъ,
Продалъ пантало, о, о, о—ны—

поетъ подпрапорщикъ старинную семинарскую пѣсню и лѣниво, двумя аккордами вторитъ себѣ на гитарѣ, которую онъ выпросилъ на время праздниковъ у батальоннаго адъютанта, уѣхавшаго въ городъ. Равнодушная, терпѣливая скука окутала его душу. Ни одна мысль не проносится въ его головѣ, и нечѣмъ занять ему пустого времени, и некуда итти, и жаль безтолково уходящихъ праздниковъ, за которыми опять потянется опротивѣвшая служба, и хочется, чтобы ужъ поскорѣе прошло это длительное праздничное томленіе.

Читать Слезкинъ не любитъ. Все, что пишутъ въ книгахъ,—неправда, и никогда ничего подобнаго не бываетъ въ жизни. Особенно то, что пишутъ о любви, кажется ему наивной и слащавой ложью, достойной всякаго, самаго срамного издѣвательства. Да онъ и не помнитъ ровно ничего изъ того, что онъ пробовалъ читать, не помнитъ ни заглавія ни сути, развѣ только смутно вспоминаетъ иногда военные разсказы Лавра Короленки да кое-что изъ сборника армянскихъ и еврейскихъ анекдотовъ. Въ свободное время онъ охотнѣй перечитываетъ Строевой Уставъ и Наставленіе къ обученію стрѣльбѣ.

Прродалъ пантало, о, о, оны
За сивухи штофъ,
За сивухи што—о—офъ.

«Напрасно я завалился послѣ обѣда,—думаетъ подпрапорщикъ и зѣваетъ. — Лучше бы мнѣ было пройтись по воздуху, а сейчасъ бы лечь — вотъ время бы и прошло незамѣтно. Господи, ночи какія длинныя! Хорошо теперь въ городѣ, въ собраніи. Бильярдъ... Карты... Свѣтло... Пиво пьютъ, всегда ужъ кто-нибудь угоститъ... Арчаковскій анекдоты разсказываетъ и представляетъ жидовъ... Эхъ!.. Пойти бы къ кому-нибудь? Нанести визитъ?»— соображаетъ подпрапорщикъ и опять, глядя въ снѣжное окно, зѣваетъ, дрожа головой и плечами. Но пойти не къ кому, и онъ самъ это хорошо знаетъ. Во всемъ мѣстечкѣ только и общества, кромѣ офицеровъ, что ксендзъ, два священника мѣстной церкви, становой приставъ и нѣсколько почтовыхъ чиновниковъ. Но ни у кого изъ нихъ Слезкинъ не бываетъ: чиновниковъ онъ считаетъ гораздо ниже себя, а у пристава онъ въ прошломъ году на Пасхѣ сдѣлалъ скандалъ. Правда, въ третьемъ году подпрапорщикъ Уховъ уговорилъ его сдѣлать визиты окрестнымъ попамъ и помѣщикамъ, но сразу же вышло нехорошо. Пріѣхали они въ незнакомый польскій домъ, засыпанный снѣгомъ, и прямо ввалились въ гостиную, и тутъ же стали раскутывать башлыки, натаявъ вокругъ себя лужи. Потомъ пошли ко всѣмъ по очереди представляться, суя лопаточкой мокрыя, синія, холодныя руки. Потомъ сѣли и долго молчали, а хозяева и другіе гости, также молча, разглядывали ихъ съ изумленіемъ. Уховъ наконецъ крякнулъ, покосился на піанино и сказалъ:

— А мы больше туда, гдѣ, знаете, фортепіано...

Опять всѣ замолчали и молчали чрезвычайно долго. Вдругъ Слезкинъ, самъ не зная зачѣмъ, выпалилъ:

— А я психопатъ!—И умолкъ.

Тогда хозяинъ дома, породистый полякъ высокаго роста, съ орлинымъ носомъ и пушистыми сѣдыми усами, подошелъ къ нимъ и преувеличенно-любезно спросилъ:

— Може, панове хотятъ закусить съ дороги?

И онъ проводилъ ихъ во флигель къ своему управляющему, а тотъ—крѣпкій, какъ быкъ, узколобый, коренастый мужчина—въ полчаса напоилъ подпрапорщиковъ до потери сознанія и бережно доставилъ на помѣщичьихъ лошадяхъ въ мѣстечко.

Да и непереносно тягостно для Слезкина сидѣть въ многолюдномъ обществѣ и молчать въ ожиданіи, пока позовутъ къ закускѣ. Ему совершенно непостижимо, какъ это люди цѣлый часъ говорятъ, говорятъ,—и все про разное, и такъ легко перебѣгаютъ съ мысли на мысль. Слезкинъ если и говоритъ когда, то только о себѣ: о томъ, какъ заколодило ему съ производствомъ, о томъ, что онъ сшилъ себѣ новый мундиръ, о подломъ отношеніи къ нему ротнаго командира, да и этотъ разговоръ онъ ведетъ только за водкой. Чужой смѣхъ ему не смѣшонъ, а досаденъ, и всегда онъ подозрѣваетъ, что смѣются надъ нимъ. Онъ и самъ понимаетъ, что его унылое и презрительное молчаніе въ обществѣ тяготитъ и раздражаетъ всѣхъ присутствующихъ, и потому, какъ дико-застѣнчивый, самолюбивый и, несмотря на внѣшнюю грубость, внутренно-трусливый человѣкъ, онъ не ходитъ въ гости, не дѣлаетъ визитовъ и знается только съ двумя-тремя холостыми, пьющими офицерами:

Цезарь сынъ отва, а, а, аги
И Помпей герой,
И Помпей герой
Прродавали шпаа, а, аги
Тою же цѣной,
Тою же цѣно—о—ой.

Въ сѣняхъ хлопаетъ дверь и что-то грохочетъ, падая. Входитъ денщикъ съ лампой. Онъ воротитъ голову отъ свѣта и жмурится.

— Это ты тамъ что уронилъ?—сердито спрашиваетъ Слезкинъ.

Денщикъ испуганно вытягивается.

— Такъ что тибаретка упала.

— А что еще надо прибавить? — грозно напоминаетъ подпрапорщикъ.

— Виноватъ, ваше благородіе... Тибаретка упала, ваше благородіе.

Лицо денщика выражаетъ животный страхъ и напряженную готовность къ побоямъ. Отъ удара за обѣдомъ и кровотеченія носъ у него посинѣлъ и распухъ. Слезкинъ смотритъ на денщика съ холодной ненавистью.

— Тибаретка! — хрипло передразниваетъ онъ его.— Сволочь! Неси самоваръ, протоплазма.

Отъ тоски ему хочется ударить денщика сзади, по затылку, но лѣнь вставать. И онъ безъ всякаго удовольствія тянетъ все тотъ же, давно надоѣвшій мотивъ:

Папа Пій девя, я, ятый
И десятый Левъ,
И десятый Левъ...

Денщикъ приноситъ самоваръ. Подпрапорщикъ пьетъ чай въ прикуску до тѣхъ поръ, пока въ чайникѣ не остается лишь свѣтлая теплая водица. Тогда онъ запираетъ сахаръ и осьмушку чая въ шкатулку, на ключъ, и говоритъ денщику:

— Тутъ еще осталось. Можешь допить.

Денщикъ молчитъ.

— Ты! Хамъ!—рявкаетъ на него Слезкинъ.—Что надо сказать?

— Покорно благодарю, ваше благородіе!—торопливо лепечетъ солдатъ, помогая подпрапорщику надѣть шинель.

— Забылъ? Свиннія! Я т-тебя выучу. Подыми перчатку, холуй!

По его званію, его надо бы величать всего только

«г. подпрапорщикъ», но онъ разъ навсегда приказалъ вѣстовому называть себя «ваше благородіе». Въ этомъ самовозвеличеніи есть для Слезкина какая-то тайная прелесть.

III.

Онъ выходитъ на улицу. Круглая зеркальная луна стоитъ надъ мѣстечкомъ. Изъ-за темныхъ плетней лаютъ собаки. Гдѣ-то далеко на дорогѣ звенятъ бубенчики. Видно, какъ на желѣзнодорожномъ мосту ходитъ часовой.

«Что бы такое сдѣлать?»—думаетъ Слезкинъ. Ему вспоминается, какъ три года тому назадъ пьяный поручикъ Тиктинъ добрался въ бродъ до полосатаго пограничнаго столба, на которомъ съ одной стороны написано «Россія», а на другой «Oesterreich», зачеркнулъ мѣломъ, несмотря на протесты часового, нѣмецкую надпись и надписалъ сверху: «Россія». «Да, вотъ это было, что называется, здорово пущена пуля!—улыбается съ удовольствіемъ Слезкинъ.—Взялъ и однимъ почеркомъ пера завоевалъ цѣлое государство. Двадцать сутокъ за это просидѣлъ на гауптвахтѣ въ Кіевѣ. Молодчага. Самъ начальникъ дивизіи хохоталъ. А то бы еще хорошо взять, прійти въ роту и скомандовать: «Въ ружье! Братцы, вашего подпрапорщика обидѣли жиды. Тѣ жиды, которые распяли Христа и причащаются на Пасху кровью христіанскихъ мальчиковъ. Неужели вы, русскіе солдаты, потерпите подобное надругательство надъ честью офицерскаго мундира? За мной! Не оставимъ камня на камнѣ отъ проклятаго жидовскаго кагала!»

— Эхъ! — глубоко и жалостно вздыхаетъ Слезкинъ. — Или, вотъ, если бы бунтъ какой-нибудь случился... усмиреніе...

Онъ поворачиваетъ на главную улицу. Густая черная толпа съ веселыми криками и смѣхомъ валитъ ему навстрѣчу. «Ишь, чортова жидова!»—думаетъ съ ненавистью подпрапорщикъ. Слышатся звуки нестройной музыки и глухіе удары бубна. Что-то въ родѣ балдахина на четырехъ палкахъ колышется надъ толпой, постепенно приближаясь. Впереди, стѣсненные людьми, идутъ музыканты. Кларнетистъ такъ смѣшно засунулъ себѣ въ ротъ пищикъ, точно онъ его насасываетъ, щеки его толстаго лица надуваются и опадаютъ, голова неподвижна, но глаза съ достоинствомъ вращаются налѣво и направо. Долговязый скрипачъ, изогнувъ набокъ свою худую, обмотанную шарфомъ шею, прижался подбородкомъ къ скрипкѣ и на ходу широко взмахиваетъ смычкомъ. Тотъ же, который играетъ на бубнѣ, высоко поднялъ кверху свой инструментъ и приплясываетъ, и вертится, и дѣлаетъ смѣющимся зрителямъ забавныя гримасы.

Подпрапорщикъ останавливается. Мимо него быстро пробѣгаютъ, освѣщаемые на секунду свѣтомъ фонаря, женщины, мужчины, дѣти, старики и старухи. Молодыя женщины всѣ до одной красивыя и всѣ смѣются, и часто, проносясь мгновенно мимо Слезкина, прекрасное лицо, съ блестящими бѣлыми зубами и радостно сіяющими глазами, поворачивается къ нему ласково и весело, точно эта милая женская улыбка предназначается именно ему, Слезкину.

— А-а! И вы, пане, пришли посмотрѣть на свадьбу?— слышитъ подпрапорщикъ знакомый голосъ.

Это Дризнеръ, подрядчикъ, поставляющій для батальона мясо и дрова, маленькій, толстенькій, подслѣповатый, но очень зоркій и живой старикашка. Онъ выбирается изъ толпы, подходитъ къ Слезкину и здоровается съ нимъ. Но подпрапорщикъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ протянутой руки Дризнера. Для человѣка, ко-

торый не-сегодня-завтра можетъ стать оберъ-офицеромъ, унизительно подавать руку еврею.

— Ну, не правда ли, какой веселый шлюбъ? — говоритъ нѣсколько смущенно, но все-таки восторженно подрядчикъ.—Шлюбъ, это по-нашему называется свадьба. Молодой Фридманъ—знаете галантерейный и посудный магазинъ?—такъ онъ беретъ за себя вторую дочку Эпштейна. Шестьсотъ рублей приданаго! Накажи меня Богъ, шестьсотъ рублей наличными!

Подпрапорщикъ презрительно кривитъ зубы. Шестьсотъ рублей! Въ полку офицеру нельзя до 28-ми лѣтъ жениться иначе, какъ внеся реверсъ въ пять тысячъ. А если онъ, Слезкинъ, захочетъ, онъ и всѣ десять тысячъ возьметъ, когда будетъ подпоручикомъ. Офицеру всякая на шею бросится.

Свадебное шествіе переходитъ черезъ площадь и суживается кольцомъ около какого-то дома, ярко и подвижно чернѣя на голубомъ снѣгѣ. Слезкинъ съ подрядчикомъ машинально идутъ туда же, пропустивъ далеко впередъ всѣхъ провожатыхъ.

— А можетъ, пану любопытно поглядѣть на самый шлюбъ? — заискивающе спрашиваетъ Дризнеръ, заглядывая сбоку и снизу въ лицо подпрапорщика.

Гордость борется въ душѣ Слезкина со скукой. И онъ спрашиваетъ неувѣренно:

— А это... можно?

— Охъ, да сколько заугодно. Вы прямо доставите имъ удовольствіе. Пойдемте, я васъ проведу.

— Неловко... незнакомъ... — мямлитъ Слезкинъ.

— Пожалуйста, пожалуйста. Безъ всякихъ церемоніевъ. Эпштейнъ — такъ онъ даже швагеръ моему брату. Прошу васъ, идите только за мной. Постойте трошки вотъ тутечки. Я тольки пройду на минуточку въ домъ и заразъ вернусь.

Черезъ небольшое время онъ выбирается изъ толпы въ сопровожденіи отца невѣсты—полнаго, румянаго, сѣдобородаго старика, который привѣтливо кланяется и дружески улыбается Слезкину.

— Пожалуйста, господинъ офицеръ. Очень, очень пріятно. Вы не повѣрите, какая это для насъ честь. Когда у насъ такое событіе, мы рады всякому порядочному гостю. Позвольте, я пройду впередъ.

Онъ бокомъ буравитъ толпу, крича что-то по-еврейски на публику и не переставая время отъ времени издали улыбаться и дѣлать пригласительные жесты Слезкину.

Дризнеръ, очень довольный тѣмъ, что онъ входитъ на свадьбу съ такой видной особой, какъ подпрапорщикъ, почти офицеръ, тянетъ Слезкина за рукавъ и шепчетъ ему на ухо:

— А у пана есть деньги?

Слезкинъ морщится.

— Развѣ тутъ надо платить за входъ?

— Ой, пане—какое же за входъ! Но вы знаете... Тамъ вамъ вина поднесутъ на подносѣ... потомъ музыкантамъ... и тамъ еще что... Позвольте вамъ предложить три рубля? Мы потомъ разсчитаемся. Я нарочно даю вамъ мелкими. Ну, что подѣлаешь, если ужъ такой у насъ глупый обычай... Проходите впередъ, пане.

IV.

Свадебный балъ происходилъ въ большомъ пустомъ сараѣ, раздѣленномъ перегородкой на двѣ половины. Раньше здѣсь помѣщался складъ яицъ, отправляемыхъ за границу.

Вдоль стѣнъ, вымазанныхъ синей известкой, стояли скамейки, въ передней комнатѣ нѣсколько стульевъ и столъ для музыкантовъ, въ задней десятокъ столовъ, составленныхъ въ длинный рядъ для ужина—вотъ и вся обстановка. Земляной полъ былъ плотно утрамбованъ. По

стѣнамъ горѣли лампы. Было очень свѣтло и тепло, и черныя стекла оконъ покрылись испариной.

Дризнеръ подбѣжалъ къ музыкантамъ и что-то шепнулъ имъ. Дирижеръ съ флейтой въ рукахъ всталъ, шлепнулъ ладонью по столу и крикнулъ: «Ша!». Музыканты изготовились, кося на него глазами. «Ейнъ, цвей, дрей!» — скомандовалъ дирижеръ. И вотъ, приложивъ флейту ко рту, онъ одновременно взмахнулъ и головой и флейтой. Музыка грянула какую-то первобытную польку.

Но, проигравъ восемь тактовъ, музыканты вдругъ опустили свои инструменты и всѣ хоромъ запѣли тотъ же мотивъ въ унисонъ, козлиными фальшивыми голосами, какъ умѣютъ пѣть одни только музыканты:

Па—нъ Слезкинъ добрый панъ,
Добрый панъ, добрый панъ,
Музыкантамъ гроши далъ,
Гроши далъ, гроши далъ...

— Ну, вы имъ дайте что-нибудь, пане, — шепнулъ Дризнеръ, хитро и просительно прищуривая глазъ.

— Сколько же? — спросилъ угрюмо Слезкинъ.

— Пятьдесятъ... ну, тридцать копеекъ... Сколько ужъ сами захочете.

Подпрапорщикъ великодушно швырнулъ на столъ три серебряныя монеты по гривеннику.

Уже много было народу въ обѣихъ комнатахъ, но все прибывали новые гости. Почетныхъ и богатыхъ людей встрѣчали тѣмъ же тушемъ, что и Слезкина. Между прочимъ, пришелъ шапочно знакомый Слезкину почтовый чиновникъ Миткевичъ, постоянный посѣтитель всѣхъ свадебъ, «балковъ» и «складковыхъ» вечеринокъ въ окрестностяхъ, отчаянный танцоръ и ухаживатель, свѣтскій молодой человѣкъ. Онъ былъ въ рыжей барашковой папахѣ набекрень, въ николаевской шинели съ капюшономъ и съ собачьимъ воротникомъ, съ дымчатымъ пенсне на носу.

Выслушавъ хвалебный тушъ, онъ вручилъ дирижеру рубль и тотчасъ же подошелъ къ подпрапорщику.

— Какъ единственно здѣсь съ вами интеллигентные люди, позвольте представиться: мѣстный почтово-телеграфный чиновникъ Иванъ Максимовичъ Миткевичъ.

Слезкинъ великодушно подалъ ему руку.

— Мы ужъ вмѣстѣ и сядемъ за ужиномъ, — продолжалъ Миткевичъ.

— А-а! А развѣ будетъ и ужинъ?.

— Охъ, и что вы говорите? — запаясничалъ чиновникъ. — И еще какой ужинъ. Фаршированная рыба, фишъ по-жидовски, жареный гусь и со смальцемъ. О-охъ, это что-нибудь ошобеннаго!..

Музыка начала играть танцы. Въ распредѣленіи ихъ не было никакого порядка. Каждый, по желанію, подходилъ къ музыкантамъ и заказывалъ что-нибудь, при чемъ за легкій танецъ платилъ двадцать копеекъ, а за кадриль тридцать, и любезно приглашалъ танцовать своихъ пріятелей. Иногда же нѣсколько человѣкъ заказывали танецъ въ складчину.

— Посмотрите, пане,—сказалъ Дризнеръ:—вотъ тамъ въ углу сидитъ невѣста. Подойдите и скажите ей: «мазельтофъ».

— Какъ?

— Ма-зель-тофъ. Вы только подите и скажите.

— Это зачѣмъ же?

— Да ужъ вы повѣрьте мнѣ. Это самое пріятное поздравленіе у насъ, у евреевъ. Скажите только — мазельтофъ. Увидите, какъ ей будетъ пріятно.

Придерживая лѣвой рукой шашку, подпрапорщикъ пробрался между танцующихъ къ невѣстѣ. Она была очень мила въ своемъ бѣломъ платьѣ, розовая блондинка съ золотистыми рыжеватыми волосами, со свѣтлымъ пушкомъ около ушей и на щекахъ, съ тонкой краснинкой вдоль темныхъ бровей.

— Мазельтофъ,—басомъ сказалъ подпрапорщикъ, шаркая ногой.

— Мазельтофъ, мазельтофъ,—одобрительно, съ улыбками и съ дружелюбнымъ изумленіемъ зашептали вокругъ.

Она встала, вся покраснѣла, расцвѣла улыбкой и, потупивъ счастливые глаза, отвѣтила:

— Мазельтофъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она разыскала подпрапорщика въ толпѣ и подошла къ нему съ подносомъ, на которомъ стояла серебряная чарка съ виноградной водкой и блюдечко со сладкими печеньями.

— Прошу васъ, — сказала она ласково.

Слезкинъ выпилъ и крякнулъ. Водка была необыкновенно крѣпка и ароматична.

— Положите что-нибудь на подносъ,—шепталъ сзади Дризнеръ. — Это ужъ такой обычай.

Подпрапорщикъ положилъ двугривенный.

— Благодарю васъ, — сказала тихо невѣста и взглянула на него сіяющими глазами.

«Чортъ знаетъ, какое свинство,—думалъ подпрапорщикъ презрительно. — Сами приглашаютъ и сами заставляютъ платить». Онъ заранѣе зналъ, что не отдастъ Дризнеру его трехъ рублей, но ему все-таки было жалко денегъ.

Было уже около 11-ти часовъ вечера. Въ другой комнатѣ, предназначенной для ужина, тоже начали танцовать, но исключительно старики и старухи. Тѣ трое музыкантовъ, что шли впереди свадебной процессіи, кларнетъ, скрипка и бубенъ, играли маюфесъ—старинный свадебный еврейскій танецъ. Почтенныя толстыя хозяйки въ бѣлыхъ и желтыхъ шелковыхъ платкахъ, гладко повязанныхъ на головѣ, но оставляющихъ открытыми оттопыренныя уши, и сѣдобородые, солидные коммерсанты образовали кружокъ и подпѣвали задорному, лукавому мотиву, хлопая въ тактъ въ ладоши. Двое пожилыхъ

мужчинъ танцовали въ серединѣ круга. Держа руки у подмышекъ съ вывернутыми наружу ладонями и сложенными бубликомъ указательными и большими пальцами, выпятивъ впередъ кругленькіе животы, они осторожно, съ жеманной и комической важностью ходили по кругу и наступали другъ на друга, и точно въ недоумѣніи пятились назадъ. Ихъ преувеличенныя ужимки и манерныя ухватки напоминали отдаленно движеніе кошки, идущей по льду. Молодежь, столпившаяся сзади, смѣялась отъ всей души, но безъ малѣйшей тѣни издѣвательства. «Чортъ знаетъ, что за безобразіе!»—подумалъ подпрапорщикъ.

Въ полночь накрыли на столъ. Подавали, какъ и предсказывалъ Миткевичъ, фаршированную щуку и жаренаго гуся—жирнаго, румянаго, со сладкимъ изюмнымъ и черносливнымъ соусомъ. Подпрапорщикъ передъ каждымъ кускомъ пищи глоталъ безъ счета крѣпкую фруктовую водку и къ концу ужина совершенно опьянѣлъ. Онъ безсмысленно водилъ мутными, мокрыми, упорно-злыми глазами и рыгалъ. Какой-то худенькій, сѣденькій старичокъ съ ласковыми темными глазами табачнаго цвѣта, любитель пофилософствовать, говорилъ ему, наклоняясь черезъ столъ:

— Вы же, какъ человѣкъ образованный, сами понимаете: Богъ одинъ для всѣхъ людей. Зачѣмъ людямъ ссориться, если Богъ одинъ? Бываютъ разныя вѣры, но Богъ одинъ.

— У васъ Богъ Макарка,—сказалъ вдругъ Слезкинъ съ мрачною серьезностью.

Старичокъ захихикалъ угодливо и напряженно, не зная, какъ выйти изъ неловкаго положенія, и дѣлая видъ, что онъ не понялъ пьяныхъ словъ Слезкина.

— Хе-хе-хе... И библія у насъ одинакова... Моисей, Авраамъ, царь Давидъ... Какъ у васъ, такъ и у насъ.

— Убирайся въ... А Христа зачѣмъ вы распяли?!—

крикнулъ подпрапорщикъ, и старикъ умолкъ, испуганно моргая вѣками.

Слѣпое бѣшенство накипало въ мозгу Слезкина. Его безсознательно раздражало это чуждое для него, дружное, согласное веселье, то почти дѣтское веселье, которому умѣютъ предаваться только евреи на своихъ праздникахъ... Какимъ-то завистливымъ, враждебнымъ инстинктомъ онъ чуялъ вокругъ себя многовѣковую, освященную обычаемъ и религіей спайку, ненавистную его расхлябанной, изломанной, мелочной натурѣ попа-неудачника. Сердила его недоступная, непонятная ему, яркая красота еврейскихъ женщинъ и независимая, на этотъ разъ, манера мужчинъ держать себя—тѣхъ мужчинъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть на улицахъ, на базарахъ и въ лавкахъ приниженными и заискивающими. И по мѣрѣ того, какъ онъ пьянѣлъ, ноздри его раздувались, стискивались крѣпко зубы и сжимались кулаки.

Послѣ ужина столы очистили отъ посуды и остатковъ кушанья. Какой-то человѣкъ вскочилъ съ ногами на столъ и что-то затянулъ нараспѣвъ по-еврейски. Когда онъ кончилъ,—сѣдобородый, раскраснѣвшійся отъ ужина, красивый старикъ Эпштейнъ поставилъ на столъ серебряную вазу и серебряный праздничный шандалъ о семи свѣчахъ. Кругомъ аплодировали. Глашатай опять запѣлъ что-то. На этотъ разъ отецъ жениха выставилъ нѣсколько серебряныхъ предметовъ и положилъ на столъ пачку кредитныхъ билетовъ. И такъ постепенно дѣлали всѣ приглашенные на свадьбу, начиная съ самыхъ почетныхъ гостей и ближайшихъ родственниковъ. Такимъ образомъ собиралось приданое молодымъ, а какой-то юркій молодой юноша, сидѣвшій у края стола, записывалъ дары въ записную книжку.

Слезкинъ протиснулся впередъ, тронулъ нишущаго за плечи и хрипло спросилъ, указывая на столъ:

— Это что еще за свинство?

Онъ съ трудомъ держался на ногахъ, перекачиваясь съ носковъ на каблуки, и то выпячивалъ животъ, то вдругъ рѣзко ломался впередъ всѣмъ туловищемъ. Вѣки его отяжелѣли и полузакрывали мутные, напряженные глаза.

Кругомъ замолчали на минуту, всѣ съ тревогой обернулись на Слезкина, и это неловкое молчаніе неожиданно взорвало его. Красный, горячій туманъ хлынулъ ему въ голову и заволокъ всѣ предметы передъ глазами.

— Лавочку открыли? А? Жжыды! А зачѣмъ вы распяли Господа Іисуса Христа? Подождите, сволочи, дайте срокъ, мы еще вамъ покажемъ кузькину мать. Мы вамъ покажемъ, какъ есть мацу съ христіанской кровью. Теперь уже не пухъ изъ перинъ, а кишки изъ васъ выпустимъ. Пауки подлые! Всю кровь изъ Россіи высосали. Пр-родали Россію.

— Однако вы не смѣйте такъ выражаться!—крикнулъ сзади чей-то неувѣренный молодой голосъ.

— Пришли въ чужой домъ и безобразничаете. Хорошъ офицеръ!—поддержалъ другой.

— Господинъ Слезкинъ... Я васъ убѣдительно прошу... Я васъ прошу, — тянулъ его за рукавъ почтовый чиновникъ. — Да бросьте, плюньте, не стоитъ тратить здоровье.

— Пшелъ прочь... сусликъ!—заоралъ на него Слезкинъ. — Морду расшибу!

Онъ грозно ударилъ кулакомъ наотмашь, но Миткевичъ во-время отскочилъ, и подпрапорщикъ, чуть не повалившись, сдѣлалъ нѣсколько нелѣпыхъ шаговъ вбокъ.

— Разговаривать? — кричалъ онъ яростно. — Разговаривать? Христопродавцы! Сейчасъ вызову изъ казармы полуроту и всѣхъ васъ въ дребезги. Рразшибу-у!—завылъ

онъ вдругъ дикимъ, рвущимся голосомъ и, выхвативъ изъ ноженъ шашку, ударилъ ею по столу.

Женщины завизжали и бросились въ другую комнату.

Но на рукѣ у Слезкина быстро повисъ, лепеча умоляющія, униженныя слова, полковой подрядчикъ Дризнеръ, а сзади въ это время обхватилъ его вокругъ спины и плечъ мѣстный извозчикъ Іоська Шапиро, человѣкъ необычайной физической силы. Подпрапорщикъ барахтался въ ихъ рукахъ, разрывая на себѣ мундиръ и рубашку. Кто-то отнялъ у него изъ рукъ шашку и переломилъ ее о колѣно. Другой сорвалъ съ него погоны.

Больше онъ ничего не помнилъ: ни того, какъ явился на свадебный балъ разбуженный кѣмъ-то капитанъ Бутвиловичъ съ двумя солдатами, ни того, какъ его перенесли домой безчувственнаго, ни того, конечно, какъ его денщикъ, раздѣвъ своего подпрапорщика, съ искаженнымъ отъ давнишней злобы лицомъ, пристально глядѣлъ на Слезкина и нѣсколько разъ съ наслажденіемъ замахивался кулакомъ, но ударить не рѣшался.

На другой же день, разруганный своимъ ротнымъ командиромъ (кстати тоже испугавшимся отвѣтственности), Слезкинъ бѣгалъ къ Эпштейну, и къ Фридману, и къ Дризнеру, и къ почтовому чиновнику Миткевичу, умоляя ихъ молчать обо всемъ происшедшемъ. Ему пришлось много унижаться, пока онъ не получилъ символовъ чести мундира—пары погоновъ и сломанной шашки.

Потомъ, цѣлый день, до ночи онъ не выходилъ изъ дому, боясь поглядѣть даже въ глаза своему денщику. А поздно ночью, подавленный вчерашнимъ похмельемъ, страхомъ и униженіемъ, онъ молился на образокъ Черниговской Божіей Матери, висѣвшій у него въ изголовьѣ кровати на розовой ленточкѣ, крѣпко прижималъ сложенные пальцы ко лбу, къ животу и къ плечамъ, умиленно сотрясалъ склоненной набокъ головой и плакалъ.

ТРУСЪ.

I.

Шабашъ только-что окончился, но въ винномъ погребѣ Айзика Рубинштейна было уже такъ тѣсно, что запоздалые посѣтители не находили, гдѣ присѣсть, и пили, стоя около чужихъ столиковъ. Сквозь туманъ, испареній, выдыхаемыхъ толпою, сквозь синія слоистыя облака табачнаго дыма, огни висячихъ лампъ казались желтыми, расплывчатыми пятнами, а на каменныхъ ноздреватыхъ сводахъ погреба блестѣла каплями сырость. Двое прислужниковъ, въ черныхъ передникахъ и кожаныхъ нарукавникахъ, едва успѣвали разносить по столамъ мутное бессарабское вино, которое самъ Рубинштейнъ, стоя за прилавкомъ, цѣдилъ изъ двухъ большихъ бочекъ въ графины. Это вино пріятно было пить, особенно послѣ остраго козьяго сыра, подававшагося къ каждому графину, но, выпитое въ большомъ количествѣ, оно кидалось въ голову, дѣлало человѣка крикливымъ и вспыльчивымъ и толкало къ ссорамъ. Посѣтители говорили между собою, что Айзикъ настаиваетъ это вино на табакѣ, поломъ съ бѣленою, но все-таки продолжали ходить въ его погребъ, который былъ биржей и клубомъ для еврейскаго населенія маленькаго пограничнаго городишки.

Жаргонный говоръ, то стремительный и раскатистый въ

серединѣ фразъ, то завывающій на окончаніяхъ, несся отовсюду, сопровождаемый яркой мимикой и оживленными, преувеличенными жестами. Со стороны можно было подумать, что въ погребѣ разгорѣлась общая ссора, и что всѣ посѣтители говорятъ одновременно, не слушая и стараясь перекричать другъ друга. Но этотъ гвалтъ былъ въ заведеніи Айзика самымъ обычнымъ явленіемъ.

Кто-то застучалъ ладонью по столу, какъ это часто дѣлаютъ въ синагогѣ, чтобы прекратить шумъ.

— Ша!—выкрикнулъ рѣзко и требовательно чей-то голосъ.

И десятки рукъ также застучали по столамъ, и со всѣхъ сторонъ нетерпѣливые голоса подхватили это восклицаніе:

— Ша!..

На середину погреба вышло двое бродячихъ актеровъ. Одинъ изъ нихъ былъ небрежно и грубо загримированъ старикомъ: куски ваты, приклеенные подъ носомъ, изображали усы, такіе же бѣлые комки спускались отъ щекъ и подбородка длинными закрученными висюльками. И все-таки, несмотря на свое убожество, этотъ наивный гримъ придавалъ головѣ актера странное и трогательное сходство съ лицами ветхозавѣтныхъ пророковъ. Длинный лапсердакъ старика, умышленно разорванный и заплатанный во многихъ мѣстахъ, былъ въ таліи обмотанъ краснымъ кушакомъ. Другой актеръ, рослый мужчина съ короткой бородой и равнодушно-наглыми, влажными, большими глазами, былъ безъ грима и держался нѣсколько позади старика.

— Ша!.. Тихо!.. — крикнулъ изъ-за прилавка Айзикъ Рубинштейнъ и звонко шлепнулъ ладонью по бочкѣ.

Шумъ сразу упалъ, перейдя въ густое, протяжное гудѣнье.

— Это Цирельманъ!.. Старый Гершъ Цирельманъ, —

передавали отъ стола къ столу. — Цирельманъ будетъ давать представленіе.

Черныя, курчавыя головы, въ картузахъ и ушастыхъ мѣховыхъ шапкахъ, повернулись назадъ, туловища жадно вытянулись, черные, пламенные глаза съ напряженнымъ ожиданіемъ впились въ актеровъ

Цирельманъ поднялъ кверху руки, отчего рукава лапсердака сползли внизъ и обнажили худыя, костлявыя, красныя кисти, закинулъ назадъ голову и возвелъ глаза къ закопченному потолку. Изъ груди его вылетѣлъ сиплый, но высокій и дрожащій звукъ, который долго и жалобно вибрировалъ подъ низкими сводами, и когда онъ, постепенно слабѣя, замеръ, то слышно было, какъ въ погребѣ быстро затихали, подобно убѣгающей волнѣ, послѣдніе разговоры. И тотчасъ же въ сыромъ, тяжеломъ воздухѣ наступила чуткая тишина.

Старикъ медленно и громко вздохнулъ, уронилъ голову набокъ и безпомощно, съ усталымъ видомъ, бросилъ руки вдоль тѣла. Постоявъ такъ нѣсколько секундъ и точно собравшись съ силами, онъ горестно замоталъ головой и запѣлъ тихимъ, стонущимъ речитативомъ, съ долгими паузами, во время которыхъ было слышно, какъ шипѣлъ керосинъ въ лампахъ:

— Благословенъ Богъ нашъ, Богъ сильный, приведшій меня къ порогу этого дома... О, какъ труденъ былъ мой путь! Какіе знойные дни, какія страшныя ночи!.. Острые камни ранили мои ноги, колючіе шипы рвали мои одежды... Но вотъ наконецъ эта мирная кровля, подъ которой живетъ мой сынъ, мой возлюбленный, прекрасный первенецъ Абрамъ. Его сердце нѣжнѣе, чѣмъ цвѣтокъ яблони... Онъ омоетъ горящія ноги стараго отца, онъ одѣнетъ его въ лучшія одежды... Вотъ я стучу въ твои двери, сынъ мой. Слышитъ ли твоя душа, кто стоитъ у порога? Спѣши же, отвори скорѣе, любимѣйшій изъ моихъ сыновъ!

Стоявшій сзади чернобородый мужчина засунулъ руки въ карманы панталонъ и, безучастно закрывши глаза, пропѣлъ заученныя слова:

— Кто тамъ стучитъ у воротъ? Ночь холодна, я лежу въ постели и не выйду наружу.

— О, сынъ мой, развѣ твоя душа не дрожитъ и не рвется мнѣ навстрѣчу? Это я, — тотъ, кто далъ тебѣ жизнь и свѣтъ. Это я, твой несчастный, больной, старый отецъ. Отвори же, отвори скорѣе: на улицахъ голодные псы воютъ на луну, а мои слабыя ноги подкашиваются отъ усталости...

Онъ замолчалъ, тихо и скорбно покачивая головой. Послѣ первыхъ же фразъ слушатели привыкли къ глухому и сиплому тембру его голоса и теперь глядѣли на Цирельмана, не отрываясь, захваченные словами старой національной мелодрамы. Убогая обстановка не мѣшала этимъ страстнымъ подвижнымъ натурамъ, жаднымъ до всякихъ театральныхъ зрѣлищъ, видѣть въ своемъ пылкомъ восточномъ воображеніи: и пустынную улицу, озаренную луной, и бѣлый домикъ съ каменной оградой, и рѣзкія, черныя тѣни деревьевъ на землѣ и на стѣнахъ.

Сынъ наконецъ узналъ отца и отворилъ двери своего жилища. Ветхозавѣтный пророкъ весь дрожалъ отъ волненія, и вмѣстѣ съ нимъ тряслись и прыгали бѣлыя, закрученныя космы его бороды.

— О, мое сокровище!.. Тотъ часъ, когда я впервые увидѣлъ тебя слабымъ и безпомощнымъ на рукахъ твоей матери, не былъ для меня такъ сладокъ, какъ этотъ, когда я снова прижимаю твою прекрасную голову къ своей груди, — говорилъ Цирельманъ нараспѣвъ, рыдающимъ голосомъ.

Но чернобородый мужчина оставался непоколебимымъ. Онъ не вынималъ рукъ изъ кармановъ и, пропѣвъ безъ всякаго выраженія свою реплику, отворачивался въ сто-

рону, сплевывалъ и со скучающимъ видомъ обводилъ зрителей наглыми, воловьими глазами. Впрочемъ, и по пьесѣ, представлявшей собою нѣчто въ родѣ еврейскаго «Короля Лира», слѣдовало, что сынъ вовсе уже не такъ былъ радъ свиданію съ отцомъ. Домъ его переполненъ уважаемыми, богатыми гостями, сонъ которыхъ нельзя тревожить ради пришельца. Кромѣ того, Абрамъ недавно женился на красивой, знатной, изнѣженной женщинѣ: ее, навѣрно, стѣснитъ неожиданное посѣщеніе оборваннаго, больного старика. Пусть отецъ уходитъ назадъ, въ свой родной городъ. Тамъ его знаютъ, тамъ его должна поддержать община.

Между отцомъ и сыномъ происходитъ драматическое объясненіе. Сынъ — человѣкъ новаго поколѣнія, онъ безъ-заботно относится къ строгой вѣрѣ предковъ, не исполняетъ священныхъ обрядовъ старины, въ его черствой коммерческой душѣ нѣтъ уже мѣста для нѣжныхъ и благодарныхъ сыновнихъ чувствъ. Онъ съ утра и до вечера трудится, промышляя кусокъ хлѣба для себя и для семьи, и не можетъ дѣлиться съ лишнимъ человѣкомъ. Нѣтъ! Пускай отецъ возвращается назадъ, въ свой родной городъ: здѣсь для него не найдется угла!..

Обо всемъ этомъ второй актеръ сообщалъ съ полнымъ равнодушіемъ, медленно покачивая туловище налѣво и направо. Но Цирельманъ уже не нуждался въ его поддержкѣ. Съ каждой фразой его голосъ крѣпнулъ, и въ немъ все сильнѣе, какъ рокотъ металлическихъ струнъ, трепетала древняя, многовѣковая библейская скорбь, которая, точно плачъ по утерянномъ Іерусалимѣ, рыдаетъ съ такой неутолимой и горестной силой во всѣхъ еврейскихъ молитвахъ и пѣсняхъ.

— О, горе, горе мнѣ! — стоналъ Цирельманъ, и его протянутыя впередъ руки тряслись, и длинная бѣлая борода вздрагивала. — Плюнь въ мои сѣдые волосы, брось

грязью въ мое старое лицо!.. Зачѣмъ я родилъ тебя!.. Кто на свѣтѣ испыталъ горе, равное моему?..

Глаза его широко раскрылись и выкатились наружу изъ орбитъ, а бѣлки ихъ налились кровью и слезами, поблѣднѣвшія губы искривились, голосъ то опускался до хриплаго, трагическаго шопота, то переходилъ въ срывающіеся вопли, похожіе и на завыванье и на кашель. Конечно, эта декламація была преувеличена и, пожалуй, даже нелѣпа, но зрители были такъ увлечены и очарованы драматической сценой, что незамѣтно для самихъ себя повторяли всѣ изступленныя движенія Цирельмана. Они сжимали кулаки, когда актеръ билъ себя въ грудь, и нервно потряхивали головами, когда онъ въ отчаяніи размахивалъ своей ватной бородой. Ихъ одинаково волновали: и страстная игра Цирельмана, и трогательность стараго, давно знакомаго сюжета, и отголоски священнаго плача, звучавшаго въ речитативахъ.

Старикъ понялъ наконецъ, что, найдя сына, онъ въ то же время потерялъ его.

— Я уйду навсегда изъ твоего дома! — выкрикивалъ Цирельманъ, задыхаясь, и его тонкіе, длинные пальцы судорожно рвали воротъ лапсердака. — Я уйду и не призову на твою голову отцовскаго проклятія, которому внимаетъ самъ Іегова; но знай, что со мною уходитъ твое счастье и твой спокойный сонъ. Прощай, Абрамъ, но запомни навсегда мои послѣднія слова: въ тотъ день, когда твой сынъ прогонитъ тебя отъ порога, ты вспомнишь о своемъ отцѣ и заплачешь о немъ...

Цирельманъ давно уже кончилъ, но зрители все такъ же молча, неподвижно и напряженно, затаивъ дыханіе и полуоткрывъ рты, глядѣли на него. И такъ велико было очарованіе этихъ бѣдныхъ, простыхъ и горячихъ сердецъ, что они съ трудомъ опомнились только тогда,

когда Цирельманъ, спокойно и заботливо снявъ усы и бороду, спряталъ ихъ въ карманъ и медленно сталъ стаскивать съ плечъ заплатанный лапсердакъ. Говоръ, смѣхъ, восклицанія и стукъ сразу хлынули со всѣхъ сторонъ и наполнили погребъ. Въ эту минуту каждый зритель позабылъ о томъ, что Гершъ Цирельманъ — пустой, ни къ чему неспособный человѣкъ, представитель презираемой профессіи, старый пьяница, котораго изъ-за его порока не держали ни въ одной труппѣ. Въ черныхъ глазахъ, устремленныхъ на него отовсюду, блестѣлъ искренній, еще не успѣвшій простыть, признательный восторгъ.

Безъ костюма и грима Цирельманъ оказался невысокимъ, коренастымъ человѣкомъ, съ бритымъ, старымъ и желтымъ, точно изжеваннымъ актерскимъ лицомъ и курчавыми волосами, на которыхъ сѣдина лежала сверху, какъ будто они были припудрены. Глаза подъ взъерошенными, неровными бровями были почти безъ рѣсницъ и носили суровый, безпокойный и печальный оттѣнокъ, присущій взгляду привычныхъ пьяницъ.

Айзикъ Рубинштейнъ, хозяинъ погреба, толстый, веселый и чувствительный плутъ, былъ растроганъ больше другихъ. Со смѣющимися, но еще мокрыми отъ слезъ глазами, онъ похлопалъ Цирельмана по плечу и сказалъ:

— Очень хорошо, прекрасно исполнено! Вы, Гершъ, имѣете получить съ меня двадцать грошей за представленіе. Но я знаю, что вамъ будетъ пріятнѣе имѣть полкварты бѣлаго вина, которое вы всегда требуете. Считайте его за мною!

Съ тарелкой въ рукахъ Цирельманъ обошелъ всѣ столики, и каждый зритель бросалъ ему копейку или двѣ, добровольно оплачивая только-что пережитыя сильныя ощущенія. Тѣ, у кого не было мелочи, клали дешевыя папиросы. Даже извѣстный своей скупостью Мееръ Ко-

валевъ, богатый шмуклеръ *), положилъ на тарелку пятачокъ.

— Видите, Гершъ, я ложу вамъ десять грошей, — сказалъ онъ торжественно: — и беру сдачи... одна... три... четыре... Смотрите, я беру назадъ восемь грошей... А одну копейку вы можете оставить себѣ. Вы отличный актеръ, Цирельманъ!

Всѣ дружелюбно улыбались Гершу, обнимали его за спину и трепали по плечамъ; многіе звали его присѣсть къ своимъ столикамъ. Глаза Герша были еще красны, а на вискахъ и на концѣ носа стояли мелкія и круглыя, какъ бисеръ, капли пота; но нахмуренное лицо его хранило отчужденное и высокомѣрное выраженіе, свойственное настоящему художнику, только-что пережившему сладкую и тяжелую минуту вдохновенія.

II.

Отсчитавъ своему помощнику (который въ обыкновенное время состоялъ подмастерьемъ рѣзника) четвертую часть сбора, Цирельманъ сѣлъ въ углу, около входа, за освободившійся столикъ и спросилъ вина. Первый стаканъ онъ выпилъ съ зажмуренными глазами, не отнимая рта, и такими жадными, большими глотками, что у него даже сдѣлалось больно внутри горла. Потомъ онъ налилъ второй стаканъ, но отставилъ его отъ себя и, сгорбившись на стулѣ и положивъ ногу на ногу, закурилъ папиросу.

Цирельманъ ждалъ. Вытирая вспотѣвшее лицо краснымъ дырявымъ платкомъ, онъ часто оглядывался на дверь, которая то и дѣло хлопала на блокѣ и дребезжала своими стеклами, впуская, вмѣстѣ съ новыми го-

*) Шпуровой мастеръ.

стями, стремительные клубы бѣлаго морознаго пара. Простосердечные зрители, только-что наивно волновавшіеся вмѣстѣ съ Цирельманомъ, теперь совсѣмъ забыли о немъ, и онъ сидѣлъ раскисшій, усталый, охваченный знакомой ему тоскливой и разсѣянной пустотой, которая въ былые дни наполняла его душу, когда онъ оставался одинъ послѣ спектаклей. Онъ глядѣлъ мутными, неподвижными глазами на блестящій край стакана, между тѣмъ какъ углы его набрякшихъ вѣкъ опустились, а отъ концовъ большихъ изогнутыхъ губъ легли внизъ двѣ брезгливыя складки.

Шумъ въ погребѣ росъ. Уже не было слышно отдѣльныхъ голосовъ, а, казалось, гудѣло все: и стѣны, и столы, и люди, и синій отъ табачнаго дыма воздухъ. Этотъ однообразно-пестрый гулъ, то падавшій, то опять плавно подымавшійся, былъ похожъ на движеніе большихъ, качающихся волнъ. Иногда же неясные и разбросанные звуки вдругъ стекались вмѣстѣ, въ одну согласную музыкальную рѣку и размѣренно плыли подъ потолкомъ, какъ внезапный отрывокъ невѣдомой и сложной мелодіи. И сухое щелканье костяжекъ домино сопровождало ихъ, точно трескъ кастаньетъ.

Вдругъ Цирельманъ оживился и нервно задвигался на стулѣ. Въ подвалъ спускался, бережно и грузно ставя на ступеньки толстыя кривыя ноги, мѣстный балагула *) Мойше Файбишъ. Небольшого роста, но широкій, тяжеловѣсный и могучій, онъ былъ похожъ на старый дубовый пень и весь казался налитымъ густой апоплексической кровью: лицо у него было страшнаго сизаго цвѣта, бѣлки маленькихъ глазъ — кровавые, а на лбу, на вискахъ и особенно на концѣ мясистаго носа раздувшіяся вены вились синими упругими змѣйками. Короткая, жесткая,

*) Балагула—экипажъ для дальнихъ переѣздовъ. Балагулой также называютъ и хозяина такого экипажа, или ямщика.

спутанная борода начиналась у него изъ-подъ самыхъ глазъ, а на концахъ, вокругъ всего лица, была такая сѣдая и пышная, какъ будто Файбишъ только-что опустилъ ее въ мыльную пѣну.

Файбишъ издали увидѣлъ Цирельмана и сдѣлалъ ему бровями быстрый предостерегающій знакъ. Балагула бокомъ, съ неловкой и смѣшной осторожностью очень сильнаго человѣка, пробирался между столиками, задѣвая за стулья, улыбаясь и тыкая небрежно налѣво и направо для пожатія свою руку. Файбишъ пользовался въ мѣстечкѣ, несмотря на свой не особенно высокій балагульный промыселъ, значительнымъ и довольно вѣскимъ почетомъ. Онъ былъ извѣстенъ — хотя этого и не говорили открыто — за смѣлаго, предпріимчиваго контрабандиста. Передавали шопотомъ, что много лѣтъ тому назадъ, спасаясь отъ преслѣдованія конныхъ пограничныхъ стражниковъ, онъ застрѣлилъ солдата, и хотя потомъ судился по подозрѣнію въ убійствѣ, но былъ отпущенъ на свободу, за неимѣніемъ настоящихъ уликъ. Кромѣ того, Файбишъ былъ знаменитъ — и даже далеко за предѣлами уѣзда — своей необычайной физической силой, принимавшей въ пылкихъ умахъ мѣстной молодежи преувеличенные библейскіе размѣры. Провозгласители тостовъ на свадьбахъ неизмѣнно сравнивали его съ сокрушителемъ зданій — Самсономъ.

— Добрый вечеръ, Гершъ! — сказалъ Файбишъ, подойдя къ столику Цирельмана и протягивая актеру маленькую, негнущуюся, холодную и мозолистую руку.

— Добрый вечеръ, — отвѣтилъ Цирельманъ. Онъ почтительно привскакнулъ на стулѣ и даже шаркнулъ подъ столомъ ногами. — Садитесь, будьте любезны, — я спрошу еще вина. Какъ шабашевали? Этотъ графинчикъ не въ счетъ; его мнѣ зафундовалъ Рубинштейнъ за представленіе; но я велю принести другой, — хорошо?

— Очень вамъ благодаренъ. Такъ вы давали представленіе?

— Ну, а почему же нѣтъ, господинъ Файбишъ?

— Жаль, жаль, что я не поспѣлъ. И что же, порядочно собрали?

— Псс!.. поскудство... Но все-таки дали немного торговать... тридцать четыре копейки... За ваше здоровье, господинъ Файбишъ!..

— За ваше!..

Файбишъ выпилъ стаканъ вина, но тотчасъ же закашлялся, потому что давно уже страдалъ одышкой. Во время кашля вся кровь, переполнявшая его массивное тѣло, кинулась ему въ голову; лицо его ещё больше посинѣло, шея распухла, а жилы на лбу и на носу вздулись, какъ у удавленника. Откашлявшись, онъ долго, съ хрипѣніемъ и со свистомъ въ горлѣ, отдувался, потомъ обсосалъ намокшіе въ винѣ усы, вытеръ ихъ ребромъ ладони въ одну и въ другую сторону и наконецъ отрывисто спросилъ:

— Ну, что же? Не раздумали?

Цирельманъ вдругъ со страшной ясностью почувствовалъ, что наступилъ моментъ, когда онъ вотъ-вотъ долженъ перешагнуть за какую-то невидимую нить, послѣ которой начнется совсѣмъ иная, темная и жуткая жизнь. Онъ поблѣднѣлъ, наклонился близко къ Файбишу и беззвучно зашевелилъ похолодѣвшими губами.

— Что за чортъ! Ничего не слышу. Говорите же громче! — захрипѣлъ Файбишъ и нетерпѣливо ударилъ кулакомъ по столу.

— Я ничего... я, какъ вы, господинъ Файбишъ... Что же... Я отъ своихъ словъ не откажусь...

Говоря эти растерянныя слова, Цирельманъ поглядѣлъ на маленькую волосатую руку, которая лежала ладонью внизъ на столѣ, и неожиданно для себя со страхомъ по-

думалъ, что этой самой рукой Файбишъ убилъ пограничнаго солдата. И, съ чувствомъ раздражающей, обморочной слабости въ груди и въ животѣ, онъ залепеталъ едва слышно:

— Я... я... я не боюсь... Вы меня еще не знаете, господинъ Файбишъ!

— Положимъ, это вы врете, что не боитесь, — презрительно усмѣхнулся въ свою опѣненную бороду Файбишъ. — Всѣ вы — трусы и сволочь. Вотъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, а можетъ-быть, и больше, — тогда я былъ еще молодымъ и сильнымъ человѣкомъ, — тогда былъ у меня товарищъ, Іосель Бакаляръ... — Файбишъ вздохнулъ и налилъ себѣ вина. — Это былъ человѣкъ! О! мы съ нимъ много сдѣлали хорошихъ гешефтовъ... Но бросимъ это! Да. Такъ, если вы согласны, приготовляйтесь! Сегодня ночью...

— Сегодня ночью... — повторилъ за нимъ однозвучно и безсмысленно Цирельманъ.

— Ну да, сегодня. Я заѣду за вами. Но, если вамъ страшно, скажите сейчасъ! Потомъ будетъ поздно. Понимаете?

— Я не боюсь, Файбишъ, я не боюсь! — повторилъ умоляющимъ шопотомъ Цирельманъ, крѣпко прижимая руки къ груди.

Онъ уже перешагнулъ загадочную грань и теперь вступалъ — одинокій, безпомощный и слабый — въ таинственный міръ, полный ночныхъ ужасовъ, крови и опасностей. И въ этомъ чудовищномъ мірѣ была только одна власть, — власть сидѣвшаго съ нимъ рядомъ страннаго, непонятнаго, ничего не боящагося человѣка.

Невольно онъ оглянулся вокругъ себя. На нихъ обоихъ были со всѣхъ сторонъ устремлены живые, черные глаза, горѣвшіе напряженнымъ любопытствомъ. Но, встрѣчаясь съ испуганнымъ, помертвѣвшимъ взглядомъ Цирельмана,

любопытные глаза бѣгло отворачивались и опускались, отчасти отъ страха передъ Файбишемъ, отчасти изъ дѣловой скромности. Это ободрило Цирельмана, и онъ выпрямилъ свою согнутую спину. Всѣ эти изворотливые, проницательные люди, безъ сомнѣнія, знали, о чемъ онъ разговаривалъ, нагнувшись голова къ головѣ, съ Файбишемъ. И мысль, что на него, всегда нѣсколько презираемаго, наконецъ-то глядятъ съ любопытствомъ, ожиданіемъ и боязливымъ почтеніемъ, что ужасная слава Файбиша окутываетъ и его, Цирельмана, необычайнымъ, героическимъ свѣтомъ, — эта мысль пріятно и льстиво ударила ему въ голову и изгнала оттуда послѣднія колебанія трусости. И онъ въ первый разъ взглянулъ прямо и твердо въ маленькіе, кровавые глаза балагулы, наблюдавшіе за нимъ съ острой насмѣшкой изъ-подъ косматыхъ черныхъ бровей.

— Я не лягу спать, Файбишъ, — сказалъ онъ рѣшительно. — Постучите мнѣ только въ окно, и я сейчасъ же выйду.

И когда Цирельманъ поднялся, чтобы уйти, и почувствовалъ на своей спинѣ десятокъ жадныхъ, удивленныхъ взглядовъ, то онъ вспомнилъ старое актерское время и прошелъ вдоль погреба театральной походкой, съ выпяченной грудью и гордо закинутой назадъ головой, большими шагами, совершенно такъ, какъ уходилъ, бывало, со сцены въ роляхъ иноземныхъ герцоговъ и предводителей разбойничьихъ шаекъ.

III.

Цирельманъ и его жена Этля — старая не по лѣтамъ женщина, изможденная горемъ и голодной, бродячей жизнью — были бездѣтны. Они жили на краю мѣстечка, снимая уголъ у вдовы сапожника, которая, въ свою оче-

редь, нанимала за 2 рубля цѣлую комнату, передѣланную изъ яичнаго склада. Въ огромной и пустой, какъ сарай, комнатѣ, вымазанной голубой известкой, стояли прямо на земляномъ полу неотгороженныя никакими занавѣсками двѣ кровати: у одной стѣны помѣщалась вдова съ четырехлѣтней дѣвочкой, а у другой — Цирельманъ съ женой.

Вдова давно уже спала. Слышно было, какъ она ровно, громко и свободно дышала открытымъ ртомъ. Было темно; только кривые подоконники слабо серебрились отъ лучей молодого мѣсяца. Цирельманъ лежалъ подъ старымъ, замасленнымъ пуховымъ бебехомъ, рядомъ со своей женой, и пугливо прислушивался къ ночному безмолвію. Этля спала, или притворялась спящей; она лежала, повернувшись къ мужу спиной, беззвучно и неподвижно, какъ мертвая.

Въ сонной тишинѣ, которую равномѣрное дыханіе вдовы дѣлало еще глубже и однообразнѣе, всѣ ночные звуки пріобрѣтали странную, тревожную отчетливость. Потрескивалъ разсыхающійся комодъ; возились мыши рядомъ, въ деревенномъ чуланчикѣ; что-то шуршало въ углахъ по стѣнамъ, и всѣ эти стуки и шорохи будили чутко-дремлющую тишину и горячими, пугливыми толчками отзывались въ сердцѣ у Герша.

Время тянулось скучно, напряженно и томительно-долго. Цирельманъ не спалъ, но на него находили какія-то темныя полосы, въ которыя онъ утрачивалъ понятіе о времени. Онъ даже не могъ уловить, когда начинался моментъ такого оцѣпенѣнія; но, внезапно очнувшись, находилъ себя бодрствующимъ и недоумѣвалъ, что съ нимъ случилось,—спалъ ли онъ только-что, или думалъ о чемъ-то, неожиданно ускользнувшемъ изъ головы, и сколько времени прошло въ этомъ удивительномъ состояніи: секунда, пять минутъ или полчаса?

Зато временами его слухъ и зрѣніе пріобрѣтали необычайную, болѣзненную остроту. Тогда ему чудилось, что онъ слышитъ за окномъ крадущіеся шаги. Онъ приподымался на локтяхъ и, чувствуя въ груди холодъ испуга, глядѣлъ въ окно, и сердце его наполняло всю комнату оглушительными ударами. И онъ ясно видѣлъ, какъ снаружи, съ улицы, большое, темное лицо настойчиво заглядывало въ комнату, и проходило много мучительныхъ минутъ, пока онъ не убѣждался, что его обманываютъ возбужденные нервы.

«Но вѣдь это кончится. Это должно же когда-нибудь кончиться, — лихорадочно думалъ Цирельманъ. — Придетъ Файбишъ, и окончится это жуткое ожиданіе... А потомъ окончится и вся эта ночь, таящая въ себѣ такъ много неизвѣстнаго и ужаснаго, и я скажу самому себѣ: «Это было вчера». Неужели я скажу когда-нибудь: Это было вчера? Надо быть спокойнѣе. Вѣдь что бы тамъ ни было, но все на свѣтѣ проходитъ, и когда-нибудь я скажу самому себѣ: «Это было мѣсяцъ, это было годъ тому назадъ...» И страха больше не будетъ, и все опять станетъ такимъ простымъ, легкимъ, обыкновеннымъ».

И вдругъ, въ одинъ изъ моментовъ необъяснимой потери сознанія, въ окно на самомъ дѣлѣ постучали. Стукъ былъ остороженъ и тихъ, потому что его производили мякотью пальца о стекло; но онъ отозвался громомъ во всѣхъ углахъ, разорвалъ сонную тишину, и отъ него сразу посвѣтлѣло въ комнатѣ. Сердце Цирельмана перестало биться, и все тѣло его похолодѣло, стало мягкимъ и безсильнымъ. «Это неправда, это мнѣ только кажется»,— пробовалъ онъ себя успокоить. Но стукъ опять повторился, такой же тихій и настойчивый; и сердце затрепыхалось такъ безпорядочно, съ такой болью и силой, что, казалось, отъ его ударовъ готова была лопнуть грудь.

Цирельманъ сѣлъ на кровати и тутъ только замѣтилъ, что его жена тоже сидитъ и смотритъ въ окно. Она была безъ парика, который носятъ всѣ правовѣрныя замужнія еврейки, — коротковолосая и растрепанная, съ голыми руками и шеей, и лицо ея въ темнотѣ показалось Гершу чужимъ, незнакомымъ и поразительно бѣлымъ. И онъ слышалъ, какъ рядомъ съ нимъ зубы у его жены колотились другъ о друга мелкой и частой дробью.

— Стучатъ! — шепнула Этля.—Одѣвайся, Гершко: это Файбишъ.

Стукъ повторился въ третій разъ, и весь домъ точно содрогнулся отъ него. Но Цирельманъ сидѣлъ на кровати, чувствуя, какъ у него мерзнутъ и двигаются на головѣ волосы, и, раздавленный страхомъ, не могъ пошевельнуться.

— Что ты себѣ думаешь, Цирельманъ? — съ испугомъ и съ гнѣвомъ зашептала Этля, наклоняясь вплотную къ мужу и щекоча его ухо горячимъ дыханіемъ. — Ты безумный или что? Если ты трусишь, то и не нужно было браться. Файбишъ найдетъ другого, а тебѣ онъ этого никогда не проститъ.

Цирельмана въ эту минуту нестерпимаго страха совсѣмъ не удивило, что женѣ извѣстно то, о чемъ онъ условливался съ глазу на глазъ съ Файбишемъ; но слова Этли подтолкнули его. Въ однихъ чулкахъ онъ подошелъ къ окну и прильнулъ лицомъ къ стеклу, обгородившись ладонями отъ мутнаго свѣта, который шелъ отъ снѣга. Съ другой стороны окна на него близко и пристально глядѣло темное, широкое, бородатое лицо Файбиша, съ приставленными къ вискамъ такъ же, какъ и у Цирельмана, ладонями. Гершъ торопливо закивалъ головой и, хотя его нельзя было разслышать черезъ двойныя рамы, залепеталъ съ заискивающей боязливостью:

— Я сейчасъ, сейчасъ, господинъ Файбишъ!.. Я сейчасъ...

Онъ суетливо, ощупью сталъ одѣваться. Но ноги его не попадали въ сапоги, руки не могли сразу найти пуговицъ и петель, и все это было мучительно похоже на бредъ, въ которомъ совершенно забылось имя Файбиша, а было что-то грозное, неумолимое, не знающее ни страха ни жалости, что̀ стояло вотъ тутъ, рядомъ, и гнало впередъ, и пугало, и сковывало движенія.

Онъ хотѣлъ зажечь лампу, но Этля услышала тарахтѣнье спичекъ и впотьмахъ вырвала у него изъ рукъ коробку.

— Ша, дурной! — закричала Этля. — Или ты хочешь, чтобы весь базаръ узналъ, что̀ у насъ дѣлается?..

Когда Цирельманъ вышелъ наконецъ на крыльцо, онъ не узналъ ни своего дома ни безлюдной, пустынной улицы. Блѣдный молодой мѣсяцъ стоялъ надъ мѣстечкомъ, освѣщая занесенныя снѣгомъ крыши и бѣлыя, казавшіяся нѣжно-синими стѣны. Его тихіе лучи мертвымъ, дробящимся блескомъ отражались въ черныхъ стеклахъ оконъ, точно въ открытыхъ, но слѣпыхъ глазахъ. Гдѣ-то на краю мѣстечка монотонно и гулко скрипѣлъ снѣгъ подъ ногами ночного прохожаго. Все стало инымъ, новымъ, все точно притаилось и выжидательно подглядывало за дрожащимъ отъ холода и отъ страха человѣкомъ. И опять Цирельманъ почувствовалъ себя вырваннымъ изъ границъ обычной, прочной и спокойной жизни и обреченнымъ на невѣдомое, полное ужаса существованіе.

— Что̀ такъ долго? — спросилъ сурово Файбишъ. — Ну, не торчи же на лѣстницѣ, какъ оселъ! Садись вотъ тутъ, на рогожи! Да смотри: подъ тобой веревки, не запутайся!

У калитки стояли легкія сани, узкія и высокія спереди, но широкія и низкія къ заднему концу. Запряженныя въ нихъ двѣ лошади порывисто мотали головами, косились назадъ и озабоченно двигали острыми ушами: должно-

быть, и онѣ чувствовали необычайное настроеніе этой ночи. Файбишъ сѣлъ впереди, бокомъ, свѣсивъ наружу ноги; а Цирельманъ помѣстился сзади въ неудобной позѣ, держась широко разставленными руками за поручни.

«Все пройдетъ, все окончится», — думалъ актеръ; но эта мысль скользила гдѣ-то по верху, не проникала глубоко въ сознаніе и не успокаивала.

— Ну, часъ добрый! — сказалъ сердито Файбишъ, разбирая вожжи.

Полозья пронзительно и жалобно заплакали подъ санями, и лошади тронулись такъ осторожно, медленно и беззвучно, какъ будто бы онѣ боязливо и внимательно прислушивались къ каждому своему шагу.

IV.

Навстрѣчу санямъ потянулись бѣлые домики мѣстечка, соломенныя крыши и низкіе плетни, изъ-за которыхъ свѣшивались на улицу бѣлыя, облѣпленныя снѣгомъ деревья. Въ тонкомъ свѣтѣ мѣсяца, въ отзывчивой морозной тишинѣ, въ безмолвіи спящихъ домовъ была все та же новая для Цирельмана, грозная, стерегущая жизнь.

Скоро окончились послѣднія лачуги мѣстечка, и Файбишъ пустилъ озябшихъ лошадей рысью. Мелькнула въ сторонѣ стройная церковь съ зеленой, тускло блестѣвшей крышей, показалась вдали низкая кирпичная ограда католическаго кладбища, пробѣжали мимо жердяныя изгороди выгона. Сани выѣхали на широкую почтовую дорогу, на которой старые слѣды отъ полозьевъ блестѣли далеко впереди лошадей, точно металлическія полосы.

Файбишъ поправился на своемъ сидѣньи, подбилъ подъ себя полы войлочнаго балахона и повернулся къ Цирельману. На лицѣ балагулы, въ пространствѣ между лисьей шапкой и заиндивѣвшей бородой, только и виднѣлись

два маленькихъ глаза, и въ каждомъ изъ нихъ острой, блестящей точкой свѣтилось отраженіе мѣсяца.

— Вижу я, Цирельманъ, что съ васъ плохой помощникъ, — заговорилъ Файбишъ по-русски. — Эхъ, былъ у меня товарищъ Іосель Бакаляръ!.. Впрочемъ, что толковать! Слушайте же: когда мы переѣдемъ черезъ Збручъ и остановимся, вы будете ждать около лошадей. А потомъ я вернусь, и вы поможете мнѣ увязать товаръ въ рогожи.

— Такъ. Я понимаю, господинъ Файбишъ. Такъ, такъ, — кивалъ головой Цирельманъ.

— Смотрите хорошо за лошадьми! Лошади молодыя и пугливыя, особенно правая. Не выпускайте изъ рукъ вожжей! Если будетъ гармидеръ (шумъ), держите крѣпче!.. Стрѣлять умѣете?..

Цирельманъ глядѣлъ на двѣ яркія, колючія точки въ глазахъ Файбиша и не могъ отъ нихъ оторваться, точно изъ нихъ исходила какая-то сковывающая власть. Онъ слышалъ слова балагулы и держалъ ихъ въ памяти, но не понималъ ихъ смысла.

— Я спрашиваю васъ, умѣете ли вы стрѣлять изъ револьвера? Вѣрно, нѣтъ?

Цирельманъ хотѣлъ отвѣтить утвердительно. Ему приходилось стрѣлять раньше на сценѣ, убивая себя и другихъ актеровъ холостыми зарядами. Но тотчасъ же ему вспомнились слухи о томъ, какъ Файбишъ убилъ солдата, и въ немъ шевельнулся ужасъ, вмѣстѣ со свойственнымъ всему еврейскому народу, наслѣдственнымъ отвращеніемъ къ крови.

— Нѣтъ, господинъ Файбишъ, я не могу стрѣлять. Я не умѣю и... и боюсь, — отвѣтилъ онъ робко.

Файбишъ укоризненно покачалъ головой.

— Це-це-це! — съ упрекомъ и съ сожалѣніемъ зачмокалъ онъ языкомъ. — Какой вы! Ну, да все равно... Когда

мы поѣдемъ назадъ, слѣдите, чтобы веревки не развязались. Если все кончится хорошо, имѣете получить съ меня пятнадцать кербеле.

— Вы обѣщали, кажется, двадцать пять... — попробовалъ несмѣло возразить Цирельманъ.

— Эге, двадцать пять! А десять не хотите? Спрашивается, какая мнѣ съ васъ помощь? Но, ша!.. молчите только! Потомъ мы будемъ видѣть.

Узкая дорога свернула съ почтоваго шляха налѣво. Навстрѣчу санямъ ровной, высокой стѣной спокойно приближался помѣщичій лѣсъ, черный снизу, а сверху обремененный снѣжными шапками. Въ узкомъ и мрачномъ коридорѣ, между двумя рядами толстыхъ сосновыхъ стволовъ, было темнѣй, тише и теплѣе. Блѣдное сіяніе мѣсяца тонкими, неправильными узорами прорѣзывалось сквозь густыя тѣни деревьевъ и мѣстами слабо и нѣжно серебрило чешую коры. Иногда черезъ дорогу протягивалась, точно огромная рука съ растопыренными бѣлыми пальцами, отягченная снѣгомъ вѣтка. Она задѣвала лошадей по головамъ и, сдѣлавъ широкій, упругій размахъ, осыпала обоихъ сѣдоковъ мягкимъ, холоднымъ пухомъ. По обѣимъ сторонамъ дорожки, справа и слѣва, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ саней, деревья смыкались въ черную, непроницаемую массу, въ которую страшно было смотрѣть.

Цирельманъ легъ на спину. Вверху, между зубчатыми вѣтками извивался прихотливымъ путемъ просвѣтъ далекаго темно-синяго неба съ большими дрожащими звѣздами. Вершины сосенъ тихо и разнообразно шатались, какъ будто деревья покачивали головами съ различнымъ выраженіемъ: одни задумчиво и неодобрительно, другія съ угрозой, третьи медленно и важно кланялись. Порою Цирельманъ закрывалъ глаза, и тогда ему черезъ нѣсколько минутъ начинало мерещиться, что сани за-

медляютъ ходъ, потомъ только вздрагиваютъ на одномъ мѣстѣ, и затѣмъ онъ начиналъ двигаться назадъ, въ противоположную сторону. И хотя Цирельману былъ съ дѣтства знакомъ этотъ физическій обманъ, но ему пріятно было мечтать, что, по какому-то волшебству, онъ и въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ назадъ, къ мѣстечку, и что неожиданно окончится и эта жуткая поѣздка и эта безконечная, тревожная ночь.

Файбишъ придержалъ лошадей, осмотрѣлся кругомъ, привсталъ на саняхъ и вдругъ круто, безъ дороги свернулъ направо. Лошади увязли по брюхо въ снѣгу, мотая головами и фыркая, и Цирельманъ услышалъ теплый, ѣдкій запахъ конскаго пота. Старый актеръ совсѣмъ не могъ теперь представить себѣ мѣста, по которому ѣхалъ. Онъ чувствовалъ себя безсильнымъ и покорнымъ, во власти сидѣвшаго впереди, знакомаго и въ то же время чужого, непонятнаго, страшнаго человѣка.

Лѣсъ окончился. Впереди ровнымъ, бѣлымъ скатомъ спускался внизъ пологій берегъ рѣки, которая широко и пустынно простиралась вплоть до противоположнаго, австрійскаго берега. На той сторонѣ еле замѣтно чернѣли разбросанныя зданія, и въ двухъ-трехъ мѣстахъ красными точками свѣтился огонь. Луны не было видно,— ее закрывалъ лѣсъ, бросавшій черезъ всю рѣку сплошную, глубокую тѣнь. Далеко влѣво, вся въ свѣту, виднѣлась плотина, отдѣленная отъ снѣга рѣзкой, тонкой чертой тѣни. Она тянулась черезъ всю рѣку, соединяя два государства, и Цирельманъ зналъ, что по ней всегда, днемъ и ночью, ходятъ солдаты — австрійскій и нашъ.

Лошади глубоко провалились въ снѣгъ, но быстро и испуганно выкарабкались изъ него, усиленно мотая головами и храпя. Тотчасъ же копыта ихъ застучали тверже. По легкому ходу полозьевъ Цирельманъ догадался, что сани въѣхали на ледъ. Онъ не сводилъ глазъ со свѣт-

лой, чернѣвшей своимъ откосомъ на снѣгу плотины и все крѣпче впивался пальцами въ поручни. Файбишъ стоялъ въ саняхъ и тоже глядѣлъ на плотину. Его короткія руки дрожали отъ усилія, съ которымъ онъ сдерживалъ рвавшихся впередъ лошадей.

— А-а-а-а! — пронесся вдругъ надъ рѣкой высокій, точно стонущій человѣческій крикъ.

Въ немъ одновременно слышался и испугъ одинокаго, затерявшагося среди ночи человѣка, и угроза. Файбишъ, весь перегнувшись назадъ, натянулъ вожжи. Лошади заскользили и заскребли по льду задними ногами и стали.

— А-а-а! — повторился стонущій крикъ.

Цирельманъ увидѣлъ, какъ въ одномъ мѣстѣ надъ плотиной голубоватый воздухъ разорвался въ узкую огненную трещину. Что-то страшное, никогда имъ неслыханное, жалобно пропѣло у него надъ головой, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ звукомъ глухой грохотъ выстрѣла тяжело прокатился по рѣкѣ.

Файбишъ яростно, съ необыкновенной силой заскрежеталъ зубами.

— Все къ чорту! — захрипѣлъ онъ сквозь стиснутыя челюсти.

И вдругъ, поднявъ кверху кулакъ, балагула выкрикнулъ во всю мочь легкихъ бѣшеное, циничное, безсмысленное ругательство . . . . . .

. . . . . .

Отъ сильнаго и неожиданнаго толчка Цирельманъ упалъ на спину и опять увидѣлъ надъ собой темное, спокойное небо съ дрожащими звѣздами. Лошади летѣли нестройнымъ галопомъ, высоко подбрасывая задами; а Файбишъ стоялъ въ саняхъ и, наклонившись впередъ, безъ остановки, со всего размаха стегалъ кнутомъ. Цирельманъ обезумѣлъ отъ ужаса. Онъ вскочилъ на колѣни, судорожно оплелъ руками ноги Файбиша и вдругъ, самъ не

узнавая своего голоса, закричалъ пронзительно и отчаянно:

— Ой, не бейте меня! Ой, ратуйте! — кричалъ онъ, захлебываясь и давясь отъ плача. — Ой, ой, ой, господинъ Файбишъ! Милый, дорогой, драгоцѣнный Файбишъ! Ой, убиваютъ, ратуйте! Файбишъ, вы сильный, какъ Богъ, вы храбрый, какъ левъ! Ой, ой, спасите меня!

— Пусти меня, чортъ!.. Оставь! — хрипѣлъ Файбишъ.

Его сильная, жесткая рука комкала губы и носъ Цирельмана; но актеръ мочилъ слюнями и кусалъ его пальцы и, вырывая изъ нихъ на мгновеніе ротъ, кричалъ все громче и безумнѣе и крѣпче прижимался лицомъ къ шершавому балахону и къ сапогамъ Файбиша. А лошади все неслись, заложивъ назадъ уши, и торчавшій изъ-подъ снѣга прошлогодній камышъ хлесталъ по бокамъ саней.

— Молчи, собака!.. Убью! — рычалъ, задыхаясь отъ борьбы, Файбишъ.

Ему удалось свободной рукой вытащить изъ кармана балахона револьверъ. Онъ взвелъ курокъ и ткнулъ дуломъ въ лобъ Цирельмана.

— Слушай, подлецъ... я выстрѣлю! — гнѣвно пригрозилъ балагула. — Замолчи, или я выстрѣлю, чортъ бы тебя побралъ!

Но актеръ не переставалъ кричать и цѣпляться за ноги Файбиша. Ужасъ, овладѣвшій имъ, совершенно помрачилъ его разсудокъ и сковалъ память. Онъ не помнилъ, какъ Файбишъ колотилъ его стволомъ револьвера по головѣ, не слыхалъ его угрозъ и очнулся только тогда, когда, послѣ жестокаго удара ногой въ спину, онъ покатился бокомъ по льду, сметая своимъ тѣломъ снѣгъ.

Онъ сѣлъ и тотчасъ же замолчалъ. Возлѣ него возвышалась густая стѣна камыша; сухіе, высокіе стебли, волнуясь и шелестя, то наклонялись всѣ разомъ къ нему съ участливымъ любопытствомъ, то отшатывались въ

испугѣ назадъ. Сидя на льду и упираясь въ него ладонями, Цирельманъ оглянулся вокругъ себя. Дикаго, звѣринаго ужаса уже не было въ его душѣ, — его увозилъ съ собою Файбишъ, лошади котораго глухо и вразбродъ стучали вдали копытами, — но было удивленіе, грусть и чувство безпомощнаго одиночества.

Цирельманъ упалъ какъ разъ у берега, вдоль котораго шла широкая, избитая подковами дорога. Рѣка дѣлала въ этомъ мѣстѣ излучину, а стѣна лѣса заворачивала назадъ. За пологимъ, ровнымъ берегомъ видно было отсюда огромное бѣлое поле; въ концѣ его, на самомъ горизонтѣ, тянулась темная полоса дальняго лѣса. Луна, готовая уже закатиться, стояла надъ этой низкой, неровной чертой, блѣдная, точно утомленная, и было что-то невыразимо-печальное и безнадежное въ этомъ пустомъ, бѣломъ полѣ, въ дальнемъ лѣсѣ и въ золотистомъ сумракѣ, окружавшемъ усталую луну. И скорбь и сознаніе своего одиночества все сильнѣе наполняли душу Цирельмана. Онъ не сводилъ глазъ съ узкаго, нѣжнаго серпа, прижималъ руки къ груди и шепталъ давно забытыя слова великой молитвы:

— Шма, Исроэль, Адонаи элегейну, Адонаи хотъ! Слушай, Израиль, Богъ нашъ, Богъ сильный!

Что-то теплое капнуло ему на руку. Онъ поднялъ ее къ глазамъ и увидѣлъ черное пятно. Только теперь онъ услышалъ боль въ переносицѣ, въ темени и въ подбородкѣ и вспомнилъ, какъ его билъ по головѣ револьверомъ Файбишъ. Онъ взялъ въ руку горсть снѣга, потеръ имъ лицо, и снѣгъ сталъ темнымъ. И долго сидѣлъ такимъ образомъ Цирельманъ, унимая кровь. Глаза его, полные слезъ, были устремлены на луну, готовую сѣсть, а въ груди разливалась большая скорбь. Почему-то вспомнилась ему вся его безтолковая жизнь, скитанье изъ города въ городъ, пьянство, кривлянье въ погребахъ

и трактирахъ, и эта жизнь представилась ему такой же темной и долгой, какъ и вся сегодняшняя страшная ночь...

Вдругъ его ухо уловило далекіе, дробные и частые звуки копытъ; нѣсколько лошадей тяжело скакали по прибрежной дорогѣ. Машинально, почти не сознавая, что онъ дѣлаетъ, Цирельманъ на животѣ проползъ въ камыши и растянулся ничкомъ, уйдя лицомъ въ холодный, мягкій снѣгъ. И тотчасъ же надъ самой его головой пронесся, сотрясая ледъ и бряцая оружіемъ, отрядъ верховыхъ солдатъ. Они говорили между собою всѣ разомъ, рѣзкими, отрывистыми, сердитыми голосами; но словъ ихъ Гершъ не разобралъ. Онъ лежалъ лицомъ въ снѣгу и, чувствуя его талый запахъ, шепталъ про себя молитву.

Солдаты быстро промчались. Когда топотъ ихъ лошадей, постепенно теряясь вдали, сталъ еле слышнымъ, Цирельманъ поднялся на колѣни. Но то, что онъ увидѣлъ, заставило его оцѣпенѣть отъ ужаса. Прямо на него скакалъ одиночный всадникъ, вѣроятно, отставшій отъ товарищей. Его огромная, худая лошадь неслась тяжелымъ галопомъ, вытянувъ впередъ длинную шею съ острой мордой и прижатыми назадъ ушами. Она такъ близко пролетѣла возлѣ Цирельмана, что тотъ ясно увидалъ ея раздувшіяся ноздри и большіе глаза, блестѣвшіе дикимъ испугомъ, и вѣтеръ отъ ея быстраго бѣга пахнулъ актеру въ лицо. Солдатъ сидѣлъ, нагнувшись впередъ, почти лежа на шеѣ лошади. Его сабля равномѣрно, съ металлическимъ дребезжаніемъ, билась о сѣдло. Но онъ не замѣтилъ еврея, стоявшаго на колѣняхъ среди густого камыша, и промчался мимо, крича что-то вслѣдъ своимъ товарищамъ...

Только часа черезъ три, иззябшій и обезсиленный, добрался Цирельманъ до мѣстечка. Ночь была теперь такъ темна, что даже бѣлыхъ стѣнъ домовъ нельзя было раз-

личить въ ея мракѣ. Цирельманъ уже повернулъ въ свою улицу, какъ сзади него заскрипѣли полозья. Однимъ прыжкомъ очутился актеръ въ глубокой, занесенной снѣгомъ канавѣ и прижался къ плетню.

Это возвращался избѣгнувшій погони Файбишъ. Лошади его были покрыты пѣной и дышали часто и прерывисто. Острые глаза стараго контрабандиста различили съежившуюся въ темнотѣ фигуру. Онъ придержалъ лошадей и окликнулъ вполголоса:

— Эй! Кто здѣсь прячется у забора? Это ты, Цирельманъ?

Гершъ затаилъ дыханіе и еще плотнѣе прижался къ изгороди.

— О, свинья! Трусъ! Предатель! — злобно зашипѣлъ Файбишъ. — На же, на!.. Получи!..

Кнутъ рѣзко свистнулъ въ воздухѣ. Файбишъ билъ широко и размашисто, тѣмъ движеніемъ, какимъ онъ обыкновенно стегалъ собакъ. Но Гершъ быстро повернулся къ балагулѣ задомъ, сгорбился, спряталъ шею въ плечи, и жестокіе удары пришлись ему по спинѣ и по рукавамъ.

— Будь ты проклятъ, трусъ, гадина! — бросилъ ему напослѣдокъ Файбишъ, трогая лошадей. — Если бы не осѣчка, ты бы теперь валялся на рѣкѣ, какъ дохлая собака!..

Черезъ четверть часа Цирельманъ уже лежалъ подъ теплымъ бебехомъ рядомъ съ Этлей, которая спала, или притворялась спящей. Но холодъ долго не выходилъ изъ его назябшагося за много часовъ тѣла, а ноги были ледяными и точно деревянными. Когда же тепло окончательно проникло въ его грудь и животъ, и онъ вспомнилъ сегодняшнюю дорогу и острый блескъ въ глазахъ Файбиша, и выстрѣлъ съ плотины, и печальную луну надъ лѣсомъ, и солдата, мчавшагося, точно библейское ви-

дѣніе, на огромной лошади съ вытянутой шеей, — то ему показалось невѣроятнымъ, что это именно онъ, а не кто-то другой, посторонній ему, испыталъ всѣ ужасы этой ночи. Вспомнилось ему также, какъ онъ убѣждалъ самого себя, что должна когда-нибудь окончиться и эта ночь и эта поѣздка... и, съ удовольствіемъ ощущая живую теплоту, шедшую отъ тѣла Этли, онъ сжался въ комочекъ и засмѣялся подъ бебехомъ тихимъ, радостнымъ смѣхомъ.

БРЕДЪ.

I.

Рота капитана Маркова ѣхала на соединеніе съ карательнымъ отрядомъ. Усталые, раздраженные солдаты, утомленные длиннымъ передвиженіемъ въ неудобныхъ вагонахъ, были молчаливы и пасмурны. На какой-то станціи со страннымъ, не по-русски звучавшимъ названіемъ, ихъ поили водкой и пивомъ какіе-то люди въ поддевкахъ. Солдаты кричали «ура!», пѣли пѣсни и плясали съ каменнымъ выраженіемъ лицъ.

Потомъ началось дѣло. Рота не могла обременять себя плѣнными, и потому всѣхъ подозрительныхъ и даже просто безпаспортныхъ людей, захваченныхъ по дорогѣ, немедленно разстрѣливали. Капитанъ Марковъ не ошибся въ своемъ психологическомъ расчетѣ: онъ зналъ, что постепенно нараставшая озлобленность солдатъ найдетъ нѣкоторое удовлетвореніе въ кровавыхъ расправахъ надъ жителями.

Вечеромъ 31-го декабря рота остановилась на ночлегъ въ полуразрушенной баронской фермѣ. До города оставалось 15 верстъ, и капитанъ разсчитывалъ прійти туда завтра къ тремъ часамъ. Онъ былъ увѣренъ, что его ротѣ завтра же придется принять участіе въ серьезномъ и продолжительномъ дѣлѣ, и потому хотѣлъ, чтобы люди, размѣщенные въ разныхъ амбарахъ, конторахъ и службахъ, хоть немного отдохнули, успокоились и подкрѣпи-

лись. Самъ же онъ занялъ себѣ подъ спальню большую, гулкую, пустую залу съ каминомъ въ готическомъ стилѣ и съ постелью, которую отобрали у мѣстнаго пастора.

Черная, беззвѣздная ночь съ мокрымъ снѣгомъ и вѣтромъ незамѣтно и быстро надвинулась надъ фермой. Марковъ сидѣлъ одинъ въ огромной пустой комнатѣ передъ каминомъ, въ которомъ ярко пылали доски разломаннаго забора. Поставивъ ноги на каминную рѣшетку и разложивъ на худыхъ острыхъ колѣняхъ карту генеральнаго штаба—«зеленку»,—онъ внимательно изучалъ глазами пространство между фермой и городомъ. При красномъ свѣтѣ огня его лицо съ высокимъ лбомъ, усами кольчиками и съ упрямымъ, твердымъ подбородкомъ, казалось еще болѣе суровымъ, чѣмъ всегда.

Вошелъ фельдфебель. Съ его клеенчатаго плаща бѣжала на полъ дождевая вода. Постоявъ нѣсколько секундъ и убѣдившись, что капитанъ не обращаетъ на него вниманія, фельдфебель осторожно кашлянулъ.

— Это ты?—Капитанъ повернулъ назадъ голову.—Что?

— Все обстоитъ благополучно, ваше высокоблагородіе. Третій взводъ въ нарядѣ. Такъ что первое отдѣленіе у церковной ограды, а второе...

— Такъ. Дальше. Пропускъ сообщенъ?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе...

Онъ помолчалъ немного, точно выжидая, но капитанъ тоже молчалъ, и солдатъ сказалъ тономъ ниже:

— Какъ прикажете, ваше высокоблагородіе, съ тѣми тремя, которые...

— Разстрѣлять на разсвѣтѣ!—рѣзко оборвалъ Марковъ, не давая фельдфебелю договорить.—И потомъ...—онъ, прищурившись, поглядѣлъ на солдата:—чтобы я больше такихъ вопросовъ не слышалъ! Понимаешь?

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!—крикнулъ фельдфебель.

И опять они оба замолчали. Капитанъ легъ одѣтый на постель, фельдфебель стоялъ у двери въ тѣни. Но солдатъ почему-то медлилъ уходить.

— Все? — нетерпѣливо спросилъ Марковъ, не поворачивая головы.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

Солдатъ переминался съ ноги на ногу и вдругъ рѣшительно и настойчиво произнесъ:

— Ваше высокоблагородіе... Такъ что солдаты спрашиваютъ... Какъ прикажете съ тѣмъ... который старикъ?..

— Вонъ!—закричалъ марковъ на фельдфебеля и быстро, съ гнѣвнымъ лицомъ выпрямился. Кажется, онъ готовъ былъ его ударить.

Фельдфебель тотчасъ же ловко, въ два темпа, построевому, повернулся кругомъ и отворилъ дверь. Но на порогѣ онъ задержался на минутку и казеннымъ голосомъ сказалъ:

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, имѣю честь поздравить съ наступающимъ Новымъ годомъ. И желаемъ...

— Спасибо, братецъ,—сухо отвѣтилъ Марковъ. — Не забудь распорядиться, чтобы люди тщательнѣе осмотрѣли винтовки.

Оставшись одинъ, Марковъ, не раздѣваясь и не отстегивая шашки, бросился на кроватъ, лицомъ къ камину. Лицо его сразу измѣнилось, точно постарѣло, коротко остриженная голова ушла въ плечи, глаза потухли, полузакрылись съ усталымъ, болѣзненнымъ выраженіемъ. Марковъ уже цѣлую недѣлю страдалъ мучительной лихорадкой и только благодаря усиліямъ воли переламывалъ болѣзнь. Никому въ отрядѣ не было извѣстно, что по почамъ онъ метался въ жестокихъ пароксизмахъ, трясясь въ ознобѣ, тяжело бредя, забываясь только на мгновенія въ уродливыхъ, фантастическихъ кошмарахъ.

Капитанъ лежалъ на спинѣ, глядя, какъ перебѣгаютъ синіе огоньки въ потухающемъ каминѣ, и чувствуя, какъ къ нему медленно подкрадывается, туманя голову и разслабляя тѣло, привычный приступъ маляріи. Мысли его страннымъ образомъ были прикованы къ пойманному утромъ старику, о которомъ только-что докладывалъ фельдфебель. Марковъ разсудкомъ догадывался, что фельдфебель правъ: въ старикѣ дѣйствительно было что-то необыкновенное, какое-то величественное равнодушіе къ жизни, вмѣстѣ съ кротостью и глубокой печалью. Подобныхъ людей, похожихъ—но въ очень слабой степени—на этого старика, капитанъ видѣлъ тамъ, подъ Ляояномъ и у Мукдена, среди безропотно умиравшихъ рядовыхъ солдатъ. Когда сегодня привели къ Маркову этихъ трехъ человѣкъ и онъ объяснилъ имъ при помощи цинично-краснорѣчиваго жеста, что съ ними будетъ поступлено, какъ со шпіонами, то лица двухъ другихъ сразу поблѣднѣли и исказились смертельнымъ ужасомъ, а старикъ только усмѣхнулся съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ усталости, равнодушія и даже... даже будто бы тихаго, снисходительнаго состраданія къ самому начальнику карательной экспедиціи.

«Если онъ въ самомъ дѣлѣ мятежникъ,—размышлялъ Марковъ, закрывая воспаленные глаза и чувствуя, какъ мимо его глазъ плыветъ какая-то мягкая, бездонная тьма:— то, безъ сомнѣнія, онъ занимаетъ тамъ важный постъ, и я поступилъ очень благоразумно, приказавъ его разстрѣлять. Ну, а если старикъ ни въ чемъ не виновенъ? Тѣмъ хуже для него. Не могу же я отрывать для присмотра за нимъ двухъ человѣкъ, въ особенности въ виду завтрашняго. Наконецъ, почему же онъ долженъ избѣгнуть участи тѣхъ пятнадцати, которыхъ мы оставили позади? Нѣтъ, это было бы несправедливостью по отношенію къ прежнимъ».

Капитанъ медленно открылъ глаза и вдругъ вскочилъ въ смертельномъ страхѣ.

Передъ капитаномъ, на низкой скамейкѣ, сидѣлъ, понурившись, опершись ладонями о колѣни, въ спокойной и грустно-задумчивой позѣ, приговоренный къ смертной казни старикъ.

Капитанъ не былъ трусомъ въ общепринятомъ смыслѣ, хотя и вѣрилъ въ сверхъестественное и носилъ на груди ладанку съ какой-то косточкой. Отступить въ страхѣ, даже передъ самымъ таинственнымъ, нематеріальнымъ явленіемъ, капитанъ счелъ бы такимъ же позоромъ, какъ бѣгство передъ непріятелемъ или унизительную мольбу о пощадѣ. Выхвативъ быстрымъ, привычнымъ движеніемъ револьверъ изъ кожанаго чехла, онъ взвелъ курокъ, направилъ его дуло въ голову незнакомца и закричалъ бѣшено:

— Если ты шевельнешься, чортъ тебя возьми!..

Старикъ медленно повернулъ голову. По его губамъ прошла та же самая улыбка, которая такъ врѣзалась капитану въ память съ сегодняшняго утра.

— Не тревожьтесь, капитанъ, я пришелъ къ вамъ безъ дурного намѣренія, — произнесъ старикъ. — Попробуйте хоть до утра воздержаться отъ убійства.

Голосъ у этого страннаго гостя былъ такой же загадочный, какъ и его улыбка: ровный, однотонный и какъ будто бы безъ всякаго тембра. Давнымъ-давно, еще въ раннемъ дѣтствѣ, Марковъ нерѣдко слышалъ, оставаясь одинъ въ комнатѣ, за своею спиной такіе голоса, безъ цвѣта и выраженія, зовущіе его по имени. Повинуясь непонятному вліянію этой улыбки и этого голоса, офицеръ положилъ револьверъ подъ подушку и опять прилегъ, опершись головой на локоть и не сводя глазъ съ темной фигуры незнакомца. Нѣсколько минутъ въ комнатѣ была тяжелая жуткая тишина: только походный хро-

нометръ Маркова торопливо отбивалъ секунды, да перегорѣвшіе уголья въ каминѣ падали внизъ со слабымъ, но звонкимъ металлическимъ хрустѣньемъ.

— Скажи мнѣ, Марковъ, — началъ наконецъ старикъ:—что̀ отвѣтишь ты не судьямъ, не начальству, даже не императору, а своей совѣсти, если она у тебя спроситъ: зачѣмъ пошелъ ты на эту ужасную, несправедливую бойню?..

Марковъ насмѣшливо пожалъ плечами.

— Однако у тебя, старикашка, довольно, непринужденный тонъ для человѣка, котораго черезъ четыре часа разстрѣляютъ у дерева. Впрочемъ, поговоримъ, пожалуй. Это все-таки занимательнѣй, чѣмъ метаться безъ сна въ лихорадкѣ... Итакъ, что̀ я отвѣчу своей совѣсти? Я отвѣчу ей, во-первыхъ, что я солдатъ, и мое дѣло повиноваться безъ всякихъ размышленій. Во-вторыхъ, я—природный русскій, и пусть всему міру станетъ извѣстнымъ, что тотъ, кто осмѣлится возстать противъ могущества великой державы, будетъ раздавленъ подъ ея пятою, какъ червь, и даже самая могила его сровняется съ землей...

— О, Марковъ, Марковъ, сколько дикой и кровожадной гордости въ твоихъ словахъ,—возразилъ старикъ.— И сколько неправды! Ты смотришь на предметъ, приблизивъ его къ самымъ глазамъ, и видишь однѣ лишь мелкія его подробности, но отойди отъ него дальше, и онъ представится тебѣ въ своемъ настоящемъ видѣ. Неужели ты думаешь, что твоя великая родина безсмертна? Но развѣ не то же самое говорили и думали когда-то персы, и македоняне, и гордый Римъ, охвативший весь міръ своими желѣзными когтями, и дикія полчища гунновъ, нахлынувшихъ на Европу, и могущественная Испанія, владѣвшая тремя частями свѣта? Спроси у исторіи, куда дѣвалась ихъ необъятная власть? А я тебѣ скажу, что и до нихъ, за тысячи вѣковъ, были

великія государства, болѣе сильныя, гордыя и культурныя, чѣмъ твое отечество. Но жизнь, которая сильнѣе народовъ и древнѣе памятниковъ, смела ихъ со своего таинственнаго пути, не оставивъ отъ нихъ ни слѣда ни воспоминанія.

— Это пустяки,—возразилъ слабѣющимъ языкомъ капитанъ, опускаясь на спину.—Исторія идетъ своимъ теченіемъ, и не намъ направлять ее или указывать ей дорогу.

Старикъ беззвучно засмѣялся.

— Не уподобляйся той африканской птицѣ, которая прячетъ голову въ песокъ, когда ее преслѣдуютъ охотники... Вѣрь мнѣ, пройдетъ сто лѣтъ, и дѣти твоихъ дѣтей будутъ стыдиться своего предка Александра Васильевича Маркова, палача и убійцы.

— Сильно сказано, старина! Да, и я слыхалъ объ этихъ бредняхъ восторженныхъ мечтателей, которые собираются передѣлать мечи на плуги... Ха-ха-ха!.. Воображаю себѣ это царство золотушныхъ неврастениковъ и рахитическихъ идіотовъ. Нѣтъ, только война выковываетъ атлетическія тѣла и желѣзные характеры. Впрочемъ...—Марковъ крѣпко потеръ виски, силясь что-то припомнить. — Впрочемъ, это все неважно... О чемъ я хотѣлъ тебя спросить?.. Ахъ, да! Почему-то мнѣ кажется, что ты не будешь говорить неправды. Ты здѣшній?

— Нѣтъ, — покачалъ головой старикъ.

— Но все-таки ты родился здѣсь?

— Нѣтъ.

— Но все-таки ты — европеецъ? Французъ? Англичанинъ? Русскій? Нѣмецъ?

— Нѣтъ, нѣтъ...

Марковъ въ раздраженіи ударилъ кулакомъ о бортъ кровати.

— Да кто же ты наконецъ? И почему, чортъ возьми,

мнѣ такъ страшно знакомо твое лицо? Видались мы когда-нибудь съ тобой?

Старикъ еще больше понурился и долго сидѣлъ, не говоря ни слова. Наконецъ онъ заговорилъ, точно въ раздумьѣ:

— Да, мы съ тобой встрѣчались, Марковъ, но ты никогда не видалъ меня. Вѣроятно, ты не помнишь или забылъ, какъ во время чумы твой дядя повѣсилъ въ одно утро пятьдесятъ девять человѣкъ? Въ этотъ день я былъ въ двухъ шагахъ отъ него, но онъ не видѣлъ меня.

— Да... правда... пятьдесятъ девять... — прошепталъ Марковъ, чувствуя, какъ имъ овладѣваетъ нестерпимый жаръ. — Но это... были... мятежники...

— Я былъ очевидцемъ жестокихъ подвиговъ твоего отца подъ Севастополемъ и твоего дѣда послѣ взятія Измаила, — продолжалъ своимъ беззвучнымъ голосомъ старикъ. — На моихъ глазахъ пролилось столько крови, что ею можно было бы затопить весь земной шаръ. Я былъ съ Наполеономъ на поляхъ Аустерлица, Фридланда, Іены и Бородина. Я видѣлъ чернь, которая рукоплескала Сансону, когда онъ показывалъ съ подмостковъ гильотины окровавленную голову Людовика. При мнѣ въ ночь св. Варѳоломея правовѣрные католики съ молитвой на устахъ избивали женъ и дѣтей гугенотовъ. Въ толпѣ бѣснующихся фанатиковъ я созерцалъ, какъ святые отцы инквизиторы жгли на кострахъ еретиковъ, какъ во славу Божію сдирали они съ нихъ кожу и какъ заливали имъ ротъ расплавленнымъ свинцомъ. Я шелъ вслѣдъ за полчищами Атиллы, Чингисхана и Солимана Великолѣпнаго, которые означали свой путь горами, сложенными изъ человѣческихъ череповъ. Вмѣстѣ съ буйной римской толпой я присутствовалъ въ циркѣ при томъ, какъ травили псами зашитыхъ въ звѣриныя шкуры христіанъ и какъ въ мраморныхъ бассейнахъ кормили муренъ тѣлами

плѣнныхъ рабовъ... Я видѣлъ безумныя кровавыя оргіи Нерона и слышалъ плачъ іудеевъ у разрушенныхъ стѣнъ Іерусалима...

— Ты—кошмаръ... уйди... ты—бредъ моего больного воображенія. Отойди отъ меня, — съ трудомъ прошепталъ Марковъ запекшимися губами.

Старикъ поднялся со скамейки. Его сгорбленная фигура точно выросла въ одно мгновеніе, такъ что волосы его головы касались потолка. И онъ опять заговорилъ медленно, однотонно и грозно:

— Я видѣлъ, какъ впервые пролилась кровь человѣка. Были на землѣ два брата. Одинъ ласковый, нѣжный, трудолюбивый и сострадательный. Другой — старшій—былъ гордъ, жестокъ и завистливъ. Однажды они оба приносили, по обычаю отцовъ, жертву своему Богу: младшій — плоды земные, а старшій — мясо наловленныхъ имъ звѣрей. Но старшій питалъ въ сердцѣ злобу къ своему брату, и дымъ отъ его жертвенника стлался по землѣ, между тѣмъ какъ дымъ отъ жертвенника младшаго прямымъ столбомъ поднимался къ небу. Тогда переполнилась душа старшаго давнишней завистью и злобой. И произошло на землѣ первое убійство...

— Ахъ, отойди, оставь меня... ради Бога, — шепталъ Марковъ, мечась по сбившейся простынѣ.

Но старикъ продолжалъ свою рѣчь:

— Да, я видѣлъ, какъ его глаза расширились отъ ужаса смерти, и какъ его скорченные пальцы судорожно царапали мокрый отъ крови песокъ. И когда онъ, вздрогнувъ въ послѣдній разъ, вытянулся на землѣ, холодный, неподвижный и блѣдный, то нестерпимый страхъ овладѣлъ убійцей. Онъ бѣжалъ, пряча лицо свое, въ лѣсную чащу и лежалъ тамъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, до самаго вечера, до тѣхъ поръ, пока не услышалъ голосъ разгнѣваннаго Бога: «Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?»

— Уйди, не мучь меня! — съ трудомъ шевелилъ губами Марковъ.

— Объятый трепетомъ, я отвѣчалъ Господу:—«Развѣ я сторожъ моему брату?» Тогда проклялъ меня Господь вѣчнымъ проклятіемъ: «Оставайся въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока стоитъ созданный Мною міръ. Броди бездомнымъ скитальцемъ во всѣхъ вѣкахъ, народахъ и странахъ, и пусть твои глаза ничего не видятъ, кромѣ пролитой тобою крови, и пусть твои уши ничего не слышатъ, кромѣ предсмертныхъ стоновъ, въ которыхъ ты всегда будешь узнавать послѣдній стонъ твоего брата».

Старикъ замолчалъ на минуту, и когда онъ заговорилъ, то каждое его слово падало на Маркова съ тяжелой болью:

— О, Господи, справедливъ и неумолимъ Твой судъ! Уже многія столѣтія и десятки столѣтій странствую я по землѣ, напрасно ожидая смерти. Высшая, безпощадная сила влечетъ меня туда, гдѣ умираютъ на поляхъ сраженій окровавленные, изуродованные люди, гдѣ плачутъ матери, произнося проклятія мнѣ, первому братоубійцѣ. И нѣтъ предѣла моимъ страданіямъ, потому что каждый разъ, когда я вижу истекающаго кровью человѣка, я снова вижу моего брата, распростертаго на землѣ и хватающаго помертвѣлыми пальцами песокъ... И тщетно хочу я крикнуть людямъ: «Проснитесь! Проснитесь! Проснитесь!..»

— Проснитесь, ваше высокоблагородіе, проснитесь!— твердилъ подъ ухомъ Маркова настойчивый голосъ фельдфебеля.—Телеграмма...

Капитанъ быстро поднялся на ноги, мгновенно овладѣвъ, по привычкѣ, своей волей. Уголья въ каминѣ давно потухли, а въ окно столовой уже глядѣлъ блѣдный свѣтъ занимающагося дня.

— А какъ же... тѣ?..—спросилъ Марковъ съ дрожью въ голосѣ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе. Только-что...

— А старикъ? Старикъ?

— Тоже.

Капитанъ, точно сразу обезсилѣвъ, опустился на кровать. Фельдфебель стоялъ около него навытяжку, ожидая приказаній.

— Вотъ что̀, братецъ. Ты примешь вмѣсто меня команду, — заговорилъ Марковъ слабымъ голосомъ.—Я сегодня подаю рапортъ, потому что я... что меня.... совершенно измучила эта проклятая лихорадка... И можетъ-быть,—онъ попробовалъ усмѣхнуться, но улыбка у него вышла кривая: — можетъ-быть, мнѣ придется скоро и совсѣмъ уйти на покой.

Ничему не удивлявшійся фельдфебель, приложивъ руку къ козырьку, отвѣтилъ спокойно:

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

СВЯТАЯ ЛЮБОВЬ.

— Неужели вы еще не слыхали объ этой исторіи?.. Нѣтъ?.. Удивительно!.. Въ городѣ сегодня только и говорятъ, что о ней. Я, если хотите, господа, могу разсказать вамъ нѣкоторыя подробности.

Небольшой кружокъ тотчасъ же сомкнулся около разсказчика, сотрудника мѣстной газеты. Рѣчь шла объ утренней городской новости — двойномъ самоубійствѣ: чиновника мѣстной палаты и его любовницы, модистки лѣтъ семнадцати.

Передъ слушателями промелькнули въ протокольно-отчетномъ изложеніи человѣка, давно привыкшаго къ газетной подробности, всѣ характерные, хотя и мелочные факты несчастной любви, окончившейся такъ трагически. Невозможность женитьбы, вслѣдствіе бѣдности, неудовольствіе родителей обоихъ любовниковъ, продолжительность связи, обратившая любовь въ равнодушную привычку къ регулярному возбужденію страсти, трогательныя по своей наивной простотѣ записки самоубійцъ, завѣщавшихъ похоронить ихъ вмѣстѣ, и наконецъ ужасная смерть на общей постели.

Разсказъ вызвалъ много шумныхъ и разнообразныхъ толковъ. Нѣкоторые утверждали, что самоубійство есть вообще признакъ слабости, другіе говорили, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто не двойное самоубійство, а

убійство и самоубійство, третьи вспоминали аналогичные случаи изъ газетной хроники.

Одна изъ присутствующихъ женщинъ, слушавшая разсказъ сотрудника съ блѣднымъ лицомъ и блестящими глазами (какъ всегда слушаютъ женщины исторіи объ очень самоотверженной или очень несчастной любви), произнесла съ мечтательнымъ выраженіемъ въ голосѣ:

— А все-таки это была сильная любовь. Сколько они перенесли несчастій, и какія блаженныя минуты они пережили, пока не дошли до своего страшнаго рѣшенія. Каждая женщина втайнѣ мечтаетъ о такой любви.

Эти слова обратили на себя общее вниманіе. Всѣ замолчали на нѣкоторое время. Наконецъ хозяинъ — пожилой человѣкъ, помятое лицо котораго и сѣдые волосы на головѣ представляли удивительный контрастъ съ красивыми и оживленными, почти юношескими глазами — первый нарушилъ молчаніе.

— Конечно, это была не обыденная любовь, — сказалъ онъ своимъ тихимъ, груднымъ голосомъ: — и вы, сударыня, очень мѣтко выразились, что она принесла покойнымъ черезчуръ много сильныхъ ощущеній. Но, по-моему, очень часто происходятъ въ жизни эпизоды, на видъ совершенно ничтожные и тѣмъ не менѣе скрывающіе за собой больше страданій и радостей, чѣмъ это ужасное происшествіе. Въ одномъ изъ такихъ эпизодовъ я самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и, если бы я не боялся вамъ, господа, наскучить...

Гости заявили, что они съ удовольствіемъ послушаютъ, и пожилой человѣкъ началъ свой разсказъ.

— Лѣтъ двадцать пять тому назадъ я поступилъ студентомъ въ N-скій университетъ. Городъ былъ совершенно незнакомый, но, по счастливой случайности, я нанялъ очень приличную и недорогую квартиру вблизи университета, въ самой тихой и спокойной мѣстности.

«Первое время я себя чувствовалъ какъ на крыльяхъ. Alma mater universitas, неизмѣримость и величіе науки, безкорыстное служеніе человѣчеству — всѣ эти такія смѣшныя въ настоящее время слова наполняли мою душу сладостнымъ и гордымъ трепетомъ. Мой рабочій день былъ строго распредѣленъ по часамъ для удобства занятій, я много читалъ, аккуратно посѣщалъ лекціи и каждый вечеръ приводилъ въ порядокъ свои дневныя записки.

«Настала весна, теплая, душистая, опьяняющая весна, о всѣхъ прелестяхъ которой на сѣверѣ и понятія не имѣютъ. Одна за другой расцвѣтали черемуха, сирень и бѣлая акація, наполняя воздухъ томнымъ благоуханіемъ. Наступили нѣжныя, серебристыя ночи, во время которыхъ я не могъ сомкнуть глазъ, и все мое существо ныло тревожнымъ и радостнымъ ожиданіемъ.

«Въ одну изъ этихъ чудныхъ ночей въ мое сердце пробрался женскій образъ.

«Однажды, вернувшись часовъ въ одиннадцать вечера отъ товарища, я сидѣлъ, не зажигая огня, у открытаго окна, выходившаго въ густой, полузаросшій садъ.

«Свѣтила луна, и круглые куполы деревьевъ казались окутанными полупрозрачнымъ бѣлымъ туманомъ. Гдѣ-то далеко цѣлый хоръ лягушекъ кричалъ звонко и вперебой.

«Вдругъ въ саду завизжала на петляхъ и потомъ громко брякнула калитка, и до меня донесся веселый, звучный и радостный, несомнѣнно женскій смѣхъ. Два женскихъ силуэта показались на дорожкѣ подъ моимъ окномъ, исчезли на мгновеніе въ тѣни широкой липы, потомъ опять показались въ свѣтломъ пятнѣ и опять исчезли. Обѣ незнакомки были стройны и высоки ростомъ и шли обнявшись. Я не помню, о чемъ онѣ разговаривали, — кажется, о какихъ-то женскихъ пустякахъ, объ отдѣлкѣ для шляпокъ, или объ общихъ знакомыхъ, но ихъ свѣжіе,

молодые голоса, перебиваемые часто беззаботнымъ смѣхомъ, ужасно взволновали меня. Чего бы я ни далъ въ эти мгновенія, чтобы итти, обнявшись такимъ же образомъ, съ одной изъ нихъ по таинственному, наполненному влажной теплотою и осеребренному луной саду, итти молча, медленно, чувствуя въ своей рукѣ и слыша біеніе дорогого сердца!

«Несмотря на свои двадцать лѣтъ, я былъ цѣломудренъ, какъ Іосифъ Прекрасный. Это, конечно, покажется дикимъ теперешней молодежи, которая узнаётъ всѣ земныя радости съ двѣнадцати лѣтъ, въ пятнадцать лѣтъ болѣетъ отъ неразборчивой любви, а въ двадцать совершенно ею пресыщается. Разсказы нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей объ ихъ мимолетныхъ интрижкахъ внушали мнѣ всегда чувство страха, смѣшаннаго съ отвращеніемъ. Но мечты о чистой и возвышенной любви прекрасной женщины давно уже смутно волновали мою душу.

«Незнакомыя женщины ушли изъ сада, а я еще долго сидѣлъ у окна и закрылъ его только тогда, когда свѣжій предутренній вѣтерокъ пронизалъ меня холодомъ... Мнѣ казалось, что и сквозь сонъ я слышу звонкій женскій хохотъ...

«Когда на другое утро я выходилъ изъ квартиры, чтобы итти въ университетъ (у насъ въ этотъ день былъ какъ разъ экзаменъ по энциклопедіи права), то увидалъ, что изъ дверей, напротивъ моего флигеля, показалась женщина въ гладкой суконной кофточкѣ чернаго цвѣта и соломенной шляпкѣ съ большимъ бѣлымъ перомъ. На ходу она обернулась назадъ къ кому-то, повидимому, ее провожавшему, и крикнула: «Подожди меня, не уходи. Я вернусь черезъ полчаса»... По голосу я узналъ одну изъ вчерашнихъ незнакомокъ. Лицо у нея было очаровательное. Смуглое и розовое, немного худощавое, большіе темные глаза, въ которыхъ дрожалъ огонекъ за-

таеннаго лукаваго смѣха, круглый своевольный подбородокъ и родинка немного ниже праваго угла рта. Проходя мимо меня, она взглянула мнѣ въ глаза равнодушно и весело и, выйдя изъ воротъ, повернула направо. Я такъ долго глядѣлъ ей вслѣдъ, любуясь на ея легкую походку, при которой слегка колебалась ея тонкая талія, что она, повинуясь вліянію пристальнаго взгляда, обернулась два раза назадъ. Но итти за ней я не рѣшился, хотя это и было мнѣ по дорогѣ. Я предпочелъ лучше сдѣлать большой крюкъ, чѣмъ оскорбить незнакомку преслѣдованіемъ.

«Почти каждый день я потомъ встрѣчался съ нею (конечно, я постоянно искалъ къ тому случая). Черезъ нѣсколько дней мы уже обмѣнивались тѣми быстрыми полуулыбками, которыя при встрѣчѣ появляются на губахъ незнакомыхъ, но постоянно видящихъ другъ друга людей.

«Всю мою душу заполнилъ этотъ прекрасный образъ. Я вставалъ съ мыслью о моей незнакомкѣ, чертилъ ея профиль, сидя въ аудиторіи, мечталъ о ней въ прозрачные длинные вечера и въ безсонныя теплыя ночи. Сдѣлать какую-нибудь смѣлую попытку къ знакомству мнѣ и въ голову не приходило. Мысль, что она можетъ обидѣться моей навязчивостью, приводила меня въ ужасъ.

«Любовь даетъ много наслажденій. Но никогда, никогда она не бываетъ такъ остра, тонка и нѣжна, какъ тогда, когда еще не высказана и не раздѣлена. Ни разу потомъ въ моей жизни самыя жаркія ласки любившихъ меня женщинъ не доставляли мнѣ такой восторженной и чистой радости, какъ случайная улыбка моей незнакомки. Это все равно, что для лакомки — хорошее вино: цѣлая бутылка никогда такъ не щекочетъ его вкуса, какъ одна единственная крошечная рюмочка.

«Однажды она на улицѣ уронила свой маленькій ридикюль изъ желтой кожи. Я поспѣшно поднялъ его и

подалъ ей. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами, и не помню — какими именно, потому что у меня такъ билось сердце и такъ захватывало дыханіе, что я едва стоялъ на ногахъ.

«На другой день мы встрѣтились уже какъ знакомые, и я позволилъ себѣ немного проводить ее по улицѣ.

«Когда намъ нужно было разойтись, она протянула мнѣ руку, при чемъ мнѣ показалось, что ея лицо слегка покраснѣло.

«Ее звали Еленой (о, съ какимъ упоеніемъ я произносилъ вслухъ, оставаясь одинъ, это звучное имя съ протяжными и нѣжными буквами!). Она не могла окончить гимназію вслѣдствіе болѣзни глазъ, а теперь работала въ шляпномъ магазинѣ. Она жила со своей матерью, толстой, простой и добродушной женщиной.

«Изрѣдка ее навѣщали подруги, и разъ въ недѣлю пріѣзжалъ въ собственномъ экипажѣ ея дядя. «Онъ очень богатый и важный, — сказала мнѣ однажды Елена: — но все-таки онъ добрый и намъ съ мамой помогаетъ». Я раза три видѣлъ этого дядю, и онъ произвелъ на меня отвратительное впечатлѣніе: маленькій, сѣдой и обрюзгшій, съ темными мѣшками подъ глазами и съ нижней губой, такой красной, большой и мокрой, что она казалась вывернутой наружу. Однако при мысли, что онъ помогаетъ Еленѣ и ея матери, я готовъ былъ расцѣловать дядюшку въ эту самую губу.

«Черезъ нѣсколько дней, какъ-то подъ вечеръ, Елена пригласила меня зайти къ нимъ на минутку, и съ тѣхъ поръ я сталъ постояннымъ гостемъ въ ихъ двухъ комнаткахъ, небольшихъ, но уютныхъ, очень чистыхъ и свѣтлыхъ. Иногда вечеромъ, сидя подлѣ Елены, занятой какимъ-нибудь домашнимъ шитьемъ, и украдкой глядя на ея тонкій профиль, освѣщенный яркимъ свѣтомъ лампы, я воображалъ, что мы мужъ и жена. Случайное

прикосновеніе руки Елены, шорохъ ея платья, ея милая улыбка приводили меня въ сладкій трепетъ. Я обожалъ ее, но никогда не смѣлъ ни словомъ заикнуться о своемъ чувствѣ. Это казалось мнѣ святотатствомъ. Меня смущало только одно обстоятельство: меня не хотѣли знакомить съ дядей.

«Онъ такой важный и не любитъ студентовъ, — объясняла мнѣ толстая мамаша со своимъ всегдашнимъ добродушіемъ.

«Нѣсколько разъ обѣ женщины приходили ко мнѣ на чашку чая. Елена съ удовольствіемъ разсматривала мои письменныя бездѣлушки, коллекцію монетъ, альбомы и книги.

«Разъ она спросила меня, сколько я получаю изъ дому, и когда я сказалъ, что отецъ высылаетъ мнѣ 100 рублей каждый мѣсяцъ, она сначала замолчала, а потомъ протянула задумчиво: «Вотъ вы какой... богатый!» Вообще она была мало разговорчива, но любила слушать, какъ я читалъ вслухъ.

«Однажды, лежа у себя на диванѣ, я перечитывалъ свои лекціи, отъ скуки, то протягивая фразы и повышая конецъ каждой на полтона, какъ читается въ церкви апостолъ, то декламируя ихъ съ выраженіемъ крайняго драматизма.

«Подъ конецъ мои губы машинально твердили одно и то же слово, а мысли были далеко. Я думалъ объ Еленѣ, представлялъ себѣ ея фигуру, походку, смѣлый взмахъ ея тонкихъ, темныхъ бровей...

«Смеркалось. Откуда-то доносились дрожащіе и радостные звуки благовѣста и вмѣстѣ съ ними запахъ весны и клейкихъ почекъ тополя. Всѣ предметы, въ особенности вѣтки деревьевъ и углы зданій, удивительно рельефно выдѣлялись на смугло-розовомъ темнѣющемъ небѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

ИЗУМРУДЪ.

Посвящаю памяти несравненнаго пѣгаго рысака Холстомѣра.

I.

Четырехлѣтній жеребецъ Изумрудъ — рослая бѣговая лошадь американскаго склада, сѣрой, ровной, серебристо-стальной масти—проснулся, по обыкновенію, около полуночи въ своемъ денникѣ. Рядомъ съ нимъ, слѣва и справа и напротивъ черезъ коридоръ, лошади мѣрно и часто, всѣ точно въ одинъ тактъ, жевали сѣно, вкусно хрустя зубами и изрѣдка отфыркиваясь отъ пыли. Въ углу на ворохѣ соломы храпѣлъ дежурный конюхъ. Изумрудъ по чередованію дней и по особымъ звукамъ храпа зналъ, что это — Василій, молодой малый, котораго лошади не любили за то, что онъ курилъ въ конюшнѣ вонючій табакъ, часто заходилъ въ денники пьяный, толкалъ колѣномъ въ животъ, замахивался кулакомъ надъ глазами, грубо дергалъ за недоуздокъ и всегда кричалъ на лошадей ненатуральнымъ, сиплымъ, угрожающимъ басомъ.

Изумрудъ подошелъ къ дверной рѣшеткѣ. Напротивъ него, дверь въ дверь, стояла въ своемъ денникѣ молодая, вороная, еще не сложившаяся кобылка Щеголиха. Изумрудъ не видѣлъ въ темнотѣ ея тѣла, но каждый разъ, когда она, отрываясь отъ сѣна, поворачивала на-

задъ голову, ея большой глазъ свѣтился на нѣсколько секундъ красивымъ фіолетовымъ огонькомъ. Расширивъ нѣжныя ноздри, Изумрудъ долго потянулъ въ себя воздухъ, услышалъ чуть замѣтный, но крѣпкій, волнующій запахъ ея кожи и коротко заржалъ. Быстро обернувшись назадъ, кобыла отвѣтила тоненькимъ, дрожащимъ, ласковымъ и игривымъ ржаніемъ.

Тотчасъ же рядомъ съ собою направо Изумрудъ услышалъ ревнивое, сердитое дыханіе. Тутъ помѣщался Онѣгинъ, старый, норовистый бурый жеребецъ, изрѣдка еще бѣгавшій на призы въ городскихъ одиночкахъ. Обѣ лошади были раздѣлены легкой дощатой переборкой и не могли видѣть другъ друга, но, приложившись храпомъ къ правому краю рѣшетки, Изумрудъ ясно учуялъ теплый запахъ пережеваннаго сѣна, шедшій изъ часто дышащихъ ноздрей Онѣгина... Такъ жеребцы нѣкоторое время обнюхивали другъ друга въ темнотѣ, плотно приложивъ уши къ головѣ, выгнувъ шеи и все больше и больше сердясь. И вдругъ оба разомъ злобно взвизгнули, закричали и забили копытами.

— Бал-луй, чортъ! — сонно, съ привычной угрозой, крикнулъ конюхъ.

Лошади отпрянули отъ рѣшетки и насторожились. Онѣ давно уже не терпѣли другъ друга, но теперь, какъ три дня тому назадъ въ ту же конюшню поставили граціозную вороную кобылу,—чего обыкновенно не дѣлается, и что произошло лишь отъ недостатка мѣстъ при бѣговой спѣшкѣ,—то у нихъ не проходило дня безъ нѣсколькихъ крупныхъ ссоръ. И здѣсь, и на кругу, и на водопоѣ они вызывали другъ друга на драку. Но Изумрудъ чувствовалъ въ душѣ нѣкоторую боязнь передъ этимъ длиннымъ, самоувѣреннымъ жеребцомъ, передъ его острымъ запахомъ злой лошади, крутымъ верблюжьимъ кадыкомъ, мрачными запавшими глазами и особенно передъ его

крѣпкимъ, точно каменнымъ костякомъ, закаленнымъ годами, усиленнымъ бѣгомъ и прежними драками.

Дѣлая видъ передъ самимъ собою, что онъ вовсе не боится, и что сейчасъ ничего не произошло, Изумрудъ повернулся, опустилъ голову въ ясли и принялся ворошить сѣно мягкими, подвижными, упругими губами. Сначала онъ только прикусывалъ капризно отдѣльныя травки, но скоро вкусъ жвачки во рту увлекъ его, и онъ по-настоящему вникъ въ кормъ. И въ то же время въ его головѣ текли медленныя равнодушныя мысли, сцѣпляясь воспоминаніями образовъ, запаховъ и звуковъ и пропадая навѣки въ той черной безднѣ, которая была впереди и позади теперешняго мига.

«Сѣно»,—думалъ онъ и вспомнилъ старшаго конюха Назара, который съ вечера задавалъ сѣно.

Назаръ—хорошій старикъ; отъ него всегда такъ уютно пахнетъ чернымъ хлѣбомъ и чуть-чуть виномъ; движенія у него неторопливыя и мягкія, овесъ и сѣно въ его дни кажутся вкуснѣе, и пріятно слушать, когда онъ, убирая лошадь, разговариваетъ съ ней вполголоса съ ласковой укоризной и все кряхтитъ. Но нѣтъ въ немъ чего-то главнаго, лошадинаго, и во время прикидки чувствуется черезъ вожжи, что его руки неувѣренны и неточны.

Въ Васькѣ тоже этого нѣтъ, и хотя онъ кричитъ и дерется, но всѣ лошади знаютъ, что онъ трусъ, и не боятся его. И ѣздитъ онъ не умѣетъ — дергаетъ, суетится. Третій конюхъ, что съ кривымъ глазомъ, лучше ихъ обоихъ, но онъ не любитъ лошадей, жестокъ и нетерпѣливъ, и руки у него не гибки, точно деревянныя. А четвертый — Андріяшка, еще совсѣмъ мальчикъ; онъ играетъ съ лошадьми, какъ жеребенокъ-сосунокъ, и украдкой цѣлуетъ въ верхнюю губу и между ноздрями,— это не особенно пріятно и смѣшно.

Вотъ тотъ, высокій, худой, сгорбленный, у котораго

бритое лицо и золотыя очки—о, это совсѣмъ другое дѣло. Онъ весь точно какая-то необыкновенная лошадь — мудрая, сильная и безстрашная. Онъ никогда не сердится, никогда не ударитъ хлыстомъ, даже не погрозитъ, а между тѣмъ, когда онъ сидитъ въ американкѣ, то какъ радостно, гордо и пріятно-страшно повиноваться каждому намеку его сильныхъ, умныхъ, все понимающихъ пальцевъ. Только онъ одинъ умѣетъ доводить Изумруда до того счастливаго гармоничнаго состоянія, когда всѣ силы тѣла напрягаются въ быстротѣ бѣга, и это такъ весело и такъ легко.

И тотчасъ же Изумрудъ увидѣлъ воображеніемъ короткую дорогу на ипподромъ и почти каждый домъ и каждую тумбу на ней, увидѣлъ песокъ ипподрома, трибуну, бѣгущихъ лошадей, зелень травы и желтизну ленточки. Вспомнился вдругъ караковый трехлѣтокъ, который на-дняхъ вывихнулъ ногу на проминкѣ и захромалъ. И, думая о немъ, Изумрудъ самъ попробовалъ мысленно похромать немножко.

Одинъ клокъ сѣна, попавшій Изумруду въ ротъ, отличался особеннымъ, необыкновенно нѣжнымъ вкусомъ. Жеребецъ долго пережевывалъ его, и когда проглотилъ, то нѣкоторое время еще слышалъ у себя во рту тонкій душистый запахъ какихъ-то увядшихъ цвѣтовъ и пахучей сухой травки. Смутное, совершенно неопредѣленное, далекое воспоминаніе скользнуло въ умѣ лошади. Это было похоже на то, что̀ бываетъ иногда у курящихъ людей, которымъ случайная затяжка папиросой на улицѣ вдругъ воскреситъ на неудержимое мгновеніе полутемный коридоръ съ старинными обоями и одинокую свѣчу на буфетѣ, или дальнюю ночную дорогу, мѣрный звонъ бубенчиковъ и томную дремоту, или синій лѣсъ невдалекѣ, снѣгъ, слѣпящій глаза, шумъ идущей облавы, страстное нетерпѣніе, заставляющее дрожать колѣни — и вотъ

на мигъ пробѣгутъ по душѣ, ласково, печально и неясно тронувъ ее, тогдашнія, забытыя, волнующія и теперь неуловимыя чувства.

Между тѣмъ черное оконце надъ яслями, до сихъ поръ невидимое, стало сѣрѣть и слабо выдѣляться въ темнотѣ. Лошади жевали лѣнивѣе и одна за другою вздыхали тяжело и мягко. На дворѣ закричалъ пѣтухъ знакомымъ крикомъ, звонкимъ, бодрымъ и рѣзкимъ, какъ труба. И еще долго и далеко кругомъ разливалось въ разныхъ мѣстахъ, не прекращаясь, очередное пѣніе другихъ пѣтуховъ.

Опустивъ голову въ кормушку, Изумрудъ все старался удержать во рту и вновь вызвать и усилить странный вкусъ, будившій въ немъ этотъ тонкій, почти физическій отзвукъ непонятнаго воспоминанія. Но оживить его не удавалось, и, незамѣтно для себя, Изумрудъ задремалъ.

II.

Ноги и тѣло у него были безупречныя, совершенныхъ формъ, поэтому онъ всегда спалъ стоя, чуть покачиваясь впередъ и назадъ. Иногда онъ вздрагивалъ, и тогда крѣпкій сонъ смѣнялся у него на нѣсколько секундъ легкой чуткой дремотой, но недолгія минуты сна были такъ глубоки, что въ теченіе ихъ отдыхали и освѣжались всѣ мускулы, нервы и кожа.

Передъ самымъ разсвѣтомъ онъ увидѣлъ во снѣ раннее весеннее утро, красную зарю надъ землей и низкій ароматный лугъ. Трава была такъ густа и сочна, такъ ярко, сказочно-прелестно зелена и такъ нѣжно розовѣла отъ зари, какъ это видятъ люди и звѣри только въ раннемъ дѣтствѣ, и всюду на ней сверкала дрожащими огнями роса. Въ легкомъ рѣдкомъ воздухѣ всевозможные запахи доносятся удивительно четко. Слышенъ сквозь прохладу

утра запахъ дымка, который сине и прозрачно вьется надъ трубой въ деревнѣ, всѣ цвѣты на лугу пахнутъ по-разному, на колеистой влажной дорогѣ за изгородью смѣшалось множество запаховъ: пахнетъ и людьми, и дегтемъ, и лошадинымъ навозомъ, и пылью, и парнымъ коровьимъ молокомъ отъ проходящаго стада, и душистой смолой отъ еловыхъ жердей забора.

Изумрудъ, семимѣсячный стригунокъ, носится безцѣльно по полю, нагнувъ внизъ голову и взбрыкивая задними ногами. Весь онъ точно изъ воздуха и совсѣмъ не чувствуетъ вѣса своего тѣла. Бѣлые пахучіе цвѣты ромашки бѣгутъ подъ его ногами назадъ, назадъ. Онъ мчится прямо на солнце. Мокрая трава хлещетъ по бабкамъ, по колѣнкамъ и холодитъ и темнитъ ихъ. Голубое небо, зеленая трава, золотое солнце, чудесный воздухъ, пьяный восторгъ молодости, силы и быстраго бѣга!

Но вотъ онъ слышитъ короткое, безпокойное, ласковое и призывающее ржаніе, которое такъ ему знакомо, что онъ всегда узнаётъ его издали, среди тысячи другихъ голосовъ. Онъ останавливается на всемъ скаку, прислушивается одну секунду, высоко поднявъ голову, двигая тонкими ушами и отставивъ метелкой пушистый короткій хвостъ, потомъ отвѣчаетъ длиннымъ заливчатымъ крикомъ, отъ котораго сотрясается все его стройное, худощавое, длинноногое тѣло, и мчится къ матери.

Она—костлявая, старая, спокойная кобыла — поднимаетъ мокрую морду изъ травы, быстро и внимательно обнюхиваетъ жеребенка и тотчасъ же опять принимается ѣсть, точно торопится дѣлать неотложное дѣло. Склонивъ гибкую шею подъ ея животъ и изогнувъ кверху морду, жеребенокъ привычно тычетъ губами между заднихъ ногъ, находитъ теплый упругій сосокъ, весь переполненный сладкимъ, чуть кисловатымъ молокомъ, которое брызжетъ ему въ ротъ тонкими горячими струй-

ками, и все пьетъ и не можетъ оторваться. Матка сама убираетъ отъ него задъ и дѣлаетъ видъ, что хочетъ укусить жеребенка за пахъ.

Въ конюшнѣ стало совсѣмъ свѣтло. Бородатый, старый, вонючій козелъ, жившій между лошадей, подошелъ къ дверямъ, заложеннымъ изнутри брусомъ, и заблеялъ, озираясь назадъ, на конюха. Васька, босой, чеша лохматую голову, пошелъ отворять ему. Стояло холодноватое, синее, крѣпкое осеннее утро. Правильный четырехугольникъ отворенной двери тотчасъ же застлался теплымъ паромъ, повалившимъ изъ конюшни. Ароматъ инея и опавшей листвы тонко потянулъ по стойламъ.

Лошади хорошо знали, что сейчасъ будутъ засыпать овесъ, и отъ нетерпѣнія негромко покряхтывали у рѣшетокъ. Жадный и капризный Онѣгинъ билъ копытомъ о деревянную настилку и, закусывая, по дурной привычкѣ, верхними зубами за окованный желѣзомъ, изжеванный бортъ кормушки, тянулся шеей, глоталъ воздухъ и рыгалъ. Изумрудъ чесалъ морду о рѣшетку.

Пришли остальные конюхи — ихъ всѣхъ было четверо — и стали въ желѣзныхъ мѣркахъ разносить по деннікамъ овесъ. Пока Назаръ сыпалъ тяжелый шелестящій овесъ въ ясли Изумруда, жеребецъ суетливо совался къ корму, то черезъ плечо старика, то изъ-подъ его рукъ, трепеща теплыми ноздрями. Конюхъ, которому нравилось это нетерпѣніе кроткой лошади, нарочно не торопился, загораживалъ ясли локтями и ворчалъ съ добродушною грубостью:

— Ишь ты, звѣрь жадная... Но-о, успѣишь... А, чтобъ тебя... Потычъ мнѣ еще мордой-то. Вотъ я тебя ужотко потычу.

Изъ оконца надъ яслями тянулся косо внизъ четырехугольный веселый солнечный столбъ, и въ немъ клубились милліоны золотыхъ пылинокъ, раздѣленныхъ длинными тѣнями отъ оконнаго переплета.

III.

Изумрудъ только-что доѣлъ овесъ, когда за нимъ пришли, чтобы вывести его на дворъ. Стало теплѣе, и земля слегка размякла, но стѣны конюшни были еще бѣлы отъ инея. Отъ навозныхъ кучъ, только-что выгребенныхъ изъ конюшни, шелъ густой паръ, и воробьи, копошившіеся въ навозѣ, возбужденно кричали, точно ссорясь между собой. Нагнувъ шею въ дверяхъ и осторожно переступивъ черезъ порогъ, Изумрудъ съ радостью долго потянулъ въ себя пряный воздухъ, потомъ затрясся шеей и всѣмъ тѣломъ и звучно зафыркалъ. «Будь здоровъ!»— серьезно сказалъ Назаръ. Изумруду не стоялось. Хотѣлось сильныхъ движеній, щекочущаго ощущенія воздуха, быстро бѣгущаго въ глаза и ноздри, горячихъ толчковъ сердца, глубокаго дыханія. Привязанный къ коновязи, онъ ржалъ, плясалъ задними ногами и, изгибая набокъ шею, косилъ назадъ, на вороную кобылу чернымъ, большимъ, выкатившимся глазомъ съ красными жилками на бѣлкѣ.

Задыхаясь отъ усилія, Назаръ поднялъ вверхъ, выше головы ведро съ водой и вылилъ ее на спину жеребца отъ холки до хвоста. Это было знакомое Изумруду бодрое, пріятное и жуткое своей всегдашней неожиданностью ощущеніе. Назаръ принесъ еще воды и оплескалъ ему бока, грудь, ноги и подъ рѣпицей. И каждый разъ онъ плотно проводилъ мозолистой ладонью вдоль по шерсти, отжимая воду. Оглядываясь назадъ, Изумрудъ видѣлъ свой высокій, немного вислозадый крупъ, вдругъ потемнѣвшій и заблестѣвшій глянцемъ на солнцѣ.

Былъ день бѣговъ. Изумрудъ зналъ это по особенной нервной спѣшкѣ, съ которой конюхи хлопотали около лошадей; нѣкоторымъ, которыя по короткости туловища

имѣли обыкновеніе засѣкаться подковами, надѣвали кожаныя ногавки на бабки, другимъ забинтовывали ноги полотняными поясами отъ путового сустава до колѣна, или подвязывали подъ грудь за передними ногами широкіе подмышники, отороченные мѣхомъ. Изъ сарая выкатывали легкія, двухколесныя съ высокими сидѣньями американки; ихъ металлическія спицы весело сверкали на ходу, а красные ободья и красныя, широкія, выгнутыя оглобли блестѣли новымъ лакомъ.

Изумрудъ былъ уже окончательно высушенъ, вычищенъ щетками и вытертъ шерстяной рукавицей, когда пришелъ главный наѣздникъ конюшни, англичанинъ. Этого высокаго, худого, немного сутуловатаго, длиннорукаго человѣка одинаково уважали и боялись и лошади и люди. У него было бритое загорѣлое лицо и твердыя, тонкія изогнутыя губы насмѣшливаго рисунка. Онъ носилъ золотыя очки; сквозь нихъ его голубые, свѣтлые глаза глядѣли твердо и упорно-спокойно. Онъ слѣдилъ за уборкой, разставивъ длинныя ноги въ высокихъ сапогахъ, заложивъ руки глубоко въ карманы панталонъ и пожевывая сигару то однимъ, то другимъ угломъ рта. На немъ была сѣрая куртка съ мѣховымъ воротникомъ, черный картузъ съ узкими полями и прямымъ, длиннымъ, четырехугольнымъ козырькомъ. Иногда онъ дѣлалъ короткія замѣчанія отрывистымъ, небрежнымъ тономъ, и тотчасъ же всѣ конюхи и рабочіе поворачивали къ нему головы, и лошади настораживали уши въ его сторону.

Онъ особенно слѣдилъ за запряжкой Изумруда, оглядывая все тѣло лошади отъ холки до копытъ, и Изумрудъ, чувствуя на себѣ этотъ точный, внимательный взглядъ, гордо подымалъ голову, слегка полуоборачивалъ гибкую шею и ставилъ торчкомъ тонкія, просвѣчивающія уши. Наѣздникъ самъ испыталъ крѣпость подпруги, просовывая палецъ между ней и животомъ. Затѣмъ на

лошадей надѣли сѣрыя полотняныя попоны съ красными каймами, красными кругами около глазъ и красными вензелями внизу у заднихъ ногъ. Два конюха, Назаръ и кривоглазый, взяли Изумруда съ обѣихъ сторонъ подъ уздцы и повели на ипподромъ по хорошо знакомой мостовой, между двумя рядами рѣдкихъ, большихъ каменныхъ зданій. До бѣгового круга не было и четверти версты.

Во дворѣ ипподрома было уже много лошадей, ихъ проваживали по кругу, всѣхъ въ одномъ направленіи,— въ томъ же, въ которомъ онѣ ходятъ по бѣговому кругу, т.-е. обратномъ движенію часовой стрѣлки. Внутри двора водили поддужныхъ лошадей, небольшихъ, крѣпконогихъ, съ подстриженными короткими хвостами. Изумрудъ тотчасъ же узналъ бѣлаго жеребчика, всегда скакавшаго съ нимъ рядомъ, и обѣ лошади тихо и ласково поржали въ знакъ привѣтствія.

IV.

На ипподромѣ зазвонили. Конюхи сняли съ Изумруда попону. Англичанинъ, щуря подъ очками глаза отъ солнца и оскаливая длинные, желтые лошадиные зубы, подошелъ, застегивая на ходу перчатки, съ хлыстомъ подъ мышкой. Одинъ изъ конюховъ подобралъ Изумруду пышный, до самыхъ бабокъ хвостъ и бережно уложилъ его на сидѣнье американки, такъ что его свѣтлый конецъ свѣсился назадъ. Гибкія оглобли упруго качнулись отъ тяжести тѣла. Изумрудъ покосился назадъ и увидѣлъ наѣздника, сидящаго почти вплотную за его крупомъ, съ ногами, вытянутыми впередъ и растопыренными по оглоблямъ. Наѣздникъ, не торопясь, взялъ вожжи, односложно крикнулъ конюхамъ, и они разомъ отняли руки. Радуясь предстоящему бѣгу, Изумрудъ рванулся-было впередъ, но, сдержанный сильными руками,

поднялся лишь немного на заднихъ ногахъ, встряхнулъ шеей и широкой, рѣдкой рысью выбѣжалъ изъ воротъ на ипподромъ.

Вдоль деревяннаго забора, образуя верстовой эллипсъ, шла широкая бѣговая дорожка изъ желтаго песка, который былъ немного влаженъ и плотенъ и потому пріятно пружинился подъ ногами, возвращая имъ ихъ давленіе. Острые слѣды копытъ и ровныя, прямыя полосы, оставляемыя гуттаперчей шинъ, бороздили ленточку.

Мимо протянулась трибуна, высокое деревянное зданіе, въ двѣсти лошадиныхъ корпусовъ длиною, гдѣ горой отъ земли до самой крыши, поддержанной тонкими столбами, двигалась и гудѣла черная человѣческая толпа. По легкому, чуть слышному шевеленію вожжей Изумрудъ понялъ, что ему можно прибавить ходу, и благодарно фыркнулъ.

Онъ шелъ ровной машистой рысью, почти не колеблясь спиной, съ вытянутой впередъ и слегка привороченной къ лѣвой оглоблѣ шеей, съ прямо поднятой мордой. Благодаря рѣдкому, хотя необыкновенно длинному шагу, его бѣгъ издали не производилъ впечатлѣнія быстроты; казалось, что рысакъ мѣряетъ, не торопясь, дорогу прямыми, какъ циркуль, передними ногами, чуть притрогиваясь концами копытъ къ землѣ. Это была настоящая американская выѣздка, въ которой все сводится къ тому, чтобы облегчить лошади дыханіе и уменьшить сопротивленіе воздуха до послѣдней степени, гдѣ устранены всѣ ненужныя для бѣга движенія, непроизводительно расходующія силу, и гдѣ внѣшняя красота формъ приносится въ жертву легкости, сухости, долгому дыханію и энергіи бѣга, превращая лошадь въ живую безукоризненную машину.

Теперь, въ антрактѣ между двумя бѣгами, шла проминка лошадей, которая всегда дѣлается для того, чтобы

открыть рысакамъ дыханіе. Ихъ много бѣжало во внѣшнемъ кругу по одному направленію съ Изумрудомъ, а во внутреннемъ—навстрѣчу. Сѣрый, въ темныхъ яблокахъ, рослый бѣломордый рысакъ, чистой Орловской породы, съ крутой собранной шеей и съ хвостомъ трубой, похожій на ярмарочнаго коня, перегналъ Изумруда. Онъ трясся на ходу жирной, широкой, уже потемнѣвшей отъ пота грудью и сырыми пахами, откидывалъ переднія ноги отъ колѣнъ вбокъ, и при каждомъ шагѣ у него звучно екала селезенка.

Потомъ подошла сзади стройная, длиннотѣлая гнѣдая кобыла-метиска, съ жидкой темной гривой. Она была прекрасно выработана по той же американской системѣ, какъ и Изумрудъ. Короткая холеная шерсть такъ и блестѣла на ней, переливаясь отъ движенія мускуловъ подъ кожей. Пока наѣздники о чемъ-то говорили, обѣ лошади шли нѣкоторое время рядомъ. Изумрудъ обнюхалъ кобылу и хотѣлъ-было заиграть на ходу, но англичанинъ не позволилъ, и онъ подчинился.

Навстрѣчу имъ пронесся полной рысью огромный вороной жеребецъ, весь обмотанный бинтами, наколѣнниками и подмышниками. Лѣвая оглобля выступала у него прямо впередъ на полъ-аршина длиннѣе правой, а черезъ кольцо, укрѣпленное надъ головой, проходилъ ремень стального оберъ-чека, жестоко охватившаго сверху и съ обѣихъ сторонъ нервный храпъ лошади. Изумрудъ и кобыла одновременно поглядѣли на него, и оба мгновенно оцѣнили въ немъ рысака необыкновенной силы, быстроты и выносливости, но страшно упрямаго, злого, самолюбиваго и обидчиваго. Слѣдомъ за воронымъ, пробѣжалъ до смѣшного маленькій, свѣтло-сѣрый нарядный жеребчикъ. Со стороны можно было подумать, что онъ мчится съ невѣроятной скоростью: такъ часто топоталъ онъ ногами, такъ высоко вскидывалъ ихъ въ колѣняхъ, и та-

кое усердное, дѣловитое выраженіе было въ его подобранной шеѣ съ красивой маленькой головой. Изумрудъ только презрительно скосилъ на него свой глазъ и повелъ однимъ ухомъ въ его сторону.

Другой наѣздникъ окончилъ разговоръ, громко и коротко засмѣялся, точно проржалъ, и пустилъ кобылу свободной рысью. Она безъ всякаго усилія, спокойно, точно быстрота ея бѣга совсѣмъ отъ нея не зависѣла, отдѣлилась отъ Изумруда и побѣжала впередъ, плавно неся ровную, блестящую спину, съ едва замѣтнымъ темнымъ ремешкомъ вдоль хребта.

Но тотчасъ же и Изумруда и ее обогналъ и быстро кинулъ назадъ несшійся галопомъ огненно-рыжій рысакъ, съ большимъ бѣлымъ пятномъ на храпѣ. Онъ скакалъ частыми, длинными прыжками, то растягиваясь и пригибаясь къ землѣ, то почти соединяя на воздухѣ переднія ноги съ задними. Его наѣздникъ, откинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, не сидѣлъ, а лежалъ на сидѣньи, повиснувъ на натянутыхъ вожжахъ. Изумрудъ заволновался и горячо метнулся въ сторону, но англичанинъ незамѣтно сдержалъ вожжи, и его руки, такія гибкія и чуткія къ каждому движенію лошади, вдругъ стали точно желѣзными. Около трибуны рыжій жеребецъ, успѣвшій проскакать еще одинъ кругъ, опять обогналъ Изумруда. Онъ до сихъ поръ скакалъ, но теперь уже былъ въ пѣнѣ, съ кровавыми глазами и дышалъ хрипло. Наѣздникъ, перегнувшись впередъ, стегалъ его изо всѣхъ силъ хлыстомъ вдоль спины. Наконецъ конюхамъ удалось близъ воротъ пересѣчь ему дорогу и схватить за вожжи и за узду у морды. Его свели съ ипподрома мокраго, задыхающагося, дрожащаго, похудѣвшаго въ одну минуту.

Изумрудъ сдѣлалъ еще полкруга полной рысью, потомъ свернулъ на дорожку, пересѣкавшую поперекъ бѣговой плацъ, и черезъ ворота въѣхалъ во дворъ.

V.

На ипподромѣ нѣсколько разъ звонили. Мимо отворенныхъ воротъ изрѣдка проносились молніей бѣгущіе рысаки, люди на трибунахъ вдругъ принимались кричать и хлопать въ ладоши. Изумрудъ въ линіи другихъ рысаковъ часто шагалъ рядомъ съ Назаромъ, мотая опущенною головой и пошевеливая ушами въ полотняныхъ футлярахъ. Отъ проминки кровь весело и горячо струилась въ его жилахъ, дыханіе становилось все глубже и свободнѣе, по мѣрѣ того, какъ отдыхало и охлаждалось его тѣло,—во всѣхъ мускулахъ чувствовалось нетерпѣливое желаніе бѣжать еще.

Прошло съ полчаса. На ипподромѣ опять зазвонили. Теперь наѣздникъ сѣлъ на американку безъ перчатокъ. У него были бѣлыя, широкія, волшебныя руки, внушавшія Изумруду привязанность и страхъ.

Англичанинъ неторопливо выѣхалъ на ипподромъ, откуда одна за другой съѣзжали во дворъ лошади, окончившія проминку. На кругу остались только Изумрудъ и тотъ огромный вороной жеребецъ, который повстрѣчался съ нимъ на проѣздкѣ. Трибуны сплошь отъ низу до верху чернѣли густой человѣческой толпой, и въ этой черной массѣ безчисленно, весело и безпорядочно свѣтлѣли лица и руки, пестрѣли зонтики и шляпки, и воздушно колебались бѣлые листики программъ. Постепенно увеличивая ходъ и пробѣгая вдоль трибуны, Изумрудъ чувствовалъ, какъ тысяча глазъ неотступно провожала его, и онъ ясно понималъ, что эти глаза ждутъ отъ него быстрыхъ движеній, полнаго напряженія силъ, могучаго біенія сердца, — и это пониманіе сообщало его мускуламъ счастливую легкость и кокетливую сжатость. Бѣлый знакомый жеребецъ, на которомъ сидѣлъ верхомъ

мальчикъ, скакалъ укороченнымъ галопомъ рядомъ, справа.

Ровной размѣренной рысью, чуть-чуть наклоняясь тѣломъ влѣво, Изумрудъ описалъ крутой заворотъ и сталъ подходить къ столбу съ краснымъ кругомъ. На ипподромѣ коротко ударили въ колоколъ. Англичанинъ едва замѣтно поправился на сидѣньи, и руки его вдругъ окрѣпли. «Теперь иди, но береги силы. Еще рано», — понялъ Изумрудъ и въ знакъ того, что понялъ, обернулъ на секунду назадъ и опять поставилъ прямо свои тонкія, чуткія уши. Бѣлый жеребецъ ровно скакалъ сбоку, немного позади. Изумрудъ слышалъ у себя около холки его свѣжее, равномѣрное дыханіе.

Красный столбъ остался позади, еще одинъ крутой поворотъ, дорожка выпрямляется, вторая трибуна, приближаясь, чернѣетъ и пестрѣетъ издали гудящей толпой и быстро растетъ съ каждымъ шагомъ. «Еще!—позволяетъ наѣздникъ: — еще, еще!» Изумрудъ немного горячится и хочетъ сразу напрячь всѣ свои силы въ бѣгѣ. «Можно ли?»—думаетъ онъ.—«Нѣтъ, еще рано, не волнуйся,— отвѣчаютъ, успокаивая, волшебныя руки. — Потомъ».

Оба жеребца проходятъ призовые столбы секунда въ секунду, но съ противоположныхъ сторонъ діаметра, соединяющаго обѣ трибуны. Легкое сопротивленіе туго натянутой нитки и быстрый разрывъ ея на мгновеніе заставляютъ Изумруда запрясть ушами, но онъ тотчасъ же забываетъ объ этомъ, весь поглощенный вниманіемъ къ чудеснымъ рукамъ. «Еще немного! Не горячиться! Итти ровно!»—приказываетъ наѣздникъ. Черная, колеблющаяся трибуна проплываетъ мимо. Еще нѣсколько десятковъ саженъ, и всѣ четверо — Изумрудъ, бѣлый жеребчикъ, англичанинъ и мальчикъ-поддужный, припавшій, стоя на короткихъ стременахъ, къ лошадиной гривѣ, счастливо слаживаются въ одно плотное, быстро несу-

щееся тѣло, одухотворенное одной волей, одной красотой мощныхъ движеній, однимъ ритмомъ, звучащимъ, какъ музыка. Та-та-та-та!—ровно и мѣрно выбиваетъ ногами Изумрудъ. Тра-та, тра-та!—коротко и рѣзко двоитъ поддужный. Еще одинъ поворотъ, и бѣжитъ навстрѣчу вторая трибуна. «Я прибавлю?»—спрашиваетъ Изумрудъ. «Да,—отвѣчаютъ руки:—но спокойно».

Вторая трибуна проносится назадъ мимо глазъ. Люди кричатъ что-то. Это развлекаетъ Изумруда, онъ горячится, теряетъ ощущеніе вожжей и, на секунду выбившись изъ общаго, наладившагося такта, дѣлаетъ четыре капризныхъ скачка съ правой ноги. Но вожжи тотчасъ же становятся жесткими и, раздирая ему ротъ, скручиваютъ шею внизъ и ворочаютъ голову направо. Теперь уже неловко скакать съ правой ноги. Изумрудъ сердится и не хочетъ перемѣнить ногу, но наѣздникъ, поймавъ этотъ моментъ, повелительно и спокойно ставитъ лошадь на рысь. Трибуна осталась далеко позади, Изумрудъ опять входитъ въ тактъ, и руки снова дѣлаются дружественно-мягкими. Изумрудъ чувствуетъ свою вину и хочетъ усилить вдвое рысь. «Нѣтъ, нѣтъ, еще рано, — добродушно замѣчаетъ наѣздникъ. — Мы успѣемъ это поправить. Ничего».

Такъ они проходятъ въ отличномъ согласіи безъ сбоевъ еще кругъ и половину. Но и вороной сегодня въ великолѣпномъ порядкѣ. Въ то время, когда Изумрудъ разладился, онъ успѣлъ бросить его на шестъ длинъ лошадинаго тѣла, но теперь Изумрудъ набираетъ потерянное и у предпослѣдняго столба оказывается на три съ четвертью секунды впереди. «Теперь можно. Иди!»—приказываетъ наѣздникъ. Изумрудъ прижимаетъ уши и бросаетъ всего одинъ быстрый взглядъ назадъ. Лицо англичанина все горитъ острымъ, рѣшительнымъ, прицѣливающимся выраженіемъ, бритыя губы сморщились нетерпѣ-

ливой гримасой и обнажаютъ желтые, большіе, крѣпко стиснутые зубы. «Давай все, что можно!—приказываютъ вожжи въ высоко поднятыхъ рукахъ. — Еще, еще!» И англичанинъ вдругъ кричитъ громкимъ вибрирующимъ голосомъ, повышающимся, какъ звукъ сирены:

— О-э-э-э-эй!

— Вотъ, вотъ, вотъ, вотъ!.. — пронзительно и звонко въ тактъ бѣгу кричитъ мальчишка-поддужный.

Теперь чувство темпа достигаетъ самой высшей напряженности и держится на какомъ-то тонкомъ волоскѣ, вотъ-вотъ готовомъ порваться. Та-та-та-та!—ровно отпечатываютъ по землѣ ноги Изумруда. Трра-трра-трра!—слышится впереди галопъ бѣлаго жеребца, увлекающаго за собой Изумруда. Въ тактъ бѣгу колеблются гибкія оглобли, и въ тактъ галопу подымается и опускается на сѣдлѣ мальчикъ, почти лежащій на шеѣ у лошади.

Воздухъ, бѣгущій навстрѣчу, свиститъ въ ушахъ и щекочетъ ноздри, изъ которыхъ паръ бьетъ частыми большими струями. Дышать труднѣе, и кожѣ становится жарко. Изумрудъ обѣгаетъ послѣдній заворотъ, наклоняясь во внутрь его всѣмъ тѣломъ. Трибуна вырастаетъ, какъ живая, и отъ нея навстрѣчу летитъ тысячеголосый ревъ, который пугаетъ, волнуетъ и радуетъ Изумруда. У него не хватаетъ больше рыси, и онъ уже хочетъ скакать, но эти удивительныя руки позади и умоляютъ, и приказываютъ, и успокаиваютъ: «Милый, не скачи!.. Только не скачи!.. Вотъ такъ, вотъ такъ, вотъ такъ». И Изумрудъ, проносясь стремительно мимо столба, разрываетъ контрольную нитку, даже не замѣтя этого. Крики, смѣхъ, аплодисменты водопадомъ низвергаются съ трибуны. Бѣлые листки афишъ, зонтики, палки, шляпы кружатся и мелькаютъ между движущимися лицами и руками. Англичанинъ мягко бросаетъ вожжи. «Кончено. Спасибо, милый!»—говоритъ Изумруду это движеніе, и онъ, съ тру-

домъ сдерживая инерцію бѣга, переходитъ въ шагъ. Въ этотъ моментъ вороной жеребецъ только-только подходитъ къ своему столбу на противоположной сторонѣ, семью секундами позже.

Англичанинъ, съ трудомъ подымая затекшія ноги, тяжело спрыгиваетъ съ американки и, снявъ бархатное сидѣнье, идетъ съ нимъ на вѣсы. Подбѣжавшіе конюхи покрываютъ горячую спину Изумруда попоной и уводятъ на дворъ. Вслѣдъ имъ несется гулъ человѣческой толпы и длинный звонокъ изъ членской бесѣдки. Легкая желтоватая пѣна падаетъ съ морды лошади на землю и на руки конюховъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Изумруда, уже распряженнаго, приводятъ опять къ трибунѣ. Высокій человѣкъ въ длинномъ пальто и новой блестящей шляпѣ, котораго Изумрудъ часто видитъ у себя въ конюшнѣ, треплетъ его по шеѣ и суетъ ему на ладони въ ротъ кусокъ сахару. Англичанинъ стоитъ тутъ же, въ толпѣ, и улыбается, морщась и скаля длинные зубы. Съ Изумруда снимаютъ попону и устанавливаютъ его передъ ящикомъ на трехъ ногахъ, покрытымъ черной матеріей, подъ которую прячется и что-то тамъ дѣлаетъ господинъ въ сѣромъ.

Но вотъ люди свергаются съ трибунъ черной разсыпающейся массой. Они тѣсно обступаютъ лошадь со всѣхъ сторонъ и кричатъ и машутъ руками, наклоняя близко другъ къ другу красныя, разгоряченныя лица съ блестящими глазами. Они чѣмъ-то недовольны, тычутъ пальцами въ ноги, въ голову и въ бока Изумруду, взъерошиваютъ шерсть на лѣвой сторонѣ крупа, тамъ, гдѣ стоитъ тавро, и опять кричатъ всѣ разомъ. «Поддѣльная лошадь, фальшивый рысакъ, обманъ, мошенничество, деньги назадъ!»—слышитъ Изумрудъ и не понимаетъ этихъ словъ и безпокойно шевелитъ ушами. «О чемъ они?—думаетъ

онъ съ удивленіемъ. — Вѣдь я такъ хорошо бѣжалъ!» И на мгновеніе ему бросается въ глаза лицо англичанина. Всегда такое спокойное, слегка насмѣшливое и твердое, оно теперь пылаетъ гнѣвомъ. И вдругъ англичанинъ кричитъ что-то высокимъ гортаннымъ голосомъ, взмахиваетъ быстро рукой, и звукъ пощечины сухо разрываетъ общій гомонъ.

VI.

Изумруда отвели домой, черезъ три часа дали ему овса, а вечеромъ, когда его поили у колодца, онъ видѣлъ, какъ изъ-за забора подымалась желтая большая луна, внушавшая ему темный ужасъ.

А потомъ пошли скучные дни.

Ни на прикидки, ни на проминки, ни на бѣга его не водили больше. Но ежедневно приходили незнакомые люди, — много людей, и для нихъ выводили Изумруда на дворъ, гдѣ они разсматривали и ощупывали его на всѣ лады, лазили ему въ ротъ, скребли его шерсть пемзой и все кричали другъ на друга.

Потомъ онъ помнилъ, какъ его однажды позднимъ вечеромъ вывели изъ конюшни и долго вели по длиннымъ, каменнымъ, пустыннымъ улицамъ, мимо домовъ съ освѣщенными окнами. Затѣмъ вокзалъ, темный трясущійся вагонъ, утомленіе и дрожь въ ногахъ отъ дальняго переѣзда, свистки паровозовъ, грохотъ рельсовъ, удушливый запахъ дыма, скучный свѣтъ качающагося фонаря. На одной станціи его выгрузили изъ вагона и долго вели незнакомой дорогой, среди просторныхъ, голыхъ осеннихъ полей, мимо деревень, пока не привели въ незнакомую конюшню и не заперли отдѣльно, вдали отъ другихъ лошадей.

Сначала онъ все вспоминалъ о бѣгахъ, о своемъ

англичанинѣ, о Васькѣ, о Назарѣ и объ Онѣгинѣ и часто видѣлъ ихъ во снѣ, но съ теченіемъ времени позабылъ обо всемъ. Его отъ кого-то прятали, и все его молодое, прекрасное тѣло томилось, тосковало и опускалось отъ бездѣйствія. То и дѣло подъѣзжали новые, незнакомые люди и снова толклись вокругъ Изумруда, щупали и теребили его и сердито бранились между собою.

Иногда случайно Изумрудъ видѣлъ сквозь отворенную дверь другихъ лошадей, ходившихъ и бѣгавшихъ на волѣ, и тогда онъ кричалъ имъ, негодуя и жалуясь. Но тотчасъ же закрывали дверь, и опять скучно и одиноко тянулось время.

Главнымъ въ этой конюшнѣ былъ большеголовый, заспанный человѣкъ съ маленькими черными глазками и тоненькими черными усами на жирномъ лицѣ. Онъ казался совсѣмъ равнодушнымъ къ Изумруду, но тотъ чувствовалъ къ нему непонятный ужасъ.

И вотъ однажды, раннимъ утромъ, когда всѣ конюхи спали, этотъ человѣкъ тихонько, безъ малѣйшаго шума, на цыпочкахъ вошелъ къ Изумруду, самъ засыпалъ ему овесъ въ ясли и ушелъ. Изумрудъ немного удивился этому, но покорно сталъ ѣсть. Овесъ былъ сладокъ, слегка горьковатъ и ѣдокъ на вкусъ. «Странно, — подумалъ Изумрудъ:—я никогда не пробовалъ такого овса».

И вдругъ онъ почувствовалъ легкую рѣзь въ животѣ. Она пришла, потомъ прекратилась и опять пришла сильнѣе прежняго и увеличивалась съ каждой минутой. Наконецъ боль стала нестерпимой. Изумрудъ глухо застоналъ. Огненныя колеса завертѣлись передъ его глазами, отъ внезапной слабости все его тѣло стало мокрымъ и дряблымъ, ноги задрожали, подогнулись, и жеребецъ грохнулся на полъ. Онъ еще пробовалъ подняться, но могъ встать только на однѣ переднія ноги и опять валился на бокъ. Гудящій вихрь закружился у него въ го-

ловѣ; проплылъ англичанинъ, скаля по-лошадиному длинные зубы, Онѣгинъ пробѣжалъ мимо, выпятя свой верблюжій кадыкъ и громко ржа. Какая-то сила несла Изумруда безпощадно и стремительно глубоко внизъ, въ темную и холодную яму. Онъ уже не могъ шевелиться.

Судороги вдругъ свели его ноги и шею и выгнули спину. Вся кожа на лошади задрожала мелко и быстро и покрылась остро-пахнувшей пѣной.

Желтый движущійся свѣтъ фонаря на мигъ рѣзнулъ ему глаза и потухъ вмѣстѣ съ угасшимъ зрѣніемъ. Ухо его еще уловило грубый человѣческій окрикъ, но онъ уже не почувствовалъ, какъ его толкнули въ бокъ каблукомъ. Потомъ все исчезло — навсегда.

НА ПЕРЕЛОМЪ.

(КАДЕТЫ).

I.

Первыя впечатлѣнія. — Старички. — Прочная пуговица. — Что такое маслянка. — Грузовъ. — Ночь.

— Эй, какъ тебя!.. Новичокъ... какъ твоя фамилія?

Буланинъ даже и не подозрѣвалъ, что этотъ окрикъ относится къ нему — до того онъ былъ оглушенъ новыми впечатлѣніями. Онъ только-что пришелъ изъ пріемной комнаты, гдѣ его мать упрашивала какого-то высокаго военнаго въ бакенбардахъ быть поснисходительнѣе на первыхъ порахъ къ ея Мишенькѣ. «Ужъ вы, пожалуйста, съ нимъ не по всей строгости, — говорила она, гладя въ то же время безсознательно голову сына: — онъ у меня такой нѣжный... такой впечатлительный... онъ совсѣмъ на другихъ мальчиковъ не похожъ». При этомъ у нея было такое жалкое, просящее, совсѣмъ непривычное для Буланина лицо, а высокій военный только кланялся и призвякивалъ шпорами. Повидимому, онъ торопился уйти, но, въ силу давнишней привычки, продолжалъ выслушивать съ равнодушнымъ и вѣжливымъ терпѣніемъ эти изліянія материнской заботливости...

Двѣ длинныя рекреаціонныя залы младшаго возраста были полны народа. Новички робко жались вдоль стѣнъ и сидѣли на подоконникахъ, одѣтые въ самые разнообразные костюмы: тутъ были желтыя, голубыя и красныя косоворотки-рубашки, матросскія курточки съ золотыми

якорями, высокіе до колѣнъ чулки и сапожки съ лаковыми отворотами, пояса широкіе кожаные и узкіе позументные. «Старички» въ сѣрыхъ каламянковыхъ блузахъ, подпоясанныхъ ремнями, и такихъ же панталонахъ, сразу бросались въ глаза и своимъ однообразнымъ костюмомъ и въ особенности развязными манерами. Они ходили по-двое и по-трое по залѣ, обнявшись, заломивъ истрепанныя кепи на затылокъ; нѣкоторые перекликались черезъ всю залу, иные съ крикомъ гонялись другъ за другомъ. Густая пыль поднималась съ натертаго мастикой паркета. Можно было подумать, что вся эта топочащая, кричащая и свистящая толпа нарочно старалась кого-то ошеломить своей возней и гамомъ.

— Ты оглохъ, что ли? Какъ твоя фамилія, я тебя спрашиваю?

Буланинъ вздрогнулъ и поднялъ глаза. Передъ нимъ, заложивъ руки въ карманы панталонъ, стоялъ рослый воспитанникъ и разсматривалъ его соннымъ, скучающимъ взглядомъ.

— Моя фамилія Буланинъ, — отвѣтилъ новичокъ.

— Очень радъ. А у тебя гостинцы есть, Буланинъ?

— Нѣтъ...

— Это, братецъ, скверно, что у тебя нѣтъ гостинцевъ. Пойдешь въ отпускъ — принеси.

— Хорошо, я принесу.

— И со мной подѣлись... Ладно?..

— Хорошо, съ удовольствіемъ.

Но старичокъ не уходилъ. Онъ, повидимому, скучалъ и искалъ развлеченія. Вниманіе его привлекли большія металлическія пуговицы, пришитыя въ два ряда на курточкѣ Буланина.

— Ишь ты, какія пуговицы у тебя ловкія, — сказалъ онъ, трогая одну изъ нихъ пальцемъ.

— О, это такія пуговицы... — суетливо обрадовался

Буланинъ. — Ихъ ни за что оторвать нельзя. Вотъ попробуй-ка!

Старичокъ захватилъ между своими двумя грязными пальцами пуговицу и началъ вертѣть ее. Но пуговица не поддавалась. Курточка шилась дома, шилась на ростъ, въ расчетѣ нарядить въ нее Васеньку, когда Мишенькѣ она станетъ мала. А пуговицы пришивала сама мать двойной провощенной ниткой.

Воспитанникъ оставилъ пуговицу, поглядѣлъ на свои пальцы, гдѣ отъ нажима острыхъ краевъ остались синіе рубцы, и сказалъ:

— Крѣпкая пуговица!.. Эй, Базутка, — крикнулъ онъ пробѣгавшему мимо маленькому бѣлокурому, розовому толстяку: — посмотри, какая у новичка пуговица здоровая!

Скоро вокругъ Буланина, въ углу, между печкой и дверью, образовалась довольно густая толпа. Тотчасъ же установилась очередь. «Чуръ, я за Базуткой!» — крикнулъ чей-то голосъ, и тотчасъ же остальные загалдѣли: «А я за Миллеромъ! А я за Утконосомъ! А я за тобой!» — и покамѣстъ одинъ вертѣлъ пуговицу, другіе уже протягивали руки и даже пощелкивали отъ нетерпѣнія пальцами.

Но пуговица держалась попрежнему крѣпко.

— Позовите Грузова! — сказалъ кто-то изъ толпы.

Тотчасъ же другіе закричали: «Грузовъ! Грузовъ!». Двое побѣжали его разыскивать.

Пришелъ Грузовъ, малый лѣтъ пятнадцати, съ желтымъ, испитымъ, арестантскимъ лицомъ, сидѣвшій въ первыхъ двухъ классахъ уже четыре года, — одинъ изъ первыхъ силачей возраста. Онъ, собственно, не шелъ, а влачился, не поднимая ногъ отъ земли и при каждомъ шагѣ падая туловищемъ то въ одну, то въ другую сторону, точно плылъ или катился на конькахъ. При этомъ

онъ поминутно сплевывалъ сквозь зубы, съ какой-то особенной кучерской лихостью. Расталкивая кучку плечомъ, онъ спросилъ сиплымъ басомъ:

— Что у васъ тутъ, ребята?

Ему разсказали, въ чемъ дѣло. Но, чувствуя себя героемъ минуты, онъ не торопился. Оглядѣвъ внимательно новичка съ ногъ до головы, онъ буркнулъ:

— Фамилія?..

— Что?— спросилъ робко Буланинъ.

— Дуракъ, какъ твоя фамилія?

— Бу... Буланинъ...

— А почему же не Савраскинъ? Ишь ты, фамилія-то какая... лошадиная.

Кругомъ услужливо разсмѣялись. Грузовъ продолжалъ:

— А ты, Буланка, пробовалъ когда-нибудь маслянки?

— Н...нѣтъ... не пробовалъ.

— Какъ? Ни разу не пробовалъ?

— Ни разу...

— Вотъ такъ штука! Хочешь, я тебя угощу?

И, не дожидаясь отвѣта Буланина, Грузовъ нагнулъ его голову внизъ и очень больно и быстро ударилъ по ней сначала концомъ большого пальца, а потомъ дробно костяжками всѣхъ остальныхъ, сжатыхъ въ кулакъ.

— Вотъ тебѣ маслянка, и другая, и третья!.. Ну что, Буланка, вкусно? Можетъ-быть, еще хочешь?

Старички радостно гоготали. «Ужъ этотъ Грузовъ! Отчаянный!.. Здорово новичка маслянками накормилъ».

Буланинъ тоже силился улыбнуться, хотя отъ трехъ маслянокъ ему было такъ больно, что невольно слезы выступили на глазахъ. Грузову объяснили, зачѣмъ его звали. Онъ самоувѣренно взялся за пуговицу и сталъ ее съ ожесточеніемъ крутить. Однако, несмотря на то, что онъ прилагалъ все бо́льшія и бо́льшія усилія, пуговица продолжала упорно держаться на своемъ мѣстѣ.

Тогда, изъ боязни уронить свой авторитетъ передъ «малышами», весь красный отъ натуги, онъ уперся одной рукой въ грудь Буланина, а другой изо всѣхъ силъ рванулъ пуговицу къ себѣ. Пуговица отлетѣла съ мясомъ, но толчокъ былъ такъ быстръ и внезапенъ, что Буланинъ сразу сѣлъ на полъ. На этотъ разъ никто не разсмѣялся. Можетъ-быть, у каждаго мелькнула въ это мгновеніе мысль, что и онъ когда-то былъ новичкомъ, въ такой же курточкѣ, сшитой дома любимыми руками.

Буланинъ поднялся на ноги. Какъ онъ ни старался удержаться, слезы все-таки же покатились изъ его глазъ, и онъ, закрывъ лицо руками, прижался къ печкѣ.

— Эхъ, ты, рёва-корова! — произнесъ Грузовъ презрительно, стукнулъ новичка ладонью по затылку, бросилъ ему пуговицу въ лицо и ушелъ своей разгильдяйской походкой.

Скоро Буланинъ остался одинъ. Онъ продолжалъ плакать. Кромѣ боли и незаслуженной обиды, какое-то странное, сложное чувство терзало его маленькое сердце, — чувство, похожее на то, какъ будто бы онъ самъ только-что совершилъ какой-то нехорошій, непоправимый, глупый поступокъ. Но въ этомъ чувствѣ онъ покамѣстъ разобраться не могъ.

Страшно медленно, скучно и тяжело, точно длинный сонъ, тянулся для Буланина этотъ первый день гимназической жизни. Были минуты, когда ему начинало казаться, что не пять или шесть часовъ, а по крайней мѣрѣ полмѣсяца прошло съ того грустнаго момента, какъ онъ вмѣстѣ съ матерью взбирался по широкимъ каменнымъ ступенямъ параднаго крыльца и съ трепетомъ вступилъ въ огромныя стеклянныя двери, на которыхъ мѣдь блестѣла съ холодной и внушительной яркостью...

Одинокій, точно забытый всѣмъ свѣтомъ, мальчикъ разсматривалъ окружавшую его казенную обстановку. Двѣ длинныя залы — рекреаціонная и чайная (онѣ раздѣля-

лись аркой) — были выкрашены снизу до высоты человѣческаго роста коричневой масляной краской, а выше — розовой известкой. По лѣвую сторону рекреаціонной залы тянулись окна, полузадѣланныя рѣшетками, а по правую — стеклянныя двери, ведущія въ классы; простѣнки между дверьми и окнами были заняты раскрашенными картинами изъ отечественной исторіи и рисунками разныхъ звѣрей, а въ дальнемъ углу лампада теплилась передъ огромнымъ образомъ св. Александра Невскаго, къ которому вели три обитыя краснымъ сукномъ ступеньки. Вокругъ стѣнъ чайной залы стояли черные столы и скамейки; ихъ сдвигали въ одинъ общій столъ къ чаю и завтраку. По стѣнамъ тоже висѣли картины, изображавшія геройскіе подвиги русскихъ воиновъ, но висѣли настолько высоко, что, даже ставши на столъ, нельзя было разсмотрѣть, что̀ подъ ними подписано... Вдоль обѣихъ залъ, какъ разъ посреди ихъ, висѣлъ длинный рядъ опускныхъ лампъ съ абажурами и мѣдными шарами для противовѣса...

Наскучивъ бродить вдоль этихъ безконечно-длинныхъ залъ, Буланинъ вышелъ на плацъ — большую квадратную лужайку, окруженную съ двухъ сторонъ валомъ, а съ двухъ другихъ — сплошной стѣной желтой акаціи. На плацу старички играли въ лапту, другіе ходили обнявшись, третьи съ вала бросали камни въ зеленый отъ тины прудъ, лежавшій глаголемъ шагахъ въ пятидесяти за линіей валовъ; къ пруду гимназистамъ ходить не позволялось, и чтобы слѣдить за этимъ — на валу во время прогулки торчалъ дежурный дядька.

Всѣ эти впечатлѣнія рѣзкими, неизгладимыми чертами запали въ память Буланина. Сколько разъ потомъ, за всѣ семь лѣтъ гимназической жизни, видѣлъ онъ и эти коричневыя съ розовымъ стѣны, и плацъ съ чахлой травой, вытоптанной многочисленными ногами, и длинные

узкіе коридоры, и чугунную лѣстницу — и такъ привыкъ къ нимъ, что они сдѣлались какъ бы частью его самого... Но впечатлѣнія перваго дня все-таки не умирали въ его душѣ, и онъ всегда могъ вызвать чрезвычайно живо передъ своими глазами тогдашній видъ всѣхъ этихъ предметовъ, — видъ, совсѣмъ отличный отъ ихъ настоящаго вида, гораздо болѣе яркій, свѣжій и какъ будто бы наивный.

Вечеромъ Буланину, вмѣстѣ съ прочими новичками, дали въ каменной кружкѣ мутнаго сладкаго чаю и половину французской булки. Но булка оказалась кислой на вкусъ, а чай отдавалъ рыбой. Послѣ чая дядька показалъ Буланину его кровать.

Спальня младшаго возраста долго не могла угомониться. Старички въ однѣхъ рубашкахъ перебѣгали съ кровати на кровать, слышался хохотъ, шумъ возни, звонкіе удары ладонью по голому тѣлу. Только черезъ часъ сталъ затихать этотъ кавардакъ, и умолкъ сердитый голосъ воспитателя, окликавшаго шалуновъ по фамиліямъ.

Когда же шумъ совершенно прекратился, когда отовсюду послышалось глубокое дыханіе спящихъ, прерываемое изрѣдка соннымъ бредомъ, Буланину сдѣлалось невыразимо тяжело. Все, что на время забылось имъ, что заволоклось новыми впечатлѣніями, — все это вдругъ припомнилось ему съ безпощадной ясностью: домъ, сестры, братъ, другъ дѣтскихъ игръ — кухаркинъ племянникъ Савка и наконецъ это дорогое, близкое лицо, которое сегодня въ пріемной казалось такимъ просящимъ. Тонкая, глубокая нѣжность и какая-то болѣзненная жалость къ матери переполнили сердце Буланина. Ему припомнились всѣ тѣ случаи, когда онъ бывалъ съ нею недостаточно нѣженъ, непочтителенъ, порою даже грубъ. И ему представлялось, что если бы теперь, какимъ-нибудь волшебствомъ, увидѣлся онъ съ матерью, то онъ

сумѣлъ бы собрать въ своей душѣ такой запасъ любви, благодарности и ласки, что его хватило бы на многіе и многіе годы одиночества. Въ его разгоряченномъ, взволнованномъ и подавленномъ умѣ лицо матери представлялось такимъ блѣднымъ и болѣзненнымъ, гимназія — такимъ неуютнымъ и суровымъ мѣстомъ, а онъ самъ—такимъ несчастнымъ, заброшеннымъ мальчикомъ, что Буланинъ, прижавшись крѣпко ртомъ къ подушкѣ, заплакалъ жгучими, отчаянными слезами, отъ которыхъ вздрагивала его узкая желѣзная кровать, а въ горлѣ стоялъ какой-то сухой колючій клубокъ... Онъ вспомнилъ также сегодняшнюю исторію съ пуговицей и покраснѣлъ, несмотря на темноту. «Бѣдная мама! Какъ старательно пришивала она эти пуговицы, откусывая концы нитки зубами. Съ какою гордостью во время примѣрки любовалась она этой курточкой, обдергивая ее со всѣхъ сторонъ...» Буланинъ почувствовалъ, что онъ совершилъ сегодня утромъ противъ нея нехорошій, низкій и трусливый поступокъ, когда предлагалъ старичкамъ оторвать пуговицу.

Онъ плакалъ до тѣхъ поръ, пока сонъ не охватилъ его своими широкими объятіями... Но и во снѣ Буланинъ долго еще вздыхалъ прерывисто и глубоко, какъ вздыхаютъ послѣ слезъ очень маленькія дѣти. Впрочемъ, не онъ одинъ въ эту ночь плакалъ, спрятавшись лицомъ въ подушку, при тускломъ свѣтѣ висячихъ лампъ съ контръ-абажурами.

II.

Заря. — Умывалка. — Пѣтухъ и его рѣчь. — Учитель русскаго языка и его странности. — Четуха. — Одежда. — Цыпки.

— Тра-та-та, тра-та-та, та, та, та, та...

Буланинъ только-что собирался съ новенькой сѣтью и съ вѣрнымъ Савкою итти на перепеловъ... Внезапно

разбуженный этими пронзительными звуками, онъ испуганно вскочилъ на кровати и раскрылъ глаза. Надъ самой его головой стоялъ огромный, рыжій, веснущатый солдатъ и, приложивъ къ губамъ блестящую мѣдную трубу, весь красный отъ натуги, съ раздутыми щеками и напряженной шеей, игралъ какой-то оглушительный и однообразный мотивъ.

Было шесть часовъ ненастнаго августовскаго утра. По стекламъ сбѣгали зигзагами капли дождя. Въ окна виднѣлось хмурое сѣрое небо и желтая чахлая зелень акацій. Казалось, что однообразно-рѣзкіе звуки трубы еще сильнѣе и непріятнѣе заставляютъ чувствовать холодъ и тоску этого утра.

Въ первыя минуты Буланинъ никакъ не могъ сообразить, гдѣ онъ и какъ могъ онъ очутиться среди этой казарменной обстановки, съ длинной анфиладой розовыхъ арокъ и съ правильными рядами кроватей, на которыхъ подъ сѣрыми байковыми одѣялами ежились спящія фигуры.

Потрубивъ добрыхъ пять минутъ, солдатъ отвинтилъ у своей трубы мундштукъ, вытряхнулъ изъ нея слюну и ушелъ.

Дрожа отъ холода, воспитанники бѣжали въ умывалку, обвязавшись вокругъ пояса полотенцемъ. Всю умывалку занималъ длинный, узкій ящикъ изъ красной мѣди съ двадцатью подъемными стержнями снизу. Вокругъ него уже толпились воспитанники, нетерпѣливо дожидаясь очереди, толкаясь, фыркая и обливая другъ друга. Всѣ не выспались; старички были злы и ругались хриплыми, сонными голосами. Нѣсколько разъ, когда Буланинъ, улучивъ минутку, становился подъ кранъ, кто-нибудь сзади бралъ его за воротъ рубашки и грубо отталкивалъ. Умыться ему удалось только въ самой послѣдней очереди.

Послѣ чая пришли воспитатели, раздѣлили всѣхъ но-

вичковъ на два отдѣленія и тотчасъ же развели ихъ по классамъ.

Во второмъ отдѣленіи, куда попалъ Буланинъ, было двое второгодниковъ: Бринкенъ — длинный, худой остзеецъ съ упрямыми, водянистыми глазами и висячимъ нѣмецкимъ носомъ, и Сельскій — маленькій веселый гимназистъ, хорошенькій, но немного кривоногій. Бринкенъ, едва войдя въ классъ, тотчасъ же объявилъ, что онъ занимаетъ «камчатку». Новички нерѣшительно толпились вокругъ партъ.

Вскорѣ появился воспитатель. Его приходъ былъ возвѣщенъ Сельскимъ, закричавшимъ: «Тс... Пѣтухъ идетъ!..» Пѣтухомъ оказался тотъ самый военный въ бакахъ, котораго вчера видѣлъ Буланинъ въ пріемной; его звали Яковъ Яковлевичъ фонъ-Шеппе. Это былъ очень чистенькій, добродушный нѣмецъ. Отъ него всегда пахло немного табакомъ, немного одеколономъ и еще тѣмъ особеннымъ, не непріятнымъ запахомъ, который издаютъ мебель и вещи въ зажиточныхъ нѣмецкихъ семействахъ. Заложивъ правую руку въ задній карманъ сюртука, а лѣвой перебирая цѣпочку, висящую вдоль борта, и въ то же время то поднимаясь быстро на цыпочки, то опускаясь на каблуки, Пѣтухъ сказалъ небольшую, но прочувствованную рѣчь:

— Ну, такъ вотъ, господа... э... э... какъ бы сказать... я назначенъ вашимъ воспитателемъ. Да было бы вамъ извѣстно, что я имъ и останусь всѣ... весь... э... какъ бы сказать... всѣ семь лѣтъ вашего пребыванія въ гимназіи. Поэтому смѣю думать и надѣяться, что на васъ со стороны учителей, или какъ бы сказать... преподавателей — да, вотъ именно: преподавателей... не будетъ... э... не будетъ поступать неудовольствій и... какъ бы сказать... жалобъ... Помните, что преподаватели суть тѣ же ваши начальники, и кромѣ добраго... э... э...

какъ бы сказать... кромѣ добра, вамъ ничего не желаютъ...

Онъ помолчалъ немного и нѣсколько разъ подъ рядъ то поднимался, то опускался на цыпочкахъ, точно собираясь улетѣть (его за эту привычку, вѣроятно, и прозвали Пѣтухомъ), и продолжалъ:

— Да-съ! Такъ-то-съ. Намъ съ вами придется прожить вмѣстѣ очень и очень долгое время... потому и постараемся... э... какъ бы сказать... не ссориться, не браниться, не драться-съ.

Бринкенъ и Сельскій первые поняли, что въ этомъ фамильярно-ласковомъ мѣстѣ рѣчи надо засмѣяться. Слѣдомъ за ними захихикали и новички.

Бѣдный Пѣтухъ вовсе не обладалъ краснорѣчіемъ. Кромѣ постоянныхъ: э... слово-ериковъ и «какъ бы сказать», у него была несчастная привычка говорить риѳмами и въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ употреблять одни и тѣ же выраженія. И мальчишки, съ ихъ острой переимчивостью и наблюдательностью, очень быстро подхватили эти особенности Пѣтуха. Бывало, по утрамъ, будя разоспавшихся воспитанниковъ, Яковъ Яковлевичъ кричитъ: «Не копаться, не валяться, не высиживать!..», а цѣлый хоръ изъ-за угла, зная заранѣе, какая реплика слѣдуетъ далѣе, оретъ, подражая его интонаціямъ: «Кто тамъ высиживаетъ?»

Окончивъ свою рѣчь, Пѣтухъ сдѣлалъ всему отдѣленію перекличку. Каждый разъ, встрѣтивъ болѣе или менѣе громкую фамилію, онъ, подпрыгивая, по своему обыкновенію, спрашивалъ:

— А вы не родственникъ такому-то?

И, получивъ большею частью отрицательный отвѣтъ, качалъ головою сверху внизъ и говорилъ мягкимъ голосомъ:

— Прекрасно-съ. Садитесь-съ.

Затѣмъ онъ размѣстилъ всѣхъ воспитанниковъ на

парты по-двое, при чемъ извлекъ Бринкена изъ «камчатки» на первую скамейку, и ушелъ изъ класса.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Буланинъ своего сосѣда, толстощекаго румянаго мальчика въ черной курткѣ съ желтыми пуговицами.

— Кривцовъ. А тебя какъ?

— Меня — Буланинъ. Хочешь, будемъ дружиться?

— Давай. У тебя родные гдѣ живутъ?

— Въ Москвѣ. А у тебя?

— Въ Жиздрѣ. У насъ тамъ садъ большой и озеро, и лебеди плаваютъ.

При этомъ воспоминаніи Кривцовъ не могъ удержать глубокаго, прерывистаго вздоха.

— А у меня есть собственная верховая лошадь, — Мущикъ зовутъ. Страсть какая быстрая, точно иноходецъ. И два кролика, ручные совсѣмъ, капусту прямо изъ рукъ берутъ.

Пѣтухъ опять пришелъ, на этотъ разъ въ сопровожденіи дядьки, несшаго на плечахъ большую корзину съ книгами, тетрадями, перьями, карандашами, резинками и линейками. Книги уже были давно знакомы Буланину: задачникъ Евтушевскаго, французскій учебникъ Марго, хрестоматія Поливанова и священная исторія Смирнова. Всѣ эти источники премудрости оказались сильно истрепанными руками предшествующихъ поколѣній, черпавшихъ изъ нихъ свои знанія. Подъ зачеркнутыми фамиліями прежнихъ владѣльцевъ на холщевыхъ переплетахъ писались новыя фамиліи, которыя, въ свою очередь, давали мѣсто новѣйшимъ. На многихъ книгахъ красовались безсмертныя изреченія въ родѣ: «Читаю книгу, а вижу фигу», или

Сія книга принадлежитъ,
Никуда не убѣжитъ,
Кто возьметъ ее безъ спросу,
Тотъ останется безъ носу.

или наконецъ: «Если ты хочешь узнать мою фамилію, см. стр. 45». На 45 страницѣ стоитъ: «См. стр. 118», а 118-я страница своимъ чередомъ отсылаетъ любопытнаго на дальнѣйшіе поиски, пока онъ не приходитъ къ той же самой страницѣ, откуда началъ искать незнакомца. Попадались также нерѣдко обидныя и насмѣшливыя выраженія по адресу учителя того предмета, который трактовался учебникомъ.

— Берегите ваши руководства, — сказалъ Пѣтухъ, когда раздача кончилась: — не дѣлайте на нихъ различныхъ... э... какъ бы сказать... различныхъ неприличныхъ надписей... За утерянный или попорченный учебникъ будетъ наложено взысканіе-съ и будутъ удержаны... э... какъ бы сказать... деньги-съ... съ виновнаго-съ... Затѣмъ назначаю старшимъ въ классѣ Сельскаго. Онъ — второгодникъ и все знаетъ-съ, всякіе... какъ бы сказать... порядки-съ и распорядки-съ... Если вамъ будетъ что-либо непонятно или... какъ бы сказать... желательно-съ, извольте обращаться ко мнѣ черезъ него. Затѣмъ-съ...

Кто-то отворилъ двери. Пѣтухъ быстро обернулся и прибавилъ полушопотомъ:

— А вотъ и преподаватель русскаго языка.

Вошелъ съ класснымъ журналомъ подъ мышкой длинноволосый блондинъ иконописнаго облика, въ поношенномъ сюртукѣ, такой высокій и худой, что ему приходилось невольно горбиться. Сельскій закричалъ: «Встать! Смирно!» и подошелъ къ нему съ рапортомъ: «Господинъ преподаватель, во второмъ отдѣленіи перваго класса N-ской военной гимназіи все обстоитъ благополучно. По списку воспитанниковъ тридцать, одинъ въ лазаретѣ, налицо двадцать девять». Преподаватель (его звали Иваномъ Архиповичемъ Сахаровымъ) выслушалъ это, изобразивши всей своей нескладной фигурой вопросительный знакъ надъ маленькимъ Сельскимъ, который поневолѣ

долженъ былъ задирать голову кверху, чтобы видѣть лицо Сахарова. Затѣмъ Иванъ Архиповичъ мотнулъ головой на образъ и буркнулъ: «Молитву!» Сельскій совершенно тѣмъ же тономъ, какимъ сейчасъ рапортовалъ, прочелъ «Преблагій Господи».

— Садитесь! — приказалъ Иванъ Архиповичъ и самъ влѣзъ на каѳедру (нѣчто въ родѣ ящика безъ задней стѣнки, поставленнаго на широкую платформу. Сзади ящика помѣщался стулъ для преподавателя, ногъ котораго такимъ образомъ классъ не видѣлъ).

Поведеніе Ивана Архиповича показалось Буланину болѣе чѣмъ страннымъ. Прежде всего онъ съ трескомъ развернулъ журналъ, хлопнулъ по нему ладонью и, выпятивъ впередъ нижнюю челюсть, сдѣлалъ на классъ страшные глаза. «Точь въ точь, — подумалось Буланину: — какъ великанъ въ сапогахъ-скороходахъ, прежде чѣмъ съѣсть одного за другимъ всѣхъ мальчиковъ». Потомъ онъ широко разставилъ локти на каѳедрѣ, подперъ подбородокъ ладонями и, запустивъ ногти въ ротъ, началъ параспѣвъ и сквозь зубы:

— Ну-съ, орлы заморскіе... ученики развращенные... Что вы знаете? (Иванъ Архиповичъ неожиданно качнулся впередъ и икнулъ). Ничего вы не знаете. Рровно ничего. И з-знать ничего не будете. Вы дома, небось, только въ бабки играли да голубей гоняли по крышамъ? И пре-кра-а-асно! Чуд-десно! И занимались бы этимъ дѣломъ до сихъ поръ. Да и зачѣмъ вамъ грамотѣ-то знать? Не дворянское дѣло-съ. Учитесь не учитесь, а все равно корову черезъ «ѣ» изображать будете, потому... потому... (Иванъ Архиповичъ опять качнулся, на этотъ разъ сильнѣе прежняго, но опять справился съ собою), потому что ваше призваніе быть вѣчными Ми-тро-фа-ну-шка-ми.

Поговоривъ въ этомъ духѣ минутъ пять, а можетъ-быть, и болѣе того, Сахаровъ вдругъ закрылъ глаза и

потерялъ равновѣсіе. Локти его разскользнулись, голова безпомощно и грузно упала на раскрытый журналъ, и въ классѣ явственно раздался храпъ. Преподаватель былъ безнадежно пьянъ.

Это случалось съ нимъ почти каждый день. Раза два или три въ мѣсяцъ онъ, правда, являлся трезвымъ, но эти дни считались роковыми въ гимназической *) средѣ: тогда журналъ украшался безчисленными «колами» и нулями. Самъ Сахаровъ бывалъ мраченъ и молчаливъ и за всякое рѣзкое движеніе высылалъ изъ класса. Въ каждомъ его словѣ, въ каждой гримасѣ его опухшаго и краснаго отъ водки лица чувствовалась глубокая, острая, отчаянная ненависть и къ учительскому дѣлу и къ тому вертограду, который онъ долженъ былъ насаждать.

Зато воспитанники безнаказанно пользовались тѣми минутами, когда тяжелый сонъ похмелья овладѣвалъ больной головой Ивана Архиповича. Тотчасъ же кто-нибудь изъ «слабенькихъ» посылался «стеречь» у дверей, наиболѣе предпріимчивые забирались на каѳедру, переставляли въ журналѣ баллы и ставили по своему усмотрѣнію новые, вытаскивали изъ кармана преподавателя часы и разсматривали ихъ, мазали ему мѣломъ спину. Впрочемъ, къ чести ихъ надо сказать, едва только сторожъ, заслышавъ издали тяжелые шаги инспектора, пускалъ условное: «Тсс... Толкачъ идетъ!..» — немедленно десятки услужливыхъ, хотя и безцеремонныхъ рукъ принимались тормошить Ивана Архиповича.

Проспавъ довольно долгое время, Сахаровъ вдругъ, точно отъ внезапнаго толчка, поднялъ голову, обвелъ классъ мутными глазами и строго проговорилъ:

*) Конечно, въ настоящее время нравы кадетскихъ корпусовъ перемѣнились. Нашъ разсказъ относится къ той переходной эпохѣ, когда военныя гимназіи реформировались въ корпуса.

— Откройте ваши хрестоматіи на 36-й страницѣ.

Всѣ открыли книги съ преувеличеннымъ шумомъ. Сахаровъ указалъ кивкомъ головы на сосѣда Буланина.

— Вотъ вы... господинчикъ... какъ васъ? Да, да, вы самый... — прибавилъ онъ и замоталъ головой, видя, что Кривцовъ нерѣшительно приподнимается, ища вокругъ глазами: — тотъ, что съ желтыми пуговицами и съ бородавочкой... Какъ ваше заглавіе? Что-съ? Ничего не слышу. Да встаньте же, когда съ вами говорятъ. Заглавіе ваше какъ, я спрашиваю?

— Фамилію говори, — шепнулъ сзади Сельскій.

— Кривцовъ.

— Такъ и запишемъ. Что у васъ тамъ изображено на 36-й страницѣ, милостивый мой государь, господинъ Кривцовъ?

— «Чижъ и голубь», — прочелъ Кривцовъ.

— Возглашайте-съ.

Почти всѣ преподаватели отличались какими-нибудь странностями, къ которымъ Буланинъ не только привыкъ очень быстро, но даже научился ихъ копировать, такъ какъ всегда отличался наблюдательностью и бойкостью. Покамѣстъ въ продолженіе первыхъ дней онъ разбирался въ своихъ впечатлѣніяхъ, два человѣка поневолѣ стали центральными фигурами въ его міровоззрѣніи: Яковъ Яковлевичъ фонъ-Шеппе — иначе Пѣтухъ — и отдѣленный дядька Томашъ Ціотухъ, родомъ литвинъ, котораго воспитанники называли просто Четухой. Четуха служилъ, кажется, чуть ли не съ основанія прежняго кадетскаго корпуса, но на видъ казался еще очень бодрымъ и красивымъ мужчиной, съ веселыми черными глазами и черными кудрявыми волосами. Онъ свободно втаскивалъ каждое утро на 3-й этажъ громадную вязанку дровъ, и въ глазахъ гимназистовъ его сила превосходила всякіе человѣческіе предѣлы. Онъ носилъ, какъ и всѣ дядьки, куртку

изъ толстаго сѣраго сукна, сшитую на манеръ рубахи. Буланинъ долгое время думалъ, что эти куртки, отъ которыхъ всегда пахло щами, махоркой и какой-то ѣдкой кислятиной, выдѣлываются изъ конскаго волоса, и потому мысленно называлъ ихъ власяницами. Изрѣдка Четуха напивался. Тогда онъ шелъ въ спальню, забирался подъ одну изъ самыхъ дальнихъ кроватей (всѣмъ воспитанникамъ было извѣстно, что онъ страшно боялся своей жены, которая его била) и спалъ тамъ часа три, подложивъ подъ голову полѣно. Впрочемъ, Четуха не былъ лишенъ своеобразнаго добродушія стараго солдата. Стоило послушать, какъ онъ, будя по утрамъ спящихъ воспитанниковъ и дѣлая видъ, будто сдергиваетъ одѣяло, приговаривалъ съ напускной угрозой: «Уставайтя! Уставайтя!.. А то я ваши булки зънмъ!.. Уставайтя!»

Первые дни Яковъ Яковлевичъ и Четуха только и дѣлали, что «пригоняли» новичкамъ одежду. Пригонка оказалась дѣломъ очень простымъ: построили весь младшій возрастъ по росту, дали каждому воспитаннику номеръ, начиная съ праваго фланга до лѣваго, а потомъ одѣли въ прошлогоднее платье того же номера. Такимъ образомъ Буланину достался очень широкій пиджакъ, достигавшій ему чуть ли не до колѣнъ, и необыкновенно короткія панталоны.

Въ будніе время, осенью и зимой, гимназисты носили черныя суконныя курточки (онѣ назывались пиджаками), безъ поясовъ, съ синими погонами, восемью мѣдными пуговицами въ одинъ рядъ и красными петлицами на воротникахъ. Праздничные мундиры носились съ кожаными лакированными поясами и отличались отъ пиджаковъ золотыми галунами на петлицахъ и рукавахъ. Прослуживъ свой срокъ, мундиръ передѣлывался въ пиджакъ и въ такомъ видѣ служилъ уже до истлѣнія. Шинели съ нѣсколько укороченными полами выдавались гимназистамъ

для ежедневнаго употребленія подъ именемъ тужурокъ, или «дежурокъ», какъ ихъ называлъ Четуха. Въ общемъ, въ обыкновенное время младшіе воспитанники имѣли видъ чрезвычайно растерзанный и грязный, и нельзя сказать, чтобы начальство принимало противъ этого рѣшительныя мѣры. Зимою почти у всѣхъ «малышей» образовались на рукахъ «цыпки», т.-е. кожа на наружной сторонѣ кисти шершавѣла, лупилась и давала трещины, которыя въ скоромъ времени сливались въ одну общую грязную рану. Чесотка тоже была явленіемъ не рѣдкимъ. Противъ этихъ болѣзней, какъ противъ всѣхъ остальныхъ, принималось одно универсальное средство — касторовое масло.

III.

Суббота. — Волшебный фонарь. — Бринкенъ торгуется. — Мѣна. — Покупка. — Козелъ. — Дальнѣйшая исторія фонаря. — Отпускъ.

Съ поступленія Буланина въ гимназію прошло уже шесть дней. Настала суббота. Этого дня Буланинъ дожидался съ нетерпѣніемъ, потому что по субботамъ, послѣ уроковъ, воспитанники отпускались домой до $8^1/_2$ ч. вечера воскресенья. Показаться дома въ мундирѣ съ золотыми галунами и въ кепи, надѣтомъ набекрень, отдавать на улицѣ честь офицерамъ и видѣть, какъ они въ отвѣтъ, точно знакомому, будутъ прикладывать руку къ козырьку, вызвать удивленно-почтительные взгляды сестеръ и младшаго брата — всѣ эти удовольствія казались такими заманчивыми, что предвкушеніе ихъ даже нѣсколько стушевывало, оттирало на задній планъ предстоящее свиданіе съ матерью.

«А вдругъ мама не пріѣдетъ за мной? — безпокойно, въ сотый разъ, спрашивалъ самъ себя Буланинъ. — Можетъ-быть, она не знаетъ, что насъ распускаютъ по субботамъ? Или вдругъ ей помѣшаетъ что-нибудь? Пусть ужъ тогда бы прислала горничную Глашу. Оно, правда,

неловко какъ-то воспитаннику военной гимназіи ѣхать по улицѣ съ горничной, ну, да что ужъ дѣлать, если безъ провожатаго нельзя...»

Первый урокъ въ субботу былъ Законъ Божій, но батюшка еще не приходилъ.

Въ классѣ стоялъ густой, протяжный, неумолкающій гулъ, напоминавшій жужжаніе пчелинаго роя. Тридцать молодыхъ глотокъ одновременно пѣло, смѣялось, читало вслухъ, разговаривало...

Вдругъ, покрывая всѣ голоса, въ дверяхъ раздался сиплый окрикъ:

— Эй, малыши! Продаю волшебный фонарь! Совсѣмъ новый! Кто хочетъ купить? А? Продается по случаю очень дешево! Зам-мѣчательная парижская вещь!

Это предложеніе сдѣлалъ Грузовъ, вошедшій въ классъ съ небольшимъ ящикомъ въ рукахъ. Всѣ сразу затихли и повернули къ нему головы. Грузовъ вертѣлъ ящикъ передъ глазами сидѣвшихъ въ первомъ ряду и продолжалъ кричать тономъ аукціониста:

— Ну, кто же хочетъ, ребята? По случаю, по случаю... Ей-Богу, если бы не нужны были деньги, не продалъ бы. А то весь табакъ вышелъ, не на что купить новаго. Волшебный фонарь съ лампочкой и съ двѣнадцатью зам-мѣчательными картинками... Новый стоилъ восемь рублей... Ну? Кто же покупаетъ, братцы?

Долговязый Бринкенъ поднялся съ своего мѣста и потянулся къ фонарю.

— Покажи-ка...

— Чего покажи? Смотри изъ рукъ.

— Ну, хоть изъ рукъ... а то въ ящикѣ-то не видно... Можетъ-быть, что-нибудь сломано...

Грузовъ снялъ крышку. Бринкенъ сталъ осматривать фонарь настолько внимательно, насколько это ему позволяли руки Грузова, крѣпко державшія ящикъ.

— Трубка-то... треснула, — замѣтилъ нѣмецъ дѣловитымъ тономъ.

— Треснула, треснула! Много ты понимаешь, нѣмецъ, перецъ, колбаса, купилъ лошадь безъ хвоста. Просто распаялась чуть-чуть по шву. Отдай слесарю — за пятачокъ поправитъ.

Бринкенъ заботливо постучалъ грязнымъ ногтемъ по жестяной стѣнкѣ фонаря и спросилъ:

— А сколько?

— Три.

— Рубля?

— А ты, можетъ-быть, думалъ — копейки? Ишь, ловкій, колбасникъ!

— Н-нѣтъ, я не думалъ... я такъ просто... Больно дорого. Давай лучше мѣняться. Хочешь?

Мѣна вообще была актомъ весьма распространеннымъ въ гимназической средѣ, особенно въ младшихъ классахъ.

Мѣнялись вещами, книжками, гостинцами, при чемъ относительная стоимость предметовъ мѣны опредѣлялась полюбовно обѣими сторонами. Нерѣдко мѣновыми единицами служили металлическія пуговицы, но не простыя, гимназическія, а тяжелыя, накладныя — буховскія, 1-го и 2-го сорта, при чемъ пуговицы съ орлами цѣнились вдвое, или стальныя перышки (и тѣ и другія употреблялись для игры). Также мѣняли вещи — кромѣ казенныхъ — на булки, на котлеты и на третье блюдо обѣда. Между прочимъ, мѣна требовала соблюденія нѣкоторыхъ обрядностей. Нужно было, чтобы договаривающіяся стороны непремѣнно взялись за руки, а третье, спеціально для этого приглашенное лицо разнимало ихъ, произнося обычную фразу, освященную многими десятилѣтіями:

Чуръ, мѣна —
Безъ размѣна,

Чуръ, съ разъемщика не брать,
А разъемщику давать.

Своеобразный опытъ показывалъ, что присутствіе при мѣнѣ однихъ простыхъ свидѣтелей иногда оказывалось недостаточнымъ, если при ней не было разъемщика. Недобросовѣстный всегда могъ отговориться:

— А насъ разнималъ кто-нибудь?

— Нѣтъ, но были свидѣтели, — возражалъ другой мѣнявшійся.

— Свидѣтели не считаются, — отрѣзывалъ первый, и его доводъ совершенно исчерпывалъ вопросъ — дальше уже слѣдовала рукопашная схватка.

— Ну, что жъ? Будешь мѣняться?—приставалъ Бринкенъ.

Пальцы Грузова сложились въ символическій знакъ и приблизились вплоть къ длинному носу остзейца.

— На-ка-сь, выкуси.

— Я тебѣ дамъ банку килекъ и перочинный ножичекъ, — торговался Бринкенъ, отворачивая въ то же время голову отъ грузовскаго кукиша и отводя его отъ себя рукой.

— Проваливай!

— И три десятка пуговицъ. Всѣ накладныя, и изъ нихъ четырнадцать гербовыхъ.

— А ну тебя къ чорту, перецъ. Отвяжись.

— И шесть булокъ.

— Пошелъ къ чорту...

— Утреннихъ булокъ. Вѣдь не вечернихъ, а утреннихъ.

— Полѣзь еще, пока я тебѣ въ морду не далъ! — вдругъ свирѣпо обернулся къ нему Грузовъ. — Брысь, колбасникъ!.. Ну, молодежь, кто покупаетъ? За два съ полтиной отдаю, такъ и быть...

Новички молчали, но по ихъ горящимъ глазамъ видно

было, какимъ высокимъ счастьемъ казалось имъ обладаніе рѣдкой игрушкой.

— Ну, послѣднее слово, ребята — два цѣлковыхъ!— крикнулъ Грузовъ, подымая высоко надъ головой футляръ и вертя имъ. — Самому дороже... Ну — разъ! два!

Въ это время его глаза встрѣтились съ напряженнымъ взглядомъ Буланина.

— А-а! Буланка! — кивнулъ ему головой Грузовъ. — Покупай фонарь, Буланушка.

Буланинъ смутился.

— Я бы съ радостью... только...

— Что только? Денегъ нѣтъ? Да я сейчасъ и не требую. Въ отпускъ пойдешь?

— Да.

— Вотъ и возьми у родныхъ. Эки деньги — два рубля! Небось, два-то рубля тебѣ дадутъ? А? Дадутъ два рубля, Буланка?

Буланинъ и самъ не могъ бы сказать: дадутъ ему дома два рубля или нѣтъ. Но соблазнъ пріобрѣсти фонарь былъ такъ великъ, что ему показалось, будто достать два рубля самое пустое дѣло. «Ну, у сестеръ добуду, что ли, если мама не дастъ... Вывернусь какънибудь», — успокаивалъ онъ послѣднія сомнѣнія.

— Дома дадутъ. Дома мнѣ непремѣнно дадутъ, только...

— Ну вотъ и покупай, и прекрасно, — сунулъ ему Грузовъ въ руки ящикъ. — Твой фонарь — владѣй, Ѳаддей, моей Маланьей! Дешево отдаю, да ужъ очень ты мнѣ, Буланка, понравился. А вы, братцы, — обратился онъ къ новичкамъ: — вы, братцы, смотрите, будьте свидѣтелями, что Буланка мнѣ долженъ два рубля. Ну, чуръ, мѣна безъ размѣна... Слышите? Ты, гляди, не вздумай надуть, — нагнулся онъ внушительно къ Буланину. — Отдашь деньги-то?

— Ну вотъ. Конечно, отдамъ.

— Забожись.

— Вотъ, ей-Богу, отдамъ, честное слово...

— Ладно... А то у насъ знаешь какъ!..

И, поднеся къ лицу Буланина кулакъ, Грузовъ повернулся на каблукахъ и выплылъ изъ отдѣленія своей шатающейся походкой.

Новаго хозяина фонаря тотчасъ же окружили товарищи. Со всѣхъ сторонъ потянулись жадныя руки.

— А ну-ка, покажи фонарь, Буланка. Чего же ты его прячешь? Буланушка, дай посмотрѣть.

Фонарь сталъ переходить изъ рукъ въ руки, вызывая то завистливыя, то дѣловыя, то восторженныя, то критическія замѣчанія. Въ общемъ однако игрушка большинству очень понравилась: она обѣщала въ будущемъ всему отдѣленію много забавныхъ минутъ. Но самъ Буланинъ, слѣдившій ревнивыми глазами за фонаремъ, находившимся въ чужихъ рукахъ, въ то же время не ощущалъ въ себѣ ожидаемой радости, — въ рукахъ Грузова, издали, фонарь казался гораздо заманчивѣе и красивѣе.

— Ты смотри, Буланка, — посовѣтовалъ Сельскій, разглядывая на свѣтъ картинку, нарисованную на стеклянной пластинкѣ: — смотри, деньги-то непремѣнно принеси.

— Конечно, конечно, принесу.

— Смотри же... а то...

— А то что? — спросилъ шопотомъ Буланинъ, и его сердце сжалось отъ неяснаго предчувствія.

— Бить будетъ, — сказалъ Сельскій также шопотомъ. — Ты его не знаешь... Онъ отчаянный. Если не надѣешься достать денегъ, лучше ужъ поди къ нему въ перемѣнку и отдай назадъ фонарь.

— Нѣтъ, нѣтъ... зачѣмъ же? Я отдамъ... Что жъ... — залепеталъ Буланинъ упавшимъ голосомъ.

Послѣ словъ Сельскаго онъ сразу и окончательно охладѣлъ къ своей покупкѣ.

«И зачѣмъ мнѣ было покупать этотъ фонарь? — думалъ онъ съ безполезной досадой. — Ну, пересмотрю я всѣ картинки, а дальше что же? Во второй разъ даже и неинтересно будетъ. Да и дастъ ли мама два рубля? Два рубля! Цѣлыхъ два рубля! А вдругъ она разсердится да и скажетъ: знать ничего не знаю, раздѣлывайся самъ, какъ хочешь. Эхъ, дернуло же меня сунуться!»

Пришелъ батюшка. Въ обоихъ отдѣленіяхъ перваго класса училъ не свой, гимназическій, священникъ, а изъ посторонней церкви, по фамиліи Пещерскій. А настоятелемъ гимназической церкви былъ о. Михаилъ, маленькій, сѣденькій, голубоглазый старичокъ, похожій на Николая Угодника, человѣкъ отмѣнной доброты и душевной нѣжности, заступникъ и ходатай передъ директоромъ за провинившихся — почти единственное лицо, о которомъ Буланинъ вынесъ изъ стѣнъ корпуса свѣтлое воспоминаніе.

Пещерскій собственно даже и не былъ священникомъ, а только дьякономъ, но его все равно величали «батюшкой». Это былъ гигантъ, весь ушедшій въ гриву черныхъ волосъ и въ густую огромную бородищу, при чемъ капризная судьба, точно насмѣхъ, дала ему, вмѣсто крѣпкаго баса, тоненькій, гнусавый и дребезжащій дискантъ. Вокругъ его темныхъ глазъ — большихъ, красивыхъ, влажныхъ и безсмысленныхъ — всегда лежали масляничные коричневые круги, что придавало его лицу подозрительный оттѣнокъ не то елейности, не то разврата. Про силу Пещерскаго въ гимназіи ходило множество легендъ. Говорили, что очень часто массивные дубовые стулья не выдерживали тяжести его огромнаго тѣла и ломались подъ нимъ. Разсказывали также, что въ старшихъ классахъ, говоря о различныхъ дарахъ, ниспосылаемыхъ небомъ человѣку, онъ прибавлялъ: «Внимайте, юноши, съ усердіемъ слову Божію, и вы будете такъ же

щедро взысканы, какъ и я». И будто бы при этихъ словахъ Пещерскій вытаскивалъ изъ кармана мѣдный пятакъ и тутъ же, на глазахъ изумленной аудиторіи, свертывалъ его въ трубочку.

Но чѣмъ ужъ дѣйствительно его Господь не взыскалъ, такъ это краснорѣчіемъ. Объяснялъ онъ свой предметъ медленно, тягуче, скучно, съ безконечными «гм...» и «эге...», съ повтореніями одного и того же слова. Подъ его монотонное пиликанье невольно слипались глаза и голова сама собой опускалась на грудь, особенно если урокъ происходилъ послѣ завтрака. Воспитанники его не любили, несмотря даже на его легендарную силу, которая въ гимназіи цѣнилась выше всѣхъ даровъ, ниспосылаемыхъ небомъ человѣку. Въ немъ чувствовался лицемѣръ. Онъ ставилъ хорошія отмѣтки, но часто жаловался на воспитанниковъ инспектору. Кромѣ того, онъ «за всякую малость» записывалъ провинившихся въ классный журналъ, что̀ исполнялъ каллиграфическимъ почеркомъ, очень многословно и витіевато. Однажды онъ записалъ Буланина за «кощунство, свиноподобіе и строптивость». Свиноподобіе заключалось въ невычищенныхъ сапогахъ, строптивость — въ незнаніи урока, а кощунство — въ томъ, что кто-то изъ отдѣленія назвалъ Пещерскаго «Козломъ», — кто именно, осталось неизвѣстнымъ.

На этотъ разъ урокъ казался Буланину особенно длиннымъ. Только-что пріобрѣтенный фонарь не давалъ ему покоя.

«А что̀ будетъ, если мама не дастъ двухъ рублей? Тогда уже навѣрное однѣми маслянками не отдѣлаешься,— размышлялъ Буланинъ. — Да, наконецъ, какъ я рѣшусь сказать ей о своей покупкѣ? Конечно, она огорчится. Она и безъ того часто говоритъ, что средства у насъ уменьшаются, что имѣніе ничего не приноситъ, что одной пенсіи не хватаетъ на такую большую семью, что надо

беречь каждую копейку и т. д. Нѣтъ, ужъ лучше послушаться совѣта Сельскаго и отвязаться отъ этого проклятаго фонаря».

Но вдругъ, точно искра, блеснуло въ головѣ Буланина тревожное опасеніе, и даже сердце у него заёкало отъ испуга... А что если его испортили, передавая изъ рукъ въ руки? Вдругъ растащили картинки или погнули что-нибудь? Тогда Грузовъ обратно ни за что уже не приметъ...

Онъ поспѣшно, дрожащими руками поднялъ крышку своего столика и, поддерживая ее головой, сталъ осматривать фонарь.

Нѣтъ, все въ порядкѣ... Трубка немного расходится по спаю, но это такъ и было... всѣ слышали, на все отдѣленіе можно сослаться... И картинки всѣ въ цѣлости — двѣнадцать штукъ... Вотъ еще лампочку надо осмотрѣть.

— Что это вы тамъ у себя въ столикѣ дѣлаете? — вдругъ услышалъ Буланинъ тоненькій голосъ Пещерскаго.

Онъ вздрогнулъ и быстро опустилъ крышку. Козелъ медленно подходилъ къ нему съ самымъ ласковымъ выраженіемъ лица, то собирая въ кулакъ свою густую бороду, то распуская ее вѣеромъ.

— Я... я... ничего... Я ничего не дѣлаю... право, ничего, — залепеталъ Буланинъ.

— Что у васъ тамъ?.. Покажите, — сказалъ Козелъ, дѣлая внезапно строгіе и мутные глаза и кивкомъ головы указывая на парту.

— Право же, ничего, батюшка! Ей-Богу, ничего... Я просто... я книжку искалъ.

Бормоча эти несвязныя слова, Буланинъ крѣпко держался за края крышки, но Козелъ съ настойчивымъ, хотя и мягкимъ, усиліемъ потянулъ ее вверхъ и вытащилъ волшебный фонарь.

— Такъ это вы говорите — ничего? А еще божитесь! Божиться вообще нехорошо, а для прикрытія лжи и подавно... Я вамъ здѣсь слово Божіе объясняю, а вы въ игрушечки играетесь. Нехорошо. Очень нехорошо... Очень, очень нехорошо.

— Батюшка, позвольте... отдайте... Батюшка, я никогда не буду больше... Отдайте, пожалуйста, — взмолился Буланинъ.

— Сынъ мой, — произнесъ Козелъ, дѣлая вдругъ свой голосъ необыкновенно нѣжнымъ, и его влажные глаза опять стали кроткими: — сынъ мой, я съ удовольствіемъ отдалъ бы вамъ вашу... вашу штучку... она мнѣ ни на что не нужна, но... — на этомъ «но» Козелъ повысилъ голосъ и прижалъ ладони къ груди: — но подумайте сами, имѣю ли я право это сдѣлать? Могу ли я скрывать ваши дурные поступки отъ лицъ, коимъ непосредственно ввѣрено ваше воспитаніе? Нѣтъ! — Онъ широкимъ жестомъ развелъ руки и съ негодованіемъ затрясъ бородой. — Я не могу принять этого на свою совѣсть, положительно не могу... нѣтъ, нѣтъ, и не просите... не могу-съ...

Въ залѣ рѣзко и весело прозвучала труба, играющая отбой *). Воспитанники высыпали изъ всѣхъ четырехъ отдѣленій шумной, безпорядочной гурьбой. Въ теченіе десяти минутъ «перемѣнки», полагавшейся между двумя уроками, надо было успѣть и напиться, и покурить, и сыграть цѣлую партію въ пуговки, и подзубрить урокъ. Густая толпа обступила большую мѣдную, съ тремя кранами, вазу, наполненную водой. Около этой вазы всегда была привязана на цѣпи тяжелая оловянная кружка, но ею обыкновенно никто не пользовался. Каждый нагибался къ одному изъ кранovъ, бралъ его въ ротъ и, напившись

*) Передъ каждымъ урокомъ горнистъ или барабанщикъ игралъ сборъ, а послѣ урока — отбой.

такимъ образомъ, уступалъ свое мѣсто слѣдующему. Второклассники, наполнивъ «капернаумъ» и разбившись тамъ на кучки, курили подъ прикрытіемъ сторожа, поставленнаго у дверей.

Буланинъ не выходилъ изъ отдѣленія. Онъ стоялъ у окна, задѣланнаго рѣшеткой, и разсѣянно, съ стѣсненнымъ сердцемъ глядѣлъ на огромное военное поле, едва покрытое скудной желтой травой, и на дальнюю рощу, виднѣвшуюся неясной полосой сквозь сѣрую пелену августовскаго дождя. Вдругъ кто-то закричалъ въ дверяхъ:

— Буланинъ! Здѣсь нѣтъ Буланина?

— Здѣсь. Что нужно? — обернулся тотъ.

— Ступай скорѣе въ дежурную. Пѣтухъ зоветъ.

— Батюшка нажаловался?

— Не знаю. Должно-быть. Они между собой что-то разговариваютъ. Иди скорѣе!

Когда Буланинъ явился въ дежурную, то Пѣтухъ и Козелъ одновременно встрѣтили его, покачивая головами: Пѣтухъ кивалъ головой сверху внизъ и довольно быстро, что придавало его жестамъ укоризненный и недовольный оттѣнокъ, а Козелъ покачивалъ слѣва направо и очень медленно, съ выраженіемъ грустнаго сожалѣнія. Эта мимическая сцена продолжалась минуты двѣ или три. Буланинъ стоялъ, переводя глаза съ одного на другого.

— Стыдно-съ... совѣстно... Мнѣ за васъ совѣстно, — заговорилъ наконецъ Пѣтухъ. — Такъ-то вы начинаете ученіе? На урокѣ Закона Божія вы... какъ бы сказать... развлекаетесь... игрушечками занимаетесь. Вмѣсто того, чтобы ловить каждое слово и... какъ бы сказать... запечатлѣвать его въ умѣ, вы предаетесь пагубнымъ забавамъ... Что же будетъ съ вами дальше, если вы уже теперь... э... какъ бы сказать... такъ небрежно относитесь къ вашимъ обязанностямъ?

— Нехорошо. Очень нехорошо, — подтвердилъ Козелъ, упирая на «о».

«Не пустить въ отпускъ», — рѣшилъ въ умѣ Буланинъ, и Пѣтухъ, какъ бы угадывая его мысль, продолжалъ:

— Собственно говоря, я васъ долженъ безъ отпуска оставить...

— Господи-инъ капитанъ! — жалобно протянулъ Буланинъ.

— То-то вотъ — господинъ капитанъ. На первый разъ я ужъ, такъ и быть, не стану лишать васъ отпуска... Но если еще разъ что-либо подобное — помните, въ журналъ запишу-съ, взысканіе наложу-съ, подъ арестъ посажу-съ... Ступайте!..

— Господи-инъ капитанъ, позвольте мой фонарь.

— Нѣтъ-съ. Фонаря вы болѣе не получите. Сейчасъ же я прикажу дядькѣ его сломать и бросить въ помойную яму. Идите.

— Я-къ Як-личъ, пожалуйста... — просилъ Буланинъ со слезами въ голосѣ.

— Нѣтъ-съ и нѣтъ-съ. Идите. Или вы желаете (тутъ Пѣтухъ сдѣлалъ голосъ строже), чтобы я дѣйствительно... какъ бы сказать... оставилъ васъ на праздникъ въ гимназіи? Ступайте-съ.

Буланинъ ушелъ. Справедливость требуетъ сказать, что Пѣтухъ не сдержалъ своего слова относительно фонаря. Четыре года спустя Буланину по какому-то дѣлу пришлось зайти на квартиру Якова Яковлевича. Тамъ, въ углу гостиной, была свалена цѣлая горка игрушекъ, принадлежащихъ маленькому Карлушѣ — единственному чаду Пѣтуха, — и среди нихъ Буланинъ безъ труда узналъ свой злополучный фонарь. Онъ содержался въ образцовомъ порядкѣ и, повидимому, могъ разсчитывать на почтенную долговѣчность въ бережливомъ нѣмецкомъ семействѣ. Но сколько горькихъ, ужасныхъ впечатлѣній вы-

звалъ тогда въ отроческой памяти Буланина видъ этого невиннаго предмета!..

Шестой урокъ въ этотъ день былъ настоящей пыткой для новичковъ. Они совершенно не могли усидѣть на мѣстѣ, поминутно вертѣлись и то и дѣло съ страстнымъ ожиданіемъ оглядывались на дверь. Глаза взволнованно блестѣли, пальцы одной руки нервно мяли пальцы другой, ноги подъ столомъ выбивали нетерпѣливую дробь. Со всѣхъ сторонъ вопрошающія лица обращались къ лопоухому Страхову, сидѣвшему на задней скамейкѣ (у него одного во всемъ отдѣленіи были часы, вообще запрещенные въ гимназіи), и Страховъ, подымая вверхъ растопыренныя пятерни и махая ими, показывалъ, сколько еще минутъ осталось до трехъ часовъ.

Общее волненіе до такой степени сообщилось Буланину, что онъ даже позабылъ о несчастномъ фонарѣ и о связанныхъ съ нимъ грядущихъ непріятностяхъ. Онъ такъ же, какъ и другіе, суетливо болталъ ногами, тискалъ ладонями лицо и судорожно ерошилъ на головѣ волосы, чувствуя, какъ у него въ груди замираетъ что-то такое сладкое и немного жуткое, отъ чего хочется потянуться или запѣть во все горло.

Но вотъ раздаются звуки отбоя, и всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ, точно подброшенные электрическимъ токомъ. Какъ бы ни былъ строгъ и педантиченъ преподаватель, какъ бы ни былъ важенъ объясняемый имъ урокъ, у него не хватитъ духу испытывать въ эту минуту выдержку учениковъ. — «Благодаримъ Тебе, Создателю», — читаетъ на ходу, съ трудомъ пробираясь между скамейками, Сельскій, но никому даже и въ голову не придетъ перекреститься... Съ хлопаньемъ открываются и закрываются пюпитры, увязываются веревками книги и тетради, которыя нужно взять съ собою, а ненужныя какъ попало швыряются и втискиваются въ ящикъ.

Молитва кончена. Двадцать человѣкъ летятъ, сломя голову, къ дверямъ, едва не сбивая съ ногъ преподавателя, который съ снисходительной, но нѣсколько боязливой улыбкой жмется къ стѣнѣ. Изъ всѣхъ четырехъ отдѣленій одновременно вырываются эти живые неудержимые потоки, сливаются, перемѣшиваются, и сотня мальчишекъ мчится, какъ стадо молодыхъ, здоровыхъ животныхъ, выпущенныхъ изъ тѣсныхъ клѣтокъ на волю...

Прибѣжать въ спальню, надѣть мундиръ, шинель и кепи, разложенные Четухою заранѣе по кроватямъ отпускныхъ, — дѣло одной минуты. Теперь остается пойти въ «дежурную», гдѣ уже сидятъ всѣ четыре воспитателя, и «явиться» Пѣтуху.

— Господинъ капитанъ, честь имѣю...

— А почему у васъ пуговицы не почищены?

Ахъ, эти проклятыя пуговицы! Опять нужно бѣжать въ спальню, оттуда въ умывалку. Тамъ на доскѣ всегда лежатъ два большихъ красныхъ кирпича.

Буланинъ быстро и крѣпко третъ ихъ одинъ о другой, потомъ обмакиваетъ мякоть ладони въ порошокъ и такъ торопливо чиститъ пуговицы, что обжигаетъ на рукѣ кожу. Большой палецъ дѣлается чернымъ отъ мѣди и кирпича, но мыться некогда, можно и послѣ успѣть...

— Господинъ капитанъ, честь имѣю явиться. Воспитанникъ I класса, II отдѣленія, Бу...

— А-а! Почистились? Хорошо-съ. А за вами пришли или прислали кого-нибудь?

О, Господи, опять ожиданіе — вотъ мука!

Въ чайную залу, примыкающую къ дежурной, то и дѣло выходятъ снизу изъ пріемной дядьки и громогласно вызываютъ воспитанниковъ:

— Свергинъ, Егоровъ, пожалуйте, за вами пріѣхали; Бахтинскій — въ пріемную!

«Неужели обо мнѣ забыли дома? — шепчетъ въ тре-

вогѣ Буланинъ, но тотчасъ же пугается своей мысли. — Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ: мама знаетъ, мама сама соскучилась... Ну, вотъ, идетъ снова дядька... Теперь ужъ навѣрно меня».

Сердце Буланина отъ ожиданія бьется въ груди до боли.

— За Лампарёвымъ пріѣхали, — возвѣщаетъ дядька равнодушнымъ голосомъ, и это равнодушіе кажется Буланину оскорбительнымъ, почти умышленнымъ.

«Это онъ нарочно такъ... видитъ вѣдь, какъ мнѣ непріятно, и нарочно дѣлаетъ».

Наконецъ нервное напряженіе начинаетъ ослабѣвать. Его замѣняютъ усталость и скука. Въ шинели становится жарко, воротникъ давитъ шею, крючки рѣжутъ горло... Хочется сѣсть и сидѣть, не поворачивая головы, точно на вокзалѣ.

«Все кончено, все кончено, — съ горечью думаетъ Буланинъ: — я самый несчастный мальчикъ въ мірѣ, всѣми забытый и никому ненужный...»

Досадныя слезы просятся на глаза. Дядька выкликиваетъ все новыя и новыя фамилія, но появленіе его уже не вызываетъ нетерпѣливаго подъема всѣхъ чувствъ: Буланинъ смотритъ на него мутными, неподвижными и злобными глазами.

И вотъ, — какъ это всегда бываетъ, если ждешь чего-нибудь особенно страстно, — въ ту самую минуту, когда Буланинъ уже собирается итти въ спальню, чтобы снять отпускную форму, когда въ его душѣ подымается тяжелая, удручающая злость противъ всего міра: противъ Нѣтука, противъ Грузова, противъ батюшки, даже противъ матери — въ эту самую минуту дядька, отъ котораго Буланинъ нарочно отворачивается, кричитъ на всю залу:

— За Буланинымъ пріѣхали! Просятъ поскорѣе одѣваться!

И ужъ на этотъ разъ голосъ дядьки кажется Буланину не умышленно-равнодушнымъ, а веселымъ, сочувственнымъ, даже радостнымъ.

IV.

Тріумфъ Буланина. — Герои гимназіи. — Пари. — Мальчишка-сапожникъ. — Честь. — Опять герои. — Фотографія. — Уныніе. — Нѣсколько нѣжныхъ сценъ. — На шаранъ! — Куча мала! — Возмездіе. — Попрошайки.

Отпускъ былъ великолѣпенъ. Кепи, надѣтое набекрень, и черная военная шинель въ накидку привлекали на улицѣ всеобщее вниманіе. Всѣ, положительно всѣ: и тѣ, что ѣхали на извозчикахъ, и пѣшеходы, и пассажиры конокъ — съ почтительнымъ любопытствомъ и радостнымъ изумленіемъ глядѣли на Буланина (во всякомъ случаѣ ему такъ казалось). Въ ихъ взглядахъ онъ каждый разъ читалъ безмолвное восклицаніе: «Посмотрите, посмотрите — военный гимназистъ!.. Удивительно — такой молодой и уже носитъ военный мундиръ. Вѣдь у нихъ, говорятъ, ужасная строгость, и даже учатъ маршировать съ настоящими ружьями».

Дома, передъ младшей сестрой, а въ особенности передъ восьмилѣтнимъ Васенькой, Буланинъ старательно выдерживалъ внѣшнее достоинство и нѣсколько суровый тонъ молодчинищи-старичка.

Когда Васенька, прельщенный видомъ золотыхъ галуновъ, хотѣлъ ихъ потрогать немного пальцемъ, старшій братъ замѣтилъ ему недовольнымъ басомъ:

— Отстань! Чего лѣзешь? Испортишь мундиръ, а мнѣ послѣ достанется. «Кантенармусъ» новаго ни за что не выдастъ.

Эти новыя техническія слова, въ родѣ какъ «кантенармусъ», «ранжиръ», «правый флангъ», «горнистъ» и т. п., онъ особенно часто, иной разъ безъ всякаго по-

вода, но съ очень небрежнымъ видомъ вставлялъ въ свой разговоръ, чѣмъ Зина и Васенька были окончательно подавлены. Онъ разсказалъ имъ также и про Грузова и про его изумительную силу (вѣдь вечеръ воскресенья былъ еще такъ далеко!), и понятно, что въ довѣрчивыхъ порабощенныхъ умахъ слушателей фигура Грузова приняла размѣры какого-то миѳическаго чудовища, чего-то въ родѣ Соловья-разбойника, съ «такими вотъ» — чуть ли не съ человѣческую голову величиной — кулаками.

— Это что̀ еще! — продолжалъ Буланинъ удивлять свою маленькую аудиторію, и безъ того вытаращившую глазёнки и разинувшую рты. — Это еще что-о! А вотъ у насъ есть воспитанникъ Солянка,—его, собственно, фамилія Красногорскій, но у насъ его прозвали Солянкой,—такъ онъ однажды на пари съѣлъ десять булокъ. Понимаете ли, малыши: десять французскихъ булокъ! И ничѣмъ не запивалъ! А?

— Десять булокъ! — повторили шопотомъ малыши и переглянулись почти въ ужасѣ.

— Да, и выигралъ пари. А другой — Трофимовъ — поспорилъ на двадцать завтраковъ, что онъ три недѣли ничего не будетъ ѣсть... И не ѣлъ... Ни одного кусочка не ѣлъ.

Буланинъ, въ сущности, только лишь слегка преувеличивалъ цифры въ своихъ поразительныхъ разсказахъ. Подобныя пари были въ гимназической жизни явленіемъ обычнымъ и предпринимались исключительно изъ молодечества. Одинъ спорилъ, что онъ въ теченіе двухъ дней напишетъ всѣ числа отъ 1 до 1.000.000, другой брался выкурить, подъ рядъ и непремѣнно затягиваясь всей грудью, пятнадцать папиросъ, третій ѣлъ сырую рыбу или улитокъ и пилъ чернила, четвертый хвасталъ, что продержитъ руку надъ лампой, пока досчитаютъ до тридцати... Порождались эти пари мертвящей скукой будничныхъ дней,

отсутствіемъ книгъ и развлеченій, а также полнѣйшимъ равнодушіемъ воспитателей къ тому, чѣмъ заняты ввѣренные ихъ надзору молодые умы. Спорили обыкновенно на десятки, иногда даже на сотни утреннихъ и вечернихъ булокъ, на котлеты, на третье блюдо, рѣже на гостинцы и деньги. За исходомъ такого пари весь возрастъ слѣдилъ съ живѣйшимъ интересомъ и не позволялъ мошенничать.

Мать Буланина была въ полномъ упоеніи, — въ томъ святомъ и эгоистическомъ упоеніи, которое овладѣваетъ всякой матерью, когда она впервые видитъ своего сына въ какой бы то ни было формѣ, и къ которому примѣшивается доля горделиваго и недовѣрчиваго удивленія. — «Какъ? Это м о й сынъ? — говоритъ каждый ихъ краснорѣчивый взглядъ: — это-то и есть то самое странное существо, что̀ когда-то жадно сосало мою грудь и прыгало босыми ножонками на моихъ колѣняхъ? И неужели именно е г о я вижу теперь одѣтымъ въ формѣ, почти членомъ общества, почти мужчиной?»

— Ахъ, ты, мой кадетъ! Ахъ, ты, кадетикъ мой милый! — поминутно говорила Аглая Ѳедоровна, крѣпко прижимая голову сына къ своей груди.

При этомъ она даже закрывала глаза и стискивала зубы, охваченная той самой внезапной, порывистой страстью, которая неудержимо заставляетъ молодыхъ матерей такъ ожесточенно цѣловать, тискать, душить, почти кусать своихъ новорожденныхъ ребятъ.

А Буланинъ сурово моталъ головой и отпихивался.

Въ воскресенье утромъ она повезла его въ институтъ, гдѣ учились ея старшія дочери, потомъ къ теткамъ на Дворянскую улицу, потомъ къ своей пансіонской подругѣ m-me Гирчичъ. Буланина называли «его превосходительствомъ», «воиномъ», «героемъ» и «будущимъ Скобелевымъ». Онъ же краснѣлъ отъ удовольствія и стыда

и съ грубой поспѣшностью вырывался изъ родственныхъ объятій.

Точно такъ же, какъ и вчера, всѣ, кого только Буланинъ ни встрѣчалъ на улицахъ, были пріятно поражены видомъ новоиспеченнаго гимназиста. Буланинъ ни на секунду не усомнился въ томъ, что весь міръ занятъ теперь исключительно ликованіемъ по поводу его поступленія въ гимназію. И только однажды это тріумфаторское шествіе было нѣсколько смущено, когда на поворотѣ въ какую-то улицу изъ воротъ большого дома выскочилъ перепачканный сажей мальчишка-сапожникъ, съ колодками подъ мышкой, и, промчавшись стрѣлой между Буланинымъ и его матерью, заоралъ на всю улицу:

— Кадетъ, кадетъ, на палочку надѣтъ!..

Погнаться за нимъ было невозможно, — гимназисту на улицѣ приличествуетъ «солидность» и серьезныя манеры,—иначе дерзкій, безъ сомнѣнія, получилъ бы жестокое возмездіе. Впрочемъ, самолюбіе Буланина тотчасъ же получило пріятное удовлетвореніе, потому что мимо проѣзжалъ генералъ. Этого случая Буланинъ жаждалъ всей душою: ему еще ни разу до сихъ поръ не довелось стать во фрунтъ.

Онъ съ истиннымъ наслажденіемъ занимался отдаваніемъ чести. Не за четыре законныхъ, а по крайней мѣрѣ за пятнадцать шаговъ онъ прикладывалъ руку къ козырьку, высоко задирая кверху локоть, и таращилъ на офицера сіяющіе глаза, въ которыхъ ясно можно было прочесть испугъ, радость и нетерпѣливое ожиданіе. Каждый разъ, продѣлавъ эту церемонію и получивъ въ отвѣтъ отъ улыбающаго офицера масонскій знакъ, Буланинъ слегка лишь косился на мать, а самъ принималъ такой дѣловой, озабоченный, даже какъ будто бы усталый видъ, точно онъ только-что окончилъ весьма трудную и сложную, хотя и привычную обязанность, непонят-

ную для посторонних, но требующую отъ исполнителя особенныхъ глубокихъ знаній. И такъ какъ онъ былъ совсѣмъ еще неопытенъ въ разбираніи погоновъ и петличекъ, то съ одинаковымъ удовольствіемъ отдавалъ честь и фельдфебелямъ и акцизнымъ чиновникамъ, а одинъ разъ даже козырнулъ казачьему денщику, несшему судки съ офицерскимъ обѣдомъ, на что денщикъ тотчасъ же отвѣтилъ безъ малѣйшаго знака смущенія, но чрезвычайно вѣжливо, переложивъ судки изъ правой руки въ лѣвую.

Случилось такъ, что мать дернула его за рукавъ и тревожно шепнула:

— Миша, Миша, смотри, ты прозѣвалъ офицера (она испытывала при этихъ встрѣчахъ совершенно тѣ же наивныя, гордыя и пріятныя ощущенія, какъ и ея сынъ).

Буланинъ отозвался презрительнымъ басомъ:

— Ну вотъ! Стóитъ о всякомъ офицеришкѣ заботиться. Навѣрно, только-что произведенный.

Онъ, конечно, слегка важничалъ передъ матерью, бравируя своей смѣлостью и просто-напросто повторяя грубоватое выраженіе, слышанное имъ отъ старыхъ гимназистовъ. У старичковъ, особенно у «отчаянныхъ», считалось особеннымъ шикомъ не отдать офицеру чести, даже, если можно, сопроводить этотъ поступокъ какой-нибудь дикой выходкой.

— Какъ я его здорово надулъ! — разсказывалъ часто какой-нибудь Грузовъ или Балкашинъ. — Прохожу мимо — нуль вниманія и фунтъ презрѣнія. Онъ мнѣ кричитъ: «Г. гимназистъ, пожалуйте сюда». А я думаю себѣ: «Нака-сь, выкуси». Хóду! Онъ за мной. Я отъ него. Онъ вскакиваетъ на извозчика. «Ну, думаю: дѣло мое — табакъ, поймаетъ». Вдругъ вижу сквозныя ворота, моментально — шмыгъ! и калитку на запоръ... Покамѣстъ онъ стоялъ тамъ да ругался, да дворника звалъ, я давно ужъ удралъ успѣлъ.

Въ тотъ же день Аглая Ѳедоровна повела сына въ фотографію. Нечего и говорить о томъ, что фотографъ былъ несказанно пораженъ и обрадованъ честью сдѣлать снимокъ съ такого великолѣпнаго гимназиста. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшили снять Буланина во весь ростъ: правой рукой онъ долженъ опираться на колонну, а въ лѣвой, опущенной внизъ, держать кепи. Во все время сеанса Буланинъ былъ полонъ неподражаемой важности, хотя справедливость требуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что впослѣдствіи, когда фотографія была окончательно готова, то всѣ двѣнадцать карточекъ могли служить наглядным доказательствомъ того, что великолѣпный гимназистъ и будущій Скобелевъ не умѣлъ еще, какъ слѣдуетъ, застегнуть своихъ панталонъ.

За обѣдомъ были исключительно блюда, любимыя Мишенькой, но виновникъ торжества, казалось, навѣки потерялъ свой доселѣ непобѣдимый аппетитъ... Онъ уже чувствовалъ, что мало-по-малу приближается конецъ отпуска, и передъ нимъ вставало арестантское лицо Грузова — клыкастое, желтое и грубое, его энергично сжатый кулакъ и зловѣщая угроза, произнесенная сиплымъ голосомъ:

— А то... у насъ знаешь какъ!..

По мѣрѣ того, какъ стрѣлка стѣнныхъ часовъ приближалась къ семи, возрастала тоска Буланина, прямо какая-то животная тоска — неопредѣленная, боязливая, низменная и томительная. Послѣ обѣда Зина сѣла за рояль разучивать свои экзерсисы. Изъ-подъ ея неувѣренныхъ пальчиковъ потянулись, безконечно повторяясь все снова и снова, скучныя гаммы. Мутныя сумерки вползли въ окна и сгустились по дальнимъ угламъ... Нервы Буланина не выдержали, и онъ, забывъ все свое утреннее мужество, горько заплакалъ, уткнувшись лицомъ въ жесткую и холодную спинку кожанаго дивана.

— Миша, отчего ты? Что съ тобой, Мишенька? — спросила, подбѣжавъ къ нему, встревоженная Аглая Ѳедоровна.

Моментъ былъ очень благопріятный, и Буланинъ это чувствовалъ. Теперь бы и слѣдовало разсказать откровенно все приключеніе съ волшебнымъ фонаремъ, но странная, стыдливая робость сковала его языкъ, и онъ только пробормоталъ, возя носомъ:

— Такъ себѣ... мнѣ тебя жалко, мамочка...

Въ половинѣ седьмого онъ и Аглая Ѳедоровна стали собираться. Въ старую салфетку были завязаны гостинцы: десятокъ яблоковъ, нѣсколько домашнихъ сдобныхъ лепешекъ и банка малиноваго варенья.

— Смотри, Миша, — внушала мать: — варенье понемножку кушай... съ чаемъ... вотъ тебѣ и хватитъ на цѣлую недѣлю... Товарищамъ дай по ложечкѣ, пусть и они попробуютъ...

Затѣмъ она вписала въ готовомъ текстѣ отпускного билета, что «кадетъ... Буланинъ... въ теченіе отпуска находился... у меня и велъ себя... очень хорошо... Поднись родителей или лицъ, ихъ замѣняющихъ... А. Буланина».

Ѣхать пришлось черезъ весь городъ. И мать и сынъ дорогой молчали, охваченные однимъ и тѣмъ же чувствомъ унынія. Чѣмъ ближе они подъѣзжали въ гимназіи, тѣмъ пустыннѣе становилась мѣстность... Уже совершенно стемнѣло, когда они переѣхали черезъ каменный мостъ, подъ которымъ узкой лентой извивалась зловонная рѣчка; въ ней дрожали, расплываясь, отраженія уличныхъ фонарей. Потомъ по обѣимъ сторонамъ мостовой потянулись длинныя, низкія, однообразныя казармы съ неосвѣщенными окнами. Вотъ наконецъ и огромное трехъэтажное зданіе гимназіи, бывшій кадетскій корпусъ, а еще раньше — дворецъ екатерининскаго вельможи.

Дальше уже нѣтъ ни одной городской постройки, кромѣ военной тюрьмы; ея огни едва мерцаютъ далеко-далеко на краю военнаго поля, которое теперь кажется чернѣе ночи.

У крыльца Аглая Ѳедоровна долго крестила и цѣловала сына. Но такъ какъ къ тому же подъѣзду ежеминутно подъѣзжали и подходили отпускные гимназисты, то въ Буланинѣ вдругъ заговорилъ ложный стыдъ: сцена могла показаться черезчуръ нѣжной, можетъ-быть, даже смѣшной, во всякомъ случаѣ не въ духѣ гимназическаго молодечества. Весь проникнутый жалостливой любовью къ матери и болью своего близкаго одиночества, онъ тѣмъ не менѣе сурово, почти грубо освободилъ шею отъ ея рукъ. Когда же она вдогонку ему крикнула, чтобы онъ былъ прилежнѣй, слушался воспитателей и «въ случаѣ чего-нибудь» немедленно писалъ (на что ему были уже даны конверты съ заранѣе написанными адресами и съ приклеенными марками), онъ, скрываясь въ дверяхъ, буркнулъ:

— Хорошо... Ладно, ладно...

Но онъ все-таки успѣлъ замѣтить, какъ мать крестила его вслѣдъ мелкими частыми крестами.

Онъ медленно взбирался на третій этажъ по грязной чугунной сквозной лѣстницѣ, слабо освѣщенной стѣнными лампами, и ему казалось, что онъ вдругъ осиротѣлъ, сдѣлался снова маленькимъ, безпомощнымъ мальчикомъ. Всѣ его мысли были тамъ, внизу, около покинутой имъ матери.

«Вотъ она сѣла въ пролетку, вотъ извозчикъ круто заворачиваетъ лошадь назадъ, вотъ, подъѣзжая къ углу, мама бросаетъ послѣдній взглядъ на подъѣздъ», — думалъ Буланинъ, глотая слезы, и все-таки ступенька за ступенькой подымался вверхъ.

Но на верхней площадкѣ его тоска возросла до та-

кой нестерпимой боли, что онъ вдругъ, самъ не сознавая, что̀ дѣлаетъ, опрометью побѣжалъ внизъ. Въ одну минуту онъ уже былъ на крыльцѣ. Онъ ни на что не надѣялся, ни о чемъ не думалъ, но онъ вовсе не удивился, а только странно обрадовался, когда увидѣлъ свою мать на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько минутъ ее оставилъ. И на этотъ разъ мать должна была первой освободиться изъ лихорадочныхъ объятій сына.

Наконецъ онъ «явился» дежурному воспитателю (въ каждомъ возрастѣ дежурили по очереди свои воспитатели), который осмотрѣлъ очень тщательно его узелокъ. Такъ какъ вечерняя молитва уже кончилась, то отпускные изъ дежурной шли прямо въ спальню.

Тамъ, у самыхъ дверей, ихъ дожидалось человѣкъ двѣнадцать второклассниковъ. На Буланина, едва только онъ вошелъ со своимъ бѣлымъ узелкомъ, эта орава накинулась, какъ стая голодныхъ волковъ.

— Новичокъ, угости! Новичокъ, подѣлись! Дай гостинчика, Буланка!..

И всѣ руки тянулись къ узелку, сталкиваясь и цѣпляясь одна за другую. Каждый старался протиснуться впередъ и отпихивалъ плечомъ мѣшавшаго товарища.

— Господа... да позвольте же... я сейчасъ, — бормоталъ растерянный, оглушенный Буланинъ: — я сейчасъ... только... пустите же... я не могу всего...

Онъ поспѣшно развязалъ узелокъ, стараясь увернуться отъ хищныхъ рукъ, вырывавшихъ его, и сунулъ въ чью-то руку яблоко. Но въ это время на всю копошащуюся вокругъ Буланина массу налетѣлъ какой-то огромный рыжій малый и закричалъ неистовымъ голосомъ:

— На шарапъ!

Въ ту же секунду бѣлый узелокъ, подброшенный снизу сильнымъ ударомъ, взвился на воздухъ. Яблоки и лепешки разлетѣлись изъ него во всѣ стороны, точно изъ

лопнувшей ракеты, а банка съ вареньемъ треснула, ударившись объ стѣну. Свалка тотчасъ же закипѣла на полу, въ темнотѣ слабо освѣщенной спальни. «Старички» на четверенькахъ гонялись за катящимися по паркету яблоками, вырывая ихъ одинъ у другого изъ рукъ и изо рта; нѣкоторые немедленно вступили въ рукопашную. Кто-то наткнулся на разбитую банку съ вареньемъ, поднялъ ее и, запрокинувъ голову назадъ, лилъ варенье прямо въ свой широко раскрытый ротъ. Другой замѣтилъ это и сталъ вырывать. Банка окончательно разбилась въ ихъ рукахъ; оба обрѣзались до крови, но, не обращая на это вниманія, принялись тузить другъ друга.

На шумъ общей свалки прибѣжало еще трое «старичковъ». Однако они быстро сообразили, что пришли слишкомъ поздно, и тогда одинъ изъ нихъ, чтобы хоть немного вознаградить себя за лишеніе, крикнулъ:

— Куча мала, ребята!..

Произошло что-то невообразимое. Верхніе навалились на нижнихъ, нижніе рухнули на полъ и дѣлали судорожныя движенія руками и ногами, чтобы выбраться изъ этой кутерьмы. Тѣ, кому это удавалось, въ свою очередь карабкались на самый верхъ «мала-кучи». Нѣкоторые хохотали, другіе задыхались подъ тяжестью давившихъ ихъ тѣлъ, ругались, какъ ломовые извозчики, плакали и въ остервенѣніи кусали и царапали первое, что имъ попадалось, — все равно: будь это рука или нога, животъ или лицо неизвѣстнаго врага.

Повергнутый сильнымъ толчкомъ на землю, Буланинъ почувствовалъ, какъ чье-то колѣно съ силою уперлось въ его шею. Онъ пробовалъ освободиться, но то же самое колѣно втиснуло его ротъ и носъ въ чей-то мягкій животъ, въ то время, какъ на его спинѣ барахтались еще десятки рукъ и ногъ. Недостатокъ воздуха вдругъ придалъ Буланину припадочную силу. Ударивъ кулакомъ

въ лицо одного сосѣда и схватившись за волосы другого, онъ рванулся и выскочилъ изъ кучи.

Онъ не успѣлъ еще подойти къ своей кровати, какъ его окликнули:

— А! Буланка! А ну-ка, иди сюда.

Это былъ Грузовъ. Буланинъ сразу узналъ его голосъ и почувствовалъ, что блѣднѣетъ, и что у него задрожали колѣни. Однако онъ подошелъ къ Грузову, стоявшему въ амбразурѣ окна и раздиравшему зубами половину курицы.

— Принесъ? — лаконически спросилъ Грузовъ, вытирая руки о грудь пиджака.

— Голубчикъ... ей-Богу, не могъ, — жалобно забормоталъ Буланинъ. — Ну, вотъ честное благородное слово, никакъ не могъ. Въ слѣдующее воскресенье ужъ непремѣнно принесу... непремѣнно...

— Отчего же ты не могъ сегодня? Отжилить хочешь, подлецъ? Давай назадъ фонарь...

— У меня его нѣтъ, — прошепталъ Буланинъ. — Пѣтухъ отобралъ... я...

Онъ не успѣлъ договорить. Изъ его праваго глаза брызнулъ цѣлый снопъ ослѣпительно-бѣлыхъ искръ... Оглушенный ударомъ грузовскаго кулака, Буланинъ сначала зашатался на мѣстѣ, ничего не понимая. Потомъ онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

— Слышишь, чтобы въ слѣдующій разъ ты мнѣ или фонарь возвратилъ, или принесъ деньги. Только ужъ теперь не два, а два съ полтиной, — сказалъ Грузовъ, опять принимаясь за курицу. — У тебя есть гостинцы-то по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ... были яблоки и лепешки... и банка малиноваго варенья была... Я хотѣлъ все тебѣ отдать, — невольно солгалъ Буланинъ: — да у меня ихъ сейчасъ только отняли старички...

— Эхъ, ты!.. — протянулъ Грузовъ презрительно и вдругъ, съ мгновенно озвѣрѣвшимъ лицомъ, ударивъ изо всѣхъ силъ Буланина по затылку, онъ крикнулъ:

— Убирайся ты къ чорту, жулябія! Ну... живо... Чтобы я тебя здѣсь больше не видѣлъ, турецкая морда!..

До глубокой ночи шныряли «старички» между кроватями первоклассниковъ, подслушивая и поглядывая, не ѣдятъ ли они что-нибудь тайкомъ. Нѣкоторые дѣйствовали «партіями», другіе — въ одиночку. Если новичокъ отказывался «угостить», то его вещи, шкапчикъ, кровать и его самого подвергали тщательному обыску, наказывая за сопротивленіе тумаками.

У своихъ одноклассниковъ они хотя и не отнимали лакомствъ, но выпрашивали ихъ со всевозможными униженіями, самымъ подлымъ, нищенскимъ тономъ, съ обиліемъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ словечекъ, припоминая тутъ же какіе-то старые счеты по поводу какихъ-то кусочковъ.

Буланинъ уже лежитъ подъ одѣяломъ, когда надъ его головой останавливаются двое второклассниковъ. Одинъ изъ нихъ называется Арапомъ (фамиліи его Буланинъ не зналъ). Онъ, громко чавкая и сопя, ѣстъ какія-то сладости. Другой — Федченко — попрошайничаетъ у него.

— Ара-апъ, да-ай кусочекъ шоколаду, — тянетъ Федченко умильнымъ тономъ.

Арапъ, не отвѣчая, продолжаетъ громко обсасывать конфету.

— Ну, Арапчикъ... ну, голубчикъ... Са-амый маленькій... хоть вотъ такой-вотъ...

Арапъ молчитъ.

— Это свинство съ твоей стороны, Арапъ, — говоритъ Федченко. — Это подлость.

Арапъ, сопя носомъ и продолжая сосать шоколадъ, отвѣчаетъ своимъ картавымъ голосомъ:

— Убирлайся къ чорлту!

— Арапушка!

— Убирлайся, убирлайся... Нынче не суббота, не подаютъ.

— Ну, хоть са-амый маленькій. Дай хоть изъ рукъ откусить.

— Не прлоѣдайся.

— Ладно же, сволочь ты этакій! — говоритъ Федченко, вдругъ разсвирѣпѣвъ. — Попросишь ты у меня когда-нибудь гостинца!

— Даже и не подумаю прлосить, — сосетъ равнодушно Арапъ свой шоколадъ.

— Я тебѣ это припомню, дрянь, — не унимается Федченко. — Ты, небось, забылъ, какъ я тебя, подлеца, угощалъ? Забылъ?

Арапъ вдругъ оживляется, и слышно, что онъ съ хлопаньемъ вынимаетъ шоколадъ изо рта.

— Ты?.. Меня?.. Угощалъ?.. Когда?

— Когда? — съ задоромъ переспрашиваетъ Федченко.

— Да, когда?

— Когда?

— Ну, когда же? Ну?

— Когда? А помнишь, у меня были пирожки съ капустой. Что жъ, скажешь, я съ тобой не подѣлился? А? Не подѣлился?

— Все ты врлешь. Никакихъ у тебя пирложковъ не было, — хладнокровно отвѣчаетъ Арапъ и опять принимается за шоколадъ.

Наступаетъ длинное молчаніе, въ продолженіе котораго — Буланинъ чрезвычайно живо себѣ это представляетъ — Федченко не сводитъ жадныхъ глазъ со рта Арапа. Потомъ снова раздается тотъ же униженный, нищенскій голосъ:

— Ара-апчикъ... голу-убчикъ... ну, дай же маленькій кусочекъ... Ну, хоть вотъ такой крошечный... Самую капельку...

Слышно, какъ Федченко цѣпляется за рукавъ Арапа, и какъ Арапъ отталкиваетъ его локтемъ.

— Ну, чего въ самомъ дѣлѣ прлисталъ? Сказано: убирлайся, и убирлайся. Я у тебя на прлошлой недѣлѣ прлосилъ мячикъ, а ты мнѣ что̀ сказалъ?

— Ей-Богу, Арапчикъ, не мой мячикъ былъ. Вотъ тебѣ крестъ — не мой. Это Утконоса былъ мячикъ, а онъ не велѣлъ никому давать. Ты знаешь, я тебѣ всегда съ удовольствіемъ... Ну, Арапчикъ, дай же откусить кусочекъ.

Неизвѣстно, что̀ надоѣдаетъ Арапу: шоколадъ или приставанье товарища, но онъ неожиданно смягчается.

— Чорлтъ съ тобой, кусай. Вотъ до этихъ поръ, гдѣ я ногтемъ дерлжу. На.

— Ишь ты ловкій. Обсосанный конецъ даешь, — обижается Федченко. — Дай съ другого.

— А! Не хочешь — не нужно.

— Ну, ладно ужъ, ладно, — испуганно торопится Федченко. — Давай, все равно. Скупердяй.

Слышится хрустѣніе откусываемаго шоколада и ожесточенное чавканье. Спустя минуту опять слышится молящій голосъ:

— А что̀ же апельсинчика-то, Арапчикъ? Дай хоть полъ-ломтика.

Но конца этой торговли Буланинъ уже не слышитъ. Передъ его глазами быстрымъ вихремъ проносятся городскія улицы, фотографъ съ козлиной бородкой, Зиночкины гаммы, отраженіе огней въ узкой, черной, какъ чернило, рѣчкѣ, Грузовъ, пожирающій курицу, и наконецъ милое, кроткое родное лицо, тускло освѣщенное фонаремъ, качающимся надъ подъѣздомъ... Потомъ все пере-

мѣшивается въ его утомленной головѣ, и его сознаніе погружается въ глубокій мракъ, точно камень, брошенный въ воду.

V.

Нравственная характеристика.—Педагогика и собственный міръ.—Имущество и животъ.—Что значитъ дружиться и дѣлиться.—Форсилы.—Забывалы.—Отчаянные.—Тріумвиратъ.—Солидные.—Силачи.

Каждые три мѣсяца всѣ воспитатели и учителя гимназіи собирались, подъ предсѣдательствомъ директора, внизу, въ общей учительской, на педагогическій совѣтъ. Тамъ устанавливались воспитательные и учебные пріемы, опредѣлялось количество уроковъ по различнымъ предметамъ, обсуждались важнѣйшіе проступки воспитанниковъ. Въ виду послѣдняго каждый отдѣленный воспитатель обязанъ былъ вести «характеристики» своихъ воспитанниковъ. Для этого ему и выдавались, по числу гимназистовъ его отдѣленія, нѣсколько десятковъ синихъ съ желтыми корешками тетрадокъ, на обложкѣ которыхъ печатнымъ шрифтомъ было обозначено *):

Нравственная характеристика
воспитанника N — ской военной гимназіи,
« » класса « » отдѣленія
Имя:
Фамилія:

Воспитателю оставалось только заполнить на обложкѣ пустыя мѣста и затѣмъ излагать общими фразами свои безхитростныя наблюденія. И воспитатель, добросовѣстно относясь къ своему долгу, писалъ: «золотое сердце, но лѣнивъ крайне»; «видно дурное вліяніе домашней среды» (и это чаще всего писалось въ характеристикахъ); «съ не-

*) Конечно, держались эти характеристики въ строжайшемъ секретѣ отъ воспитанниковъ и ихъ родственниковъ, — отъ вторыхъ, вѣроятно, по причинамъ похвальной авторской стыдливости.

большими способностями, но весьма старательный» и т. д. Затѣмъ успѣхи въ наукахъ и благонравіе поощрялись на публичномъ актѣ 30 августа похвальными листами и разрозненными томами Брэма, а лѣнтяевъ, шалуновъ и порочныхъ оставляли безъ отпуска, лишали обѣдовъ и завтраковъ, ставили подъ лампу, ставили за обѣдомъ къ барабанщику, сажали въ карцеръ и даже изрѣдка посѣкали. И все это, взятое вмѣстѣ, составляло, по мнѣнію начальства, «твердо обдуманную воспитательную систему, принятую педагогическимъ совѣтомъ на основаніи глубокаго и всесторонняго изученія ввѣренныхъ его руководству дѣтскихъ натуръ и прочнаго довѣрія, питаемаго воспитанниками къ ихъ воспитателямъ».

А между тѣмъ внутренняя, своя собственная жизнь дѣтскихъ натуръ текла особымъ русломъ, безъ вѣдома педагогическаго совѣта, совершенно для него чуждая и непонятная, вырабатывая свой жаргонъ, свои нравы и обычаи, свою оригинальную этику. Это своеобразное русло было тѣсно и точно ограничено двумя недоступными берегами: съ одной стороны — всеобщимъ безусловнымъ признаніемъ правъ физической силы, а съ другой—также всеобщимъ убѣжденіемъ, что начальство есть исконный врагъ, что всѣ его дѣйствія предпринимаются исключительно съ ехидными намѣреніемъ учинить пакость, стѣснить, урѣзать, причинить боль, холодъ, голодъ, что воспитатель съ большимъ аппетитомъ ѣстъ обѣдъ, когда рядомъ съ нимъ сидитъ воспитанникъ, оставленный безъ обѣда...

И, какъ это ни покажется страннымъ, но «свой собственный» мальчишескій мірокъ былъ настолько прочнѣе и устойчивѣе педагогическихъ ухищреній, что всегда бралъ надъ ними перевѣсъ. Это уже изъ одного того было видно,

что если и поступалъ въ число воспитателей свѣжій, сильный человѣкъ, съ самыми искренними и гуманными намѣреніями, то, спустя два года (если только онъ самъ не уходилъ раньше), онъ опускался и махалъ рукой на прежнія бредни.

Капля за каплей въ него внѣдрялось убѣжденіе, что эти проклятые сорванцы дѣйствительно его вѣчные, безпощадные враги, что ихъ необходимо выслѣживать, ловить, обыскивать, стращать, наказывать какъ можно чаще и кормить какъ можно рѣже. Такимъ образомъ собственный міръ торжествовалъ надъ формалистикой педагогическаго совѣта, и какой-нибудь Грузовъ съ его устрашающимъ давленіемъ на малышей, самъ того не зная, становился поперекъ всей стройной воспитательной системы.

Каждый второклассникъ имѣлъ надъ собственностью каждаго малыша огромныя права. Если новичокъ не хотѣлъ добровольно отдавать гостинцы, старичокъ безнаказанно вырывалъ ихъ у него изъ рукъ или выворачивалъ наизнанку карманы его панталонъ. Большинства вещей новичка, по своеобразному нравственному кодексу гимназіи, старичокъ не смѣлъ касаться, но коллекціонныя марки, перышки и пуговицы, какъ предметы отчасти спортивнаго характера, могли быть отбираемы наравнѣ съ гостинцами. На казенную пищу также нельзя было насильственно покушаться: она служила только предметомъ мѣны или уплаты долга.

Вообще сильному у слабаго о т н я т ь можно было очень многое — почти все, но зато весь возрастъ зорко и ревниво слѣдилъ за каждой «пропажей». Воровство было единственнымъ преступленіемъ, которое доводилось до свѣдѣнія начальства (не говоря уже о самосудѣ, производимомъ надъ виновными), и къ чести гимназіи надо сказать, что воровъ въ ней совершенно не было. Если же

кто и грѣшилъ нечаянно, то потомъ уже закаивался на всю жизнь. Но и здѣсь, на ряду съ суровой честностью по отношенію къ товарищамъ, «своя собственная» нравственность давала вдругъ неожиданный скачокъ, разрѣшая и даже, пожалуй, поощряя всякаго рода кражу у воспитателей. Конечно, крали чаще всего съѣстное изъ шкапчиковъ въ офицерскихъ коридорахъ. Крали вина и наливки, и крали обыкновенно со взломомъ висячихъ замковъ.

Кромѣ правъ имущественныхъ, второклассникъ пользовался также правами и надъ «животомъ» малыша, т.-е. во всякое время дня и ночи могъ сдѣлать ему изъ лица «лимонъ» или «мопса», покормить «маслянками» и «орѣхами», «показать Москву» или «квартиры докторовъ «ай» и «ой», «загнуть салазки», «пустить дымъ изъ глазъ» и т. д.

Новичокъ съ своей стороны обязывался переносить все это терпѣливо, по возможности вѣжливо, и отнюдь не привлекать громкимъ крикомъ вниманія воспитателя. Выполнивъ перечисленную выше программу увеселеній, старичокъ обыкновенно спрашивалъ: «Ну, малышъ, чего хочешь, смерти или живота?» И, услышавъ, что малышъ болѣе хочетъ живота, старичокъ милостиво разрѣшалъ ему удалиться.

Всякій новичокъ считался общимъ достояніемъ второго класса, но бывали случаи, что одинъ изъ «отчаянныхъ» всецѣло завладѣвалъ какимъ-нибудь особенно питательнымъ малышомъ, бралъ его, такъ сказать, на оброкъ. Для этого отчаянный оказывалъ сначала новичку лестное вниманіе, ходилъ съ нимъ по залѣ обнявшись и въ концѣ концовъ обѣщалъ ему свое великодушное покровительство.

— Обижаетъ тебя кто-нибудь, малышъ?—спрашивалъ заботливо «отчаянный». — Ты мнѣ скажи правду, не бойся...

— Нѣтъ... то-есть, конечно, обижаютъ... Вотъ въ воскресенье пирожныя отняли...

— Кто же отнялъ-то?

— Я и самъ не знаю... Человѣкъ пять... Открыли парту и насильно отняли...

— Ну, ужъ это подлость!—возмущался «отчаянный».— Развѣ же можно такъ поступать? А?

— Конечно, нельзя...

— Прямо — свинство... Разъ пирожныя твои—никто не смѣетъ ихъ братъ... Правда вѣдь?

— Конечно, правда... А то вотъ еще, — вспоминаетъ новичокъ, дѣлаясь смѣлѣе: — Занковскій вчера мнѣ руку вывернулъ и очень больно по спинѣ ударилъ...

— Вотъ скотина-то! — негодовалъ «отчаянный».—А ты знаешь что? Если тебя кто-нибудь тронетъ, ты мнѣ скажи... Я ужъ за тебя заступлюсь. Слышишь?

— Я скажу. Спасибо тебѣ.

— И знаешь что еще? Давай съ тобой будемъ дружиться... Ты мнѣ очень понравился съ перваго раза.

— Давай. Конечно, давай, — радостно соглашался новичокъ.

— Дружиться и дѣлиться? Ладно?

— Да, да, — ликовалъ новичокъ.—Вотъ-то будетъ хорошо!

Новые друзья протягивали другъ другу руки, и ближайшій свидѣтель, которому вкратцѣ объясняли дѣло, разнималъ ихъ, освящая этой формальностью обоюдный договоръ.

Но заключенная дружба вовсе не требовала, чтобы старичокъ, получивъ гдѣ-нибудь кусокъ пирога или десятокъ сливъ, тотчасъ же принесъ молодому другу половину, — молодой другъ изъ этой добычи не получалъ ни крошечки. Зато, если младшій дольщикъ приносилъ изъ дому кулечекъ съ провизіей, то по крайней мѣрѣ семь

восьмыхъ его содержимаго отбиралось старшимъ дольщикомъ, глядѣвшимъ на нихъ какъ на своего рода постоянный доходъ. Конечно, эти самые гостинцы могъ «вытрясти изъ новичка» и первый встрѣчный второклассникъ, но, какъ уже сказано было выше, авторитетъ физической силы стоялъ въ гимназіи настолько высоко, что ему подчинялись не только за страхъ, но и за совѣстъ.

Этотъ всеобщій культъ кулака очень ярко раздѣлилъ всю гимназическую среду на угнетателей и угнетаемыхъ, что особенно было замѣтно въ младшемъ возрастѣ, гдѣ традиціи нерушимо передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но какъ между угнетателями, такъ и между угнетаемыми замѣчались болѣе тонкія и сложныя категоріи.

Надъ слабѣйшимъ можно было не только «форситъ», можно было и «забываться», и Буланинъ весьма скоро уразумѣлъ разницу между этими двумя дѣйствіями.

«Форсила» рѣдко билъ новичка по злобѣ или ради вымогательства и еще рѣже отнималъ у него что-нибудь, но трепетъ и замѣшательство малыша доставляли ему лишній разъ сладкое сознаніе своего могущества.

— Эй, молодой человѣкъ, псст!.. Молодой человѣкъ, пожалуйте сюда! — окликаетъ форсила новичка, который въ длинный осенній вечеръ безцѣльно бродитъ по залѣ и съ тоской заглядываетъ черезъ запотѣвшія окна въ холодную непроницаемую тьму.

Новичокъ вздрагиваетъ, оборачивается, неувѣренно подходитъ къ рослому второкласснику и останавливается молча въ двухъ шагахъ отъ него.

— Хочешь орѣшковъ, малышъ? — спрашиваетъ форсила.

Новичокъ молчитъ. Онъ предчувствуетъ, что орѣхи, предложенные ему такъ внезапно, неудобоваримы.

— Ну, чего ротъ разинулъ? Корова влетитъ. Хочешь орѣховъ, я тебя спрашиваю?

— Я... не знаю... — бормочетъ, заикаясь, новичокъ.

— Не знаешь, такъ надо попробовать.. Держи пошире карманъ: разъ — орѣхъ! два — орѣхъ! Три, четыре...

Форсила методически щелкаетъ малыша въ лобъ, пока у того на глазахъ не выступятъ слезы.

— Довольно? Накушался? Ну, а теперь для пищеваренія не хочешь ли на скрипкѣ поиграть?

И на этотъ разъ, не дожидаясь согласія малыша, онъ беретъ въ руку послѣдніе суставы его пальцевъ и, поочередно нажимая на нихъ, заставляетъ импровизированную скрипку гримасничать и взвизгивать отъ боли.

— Хорошая скрипка,—говоритъ онъ, оставивъ наконецъ въ покоѣ руку новичка. — Ты ее береги, братецъ: это скрипка дорогая...

Но форсила все это продѣлываетъ «не изо всѣхъ силъ» и не со зла, потому что сейчасъ же онъ совсѣмъ добродушнымъ тономъ спрашиваетъ:

— Послушай-ка, малышъ, а ты знаешь какія-нибудь исторіи?

— Что?—удивляется и не понимаетъ новичокъ.

— Умѣешь ты разсказывать какія-нибудь исторіи? Ну... тамъ... про разбойниковъ или про войну... про дикарей тоже есть хорошія повѣсти...

И вотъ форсила ложится на подоконникъ и закрываетъ глаза, а новичокъ стоитъ въ это время около своего случайнаго повелителя и разсказываетъ, вспоминая читанное или изобрѣтая изъ своей головы занимательные эпизоды. Едва онъ замолчитъ, какъ повелитель спрашиваетъ полусоннымъ голосомъ:

— А дальше?

Гораздо страшнѣе для первоклассниковъ (кромѣ второгоднихъ: этихъ не только не трогали, но, въ память прошлаго года, позволяли имъ даже заходить во второй классъ) были «забывалы». Ихъ насчитывалось меньше,

чѣмъ первыхъ, но вреда они причиняли несравненно больше. Забывала, «изводя» новичка или слабенькаго одноклассника, занимался этимъ не отъ скуки, какъ форсила, а сознательно, изъ мести или корыстолюбія, или другого личнаго мотива, съ искаженной отъ злости физіономіей, со всей безпощадностью мелкаго тирана. Иногда онъ по цѣлымъ часамъ мучилъ новичка, чтобы «выжать» изъ него послѣдніе, уцѣлѣвшіе отъ расхвата, жалкіе остатки гостинцевъ, запрятанные гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ. Шутки забывалы носили жестокій характеръ и всегда оканчивались синякомъ на лбу жертвы или кровотеченіемъ изъ носу. Особенно и прямо-таки возмутительно-злы были забывалы по отношенію къ мальчикамъ, страдающимъ какимъ-нибудь физическимъ порокомъ: заикамъ, косоглазымъ, кривоногимъ и т. п. Дразня ихъ, забывалы проявляли самую неистощимую изобрѣтательность.

Но и забывалы были ангелами въ сравненіи съ «отчаянными», этимъ бичомъ Божіимъ для всей гимназіи, начиная съ директора и кончая самымъ послѣднимъ малышомъ. Удивительно, какими только путями, вслѣдствіе какихъ причинъ и уродливыхъ нравственныхъ воздѣйствій могъ сложиться этотъ безобразный типъ! Вѣроятнѣе всего, онъ остался какъ печальное и извращенное наслѣдіе прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, когда дикіе люди, выросшіе подъ розгой, въ свою очередь розгой же, употреблявшейся въ ужасающемъ количествѣ, подготовляли другихъ дикихъ людей къ наилучшему служенію отечеству; а это служеніе опять-таки выражалось въ неистовой поркѣ подчиненныхъ... И такое предположеніе о происхожденіи «отчаянныхъ» тѣмъ болѣе справедливо, что сами «отчаянные» изрѣдка называли себя «закалами» или «закаленными» — терминъ, какъ свидѣтельствуютъ мемуары николаевскихъ майоровъ, возникшій въ корпусахъ

именно въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, въ эпоху знаменитыхъ субботъ, когда героемъ считался тотъ, кто «на зло начальству» безъ малѣйшаго стона выдерживалъ сотни ударовъ.

Прежде всего «отчаянные» выдѣлялись отъ товарищей наружностью и костюмомъ. Панталоны и пиджакъ у нихъ всегда бывали разорваны въ лохмотья, сапоги съ рыжими задниками, нечищенныя пуговицы позеленѣли отъ грязи... Чесать волосы и мыть руки считалось между отчаянными лишней, пожалуй, даже вредной роскошью, «бабствомъ», какъ они говорили... Кромѣ того, такъ какъ отчаянный принадлежалъ въ то же время къ страстнымъ игрокамъ, то правый рукавъ пиджака у него былъ постоянно завороченъ, а въ карманахъ всегда бренчали десятки пуговицъ и перьевъ.

Воспитатели побаивались отчаянныхъ, потому что отчаянный «никому не спускалъ». Если къ нему кто-нибудь изъ воспитателей и учителей обращался на «ты» (это иногда случалось), то отчаянный обрывалъ хриплымъ басомъ:

— Ты мнѣ не тычь! Я тебѣ не Иванъ Кузьмичъ!

Въ концѣ концовъ начальство «махало на нихъ рукой» и дожидалось только, когда отчаянный, не выдержавъ вторично экзамена въ одномъ и томъ же классѣ, оставался на третій годъ. Тогда его отправляли въ Ярославскую прогимназію, куда ссылали изъ всѣхъ гимназій Россіи все, что было въ нихъ неспособнаго и порочнаго. Но Ярославская прогимназія—и та сортировала отчаянныхъ и спроваживала ихъ, въ свою очередь, въ Вольскую прогимназію. Объ этой Вольской прогимназіи между воспитанниками ходили самые недостовѣрные, но ужасные слухи. Говорили, что тамъ прогимназистовъ обучаютъ различнымъ ремесламъ простые кузнецы, слесаря и плотники, которымъ предоставлено право бить

своихъ учениковъ; говорили также, что тамъ по суббо-тамъ обязательно дерутъ всѣхъ учениковъ: виноватыхъ— въ наказаніе, а правыхъ — въ поощреніе, на что будто бы каждую субботу истребляются цѣлые воза ивовыхъ прутьевъ.

Каждый отчаянный зналъ, что рано или поздно ему не миновать Вольской, и постоянно бравировалъ этимъ, бравировалъ, если только можно привести такое срав-неніе, съ тѣмъ же напускнымъ самохвальствомъ, съ какимъ арестантъ, осужденный на каторгу за крупное убій-ство, хвастается и куражится передъ мелкими воришками:

— Ну что жъ, въ Вольскую, такъ въ Вольскую!—го-ворилъ отчаянный, сплевывая сквозь зубы. — Не боюся никого, кромѣ Бога одного!

Трое отчаянныхъ особенно рѣзко запечатлѣлись въ па-мяти Буланина, и впослѣдствіи, уже окончивъ гимна-зію, онъ нерѣдко видѣлъ во снѣ, какъ ужасный кош-маръ, ихъ физіономіи. Эти трое были: Грузовъ, Бал-кашинъ и Мячковъ—всѣ трое безъ роду, безъ племени, никогда не ходившіе въ отпускъ и взятые въ гимназію изъ какого-то благотворительнаго панісона. Вмѣстѣ они составляли то, что въ гимназіи называлось «партіей».

Грузова товарищи прозвали Волкомъ (конечно, никому изъ «слабенькихъ» не приходило въ голову назвать его такъ), и дѣйствительно, въ немъ было много общаго съ этимъ ночнымъ грабителемъ: и развалистая походка, и взглядъ исподлобья, и хищные инстинкты, и подлая смѣсь наглости съ трусостью. Передъ силачами, передъ богатыми товарищами онъ униженно заискивалъ. Нѣко-торые, не безъ основанія, подозрѣвали его въ двухъ-трехъ кражахъ, но оставляли его въ покоѣ, частью по неимѣ-нію уликъ, частью изъ боязни его злопамятства. Изъ всей партіи онъ былъ безспорно самый глупый, самый силь-ный и самый трусливый. Весь возрастъ отлично помнилъ,

что однажды, когда Грузова вели сѣчь, онъ ползалъ у директора въ ногахъ и цѣловалъ его сапоги. При каждомъ словѣ, на каждомъ шагу онъ ругался, какъ пьяный солдатъ, самой площадной бранью, и это служило ему оружіемъ, при помощи котораго онъ держалъ въ рукахъ даже силачей. Всякій намекъ на сентиментальность, всякое проявленіе порядочности: жалость къ обижаемому мальчику, состраданіе къ истязуемому животному, участіе къ больному преподавателю—въ какой бы формѣ эти чувства ни выразились—онъ встрѣчалъ ихъ такимъ градомъ сквернословія, что виновный невольно начиналъ стыдиться своего хорошаго движенія. И его глумленіе дѣйствовало тѣмъ неотразимѣе, что Грузовъ все-таки обладалъ хотя и грязнымъ и циническимъ, но несомнѣннымъ юморомъ.

Второй изъ партіи — Балкашинъ — былъ прямо-таки чудовищемъ. Всѣ животные инстинкты, какіе себѣ только можно представить, развились у этого 12 — 13-лѣтняго мальчика до невѣроятной степени. Награбивъ цѣлую гору сластей и домашней провизіи, онъ пряталъ всю добычу въ постель и потомъ, покрывшись съ головой одѣяломъ, поѣдалъ ее потихоньку, какъ настоящій звѣрь. Послѣ рождественскихъ праздниковъ онъ выкидывалъ изъ своего стола всѣ учебныя пособія, такъ какъ туда иначе не могли бы вмѣститься нахватанные имъ гостинцы. И онъ ѣлъ ихъ съ утра до вечера, во время уроковъ и въ перемѣнки, до обѣда и послѣ него. Едва успѣвъ обглодать курицу, онъ брался за смоквы, потомъ безъ малѣйшей передышки переходилъ къ свиному салу, которое тотчасъ же закусывалъ тянучками и калужскимъ тѣстомъ. Случалось, что среди этой оргіи лицо Балкашина вдругъ принимало блѣдно-зеленый оттѣнокъ, а глаза становились мутными и страдальческими... Но и тогда, прежде чѣмъ стрѣлой выскочить изъ класса, онъ находилъ въ себѣ настолько самообладанія, чтобы запереть свой столикъ на

огромный висячій замокъ. При добываніи гостинцевъ Балкашинъ не брезговалъ никакими средствами, а за обѣдомъ и завтракомъ подбиралъ и выпрашивалъ всякіе огрызки.

Если онъ не ѣлъ, то непремѣнно спалъ гдѣ-нибудь: или подъ лавкой въ «камчаткѣ», или въ нишѣ коридора подъ ворохомъ шинелей. Онъ былъ развращенъ дѣйствительно ужъ «до мозга костей». Невозможно описать всѣхъ тѣхъ гадостей, какія онъ продѣлывалъ съ нѣкоторыми изъ первоклассниковъ, продѣлывалъ открыто, такъ сказать, всенародно, нимало не смущаясь вниманіемъ собравшейся публики.

Точно на смѣхъ, судьба подарила этому негодяю физіономію настоящаго херувима: нѣжные шелковистые волосы льняного оттѣнка, большіе голубые глаза съ длинными, загнутыми вверхъ рѣсницами, очаровательнаго рисунка ротъ. Къ тому же онъ обладалъ прекраснымъ голосомъ и считался въ гимназическомъ церковномъ хорѣ постояннымъ солистомъ.

Душою «партіи», иниціаторомъ всѣхъ совершаемыхъ ею пакостей былъ безспорно Мячковъ, самый изобрѣтательный и самый зловредный членъ тріумвирата. Мячковъ несомнѣнно носилъ въ себѣ зачатки лютой наслѣдственной чахотки: объ этомъ говорила его узкая, впалая грудь, землисто-желтый цвѣтъ лица, сухія губы, облившія вокругъ рѣзко очерченныхъ челюстей, и большіе черные глаза съ желтыми бѣлками и нехорошимъ блескомъ. Очень можетъ быть, что сознаніе болѣзни и смутное предчувствіе близкой смерти (онъ тогда уже покашливалъ, а умеръ шестнадцати лѣтъ) поддерживали въ немъ эту нечеловѣческую, безпощадную, вѣчную озлобленность. Своей утонченной жестокостью отъ возбуждалъ отвращеніе даже въ тѣхъ изъ «старичковъ», нервы которыхъ, казалось, притерпѣлись ко всему на свѣтѣ... Своихъ жертвъ онъ даже не мучилъ, а прямо пыталъ — обдуманно, посте-

пенно, съ очевиднымъ наслажденіемъ, стараясь какъ можно болѣе продлить этотъ пріятный актъ. Въ немъ было что-то ненормальное, болѣзненное и страшное... Это всѣ чувствовали, но никто не умѣлъ свести свои наблюденія даже въ мѣткомъ прозвищѣ.

Одна изъ любимыхъ штукъ Мячкова заключалась въ томъ, что онъ подходилъ къ новичку и заводилъ съ нимъ длинный дружелюбный разговоръ. Новичокъ таялъ. Между прочимъ, и какъ будто бы вскользь, Мячковъ хвалилъ сложеніе своего собесѣдника:

— А ты, должно-быть, очень сильный, братецъ. Гляди, въ будущемъ году изъ первыхъ силачей станешь. Только ты, навѣрно, силу скрываешь. Грудь-то, грудь у тебя какая молодецкая!

Новичокъ, польщенный комплиментомъ, краснѣлъ отъ удовольствія и еще больше выпячивалъ грудь.

— Ишь ты, просто, какъ печка, — продолжалъ расхваливать Мячковъ.—Я думаю, если тебя по груди кто ударитъ, — тебѣ это пустяки? А? Навѣрно, и не почувствуешь? Правда?

— Разумѣется, правда,—хорохорился новичокъ.—Я... все могу...

— Можешь?

— Могу!

— Вытерпишь, значитъ?

— О! Я! Я все вытерплю!..

Зловѣщіе огоньки въ зрачкахъ Мячкова разгорались сильнѣе, и онъ спрашивалъ нѣжнымъ голосомъ:

— А можно попробовать?

— Пожалуйста... Сколько угодно!—продолжалъ храбриться новичокъ.—Валяй, сдѣлай одолженіе. Мнѣ это все равно, что ничего. — И онъ выгибалъ грудь колесомъ.

Тогда Мячковъ размахивался и изо всѣхъ силъ ударялъ

паивнаго хвастуна, но не въ грудь, а подъ ложечку, какъ разъ туда, гдѣ кончается грудная клѣтка и гдѣ у дѣтей такое чувствительное мѣсто. Нѣсколько минутъ новичокъ не могъ передохнуть и съ вытаращенными глазами, перегнувшись пополамъ, весь посинѣвшій отъ страшной боли, только раскрывалъ и закрывалъ ротъ, какъ рыба, вытащенная изъ воды. А Мячковъ около него радостно потиралъ руки, кашлялъ и сгибался въ три погибели, заливаясь тоненькимъ ликующимъ смѣхомъ.

Мячковъ ѣлъ очень мало, а сладкаго и совсѣмъ не могъ ѣсть, по причинѣ дурныхъ зубовъ. Однако для того, чтобъ лишній разъ насладиться чьимъ-нибудь горемъ, онъ грабилъ новичковъ наравнѣ съ двумя прочими членами партіи, уступая имъ «свою порцію».

Пожалуй, къ категоріи угнетателей можно было отнести и немногочисленную группу «солидныхъ». Подъ «солидностью» въ гимназіи подразумѣвалась нѣсколько напыщенная важность, происходящая отъ глубокаго сознанія собственнаго достоинства; впрочемъ, тотъ смыслъ, который придавали этому слову воспитанники, почти непереводимъ на обычный языкъ. Принадлежа большею частью къ порядочнымъ и зажиточнымъ семействамъ, солидные были настолько сильны и настолько самоувѣренны, что умѣли ограждать себя отъ насильственныхъ дѣйствій отчаянныхъ, форсилъ и забывалъ. Солидные очень заботились о своей наружности, танцовали на гимназическихъ балахъ и создавали господствующую въ возрастѣ моду. Такъ, напримѣръ, одинъ годъ самой модной считалась прическа съ проборомъ на лѣвой сторонѣ и съ большимъ кокомъ, взбитымъ на правой. На слѣдующій годъ эту прическу смѣнила другая—ежикомъ, и весь возрастъ принялся усердно взъерошивать волосы кверху щетками. Самыми шикарными панталонами считались «штаны съ колоколами», т.-е. узкіе, въ обтяжку до ко-

лѣнъ, а отъ колѣнъ расходящіеся внизъ трубой. Передѣлкой казенныхъ панталонъ въ модные «штаны съ колоколами» занимались за умѣренное вознагражденіе гимназическіе портные, приходившіе каждую ночь чинить разорванное за день платье.

Даже языкъ и походку солидные выдумали для себя совсѣмъ нечеловѣческіе. Ходили они на прямыхъ ногахъ, подрагивая всѣмъ тѣломъ при каждомъ шагѣ, а говорили картавя и ломаясь, и замѣняя «а» и «о» оборотнымъ «э», что̀ придавало ихъ разговору оттѣнокъ какой-то карикатурной гвардейской разслабленности.

Собственно солидныхъ нельзя было назвать угнетателями въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но все же въ ихъ обращеніи съ новичками всегда слышалось наигранное, оскорбительное пренебреженіе. Столкнувшись гдѣ-нибудь въ коридорѣ или на лѣстницѣ съ разбѣжавшимся новичкомъ, солидный бралъ его осторожно двумя пальцами за рукавъ и говорилъ съ брезгливой гримасой на лицѣ:

— Что̀ жъ ты сталъ, мэльчишка? Прэхэди, п'жалста.

И затѣмъ пускалъ ему вдогонку одну изъ любимыхъ фразъ солидныхъ:

— Глюпъ, тупъ, нерэзвитъ... эттэго, что мэло битъ.

И только въ самомъ крайнемъ случаѣ, дѣйствительно разсердившись, солидный замѣчалъ сердито:

— Этэ мэльчишество! Я вамъ, мэлэдой чээкъ, всѣ ушонки эбэрву!

Еще снисходительнѣе къ малышамъ были «силачи», настоящіе, признанные всѣмъ возрастомъ, такъ сказать, патентованные силачи. Эти считали ниже своего достоинства форсить или забываться. И гостинцевъ у малышей они не отнимали, а довольствовались добровольными приношеніями — данью восхищенія и обожанія.

Въ каждомъ отдѣленіи былъ свой первый силачъ, второй, третій и т. д. Но, собственно, силачами считался

только первый десятокъ. Затѣмъ были главные силачи въ каждомъ возрастѣ, и наконецъ существовалъ великій, богоподобный, несравненный, поклоняемый — первый силачъ во всей гимназіи. Вокругъ его личности рѣяла легенда. Онъ подымалъ страшныя тяжести, одолѣвалъ трехъ дядекъ разомъ, ломалъ подковы. Малыши изъ младшаго возраста глядѣли на него издали во время прогулокъ, разинувъ рты, какъ на идола.

Чтобы повыситься въ лѣстницѣ силачей, было одно вѣрное, испытанное средство — драка. И часто впослѣдствіи, во время урока, приходилось Буланину писать такія, напримѣръ, летучія записочки, передаваемыя изъ рукъ въ руки по адресу:

«Козловъ, ты свинья. Послѣ Буркена выходи драться».

Дрались обыкновенно въ ватерклозетѣ. Все отдѣленіе присутствовало при этомъ. Иногда дерущимся туго перевязывали веревкой основаніе кисти для того, чтобы кулакъ налился кровью и сталъ тяжелѣе. Строго соблюдались правила: подножку не давать, лежачаго не бить, не переходить въ «обхватку», за волосы не хватать, голову подъ мышку не зажимать, лица рукавомъ не закрывать. Свидѣтели слѣдили за правильностью драки; они же рѣшали, на чьей сторонѣ побѣда. Надо сказать, что злобы въ этихъ дракахъ вовсе не было, и часто Буланинъ и Козловъ, омывъ разбитые носы у общаго умывальника, спокойно и дружелюбно играли черезъ пять минутъ въ пуговки или ѣздили верхомъ другъ на другѣ. Но существовало и еще одно строгое правило для такого рода дракъ. Если, напримѣръ, пятнадцатый силачъ побѣдилъ десятаго, то онъ долженъ былъ потомъ драться послѣдовательно съ четырнадцатымъ, тринадцатымъ, двѣнадцатымъ и одиннадцатымъ. И бывшій десятый продѣлывалъ то же самое, но въ обратномъ порядкѣ.

Угнетаемые также раздѣлялись на нѣсколько классовъ

Между ними были «фискалы» или «суки», были «слабенькіе» (у этихъ существовало и другое, совсѣмъ неприличное названіе), «тихони», «зубрилы», «подлизы» и наконецъ «рыбаки» или «мореплаватели».

VI.

Фискалы.—Письмо Буланина.—Дядя Вася.—Его разсказы и пародіи на нихъ.—Блинчики дяди Васи.—Сысоевъ и Квадратуловъ.—Заговоръ.—Сысоева „накрываютъ“.—Зубрилы.—Рыбаки.—Еще объ угнетаемыхъ.—Подлизы.

Въ гимназической жизни не было болѣе тяжкаго и опаснаго преступленія, какъ «фискальство». Фискала не принимали ни въ одну игру; не только дружиться съ нимъ или миролюбиво разговаривать, но даже подавать ему руку считалось унизительнымъ. Единственное обращеніе, допускаемое съ фискаломъ, были подзатыльники, сопровождаемые извѣстнымъ сатирическимъ куплетомъ:

Фискалъ,
Зубоскалъ,
По базару кишки таскалъ.

Такимъ образомъ фискалъ считался навсегда исключеннымъ изъ общества, и только какая-нибудь особенно дерзкая выходка, направленная къ спасенію «попавшагося» товарища или ко вреду нелюбимаго воспитателя, могла заслужить ему полное прощеніе.

Надо замѣтить, что сознательнаго фискальства — изъ выгодъ, изъ желанія отличиться или пріобрѣсти довѣріе воспитателя—въ гимназіи совсѣмъ не было, и устное преданіе не запомнило ни одного такого случая. Большею частью репутація фискала пріобрѣталась невольно.

По издавна укоренившемуся правилу, воспитанникъ, получившій въ дракѣ или по другому поводу здоровенный синякъ подъ глазомъ, долженъ былъ на вопросъ

воспитателя о причинѣ такого украшенія отвѣчать, что, молъ, упалъ съ лѣстницы и расшибся (и почему-то виноватой всегда оказывалась лѣстница, такъ что даже воспитатели къ этому привыкли и спрашивали иронически: «Что? Съ лѣстницы упали?»). Но иногда, по неопытности или движимый чувствами боли, мести или раздраженія, онъ называлъ истинную причину возникновенія синяка. Съ этого момента онъ уже становился фискаломъ.

Гимназическая среда ломала по-своему характеры и привычки. Чрезвычайно рѣдко попадали въ нее такія нервныя, самостоятельныя и чуткія ко всякому оскорбленію натуры, которыя отказывались мириться съ жестокимъ деспотизмомъ самодѣльныхъ обычаевъ. Одному Богу извѣстно, какъ калѣчила ихъ въ нравственномъ смыслѣ гимназія, и какой отпечатокъ клало на всю ихъ жизнь вѣчное истерическое озлобленіе, поддерживаемое въ нихъ безпощадной травлей цѣлаго возраста.

Начиналось это съ того, что прибитый кѣмъ-нибудь мальчикъ шелъ къ воспитателю и жаловался. Его били за это вторично, били въ третій и въ четвертый разъ... По мѣрѣ побоевъ росла упорная, безумная ненависть фискала къ его мучителямъ и доходила въ концѣ концовъ до того, что онъ самъ выискивалъ случая пойти наперекоръ установившимся законамъ. Покинутый, обѣгаемый и презираемый всѣми, онъ молча разжигалъ въ себѣ жгучую злобу противъ окружавшаго его маленькаго міра. Завязывалась страшная, неравная борьба между истерзаннымъ, полубольнымъ, слабымъ мальчикомъ и цѣлой ордой безшабашныхъ сорванцовъ...

Такого фискала, конечно, остерегались, потому что, если въ его присутствіи совершалось что-нибудь противозаконное, онъ говорилъ со злораднымъ торжествомъ: «А вотъ я пойду и пожалуюсь воспитателю!» И, несмотря на то, что его стращали самыми ужасными послѣдствіями,

онъ шелъ и дѣйствительно фискалилъ. Наконецъ обоюдная ненависть достигала такихъ предѣловъ, что дальше ей итти было некуда. Тогда противъ фискала употреблялось послѣднее звѣрское средство: его, выражаясь гимназическимъ жаргономъ, «накрывали».

Одинъ такой случай остался неизгладимо въ памяти Буланина, даже запомнился мѣсяцъ и число, потому что на другой же день Буланинъ писалъ своей сестрѣ-институткѣ поздравленіе и вскользь упоминалъ о «случаѣ».

«Милая Любочка!

«Поздравляю тебя съ днемъ твоего ангела и отъ души желаю тебѣ всего-всего хорошаго. Хотѣлъ бы очень поздравить тебя лично, но, къ несчастью, невозможно. Посылаю тебѣ двѣ налѣпныя картинки: кошечку и цвѣты. Извини, что ничего лучше не посылаю. А у насъ былъ вчера случай. Второклассники накрыли фискала, и онъ теперь въ лазаретѣ, чтобы не фискалилъ. Картинки я вымѣнялъ у Чижова на двѣ дюжины перьевъ съ Наполеономъ. А били его ночью, когда всѣ воспитанники заснули, только я все слышалъ. Засимъ цѣлую тебя крѣпко... Твой любящій тебя братъ М. Буланинъ».

Поздравленіе это было послано Буланинымъ 16 сентября, а событіе, о которомъ онъ въ немъ писалъ, произошло днемъ раньше, на дежурствѣ «дяди Васи».

«Дядей Васей» прозвали Василія Васильевича Бинкевича, одного изъ двухъ штатскихъ воспитателей младшаго возраста. У него также имѣлось два другихъ прозвища: Черноморъ — за густую, длинную бороду, и Вральманъ — за его отчаянно-неправдоподобные разсказы «изъ прежней жизни».

Дѣйствительно, дядя Вася за свою долгую воспитательскую практику изолгался до такой степени, что если бы онъ и вздумалъ разсказать когда-нибудь о настоя-

щемъ, невымышленномъ происшествіи,—ему не повѣрилъ бы ни одинъ малышъ. Вралъ онъ вовсе не для снисканія популярности, а искренно и безкорыстно, какъ заправскій художникъ. Импровизируя разсказы о самыхъ изумительныхъ, чудовищныхъ приключеніяхъ, которыя заставили бы покраснѣть самого барона Мюнхгаузена, дядя Вася увлекался до того, что, безъ сомнѣнія, не только глубоко вѣрилъ въ подлинность этихъ приключеній, но даже какъ будто бы переживалъ ихъ вторично.

Для дяди Васи вовсе не было тайной, что воспитанники чуть ли не въ глаза смѣются надъ нимъ, но все же, несмотря на это, онъ не могъ воздержаться отъ неистоваго вранья. Трудно сказать, какимъ образомъ эта черта родилась въ немъ и разрослась до такихъ удивительныхъ размѣровъ. Явилась ли она въ тѣ долгіе зимніе вечера, когда дежурные воспитатели, ошалѣвъ отъ скуки, безцѣльно по цѣлымъ часамъ бродили взадъ и впередъ по заламъ или изводили кипы бумаги, изображая сотни разъ подъ рядъ свою фамилію съ какимъ-либо замысловатымъ росчеркомъ? Было ли это вранье слѣдствіемъ рѣдкаго перевѣса фантазіи надъ разсудкомъ и волей? Или, можетъ-быть, въ немъ, въ этомъ враньѣ, находилъ себѣ позднее своеобразное утѣшеніе бывшій честолюбецъ, которому не улыбнулась судьба?.. Или, наконецъ, не скрывался ли за почтенной наружностью дяди Васи тихій, безопасный маньякъ?

Въ своихъ разсказахъ дядя Вася весьма небрежно обращался какъ съ историческими фактами, такъ и съ данными, вытекавшими изъ его предыдущихъ разсказовъ. Иногда онъ фигурировалъ въ нихъ въ качествѣ гражданскаго инженера, строившаго мостъ черезъ Волгу и реставрировавшаго Исаакіевскій соборъ; въ другой разъ онъ отправлялся чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижъ; въ слѣдующій вечеръ участвовалъ въ венгерской кампаніи,

будучи блестящимъ офицеромъ гвардейской кавалеріи. И если, напримѣръ, постройка моста черезъ Волгу совпадала по времени съ чрезвычайной миссіей въ Парижѣ и кто-нибудь изъ слушателей лукаво замѣчалъ это, дядя Вася отвѣчалъ, нимало не смущаясь:

— Ну да... что же тутъ особеннаго? Я такъ и дѣлалъ: недѣлю строю мостъ,—потомъ ѣду въ Парижъ; тамъ проведу недѣлю, — и опять на Волгу. Все на экстренныхъ поѣздахъ... По сто семидесяти верстъ въ часъ!..

Ему ничего не стоило разсказать хотя бы о томъ, какъ онъ по желанію императора Николая I читалъ лекціи инженернаго искусства и небесной механики его сыну Александру. При этомъ дядю Васю вовсе не стѣсняло то обстоятельство, что онъ былъ приблизительно лѣтъ на десять моложе своего ученика.

Любовью гимназистовъ дядя Вася не пользовался, такъ же, какъ не пользовался ею ни одинъ воспитатель. Но такъ какъ дядя Вася большого вреда не дѣлалъ, не устраивалъ «куриламъ» ловушекъ и, зная гимназическіе нравы, не жаловалъ фискаловъ, то и вражды къ нему возрастъ не питалъ. А вранье его даже привлекало всегда многочисленныхъ слушателей.

Обыкновенно послѣ обѣда, когда до вечернихъ занятій давалось два часа свободнаго времени, кто-нибудь изъ второклассниковъ «собиралъ компанію» слушать дядю Васю. Охотники сейчасъ же находились. Они разыскивали дядю Васю въ дежурной или въ одномъ изъ классовъ, окружали его и просили:

— Василь Василичъ, разскажите что-нибудь изъ вашей прежней жизни.

Дядя Вася сначала, для виду, отнѣкивался, говорилъ, что ему некогда, что онъ все давно и забылъ, и наконецъ (уже начиная сдаваться), что «не знаетъ, о чемъ бы это разсказать». Тогда его понемногу наталкивали на тему:

— Ну, разскажите что-нибудь про дворецъ. Вы же вѣдь бывали во дворцѣ, Василь Василичъ?

И онъ принимался разсказывать, сперва вяло, какъ будто бы нехотя, но потомъ закусывалъ удила и создавалъ одну вдохновенную импровизацію за другой. Тѣмъ временемъ слушатели подбѣгали со всѣхъ сторонъ, и вскорѣ вокругъ дяди Васи образовывалось густое сплошное кольцо. Нѣкоторые шли по бокамъ дяди Васи, другіе сзади, протискивая головы впередъ, чтобы лучше слышать, третьи, обнявшись и образовавъ неразрывную цѣпь, пятились задомъ. Каждый разъ, дойдя до одного изъ концовъ залы, дядя Вася медленно топтался на мѣстѣ, чтобы дать время повернуться всему окружавшему его живому ядру.

— Былъ однажды я приглашенъ на парадный балъ во дворецъ,—говорилъ онъ, расправляя на обѣ стороны свою длинную бороду, придававшую ему видъ библейскаго патріарха. — Ну, понятно, вся знать здѣсь: иностранные кронпринцы, дипломатическій корпусъ, генералитетъ и все прочее... И ужъ, конечно, танцы танцуютъ не какіе-нибудь, а, напримѣръ, экоссезъ, полонезъ и все въ этомъ родѣ. Стою я на одномъ концѣ залы, а на другомъ сидитъ на бархатномъ малиновомъ диванѣ маркграфиня бранденбургская. Ну, прямо — писаная красавица... въ бѣломъ атласномъ платьѣ и шлейфъ аршинъ въ девять... Только вдругъ, вижу я, маркграфиня роняетъ вѣеръ... Тутъ сейчасъ же кидаются къ ней князья тамъ разные... графы, бароны... Понятно, каждому лестно услужить. А я и думаю себѣ: «Нѣтъ, думаю, хоть вы и бароны и графы, но вы еще не знаете Василь Василича Винкевича...» А зала, надо вамъ сказать, шаговъ пятьсотъ имѣла въ длину. Разбѣжался я, знаете ли, подпрыгнулъ этакъ вверхъ и черезъ всю залу пролетѣлъ на одной шпорѣ. Пролетѣлъ, схватилъ раньше всѣхъ вѣеръ и уже несу марк-

графинѣ. А посланникъ американскій... забылъ его фамилію... страшный богачъ, милліонеръ... отводитъ меня въ сторону и говоритъ тихонько: «Послушайте, передайте мнѣ этотъ вѣеръ, мнѣ необходимо для политическихъ видовъ, а я вамъ за него тотчасъ же выдамъ чистоганомъ пятьсотъ тысячъ долларовъ». Ну, ужъ я его и обрѣзалъ: «Нѣтъ, говорю, мистеръ... эхъ, бѣда, забылъ фамилію-то!.. ну, да у меня дома записано, потомъ припомню... нѣтъ, мистеръ, русскаго гвардейскаго офицера не только за полмилліона, а даже за всѣ сокровища Новаго Свѣта нельзя купить...» Послѣ этого государь меня къ себѣ подзываетъ. «Здравствуй, Василь Василичъ, давно мы съ тобой не видались». Я говорю: «Давненько, ваше величество». Ну, конечно, поговорили мы немного. Потомъ государь и говоритъ: «Знаешь, Василь Василичъ, я вѣдь тебя давно хотѣлъ видѣть. Не желаешь ли ты занять постъ министра путей сообщенія?» А я отвѣчаю: «Нѣтъ, ваше величество, эта должность хлопотливая, и при томъ многіе будутъ мнѣ завидовать, дайте мнѣ лучше мѣсто воспитателя въ военной гимназіи». «Ну, хорошо, — говоритъ государь: — будь по-твоему. А за то, что ты американца сконфузилъ, объявляю тебѣ мое спасибо»...

На темы разсказовъ дяди Васи ходили между воспитанниками пародіи, преувеличенныя до абсурда. Въ одной изъ нихъ говорилось, напримѣръ, о томъ, какъ дядю Васю во время его путешествія со Стэнли выбросило на необитаемый островъ. Тотчасъ же сбѣжались дикари, а дикари на этомъ необитаемомъ островѣ были поголовно людоѣды. Сначала они кинулись-было на дядю Васю съ томагауками, но тотчасъ же опомнились. «Ахъ, это вы, Василь Василичъ! Извините, пожалуйста, а мы-было васъ совсѣмъ не узнали». — «То-то же, негодяи, смотрите у меня въ другой разъ, — замѣтилъ имъ строго дядя Вася. — А гдѣ же здѣсь пройти въ Петербургъ?»—

«А вотъ-съ, сюда пожалуйте, сюда... Ступайте по этой дорожкѣ, все прямо, прямо, такъ и дойдете до самаго Петербурга»,—отвѣчали дикари, падая на прощанье въ ноги дядѣ Васѣ.

16-го сентября, послѣ обѣда, дядя Вася ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, окруженный, по обыкновенію, густой толпой воспитанниковъ. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ во время блокады Парижа прусской арміей осажденные— въ томъ числѣ, конечно, и дядя Вася — принуждены были питаться кониной и дохлыми крысами, и какъ потомъ, по совѣту дяди Васи, его задушевный другъ Гамбетта рѣшился сдѣлать путешествіе на воздушномъ шарѣ.

Разсказъ изобиловалъ комическими штрихами, и Бинкевичъ, поощряемый неумолкаемымъ дружнымъ хохотомъ публики, вралъ особенно затѣйливо. Но онъ и не догадывался, что причиной смѣха служили вовсе не комическія мѣста его импровизаціи, а тѣ рожи, которыя за его спиной строилъ второклассникъ Карауловъ (для чего-то перекованный товарищами въ Квадратулова).

Особенная прелесть штукъ, откалываемыхъ Квадратуловымъ, заключалась въ томъ, что онъ только-что стащилъ въ дежурной комнатѣ со стола цѣлый десятокъ блинчиковъ съ вареньемъ, принесенныхъ на обѣдъ дядѣ Васѣ въ видѣ третьяго блюда. (Дядѣ Васѣ постоянно приносили обѣдъ въ возрастъ изъ дому, и это, между прочимъ, служило поводомъ нѣкотораго уваженія къ нему со стороны воспитанниковъ. Были и такіе воспитатели, какъ, напримѣръ, Утка, которые съѣдали казенный обѣдъ въ удвоенной порціи). И теперь за спиной дяди Васи Квадратуловъ поѣдалъ эти блинчики, то отправляя въ ротъ сразу по двѣ штуки и дѣлая видъ, что давится ими, то улыбаясь, какъ будто бы отъ большого удовольствія, до ушей и поглаживая себя по животу, то, при поворотахъ, изображая лицомъ и всей фигурой страшнѣйшій испугъ.

Дядя Вася, набросивъ съ живописными подробностями процедуру надуванія шара, перешелъ уже къ тѣмъ трогательнымъ словамъ прощанья, которыя онъ сказалъ отлетавшему Гамбеттѣ. Но какъ разъ на этомъ интересномъ мѣстѣ его прервалъ дежурный воспитанникъ, подбѣжавшій съ докладомъ, что директоръ осматриваетъ спальню младшаго возраста. Дядя Вася поспѣшно выбрался изъ облѣпившей его толпы, обѣщавъ досказать воздушное путешествіе Гамбетты какъ-нибудь въ другой разъ.

Буланинъ былъ въ это время здѣсь же и видѣлъ, какъ второклассники со смѣхомъ окружили Квадратулова, поспѣшно доѣдавшаго послѣдній блинъ, и вмѣстѣ съ нимъ шумной гурьбой вошли въ отдѣленіе. Но минуту или двѣ спустя этотъ смѣхъ какъ-то вдругъ оборвался, потомъ послышался сердитый голосъ Квадратулова, закричавшаго на весь возрастъ: «А тебѣ что за дѣло, свинья!?», затѣмъ, послѣ короткой паузы, раздался бѣшеный взрывъ общей руготни, и изъ дверей стремительно выбѣжалъ второклассникъ Сысоевъ.

Этотъ Сысоевъ, ненавидимый товарищами за неисправимое фискальство и постоянно ими избиваемый, всегда и какъ-то мучительно тревожилъ любопытство Буланина. Гимназическая шлифовка не положила своего казеннаго отпечатка на его красивое, породистое и не дѣтски серьезное лицо съ нездоровымъ румянцемъ, выступавшимъ неровными розовыми пятнами на щекахъ и подъ бровями. Для Буланина не была новостью открытая, непримиримая вражда, шедшая между этимъ худымъ, нѣжнымъ мальчикомъ и всѣмъ вторымъ классомъ. И въ этой-то самой припадочной, безумной дерзости, съ которой Сысоевъ возставалъ противъ «всѣхъ», и заключалось для Буланина то загадочное, страшное и притягивающее, что такъ часто привлекало его вниманіе.

Выбѣжавъ изъ класса, весь блѣдный, трясущійся, съ

разорваннымъ чьими-то руками воротникомъ пиджака, Сысоевъ остановился въ дверяхъ и выкрикнулъ, задыхаясь отъ злобы:

— А вотъ нарочно... и пойду, и пожалуюсь... Скажу, кто укралъ, скажу!.. Вотъ нарочно профискалю... На зло, на зло, на зло...

Изъ класса со свистомъ и гиканьемъ выскочило человѣкъ десять съ Квадратуловымъ во главѣ. Сысоевъ бросился отъ нихъ, точно заяцъ, преслѣдуемый собаками, весь скорчившись, неровными скачками, спрятавъ голову между плечъ и поминутно оглядываясь. За нимъ гнались черезъ обѣ залы, и только тогда, когда онъ съ разбѣгу влетѣлъ въ «дежурную», преслѣдователи такъ же быстро разсыпались въ разныя стороны.

Въ этотъ вечеръ среди второклассниковъ было замѣчено странное, необычное, но глухое оживленіе. Въ тѣ свободные полчаса, что давались до вечерняго чая, они ходили кучками, по-четверо и по-пятеро, обнявшись. Говорили о чемъ-то чрезвычайно горячо, но вполголоса, наклоняясь одинъ къ другому и боязливо озираясь по сторонамъ: при приближеніи новичка они замолкали съ враждебнымъ видомъ. Другіе въ одиночку шныряли между этими кучками, подходили къ нимъ поочередно, бросали на лету какія-то слова, производившія еще большее волненіе, и торопливо, съ таинственнымъ лицомъ, спѣшили къ слѣдующимъ кучкамъ. Новички съ боязливымъ любопытствомъ наблюдали за этой загадочной суетой. Чувствовалось, что приготовляется что-то большое, серьезное и нехорошее.

Буланинъ зазвалъ за классную доску Сельскаго, всегда благоволившаго къ нему, и сталъ просить умоляющимъ тономъ:

— Послушай, Сельскій, голубчикъ, что такое во второмъ классѣ дѣлается? Ну, миленькій, ну, разскажи, пожалуйста...

— Много будешь знать — скоро состаришься, — сухо отвѣтилъ Сельскій.

— Сельскій, душечка, ей-Богу, никому не скажу. Прошу тебя... пожалуйста...

Сельскій отрицательно покачалъ головой и хотѣлъ уйти изъ-за доски. Но Буланинъ ухватился за его рукавъ и еще настойчивѣе присталъ къ нему. Въ концѣ концовъ твердость Сельскаго не выдержала, тѣмъ болѣе, что у него самого, повидимому, чесался языкъ подѣлиться секретомъ.

— Ну, такъ и быть... ладно,—сказалъ онъ, сдавшись окончательно.—Только смотри, помнить уговоръ: чуръ, никому ни полсловечка.

И, обернувшись во всѣ стороны съ недовѣрчивымъ видомъ, Сельскій добавилъ, понижая голосъ:

— Сегодня ночью старички хотятъ «накрыть» Сысоева.

Буланинъ не понялъ всего смысла, заключавшагося въ словахъ Сельскаго, но тонъ, какимъ они были произнесены, и этотъ незнакомый терминъ — сразу произвели на него впечатлѣніе чего-то сверхъестественнаго и ужаснаго, подобно тѣмъ простымъ словамъ, которыя иногда въ лихорадочныхъ снахъ принимаютъ такое зловѣщее, потрясающее значеніе.

— Накрыть? Ты сказалъ — накрыть?—повторилъ Буланинъ, широко раскрывая глаза: — что это значитъ?

Доброе, миловидное лицо Сельскаго нахмурилось, и онъ отвѣчалъ съ напускной суровостью:

— А очень просто. Накроютъ голову одѣяломъ или подушкой, чтобъ не кричалъ, и отдуютъ по чемъ попало... И такъ и нужно, — добавилъ онъ, нарочно разогрѣвая въ себѣ злобное чувство. — Такъ и нужно. Въ другой разъ пусть не фискалитъ, каналья.

Буланинъ вдругъ почувствовалъ странный, раздражаю-

щій холодъ въ груди, и кисти его рукъ, мгновенно похолодѣвъ, сдѣлались влажными и слабыми. Ему представилось, что на его собственное лицо наложили мягкую подушку, и что онъ задыхается подъ ней.

— Про кого жъ онъ... профискалилъ? — спросилъ, справившись наконецъ со своимъ воображеніемъ, Буланинъ.

— Про Караулова. Карауловъ сперъ у дяди Васи какіе-то тамъ блинчики, что ли, а этотъ пошелъ и профискалилъ.

— Зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ? Ему-то что?

— Ну, вотъ, поди же!.. Одно слово — п с и х ъ! — рѣшилъ Сельскій, выговаривая это опредѣленіе съ невыразимымъ презрѣніемъ.—Еще куда бы ни шло, если бъ онъ самому дядѣ Васѣ сказалъ, — дядя Вася не обратилъ бы вниманія, — а то онъ въ дежурной прямо на директора наткнулся да и бухнулъ при немъ. А директоръ взялъ и оставилъ Караулова до Рождества безъ отпуска. Можетъ-быть, даже погоны снимутъ...

Сельскій повернулся, чтобы выйти изъ-за доски, но Буланинъ еще разъ остановилъ его:

— Сельскій, подожди... А очень больно ему будетъ, когда его... накроютъ? — спросилъ онъ съ выраженіемъ страданія въ глазахъ.

— Н-да-а... Ужъ въ другой разъ позабудетъ, какъ и фискалить... Навѣрно, въ лазаретъ завтра пойдетъ. А ты, Буланка, вотъ что: если будешь болтать, плохо тебѣ придется. Понимаешь?

За вечернимъ чаемъ всѣ отдѣленія возраста сидѣли обыкновенно на разныхъ столахъ. Буланинъ со своего мѣста видѣлъ лицо Сысоева и его длинные, тонкіе пальцы, крошившіе нервными движеніями булку. Пятна румянца выступили рѣзче на его щекахъ, глаза были опущены внизъ, правый уголъ рта по временамъ судорожно по-

дергивался. «Знаетъ ли онъ? Предчувствуетъ ли онъ что-нибудь?—думаетъ Буланинъ, не отводя испуганныхъ глазъ отъ этого лица. — Что онъ будетъ чувствовать всю эту ночь? Что онъ будетъ чувствовать завтра утромъ?» И нестерпимое, жадное любопытство овладѣло Булагинымъ. Ему вдругъ до мученія, до боли захотѣлось узнать в с е, рѣшительно все, что теперь дѣлается въ душѣ Сысоева, ставшаго въ его глазахъ какимъ-то необыкновеннымъ, удивительнымъ существомъ; захотѣлось отожествиться съ нимъ, проникнуть въ его сердце, слиться съ нимъ мыслями и ощущеніями.

Подъ вліяніемъ пристальнаго взгляда Сысоевъ медленно поднялъ рѣсницы и повернулъ голову. Глаза его въ упоръ встрѣтились съ глазами Буланина и остановились, и въ ту же секунду Буланинъ совершенно ясно понялъ, что Сысоевъ уже з н а е т ъ, что будетъ съ нимъ сегодня вечеромъ, знаетъ даже, что и Буланину это извѣстно, знаетъ даже и то, что теперь происходитъ въ душѣ самого Буланина. Какъ бы въ отвѣтъ на долгій взглядъ Буланина, какая-то чудная улыбка, слабая, грустная и ласковая, чуть-чуть тронула губы Сысоева, а рѣсницы его опять медленно опустились внизъ съ болѣзненнымъ и усталымъ выраженіемъ.

Послѣ молитвы въ спальнѣ младшаго возраста не было обычной возни, хохота и бѣготни. Къ одиннадцати часамъ все стихло. Дядя Вася въ послѣдній разъ обошелъ всѣ проходы спальни и ушелъ въ дежурную. Слѣдомъ за нимъ по коридору прокрался кто-то босой, въ одной рубашкѣ, съ головой, закутанной тужуркой. Буланинъ догадался, что это «сторожъ». Дѣйствительно, черезъ пять минутъ «сторожъ» вернулся и, не открывая головы, протяжно свистнулъ. Тотчасъ же въ томъ отдѣленіи, гдѣ спалъ второй классъ, послышался звукъ, въ значеніи котораго Буланинъ не могъ ошибиться: кто-то опустилъ

висячую лампу внизъ и затѣмъ быстро толкнулъ ее вверхъ, чтобы она потухла. Вслѣдъ за первой потушили и вторую лампу. Въ спальнѣ стало темнѣе.

Буланинъ лежалъ, чутко прислушиваясь, но ничего не могъ разобрать, кромѣ дыханія спящихъ сосѣдей и частыхъ, сильныхъ ударовъ своего сердца. Минутами ему казалось, что гдѣ-то недалеко слышатся медленные, крадущіеся шаги босыхъ ногъ. Тогда онъ задерживалъ дыханіе и напрягалъ слухъ. Отъ волненія ему начинало представляться, что на самомъ дѣлѣ и слѣва, и справа, и изъ-за стѣнъ — крадутся эти осторожныя босыя ноги, а сердце еще громче, еще тревожнѣе стучало въ груди.

И вдругъ среди этого жуткаго безмолвія раздался громкій, прерывающійся голосъ Сысоева, въ которомъ слились вмѣстѣ и страхъ, и тоска, и ненависть:

— Кто тамъ? Я вижу... Я вижу тебя! Зачѣмъ ты прячешься?..

Буланинъ приподнялся и сѣлъ на кровати, со страхомъ вглядываясь въ темноту. Нижняя челюсть его, противъ воли, часто и сильно стучала о верхнюю.

— Оставь!—закричалъ пронзительно Сысоевъ.—Оставь меня!.. Ос...

Крикъ внезапно оборвался, окончившись глухимъ стономъ. «Они подушкой его... подушкой», — мелькнуло въ головѣ Буланина, охваченнаго жалостью и ужасомъ. Потомъ послышался сдержанный шумъ молчаливой, ожесточенной возни, тяжелое дыханіе, шлепанье босыхъ ногъ и частые, какъ градъ, тупые удары.

Сколько времени это продолжалось, Буланинъ не могъ опредѣлить: можетъ-быть — минуту, можетъ-быть — полчаса. Вдругъ «сторожъ» опять свистнулъ. Десятки босыхъ ногъ безпорядочно, быстро и звонко зашлепали по паркету, гдѣ-то повалили табуретку, кто-то задѣлъ за кровать, и тотчасъ же все опять стихло.

До слуха Буланина долетѣли слабые протяжные стоны... Сысоевъ уже не могъ кричать.

Сельскій былъ правъ: на другой же день фискала отправили въ лазаретъ, а черезъ мѣсяцъ родные вовсе взяли его изъ гимназіи. Непонятнымъ, поразительнымъ казалось Буланину, почему, покидая навѣкъ гимназію, Сысоевъ не воспользовался послѣдней местью, остававшейся у него въ рукахъ, почему онъ ни слова никому не сказалъ о томъ, что съ нимъ дѣлали въ ту страшную ночь: безъ сомнѣнія, зачинщиковъ по меньшей мѣрѣ сильно высѣкли бы. И въ этомъ умолчаніи Буланину чудилось присутствіе того же загадочнаго, таинственнаго, что такъ тянуло его къ Сысоеву за вечернимъ чаемъ.

Довольно сильнымъ утѣсненіямъ съ разныхъ сторонъ подвергались и «зубрилы-мученики».

Въ то время, когда форсилы и отчаянные не безъ хвастливой гордости декламировали:

Единицы да нули —
Вотъ и всѣ мои баллы.
Двоекъ, троекъ очень мало,
А пятерокъ и „шеперокъ“
Совершенно не бывало,

для зубрилы единица казалась самымъ страшнымъ предметомъ въ мірѣ. Чтобы избѣжать «кола», зубрила каждый вечеръ такъ старался, что на него и жалко и забавно было смотрѣть. Заткнувъ оба уха большими пальцами, а остальными плотно придавивъ зажмуренные глаза, и качаясь взадъ и впередъ, зубрила иногда въ продолженіе цѣлаго часа повторялъ одну и ту же фразу: «Для того, чтобы найти общее наименьшее кратное двухъ или нѣсколькихъ чиселъ... для того, чтобъ найти... чтобъ найти... чтобъ найти...» Но смыслъ этихъ словъ оставался для него теменъ и далекъ, а если наконецъ и

запечатлѣвалась въ умѣ его цѣлая фраза, то стоило рѣзвому товарищу подбѣжать и вырвать книгу изъ-подъ носа зубрилы или стукнуть его мимоходомъ по затылку, какъ все, зазубренное съ такимъ великимъ трудомъ, мгновенно выскакивало изъ его слабой головы. Несмотря на всѣ старанія зубрилы избѣжать единицы, онъ все-таки на другой день получалъ ее и каждый разъ неизмѣнно, садясь на мѣсто, заливался горькими слезами, вызывавшими дружный хохотъ отдѣленія.

Изъ числа угнетаемыхъ больше всего могли бы вызывать сожалѣніе «рыбаки» или «мореплаватели». Такъ назывались несчастные мальчики, страдавшіе весьма нерѣдкимъ въ дѣтскомъ возрастѣ недостаткомъ, заключавшимся лишь въ неумѣніи во-время просыпаться ночью. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ этихъ робкихъ, запуганныхъ, нервныхъ дѣтей—будь поменьше за нимъ надзора и побольше снисхожденія къ нему—безъ труда выучился бы сдерживать свои невольныя отправленія. Но по отношенію къ нимъ—и начальство и товарищи дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы рыбаки ни на минуту не забывали о своемъ недостаткѣ...

Прежде всего начальство распорядилось отдѣлить рыбаковъ отъ товарищей и отвести имъ отдѣльное мѣсто, поближе къ умывалкѣ. Затѣмъ обыкновенные волосяные матрацы у рыбаковъ были замѣнены соломенными тюфяками, конечно, въ виду экономіи. Тюфяки эти не обновлялись въ теченіе цѣлаго года (и даже чуть ли не переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе), такъ что солома въ нихъ окончательно сгнивала, обращаясь въ зловонную густую массу. Проходя мимо «рыбацкой слободки», каждый воспитанникъ непремѣнно зажималъ крѣпко носъ и на нѣсколько секундъ затаивалъ дыханіе. Нервныхъ субъектовъ прямо-таки тошнило отъ этого ужаснаго запаха.

Нечего и говорить о томъ, какъ «травили» и «изводили» бѣдныхъ мореплавателей товарищи. Каждый, проходившій вечеромъ около ихъ кроватей, считалъ своимъ долгомъ бросить по адресу «рыбаковъ» нѣсколько обидныхъ словъ, а рыбаки только молчали, глубоко сознавая свою вину передъ обществомъ. Иногда кому-нибудь вдругъ приходила въ голову остроумная мысль — заняться лѣченіемъ рыбаковъ. Почему-то существовало убѣжденіе, что отъ этой болѣзни очень хорошо помогаетъ, если паціента высѣчь ночью на порогѣ дверей сапожнымъ голенищемъ. И вотъ часовъ въ двѣнадцать цѣлая орда хватала спящаго рыбака за руки и за ноги, влекла его къ дверямъ, распластывала поперекъ порога и начинала, подъ общій хохотъ, свистъ и гиканье, симпатическое лѣченіе.

Товарищи все-таки обращали на рыбаковъ больше вниманія, чѣмъ начальство. Они, хотя и въ дикой формѣ, но проявляли своеобразную заботливость объ ихъ здоровьѣ. Начальство же и медицинскій персоналъ глядѣли на этотъ вопросъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ.

«Тихони» и «слабенькіе» были въ гимназіи такими же, какъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. На «подлизъ» смотрѣли нѣсколько строже. Если замѣчали, что воспитанникъ черезчуръ часто суется къ преподавателямъ съ предложеніемъ ножичка и карандашика, или лѣзетъ къ нимъ съ просьбами объяснить непонятное мѣсто, или постоянно подымаетъ кверху руку, говоря: «Позвольте мнѣ, г. преподаватель, я знаю...», въ то время, когда спрошенный товарищъ только хлопаетъ въ недоумѣніи глазами, — когда замѣчали за кѣмъ-нибудь такое поведеніе, его считали подлизой...

Но «подлизываться» слишкомъ долго и слишкомъ откровенно — было и невыгодно и невозможно, потому что въ концѣ концовъ весь классъ ожесточался противъ под-

лизы. Тогда стоило ему только встать съ предложеніемъ услугъ или поднять кверху руку, какъ весь классъ начиналъ топать ногами и кричать: «Садись!.. На мѣсто, на мѣсто...» Въ то же время безцеремонныя руки хватались за фалды его пиджака и тянули его обратно на скамейку. Съ цѣлымъ классомъ шутить было опасно, и если преподаватель въ этихъ случаяхъ спрашивалъ подлизу, что онъ хотѣлъ сказать или сдѣлать, подлиза, поспѣшно садясь на мѣсто, бормоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, г. преподаватель. Я ошибся... я такъ...

Такъ сортировала эта безшабашная своеобразная мальчишеская республика своихъ членовъ, закаляя ихъ въ физическомъ отношеніи и калѣча въ нравственномъ. И много-много выпало на долю Буланина колотушекъ, голодныхъ дней, невыплаканныхъ слезъ и невысказанныхъ огорченій, пока онъ самъ не огрубѣлъ и не сдѣлался равноправнымъ человѣкомъ въ этомъ буйномъ мірѣ. Говорятъ, что въ теперешнихъ корпусахъ дѣло обстоитъ иначе. Говорятъ, что между кадетами и ихъ воспитателями создается мало-по-малу прочная, родственная связь. Такъ это или не такъ — это покажетъ будущее. Настоящее ничего не показало.

VII.

Военныя гимназіи. — Кадетскіе корпуса. — Финиковъ. — „Иванъ Иванычъ". — Трухановъ. — Рябковъ. — Дни рабства. — Катастрофа.

Какъ разъ въ этомъ же году военныя гимназіи превратились въ кадетскіе корпуса. Сдѣлалось это очень просто: воспитанникамъ прочитали Высочайшій указъ, а черезъ нѣсколько дней повели ихъ въ спальни и велѣли вмѣсто старыхъ кепи пригнать круглыя фуражки съ краснымъ околышемъ и съ козырькомъ. Потомъ появились цвѣтные пояса и буквы масляной краской на погонахъ.

Это было время перелома, время всевозможныхъ броженій, страшнаго недовѣрія между педагогами и учащимися, распущенности въ строю и въ дисциплинѣ, чрезмѣрной строгости и нелѣпыхъ послабленій, время столкновенія гуманнаго милютинскаго штатскаго начала съ суровымъ солдатскимъ режимомъ.

Большая неразбериха господствовала въ отношеніяхъ. Штатскіе преподаватели еще продолжали учить фронту, произнося командныя слова на дьяконскій распѣвъ. Между ними были большіе чудаки, которымъ оставалось годъ-два до полной пенсіи; на этихъ воспитанники чуть не ѣздили верхомъ. И составъ преподавателей все еще былъ какимъ-то допотопнымъ. Чего, напримѣръ, стоилъ одинъ Финиковъ, учитель ариѳметики въ младшихъ классахъ. Приходилъ онъ въ классъ оборванный, нечесаный, принося съ собою возмутительный запахъ грязнаго бѣлья и никогда не мытаго тѣла. Должно-быть, онъ былъ вѣчно голоденъ. Однажды кадеты положили ему въ выдвижной ящичекъ, около каѳедры, куда обыкновенно клали мѣлъ и губку, кусокъ крупяника, оставшагося отъ завтрака. Финиковъ, какъ будто по разсѣянности, съѣлъ его. Съ тѣхъ поръ его прозвали «крупяникомъ», но зато мальчишки никогда ужъ впослѣдствіи не забывали Финикова: если на завтракъ давали какое-нибудь нелюбимое блюдо, напримѣръ, кулебяки съ рисомъ или зразы, то изъ числа тѣхъ кусковъ, которые удѣлялись дядькамъ, одинъ или два шли непремѣнно въ пользу Финикова.

Ставя отмѣтки, онъ терпѣть не могъ середины — любимыми его баллами были двѣнадцать съ четырьмя плюсами или ноль съ нѣсколькими минусами. Иногда же, вписавъ въ журналъ круглый ноль, онъ окружалъ его со всѣхъ сторонъ минусами, какъ щетиной, — это у него называлось «ноль съ сіяніемъ». И при этомъ онъ ржалъ, раскрывая свою огромную грязную пасть съ черными зубами.

Про него между кадетами ходилъ слухъ, что онъ, производя какой-то физическій опытъ, посадилъ свою маленькую дочь въ спиртъ и уморилъ ее. Это, конечно, было мальчишескимъ враньемъ, но въ Финиковѣ и вправду чувствовалось что-то ненормальное; жизнь свою онъ кончилъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Многіе изъ учителей «зашибали». Этимъ порокомъ страдалъ добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ — «Иванъ Иванычъ», учитель исторіи. Но онъ никогда не терялъ внѣшняго приличнаго вида. Въ синемъ форменномъ фракѣ съ золотыми пуговицами, въ безукоризненномъ бѣльѣ, онъ, бывало, ходитъ-ходитъ по классу отъ оконъ къ дверямъ и вдругъ, точно мимоходомъ, юркнетъ за доску. Вынетъ изъ бокового кармана склянку, глотнетъ изъ нея нѣсколько разъ и опять выходитъ наружу, пожевывая какую-то лепешечку. По классу проносится струя спиртнаго запаха, кадеты гогочутъ, а «Иванъ Иванычъ» говоритъ жалобнымъ тоненькимъ голоскомъ, прижимая пальцы къ вискамъ:

— Не смѣйтесь, господа, нехорошо смѣяться. Я человѣкъ больной, у меня порокъ сердца. Если я не буду принимать лѣкарства, я могу каждую минуту умереть.

Ставилъ онъ исключительно высшіе баллы, а въ старшихъ классахъ передъ экзаменами предлагалъ кадетамъ написать ему на общей бумажкѣ, кто что хочетъ отвѣчать. На урокахъ его каждый дѣлалъ, что хотѣлъ: читали романы, играли въ пуговки, курили въ отдушникъ, ходили съ мѣста на мѣсто. Онъ только нервно потиралъ свои виски пальцами и упрашивалъ:

— Господа, господа, потише... Пожалуйста, потише... Инспекторъ услышитъ...

У него было два прозвища: «Фанъ-Фанычъ» и — почему-то — «Елена съ ушами». Онъ былъ маленькій, бѣлокурый, лысенькій, въ пенснэ, которое у него поминутно

спадало. Но у этого кроткаго, забитаго человѣка водилось одно рѣдкое и симпатичное пристрастіе — любовь къ исторіи Петра Великаго. На ея прохожденіе онъ тратилъ почти весь годъ въ седьмомъ классѣ и читалъ ее, конечно, не по Иловайскому, а по серьезнымъ научнымъ источникамъ. Когда кадетъ, отвѣчая урокъ о Полтавской битвѣ, приводилъ знаменитый Петровскій указъ, кончающійся словами: «а о Петрѣ вѣдайте, что Петру жизнь не дорога, жила бы только Россія, ея слава, честь и благоденствіе», «Иванъ Иванычъ» неизмѣнно останавливалъ его и, потирая виски, со слезами на глазахъ восклицалъ тоненькимъ восторженнымъ голосомъ:

— Ахъ, какія слова! Повторите, пожалуйста, еще разъ это прекрасное мѣсто. Господа, господа, прислушайтесь, прошу васъ.

И ужъ, конечно, ставилъ отвѣчавшему двѣнадцать балловъ.

Иногда, прерывая свою лекцію о Петрѣ, онъ вдругъ восклицалъ мечтательно:

— Ахъ, господа! Всегда самая моя завѣтная мысль была — это пріобрѣсти хорошую англійскую гравюру съ портрета Петра Великаго. Но я человѣкъ бѣдный. Я бѣдный человѣкъ, господа...

На почвѣ этой его необузданной любви къ памяти великаго царя произошелъ однажды смѣшной и трогательный эпизодъ. Кадетъ Трофимовъ — рыжій, длинный балбесъ со ртомъ до ушей и въ веснушкахъ—всталъ, наусканный кѣмъ-то, и спросилъ:

— Иванъ Иванычъ, а правда, что Петра назвали великимъ за то, что онъ былъ большого роста?

— Болванъ! — вдругъ завизжалъ «Иванъ Иванычъ» и побагровѣлъ и затопалъ ногами. — Негодяй! Шутъ! И, схвативши съ тумбочки губку, онъ запустилъ ею въ Трофимова. Но этого ему показалось мало. Онъ быстро

взбѣжалъ на каѳедру, развернулъ журналъ и однимъ движеніемъ пера влѣпилъ Трофимову такую единицу, — первую единицу за всю свою учительскую дѣятельность, — которая растянулась по крайней мѣрѣ на шесть чужихъ клѣтокъ вверхъ и внизъ.

Пилъ и другой учитель — русскаго языка — Михаилъ Ивановичъ Трухановъ, и пилъ, должно-быть, преимущественно пиво, потому что при небольшомъ ростѣ и узкомъ сложеніи отличался чрезмѣрнымъ животомъ. У него была рыжая борода, синія очки и сиплый голосъ. Однако съ этимъ сиплымъ голосомъ онъ замѣчательно художественно читалъ вслухъ Гоголя, Тургенева, Лермонтова и Пушкина. Самые отчаянные лѣнтяи, завѣдомые лоботрясы слушали его чтеніе, какъ зачарованные, боясь пошевельнуться, боясь пропустить хоть одно слово. Какой удивительной красоты, какой глубины чувства достигалъ онъ своимъ простуженнымъ, пропитымъ голосомъ. Ему одному обязанъ былъ впослѣдствіи Буланинъ любовью къ русской литературѣ.

Учителя нѣмецкаго языка всѣ, какъ на подборъ, были педантичны, строги и до смѣшного скупы на хорошія отмѣтки. Ихъ ненавидѣли и травили. Зато съ живыми, веселыми французами жили по-дружески, смѣялись, острили на ихъ урокахъ, хлопали ихъ по плечу. Если французскій языкъ былъ въ началѣ и въ концѣ классныхъ занятій, то особеннымъ шикомъ считалось вмѣсто молитвы до и послѣ ученья прочитать, напримѣръ, «Чижика» или «Эндеръ бэндеръ козу далъ».

Однако были и свирѣпые преподаватели, напримѣръ, учитель географіи подполковникъ Левъ Васильевичъ Рябковъ. Сухой, желчный, вспыльчивый человѣкъ. Онъ рѣшительно всѣмъ воспитанникамъ, даже въ старшихъ классахъ, говорилъ «ты», младшихъ дергалъ за уши и вытягивалъ линейкой между плечъ, а иногда даже ля-

гался шпорой. Но любимымъ для него развлеченіемъ было вытащить къ картѣ кадета съ польской фамиліей и непремѣнно католика. Въ теченіе цѣлаго часа изощрялся надъ нимъ Рябковъ, зло и грубо карикатуря его языкъ, національность и религію. Тутъ бывало и «жѣчь посполита», и «отъ можа и до можа», и «крулевство польске», и «Матка Боска Ченстоховска, змилуйся надъ вами, надъ поляками, а надъ москалями, якъ собѣ хцешь».

Этотъ Рябковъ удивительно красиво и точно чертилъ на доскѣ мѣломъ географическія карты — прямо точно печаталъ.

Но бѣдному Буланину было въ этотъ годъ не до науки. Чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ менѣе находилъ онъ въ себѣ рѣшимости признаться матери въ своемъ долгѣ Грузову за волшебный фонарь. Онъ смутно понималъ, что Аглая Ѳедоровна, по своему властному, придирчивому и чувствительному характеру, во что бы то ни стало выпытаетъ у Миши всѣ подробности и тогда ужъ непремѣнно полетитъ жаловаться самому директору корпуса. Что ей за дѣло до того, что она навѣки погубитъ товарищескую репутацію Буланина въ его тѣсномъ, замкнутомъ кадетскомъ міркѣ. Конечно, она считаетъ всѣ эти желѣзные внутренніе законы просто мальчишескими выдумками, которыя разлетятся прахомъ, стоитъ только открыть глаза начальству. Такъ думалъ за нее Буланинъ, и не ошибался, и былъ въ данномъ случаѣ мудрѣе и проницательнѣе своей матери.

И онъ не открывался ей. Онъ предпочиталъ приходить въ корпусъ съ пустыми руками и получать жестокіе побои отъ Грузова. Иногда ему удавалось внести въ счетъ долга гривенникъ, или пару яблоковъ, или пятокъ украденныхъ у матери папиросъ. Но долгъ отъ этого уменьшался едва замѣтно, потому что Грузовъ запуталъ своего должника сложной системой ростовщичьихъ процентовъ.

Надъ нимъ стряслась жестокая и позорная катастрофа.

Наконецъ, однажды, зимнимъ утромъ, въ понедѣльникъ, послѣ чаю, когда во всѣхъ классахъ и залахъ горѣли лампы, а кадеты уныло дрожали отъ холода, Грузовъ ткнулъ Буланина кулакомъ въ зубы и сказалъ:

— Слушай меня, ты, жулябія! Вижу, что деньги мои ты зажилилъ. Начнемъ счетъ снова. Ну, вотъ я тебѣ говорю: утренняя булка двѣ копейки, вечерняя — копейка, завтракъ — три копейки, второе блюдо за обѣдомъ — двѣ, третье — три. Когда хочу — тогда спрашиваю. Согласенъ? И это пусть будетъ за проценты. А два рубля отдашь потомъ.

— Хорошо, — сказалъ Буланинъ, не поднимая глазъ.

— Кромѣ того будешь мнѣ каждый день чистить сапоги. Это тоже за проценты... Да?

— Хорошо.

Наступило для Буланина жуткое, тяжелое время. Грузовъ отбиралъ у него всѣ утреннія булки, всѣ вкусные завтраки и непремѣнно третье блюдо за обѣдомъ, а иногда и третье и второе. Сапоги онъ долженъ былъ чистить Грузову до совершеннѣйшаго глянца, иначе тотъ билъ его и прогонялъ чистить вторично. Все это, вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ матери, съ невозможностью объясниться съ нею и попросить помощи, сильно угнетало мальчика. Онъ опустился, сталъ разсѣянъ, сдѣлался неряхой, пересталъ учиться. Его постоянно наказывали, то ставя подъ лампу, то лишая пищи. И случалось нерѣдко, что за цѣлый день онъ питался только тарелкой супа и двумя кусками чернаго хлѣба — остальное шло Грузову и школьному правосудію.

Онъ поблѣднѣлъ, погрубѣлъ, обозлился и, самъ не желая этого, очутился на счету «отчаяннаго». Его все чаще и чаще лишали отпуска. Нельзя сказать, чтобы

эта воспитательная мѣра помогала его разстроенной душѣ. Когда же онъ изрѣдка приходилъ въ отпускъ, то Аглая Ѳедоровна съ вечера субботы до вечера воскресенья выговаривала ему о томъ, каковы бываютъ дурные мальчики и какими должны быть хорошіе мальчики, о пользѣ труда и науки, о мудрости опыта, въ которую надо слѣпо вѣрить, а впослѣдствіи благодарить за преподанные уроки, и о прочемъ. Все это были золотыя, но ужасно скучныя и неубѣдительныя истины.

Буланинъ и самъ ужъ не такъ охотно ходилъ въ отпускъ въ тѣ рѣдкія недѣли, когда это ему разрѣшалось. Онъ изнервничался, сталъ шутовать передъ товарищами, терялъ мало-по-малу вкусъ къ жизни и дѣтское самоуваженіе. Тутъ-то надъ нимъ и разразилась катастрофа.

Въ воскресенье онъ былъ безъ отпуска. Послѣ обѣдни устраивали «слона», играли «въ горки», переодѣвались въ вывернутые наизнанку мундиры, мазали себѣ лица сажей изъ печки. Буланинымъ овладѣла какая-то пьяная, истерическая скука. Стали ѣздить верхомъ другъ на другѣ. Буланинъ сѣлъ на плечи рослому Конисскому и долго носился на немъ по заламъ, пуская бумажныя стрѣлы.

Въ аркѣ, между залами, стоялъ штатскій воспитатель Кикинъ, — такъ, безличное существо, одинаково робѣвшее и заискивавшее какъ передъ мальчишками, такъ и передъ начальствомъ. Буланину бросились въ глаза пряди его маслянистыхъ, бурыхъ, разноцвѣтныхъ волосъ, спускавшихся съ затылка на воротникъ. Онъ велѣлъ своей «лошади» остановиться и взялъ осторожно двумя пальцами одну косичку. Для чего онъ это сдѣлалъ, онъ и самъ не зналъ. Противъ Кикина онъ не имѣлъ злобы. Молодечествовать тоже было не передъ кѣмъ, потому что кругомъ не было зрителей. Просто онъ это сдѣлалъ отъ темной, острой тоски, которая переполняла его душу.

Но Кикинъ вдругъ обернулся, поблѣднѣлъ, крикнулъ: «Что вы дѣлаете!»—и поспѣшно побѣжалъ въ дежурную. Черезъ полчаса Буланина отвели въ карцеръ, гдѣ продержали сутки.

А въ четвергъ, послѣ утренняго чая, всѣхъ кадетъ младшей роты, вмѣсто того, чтобы распустить по классамъ, построили въ рекреаціонной залѣ. Собрались воспитатели всѣхъ четырехъ отдѣленій, перваго и второго класса, и наконецъ — и это было ужъ совсѣмъ необыкновеннымъ явленіемъ — пришелъ директоръ. Было еще не свѣтло, и въ классахъ горѣли лампы.

Директоръ вынулъ изъ-за обшлага какую-то бумагу, и Буланинъ вдругъ задрожалъ мелкой, противной, безнадежной дрожью.

— По постановленію педагогическаго комитета, кадетъ Буланинъ, позволившій себѣ такого-то числа возмутительно грубый поступокъ по отношенію къ дежурному воспитателю, приговаривается къ тѣлесному наказанію въ размѣрѣ десяти ударовъ розгами.

Случилось вдругъ отвратительное чудо. Прежде было сто мальчиковъ, ничѣмъ другъ отъ друга не отличавшихся, и между ними равный всѣмъ Буланинъ — и вотъ онъ выдѣлился, далеко отошелъ ото всѣхъ, заклейменный исключительнымъ позоромъ. Тяжесть навалилась на него, пригнула его къ землѣ, приплюснула.

— Кадетъ Буланинъ, выйдите впередъ! — приказалъ директоръ.

Онъ вышелъ. Онъ въ маленькомъ масштабѣ испыталъ все, что чувствуетъ преступникъ, приговоренный къ смертной казни. Такъ же его вели, и онъ даже не помышлялъ о бѣгствѣ или о сопротивленіи, такъ же онъ разсчитывалъ на чудо, на ангела Божія съ неба, такъ же онъ на своемъ длинномъ пути въ спальню цѣплялся душой за каждую уходящую минуту, за каждый сдѣланный шагъ,

и такъ же онъ думалъ о томъ, что вотъ, сто человѣкъ остались счастливыми, радостными, прежними мальчиками, а я одинъ, одинъ буду казненъ.

Въ спальнѣ, въ чистилкѣ, стояла скамейка, покрытая простыней. Войдя, онъ видѣлъ и не видѣлъ дядьку Балдѣя, державшаго руки за спиной. Двое другихъ дядекъ — Четуха и Куняевъ — спустили съ него панталоны, сѣли Буланину на ноги и на голову. Онъ услышалъ затхлый запахъ солдатскихъ штановъ. Было ужасное чувство, самое ужасное въ этомъ истязаніи ребенка — это сознаніе неотвратимости, непреклонности чужой воли. Оно было въ тысячу разъ страшнѣе, чѣмъ физическая боль...

Прошло очень много лѣтъ, пока въ душѣ Буланина не зажила эта кровавая, долго сочившаяся рана. Да, полно, зажила ли?

ПРАПОРЩИКЪ АРМЕЙСКІЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одинъ изъ моихъ близкихъ пріятелей получилъ прошлымъ лѣтомъ въ наслѣдство, послѣ умершей тетки, небольшой хуторъ въ Z — скомъ уѣздѣ, Подольской губерніи. Разбираясь въ доставшемся ему имуществѣ, онъ нашелъ на чердакѣ огромный, окованный жестью сундукъ, биткомъ-набитый книгами старинной печати, въ которыхъ всѣ «т» похожи на «ш», и отъ пожелтѣвшихъ листовъ которыхъ пахнетъ плѣсенью, засохшими цвѣтами, мышами и камфарой. Здѣсь были: и Эминъ, и Трехлистникъ, и Оракулъ Соломона, и письмовникъ Курганова, и Иванъ Выжигинъ, и разрозненные томы Марлинскаго. Между книгами попадались письма и бумаги, большею частью дѣлового характера и совершенно неинтересныя. Только одна, довольно толстая пачка, обернутая въ сѣрую лавочную бумагу и тщательно обвязанная шнуркомъ, возбудила нѣкоторое любопытство моего пріятеля. Въ ней заключался дневникъ какого-то пѣхотнаго офицера Лапшина и нѣсколько листковъ прекрасной, шершавой бристольской бумаги, украшенной цвѣтами ириса и исписанной мелкимъ женскимъ почеркомъ. Внизу листковъ стояла подпись: «Кэтъ», а на нѣкоторыхъ — просто одна буква «К». Не было никакого сомнѣ-

нія, что дневникъ Лапшина и письма Кэтъ писаны приблизительно въ одно и то же время и относятся къ однимъ и тѣмъ же событіямъ, происходившимъ лѣтъ за двадцать пять до нашихъ дней. Не зная, что сдѣлать со своей находкой, пріятель переслалъ мнѣ ее по почтѣ. Предлагая ее теперь вниманію читателей, я долженъ оговориться, что мое перо лишь слегка коснулось чужихъ строчекъ, исправивъ немного ихъ грамматику и уничтоживъ множество манерныхъ знаковъ въ родѣ кавычекъ, скобокъ.

I.

5 сентября. Скука, скука и еще разъ скука!.. Неужели вся моя жизнь пройдетъ такъ сѣро, одноцвѣтно, лѣниво, какъ она тянется до сихъ поръ? Утромъ занятія въ ротѣ:

— Ефименко, что̀ такое часовой?

— Часовой — есть лицо неприкосновенное, ваше благородіе.

— Почему же онъ лицо неприкосновенное?

— Потому, что до его нихто не сміе доторкнуться, ваше благородіе.

— Садись. Ткачукъ, что̀ такое часовой?

— Часовой — есть лицо неприкосновенное, ваше благородіе.

И такъ безъ конца...

Потомъ обѣдъ въ собраніи. Водка, старые анекдоты, скучные разговоры о томъ, какъ трудно стало нынче попадать изъ капитановъ въ подполковники по линіи, длинные споры о второмъ пріемѣ на изготовку и опять водка. Кому-нибудь попадается въ супѣ мозговая кость — это называется «оказіей», и подъ оказію пьютъ вдвое... Потомъ два часа свинцоваго сна и вечеромъ опять то же

неприкосновенное лицо и та же вѣчная «па-а-льба шеренгою».

Сколько разъ начиналъ я этотъ самый дневникъ... Мнѣ почему-то всегда казалось, что должна же наконецъ судьба и въ мою будничную жизнь вплести какое-нибудь крупное, необычайное событіе, которое навѣки оставитъ въ моей душѣ неизгладимые слѣды. Можетъ-быть, это будетъ любовь? Я часто мечтаю о незнакомой мнѣ, таинственной и прекрасной женщинѣ, съ которой я долженъ встрѣтиться когда-нибудь и которая теперь такъ же, какъ и я, томится отъ тоски.

Развѣ я не имѣю права на счастье? Я не глупъ, умѣю держать себя въ обществѣ, даже, пожалуй, остроуменъ, если только не стѣсняюсь и не чувствую рядомъ съ собой соперника на томъ же поприщѣ. О наружности самому судить, конечно, трудно, но мнѣ кажется, что и собою я не совсѣмъ дуренъ, хотя, сознаюсь, бываютъ ненастныя осеннія утра, когда мое собственное лицо кажется мнѣ въ зеркалѣ отвратительнымъ. Полковыя дамы находятъ во мнѣ что-то печоринское. Впрочемъ, послѣднее больше свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о скудости полковыхъ библіотекъ и, во-вторыхъ, о томъ, что печоринскій типъ безсмертенъ въ армейской пѣхотѣ.

Въ смутномъ предчувствіи именно этой-то полосы жизни, я и начиналъ много разъ свой дневникъ, съ цѣлью заносить въ него каждую мелочь, чтобъ потомъ ее пережить, хотя и въ воспоминаніи, но возможно ярче и полнѣе... Однако дни проходили за днями, попрежнему тягучіе и однообразные... Необыкновенное не наступало, и я, потерявъ всякую охоту къ ежедневной сухой лѣтописи полковыхъ событій, надолго забрасывалъ дневникъ за этажерку, а потомъ сжигалъ его вмѣстѣ съ другимъ бумажнымъ соромъ при переѣздѣ на новую квартиру

7 сентября. Вотъ уже цѣлая недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ полкъ возвратился съ маневровъ. Наступилъ сезонъ вольныхъ работъ, и роты, одна за другой, уходятъ копать бураки у окрестныхъ помѣщиковъ; остались только наша да 11-я. Городъ точно вымеръ. Эта пыльная и душная жара, это дневное безмолвіе провинціальнаго городка, нарушаемое только неистовымъ ораньемъ пѣтуховъ, — раздражаютъ и угнетаютъ меня...

Право, мнѣ жаль теперь кочевой жизни послѣднихъ маневровъ, которые подчасъ казались мнѣ такими невыносимо-тяжелыми! Какъ живо встаютъ въ моей головѣ незатѣйливыя картины походныхъ движеній, и какую скромную прелесть онѣ пріобрѣтаютъ въ воспоминаніи! Вотъ и въ настоящую минуту я представляю себѣ: раннее утро... солнце еще не взошло. На холодномъ небѣ, глядящемъ сквозь дырявое полотнище старой двухскатной палатки, утреннія звѣзды едва мерцаютъ своимъ серебристымъ блескомъ... Бивуакъ ожилъ и закопошился... Слышится бѣготня, сдержанные сердитые голоса, лязгъ ружей, ржанье обозныхъ лошадей. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, выползаешь изъ-подъ мохнатаго одѣяла, шерсть котораго сдѣлалась сверху совсѣмъ мокрой отъ ночной росы, выползаешь прямо на воздухъ, потому что въ низкой палаткѣ стоять нельзя, а можно только лежать или сидѣть. Денщикъ, только-что усердно раздувавшій своимъ сапогомъ жестяной самоваръ-паучокъ (что ему, конечно, строжайше запрещено), кидается за водой и приноситъ ее прямо изъ ключевого ручья въ мѣдномъ походномъ котелкѣ. Раздѣвшись до пояса, умываешься на чистомъ воздухѣ и видишь, какъ отъ рукъ, отъ лица и отъ тѣла вьется тонкій розоватый паръ... Кое-гдѣ, между палатками, офицеры устроили импровизированные костры изъ той самой соломы, на которой провели ночь, и разсѣлись вокругъ, ежась отъ холода и торопливо глотая

горячій чай. Еще нѣсколько минутъ — и палатки сняты: на томъ мѣстѣ, гдѣ только-что раскидывался «бѣлъ городъ полотняный», валяются лишь въ безпорядкѣ пучки соломы и куски бумаги... Гамъ встревоженнаго бивуака растетъ. Все поле кишитъ солдатскими фигурами въ бѣлыхъ рубахахъ, съ сѣрыми скатанными шинелями черезъ плечо. Сначала кажется, что въ этой сѣрой муравьиной суетѣ нѣтъ никакого порядка, но опытный взглядъ замѣтитъ, какъ изъ нея образуются мало-по-малу густыя кучки, и какъ постепенно каждая кучка развертывается въ длинный, правильный строй. Послѣдніе запоздавшіе люди торопливо бѣгутъ къ своимъ ротамъ, дожевывая на ходу кусокъ хлѣба и застегивая ремень съ патронными сумками. Еще минута — и роты, бряцнувъ одна за другой ружьями, сходятся на средину поля въ правильный огромный четырехугольникъ.

А потомъ утомительный тридцати-сорокаверстный переходъ. Солнце подымается все выше и выше. Къ восьми часамъ утра жара уже даетъ себя замѣтно чувствовать, солдаты начинаютъ скучать и поютъ неохотно, стройные ряды разрозниваются. Пыль съ каждой минутой становится гуще, она окутываетъ длиннымъ, желтымъ облакомъ всю колонну, медленно, на протяженіи цѣлой версты, извивающуюся вдоль дороги; она садится коричневымъ налетомъ на солдатскія рубахи и на солдатскія лица, на темномъ фонѣ которыхъ особенно ярко, точно у негровъ, блестятъ бѣлки и зубы. Въ густой запыленной колоннѣ трудно отличить солдата отъ офицера. Также на время какъ будто ослабѣваетъ между ними іерархическая разница, и тутъ-то поневолѣ знакомишься съ русскимъ солдатомъ, съ его мѣткимъ взглядомъ на всевозможныя явленія, — даже на такія сложныя, какъ корпусный маневръ—съ его практичностью, съ его умѣньемъ всюду и ко всему приспособляться, съ его хлесткимъ

образнымъ словомъ, приправленнымъ крупной солью, которую пропускаешь между ушей. Что бы и кто бы ни встрѣтился по дорогѣ: хохолъ въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ, лѣниво идущій рядомъ съ парой сивыхъ круторогихъ воловъ, придорожная корчма, еврейская «балагула», бархатное поле, распаханное подъ озими, — все вызываетъ его пытливые вопросы и замѣчанія, дышащіе то глубокимъ, почти философскимъ пониманіемъ простой обыденной жизни, то рѣзкимъ сарказмомъ, то неудержимымъ потокомъ веселья...

Начинаетъ темнѣть, когда полкъ подходитъ къ мѣсту ночлега. Видны уже кашевары около большихъ дымящихся ротныхъ котловъ, разставленныхъ въ полѣ, въ сторонѣ отъ дороги... Стой!.. Ружья въ козлы!.. Въ одинъ мигъ поле покрывается стройными рядами бѣлыхъ шалашиковъ... И вотъ, черезъ часъ или два, опять лежишь подъ дырявымъ полотномъ, сквозь которое видны яркія мерцающія звѣзды на темномъ небѣ, и прислушиваешься, какъ угомоняется постепенно сонный лагерь. И еще долго-долго слышатся откуда-то издали отдѣльные звуки, смягчаемые грустной тишиной вечера: то коснется до слуха однообразное пиликанье гармоники, то сердитый, безъ сомнѣнія, фельдфебельскій голосъ, то внезапно вырвавшееся звонкое ржаніе жеребенка... А сѣно, лежащее подъ головой, примѣшиваетъ въ это время свой тонкій ароматъ къ рѣзкому, горьковатому запаху росистой травы.

8 сентября. Сегодня мой «ротный», Василій Акиндіевичъ спросилъ меня, не хочу ли я ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на осеннія работы. Онъ заключилъ для роты очень выгодное условіе — чуть не по $2^1/_2$ копейки за пудъ—съ управляющимъ господина Обольянинова. Работа будетъ заключаться въ копаніи бураковъ для мѣстнаго свекло-сахарнаго завода. Она неутомительна для солдатъ, и исполняютъ они ее очень охотно. Всѣ эти обстоятельства,

должно-быть, и привели ротнаго въ такое радужное настроеніе духа, что онъ не только предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ на работы, но даже, буде я соглашусь ѣхать, уступаетъ въ мою пользу полтора рубля изъ выговоренныхъ имъ для себя суточныхъ денегъ. Другіе командиры ротъ никогда еще не проявляли по отношенію къ субалтернъ-офицерамъ такого великодушія.

Странное, вѣрнѣе сказать, смѣшанное у меня чувство къ Василію Акинѳіевичу. На службѣ я его не терплю. Тутъ онъ проявляетъ злобную грубость и неумолимую мелочность. Во время ротнаго ученія онъ, не стѣсняясь солдатами, кричитъ на младшаго офицера: «Поручикъ, извольте держать равненіе! Идете, точно отецъ дьяконъ въ похоронной процессіи!» Если это и остроумно, то зато безжалостно и нетактично.

Съ солдатами Василій Акинѳіевичъ изволитъ иногда расправляться собственной ручкой, но зато у него господа взводные даже и подумать не смѣютъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ исправленія. Солдаты его любятъ и, что всего важнѣе, вѣрятъ каждому его слову. Они всѣ хорошо знаютъ, что Василій Акинѳіевичъ не только изъ ротнаго приварка копейки не тронетъ, но даже и собственныхъ рублей двадцать пять въ мѣсяцъ прибавитъ, что Василій Акинѳіевичъ своего въ обиду не дастъ, а, наоборотъ, за него хоть съ самимъ полковымъ погрызется. Знаютъ все это, и я увѣренъ, что, въ случаѣ войны, всѣ до единаго пойдутъ за Василіемъ Акинѳіевичемъ, не колеблясь, хоть на самую очевидную смерть.

Очень мнѣ не нравится въ моемъ ротномъ его преувеличенная ненависть ко всему «благородному». Въ его умѣ со словомъ «благородство» связано понятіе о нелѣпомъ франтовствѣ, манерничаньи, полной неспособности къ службѣ, трусости, танцахъ и гвардіи. Даже самое слово «благородный» онъ произноситъ не иначе, какъ съ

оттѣнкомъ ядовитѣйшей насмѣшки и при томъ отчаянно-фатовскимъ тономъ, такъ что у него выходитъ нѣчто въ родѣ «бэгэрэдный». Впрочемъ, надо оговориться, что Василій Акинѳіевичъ тянулъ служебную лямку съ солдатскихъ чиновъ. А въ ту эпоху, когда онъ только-что получилъ первый офицерскій чинъ, плохо приходилось бѣднымъ армейскимъ бурбонамъ отъ завитыхъ и напомаженныхъ армейскихъ моншеровъ.

Съ людьми онъ сходится туго, какъ и всякій закоренѣлый холостякъ, но, полюбивъ кого-нибудь, открываетъ ему, вмѣстѣ съ карманомъ, свою наивную, добрую и чистую душу. Но, даже и открывая душу, Василій Акинѳіевичъ не перестаетъ ни на минуту сквернословить, — это тоже его дурная черта.

Меня онъ, кажется, по-своему, любитъ — я все-таки недурной фронтовикъ. Въ минуты денежнаго кризиса я свободно черпаю изъ его кошелька, и онъ никогда не торопитъ отдачей долга. Въ свободное отъ службы время онъ называетъ меня прапорщикомъ и прапоромъ. Этотъ развеселый армейскій чинъ давно уже отошелъ въ вѣчность, но старые служаки любятъ его употреблять въ ласкательно-игривомъ смыслѣ, въ память дней своей юности.

Мнѣ иногда бываетъ его жаль. Жаль хорошаго человѣка, у котораго вся жизнь ушла на изученіе тоненькой книжки устава и на мелочныя заботы объ антабкахъ и трынчикахъ. Жаль мнѣ бѣдности его мысли, никогда даже не интересовавшейся тѣмъ, что дѣлается за этимъ узенькимъ кругозоромъ. Жаль мнѣ его, однимъ словомъ, той жалостью, что невольно охватываетъ душу, если долго и пристально глядишь въ глаза очень умной собаки...

Я ловлю себя... А развѣ я-то самъ стремлюсь куда-нибудь? Развѣ такъ уже нетерпѣливо бьется моя плѣнная мысль?.. Нѣтъ, Василій Акинѳіевичъ хоть что-ни-

будь да сдѣлалъ въ своей жизни, вонъ и два Георгія у него на груди, и на лбу шрамъ отъ черкесской шашки, и у солдатъ его такія толстыя и красныя морды, что смотрѣть весело... А я?..

Я сказалъ, что на работы поѣду съ удовольствіемъ. Можетъ-быть, это развлечетъ меня? Управляющій... у него жена, двѣ дочки, два-три сосѣднихъ помѣщика, можетъ-быть, маленькій романчикъ?..

Завтра выступаемъ.

11 сентября. Сегодня утромъ мы прибыли по желѣзной дорогѣ на станцію «Конскій Бродъ». Оказалось, что управляющій имѣнія, предупрежденный о нашемъ пріѣздѣ телеграммой, выслалъ за Василіемъ Акинѳіевичемъ и за мной коляску. Чортъ возьми, я еще никогда не ѣздилъ съ такимъ шикомъ! Четверня цугомъ породистыхъ, прекрасныхъ лошадей, резиновыя шины, коляска, серебряныя бляшки на сбруѣ, а на козлахъ здоровенный дѣтина, одѣтый не то казачкомъ, не то грумомъ: въ клеенчатомъ картузѣ и въ красномъ шарфѣ вмѣсто пояса. До Ольховатки верстъ восемь. Дорога чудная; съ обѣихъ сторонъ густые пирамидальные тополя. Навстрѣчу намъ то и дѣло попадались длинныя вереницы возовъ, нагруженныхъ до верху холщевыми мѣшками съ сахаромъ. По этому поводу Василій Акинѳіевичъ сообщилъ мнѣ, что съ Ольховатскаго завода вывозится ежегодно около 100.000 пудовъ сахара. Цифра почтенная, въ особенности, если принять во вниманіе, что Обольяниновъ — единственный хозяинъ предпріятія.

Въ усадьбѣ насъ встрѣтилъ управляющій. Фамилія у него нѣмецкая — Бергеръ, но нѣмецкаго у него ничего нѣтъ ни въ акцентѣ ни въ наружности. Скорѣе всего, по-моему, онъ похожъ на того Фальстафа, котораго я видѣлъ гдѣ-то на выставкѣ, кажется, въ Петербургѣ, когда пріѣзжалъ туда держать мой несчастный экзаменъ

въ академію генеральнаго штаба. Толстъ онъ необычайно, жиръ такъ и сквозитъ, такъ и лоснится у него на отвислыхъ щекахъ, покрытыхъ сѣтью мелкихъ красныхъ жилокъ; волосы на головѣ — короткіе, прямые, съ просѣдью, усы торчатъ воинственными щетками, коротка эспаньолка подъ нижней губой; глаза подъ густыми взъерошенными бровями, быстрые, лукавые и до смѣшного суженные опухлостью щекъ и скулъ; губы и, въ особенности, улыбка обличаютъ въ немъ сладострастнаго, веселаго, беззастѣнчиваго и очень наблюдательнаго человѣка. При этомъ онъ, должно-быть, глухъ, потому что въ разговорѣ отчаянно кричитъ.

Я думаю, Бергеръ намъ искренно обрадовался. Такимъ людямъ, какъ онъ, собесѣдникъ и собутыльникъ нужнѣе воздуха. Онъ ежеминутно подбѣгалъ то ко мнѣ, то къ капитану, обнималъ насъ за талію и все приговаривалъ: «Милости просимъ, господа, милости просимъ». Василію Акинѳіевичу онъ, къ моему немалому удивленію, понравился. Мнѣ — тоже.

Бергеръ проводилъ насъ во флигель, гдѣ намъ приготовлены четыре комнаты, снабженныя всѣмъ нужнымъ и ненужнымъ съ такой щедрой заботливостью, какъ будто бы мы пріѣхали сюда не на мѣсяцъ, а, по крайней мѣрѣ, года на три. Капитанъ, повидимому, остался доволенъ этой внимательностью къ намъ со стороны хозяевъ. Только одинъ разъ, именно, когда Бергеръ, выдвинувъ ящикъ письменнаго стола, показалъ поставленную для насъ цѣлую коробку длинныхъ ароматныхъ сигаръ, Василій Акинѳіевичъ пробурчалъ вполголоса:

— Ну, ужъ это лишнее... это ужъ бэгэрэдство и всякая такая вещь. (Я и забылъ упомянуть объ его привычкѣ прибавлять чуть ли не къ каждому слову: «и всякая такая вещь». Вообще онъ не изъ краснорѣчивыхъ капитановъ).

Вводя насъ, такъ сказать, во владѣніе, Бергеръ очень много суетился и кричалъ. Мы его усиленно благодарили. Наконецъ, онъ, повидимому, усталъ и, обтирая лицо огромнымъ краснымъ платкомъ, спросилъ: не нужно ли намъ еще чего-нибудь? Мы, конечно, поспѣшили его увѣрить, что намъ и такъ всего болѣе чѣмъ достаточно. Уходя, Бергеръ сказалъ:

— Сейчасъ я вамъ пришлю казачка для услугъ. Чай, завтракъ, обѣдъ и ужинъ вы соблаговолите заказывать для себя сами, по своему желанію. Каждый вечеръ къ вамъ будетъ для этой цѣли приходить буфетчикъ. Нашъ погребъ тоже къ вашимъ услугамъ.

Цѣлый день мы провели въ томъ, что размѣщали въ пустыхъ сараяхъ солдатъ съ ихъ ружьями и амуниціей. Вечеромъ казачокъ принесъ намъ холодной телятины, жареныхъ дупелей, какой-то фисташковый тортъ и нѣсколько бутылокъ краснаго вина. Едва мы сѣли за столъ, какъ явился Бергеръ.

— Кушаете? Ну и прекрасно, — сказалъ онъ. — А я вотъ притащилъ бутылочку стараго венгерскаго. Еще мой покойный фатеръ воспитывалъ его лѣтъ двадцать въ своемъ собственномъ имѣніи... У насъ подъ Гайсиномъ собственное имѣніе было... Вы не думайте, пожалуйста: мы, Бергеры, прямые потомки тевтонскихъ рыцарей. Собственно у меня есть даже права на баронскій титулъ, но... къ чему?.. Дворянскіе гербы любятъ позолоту, а на нашемъ она давно стерлась. Милости прошу, господа защитники престола и отечества!

Однако, судя по тому, съ какими мѣрами боязливой предосторожности онъ извлекалъ заплѣсневѣлую бутылку изъ бокового кармана каламянковаго пиджака, я скорѣе склоненъ думать, что старое венгерское воспитывалось въ хозяйскихъ погребахъ, а не въ собственномъ имѣніи подъ Гайсиномъ. Вино — дѣйствительно великолѣпное.

Правда, оно совершенно парализуетъ ноги, лишаетъ жесты ихъ обычной выразительности и дѣлаетъ неповоротливымъ языкъ, но голова остается все время ясной, а духъ — веселымъ.

Бергеръ разсказываетъ смѣшно и живо. Онъ весь вечеръ болталъ о доходахъ помѣщика, о роскоши его петербургской жизни, о его оранжереѣ и конюшняхъ, о жалованьи, которое онъ платитъ служащимъ. Самого себя Бергеръ сначала отрекомендовалъ главноуправляющимъ всѣми дѣлами. Но черезъ полчаса онъ проболтался: оказалось, что въ числѣ управляющихъ имѣніями и служащихъ при заводѣ Фальстафъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Онъ всего-навсего лишь смотритель Ольховатской усадьбы, попросту — экономъ, и получаетъ 900 рублей въ годъ на всемъ готовомъ, кромѣ платья.

— И куда столько добра одному человѣку! — воскликнулъ наивно капитанъ, видимо пораженный тѣми колоссальными цифрами нашихъ доходовъ и нашихъ расходовъ, которыми такъ щедро сыпалъ Фальстафъ.

Фальстафъ сдѣлалъ лукавое лицо.

— Все единственной дочкѣ пойдетъ. Ну-ка, вотъ вы, молодой человѣкъ, — онъ игриво ткнулъ меня большимъ пальцемъ въ бокъ: — ну-ка, возьмите да женитесь... Тогда и меня, старика, не забудете...

Я спросилъ съ небрежнымъ видомъ человѣка, видавшаго виды:

— И хорошенькая?

Фальстафъ такъ и побагровѣлъ отъ хохота.

— Ага! Забираетъ? Прекрасно, воинъ, прекрасно... Атака съ мѣста въ карьеръ. Тра-тамъ-та-та-та. Люблю, когда по-военному. — Потомъ онъ вдругъ, точно отъ нажима пружинки, сразу пересталъ смѣяться и прибавилъ:

— Какъ вамъ сказать?.. На чей вкусъ... Ужъ очень она того... субтильна. Жидка больно...

— Бэгэрэдство! — вставилъ капитанъ, скрививъ ротъ.

— Этого сколько угодно. Гордая. Сосѣдей знать не хочетъ. У! Бѣдовая. Прислуга ея пуще огня боится... И вѣдь нѣтъ того, чтобы крикнула на кого или побранила бы. И — никогда! Принесите то-то. Сдѣлайте то-то... Ступайте... И все это такъ холодно, не шевеля губами!

— Бэгэрэдство! — сказалъ капитанъ и презрительно шмыгнулъ носомъ.

Такъ мы просидѣли часовъ до 11-ти.

Подъ конецъ Фальстафъ совсѣмъ раскисъ и заснулъ, сидя на стулѣ, съ легкимъ храпомъ и съ блаженной улыбкой вокругъ глазъ. Мы его съ трудомъ разбудили, и онъ отправился домой, почтительно поддерживаемый нашимъ казачкомъ подъ локоть. Я забылъ написать, что онъ холостъ. Это, по правдѣ сказать, сильно разстраиваетъ мои планы.

Странное дѣло: какъ ужасно долго тянется день на новомъ мѣстѣ, и какъ въ то же время мало остается отъ него въ головѣ впечатлѣній. Вотъ я пишу теперь эти строки, и мнѣ кажется, что я уже давнымъ-давно, по крайней мѣрѣ, мѣсяца два живу въ Ольховаткѣ, и что моя уставшая память никакъ не можетъ зацѣпиться ни за одно событіе.

12 сентября. Сегодня я осмотрѣлъ почти всю Ольховатскую экономію... Барскій домъ, или, какъ здѣсь говорятъ крестьяне, палацъ, — одноэтажный, каменный, длинный, съ зеркальными стеклами въ окнахъ, съ балкономъ и съ двумя львами на подъѣздѣ. Вчера онъ мнѣ показался не такимъ большимъ, какъ сегодня. Передъ домомъ разбиты клумбы; дорожки между ними посыпаны краснымъ пескомъ; посрединѣ фонтанъ и блестящіе шары на тумбахъ, вокругъ — легкій заборъ изъ проволочной колючей рѣшетки. За домомъ — флигель, службы, скотный и птичій дворы, конный заводъ, хлѣбные амбары,

оранжереи и, наконецъ густой, тѣнистый, раскинувшійся на трехъ-четырехъ десятинахъ садъ съ ручейками, гротами, висячими граціозными мостиками и съ озеромъ, по которому плаваютъ лебеди.

Я впервые въ моей жизни живу такъ близко, бокъ-о-бокъ, съ людьми, тратящими на себя въ годъ десятки, можетъ-быть, даже сотни тысячъ, съ людьми, почти не знающими, что̀ значитъ «не мочь» чего-нибудь. Блуждая безъ всякой цѣли по саду, я никакъ не могъ оторвать мыслей отъ этого непонятнаго, чуждаго мнѣ и въ то же время такого привлекательнаго существованія. Что̀ это за люди? Такъ ли они думаютъ и чувствуютъ, какъ и мы? Чувствуютъ ли они преимущество своего положенія? Приходятъ ли имъ въ голову тѣ будничныя мелочи, которыя гнетутъ нашу жизнь, знаютъ ли они о томъ, что̀ мы испытываемъ, соприкасаясь съ ихъ высшимъ міромъ? Я склоненъ думать, что они все-таки ни о чемъ этомъ не думаютъ и никакихъ пытливыхъ вопросовъ себѣ не задаютъ, и сѣрое однообразіе нашей жизни имъ кажется такимъ же неинтереснымъ, такимъ же естественнымъ и такимъ же для насъ привычнымъ и незамѣтнымъ, какимъ кажется мнѣ міровоззрѣніе хотя бы моего денщика Пархоменки. Это все, конечно, въ порядкѣ вещей, но моя гордость почему-то бунтуется. Меня возмущаетъ сознаніе, что въ обществѣ этихъ людей, отшлифованныхъ и вылощенныхъ вѣковой привычкой къ роскоши и утонченному этикету, «я», именно «я», а не кто другой, буду смѣшонъ, дикъ, даже непріятенъ моей манерой ѣсть и жестикулировать, моими выраженіями и наружностью, можетъ-быть, вкусами и знакомствами... Однимъ словомъ, во мнѣ ропщетъ человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію, но — или потерявшій то и другое съ теченіемъ времени, или обокраденный кѣмъ-то...

Воображаю, какъ фыркнулъ бы мой Василій Акиѳіевичъ, если бы я ему прочиталъ вслухъ эти размышленія!

13 сентября. Хотя сегодня и роковое число — чортова дюжина, но день выдался очень интересный.

Я опять бродилъ сегодня по саду. Не помню, гдѣ я вычиталъ сравненіе осенней природы съ той изумительной неожиданной прелестью, какую иногда пріобрѣтаютъ лица молодыхъ женщинъ, обреченныхъ на вѣрную и скорую смерть отъ чахотки. Нынче это странное сравненіе не выходитъ у меня изъ головы...

Въ воздухѣ разлитъ крѣпкій и нѣжный, похожій на запахъ хорошаго вина, ароматъ увядающихъ кленовъ. Подъ ногами шуршатъ желтые, мертвые листья, покрывающіе густымъ слоемъ дорожку. Деревья убрались пестро и ярко, точно для предсмертнаго пира. Еще оставшіяся кое-гдѣ мѣстами зеленыя вѣтки причудливо перемѣшаны съ осенними тонами, то свѣтло-лимонными, то палевыми, то оранжевыми, то розовыми и кровавыми, переходящими изрѣдка въ цвѣта лиловый и пурпурный. Небо густое, холодное, но его безоблачная синева пріятно ласкаетъ взоръ. И во всемъ этомъ яркомъ праздникѣ смерти чувствуется безотчетная томная грусть, отъ которой сердце сжимается медленной и сладкой болью.

Я шелъ вдоль длинной аллеи акацій, сплетающихся надъ головой сплошнымъ полутемнымъ сводомъ. Вдругъ до моего слуха коснулся женскій голосъ, говорившій что-то съ большимъ оживленіемъ и смѣхомъ. На скамейкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ густая стѣна акацій образовывала что-то въ родѣ ниши, сидѣли двѣ дѣвушки. (Я такъ сразу и подумалъ, что это дѣвушки. Потомъ мое предположеніе сразу оправдалось). Ихъ лицъ я не успѣлъ хорошенько разсмотрѣть, но замѣтилъ, что у старшей, брюнетки, задорный, сочный типъ малороссіянки, а младшая выглядываетъ подросткомъ, на головѣ у нея небрежно наки-

нутъ бѣлый шелковый платокъ, надвинутый угломъ на лобъ и потому скрывающій волосы и всю верхнюю часть лица. Но мнѣ все-таки удалось увидѣть ея смѣющіяся розовыя губы и веселое сверканіе бѣлыхъ зубовъ въ то время, когда, не замѣчая моего приближенія, она продолжала разсказывать на англійскомъ языкѣ что-то, вѣроятно, очень забавное своей сосѣдкѣ.

Нѣкоторое время я колебался: итти ли мнѣ дальше или вернуться? И если итти, то кланяться имъ, или нѣтъ? Мною опять овладѣли вчерашнія сомнѣнія плебейской души. Съ одной стороны, думалъ я, эти дѣвушки, если не здѣшнія хозяйки, то навѣрное — гостьи, я въ нѣкоторомъ родѣ тоже гость и потому съ ними равноправенъ... Но, съ другой стороны, позволяетъ ли Германъ Гоппе въ своихъ правилахъ свѣтскаго такта кланяться незнакомымъ дамамъ? Не покажется ли барышнямъ мой поклонъ смѣшнымъ, или, что̀ еще хуже, не сочтутъ ли онѣ его за знакъ подчиненности служащаго, «наемнаго человѣка»? И то и другое представлялось мнѣ одинаково ужаснымъ.

Однако, размышляя такимъ образомъ, я продолжалъ подвигаться впередъ. Брюнетка первая услышала шумъ сухихъ листьевъ подъ моими ногами и что-то быстро шепнула барышнѣ въ шелковомъ платьѣ, указывая на меня глазами.

Поровнявшись съ ними, но не глядя на нихъ, я прикоснулся пальцами къ фуражкѣ и не увидѣлъ, а скорѣе почувствовалъ, что обѣ онѣ медленно и едва замѣтно наклонили головы. Онѣ слѣдили за мной, когда я удалялся: это я узналъ по той сковывавшей движенія неловкости, которую я всегда испытываю отъ устремленныхъ на меня сзади пристальныхъ взглядовъ. На самомъ концѣ аллеи я обернулся. Въ ту же секунду, какъ это часто бываетъ, обернулась въ мою сторону и ба-

рышня въ бѣломъ платкѣ. До меня донеслось какое-то англійское восклицаніе и звонкій смѣхъ. Я покраснѣлъ. И восклицаніе и смѣхъ относились несомнѣнно къ моей особѣ.

Вечеромъ опять приходилъ Фальстафъ, на этотъ разъ съ какимъ-то изумительнымъ коньякомъ, и опять разсказывалъ что-то невѣроятное о своихъ предкахъ, участвовавшихъ въ крестовыхъ походахъ. Я его спросилъ какъ будто бы нечаянно:

— Вы не знаете, кто эти двѣ барышни, которыхъ я встрѣтилъ сегодня въ саду? Одна брюнетка, такая свѣженькая, а другая, почти дѣвочка, въ свѣтло-сѣромъ платьѣ?

Онъ широко улыбнулся, отъ чего все лицо его сморщилось, а глаза совершенно исчезли, и лукаво погрозилъ мнѣ пальцемъ:

— Ага! Попался на удочку, сынъ Марса! Ну, ну, ну, не сердись... не буду, не буду... А все-таки интересно?.. А?.. Ну, ужъ, такъ и быть, удовлетворю ваше любопытство. Которая помоложе — это молодая барышня, Катерина Андреевна, вотъ, что я вамъ говорилъ, наслѣдница-то... Только какая же она дѣвочка? Развѣ что на видъ такая щупленькая, а ей добрыхъ лѣтъ 20 будетъ...

— Неужели?

— Да-а! Если еще не больше... У! Это такой бѣсенокъ... Вотъ брюнеточка — такъ она въ моемъ вкусѣ... этакая сдобненькая, — Фальстафъ плотоядно причмокнулъ губами: — люблю такихъ пышечекъ. Ее звать Лидіей Ивановной... Простая такая, добрая дѣвушка, и замужъ ей страсть какъ хочется выскочить... Она Оболяниновымъ какой-то дальней родственницей приходится, по матери, но бѣдная, — вотъ и гоститъ теперь на линіи подруги... А впрочемъ, ну ихъ всѣхъ въ болото! — заключилъ онъ неожиданно и махнулъ рукой. — Давайте коньякъ пить

Съ послѣднимъ доводомъ я не могъ внутренно не согласиться. Что мнѣ за дѣло до этихъ дѣвушекъ, съ которыми я сегодня увидѣлся, а завтра мы разойдемся въ разныя стороны, чтобы никогда даже не услышать другъ о другѣ?

Поздно ночью, по уходѣ Фальстафа (казачокъ опять почтительно поддерживалъ его за талію), когда я уже былъ въ постели, Василій Акиноѣвичъ пришелъ ко мнѣ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу ногу и со свѣчой въ рукѣ.

— А ну-ка, объясните мнѣ, умный человѣкъ, одну штуку, — сказалъ онъ, зѣвая и почесывая волосатую грудь. — Вотъ насъ и кормятъ здѣсь всякими деликатесами, и винищемъ этимъ самымъ поятъ, и казачка приставили, и сигары, и всякая такая вещь... А къ столу, къ своему-то, насъ вѣдь не приглашаютъ... Отчего бы это? Разрѣшите-ка...

И, не дожидаясь моего отвѣта, онъ продолжалъ язвительнымъ тономъ:

— Оттого, батенька вы мой, что всѣ эти бэгэрэдные люди и всякая такая вещь... претонкіе дипломаты... Да-съ... У нихъ какая манера? Я ихняго брата хорошо изучилъ, шатаясь по вольнымъ работамъ. Онъ и любезенъ съ тобой и обѣдъ тебѣ сервируетъ (справедливость требуетъ сказать, что капитанъ выговорилъ: «сельвируетъ»), и сигарка, и всякая такая вещь... а ты все-таки чувствуешь, что онъ тебя разсматриваетъ, какъ червяка низменнаго... И замѣтьте, поручикъ, это только настоящіе, большіе «алистократы» (здѣсь онъ уже умышленно, для иронiи, исковеркалъ слово) такое обращеніе съ нашимъ братомъ имѣютъ. А какой поплоше да посомнительнѣе, тотъ больше форситъ и ломается: сейчасъ стеклышко въ глазъ, губы распуститъ и думаетъ, что птица... Ну, а у настоящихъ — первое дѣло

простота... Потому что имъ и ломаться нечего, когда у нихъ въ крови презрѣніе живетъ къ нашему брату... И выходитъ очень естественно и прелестно, и всякая такая вещь...

Окончивъ эту обличительную рѣчь, Василій Акиноіевичъ повернулся ко мнѣ спиной и ушелъ въ свою комнату.

Что жъ? Вѣдь онъ, по-своему, пожалуй, и правъ. Но я все-таки нахожу, что хохотать вслѣдъ незнакомому человѣку — какъ будто бы немножко нетактично.

14 сентября. Сегодня я опять встрѣтилъ ихъ обѣихъ и опять — въ саду. Онѣ шли обнявшись. Маленькая положила голову на плечо подруги и что-то напѣвала съ полузакрытыми глазами. При видѣ ихъ у меня тотчасъ мелькнула мысль, что мои случайныя прогулки могутъ быть истолкованы въ дурную сторону. Я быстро свернулъ по первой боковой дорожкѣ. Не знаю, замѣтили меня барышни, или нѣтъ, но очевидно, что мнѣ надо для прогулокъ выбрать другое время, иначе я рискую показаться назойливымъ армейскимъ кавалеромъ.

15 сентября. Вечеромъ Лидія Ивановна уѣхала на станцію. Должно-быть, въ Ольховатку она больше уже не вернется, потому, во-первыхъ, что слѣдомъ за ней повезли изрядное количество багажа, а во-вторыхъ — она и хозяйская барышня очень ужъ долго и трогательно прощались передъ разставаньемъ. Кстати, при этомъ случаѣ я впервые увидѣлъ изъ своего окна самого Андрея Александровича и его жену. Онъ — совсѣмъ молодчина: стройный, широкоплечій, съ осанкой стараго гусара; сѣдые волосы на головѣ острижены подъ гребенку, подбородокъ — бритый, усы — длинные, пушистые и серебряные, а глаза — точно у ястреба, только голубого цвѣта, а то такіе же круглые, впалые, неподвижные и холодные. Жена производитъ впечатлѣніе запуганной и скромной особы: она держитъ голову немного набокъ, и съ

губъ ея не сходитъ не то виноватая, не то жалостливая улыбка. Лицо желтое и доброе. Вѣроятно, она въ молодости была очень красива, но зато теперь кажется гораздо старше своихъ лѣтъ. На балконѣ также появилась какая-то сгорбленная старушенція въ черной наколкѣ и зеленыхъ букляхъ, — вышла, опираясь на палку и еле волоча за собою ноги, хотѣла, кажется, что-то сказать, но закашлялась, замахала съ отчаяннымъ видомъ палкой и опять скрылась.

16 сентября. Василій Акиноіевичъ просилъ меня присмотрѣть за работами до тѣхъ поръ, пока онъ не оправится отъ внезапныхъ припадковъ своего балканскаго ревматизма. — «Въ особенности, — говорилъ онъ: — наблюдайте внимательно за пріемкой бураковъ, потому что солдаты и такъ ужъ жалуются, что у здѣшнихъ десятниковъ берковцы черезчуръ полные. Я, по правдѣ говоря, побаиваюсь, какъ бы въ концѣ концовъ не вышло между тѣми и другими какого-нибудь крупнаго недоразумѣнія».

Солдаты работали по-трое. Они уже практическимъ путемъ выработали такую сноровку. Одинъ копачомъ выковыриваетъ бураки изъ почвы, двое ножами обрѣзаютъ ихъ и обчищаютъ отъ земли. Тройки эти составляются обыкновенно изъ работниковъ равной силы и ловкости, плохого нѣтъ расчета принимать — только другимъ будетъ помѣхой.

Читалъ я, — не помню гдѣ, кажется, что въ «Развѣдчикѣ», — соображенія какого-то досужаго мыслителя, будто отъ вольныхъ работъ нѣтъ никакой пользы: только одежда рвется, да солдатъ распускается... И вовсе это не правда... Нигдѣ нѣтъ такого довѣрчиваго, почти родственнаго согласія между начальникомъ и солдатомъ, какъ на вольныхъ работахъ. И ужъ если согласиться съ тѣмъ, что и нижнему чину нужны каникулы среди

его тяжелой военной науки, то вѣдь лучшаго отдыха для него, какъ любимый полевой трудъ, не сыскать. Только надо, чтобы всѣ заработанныя деньги шли солдату безъ всякихъ посредниковъ... Гдѣ у человѣка чешется, онъ самъ объ этомъ знаетъ.

А работаютъ наши прекрасно: нанятымъ крестьянамъ и вполовину за ними не угнаться. Только Замошниковъ, по обыкновенію, ничего не дѣлаетъ. Замошниковъ — это любимецъ и баловень всей роты, начиная отъ капитана и кончая послѣднимъ рядовымъ — Никифоромъ Спасобомъ (этотъ Спасобъ — со своей хромой ногой и бѣльмомъ на правомъ глазу — уже четвертый годъ представляетъ собою ходячее и вопіющее недоразумѣніе военной службы). Правда, Замошниковъ за всю свою службу никакъ не могъ выучить по азбукѣ Гребенюка гласныхъ буквъ, а въ «словесности» проявляетъ рѣдкую, исключительную тупость, но такого лихого запѣвалы, мастера на всѣ руки, сказочника и балагура не сыщется во всемъ полку... Онъ, повидимому, хорошо сознаётъ свою роль и смотритъ на нее, какъ на нѣкотораго рода служебную обязанность. На походѣ онъ поетъ безъ передышки, и его хлесткія, забористыя слова часто заставляютъ приставшихъ солдатъ сочувственно гоготать и нравственно встряхиваться. Василій Акиѳіевичъ хотя и держитъ Замошникова чаще, чѣмъ другихъ, подъ ружьемъ, за что тотъ вовсе не въ претензіи, но признавался мнѣ какъ-то, что такой затѣйщикъ въ военное время, да при трудныхъ обстоятельствахъ—чистая драгоцѣнность.

Однако Замошниковъ вовсе не плоскій шутъ и не лодырь, и за это-то я его особенно люблю. Просто жизнь въ немъ кипитъ неудержимымъ ключомъ и не даетъ ему ни минуты посидѣть спокойно на мѣстѣ.

Вотъ и нынче: пробираясь отъ партіи къ партіи и

дойдя наконецъ до бабьяго участка, онъ затѣялъ съ хохлушками длинный разговоръ, благодаря которому ближніе солдаты побросали работу и катаются отъ хохота по землѣ. Я еще издали слышу, какъ онъ подражаетъ то пискливой и стремительной бабьей ругани, то лѣнивому говору стараго хохла... Увидѣвъ меня, онъ дѣлаетъ озабоченное лицо, шаритъ по землѣ и спрашиваетъ: «ну, а кто изъ васъ, землячки, загубилъ моего копача?» Я кричу на него, стараясь принять строгій видъ. Онъ вытягивается въ струнку, держась, какъ и всегда предъ начальствомъ, съ граціозной молодцеватостью, но въ его добрыхъ голубыхъ глазахъ еще дрожитъ огонекъ недавняго смѣшливаго задора...

17 сентября. Наше знакомство состоялось, но состоялось при самыхъ исключительно-комическихъ условіяхъ. Что скрываться предъ собой — я втайнѣ очень желалъ этого знакомства, но если бъ я могъ предчувствовать, что оно произойдетъ такъ, какъ оно сегодня произошло, я бы отъ него отказался.

Мѣстомъ дѣйствія опять-таки былъ садъ. Я уже писалъ, что тамъ есть озеро съ круглымъ островкомъ посрединѣ, заросшимъ густымъ кустарникомъ. На ближнемъ къ дому берегу построена небольшая каменная пристань, а около нея привязана на цѣпи длинная плоскодонная лодка.

Въ этой-то лодкѣ и сидѣла Катерина Андреевна, когда я проходилъ мимо. Держась обѣими руками за борта и перегибаясь тѣломъ то на одну, то на другую сторону, она старалась раскачать и сдвинуть съ мѣста тяжелую лодку, глубоко всосавшуюся въ илистое дно. На ней былъ матросскій костюмъ съ широкимъ вырѣзомъ на груди, позволявшимъ видѣть бѣлую, тонкую шею и худенькія ключицы, рѣзко выступавшія отъ мускульнаго напряженія, и тоненькую золотую цѣпочку, прятавшуюся

подъ платьемъ... Но я взглянулъ только мимоходомъ и, сдѣлавъ полупоклонъ, съ прежнимъ скромнымъ достоинствомъ отвернулся. Въ это время женскій голосъ, свѣжій и веселый, вдругъ крикнулъ:

— Пожалуйста, будьте такъ добры!

Я сначала подумалъ, что это восклицаніе относится къ кому-нибудь другому, идущему сзади меня, и даже невольно обернулся назадъ... Но она смотрѣла именно на меня, улыбалась и энергично кивала мнѣ головой.

— Да, да, да... вы, вы. Будьте такъ добры, помогите мнѣ чуть-чуть сдвинуть эту противную лодку. У меня одной не хватаетъ силъ.

Я отвѣшиваю самый галантный поклонъ, нагнувъ впередъ туловище и слегка приподнявъ назадъ лѣвую ногу, стремительно сбѣгаю къ водѣ и дѣлаю вторичный, такой же свѣтскій поклонъ. Воображаю, хорошъ я былъ! Барышня стоитъ въ лодкѣ, продолжаетъ смѣяться и говоритъ:

— Столкните ее немножко... Потомъ ужъ я сама справлюсь.

Я берусь обѣими руками за носъ лодки, широко разставляю для устойчивости ноги и предупреждаю съ изысканной вѣжливостью:

— Потрудитесь присѣсть, mademoiselle... Толчокъ можетъ выйти очень сильнымъ.

Она садится и глядитъ на меня въ упоръ смѣющимися глазами и говоритъ:

— Право, мнѣ такъ совѣстно, что я злоупотребляю вашей добротой...

— О, это такіе пустяки, mademoiselle!..

Ея вниманіе придаетъ моимъ движеніямъ увѣренную грацію. Я — хорошій гимнастъ и отъ природы обладаю достаточной физической силой. Но лодка не двигается, несмотря на всѣ мои старанія...

— Лучше не трудитесь, — слышу я нѣжный голосокъ. — Это, должно-быть, слишкомъ тяжело... и можетъ повредить вамъ... Право, мнѣ такъ...

Неоконченная фраза виснетъ въ пространствѣ... Сомнѣніе въ моихъ силахъ удесятеряетъ ихъ... Мощное усиліе — толчокъ — бухъ!.. Лодка летитъ, какъ стрѣлка, и я, по всѣмъ законамъ равновѣсія, шлепаюсь ничкомъ въ тину.

Когда я встаю, то чувствую, что у меня и лицо, и руки, и бѣлоснѣжный китель, только-что надѣтый въ это утро, — все покрыто сплошнымъ слоемъ коричневой, вязкой и вонючей грязи. Въ то же время я вижу, что лодка быстро скользитъ по самой серединѣ озера, и что со дна ея поднимается упавшая во время толчка со скамейки дѣвица... Первый предметъ, кидающійся ей въ глаза, — я. Неистовый хохотъ оглашаетъ весь садъ и сто разъ повторяется въ чащѣ деревьевъ... Я вынимаю платокъ и сконфуженно вожу имъ сначала по кителю, потомъ по лицу... Но во-время соображаю, что отъ этого только сильнѣй размазывается грязь, и моя фигура пріобрѣтаетъ еще болѣе жалкій видъ. Тогда я дѣлаю геройскую попытку: самому расхохотаться надъ комичностью своего положенія... и потому испускаю какое-то идіотское ржанье. Катерина Андреевна пуще прежняго заливается смѣхомъ и едва можетъ выговорить:

— Уходите... уходите скорѣй... вы... схватите простуду...

Я кидаюсь, сломя голову, прочь отъ этого проклятаго мѣста, но всю дорогу, до самаго дома, въ моихъ ушахъ звенитъ безпощадный, несмолкаемый хохотъ...

Капитанъ, увидѣвъ меня, только руками развелъ.

— Хоро-ошъ! Нечего сказать!.. Гдѣ это васъ угораздило?

Я ему ничего не отвѣтилъ, захлопнулъ дверь своей комнаты и съ озлобленіемъ поворотилъ два раза ключъ...

Увы! Теперь все и навѣки потеряно...

P. S. Хороша она или дурна собой?.. Я такъ былъ погруженъ въ свое геройство (казнись, казнись, несчастный!), что даже не успѣлъ путемъ вглядѣться въ нее... А впрочемъ, не все ли равно?

Завтра во что бы то ни стало ѣду въ полкъ, хотя бы для этого пришлось притвориться больнымъ... Здѣсь я своего позора не переживу.

Кэтъ — Лидіи.

18 сентября. «Ольховатка.

«Милая и дорогая моя Лида!

«Поздравь меня скорѣй. Ледъ тронулся... Таинственный незнакомецъ, оказывается, — самый любезный въ мірѣ chevalier sans peur et sans réproche. Честь этого открытія принадлежитъ мнѣ, потому что ты, гадкая, уѣхала, и некому меня удерживать отъ моихъ глупостей, которыхъ я успѣла надѣлать безъ тебя цѣлую тысячу.

«Раньше всего признаюсь тебѣ, что я устроила вчера на таинственнаго незнакомца облаву. Я сѣла въ лодку и, когда онъ проходилъ мимо, попросила его оттолкнуть меня отъ берега. О, я отлично знаю, что ты удержала бы меня отъ такой выходки! Надо было видѣть поспѣшность, съ которой таинственный незнакомецъ бросился исполнять мою просьбу... Но — бѣдный — онъ не разсчиталъ своихъ силъ, упалъ въ воду и весь перепачкался въ грязи... У него былъ самый плачевный и въ то же время самый смѣшной видъ, какой только можно себѣ вообразить: шапка свалилась на землю, волосы упали на лобъ, и съ нихъ текла ручьями грязь, руки съ растопыренными пальцами точно окаменѣли... Я тотчасъ же подумала: «Не надо смѣяться... Онъ обидится». Ужъ лучше бы мнѣ не думать этого!.. Я принялась хохотать, хохотать, хохотать... Я хохотала до истерики... Напрасно я кусала себѣ до крови губы и щипала себя больно за

руку. Ничто не помогло... Переконфуженный офицеръ обратился въ бѣгство... Это съ его стороны было очень неостроумно, потому что я забыла на берегу весла. Пришлось до тѣхъ поръ носиться по волнамъ разъяренной стихіи, пока вѣтромъ не прибило мой утлый челнъ въ камышъ. Тамъ, хватаясь попеременно обѣими руками за стебли и подтягивая такимъ образомъ лодку, мнѣ удалось кое-какъ добраться до берега... Однако, выскакивая изъ лодки, я все-таки умудрилась промочить ноги и платье чуть не до колѣнъ.

«Знаешь ли, онъ мнѣ очень нравится, и какое-то странное предчувствіе говоритъ мнѣ, что между нами завяжется интересный флиртъ, l'amour inachevé, — какъ говоритъ Прево... Въ немъ есть что-то мужественное, крѣпкое и въ то же время нѣжное. Надъ такимъ человѣкомъ пріятно властвовать. Кромѣ того, онъ, должно-быть, очень скроменъ, то-есть не болтливъ, кажется, не глупъ, а главное — въ его фигурѣ и движеніяхъ чувствуется прочное здоровье и большая физическая сила. Когда онъ такъ неудачно хлопоталъ около лодки, мною овладѣла дикая, но очень соблазнительная мысль: мнѣ страшно хотѣлось, чтобы онъ взялъ меня на руки и быстро-быстро несъ по саду... Это вѣдь не составило бы для него большого труда, милая моя Лидочка?..

«Какая разница между нимъ и примелькавшимися петербургскими танцорами и спортсменами, въ которыхъ всегда чувствуешь что-то поношенное, что-то привычно и непріятно-безстыдное. Мой офицеръ свѣжъ, какъ здоровое яблоко, сложенъ, какъ гладіаторъ, при томъ стыдливъ и, мнѣ кажется, страстенъ.

«Завтра или послѣзавтра я буду дѣлать ему авансы (кажется, по-русски такъ выражаются?). Прошу тебя, Лидочка, исправлять безъ стѣсненія мои галлицизмы, какъ ты мнѣ сама обѣщала... Право, мнѣ стыдно, что

я дѣлаю ошибки въ своемъ родномъ языкѣ. Что онъ такъ великолѣпно упалъ въ озеро — ничего не значитъ. Никто, кромѣ меня, не былъ свидѣтелемъ этого трагическаго происшествія... Дѣло другого рода, если бы онъ былъ такъ неловокъ передъ глазами большого общества. О, тогда я непремѣнно стыдилась бы его... Это, должно-быть, такая наша, спеціально-женская психологія.

«Прощай, мой славный Лидочекъ. Цѣлую тебя.

«Твоя Кэтъ».

19 сентября. Все въ мірѣ проходитъ — боль, горе, любовь, стыдъ — и это, въ сущности, чрезвычайно мудрый законъ. Третьяго-дня я былъ увѣренъ, что если бы передъ моимъ отъѣздомъ я столкнулся гдѣ-нибудь нечаянно съ Катериной Андреевной, то я непремѣнно умеръ бы отъ стыда. А между тѣмъ я не только не уѣхалъ изъ Ольховатки, но даже успѣлъ заключить дружбу съ этимъ очаровательнымъ существомъ. Да, да, именно дружбу. Она сегодня сама подъ конецъ нашей длинной и очень задушевной бесѣды сказала слово въ слово слѣдующую фразу: «Итакъ, m-r Лапшинъ, будемте друзьями, и пусть никто изъ насъ не вспоминаетъ болѣе объ этой несчастной исторіи». Конечно, подъ несчастной исторіей подразумѣвалось мое приключеніе съ лодкой.

Теперь я знаю ея наружность до самыхъ тончайшихъ подробностей, но описать ее я не могу. Да, по правдѣ сказать, я это вообще считаю невозможнымъ. Часто читаешь въ какомъ-нибудь романѣ описаніе наружности героини: «у нея было прекрасное, классически-правильное лицо, съ глазами, полными огня, прямымъ очаровательнымъ носикомъ и съ прелестными алыми губками, изъ-за которыхъ блестѣли два ряда великолѣпныхъ жемчужныхъ зубовъ». Удивительная наивность!.. Развѣ это пошлое описаніе дастъ хотя малѣйшее понятіе о той не-

уловимой совокупности и взаимной гармоніи чертъ, которыя дѣлаютъ каждую физіономію непохожей на милліонъ другихъ.

Вотъ и я въ настоящую минуту необыкновенно ярко вижу предъ собою ея лицо: круглый овалъ, матовая блѣдность, брови, почти прямыя, очень черныя и густыя; у переносья онѣ сходятся въ видѣ темнаго пушка, что придаетъ имъ нѣсколько суровое выраженіе; глаза большіе, зеленые, съ громадными близорукими зрачками; ротъ маленькій, чуть-чуть неправильный, чувственный, насмѣшливый и гордый, съ полными, рѣзко очерченными губами; матовые волосы собраны тяжелымъ и небрежнымъ узломъ на затылкѣ.

Уѣхать вчера я не могъ. Капитанъ боленъ не на шутку: съ утра до вечера растирается муравьинымъ спиртомъ и пьетъ декоктъ изъ какой-то пѣтушиной травы... Бросить его въ такомъ положеніи было бы не по-товарищески. Тѣмъ болѣе, что капитанская «пѣтуховка» — не что иное, какъ замаскированный запой.

Вчера вечеромъ пошелъ въ садъ. Я даже не посмѣлъ признаться себѣ, что втайнѣ надѣялся застать тамъ Катерину Андреевну. Не знаю, видѣла ли она, какъ я входилъ въ калитку, или все объясняется случайностью, но мы встрѣтились лицомъ къ лицу на главной дорожкѣ въ то время, когда я только-что вышелъ на нее изъ аллеи.

Солнце садилось. Половина неба рдѣла, обѣщая на утро вѣтеръ. Катерина Андреевна была въ бѣломъ платьѣ, перехваченномъ въ таліи зеленымъ бархатнымъ кушакомъ. На огненномъ фонѣ заката ея голова прозрачно золотилась тонкими волосами.

Увидѣвъ меня, она улыбается, но не зло, а скорѣе ласково, и протягиваетъ мнѣ руку.

— Я отчасти виновата во вчерашнемъ... Скажите, вы не простудились?

Тонъ ея вопроса искренній и участливый... Всѣ мои страхи разсѣиваются... Я даже нахожу въ себѣ столько смѣлости, что рискую самъ надъ собой пошутить:

— Пустяки... Маленькая ванна изъ грязи... Это, скорѣе, полезно... Вы слишкомъ добры, mademoiselle...

И мы оба принимаемся хохотать самымъ откровеннымъ образомъ. Дѣйствительно, что же было такого ужаснаго или постыднаго въ моемъ невольномъ паденіи? Я рѣшительно не понимаю!..

— Нѣтъ, этого такъ нельзя оставить, — говоритъ она, продолжая смѣяться. — Вы должны потребовать реваншъ... Вы умѣете грести?

— Умѣю, mademoiselle.

— Ну, такъ пойдемте... Да не называйте меня постоянно mademoiselle... Впрочемъ, вы не знаете моего имени?

— Знаю. Катерина Андреевна?..

— Ахъ, это страшно длинно: Ка-те-ри-на, да еще вдобавокъ Андреевна. Дома меня всѣ называютъ Кэтъ... Зовите меня просто Кэтъ...

Я на ходу шаркаю по песку ногой, что должно означать молчаливое согласіе.

Я подтягиваю лодку къ берегу. Кэтъ, крѣпко опираясь на мою протянутую руку, увѣренно бѣжитъ по дощечкамъ для гребцовъ на корму. Мы медленно скользимъ по озеру. Поверхность такъ скользка и неподвижна, что кажется густой. Встревоженныя тихимъ движеніемъ лодки, за кормой, съ легкимъ журчаньемъ, лѣниво расплываются въ обѣ стороны морщинки, розовыя отъ послѣднихъ лучей солнца. У береговъ въ водѣ отражаются вверхъ ногами, но еще красивѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, прибрежныя косматыя ветлы, на которыхъ зелень еще не тронута желтизной. Пара лебедей, легкихъ, какъ кусочки снѣга, плывутъ за нами издали, бѣлѣя въ темной водѣ.

— Вы постоянно проводите лѣто въ деревнѣ, m-lle Катъ? — спрашиваю я.

— Нѣтъ. Въ прошломъ году мы ѣздили въ Ниццу, а раньше были въ Баденъ-Баденѣ... Я не люблю Ниццы— это городъ умирающихъ. Кладбище какое-то... Зато я играла въ Монте-Карло. Просто, какъ безумная!.. А вы были за границей?

— Какъ же! И даже съ приключеніями.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это, должно-быть, интересно. Разскажите, пожалуйста.

Это случилось два года тому назадъ, весною. Нашъ батальонъ стоялъ въ отдѣлѣ, въ крошечномъ пограничномъ мѣстечкѣ — Гусятинѣ. Оно обыкновенно называется русскимъ Гусятинымъ, потому что по ту сторону узенькой рѣчонки, всего въ какихъ-нибудь пятидесяти шагахъ, находится австрійскій Гусятинъ... И когда я говорю не безъ гордости: въ бытность мою за границей, — я подразумѣваю именно этотъ самый австрійскій Гусятинъ.

Однажды, заручившись благосклонностью станового пристава, мы собрались туда довольно большимъ обществомъ, состоявшимъ исключительно изъ офицеровъ и полковыхъ дамъ. Проводникомъ былъ мѣстный штатскій докторъ, онъ же служилъ намъ и переводчикомъ... Едва мы вступили, выражаясь высокимъ штилемъ, на чуждую территорію, какъ насъ окружила толпа оборванныхъ, грязныхъ ребятишекъ-русиновъ. Тутъ мы, кстати, имѣли случай убѣдиться въ той глубокой симпатіи, которую къ намъ, русскимъ, питаютъ наши западные братья-славяне. Мальчишки, слѣдуя за нами отъ плотины и до самыхъ дверей ресторація, ни на секунду не переставали осыпать насъ отборнѣйшею русскою бранью... Австрійскіе евреи кучками стояли на улицѣ, въ хвостатыхъ мѣховыхъ шапкахъ, съ пейсами до плечъ, въ лапсердакахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись бѣлые чулки и цантуфли. При на-

шемъ приближеніи они указывали на насъ другъ другу пальцами, и въ ихъ быстромъ гортанномъ говорѣ, съ характерными завываніями на концахъ фразъ, было что-то угрожающее.

Наконецъ мы добрались до ресторана и заказали себѣ гуляшъ и масляшъ. Первое — какое-то національное мясное кушанье пополамъ съ краснымъ перцемъ, а второе — приторное венгерское вино. Пока мы ѣли, въ крошечную залу набралась густая толпа гусятинскихъ обывателей, созерцавшихъ съ откровеннымъ любопытствомъ чужеземныхъ гостей. Потомъ трое человѣкъ изъ этой толпы подошли и поздоровались съ докторомъ — онъ тотчасъ же представилъ ихъ нашимъ дамамъ. За этими тремя подошло еще четверо, потомъ еще человѣкъ шесть. Что это были за субъекты, — я до сихъ поръ не могу себѣ представить, но несомнѣнно, что всѣ они занимали административныя должности. Между ними находился какой-то панъ комисаржъ, и панъ подкомисаржъ, и панъ довудца, и еще какіе-то паны. Всѣ они ѣли съ нами гуляшъ, пили масляшъ и поминутно говорили дамамъ: «служу пани» и «падамъ до ногъ панскихъ»... Въ заключеніе панъ комисаржъ просилъ насъ остаться до вечера и посѣтить назначенный на этотъ день складковый балъ. Мы согласились.

Все обстояло самымъ прекраснымъ образомъ, и наши дамы съ увлеченіемъ носились въ вихрѣ вальса съ своими новыми знакомыми. Насъ, правда, немного поражалъ заграничный обычай: каждый танцоръ долженъ самъ заказывать для себя танецъ, платя за него музыкантамъ двадцать копеекъ. Съ этимъ обычаемъ мы вскорѣ примирились, но пассажъ не замедлилъ произойти и совсѣмъ для насъ неожиданно.

Кому-то изъ насъ захотѣлось пива, и онъ сказалъ объ этомъ одному изъ нашихъ новыхъ знакомыхъ — предста-

вительному черноусому господину съ великолѣпными манерами, про котораго наши дамы рѣшили, что онъ непремѣнно долженъ быть однимъ изъ окрестныхъ магнатовъ. Магнатъ оказался чрезвычайно любезнымъ человѣкомъ. Онъ крикнулъ: «заразъ панове!», исчезъ на минутку и тотчасъ же воротился съ двумя бутылками пива, штопоромъ и салфеткой подъ мышкой. Обѣ бутылки были имъ открыты съ такимъ удивительнымъ искусствомъ, что наша полковница даже выразила вслухъ свое одобреніе. На ея комплиментъ магнатъ возразилъ со скромнымъ достоинствомъ: «О, это для меня дѣло привычное, сударыня!.. Вѣдь я же служу въ этомъ самомъ заведеніи кельнеромъ!» Конечно, послѣ этого неожиданнаго признанія, наша компанія оставила австрійскій балъ съ поспѣшностью, даже нѣсколько неприличной.

Въ то время, когда я разсказываю, Кэтъ звонко смѣется, наша лодка огибаетъ островокъ и въѣзжаетъ въ узенькій каналъ, надъ которымъ свѣсившіяся съ обоихъ береговъ деревья образуютъ полутемный, прохладный сводъ. Здѣсь пахнетъ сильно болотной травой, вода кажется черной, какъ чернила, и кипитъ подъ весломъ.

— У! Какъ хорошо! — восклицаетъ Кэтъ и содрогается плечами.

Такъ какъ разговоръ грозитъ изсякнуть, я спрашиваю:

— Вамъ, вѣроятно, очень скучно въ деревнѣ?

— Очень скучно, — отвѣчаетъ, чуть-чуть помолчавъ, Кэтъ и небрежно прибавляетъ, бросая на меня быстрый кокетливый взглядъ: — по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. Еще пока лѣтомъ гостила здѣсь моя подруга, — вы ее кажется, видѣли? — когда хоть было съ кѣмъ поболтать...

— Развѣ у васъ совсѣмъ нѣтъ знакомыхъ среди окрестныхъ помѣщиковъ?

— Нѣтъ. Папа никому не хотѣлъ дѣлать визитовъ...

Ужасно скучно... По утрамъ на мнѣ лежитъ обязанность читать вслухъ бабушкѣ «Московскія Вѣдомости»... Вы не повѣрите, какая это тоска!.. Въ саду такъ хорошо, а тутъ изволь читать про какіе-то конфликты между просвѣщенными державами и про сельскохозяйственный кризисъ... Я иной разъ съ отчаянія возьму да пропущу строкъ двадцать или тридцать, такъ что во всей статьѣ не останется ровно никакого смысла... Бабушка однако далека отъ подозрѣнія и часто удивляется: «Ты замѣчаешь, Кэтъ, какъ нынче непонятно стали писать?» Я, конечно, соглашаюсь: «Дѣйствительно, бабушка, очень непонятно». Зато, когда чтеніе кончается, я чувствую себя, какъ школьница, отпущенная на каникулы...

Разговаривая такимъ образомъ, мы катаемся по озеру до тѣхъ поръ, пока не начинаетъ темнѣть... При прощаніи Кэтъ, фразой, брошенной вскользь, даетъ мнѣ понять, что ежедневно утромъ и вечеромъ она имѣетъ обыкновеніе гулять по саду.

Это все случилось вчера, но я не успѣлъ ничего вчера записать въ дневникъ, потому что все остальное время до полуночи лежалъ на кровати, глядѣлъ въ потолокъ и предавался тѣмъ несбыточнымъ, невѣроятнымъ мечтамъ, которыя, несмотря на ихъ невинность, совѣстно передавать на бумагѣ.

Сегодня мы опять встрѣтились, но уже безъ малѣйшаго смущенія, какъ старые знакомые. Кэтъ необыкновенно добра и мила. Когда я въ разговорѣ выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе, что прискорбный случай съ лодкой сдѣлалъ меня въ ея глазахъ смѣшнымъ, она протянула мнѣ откровеннымъ движеніемъ руку и произнесла незабвенныя слова:

— Будемте друзьями, m-r Лапшинъ, и не станемъ вспоминать объ этой исторіи.

И я знаю, что ласковый тонъ этихъ словъ никогда

не изгладится изъ моей памяти никакими другими словами. Во вѣки вѣковъ.

20 сентября. О, я не ошибся. Кэтъ дѣйствительно вчера намекала на то, что намъ можно ежедневно утромъ и вечеромъ встрѣчаться въ саду. Жаль только, что она сегодня была не въ духѣ, по причинѣ сильной головной боли. Видъ у нея очень утомленный: глаза очерчены легкой тѣнью и щеки блѣднѣе обыкновеннаго.

— Вы не обращайте особеннаго вниманія на мое нездоровье, — сказала она въ отвѣтъ на мое соболѣзнованіе. — Это пройдетъ... Я пріобрѣла нехорошую привычку читать въ постели. Не замѣтишь, какъ увлечешься, и читаешь часа три подъ рядъ, а потомъ начинается безсонница.

Потомъ, полушутя, полусерьезно она спросила:

— Вы не умѣете гипнотизировать?

Я отвѣчалъ, что не пробовалъ, но, вѣроятно, сумѣю.

— Возьмите меня за руку, — сказала Кэтъ: — и глядите мнѣ пристально въ глаза. Въ то же время мысленно приказывайте, чтобы моя голова перестала болѣть.

Я такъ и сдѣлалъ. Ея маленькая, холодная и узкая ручка легла слабо въ мою руку. Глядя въ большіе черные зрачки Кэтъ, я старался сосредоточиться и собрать всю силу воли, но глаза мои смущенно перебѣгали съ глазъ на губы. Былъ одинъ моментъ, когда мои пальцы нечаянно дрогнули и чуть-чуть сжали руку Кэтъ. Какъ будто бы въ отвѣтъ на мое безсознательное движеніе, я тоже почувствовалъ слабое пожатіе. Но, конечно, это произошло случайно, потому что тотчасъ же она выдернула свою руку со словами:

— Нѣтъ, вы мнѣ не поможете. Вы совсѣмъ о другомъ думаете...

— Напротивъ, я думалъ о васъ, m-lle Кэтъ, — возразилъ я.

— Можетъ-быть. Но только доктора никогда не глядятъ такими глазами. Вы — нехорошій...

Я — нехорошій! Свидѣтель Богъ, что ни одна дурная мысль, даже ни одинъ оттѣнокъ дурной мысли не шевельнулся у меня въ головѣ. Или, можетъ-быть, мое несчастное лицо имѣетъ способность выражать вовсе не то, что я чувствую?

Однако — странная вещь — замѣчаніе Кэтъ вдругъ заставило меня впервые почувствовать въ ней женщину, и мнѣ стало неловко.

Такъ мой опытъ гипнотизированія и не удался. Мигрень у Кэтъ не только не прошла, но съ минуты на минуту становилась все сильнѣе. Когда она уходила, ей, вѣроятно, стало жаль видѣть мое разочарованное лицо. Она позволила мнѣ на секунду болѣе, чѣмъ слѣдовало, задержать ея руку и сказала:

— Вечеромъ я не буду гулять. Подождите до завтра.

Но какъ это было хорошо сказано! Какое значеніе можетъ иногда женщина вложить въ самую пустую, самую обыденную фразу. Это «подождите» я перевелъ такимъ образомъ: «Я знаю, что вамъ очень пріятно со мной видѣться; мнѣ это тоже не противно, но вѣдь мы можемъ встрѣчаться ежедневно, и времени у насъ впереди много — не правда ли?» Кэтъ даетъ мнѣ право ждать себя! У меня даже голова кружится отъ восторга при этой мысли.

Что, если простое любопытство, знакомство отъ скуки, случайныя встрѣчи перейдутъ во что-нибудь болѣе серьезное и нѣжное? Блуждая послѣ ухода Кэтъ по дорожкамъ сада, я невольно мечталъ объ этомъ. Вѣдь ни о чемъ не запрещено мечтать ни одному человѣку? И я представлялъ себѣ, какъ между нами возникаетъ пламенная, скромная и довѣрчивая любовь, ея первая любовь, моя, хотя не первая, но зато самая сильная и послѣд-

няя. Я представлялъ себѣ ночное свиданіе, скамейку, облитую кроткимъ сіяніемъ луны, голову, довѣрчиво прижавшуюся къ моему плечу, и сладкое, еле слышное «люблю», робко произнесенное въ отвѣтъ на мое пылкое признаніе. «Да, я люблю тебя, Кэтъ, — говорю я съ подавленнымъ вздохомъ: — но мы должны разстаться. Ты— богата, я — бѣдный армейскій офицеръ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ безмѣрной любви къ тебѣ. Неравный бракъ принесетъ тебѣ несчастье. Ты будешь потомъ упрекать меня».—«Я люблю тебя и не могу безъ тебя жить! — отвѣчаетъ она. — Я пойду за тобой на край свѣта». — «Нѣтъ, дорогая, намъ нужно разстаться... Тебя ждетъ иная жизнь... Помни только одно, что я никогда, никогда въ моей жизни не перестану любить тебя».

Ночь, скамейка, луна, поникшія деревья, сладкія слова любви... Какъ все это возвышенно, мило, старо и... глупо. Вотъ и теперь, пока я пишу эти строки, капитанъ, только-что выпившій на ночь «пѣтуховки», кричитъ мнѣ изъ своей постели:

— Что это вы все строчите, поручикъ? Ужъ не стихи ли часомъ? Вотъ бы разодолжили такимъ «бэгэрэдствомъ».

Капитанъ, кажется, больше всего на свѣтѣ ненавидитъ стихи и природу... Кривя ротъ въ сторону, онъ говоритъ иногда:

— Стишки-съ? Кому это нужно-съ?

И онъ язвительно декламируетъ:

Передо мной портретъ стоитъ
Неодушевленный, но въ рамкѣ;
Передъ нимъ свѣча горитъ
Букетъ торчитъ
И роза въ банкѣ.

— Чепуха-съ, ерунда-съ и всякая такая вещь...

Но и онъ не чуждъ искусству и поэзіи. Въ періодъ усиленныхъ пріемовъ пѣтуховки онъ играетъ иногда на

гитарѣ и поетъ старые, диковинные, смѣшные романсы, какихъ теперь не поютъ уже лѣтъ тридцать.

Сейчасъ я лягу въ кровать, но знаю, что заснуть мнѣ будетъ трудно... Но развѣ мечты, хотя бы самыя несбыточныя, не составляютъ неотъемлемаго и утѣшительнаго права каждаго смертнаго?

21 сентября. Если бы мнѣ вчера кто-нибудь сказалъ, что я и капитанъ будемъ обѣдать у самого Андрея Александровича, я бы разсмѣялся въ лицо этому предсказателю. Я, между прочимъ, только-что вернулся изъ палаца, и даже въ зубахъ у меня дымится еще та самая сигара, которую я закурилъ въ великолѣпномъ кабинетѣ. Капитанъ въ своей комнатѣ растирается муравьинымъ спиртомъ и ворчитъ что-то про «бэгэрэдство и всякую такую вещь». Однако онъ сбитъ съ панталыку и, очевидно, сознаётъ себя смѣшнымъ въ своихъ сегодняшнихъ лаврахъ торреадора и безстрашнаго спасителя особы прекраснаго пола. Увы! Должно-быть, сама судьба избрала насъ обоихъ выступать здѣсь въ комическихъ роляхъ: меня — въ приключеніи на берегу озера, его — въ сегодняшнемъ подвигѣ.

Впрочемъ, надо разсказать все по порядку. Было часовъ одиннадцать утра. Я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ своимъ домашнимъ письмо, въ ожиданіи капитана, который долженъ былъ прійти къ завтраку. Онъ дѣйствительно пришелъ, но въ самомъ неожиданномъ видѣ: весь въ пыли, красный, переконфуженный и злой.

Я поглядѣлъ на него вопросительно. Онъ началъ стаскивать съ себя сюртукъ, продолжая браниться.

— Это вотъ... такая вышла вотъ... глупая штука и... всякая такая вещь!.. Представьте себѣ — иду сейчасъ съ работъ... Прохожу дворомъ и вижу, что изъ палисадника, что̀ передъ палацомъ, выползаетъ эта са-

мая старушка, ну... мать или бабушка, что ли, или кто тамъ? — не знаю. Прекрасно-съ. Бредетъ она себѣ потихонечку, вдругъ, откуда ни возьмись, выскакиваетъ теленокъ, знаете, обыкновенный теленокъ, еще и году ему нѣтъ... скачетъ, знаете, хвостъ кверху, и всякая такая вещь... ну, просто телячій восторгъ на него накатилъ... Увидалъ старушку и прямо къ ней. Та — кричать! Палкой на него машетъ... А теленокъ еще пуще — такъ вокругъ нея и танцуетъ, думаетъ, играютъ съ нимъ. Покатилась моя старушка на землю... ни жива ни мертва и даже кричать больше не можетъ... Вижу я, что нужно помогать — бѣгу изо всей мочи... прогоняю этого дурацкаго телка... смотрю, а старушка лежитъ, чуть дышитъ и даже кричать больше не можетъ. Я думалъ, что уже дуба дала со страху. Ну, поднялъ ее кое-какъ, отряхнулъ отъ пыли, спрашиваю, не ушиблась ли? Та— только глазами ворочаетъ и стонетъ. Наконецъ говоритъ: «проведите меня въ домъ». Обнялъ я ее вокругъ спины, поволокъ, на балконъ втащилъ. На балконѣ сидитъ сама хозяйка здѣшняя, жена самого... Перепугалась ужасъ какъ. Охаетъ. «Что такое съ вами, «маманъ», что случилось?..» Усадили мы съ ней старушку въ кресло, натерли какими-то духами. Ничего... отдышалась понемногу. Ну и начала же она потомъ расписывать. Я ужъ не зналъ, куда мнѣ и дѣваться... «Иду я, говоритъ, по двору, и вдругъ прямо на меня летитъ быкъ... огромный бѣшеный быкъ... глаза въ крови, морда вся въ пѣнѣ... Налетѣлъ на меня, ударилъ въ грудь рогами, свалилъ на землю... Дальше я, говоритъ, ничего не помню»... Ну, однимъ словомъ, оказалось, что я какое-то чудо совершилъ: кинулся будто бы этому самому быку навстрѣчу, схватилъ его за рога и, ей-Богу, чуть ли не черезъ себя перекинулъ... Я слушалъ-слушалъ и говорю наконецъ: «Вы ошибаетесь, сударыня, это не быкъ,

это былъ просто телокъ...» Куды тебѣ! И слушать не хочетъ. «Вы, говоритъ, это изъ скромности». Въ это время приходитъ барышня ихняя. Тоже разохалась. Старушка ей всю эту комедію разсказала. Чортъ знаетъ, что за идіотская исторія! Называютъ меня и героемъ и спасителемъ, жмутъ руки, и всякая такая вещь... Слушаю ихъ: и смѣшно мнѣ и стыдно, право... Ну, думаю, попалъ въ исторію, нечего сказать... Насилу-то насилу отъ нихъ отдѣлался. Этакая вѣдь, глупая штука вышла! Глупѣе, кажется, и нарочно не выдумаешь..

Мы сѣли завтракать. За завтракомъ, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ «пѣтуховки», капитанъ немного успокоился. Онъ уже собирался опять итти на работы, какъ вдругъ стремглавъ влетѣлъ въ комнату нашъ казачокъ, съ лицомъ, перекошеннымъ отъ испуга, и съ вытаращенными глазами.

— Панъ... сами панъ сюды идутъ!

Мы тоже, Богъ вѣсть почему, испугались, вскочили, забѣгали, стали торопливо надѣвать скинутые сюртуки. Въ эту самую минуту въ дверяхъ показался Обольяниновъ и остановился съ легкимъ полупоклономъ:

— Господа, я боюсь, что причинилъ вамъ безпокойство моимъ визитомъ, — сказалъ онъ съ самой непринужденной и въ то же время холодной любезностью: — пожалуйста, оставайтесь, какъ были, по-домашнему...

Онъ былъ въ легкой просторной чесучовой парѣ, удивительно шедшей къ его большому росту и молодившей его лицо. А лицо у него истинно-аристократическое: я никогда не видѣлъ такого изысканнаго профиля, такого тонкаго, гордаго, орлинаго носа, такого своевольнаго, круглаго подбородка и такихъ надменныхъ губъ.

Затѣмъ онъ обратился къ капитану:

— Позвольте мнѣ выразить мою глубокую признательность... Если бы не ваша смѣлость...

— Помилуйте, что вы-съ? — возразилъ капитанъ, конфузясь и дѣлая руками несообразные жесты. — Да я же ничего особеннаго не сдѣлалъ, за что благодарить? Телокъ-съ! Собственно говоря, просто неловко, и всякая такая вещь.

Обольяниновъ опять сдѣлалъ не то насмѣшливый, не то вѣжливый поклонъ.

— Эта скромность дѣлаетъ честь вашему мужеству, капитанъ. Тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ принести благодарность и отъ матушки и отъ себя лично.

Тутъ капитанъ совсѣмъ застыдился, покраснѣлъ, — отъ чего лицо его сдѣлалось коричневымъ, — и еще нелѣпѣе замахалъ руками.

— Да помилуйте... ничего тутъ особеннаго... просто телокъ... Да я... сдѣлайте одолженіе... всегда... вижу, телокъ бѣжитъ, ну, я сейчасъ... помилуйте...

Я увидѣлъ, что капитанъ рѣшительно запутался, и поспѣшилъ къ нему на помощь.

— Присядьте, прошу васъ, — сказалъ я, придвигая ему стулъ.

Онъ вскользь окинулъ меня равнодушнымъ взглядомъ, бросилъ небрежное mercі, но не сѣлъ, а только взялся рукой за спинку стула.

— Мнѣ очень жаль, господа, что мы до сихъ поръ не были знакомы, — сказалъ помѣщикъ, протягивая капитану руку. — Во всякомъ случаѣ сдѣлаемте это: лучше поздно, чѣмъ никогда...

Растерявшійся капитанъ ничего не могъ отвѣтить и только чрезвычайно низко поклонился, пожимая бѣлую выхоленную руку.

Что касается меня, я довольно бойко отрекомендовался: поручикъ Лапшинъ, а потомъ прибавилъ, хотя нѣсколько неразборчиво.

— Очень пріятно... повѣрьте... такая честь...

Въ концѣ концовъ я не увѣренъ, кто изъ насъ сдѣлалъ лучше: я, или капитанъ.

— Я думаю, вы, господа, не откажетесь отобѣдать у меня, — сказалъ Обольяниновъ, беря со стула свою шляпу. — Мы обѣдаемъ ровно въ семь...

Мы еще разъ поклонились, и нашъ хозяинъ удалился съ той же великолѣпной непринужденностью, какъ и вошелъ.

Къ семи часамъ мы явились въ палацъ. Всю дорогу капитанъ ворчалъ что-то про «бэгэрэдство», постоянно поправлялъ нацѣпленный для чего-то на грудь иконостасъ и, повидимому, находился въ самомъ подавленномъ настроеніи духа... Впрочемъ, надо сказать, и я чувствовалъ себя не особенно развязно.

Когда мы пришли, то попали прямо въ столовую, — большую, нѣсколько мрачную комнату, всю отдѣланную массивнымъ рѣзнымъ дубомъ. Андрея Александровича не было, въ столовой находились только его жена да старушка-мать, спасенная отъ смерти капитаномъ. Произошло легкое замѣшательство, конечно, больше съ нашей стороны. Мы должны были сами представляться... Насъ попросили сѣсть... Разговоръ неминуемо зашелъ объ утреннемъ происшествіи, но, продержавшись минутъ пять, истощился безъ всякой надежды на возобновленіе, и мы четверо сидѣли молча и глядѣли другъ на друга, тяготясь нашимъ молчаніемъ.

Къ счастью, скоро въ столовую вошла Кэтъ въ сопровожденіи отца. Увидѣвъ меня, она удивленно закусила нижнюю губку, и брови ея высоко поднялись. Насъ представили. По лицу Кэтъ я догадался, что о нашемъ случайномъ знакомствѣ въ саду никому не должно быть извѣстно... Милая дѣвушка! Конечно я исполнилъ твое безмолвное приказаніе.

Послѣ обѣда, во время котораго Обольяниновъ тщетно

старался вызвать капитана на разговоръ, — на меня онъ почему-то мало обращалъ вниманія, — старуха выразила желаніе сыграть въ ералашъ. Такъ какъ Василій Акиндіевичъ никогда не беретъ картъ въ руки, то четвертымъ усадили меня. Въ продолженіе двухъ часовъ я мужественно переносилъ самую томительную скуку. Старая дама два первыхъ роббера играла еще туда-сюда. Но потомъ ея старческое вниманіе утомилось. Она начала путать ходы и брать чужія взятки... Когда требовались пики, несла бубны.

— Maman, вѣдь у васъ есть еще пики, — замѣчалъ ей съ нѣсколько насмѣшливымъ почтеніемъ Андрей Александровичъ.

— Ну, вотъ, ты меня еще учить вздумалъ! — обижалась старушка. — Стара я, голубчикъ, стала, чтобы меня учили... Если не даю пикъ, стало-быть, у меня ихъ и нѣтъ.

Однако, спустя минуту, она сама начинала ходить съ отыгранныхъ пикъ.

— Видите, maman, нашлись же у насъ пики, — говорилъ ей сынъ съ тѣмъ же оттѣнкомъ добродушной насмѣшки, и она совершенно искренно изумлялась.

— Не понимаю, голубчикъ, откуда онѣ у меня взялись! Просто — не понимаю...

Впрочемъ, я самъ игралъ разсѣянно. Я все время прислушивался, не раздадутся ли сзади меня легкіе шаги Кэтъ... Она, бѣдная, билась около получаса, стараясь занять капитана, но всѣ ея старанія разбивались о капитанское каменное молчаніе. Онъ только краснѣлъ, вытиралъ клѣтчатымъ платкомъ вспотѣвшій лобъ и на каждый вопросъ отвѣчалъ: «да-съ, сударыня... нѣтъ, сударыня». Наконецъ Кэтъ принесла ему цѣлую груду альбомовъ, гравюръ, и онъ всецѣло погрузился въ нихъ.

Нѣсколько разъ Кэтъ нарочно проходила мимо кар-

точнаго столика. Наши глаза каждый разъ встрѣчались, и каждый разъ въ ея глазахъ я видѣлъ лукавый и нѣжный огонекъ... Наше никѣмъ не подозрѣваемое знакомство дѣлало насъ чѣмъ-то въ родѣ двухъ заговорщиковъ, двухъ людей, посвященныхъ въ одну тайну, и эта таинственность притягивала насъ другъ къ другу крѣпкими задушевными нитями.

Было уже темно, когда, окончивъ ералашъ и покуривъ въ кабинетѣ, мы возвращались домой. Капитанъ шелъ впереди. На террасѣ я вдругъ почувствовалъ, да, именно почувствовалъ, ч ь е-т о присутствіе. Я раскурилъ сильнѣе сигару и въ красноватомъ, вспыхивающемъ и потухающемъ свѣтѣ увидѣлъ платье и дорогое улыбающееся лицо.

— Умница, паинька-мальчикъ, хорошо себя велъ, — услышалъ я тихій шопотъ.

Въ темнотѣ моя рука схватила ея руку. Темнота вдругъ придала мнѣ необыкновенную смѣлость. Сжавъ эти нѣжные холодные пальчики, я поднесъ ихъ къ губамъ и сталъ быстро и жадно цѣловать. Въ то же время я твердилъ радостнымъ шопотомъ:

— Кэтъ, моя милая... Кэтъ!

Она не разсердилась. Она только слабо отдергивала свою руку и говорила съ притворнымъ нетерпѣніемъ:

— Не надо, не надо... Идите... Ахъ, какой вы непослушный!.. Ступайте, вамъ говорятъ.

Но, когда я, боясь на самомъ дѣлѣ ее разсердить, разжалъ свои пальцы, она вдругъ удержала ихъ и спросила:

— Какъ ваше имя? Вы мнѣ до сихъ поръ не говорили.

— Алексѣй, — отвѣтилъ я.

— Алексѣй? Какъ это хорошо!.. Алексѣй... Алексѣй... Алеша...

Потрясенный этой неожиданной лаской, я стремительно

протянулъ впередъ руки, но... онѣ встрѣтили пустоту. Кэтъ уже не было на балконѣ.

О, какъ безумно я ее люблю!

Кэтъ — Лидіи.

21 сентября. «Ты, конечно, помнишь, милая моя Лидочка, какъ папа возставалъ противъ нашихъ офицеровъ? Какъ онъ называлъ ихъ насмѣшливо «армеутами»? Поэтому ты, безъ сомнѣнія, удивишься, если я тебѣ скажу, что они сегодня у насъ обѣдали. Самъ папа отправился къ нимъ во флигель и пригласилъ ихъ. Причина этой внезапной перемѣны — та, что сегодня утромъ старшій изъ офицеровъ спасъ мою grande mère отъ неизбѣжной смерти. Въ томъ, что̀ разсказываетъ бабушка, есть что-то невѣроятное. Она будто бы шла по двору, на нее внезапно налетѣлъ бѣшеный быкъ, храбрый офицеръ кинулся между ней и быкомъ, — вообще цѣлая картина во вкусѣ Шпильгагена.

«Положивъ руку на сердце, я тебѣ скажу, мнѣ не особенно нравится то, что папа притащилъ ихъ. Во-первыхъ, они оба въ обществѣ такъ теряются, что на нихъ мучительно смотрѣть... Въ особенности старшій: онъ ѣлъ рыбу прямо съ ножа, все время странно конфузился и имѣлъ самый смѣшной видъ. Во-вторыхъ, мнѣ жаль, что наши свиданія въ саду потеряли почти всю прелесть своей оригинальности. Раньше, когда никто не могъ даже и подозрѣвать о нашемъ случайномъ знакомствѣ, въ этихъ свиданіяхъ было что-то запретное, выходящее изъ ряда. Теперь уже — увы! — никому даже не придетъ въ голову удивиться, увидавъ насъ вмѣстѣ.

«Что Лапшинъ влюбленъ въ меня по-уши, въ этомъ я уже совсѣмъ не сомнѣваюсь — у него очень, даже черезчуръ краснорѣчивые глаза! Но онъ такъ скроменъ и нерѣшителенъ, что мнѣ волей-неволей приходится итти къ нему навстрѣчу. Вчера, когда онъ уходилъ отъ насъ,

я нарочно ждала его на балконѣ. Было темно, и онъ сталъ цѣловать мои руки. Ахъ, дорогая Лидочка, въ этихъ поцѣлуяхъ было что-то обворожительное! Я ихъ чувствовала не только на рукахъ, но на всемъ моемъ тѣлѣ, по которому каждый поцѣлуй пробѣгалъ сладкой нервной дрожью. Въ эту минуту я очень жалѣла, зачѣмъ я не замужемъ. Мнѣ такъ хотѣлось еще продлить и усилить эти новыя, незнакомыя для меня ощущенія.

«Ты, конечно, прочтешь мнѣ нотацію за то, что я кокетничаю съ Лапшинымъ. Но вѣдь это меня ни къ чему не обязываетъ, а ему, безъ сомнѣнія, доставляетъ удовольствіе. Кромѣ того, не больше чѣмъ черезъ недѣлю мы уѣдемъ отсюда. У него и у меня останутся воспоминанія — и больше ничего.

«Прощай, милая Лидочка. Жаль, что ты не будешь зимой въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, не забывай писать мнѣ. Поцѣлуй отъ меня твою маленькую сестренку. Твоя навѣки Кэтъ».

22 сентября. «Счастье, призракъ ли счастья?.. Не все ли равно?»

Я не знаю, какому поэту принадлежитъ эта строчка, но она сегодня не выходитъ изъ моей головы.

Да и правда, не все ли равно? Если я былъ счастливъ хоть часъ, хоть одно только короткое мгновенье, зачѣмъ отравлять его сомнѣніями, недовѣріемъ, вѣчными вопросами неудовлетвореннаго самолюбія?..

Передъ вечеромъ Кэтъ вышла въ садъ. Я дожидался, и мы пошли вдоль по густой аллеѣ, по той самой аллеѣ, гдѣ я впервые увидалъ мою несравненную Кэтъ, королеву моего сердца. Она была задумчива и часто отвѣчала невпопадъ на мои вопросы, которые я безъ толку предлагалъ, чтобъ только избавиться отъ неловкихъ, тяготившихъ и ее и меня, молчаливыхъ паузъ. Но ея глаза не избѣгали моихъ: они смотрѣли на меня съ такой нѣжностью.

Когда мы поровнялись съ той скамейкой, я сказалъ:

— Какъ мнѣ памятно и дорого это мѣсто, m-lle Кэтъ!

Она спросила:

— Почему?

— Здѣсь я впервые увидѣлъ васъ. Помните, вы сидѣли съ своей подругой и еще разсмѣялись, когда я прошелъ мимо.

— О, да, конечно, помню! — воскликнула Кэтъ, и ея лицо озарилось улыбкой. — Съ нашей стороны было совсѣмъ нетактично такъ громко смѣяться. Вы, можетъ-быть, приняли этотъ смѣхъ по своему адресу?

— Признаться — да.

— Видите, какой вы подозрительный! Это нехорошо! А дѣло просто-напросто было такъ: когда вы прошли, я сказала Лидѣ на ухо одну вещь, — дѣйствительно про васъ, но я не хочу вамъ ея повторять, чтобъ не испортить вашего самолюбія лишнимъ комплиментомъ. Лида остановила меня, потому что боялась, что вы услышите мои слова. Она очень «prude» и всегда останавливаетъ мои выходки. Тогда я нарочно, чтобы подразнить ее, сказала голосомъ моей бывшей гувернантки — очень чопорной старой миссъ: — «стидно, choking, стидно». Вотъ и все. И эта буффонада заставила насъ громко расхохотаться. Ну что? Вы теперь довольны?

— Совершенно. Но что вы сказали обо мнѣ?

Кэтъ покачала головой съ укоризненнымъ, лукавымъ видомъ.

— Вы — черезчуръ любопытны, и я ничего вамъ не скажу, я и безъ того слишкомъ добра съ вами. Не забывайте, пожалуйста, что вы еще должны быть наказаны за вчерашнее дурное поведеніе.

Я понялъ, что она вовсе не думаетъ на меня сердиться, но на всякій случай опустилъ съ виноватымъ видомъ голову внизъ и сказалъ съ притворнымъ смущеніемъ:

— Простите меня, m-lle Кэтъ... Я увлекся и не могъ совладать со своимъ чувствомъ.

И, видя, что она не перебиваетъ меня, я прибавилъ еще болѣе тихимъ, но въ то же время страстнымъ тономъ:

— Вы такъ прекрасны, m-lle Кэтъ!

Минута была благопріятная. Мнѣ казалось, что Кэтъ дожидается продолженія моихъ словъ, но внезапная робость овладѣла мной, и я только спросилъ, умоляюще заглядывая ей въ глаза:

— Вѣдь вы не совсѣмъ разсердились на меня? Скажите... Меня это такъ мучитъ.

— Нѣтъ, не сержусь, — прошептала Кэтъ, отворачивая отъ меня свою голову стыдливымъ и безсознательно-красивымъ движеніемъ.

«Ну, вотъ, моментъ готовъ, — подбодрилъ я себя внутренно. — Впередъ! Впередъ! Въ любви нельзя останавливаться на полдорогѣ! Смѣлѣй!»

Но смѣлость рѣшительно покинула меня, и наше молчаніе послѣ словъ, почти близкихъ къ признанію, стало еще тягостнѣе. Должно-быть, потому-то Кэтъ, дойдя вторично до конца аллеи, и простилась со мной.

Когда она мнѣ протянула свою маленькую, нѣжную, но рѣшительную ручку, я задержалъ ее въ своей и посмотрѣлъ вопросительно въ глаза Кэтъ. Мнѣ показалось, что я читаю въ нихъ молчаливое согласіе. Я сталъ опять такъ же жадно, какъ тогда на террасѣ, цѣловать эту милую ручку. Сначала Кэтъ сопротивлялась и называла меня непослушнымъ, но потомъ я вдругъ почувствовалъ на своихъ волосахъ глубокое теплое дыханіе, и моей щеки быстро коснулись свѣжія, очаровательныя губки. Въ ту же секунду — я не успѣлъ даже выпрямиться — Кэтъ выскользнула изъ моихъ рукъ, отбѣжала на нѣсколько шаговъ и только тамъ, на безопасной дистанціи, остановилась.

— Кэтъ, подождите, ради Бога, мнѣ такъ много нужно вамъ сказать! — воскликнулъ я, подходя къ ней.

— Стойте на мѣстѣ и молчите!—приказала Кэтъ, сдвигая брови и топая нетерпѣливо ногой по шуршащимъ листьямъ.

Я остановился. Кэтъ сдѣлала изъ ладони вокругъ своего рта подобіе рупора, наклонилась слегка впередъ и тихо, но явственно прошептала:

— Завтра, когда только взойдетъ луна, ждите меня у пристани. Я уйду потихоньку. Мы будемъ кататься, и вы мнѣ скажете все, что хотите... Понимаете? Понимаете вы меня?

Послѣ этихъ словъ она повернулась и быстрымъ шагомъ, ни разу не оглянувшись назадъ, пошла по направленію къ калиткѣ... А я стоялъ и глядѣлъ ей вслѣдъ, растерянный, взволнованный и счастливый...

Кэтъ, дорогая моя Кэтъ! Если бы твое и мое положеніе въ обществѣ были одинаковы... Положимъ, говорятъ, что любовь выше всякихъ сословныхъ и иныхъ предразсудковъ... Но нѣтъ, нѣтъ! Я останусь твердымъ и самоотверженнымъ.

О, Боже мой! Какъ быстро разлетаются мои бѣдныя, наивныя, смѣшныя мечты! Я пишу эти строки, а за стѣной капитанъ, лежа въ кровати, играетъ на гитарѣ и поетъ сиплымъ голосомъ старинную-старинную пѣсню.

Жалкій человѣчишка!—говорю я самому себѣ:—для того, чтобы ты не набивалъ себѣ голову праздными и невыполнимымъ вздоромъ, сядь и на зло самому себѣ запиши слова:

Юный прапорщикъ армейскій
Сталъ ухаживать за мной.
Мое сердце встрепенулось
Къ нему любовью роковой

* *
*

Моя маменька узнала,
Что отъ свадьбы я не прочь.

И съ улыбкою сказала:
„Слушай, миленькая дочь!

* * *

„Юный прапорщикъ армейскій
Тебя хочетъ обмануть,
Отъ руки его злодѣйской
Трудно будетъ усклизнуть“.

* * *

Юный прапорщикъ армейскій
Проливалъ потоки слезъ,
Какъ-то утромъ на разсвѣтѣ
Въ ближайшій городокъ увезъ.

* * *

Тамъ въ часовнѣ деревя-янной
Предъ иконою Творца
Попъ какой-то полупьяный
Сочеталъ наши сердца.

* * *

А потомъ въ простой телѣгѣ
Онъ домой меня отвезъ.
Ахъ! какъ это не по модѣ,
Много пролила я слезъ.

* * *

Нѣтъ ни сахару ни ча-аю,
Нѣтъ ни пива ни вина,
Вотъ теперь я понимаю,
Что я прапора жена...
Вотъ теперь я понимаю,
Что я прапора жена.

Да, да, стыдись, бѣдный армейскій прапорщикъ. Рви себя за волосы! Плачь, плачь въ тишинѣ ночи! Спасибо, Василій Акинѳіевичъ, за мудрый урокъ.

24 сентября. И ночь, и любовь, и луна, какъ

поетъ мадамъ Рябкова, жена командира второй роты, на нашихъ полковыхъ вечерахъ... Я никогда, даже въ самыхъ дерзновенныхъ грезахъ, не смѣлъ воображать себѣ такого упоительнаго счастья. Я даже сомнѣваюсь, не былъ ли весь сегодняшній вечеръ сномъ, — милымъ, волшебнымъ, но обманчивымъ сномъ? И и самъ не знаю, откуда взялся въ моей душѣ этотъ едва замѣтный, но горькій осадокъ разочарованія?..

Я пришелъ къ пристани поздно. Кэтъ дожидалась меня, сидя на высокой каменной балюстрадѣ, окаймляющей площадку пристани.

— Такъ что жъ, ѣдемъ? — спросилъ я.

Кэтъ еще плотнѣе укуталась въ свою накидку и нервно содрогнулась подъ ней плечами.

— О, нѣтъ, слишкомъ холодно... Смотрите, какой туманъ на водѣ...

Дѣйствительно, темная поверхность озера видна была только на пять шаговъ. Дальше вставали и двигались неровные, причудливые клочья сѣдого тумана.

— Походимте лучше по саду, — сказала Кэтъ.

Мы пошли. Въ этотъ странный часъ свѣтлой и туманной осенней ночи запущенный паркъ казался печальнымъ и таинственнымъ, какъ заброшенное кладбище. Луна свѣтила блѣдная. Тѣни оголенныхъ деревьевъ лежали на дорожкахъ черными, измѣнчивыми силуэтами Шелестъ листьевъ подъ нашими ногами пугалъ насъ.

Когда мы вышли изъ-подъ темнаго и какъ будто бы сырого свода акацій, я обнялъ Кэтъ за талію и тихо, но настойчиво привлекъ ее къ себѣ. Но она и не сопротивлялась. Ея тонкій, гибкій, теплый станъ слегка лишь вздрогнулъ отъ прикосновенія моей руки, горѣвшей точно въ лихорадкѣ. Еще минута — и ея голова прислонилась къ моему плечу, и я услышалъ нѣжный ароматъ ея пушистыхъ, разбившихся волосъ.

— Кэтъ... какъ я счастливъ... Какъ я люблю васъ, Кэтъ... Я обожаю васъ...

Мы остановились. Руки Кэтъ обвились вокругъ моей шеи. Мои губы увлажнилъ и обжегъ поцѣлуй, такой долгій, такой страстный, что кровь бросилась мнѣ въ голову, и я зашатался... Луна нѣжно свѣтила прямо въ лицо Кэтъ, въ это блѣдное, почти бѣлое лицо. Ея глаза увеличились, стали громадными и въ то же время такими темными и такими глубокими подъ длинными рѣсницами, какъ таинственныя пропасти. А ея влажныя губы звали все къ новымъ, неутоляющимъ, мучительнымъ поцѣлуямъ.

— Кэтъ... милая... ты моя?.. совсѣмъ моя?..

— Да... совсѣмъ... совсѣмъ...

— Навсегда?

— Да, да, мой милый...

— Мы съ тобой никогда не разстанемся, Кэтъ?..

По ея лицу промелькнуло неудовольствіе.

— Зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь? Развѣ тебѣ не хорошо со мной?..

— О, Кэтъ!..

— Такъ зачѣмъ же спрашивать о томъ, что̀ будетъ? Живи настоящимъ, мой дорогой.

Время остановилось... Я не могъ дать себѣ отчета, сколько прошло минутъ или часовъ съ начала нашего свиданья. Кэтъ опомнилась первая и сказала, выскользнувъ изъ моихъ объятій:

— Поздно... меня могутъ хватиться... Проводи меня домой, Алеша...

Когда мы опять шли по темной аллеѣ изъ акацій, она прижималась ко мнѣ съ зябкой и ласковой кошачьей граціей.

— Мнѣ одной было бы здѣсь страшно, Алеша... Какой ты сильный... Обними меня... Еще... крѣпче... крѣпче... Возьми меня на руки, Алеша... понеси меня...

Она была легка, какъ перышко. Держа ее на рукахъ, я почти бѣгомъ пробѣжалъ аллею, а Кэтъ все сильнѣй, все нервнѣй обвивала мою шею, цѣловала мою шею и високъ и шептала, обдавая мое лицо порывистымъ горячимъ дыханіемъ:

— Скорѣй, еще скорѣй!.. Ахъ, какъ хорошо — какъ мнѣ хорошо. Алеша! Скорѣе!..

У калитки мы простились.

— Что вы сейчасъ будете дѣлать? — спросила Кэтъ, когда я, поклонившись, цѣловалъ поперемѣнно ея руки.

— Я сейчасъ буду писать свой дневникъ,— отвѣтилъ я.

— Дневникъ?.. — Лицо Кэтъ выразило удивленіе и — какъ мнѣ показалось — *непріятное* удивленіе. — Вы пишете дневникъ?

— Да, почти ежедневно.

— Вотъ какъ!.. И я тоже фигурирую въ вашемъ дневникѣ?

— Да. Можетъ-быть, это вамъ непріятно?

Она разсмѣялась принужденнымъ смѣхомъ.

— Это смотря по тому... Конечно, вы когда-нибудь покажете мнѣ вашъ дневникъ?

Я пробовалъ отнѣкиваться, но Кэтъ такъ настаивала, что въ концѣ концовъ пришлось согласиться.

— Смотрите жъ, — сказала она, прощаясь со мной и грозя мнѣ пальцемъ: — если я увижу хоть одну помарку — берегитесь!

Когда я пришелъ домой и стукнулъ дверью, капитанъ проснулся и заворчалъ на меня:

— Гдѣ это вы все шляетесь, поручикъ? На рандевую, небось, ходили? Бэгэрэдство и всякая такая вещь...

Сейчасъ только я перечиталъ всѣ глупости, которыя я писалъ въ этой тетрадкѣ съ самаго начала сентября. Нѣтъ, нѣтъ, Кэтъ не увидитъ моего дневника, а то мнѣ придется краснѣть за себя каждый разъ, какъ только я о немъ вспомню. Завтра предаю этотъ дневникъ уничтоженію.

25 сентября. Опять ночь, опять луна и опять странная, неизъяснимая для меня смѣсь очарованія любви и мученій ущемленнаго самолюбія. Не игрушка ли... Чьи-то шаги подъ окномъ...

Кэтъ — Лидіи.

28 сентября. «Ангелъ мой, Лидочекъ!

«Мой короткій романъ близится къ мирному окончанію. Завтра мы уѣзжаемъ изъ Ольховатки. Я нарочно не предупредила Лапшина, а то бы онъ, чего добраго, вздумалъ бы явиться на вокзалъ.

«Онъ очень чувствительный молодой человѣкъ и, вдобавокъ, совершенно не умѣетъ владѣть своей мимикой. Я думаю, онъ былъ бы способенъ расплакаться на вокзалѣ.

«Романъ нашъ вышелъ очень простымъ и въ то же время очень оригинальнымъ романомъ. Оригиналенъ онъ потому, что въ немъ мужчина и женщина помѣнялись своими постоянными ролями. Я нападала, онъ защищался. Онъ требовалъ отъ меня клятвъ въ вѣрности чуть ли даже не за гробомъ. Наконецъ онъ мнѣ порядкомъ-таки наскучилъ. Это — человѣкъ не нашего круга, не нашихъ манеръ и привычекъ, и даже говоритъ не однимъ съ нами языкомъ. Въ то же время у него слишкомъ большія требованія. Щадя его самолюбіе, я ему ни разу даже не намекнула о томъ, *какъ* могъ бы его принять папа, если бы онъ явился предъ нимъ въ качествѣ претендента на мою руку.

«Глупый! Онъ самъ не хотѣлъ продлить эти томительныя наслажденія неудовлетворенной любви. Въ нихъ есть нѣчто очаровательное. Задыхаться въ тѣсномъ объятіи и медленно сгорать отъ желанія — что можетъ быть лучше этого? Наконецъ — почемъ знать? Можетъ-быть, есть еще болѣе дерзкія и еще болѣе томительныя ласки, о которыхъ я даже и представленія не имѣю. Ахъ, если бы

въ немъ было хоть немножко той смѣлости, изобрѣтательности и... и испорченности, которую я раньше съ отвращеніемъ чувствовала во многихъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ!

«А онъ, вмѣсто того, чтобъ становиться съ каждымъ днемъ смѣлѣе и смѣлѣе, нылъ, вздыхалъ, говорилъ съ горечью о неравенствѣ нашихъ положеній (какъ будто бы я согласилась когда-нибудь стать его женой!), намекалъ чуть ли не на самоубійство. Повторяю тебѣ, это стало невыносимо. Только одно, одно наше свиданіе осталось у меня въ памяти, — это когда онъ носилъ меня на рукахъ по саду и, по крайней мѣрѣ, молчалъ. Ахъ, да, милая Лидочка, между прочимъ, онъ проболтался мнѣ, что пишетъ дневникъ. Это меня испугало. Богъ знаетъ, куда могъ бы потомъ попасть этотъ дневникъ. Я потребовала, чтобы онъ далъ мнѣ его. Онъ обѣщалъ, но обѣщанія своего не исполнилъ. Тогда (нѣсколько дней тому назадъ), послѣ долгой ночной прогулки и уже попрощавшись съ Лапшинымъ, я подкралась къ его окну. Я застигла его на мѣстѣ преступленія. Онъ писалъ, и когда я его окликнула, онъ страшно перепугался. Первымъ движеніемъ его было—закрыть бумагу, но, ты понимаешь, я велѣла ему отдать мнѣ все написанное. Ну, моя дорогая! Это такъ смѣшно и такъ трогательно, и такъ много жалкихъ словъ!.. Я сохраню этотъ дневникъ для тебя.

«Не упрекай меня. Я не боюсь за него — онъ не застрѣлится, и я не боюсь также и за себя — онъ будетъ торжественно-молчаливъ во всю свою жизнь. Но, признаюсь, мнѣ отчего-то неопредѣленно-тоскливо... Впрочемъ, все это пройдетъ въ Петербургѣ, какъ впечатлѣніе дурного сна.

«Обнимаю тебя, моя возлюбленная сестра. Пиши мнѣ въ Петербургъ. Твоя К.».

СЪ УЛИЦЫ.

I.

Да, совершенно вѣрно. Это вы совершенно правильно опредѣлили, господинъ... извините, не имѣю высокой чести знать ваше имя, отчество... Главная причина, отчего я погибъ и теперь такъ низко пресмыкаюсь — это слабость моего характера. Такъ и присяжный повѣренный объяснялъ на судѣ, когда меня судили. «Передъ вами, господа присяжные засѣдатели, яркій примѣръ физическаго и нравственнаго вырожденія, на почвѣ наслѣдственнаго алкоголизма, плохого питанія, истощенія и дурныхъ болѣзней». Передъ этимъ меня трое профессоровъ осматривали, и они то же самое сказали въ одинъ голосъ. Я тогда же эти слова занесъ себѣ въ записную книжку. Потому что, долженъ признаться: я хоть и потерялъ обликъ и подобіе интеллигентнаго человѣка, но люблю людей съ образованіемъ и уважаю науку.

Поглядѣвъ на меня, вы вѣдь, конечно, не скажете, что сей самый, сидящій передъ вами субъектъ тоже въ свое время стоялъ на хорошей дорогѣ и могъ сдѣлать себѣ имя и карьеру. Но это поистинѣ такъ. Выражусь символически. Тутъ есть на Пересыпи одинъ трактирчикъ, подъ названіемъ «Ягодка», съ правомъ крѣпкихъ напитковъ. самый — извините — вертепъ. И въ этомъ трак-

тирѣ висятъ за буфетомъ двѣ картины, въ родѣ какъ бы указаніе или напоминаніе, если кто еще въ трезвомъ видѣ. На одной изображенъ нѣкій оборванный мужчина, скажемъ, въ родѣ меня; спитъ въ грязи подъ заборомъ, и тутъ же рядомъ хрюкаетъ свинья. И подписано: «Могъ бы быть человѣкъ» съ восклицательнымъ знакомъ. А на другой картинѣ написано: «Покупалъ за наличныя, — покупалъ въ кредитъ», и нарисованы два индивидуума. Одинъ худой, обдерганный, штаны снизу собачки обкусали, схватилъ себя за голову, и глаза у него наружу вылѣзли — это, который въ кредитъ. А другой сидитъ къ нему задомъ, этакій, знаете, толстый буржуй съ бакенбардами, развалился съ сигарой и смѣется, а передъ нимъ касса, и вся набита золотыми столбиками. Картины эти — лубочныя, дешевка, и я самъ по торговой части никогда не занимался, но вниманія заслуживаютъ. Потому что это въ родѣ намека на мою собственную жизнь. Х-ха! Буфетчикомъ тамъ Вуколъ Наумычъ. Жестокій старикъ. Я ему разъ говорю: «Ты бы, Вуколъ Наумовъ, заказалъ бы еще и третью картину нарисовать. Какъ будто бы этотъ общипанный схватилъ этого самаго банкира одной рукой за манишку, а другой рукой нырнулъ въ несгораемую кассу. А внизу подпись: «И что изъ этого вышло». Но, конечно, буфетчикъ шутокъ не понимаетъ. Я ему сказалъ просто для аллегоріи, а онъ хотѣлъ городового кричать. Что какъ будто бы я его самого угрожалъ такимъ способомъ. Извѣстно — хамъ.

Про третью картину, то-есть это про мою фантазію, я вамъ, милостивый мой государь, не напрасно сдѣлалъ примѣръ. Потому что я самъ однажды попробовалъ такой практикой заняться, и черезъ это вычеркнутъ изъ списка жизни. Слава еще Богу, что коронный судъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, призналъ меня въ состояніи невмѣняемости и отпустилъ на свободу. А то

пришлось бы мнѣ итти добывать «мѣдь и злато» въ мѣстахъ столь отдаленныхъ.

Если ужъ къ этому подошло, то, позвольте, я лучше все по порядку. Вы меня извините, господинъ, но по вашей внѣшности и по разговору я всего скорѣе заключу, что вы, должно-быть, сотрудникъ. Ну, что жъ, можетъ-быть, моя автобіографія пригодится вамъ для воскреснаго фельетона или для популярно-научной статьи. Я съ удовольствіемъ. Напримѣръ, озаглавьте: «Къ вопросу о томъ, какъ нѣкоторыя личности безтолково устраиваютъ свою жизнь». Или, еще лучше — просто: «Исповѣдь преступнаго типа». Можно, кстати, васъ разорить еще на парочку? Только ужъ позвольте спросить обыкновеннаго, за восемь копеекъ. Оно, по крайности, безъ глицерину. Эй, псстъ! чижикъ!.. Пару пива. Чего ты смотришь, дуракъ, какъ козелъ на новыя ворота? Это баринъ угощаютъ. Не видишь, кому служишь, болванъ?

Не довѣряетъ, холуй. Правда, я здѣсь какъ-то однажды большой тарарамъ надѣлалъ. Ну, кромѣ того, и экипировка моя. Знаете, какъ въ «Грандъ-Отелѣ» одна шансонетка поетъ:

„Арри-ги-налиный мой кустюмъ,
Блестящій мо-ой наррядъ,
Тара-тара, тири-тири“...

Слушаю-съ, господинъ буфетчикъ. Виноватъ, самъ знаю, въ такомъ мѣстѣ, и вдругъ — куплеты. Не буду больше, молчу. Да. Такъ вотъ. Вы меня извините пожалуйста, господинъ. Если по-настоящему разсуждать, то я съ вами и въ одной комнатѣ быть недостоинъ. Кто вы — и кто я! Но вы чувствуете состраданіе къ человѣку, убитому судьбой, и даже не побрезговали посадить съ собой рядомъ. Позвольте, я вамъ за это ручку поцѣлую. Ну, ну, ну, не буду... Не сердитесь, извините.

Да. Такъ вотъ. Давеча я вамъ назвался бывшимъ сту-

дентомъ, но это все неправда. Просто, увидѣлъ, что вы — человѣкъ интеллигентный, и думаю: онъ всего скорѣе клюнетъ на студента. И стрѣльнулъ. Но вы обошлись со мной по-благородному, и потому я съ вами буду совершенно откровенно... Былъ я въ университетѣ только одинъ разъ въ жизни, и то на археологическомъ съѣздѣ, когда служилъ репортеромъ въ газетѣ. Былъ, не утаю, сильно намочившись, и что̀ тамъ такое бормотали, ничего не понялъ. О какихъ-то каменныхъ бабахъ какого-то періода...

Однако, позвольте вамъ замѣтить, я все-таки не безъ образованія. Помилуйте, до сихъ поръ помню: Алкивіадъ былъ богатъ и знатенъ, природа щедро надѣлила его умственными способностями... и тамъ еще про собаку, какъ онъ ей отрубилъ хвостъ... исключенія на is и все такое прочее...

Отецъ мой былъ обойщикъ и драпировщикъ, имѣлъ собственную мастерскую въ Кудринѣ, въ Москвѣ. А мать я плохо помню. Помню только, что была она женщина толстая и съ однимъ глазомъ, а другимъ все какъ будто подмигивала кому-то. Помню еще, но это ужъ точно во снѣ, какъ ее при мнѣ обнималъ нашъ старшій мастеръ Шикуновъ и говорилъ: «Ничего. Андрюшка маленькій, онъ ничего не понимаетъ, вотъ мы ему копейку дадимъ»... Пили они, должно-быть, шибко, мои папаша съ мамашей — всегда отъ нихъ виномъ пахло — и лупили меня, чѣмъ попало, — какъ говорится: палкой, скалкой, трепалкой. Воспитаніемъ моимъ неглижировали, и росъ я, какъ сорная трава, на улицѣ и на дворѣ. Настоящимъ же моимъ воспитателемъ былъ нашъ мальчикъ-подмастерье; его звали Юшка.

Долженъ я вамъ сказать, видалъ я въ моей жизни множество самыхъ разныхъ фигуръ. Достаточно того одного, что сидѣлъ въ тюрьмѣ. Но вотъ, ей-Богу, такого

безобразника и безстыдника, какъ онъ, я ни разу не встрѣчалъ. Чему онъ насъ, мальчишекъ, училъ, что̀ заставлялъ насъ дѣлать тамъ, за каретнымъ сараемъ, между дровами, я вамъ даже не смѣю сказать — совѣстно. Ей-Богу. А вѣдь былъ онъ самъ почти ребенокъ...

Это еще пустяки, что курили, пили водку, играли въ орлянку и въ карты — налѣво, направо — и что я таскалъ у отца потихоньку деньги. Отецъ и самъ по праздникамъ, когда у насъ бывали гости, забавлялся тѣмъ, что накачивалъ меня допьяна и заставлялъ плясать... Съ Юшкой хуже бывало. Одиннадцати лѣтъ узналъ я женщину; это было опять-таки на задворкахъ, подъ руководительствомъ того же самаго Юшки. Удивительно, право! Этотъ человѣкъ совсѣмъ исчезъ съ моего горизонта, и я не знаю, гдѣ онъ: на каторгѣ, или его убили гдѣ-нибудь, какъ собаку... Но никто никогда не имѣлъ на меня такого адскаго вліянія. Боялся я его до чрезвычайности. Повѣрите ли: даже теперь иногда вижу его во снѣ, будто онъ меня дубаситъ, и отъ страха просыпаюсь. . За ваше здоровье! А вы сами? Нѣтъ? Ну, какъ изволите. Хорошо! Холодное.

Однако я тѣмъ временемъ подросъ. Не знаю ужъ, какой чудотворецъ пропихнулъ меня въ гимназію, въ приготовительный классъ. Думаю, что не обошлось здѣсь безъ барашка въ бумажкѣ — сунули, должно-быть, кому слѣдуетъ. Вотъ тутъ-то и началось хожденіе моей грѣшной души по мытарствамъ. Въ три года я, кажется, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ перебывалъ, въ классическихъ и реальныхъ. Гдѣ учителю жеваной бумаги въ карманъ насовалъ, гдѣ попался пьянымъ на улицѣ. Въ одномъ мѣстѣ у товарища укралъ коллекцію перышекъ... e цетерà e цетерà, въ томъ же родѣ.

Приду, бывало, домой — отецъ сразу по глазамъ видитъ. «Вышибли?» Я молчу. «Ахъ ты, с... сынъ! Вотъ

погоди, отдамъ я тебя въ сапожники, тогда взвоешь. Ступай, принеси веревку».

Наконецъ, больше поступать стало некуда. Осталась всего только одна частная гимназія Хацимовскаго. Можетъ-быть, слышали? Зам-мѣч-чательнѣйшее было, доложу вамъ, учрежденіе, однимъ словомъ — замокъ чудесъ и волшебствъ. Какой-нибудь купеческій оболтусъ до пятнадцати лѣтъ голубей гонялъ, папу-маму безъ ошибки написать не можетъ, а, глядишь, отъ Хацимовскаго лѣтъ черезъ пять вышелъ съ аттестатомъ зрѣлости. Это правда: сидѣли тамъ въ послѣднихъ классахъ очень зрѣлые мужики, годовъ по двадцати пяти — бородатые, почтенные люди. Про одного такого эѳіопа разсказывали, что онъ въ гимназію вмѣстѣ съ сыномъ ходилъ. Сынъ въ приготовительный, а онъ въ седьмой. И обоимъ имъ дома дѣлали на завтракъ бутерброды.

Помѣщали туда больше купеческихъ сыновей и дворянчиковъ — все исключительно тѣхъ, которыхъ отовсюду уже вышвырнули. Деньги брали за ученіе солидныя. И было это заведеніе въ родѣ звѣринца: архаровцы, скандалисты, обломы; всѣ какъ на подборъ — самые развращенные мальчишки. На учителяхъ верхомъ ѣздили. Ну, ужъ и учителя у насъ были. Та-акіе гуси!..

У Хацимовскаго я окончательный лоскъ получилъ. Но и оттуда меня въ скоромъ времени — фить! За что? Да за разное. Длинная исторія. Началось это съ того, что отобралъ у меня надзиратель альбомъ этакихъ, знаете, карточекъ со стихотворными поясненіями моей собственной музы, ну и такъ далѣе... Что вспоминать! Пассонъ, какъ говорятъ французы.

Пришелъ я домой. Отецъ опять-было за веревку, но увидѣлъ, что я сильнѣе его сталъ, и осѣкся, — стопъ! Разсердился очень.

— Одна, говоритъ, тебѣ дорога осталась, орясина ты непутевая. Ступай въ солдаты!

Поступилъ я вольноопредѣляющимся. Четыре года подъ рядъ держалъ экзаменъ въ юнкерское училище, никакъ не могъ одолѣть бездны премудрости. Наконецъ надоѣла, должно-быть, моя физіономія экзаменаторамъ, — пропустили. Да изъ училища въ полкъ обратно отчисляли три раза за всякія художества. Изъ училища былъ выпущенъ подпрапорщикомъ, протрубилъ въ этомъ кисломъ званіи два года и былъ произведенъ въ офицеры.

II.

Ну, о томъ, что̀ я въ офицерскихъ чинахъ выкомаривалъ, не буду распространяться. Подробности письмомъ. Скажу коротко: пилъ, буянилъ, писалъ векселя, танцовалъ кадриль въ публичныхъ домахъ, билъ жидовъ, сидѣлъ на гауптвахтѣ. Но одно скажу: вотъ вамъ честное мое благородное слово — въ картахъ всегда бывалъ корректенъ. А выкинули меня все-таки изъ-за картъ. Впрочемъ, настоящая-то причина была, пожалуй, и похуже. Эхъ, не слѣдовало бы. Ну, да все едино — разскажу.

Была у меня въ полку любовница, жена одного офицера. Знаете: глушь, скверный южный городишко, тоска, грязь — только и было у насъ у всѣхъ развлеченія: служба — солдатъ по мордасамъ щелкать, да водка, да еще карты, да еще эти самые романы. И такъ мы усердно романсовали, что всѣ, какъ есть, приходились родственниками другъ другу. И никто въ этомъ не видѣлъ ничего особеннаго. Такъ всѣ и знали: такой-то живетъ съ такой-то, а ея мужа застали съ такой-то, а съ ней живетъ поручикъ Ивановъ, а раньше поручикъ Ивановъ жилъ... словомъ — маседуанъ.

Звали ее Марьей Николаевной. Была она тоненькая,

хрупкая, лицо, какъ у печальнаго ангела — худенькое, нѣжненькое, ротикъ маленькій, розовый, блондинка, глаза большущіе, свѣтлые, голубые. Образованная. Кончила институтъ съ медалью, играла наизусть господина Шопена, хорошей дворянской фамиліи была и со средствами. Много у насъ вокругъ нея народу вертѣлось, какъ тетеревей на току, но — никому ничего. А я, знаете, подошелъ и взялъ ее наглостью, да еще такъ нечаянно вышло это, что я и самъ не ожидалъ. Двое дѣтей у нея было, двѣ дѣвочки.

Дѣлалъ я на Пасху визиты. Собственно говоря, визиты — это просто былъ предлогъ для сугубаго пьянства. Наймешь на цѣлый день фаэтонъ и жаришь изъ одного дома въ другой. Пріѣдешь куда-нибудь, а тамъ цѣлый столъ выпивки и закуски: барашки эти самые изъ сливочнаго масла, мазурки, бабы съ розанами, ветчина въ бумажныхъ завиткахъ, терновки, зубровки, сливовица. Трахъ, трахъ, рюмокъ пять-шесть хлопнулъ, навралъ-навралъ и поѣхалъ къ слѣдующимъ знакомымъ. «Ахъ, что̀ вы, мы ни съ кѣмъ не цѣлуемся!» — «Нѣтъ, пазвольте-съ, какія же вы, барышни, послѣ этого христіанки? Нѣ-нѣтъ. Даже и въ священномъ писаніи поется: другъ друга обымемъ, рцемъ»... и такъ далѣе. Программа извѣстная.

Пріѣхалъ я къ Марьѣ Николаевнѣ уже подъ вечеръ. Сижу — и ничего не соображаю, что̀ ѣмъ, что̀ пью, что̀ болтаю. Мужъ ея, подполковникъ, рядомъ храпитъ въ спальнѣ, тоже съ визитовъ вернулся. Время такое сѣренькое было, не то день, не то вечеръ, на дворѣ дождикъ, скука, часы стучатъ, разговоръ не клеится. Тоска на меня нашла. Сталъ я Марьѣ Николаевнѣ про свое дѣтство разсказывать, про Юшку, про отца, про веревку, про то, какъ меня изъ гимназіи гоняли. И заплакалъ. И, вѣдь какъ человѣкъ бываетъ подлъ, послушайте.

Самъ плачу, сморкаюсь, слезы у меня и изъ глазъ и изъ носу текутъ, трясусь весь, разсказываю красивой образованной дамѣ самые грязные ужасы — ужъ, кажется, всю душу вывернулъ на изнанку! А вѣдь нѣтъ,— себя-то я все-таки въ привлекательномъ видѣ выставилъ: что, молъ, никѣмъ я непонятая, этакая возвышенная хрѣновина, въ родѣ, что ли, Евгенія Онѣгина; тяжелое дѣтство, ожесточенная душа, ласки никогда не видѣлъ — чего я тутъ только ни намоталъ. Гляжу, а она тоже плачетъ. Склонила, знаете, голову набокъ, руки на колѣняхъ сложила, глаза огромные стали, свѣтлые, а слезы по щекамъ бѣгутъ быстро, быстро, быстро. Тутъ и подхватило меня. Слышу я, что мужъ рядомъ храпитъ, кинулся къ ней и точно первый любовникъ въ театрѣ: «О! неужели ты можешь плакать? О ко-омъ? Обо мнѣ? О, эти святыя слезы! Чѣмъ я искуплю ихъ?» И уже мну ее руками. Не сопротивлялась она, ни одного слова не сказала — отдалась мнѣ, какъ овечка. И лицо у нея все мокрое отъ слезъ было.

Узналъ я тогда, что̀ это за штука — власть надъ человѣкомъ. Сдѣлалась Марья Николаевна съ того вечера моей рабой. Въ буквальномъ смыслѣ. Что̀ хотѣлъ — то съ ней и дѣлалъ. И она мнѣ потомъ часто сама говорила: «Да, я знаю, что ты негодяй; ты — грязный человѣкъ, ты развратникъ, ты, кромѣ того, еще маленькій-маленькій, подленькій человѣчишка, ты алкоголикъ, ты измѣняешь мнѣ съ самыми низкими тварями; ты всякой маломальски себя уважающей женщинѣ долженъ быть омерзителенъ и физически и нравственно... и все-таки я люблю тебя. Я твоя раба, твоя собственность, твоя вещь. Если ты убьешь кого-нибудь, ограбишь, изнасилуешь ребенка, — отъ тебя вѣдь всего можно ожидать, — я все-таки не перестану тебя любить всю мою жизнь. Ты — моя болѣзнь».

Подобные акаѳисты она мнѣ нерѣдко читала, а также писала въ письмахъ, и я эти слова запомнилъ хорошо... И отчего это, скажите мнѣ, — вотъ вы человѣкъ, видимо, образованный и начитанный, — отчего это такъ часто умныя, милыя, прекрасныя женщины любятъ различныхъ прохвостовъ? Отъ противоположности, можетъ-быть? Вѣдь сколько, сколько я такихъ случаевъ видѣлъ въ своей жизни. Вы думаете, она была какая-нибудь особенно страстная, Марья Николаевна? О, ничуть. Уступала всегда только моимъ настояніямъ, а то относилась ко мнѣ, какъ мать. Не такъ, какъ моя родная мамашенька, которая меня произвела на свѣтъ, а по-настоящему: кротко, терпѣливо, нѣжно, заботливо...

Да. Я говорилъ сейчасъ про власть, и, можете себѣ представить, стала мнѣ Марья Николаевна до того противна, что и сказать нельзя. Измывался я надъ ней звѣрскимъ образомъ: гналъ ее отъ себя, когда приходила; назначалъ свиданія и разъ по пяти не являлся; письма ея — милыя, ласковыя, добрыя письма — на диванѣ, на полу у меня по недѣлямъ валялись нераспечатанными. Деньги я тянулъ у нея постоянно, на кутежъ, на игру, а то и на женщинъ бралъ. И, знаете, что я вамъ скажу? Философская мысль. Никакое зло на семъ свѣтѣ не пропадаетъ. Если ты еще мальчишкой у жука крылья оторвалъ, то и это тебѣ зачтется и приложится. Господь Богъ намъ всѣмъ, у Себя наверху, двойную итальянскую бухгалтерію ведетъ: приходъ и расходъ—все у Него разнесено по графамъ. Впрочемъ, по Дарвину, Бога нѣтъ. Ну, тогда — судьба, это все равно. И я твердо увѣренъ, что если меня впослѣдствіи, ухъ, какъ здорово по затылку стукало, то это за нее, за Марью Николаевну. Оборвалъ я ей крылышки, погубилъ ее, затопталъ, загрязнилъ ея душу, и все это дѣлалъ безъ пощады, и ее самоё ненавидѣлъ до дрожи, до бѣшенства!..

Разъ собралась у меня холостая компанія. Пили, играли, пѣли, потомъ опять пили и опять играли. Я профершпилился до тла. Посылалъ дважды денщика къ Марьѣ Николаевнѣ за подкрѣпленіемъ и опять прогоралъ. Помню, во второй разъ она мнѣ прислала записку: «Дорогой мой, постарайтесь воздержаться отъ такихъ поступковъ, въ которыхъ завтра будете сами раскаиваться. И, что бы ни случилось, помните, что у васъ есть другъ, который все для васъ готовъ сдѣлать». Я это письмо въ сѣняхъ, когда принималъ отъ денщика деньги, разорвалъ на мелкіе кусочки и швырнулъ на полъ.

Поручикъ Парфененко забралъ всѣ деньги, какія у насъ у всѣхъ были въ сложности, и вдругъ заболѣлъ животомъ и убѣжалъ домой, потому что не хотѣлъ на мѣлокъ играть. А мы опять пить. Шли уже вторыя сутки, безъ просыпу. Вотъ мы разговорились о нашихъ дамахъ. У той ноги длинныя, это хорошо, но зато худыя очень: въ платьѣ красиво, а раздѣнешь — швахъ. У этой родинка на поясницѣ. У другой словечки есть такія особенныя, излюбленныя, въ тайныя минуточки-то. Третья вотъ такъ-то цѣлуется. Однимъ словомъ, всѣхъ разобрали до послѣдней жилочки. Что намъ стѣсняться въ родномъ отечествѣ? Вал-ляй!

Стали про мою спрашивать. А я въ пьяномъ задорѣ и ляпни: да, хотите, только свистну, и она, какъ собачка, сюда прибѣжитъ и все вамъ сама покажетъ? Усомнились. Я сейчасъ же, моментально, съ денщикомъ записку: «такъ и такъ, дорогая Мари, приходите немедленно, иначе никогда меня больше не увидите. И чтобы вы не думали, что это шутка или праздная угроза, то, какъ только пріѣдетъ вашъ мужъ, въ тотъ же день в с е ему открою»... и слово «все» три раза подчеркнулъ.

Что вы думаете? Прибѣжала. Блѣдная, запыхалась, еле на ногахъ держится. Вошла и стала въ дверяхъ,

оперлась о косякъ, губы синія, какъ у трупа, зубы стучатъ. «Здравствуйте, Андрей Михайловичъ! Шла мимо, вижу свѣтъ, думаю, не у васъ ли мужъ? Боялась, какъ бы вы его въ карты не засадили. Вы вѣдь такой совратитель». Словомъ, невѣсть что бормочетъ, точно въ бреду; вѣдь всему полку извѣстно, что мужъ ея поѣхалъ въ округъ принимать боевые патроны! Говоритъ и сама старается улыбаться, а глаза — огромные, синіе — глядятъ на меня съ ужасомъ. Ухъ, ненависть меня взяла на нее. «Раздѣвайся», — говорю. Сняла она тальму — руки такъ и ходятъ, точно у пьяницы. Поняла вѣдь она, поняла съ первой же секунды, чего я отъ нея хочу. Сняла тальму. А я кричу: «Дальше раздѣвайся, снимай лифъ, юбку долой!» Она и не моргнула даже, глазъ отъ меня отвести не могла. Взялась за верхнюю пуговицу — разстегнула, стала вторую нащупывать, да сразу-то не найдетъ, пальцы прыгаютъ. И ни слова, ни звука. Ну, тутъ товарищи вступились. Были они всѣ пьяные, озвѣрѣлые, красные, опухшіе, но ихъ эта пантомима уязвила. До того уязвила, что, когда она ушла, — мы глядимъ — подпоручикъ Бакановъ въ обморокѣ лежитъ. Былъ онъ совсѣмъ зеленый мальчикъ, застѣнчивый, вѣжливый такой, приличненькій, хоть и пилъ крѣпко. Обѣщались они — и ей и мнѣ — все сохранить въ тайнѣ, но гдѣ же удержаться. Сдѣлалась исторія извѣстна всему полку, и чаша моихъ злодѣяній, выражаясь высокимъ штилемъ, переполнилась. Стали всѣ на меня глядѣть этакимъ басомъ, вижу — руку избѣгаютъ подавать, а кто и подастъ, такъ глазами шныритъ по бокамъ, точно виноватый. Открыто не рѣшались мнѣ ничего сказать, потому что жалѣли Марью Николаевну. Какъ-то сразу тогда догадались, что здѣсь не романецъ, не пустая связишка отъ скуки, а что-то нелѣпое, огромное, больное— какая-то не то психологія, не то психіатрія. И мужа

ея жалѣли. Былъ онъ заслуженный шипкинскій подполковникъ и пребывалъ и, кажется, до сихъ поръ пребываетъ въ сладкомъ невѣдѣніи.

И всѣ ждали случая.

Какъ-то играли въ собраніи въ ландскнехтъ. Игра — официально недозволенная въ офицерскомъ клубѣ, но на это смотрѣли — вотъ такъ! Подошелъ и я. Везло мнѣ звѣрски въ этотъ вечеръ, просто до глупости везло, но сердце у меня было какое-то тревожное, невеселое. И еще вотъ что̀ странно: встрѣтился я въ передней съ подпоручикомъ Бакановымъ, не поздоровались мы даже съ нимъ, а только такъ, мелькомъ взглянули другъ на друга, но отчего-то сдѣлалось мнѣ вдругъ какъ-то грустно и противно.

Обошелъ кругъ разъ семь или восемь, наступила опять моя очередь держать банкъ. Положилъ я, какъ теперь помню, направо двойку бубенъ, налѣво короля пикъ и выметываю середину, разъ, два, три, пять, девять, вижу — заметалась карта, и про себя твержу: «заметалась — въ пользу банкомета» — извѣстное игрецкое суевѣріе. Наконецъ — хлопъ! — выбрасываю двойку. Моя! Но — вѣдь какая судьба! — обмишулился: выпало сразу двѣ карты. И вдругъ слышу сзади: «Вы, подпоручикъ, кромѣ того, что негодяй, еще и шулеръ!» Я обернулся, а Бакановъ какъ швырнетъ мнѣ цѣлой колодой въ лицо. И кто-то еще рядомъ по щекѣ ударилъ, и еще, и еще, — со всѣхъ сторонъ! Я кричу: «Господа, позвольте же! Что̀ такое? Это недоразумѣніе!» А мнѣ кричатъ: «Вонъ изъ собранія! Выгнать его! Выбросить въ окно! Шулеръ! Завтра же вонъ изъ полка!»

Вы понимаете: они не хотѣли Марью Николаевну скандалить передъ всѣмъ обществомъ, и вотъ и придрались къ случаю. Черезъ два дня судъ общества офицеровъ предложилъ мнѣ подать прошеніе объ увольненіи въ за-

пасъ. Такъ и выкинули изъ полка, точно шелудивую собачонку... И подѣломъ. Что жъ... я справедливъ: самъ знаю, что заслужилъ. Ну... да, ничего... пассонъ! Еще пива? Благодарю, я не откажусь. Ву зетъ тре земабль. Только мнѣ какъ-то неловко все одному да одному...

III

Чѣмъ я былъ потомъ? Вы спросите лучше, чѣмъ я не былъ. Та-акая пошла со мной кувырколегія! Былъ я десятникомъ при устройствѣ канализаціи, былъ кочегаромъ въ Азовскомъ пароходствѣ, чертежникомъ, коммивояжеромъ, ученикомъ у зубного врача, таскалъ кули на пристани, вотъ въ этомъ самомъ городѣ, наборщикомъ служилъ въ типо-литографіи. Между прочимъ, въ то время, когда былъ наборщикомъ, женился. По-дурацки это какъ-то произошло. Да, все равно, черезъ полтора года я ушелъ и жену бросилъ съ мальчишкой. Занятный былъ у насъ ребятенокъ — ахъ, какая прелесть! Да я и вообще-то дѣтей до безумія люблю! — дѣтей и животныхъ. И не было у насъ при прощаніи ничего: ни ссоры, ни драки, ни измѣны. А просто меня въ одно прекрасное майское утро потянуло въ бѣга. Была, кромѣ того, у меня еще и другая мысль, что безъ меня еще жена какъ-нибудь устроится, а со мной все равно ей надо пропадать. И потому, «не говоря ни съ кѣмъ ни слова, плащомъ прикрывши полъ-лица», сунулъ я паспортъ въ боковой карманъ и фуръ-фуръ въ другой городъ.

Былъ я потомъ пѣвчимъ, служилъ въ опереткѣ въ хорѣ; послужилъ также и въ драматической труппѣ, амплуа мое было — простакъ и второй комикъ съ пѣніемъ. Послушникомъ прожилъ въ монастырѣ около года. Господи, всего и не упомнишь!

Изъ монастыря меня ловко турнули — въ одинъ моментъ. Былъ я приставленъ служкой въ монастырскую гостиницу. Ничего, весело жилось. Изъ кружечнаго сбора причиталось десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, на всемъ готовомъ, да еще кое-какіе доходишки были посторонніе. Выпивали мы изрядно, и насчетъ прочаго... Вообще— занятно. Лукавый-то, онъ всегда около святыхъ мѣстъ бродитъ... Искушеніе! Лѣтомъ къ намъ, къ престолу, до тысячи бабъ стекалось, крестьянки больше, мѣщаночки, купчихи, мелкія помѣщицы, — всякія: и молодыя и старыя. Поразительно: нѣтъ для женщины больше сладости, какъ грѣшить и каяться, каяться и грѣшить. А ужъ тѣмъ паче, когда кругомъ этакая молитвенная обстановка, благолѣпіе всякое, смиреніе, воздыханіе, умиленіе... А попросили меня изъ святого мѣста вотъ почему:

Висѣли у насъ по стѣнамъ въ гостиницѣ этакіе печатные листы: не молитвы, а такъ... стихотворное упражненіе нѣкоего отца Павсикакія. Озаглавлено было такъ: «Духовная борьба противъ невидимаго врага». Я и теперь помню кусочками: «Брате, затворяй съ молитвою дверь, дабы не ворвался душевредный звѣрь... Разинетъ онъ грѣха огнепылающую пасть, а ты не медли кресты и поклоны класть... Тщится онъ ужалить тебя лѣности хвостомъ, а ты отгоняй его сокрушеньемъ и постомъ... Противъ его любострастья батарей — траншею воздержанья возводи скорѣй... Будетъ онъ пускать въ тебя зависти картечь, но щитомъ тебѣ да послужитъ спасительная рѣчь»... И такъ далѣе, съ гранатами и съ бомбами, съ патронами и пулями... А я какъ-то съ однимъ гостиничнымъ монашкомъ, Прохоромъ, урѣзалъ муху, да взялъ карандашомъ кое-гдѣ сверху строкъ и написалъ свои собственныя риѳмочки, въ родѣ тѣхъ, извините, которыя въ извѣстныхъ уединенныхъ мѣстахъ пишутся на стѣнкахъ. И совсѣмъ забылъ объ этомъ обстоятельствѣ.

А тутъ вдругъ назначили къ намъ новаго преосвященнаго. Пріѣхалъ владыка въ монастырь, все осмотрѣлъ, все благословилъ, остался очень доволенъ порядкомъ. Наконецъ шествуетъ въ гостиницу, видный такой пастырь, осанистый, бородатый — не архіерей, а конфета! За нимъ отецъ игуменъ, отецъ казначей, отецъ экономъ, іеромонахи, вся соборная братія. И мы, гостиничные служки, жмемся вдоль стѣнъ и, аки нѣкія безгласныя тѣни, благоговѣйно трепещемъ.

Владыка вдругъ спрашиваетъ: «А это у васъ что такое на стѣнахъ?» — «А это, — говоритъ экономъ: — у насъ развѣшано для поученія темнаго народа... какъ бы въ стихотворной формѣ». Подошелъ преосвященный, поглядѣлъ съ минутку, потомъ повернулся къ братіи, весь красный отъ гнѣва. «Чей же грязный карандашъ написалъ эти гнусности?» Обвелъ насъ всѣхъ очами. Прозорливый былъ архипастырь: увидѣлъ, что на Прохорѣ лица нѣтъ, и тотчасъ въ него перстомъ. «Ты!» Прохоръ — бацъ въ ноги! «Прости, преосвященный владыка, былъ лишь свидѣтелемъ сего и, по слабости, не остановилъ. Писалъ послушникъ Андрей». Тогда владыка ко мнѣ. «Если, — говоритъ: — въ яблокѣ завелся червь, то вырѣзаютъ сердцевину и отметаютъ, дабы не погибъ весь плодъ. Завтра же убрать этого писателя изъ монастыря. Пусть упражняетъ свое скверное воображеніе въ уличныхъ газеткахъ».

И — что вы думаете — истинный провидецъ оказался владыка! Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ, по волѣ судьбы, я дѣйствительно примазался къ одной газеткѣ — сначала корректоромъ, а потомъ репортеромъ.

Воздухъ тамъ былъ легкій и веселый, ни грамоты ни таланта не требовалось, дѣла дѣлались больше по кабачкамъ, по кофейнямъ, народъ кругомъ тебя все — аховый, тертый. Любо! Но и тутъ я сорвался—такая моя участь.

Пропитывались мы всѣ, по малости, разными вспомогательными путями. Напримѣръ, въ загородныхъ садахъ, въ кафе-шантанахъ около буфета. Упомянешь въ десяти строкахъ, что вотъ, молъ, вчера мы видѣли вновь ангажированную неутомимымъ хозяиномъ «Гвадалквивира» мексиканскую этуаль Пузу-Лаперузу, являющуюся несравненной исполнительницей... ну и... кредитъ. Фельетонисты рекламировали, какъ будто мимоходомъ, гастрономическіе магазины, романисты водили своихъ героевъ въ извѣстные рестораны и такъ далѣе. Кормились мы также вокругъ мировыхъ судей. Привлекаютъ булочника за то, что у него мастера спятъ на кадкахъ, трактирщика тянутъ за грязь, бакалейщика — за сахаринъ, но больше всего булочниковъ и кондитеровъ. А я сижу въ камерѣ на видномъ мѣстѣ и нѣтъ-нѣтъ черкну что-нибудь въ записную книжку. Ну, кому же лестно попасть въ газетную хронику? А глазомъ-то я все-таки кошу вбокъ: вижу — мой булочникъ не уходитъ, хоть его дѣло давно и кончилось, и все на меня съ безпокойствомъ поглядываетъ. Выжду я минутъ съ десятокъ и совершенно неглиже, какъ будто у себя дома, выхожу изъ камеры. Онъ за мной. На улицѣ этакимъ сдобнымъ голоскомъ спрашиваетъ: «А позвольте узнать, вы не репòртеръ?» Я на него барбосомъ: «Репортеръ. А вамъ чтò?»—«Да такъ-съ... хе-хе-хе-съ!.. Вотъ и мое тоже сейчасъ дѣльце разбиралось, можетъ-быть, слышали?».— «Слыхалъ». — «И записали?» —«Записалъ-съ». — Эхъ, дѣла-то какія! А вѣдь совершенно понапрасну меня запротоколили... У насъ, видите ли, околоточный... Да, позвольте, чтò же мы на улицѣ стоимъ? Не угодно ли вамъ зайти со мной на минуточку... Здѣсь рядомъ есть ресторанчикъ... я бы вамъ все по порядку... Знаете, и время теперь такое, что на рюмку позываетъ. А тутъ замѣчательно готовятъ фляки по-польски. Право, не завернемъ ли?» Я моментально на

себя строгость напускаю. «Да пож-жалуй, я бы и самъ, собственно говоря, не прочь, но только впередъ уговоръ: платить пополамъ. У насъ въ редакціи насчетъ разныхъ угощеній ни-ни!» Ну, конечно, уходишь изъ кабачка и сытъ, и пьянъ, и четвертной билетъ въ карманѣ.

Но, повторяю, сорвался — сорвался потому, что кусъ не по себѣ заглотилъ. Былъ у насъ въ газетѣ нѣкій фруктъ, велъ онъ городскую хронику и писалъ воскресный фельетонъ. Прямо вамъ скажу — левъ былъ, а не человѣкъ! Посудите сами, много ли на думѣ наколотишь да на двухъ тысячахъ строкъ фельетона? Ну, скажемъ, двѣсти, триста рублей. А онъ лихача помѣсячно держалъ, обѣдалъ въ «Бельвю» и у Бьянки, имѣлъ содержанку-француженку, одѣвался — какъ царь Соломонъ во всей славѣ своей. Пилъ одно шампанское — такъ прямо къ супу ему и подавали флаконъ. Словомъ, рвачъ былъ.

Вотъ онъ однажды въ редакціи отзываетъ меня въ уголъ. Таинственно! «Слушайте, — говоритъ: — есть дѣло. Можно обоимъ заработать тысячу. Хотите?» —«Ну, какъ не хотѣть!» — «Хорошо, такъ вотъ вамъ готовыя цифры. Поѣдете къ Дехтяренкѣ. Знаете?» — «Знаю».—«Черезъ двѣ недѣли онъ объявитъ себя несостоятельнымъ, но теперь для него страшно важно, чтобы никто не зналъ, въ какомъ у него состояніи дѣло. А мнѣ по нѣкоторымъ причинамъ самому неловко. Понимаете?» И далъ мнѣ самую подробную инструкцію.

Пріѣхалъ я къ Дехтяренкѣ. «Принимаютъ?» — «Принимаютъ». — «Передайте карточку». А на карточкѣ у меня: сотрудникъ такой-то газеты, корреспондентъ такого-то столичнаго листка, ли-те-ра-торъ и сверху еще, на страхъ врагамъ, дворянская корона! Выходитъ. «Имѣю честь съ господиномъ Дехтяренко?» — «Эге-жъ, я самый, що треба?» — «А вотъ, видите ли, собираюсь я написать цѣлый рядъ популярно-экономическихъ статей по вопро-

самъ южной промышленности. Конечно, одно изъ самыхъ крупныхъ мѣстъ будетъ отведено вашей фирмѣ, широкій районъ которой...» словомъ — возъ комплиментовъ. Онъ ничего, слушаетъ, молчитъ, здоровенный этакій хохлище, сивый, усатый, глазки маленькіе, жуликоватые. «Все это такъ, — говоритъ: — а только какое жъ мое тутъ дѣло?» — «А, вотъ, — говорю: — собралъ я кое-какія цифровыя данныя, вотъ въ этой самой книжечкѣ, такъ пріѣхалъ для вѣрности, на всякій случай: можетъ-быть, вы, достоуважаемый Тарасъ Кирилычъ, что-нибудь до-ба-ви-те?» Засмѣялся хохолъ, взялъ книжечку, ушелъ. Черезъ минуту появляется. «Нѣтъ, — говоритъ: — тутъ ловко состряпано. Кое-что я, впрочемъ, до-ба-вилъ... Но печатать вы все-таки подождите трошки. Можетъ-быть, я черезъ недѣлю вамъ другія цифры сообщу. До свиданія».

Вышелъ я на подъѣздъ, поглядѣлъ — пять радужныхъ. Мало. Тутъ, знаете, этотъ самый монастырскій душевредный звѣрь и выстрѣлилъ въ меня бомбой жадности. Пріѣхалъ въ редакцію — магъ и волшебникъ меня ждетъ. «Ну, что?»—«Да ровно ничего,—говорю: — выслушалъ меня, посмотрѣлъ въ книжку и вернулъ обратно: «Это, говоритъ, меня не касается». — «Слушайте, крокодилъ, вы не врете?» — «Ей-Богу, какъ честный человѣкъ!..» «Ага, — говоритъ: — когда такъ... хорошо же. Я ему пропишу ижицу». На другой день закатилъ статьищу. Да вѣдь какъ ловко, шельма, сдѣлалъ-то, ни фамиліи не назвалъ ни имени, а каждому младенцу ясно, что Дехтяренко въ трубу летитъ. Ну, тутъ плохая штука вышла. Дехтяренко, какъ прочиталъ номеръ, взъерепенился и сейчасъ же къ губернатору; губернаторъ редактора къ себѣ вызвалъ, и въ тотъ же вечеръ меня, раба Божьяго, изъ редакціи — кишь на улицу, къ чортовой матери.

IV.

Два года послѣ этого я существовалъ, но чѣмъ? — ей-Богу, до сихъ поръ не знаю. Не платилъ за квартиру, — это само собой, — должалъ по кабачкамъ, бѣгалъ въ ломбарды. А главное, жилъ займами. Знакомыхъ пропасть было въ городѣ, еще по газетному дѣлу. Тутъ я глубоко постигъ изреченіе: острить и занимать деньги надо внезапно. Встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь на бульварѣ, поговоришь-поговоришь, а потомъ вдругъ съ этакимъ небрежнымъ видомъ: «Ахъ, кстати, нѣтъ ли у васъ до завтрашняго дня рубля или двухъ?» Рубль — такія деньги, что вѣдь совѣстно не одолжить. И такъ, ничего не дѣлая, умудрялся я не только не умереть съ голоду, но еще каждый день къ вечеру бывалъ въ легкомъ подпитіи.

Изрѣдка перепадала кое-какая работишка. Одинъ профессоръ какъ-то пожалѣлъ меня, поручилъ мнѣ привести въ порядокъ его библіотеку и составить каталогъ. Славный былъ стариканъ, весь серебряный, красивый такой, и доброты неописуемой. Мѣсяцевъ семь я у него устраивалъ библіотеку, а какъ вздумалъ онъ однажды ее провѣрить, — такъ и ахнулъ, бѣдняга. Заплакалъ даже. «Хоть скажите мнѣ, — говоритъ: — ради Бога, кому продавали? Я втрое, вчетверо дороже отдамъ, это вѣдь все рѣдкости, единственные экземпляры!» Жалко мнѣ его стало ужасно, самъ я прослезился, только гдѣ же упомнить? Продавалъ все больше на толкучкѣ изъ рукъ въ руки. А то на вѣсъ.

Женщины меня тоже поддерживали. И вотъ судьба моя какая проклятая: все мнѣ попадались бабы самыя душевныя, самыя кроткія — даже между кухарками, торговками, номерантками, даже между обыкновенными па-

нельными дѣвицами. Почему ужъ это такъ выходило — чортъ ихъ знаетъ! Я не знаю...

Но все-таки жить приходилось со всячинкой. Узналъ я ходъ въ ночлежки. Разъ ночевалъ я во Флоровскомъ монастырѣ (вообще мнѣ пришлось довольно-таки много потереться около разныхъ богоспасаемыхъ мѣстъ). Это хоть и женскій монастырь, но есть тамъ спальныя учрежденія для особъ того и другого пола, въ отдѣльности. Дворянское отдѣленіе стоитъ гривенникъ. Мы эту странноприимицу называли, по имени монастыря, отель Флорида, а иначе — гостиница Флоренція. Пришелъ я поздно, сильно дрызнувши. Тамъ, знаете, этакая длинная стеклянная галлерея, и направо все каморки, на четыре человѣка каждая. Мнѣ показали свободную койку, я и легъ.

Рано утромъ дворникъ всѣхъ будитъ, по положенію. Я не выспался, голова трещитъ съ похмелья, золъ — какъ сто дьябловъ. Смотрю, напротивъ меня копошится молодой человѣкъ, остриженъ ежикомъ, бородка а-ля Анри Катръ, но бѣлье на немъ, съ позволенія сказать, заношено до послѣдняго градуса. Я гляжу съ неудовольствіемъ, что будетъ дальше? Начинаетъ молодой человѣкъ чистить сапоги. Чистилъ-чистилъ, кряхтѣлъ-кряхтѣлъ, наконецъ кончилъ: въ сапоги хоть смотрись; потомъ принимается такъ же рачительно чистить пиджачокъ, жилеточку; потомъ вдругъ вынимаетъ изъ-подъ матраца панталоны; оказывается, онъ на нихъ всю ночь спалъ. Я спрашиваю: «Это вы что же, юноша, для сохранности? Чтобы не украли?» Онъ смѣется. «Нѣтъ, это я для того, чтобы фасонъ не терялся, лучше будутъ сидѣть». Я говорю: «Не все ли равно, какъ, въ нашемъ съ вами положеніи, сидятъ панталоны? Была бы только чистая совѣсть и рюмка водки». — А онъ смѣется и спрашиваетъ: «Что такое совѣсть? Ее ѣдятъ?» Понравился онъ мнѣ, вижу — человѣкъ не скучный, предлагаю ему

спорхнуть вмѣстѣ въ трактирчикъ. «Я, — говоритъ: — вообще-то пріемлю и даже очень, но по утрамъ боюсь, будетъ пахнуть, а мнѣ на дѣло итти». — «Э, пустяки, возьмите чаю, пожуйте, и все пройдетъ». Сталъ онъ колебаться: «Развѣ что, въ самомъ дѣлѣ, чаю?» А самъ тѣмъ временемъ одѣлся: манишку бумажную съ гвоздя снялъ, воротничокъ чистенькій, галстукъ черный съ синими звѣздами,—смотрю, ахъ, ты, чортъ! — прямо членъ парижскаго жокей-клуба изъ журнала модъ, и даже на панталонахъ спереди складки. Я говорю: «Вотъ такъ превращеніе!» А онъ только улыбается: «Намъ иначе нельзя».

Слово за слово, закатились мы съ нимъ въ одинъ кабачокъ, въ другой, въ бильярдную... Наконецъ впжу—изсякли наши фонды окончательно, и расплатиться намъ нечѣмъ. Тогда онъ спрашиваетъ, который часъ. «Четыре? Подождите меня съ четверть часа». Шапку съ дворянскимъ околышкомъ на голову и въ дверь. Повѣсилъ я носъ на квинту и говорю самому себѣ: «Ну, старый дружище, теперь центръ тяжести перенесенъ на тебя. Очевидно, дѣло безъ участка не обойдется. Ловкій однако пассажъ устроилъ юноша». Но, тѣмъ не менѣе, жду. Спросилъ газету. Проходитъ четверть часа, и двадцать минутъ, и полчаса, и больше... Я ужъ успѣлъ даже всѣ объявленія перечитать: сбѣжалъ черный пудель, ищутъ репетитора... Признаюсь, упалъ духомъ. Лакей ходитъ мимо меня съ самымъ наглымъ видомъ. Подойдетъ къ столу и давай салфеткой у меня подъ носомъ скатерть обмахивать и посуду безъ нужды переставлять. Что дѣлать? Набралъ я ужъ-было воздуху, чтобы счетъ спросить, какъ вдругъ вбѣгаетъ мой молодой человѣкъ. «Что? Заждались, небось?» — «Н-да-а, признаться...» — «Ну, это пустяки. Человѣкъ, сколько слѣдуетъ?» — «Два двадцать». — «Дай еще бутылку краснаго вина и получи». Брякъ — золотой на столъ.

Сдружились мы съ нимъ за этотъ день, а вечеромъ онъ мнѣ во всемъ открылся. «Дѣло мое, — говоритъ: — очень простое, хотя и не такое легкое, какъ кажется спервоначалу. Я — стрѣляю». — «То-есть какъ это стрѣляете? Просите на бѣдность?» — «Н-нѣтъ, не совсѣмъ такъ. Просятъ на бѣдность на улицѣ личности небритыя, съ сизыми носами и въ рубищѣ; для такихъ двугривенный — богатство Шехеразады. А вы сами посудите, кто же мнѣ рискнетъ предложить двугривенный, если у меня форменная фуражка, чистенькій костюмчикъ и вдобавокъ хорошая дворянская фамилія? Являюсь я прямо на домъ, приказываю о себѣ доложить, представляюсь, какъ равный, за ручку. «Прошу извинить меня за безпокойство, временно нахожусь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, со дня на день ожидаю полученія мѣста...» и прочее и прочее... Какъ у него хватитъ духу дать мнѣ меньше рубля? Ни въ жизнь не хватитъ».

Понравилось мнѣ все, что̀ онъ разсказывалъ. Попробовалъ и я на другой день эту тактику. Страшно было сначала, но ничего, понемногу обтерпѣлся, привыкъ и сталъ стрѣлять по чемъ зря. Если бы не заболѣлъ, такъ бы и не отсталъ отъ этой жизни. Оно — и унизительно и опасно, но занимательно и всегда деньги въ карманѣ— большія, легкія деньги.

Разсчитываешь всегда на психологію. Являюсь я, напримѣръ, къ инженеру — сейчасъ бью на техника по строительной части: высокіе сапоги, изъ кармана торчитъ деревянный складной аршинъ; съ купцомъ я — бывшій приказчикъ; съ покровителемъ искусства — актеръ; съ издателемъ — литераторъ; среди офицеровъ мнѣ, какъ бывшему офицеру, устраиваютъ складчину. Энциклопедія!.. Лавируешь и скользишь, какъ змѣя, каждую минуту на чеку, весь — вниманіе: не сорваться, не переборщить, не впасть въ нищенскій тонъ. Все время смот-

ришь ему въ глаза, нѣтъ, и не въ глаза, а въ переносицу — такъ, по крайней мѣрѣ, и самъ неловкости не испытываешь, и ему кажется, что это у тебя такой прямой и честный взглядъ бѣднаго труженика, преслѣдуемаго судьбой. Главное — жди, пока онъ не сконфузится: за тебя или за себя ему станетъ стыдно, или за свой роскошный кабинетъ. Самаго твердаго человѣка можно въ концѣ концовъ такъ застыдить, что онъ глазами забѣгаетъ и начнетъ рукой въ карманѣ нащупывать портмоне. Тутъ сейчасъ же нажми педаль, тутъ ужъ не бойся перестараться. Все равно, онъ тебѣ въ душѣ не вѣритъ, и гадокъ ты ему до послѣдней степени, но ужъ не дать онъ не посмѣетъ, не рѣшится. Здѣсь — психологія.

Правда, бывали обратные случаи. Стрѣлялъ я однажды у члена какого-то не то Славянскаго, не то Балканскаго общества въ Одессѣ. Нѣтъ, позвольте, не Славянскаго общества, а — я потомъ узналъ — онъ самъ какое-то общество затѣвалъ. Былъ онъ, кажется, чехъ, или хорватъ, или что-то въ этомъ родѣ. Общество же его было такое: чтобы собирались въ извѣстные дни, по праздникамъ, дѣти и взрослые — по преимуществу изъ простого народа — въ большое помѣщеніе, и между прочимъ, чтобы никому запрету не было: и студентъ, и офицеръ, и гимназистка можетъ прійти. Нужно также высшее начальство заинтересовать, — хорошо, если губернаторъ посѣтитъ, архіерей, полицеймейстеръ; словомъ, идиллія подъ сѣнью древесъ. И чтобы всѣ въ этомъ обществѣ, подъ управленіемъ этого самаго далмата, пѣли бы пѣсни — исключительно патріотическія и духовно-нравственныя. Охъ, сильно я подозрѣваю, что все это духовно-пѣвческое общество было не что̀ иное, какъ та же стрѣльба, только въ болѣе широкомъ масштабѣ! По крайней мѣрѣ, извѣстно мнѣ навѣрное, что писалъ онъ постоянно письма

разнымъ высокопоставленнымъ особамъ и все клянчилъ пособія на поддержку патріотической идеи.

Размахнулся я къ нему. Ба-альшой, рослый баринъ, борода по грудь, лицо этакое открытое, благожелательное, лобъ лысый. «Вы — предсѣдатель этого прекраснаго, симпатичнаго общества?» — «Какъ же, я, я, я! Весь къ вашимъ услугамъ». И обѣими руками жметъ мою руку. Началъ я ему пѣть; пѣлъ-пѣлъ, а онъ все ласковѣе становится и головой въ тактъ качаетъ, точно фарфоровый слонъ. Наконецъ говоритъ: «Все это прекрасно; я, конечно, готовъ, чѣмъ могу, но мнѣ, простите, надо быть увѣреннымъ, то ли вы именно лицо, какимъ рекомендуетесь. Позвольте посмотрѣть вашъ паспортъ». Кольнуло меня что-то въ сердце, но по неопытности и легкомыслію вынимаю изъ бокового кармана видъ — въ стрѣлковомъ дѣлѣ его всегда надо при себѣ носить, — подаю ему. Онъ моментально паспортъ въ столъ, дринь! — ящикъ на ключъ и пальцемъ въ электрическій звонокъ. «Даша! Сходите, позовите сейчасъ же полицію!» Сталъ я его молить, на колѣни становился, руки его волосатыя цѣловалъ — куда тебѣ! Заговорилъ я-было съ нимъ потверже, а онъ преспокойно вынулъ изъ другого ящика револьверъ и положилъ передъ собой. «Попробуйте», говоритъ. Энергическій мужчина. Пришлось мнѣ тогда отсидѣть два мѣсяца за профессіональное прошеніе милостыни.

Но это былъ случай единственный. О другихъ подобныхъ я даже и не слыхалъ никогда. Потому что — говорю это, какъ передъ Богомъ, положа руку на сердце— потому что люди, если только ихъ брать не гуртомъ, а по отдѣльности, большею частью хорошіе, добрые, славные люди, отзывчивые къ бѣдности. Правда, помогаютъ они чаще не тѣмъ, кому слѣдуетъ. Ну, что жъ подѣлаешь: наглость всегда правдоподобнѣе нужды. Чему вы смѣетесь? За ваше здоровье!..

Потомъ, еще чѣмъ эта жизнь была пріятна, такъ это свободой. Надоѣло въ одномъ городѣ — стрѣльнулъ на дорогу, иногда даже билетъ II-го класса выудишь, уложилъ чемоданъ, — айда въ другой, въ третій, въ столицу, въ уѣздъ, по помѣщикамъ, въ Крымъ, на Волгу, на Кавказъ. Денегъ всегда масса—иногда я по двадцати пяти рублей въ день зарабатывалъ — пьешь, женщинъ мѣняешь, сколько хочешь — раздолье!

Правда, приходилось временами поджимать животъ. Бывало, пріѣдешь въ городъ, гдѣ всѣ адреса испорчены: или слишкомъ много стрѣлковъ съѣхалось, или нѣкоторые пьяные являлись, или кто-нибудь влопался въ полицію и попалъ въ газеты, и — стопъ! — не везетъ совсѣмъ. Жмешься, жмешься, изъ гостиницы въ ночлежку переѣдешь, одежду лишнюю спустишь, бѣлье... Тогда ужъ приходилось не брезговать на улицѣ палить. Тутъ, я вамъ скажу, выработался шаблонъ. Надо стрѣлять быстро, чтобы не надоѣсть, не задержать, да и фараоновыхъ мышей опасаешься, поэтому и стараешься совмѣстить все сразу: и кротость, и убѣдительность, и цвѣты краснорѣчія. Бьешь на актера, напримѣръ: «Милостивый государь, минуту вниманія! Драматическій актеръ — въ роли нищаго! Контрастъ поистинѣ ужасный! Злая иронія судьбы! Не одолжите ли нѣсколько сантимовъ на обѣдъ?» Студенту говорю такъ: «Коллега! Помогите бывшему рабочему, административно лишенному столицы. Три дня во рту маковой росинки не было!» Если идетъ веселая компанія въ подпитіи, вали на оригинальность: «Господа, вы срываете розы жизни, мнѣ же достаются терніи. Вы сыты, я — голоденъ. Вы пьете лафитъ и сотернъ, а моя душа жаждетъ казенной водки. Помогите на сооруженіе полдиковинки бывшему профессору бѣлой и черной магіи, а нынѣ кавалеру зеленаго змія!» Ничего... засмѣются и дадутъ. Часто больше, чѣмъ ждешь!

Какіе козыри между нами были! Одинъ, напримѣръ, по фамиліи Заблонскій: высокаго роста, красавецъ, усы и бороду брилъ, лицо полное, носъ орлиный — ну, точка въ точку, первый любовникъ со столичной сцены! Тотъ тысячи четыре въ годъ наколачивалъ. И не пилъ, съ женщинами не путался. Была у него слабость — шикарно одѣваться. Сюртукъ всегда самый модный, фракъ — на всякій случай, коричневыя перчатки, костюмчикъ цвѣта этакого электрикъ, трость съ серебрянымъ набалдачникомъ, пальто сезонное балахономъ. Гордится: «Я съ пятнадцати лѣтъ своимъ роднымъ ни копейки не стою». Удивительно, какъ онъ зналъ географію Россіи! Бывало, назовешь ему для шутки какой-нибудь дрянненькій уѣздный городишко, а онъ — моментально: «Стоитъ на рѣкѣ Вихляди; вальцовая мельница, мукомолъ — свѣтлая личность; предсѣдатель земской управы — такой-то, даетъ, но скупо; исправникъ свирѣпый, предводитель дворянства, когда трезвъ — гонитъ, пьяный — дастъ, сколько просишь». И такъ всѣ подробности.

Чудной народишка! Были между нами такіе, которые сами не стрѣляли, а только указывали адреса, служили въ родѣ справочныхъ книжекъ. Тотъ всегда выходитъ вмѣстѣ съ тобой на дѣло; идетъ по улицѣ и вдругъ начинаетъ въ носъ бормотать, таинственно: «Направо каменный особнякъ, Шпехтъ Арнольдъ Карловичъ, архитекторъ; непремѣнно лично; будетъ сначала ругать скверными словами; не смущайся, уговаривай его, какъ верблюда; пятерка». Или: «Аристарховъ, Павелъ Павловичъ; дома не даетъ, надо ловить въ земельномъ банкѣ, отъ трехъ до пяти; не терпитъ длинныхъ разговоровъ». «Гирчичъ, пароходчикъ, мимо; избитое мѣсто, ни одного пенса». «Маргарита Францовна Паули; прекрасная женщина; къ ней надо письменно, отличнымъ почеркомъ и книжнымъ языкомъ; любитъ хорошую литературу». И

такъ далѣе. Понятно, такому путеводителю полагается половина или треть, смотря по условію.

Были и такіе, которые только писали письма для слабыхъ въ грамотѣ. Тутъ опять шаблонъ: «Премного всѣми уважаемая, милостивая государыня! Ваше великодушное сердце и сострадательность къ ближнимъ, обездоленнымъ судьбой, даютъ мнѣ смѣлость» и прочее и прочее. Такихъ писемъ съ собой носятъ на всякій случай пять или шесть, безъ имени, кому попадется. Иные при письмѣ влагаютъ свой паспортъ и потомъ приходятъ за нимъ.

Были старички, которые въ двухъ-трехъ мѣстахъ получали ежемѣсячно пенсію и этимъ жили. Для такого старца — главное — благообразная наружность, украшенная сѣдинами. Да у нихъ какія и потребности! Чай, табакъ, рюмка водки, газета — и больше ничего.

Былъ еще, помню, нѣкто Богоявленскій, изъ семинаристовъ; умнѣйшая, золотая голова, но на видъ — чистый сапожникъ и при томъ косой. Тотъ, бывало, сидитъ цѣлый день у себя въ номерѣ, въ одномъ бѣльѣ, и пьетъ и пишетъ письма. А около него всегда нѣсколько человѣкъ ютятся для разсылки. Ахъ, какъ онъ писалъ! Прежде всего почеркъ — круглый, черный — писалъ онъ тушью — красоты неописанной и четкій, какъ самая крупная печать. А потомъ — слогъ. Дѣлалъ онъ письмами чудеса. Извѣстно, напримѣръ, что духовную особу нѣтъ никакой возможности растрогать — это ужъ фактъ! Кремни. Мы ихъ всегда избѣгали. А онъ закатитъ какому-нибудь архипастырю страницъ восемь, да съ текстами разными, да и тексты-то подбиралъ не такіе, что «рука дающаго не оскудѣетъ», или «просите и дастся вамъ», а, напримѣръ, изъ «Премудростей сына Сирахова», изъ пророка Варуха, да еще въ скобкахъ обозначитъ: глава такая-то, стихъ такой-то. Блестящія писалъ письма и отказа не зналъ никогда.

Нѣтъ, денегъ никто не копилъ, все проживалось. Женщины—тѣ иногда откладывали на сберегательныя книжки, но и то до перваго любовнаго увлеченія. У женщинъ манера извѣстная — стрѣлять на швейную машину. Помогаютъ имъ иногда довольно крупно, но если хорошенькая — рѣдко задаромъ.

Если хотите, пожалуй, и интересно. Но только сначала, а потомъ... Ужъ очень народъ они сволочь, эти стрѣлки, хуже арестантовъ. У тѣхъ, по крайней мѣрѣ, есть хоть какое-нибудь товарищество, дерзость, удаль есть. У этихъ — ничего. За рубль продадутъ и выдадутъ другъ друга, напакостятъ, донесутъ, насплетничаютъ. Завистники, лгуны, трусишки, жадные. Да и вообще я вамъ скажу: сколько я шатущаго народа ни видалъ, нѣтъ хуже, какъ тѣ, которые изъ образованныхъ свихнулись: всѣ эти корнеты отставные, пропившіеся студенты или вотъ еще — актеры. Мразь! До сладенькаго куска охочи, а работу ненавидятъ всѣми фибрами души. Что жъ, я вѣдь и о себѣ здѣсь говорю, я правду говорю. Эхъ, не то, что настоящіе бродяжки, по призванію. Тотъ лежитъ на солнцѣ кверху пузомъ, и ничего ему не надо. Лопаетъ воблу, черный хлѣбъ съ арбузомъ. Отлежался — пошелъ на пристань хребетъ ломать. Ему что: ничего онъ не боится, никого не уважаетъ, никому не кланяется. И, надо признаться, глядѣли они на насъ, стрѣлковъ по профессіи, какъ на гадовъ. Да что! Воришки мелкіе, марвихеры, и тѣ насъ презирали. Тоже вѣдь и съ ними приходилось въ ночлежкахъ встрѣчаться.

V.

Ну-съ, попалъ я такимъ стрѣлковымъ порядкомъ въ Крымъ. Крымъ, знаете, да и вообще югъ, это настоящее гнѣздо всѣхъ шатуновъ и аферистовъ; кто разъ по-

бывалъ тамъ, того ужъ непремѣнно опять туда потянетъ. Тепло, море, горы, красота, деньги кругомъ шалыя. Оттого тамъ всегда такъ и кишитъ бездѣльный народъ.

Застрялъ и я. Съ одной стороны, съ бабой связался, а кромѣ того, стала у меня итти кровь горломъ. Вотъ я тамъ и пустилъ корни.

Сначала везло мнѣ, но вдругъ оборвалось. Наступила зима, холодно, а я совсѣмъ ослабъ, ночью потѣю, днемъ трясетъ меня, начну кашлять — чуть съ ногъ не валюсь. Бѣда! Главное — сезонъ кончился, золотыя овцы уѣхали въ Москву, въ Петербургъ, осталась только одна болящая голь. А мѣстнымъ жителямъ, аборигенамъ, такъ сказать, моя личность до тошноты примелькалась. Встрѣчаютъ сухо: «Позвольте-съ, это опять вы? Въ четвертый разъ? Извините, я не Вандербильтъ, чтобы всѣхъ содержать на субсидіи. До свиданія-съ». Или иное что-нибудь въ этомъ духѣ.

Женщина меня бросила. Красивая она была, бестія, горячая, злая, нетерпѣливая, алчная, — одна такая мнѣ за всю жизнь и попалась. Жить любила широко. Полька. Ее звали Зося. Напослѣдокъ оскандалила меня на улицѣ, — разсердилась, что я ничего не досталъ. «Ты! — кричитъ: — Стрѣлокъ несчастный, гадина острожная, дохлая падаль!» Ушла и домой не вернулась.

Потерялъ я голову. Кое-какъ, по милости одного капитана, перебрался пароходомъ изъ Крыма сюда. Здѣсь пошло еще хуже, просто — шабашъ! Зима суровая, хожу въ лѣтнемъ пальтишкѣ, сапоги дырявые, отъ кашля корчусь въ три погибели. А вѣтеръ съ моря зажариваетъ — ухъ! — такъ и шатаетъ во всѣ стороны. Какъ я живъ тогда остался — удивляюсь! И хуже всего — всякую смѣлость потерялъ. Прошу — голосъ срывается, слезы душатъ. И тутъ-то я узналъ, что на истинную, заправ-

дашную нужду трудно найти сожалѣніе. Настоящее горе всегда почему-то ненатуральнымъ выходитъ. «Ты пьянъ, мерзавецъ, отъ тебя несетъ, какъ изъ погреба, ступай проспись». А я не то, что не пилъ — не ѣлъ со вчерашняго дня.

Пошелъ я къ доктору. Нарочно со злобы выбралъ самаго дорогого. И что вы думаете? — оказался распрекраснѣйшимъ человѣкомъ. Не говорю уже, что лѣчилъ задаромъ. Надо сказать, что на докторовъ мы никогда не жаловались. Если ужъ очень важный, то, бывало, скажетъ: «Эхъ, некогда мнѣ съ вами возиться, вотъ вамъ карточка, идите къ моему ассистенту». Да еще вдогонку крикнетъ: «Постойте, куда же вы? Вамъ вѣдь деньги нужны? Нате и проваливайте поскорѣе». А этотъ — просто душа-человѣкъ былъ, хоть и жидъ. Лѣчилъ даромъ, деньги давалъ на лѣкарство, костюмами снабжалъ, которые, знаете, второго срока. Пальто подарилъ теплое на шерстяной ватѣ.

Сталъ я понемногу поправляться. Однажды мой докторъ и говоритъ: «Слушайте, сэръ, не все же вамъ безъ дѣла околачиваться; у меня есть для васъ въ виду мѣсто. Хотите поступить конторщикомъ въ «Южную Звѣзду»? — «Помилуйте, съ руками, ногами!» — «Ну, такъ отправляйтесь туда завтра къ одиннадцати часамъ, спросите хозяина и скажите, что отъ меня пришли. Онъ уже знаетъ».

Поступилъ я въ гостиницу и немного вздохнулъ. Обязанность легкая — сиди и пиши отъѣзжающимъ счета. Жалованья двадцать пять рублей, столъ, чай — хозяйскій, номеръ, правда, подъ лѣстницей, какъ у Хлестакова, но все-таки номеръ, свое логово. Оглядѣвшись, я еще нѣсколько на счетахъ наживалъ. Дѣлалось это очень просто: жильцу пишешь счетъ преувеличенный, а въ книгу заносишь настоящій, — разницу себѣ. Недоразумѣнія выходили очень рѣдко. Случалось, вломится въ контору ка-

кой-нибудь ольгопольскій помѣщикъ въ парусинномъ балахонѣ и начинаетъ дѣлать гармидеръ, а ты ему моментально съ любезной улыбкой: «Ахъ, да неужели? Такому почтенному гостю? О, это мы сейчасъ же разслѣдуемъ... Знаете, сто двадцать номеровъ, суматоха»... Заговоришь его, онъ и размякнетъ.

А все-таки положеніе было довольно утлое. Сталъ я понемногу оглядываться вокругъ себя и вдругъ вижу, что лакеи въ сто разъ лучше моего живутъ. Худо-худо четыре-пять рублей въ день заработаютъ, а то шесть, семь—даже десять, при удачѣ. И надо отдать справедливость, ко мнѣ они относились довольно-таки санфасонисто.

Подумалъ я, подумалъ, и вотъ какъ-то разъ, освободилась одна лакейская вакансія, пошелъ я къ хозяину и попросился. Тотъ сначала-было глазами захлопалъ. «Помилуйте, вы — бывшій офицеръ, вамъ вѣдь «ты» будутъ говорить; да, знаете, и мнѣ будетъ неловко съ вами обращаться, какъ съ офиціантомъ, а дѣлать разницу — вы сами понимаете — неудобно». Но я его успокоилъ тѣмъ, что открылъ ему часть моей жизни—не самыя, конечно, темныя мѣста, но все-таки разсказалъ кое-какія приключенія. Согласился. Умный былъ мужикъ.

На первыхъ порахъ крѣпко меня лакеи утѣсняли: все-таки въ родѣ какъ благородный, былъ офицеромъ, недавно въ конторѣ бариномъ сидѣлъ. Но ненадолго. Во-первыхъ, я и самъ съ острыми зубами, а во-вторыхъ, есть у меня дорогая способность: во всякую жизнь вживаться. И еще чѣмъ я внушилъ имъ уваженіе — это познаніями по судебной части. У лакеевъ постоянно дѣла у мировыхъ судей и въ съѣздѣ. Все больше въ области дебоша и неуплаченныхъ счетовъ.

Трудно также было привыкать къ службѣ. Лакейское дѣло только съ виду кажется такимъ легкимъ. Прежде

всего, цѣлый день торчишь на ногахъ — бываютъ дни, что и присѣсть некогда. Старые лакеи меня, впрочемъ, съ самаго начала учили, что лучше и совсѣмъ не садиться, а то разомлѣешь и весь разобьешься. Первое время, когда я приходилъ домой, такъ ныла спина и ноги, что хоть кричи.

Потомъ память нужна особая: на какой столъ подаешь, что на кухнѣ заказано, сколько марокъ за буфетъ надо отдать, а когда счетъ потребовали, надо все сразу вспомнить. Перепутаешь — сердятся.

Но и тутъ я скоро освоился и сталъ работать не то, что не хуже, а даже лучше другихъ. Страшно меня полюбили постоянные гости, особенно тѣ, которые въ кабинеты ѣздили съ порядочными дамами. Должно-быть, оттого, что былъ я въ жизни все-таки поопытнѣе прочихъ. Знаю свое дѣло: глазъ не пялю на даму, безъ дѣла въ кабинетъ не лѣзу, у двери не торчу, держу себя скромно и свободно. Другой и старый официантъ, зубы проѣлъ на лакейскомъ занятіи, а не понимаетъ, какъ въ этихъ случаяхъ надо служить. Ведетъ себя какимъ-то заговорщикомъ; чуть не подмигиваетъ. Лѣзетъ безъ спросу занавѣски спускать на окнахъ. «Мы, молъ, понимаемъ, для чего вы пріѣхали. Понимаемъ, но молчимъ». Ну, а я всю эту политику скоро постигъ. Любили меня и тѣ компаніи, въ которыхъ широко кутили. Бывало, навезутъ пѣвичекъ, шансонетокъ этихъ самыхъ. Такія безобразія дѣлаютъ, что другой только плюнулъ бы, а я ничего — служу, точно вокругъ меня не люди, а неодушевленные предметы. И мои гости такъ обыкновенно и говорили официантамъ: «Нѣтъ, голубчикъ, на тебѣ лучше на чай, а ты ступай и позови сюда служить Андрея, мы къ нему привыкли».

Когда у насъ въ гостиницѣ кончались ужины, то у буфета оставался только одинъ дежурный лакей, на слу-

чай, если изъ номеровъ что̀ потребуютъ. А мы, большею частью, фраки въ узелки и уходили въ ресторанчикъ «Венецію» посидѣть часъ-другой, поиграть въ карты и на бильярдѣ.

Какъ мы тамъ съ прислугой обращались, Боже мой! Развалимся на стульяхъ, ноги чуть не на столъ положимъ. «Эй, ты, лакуза! шестерка!» Другихъ и названій не было для служащихъ. «Не видишь, с... сынъ, кому служишь? Какой ликеръ принесъ? Въ морду васъ бить, хамовъ». Тотъ, конечно, видитъ, что надъ нимъ кочевряжится свой же братъ, холуй несчастный, но, по должности, молчитъ. И на чай при этомъ мы давали туго.

Ухъ, какъ мы господъ промежъ себя чехвостили, которые къ намъ въ ресторанъ ходили. Да вѣдь и то, правду сказать, господа думаютъ, что мы — въ родѣ манекеновъ, ничего не видимъ, не слышимъ и не понимаемъ. А отъ насъ ничто не скроется. И кто на чужой счетъ выпить любитъ, и кто деньги тайкомъ отъ товарищей въ узелокъ платка завязываетъ или потихоньку въ башмакъ опуститъ, и что̀ одинъ про другого говорятъ въ отсутствіи. А ужъ если дама въ кабинетъ пришла сначала съ однимъ мужчиной, а потомъ съ другимъ, то, будьте покойны, мы отлично разберемъ, который мужъ и который такъ. И не было у насъ для нихъ другихъ словъ, какъ сволочь, шантрапа и прохвостъ.

Еще у насъ былъ любимый разговоръ о хозяевахъ гостиницы: какъ кто изъ нихъ пошелъ въ гору. Вотъ гдѣ я узналъ настоящія «Тайны мадритскаго двора»! Что̀ ни имя — то преступленіе: грабежъ, убійство или еще хуже.

Не угодно ли, вотъ вамъ коллекція. Ищенко: отель «Берлинъ», первоклассная гостиница, въ ресторанѣ по вечерамъ играютъ румыны, двадцать тысячъ чистаго дохода. И сейчасъ же историческая справка: служилъ швейцаромъ въ публичномъ домѣ, черезъ три года открылъ тем-

ный кабачокъ, черезъ пять — «Берлинъ», теперь держитъ своихъ рысаковъ на бѣгахъ. Замѣчательно, что именно въ томъ домѣ, гдѣ онъ былъ швейцаромъ, видѣли въ послѣдній разъ помѣщика Онопріенко, который — можетъ-быть, помните? — исчезъ безслѣдно. По этому поводу держали Ищенко шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, но выпустили, по недостатку уликъ.

Цыпенюкъ и Лещенецкій. Одинъ держитъ буфеты на пароходахъ, другой—гостиницу «Варшава». У обоихъ собственные дома. Цыпенюкъ — гласный. У Лещенецкаго— содержанка вѣнская этуаль. А раньше оба служили коридорными въ «Кіевѣ». При нихъ одинъ купецъ изъ Москвы скоропостижно скончался въ номерѣ и какъ будто не по собственному почину. Цыпенюка схватили, — царапины у него оказались на рукахъ и на лбу, — маринували въ острогѣ полтора года, но ничего не могли съ нимъ подѣлать: уперся, какъ быкъ. Тоже выпустили.

Теперь — Казимиръ Хржановскій. Садъ «Тиволи» съ кафе-шантаномъ. Ѣздитъ на автомобилѣ. Занимался сводничествомъ; трехъ своихъ сестеръ пустилъ въ оборотъ, каждую по пятнадцатому году, чѣмъ и положилъ основаніе дальнѣйшей карьерѣ. Нагурскій былъ на содержаніи у шестидесятилѣтней старухи. Маліевичъ — меблированный домъ на Большой Дворянской, 300 номеровъ — то же самое, только еще хуже, стыдно говорить. И такъ далѣе. Словомъ, все «Уложеніе о наказаніяхъ» въ лицахъ. Да и вообще. долженъ замѣтить, что я въ эти разсказы о мужичкахъ-простачкахъ, которые приходятъ въ столицу съ лаптями за спиной, а умираютъ въ тридцати милліонахъ — я въ эти разсказы плохо вѣрю. Въ фундаментѣ такихъ внезапныхъ богатствъ лежитъ всегда мошенничество, если не кровь.

Вы думаете, мы ихъ осуждали? О, наоборотъ. Только, бывало, и слышишь: «Эхъ, молодчинище, какъ ловко обтя-

палъ! Чего зѣвать? Дай мнѣ въ руки такой случай, я бы и самъ по головѣ кокнулъ!» Разгорались мы всѣ, когда объ этихъ вещахъ говорили.

VI.

Особенно одинъ. Былъ у насъ такой офиціантъ, Михайла, хохолъ... Виноватъ, господинъ буфетчикъ, сейчасъ кончаемъ. Пожалуйста, господинъ, меня онъ не послушаетъ, а вы попросите у него еще одну бутылочку, послѣднюю. Скажите, что, молъ, единымъ духомъ. Сейчасъ и исторіи моей конецъ...

Вотъ такъ. Мерси. Чего ты, болванъ, на часы вылупился? Слышалъ — хозяинъ разрѣшилъ. То-то!

Ире гезундхейтъ! Былъ этотъ Михайла человѣкъ сложенія жидковатаго, характеромъ — меланхоликъ, по происхожденію — изъ Мазепъ. Обожалъ до безумія церковныя службы; все, бывало, мурлычетъ: «Изра-илю пѣшеходя-ащу». Говорить много не любилъ, но, когда эти разговоры пойдутъ, его и силой не оттащить. Да какъ, да что, да куда деньги спрятали — даже надоѣстъ иногда. И глаза станутъ черные такіе, масляные. Служилъ онъ лакеемъ въ первомъ этажѣ.

Почему я такъ ему понравился, ужъ не умѣю сказать. Должно-быть, общая у насъ судьба была, и потому тянуло насъ другъ къ другу. Стали мы съ нимъ какъ будто отъ прочихъ товарищей уединяться. И все у насъ разговоръ объ одномъ, все объ одномъ. И наконецъ мы оба въ этихъ разговорахъ послѣдній стыдъ потеряли. Нѣкоторымъ образомъ въ родѣ какъ голые ходили другъ передъ другомъ. Настоящаго слова еще не сказали, но уже чувствовали, что намъ даромъ не разойтись.

А я къ тому времени опять прихварывать началъ. Перемогался изо всѣхъ силъ. Случалось — подаю на столъ,

вдругъ какъ забьетъ меня кашель. Сначала держусь, а потомъ, когда не станетъ возможности, брошу приборы на столъ и бѣгомъ въ коридоръ. Кашляю, кашляю, даже въ глазахъ потемнѣетъ. Этакихъ вещей вѣдь въ хорошихъ ресторанахъ не любятъ. Ты, скажутъ, или служи, или ступай — въ больницу ложись. Здѣсь не богадѣльня. У насъ публика чистая.

Такъ я и чувствовалъ, что мнѣ вотъ-вотъ по шапкѣ дадутъ. И думалъ я: опять улица, холодъ, клопы въ ночлежкахъ, конская колбаса, грязь, гадость. Кстати, и моя Зоська ко мнѣ вернулась въ эту пору, — пронюхала, гадюка, что изъ меня опять можно деньги сосать. Есть деньги — она спокойна, ласкова, даже черезчуръ ласкова, такъ что не въ моготу бывало, а нѣтъ — кричитъ мнѣ при сосѣдяхъ: «Лакей вонючій! хамъ! шестерка! продажная тварь!» Только у ней тогда и оказывалось словъ.

Самое тяжелое это время было въ моей жизни, на что ужъ я, кажется, сквозь всякія горнила прошелъ. Бывало, въ мой выходной день брожу по улицамъ и мечтаю: вдругъ кто-нибудь бумажникъ потерялъ, а я найду, а въ немъ три тысячи... Или вдругъ подходитъ ко мнѣ старенькій, добренькій милліонеръ и спрашиваетъ съ участіемъ: «Почему у васъ такой грустный видъ, симпатичный молодой человѣкъ? Скажите откровенно, что васъ тревожитъ? Можетъ-быть, я смогу помочь вамъ?»

Въ это время и пріѣхалъ къ намъ въ гостиницу этотъ человѣкъ, царствіе ему небесное. Что? Странно вамъ, что я крещусь? Нѣтъ, вы не думайте: я къ ночи въ Господа Бога очень вѣрую. Днемъ, правда, впопыхахъ и въ пьянствѣ, забываю Его, моего благодѣтеля.

Разсказывать ли дальше! Непріятно вамъ это будетъ, тяжело?.. Ну, если такъ, буду продолжать по порядку.

Былъ онъ крупная шишка. Управлялъ какими-то имѣ-

ніями въ Крыму и на Кавказѣ; на Волгѣ, подъ его начальствомъ, состояло болѣе двадцати тысячъ десятинъ, кромѣ того что-то орудовалъ съ нефтью и съ желѣзомъ. Видѣлъ я его каждый день. Утромъ, бывало, выйдетъ къ завтраку — въ часъ или въ два — просто страшно на него смотрѣть. Огромный, опухшій, лицо земляное, подъ глазами черные мѣшки, а глаза оловянные, безсмысленные, чуть не выскакиваютъ наружу. Дышать ему очень трудно было; что-то такое дѣлалось у него съ легкими или съ сердцемъ, — кажется, была грудная жаба. Ляжетъ грудью на столъ, локти растопыритъ и дышитъ не то что горломъ, а спиной и животомъ и головой. Набираетъ воздуху — голову и грудь подыметъ кверху, ротъ раскроетъ, а какъ выпуститъ воздухъ, такъ весь и рухнетъ опять на столъ. Такъ и трепыхается, бѣдный, съ полчаса. Но ничего: ошарашитъ передъ завтракомъ сколько-нибудь водки, бутылку грѣтаго краснаго вина, глядишь — и поправился, и повеселѣлъ.

Крупныя онъ, должно-быть, дѣла дѣлалъ и все съ шуточками, съ приговорками, за обѣдомъ, за шампанскимъ. Но и въ карты сильно игралъ и развратничалъ широко. Щедрый былъ. Много отъ него нашему брату перепадало.

Остановился онъ въ четвертомъ номерѣ, у Михайлы, въ бельэтажѣ, и странно, — съ этихъ поръ у насъ съ Михайлой нашу дружбу — чикъ! — точно ножомъ отрѣзало. Охладѣли другъ къ другу — и шабашъ. Только разъ, помню: кончилъ я службу и иду внизъ по лѣстницѣ, а онъ меня сверху кличетъ: «Андрей!» Гляжу, онъ черезъ перила перевѣсился и манитъ меня пальцемъ. И лицо все у него кривится, какъ у дьявола: не то смѣется, не то нарочно рожи строитъ. Я поднялся къ нему, спрашиваю: «Что?» А онъ говоритъ: «Вчера Николай Яковлевичъ (это такъ номера четвертаго звали), вчера Николай

Яковлевичъ пьяный вернулся и, когда легъ, сейчасъ же захрипѣлъ и двери не успѣлъ запереть. Я его толкалъ, толкалъ: «Не угодно ли, молъ, раздѣться?»—Ку-да!» Понялъ я, поглядѣлъ на Михайлу, онъ на меня. «Такъ что же?» — шопотомъ спрашиваю. А онъ, этакъ, съ растяжкой: «Да н-ничего».—«Прощай,—говорю,—Михайла». А онъ опять такъ же лѣниво: «Прощай, Андрей».

А потомъ и случилось это самое. Подалъ я вечеромъ въ красный кабинетъ устрицы, матлотъ изъ налима и какое-то бѣлое вино и стою въ коридорѣ около часовъ. Было четверть перваго. Вдругъ точно меня кто-то сзади толкнулъ въ спину. Обернулся, гляжу — въ концѣ коридора стоитъ Михайла. Лицо бѣлое, — такое бѣлое, что отъ манишки не отличишь. Стоитъ — и ни звука. И, знаете, — удивительно: сразу я понялъ, въ чемъ дѣло. И ни онъ мнѣ не сказалъ ничего, ни я ему. Но замѣтилъ я, что у него на рукахъ бѣлыя перчатки.

Онъ впереди шелъ, я сзади. Подошли къ номеру четвертому. Въ коридорѣ ни души, и ужъ лампы потушены. Я шепчу ему: «Тише!» А онъ нарочно со всего размаха какъ дернетъ дверь! И сейчасъ же меня впередъ пропихнулъ и заперъ дверь на ключъ.

Темно было въ номерѣ, — такъ темно, что я Михайлу сразу же потерялъ, да и самъ не могу понять, куда я попалъ, гдѣ двери, въ какую сторону итти? Заблудился. Вдругъ слышу — чиркнули спичкой, огонь. Гляжу, Михайла въ комнатѣ около зеркала зажигаетъ свѣчку; думаю: «что же онъ, болванъ, такое дѣлаетъ?» А онъ со свѣчкой моментально за перегородку въ спальню. Слышу, говоритъ: «Баринъ, а баринъ, Николай Яковлевичъ, извольте раздѣваться, неудобно вамъ такъ будетъ. Позвольте, я васъ въ кроватку уложу». Помолчалъ немного и вдругъ опять: «Эй, ты, бугай черкасскій, вставай! А то какъ дамъ каблукомъ въ животъ!» И опять тихо,

только слыхать, дышитъ баринъ тяжело такъ, съ натугой. Вдругъ Михайла зоветъ меня: «Андрей, поди сюда».

Вошелъ я за перегородку. Лежитъ Николай Яковлевичъ на спинѣ, животъ огромный, какъ гора, ротъ раскрытъ, и по бородѣ слюни потекли, одна нога на кровати, другая внизъ свѣсилась. Охъ, какъ же онъ дышалъ! Видали рыбу, когда ее на берегъ вытащатъ? Точь въ точь. Видно, попадала ему въ легкія всего одна чайная ложечка воздуху, такъ онъ ее ртомъ, и носомъ, и горломъ... Стонетъ, кряхтитъ, нудится, и лицо все искривилось, а проснуться не можетъ...

А Михайла опять: «Просыпайся, что ли, нечистая душа! Вотъ мы вдвоемъ пришли тебя раздѣвать!» Да съ этими словами моментально хвать у него одну подушку изъ-подъ головы. Тотъ ничего, только головой, какъ теленокъ, мотнулъ, всхлипнулъ и опять давай воздухъ ловить. Обернулся ко мнѣ Михайла, страшный такой, точно звѣрь. «Садись, — говоритъ, — на ноги и держи». А самъ подушку ему на лицо и — навалился.

Что̀ Михайла дѣлалъ, я не видалъ, не знаю: спиной онъ ко мнѣ былъ. Помню, дрыгнулъ баринъ ногами разъ, два, три, но совсѣмъ слабо, потомъ какъ будто икнулъ одинъ разъ, — и все. Должно-быть, и самъ не замѣтилъ, какъ умиралъ. Былъ я точно въ отупѣніи. Чувствую, тянетъ меня Михайла съ кровати. — «Слѣзай!» Всталъ я, ничего не понимаю! Вижу, Михайла шаритъ по комодамъ, по столамъ, въ одеждѣ; вижу, Николай Яковлевичъ лежитъ ужъ на двухъ подушкахъ и ноги вмѣстѣ, точно спитъ, а я, какъ идіотъ, ничего не понимаю. Помню только, что въ другой комнатѣ все какой-то стаканъ дребезжалъ: должно-быть, ѣхала по улицѣ телѣга.

Потомъ стало опять темно... Михайла мнѣ шепчетъ: «Пойдемъ... кончено»... У меня ни страха ни жалости, —

одеревянѣлъ весь. Подошли къ двери, послушали—тихо, вышли въ коридоръ — никого! Поглядѣлъ на меня Михайла и говоритъ: «Эхъ, дурень, на что ты похожъ! Иди ко мнѣ въ буфетную, выпей водки». Я ушелъ, а онъ еще остался въ коридорѣ.

Знаете, сколько времени это все заняло? Восемь минутъ! Меня даже ни въ одномъ кабинетѣ не успѣли хватиться. Я нарочно въ оба забѣжалъ и спросилъ: «Не вы изволили звонить?» — «Нѣтъ, — говорятъ, — мы не звонили». И вѣдь сложилось же такъ: ни одинъ офиціантъ не замѣтилъ, что я уходилъ. И весь этотъ вечеръ я служилъ точно заводной автоматъ, даже не сбился ни разу, даже не кашлялъ.

— Не сердитесь, господинъ хозяинъ. Сейчасъ уходимъ. Вы себѣ гасите лампы, мы сейчасъ.

Все равно мнѣ осталось два слова. Пришелъ я домой. Зоська, по обыкновенію, на меня наскочила-было съ руганью, но мнѣ — можете себѣ представить — все равно, точно машинѣ! И она вдругъ притихла. Раздѣлась молча и легла около меня и ко мнѣ прижалась. И долгое время я чувствовалъ, какъ ея рѣсницы мнѣ лицо щекотали.

Спалъ я въ эту ночь чудесно. Даже ни разу не проснулся. Это ужъ потомъ, въ тюрьмѣ, мнѣ все мерещилось, какъ его ноги у меня подъ руками дрыгали, и какъ рядомъ стаканъ дребезжалъ... Зато, какъ утромъ проснулся, такъ и ошалѣлъ отъ ужаса. «Господи, думаю, да неужели же это было не во снѣ? Вѣдь человѣка, человѣка мы убили съ Михайлой!» Одѣлся я.

— Уходимъ, уходимъ, не раздражайтесь. До свиданія, хозяинъ. Спасибо вамъ...

Эка, какой вѣтрило! Брр!.. Что, не надоѣлъ я вамъ своими приключеніями? Ну, я сейчасъ кончу.

Одѣлся я, вышелъ на улицу. Было утро раннее, часовъ шесть-семь. На улицахъ никого не было. Толкнулся

я къ Михайлѣ — говорятъ, дома не ночевалъ, должно-быть, въ гостиницѣ остался. Въ ресторанъ мнѣ итти рано, да и не могу туда итти — противно. Ходилъ я, ходилъ по городу. Отворили турецкія кофейни, тамъ посидѣлъ, чашку кофе выпилъ чернаго. Гляжу на людей и думаю: «всѣ, всѣ вы счастливые, у каждаго свое дѣло, у каждаго чистыя руки... а я!»

Потомъ пошелъ на бульваръ. Солнце взошло. Сыро на дорожкахъ. Гимназистки идутъ въ гимназію — маленькія болтушки, личики свѣженькія, только-что вымытыя... Сѣлъ я на скамейку и задремалъ. Вдругъ вижу, идетъ городовикъ и этакъ сызбоку на меня посматриваетъ, точно ворона на мерзлую кость. А у меня сейчасъ же мысль: «подозрѣваетъ»... Подошелъ онъ ко мнѣ. «Сидѣть, господинъ, на бульварѣ каждому дозволяется, которые проходящіе, этого мы не запрещаемъ, а чтобы спать — нельзя. У насъ пальцимейстеръ. Строго».

И что̀ тутъ такое со мною случилось, — я до сихъ поръ понять не могу. Всталъ я со скамейки и говорю ему: «Городовой, веди меня въ участокъ, я этой ночью человѣка убилъ».

Не повѣрилъ онъ сначала. «Иди, проспись. Вино въ тебѣ вчерашнее бродитъ!» Подумалъ я-было одну секунду: «Можетъ-быть, это сама судьба благопріятствуетъ? Уйти развѣ?» Но почему-то не смогъ уйти. Отвелъ онъ меня.

Вотъ и все. Михайла упирался сначала, но подъ конецъ не выдержалъ, сдался. Уликъ противъ него никакихъ не было, кромѣ меня. Охъ, какой же твердый человѣкъ онъ былъ! Представьте себѣ, пока я ходилъ къ нему водку пить, что̀ онъ сдѣлалъ. Гостиница у насъ была хоть первоклассная, но старинной постройки, и на дверяхъ еще оставались внутренніе крючки. Такъ онъ, прежде чѣмъ уйти, поставилъ крючокъ стоймя, да какъ дверью-то хлопнулъ, такъ крючокъ и запалъ самъ со-

бой въ петлю. Руки у него осматривали — ни одной ссадины: не даромъ онъ перчатки тогда надѣлъ. Словомъ, не признайся я, никогда бы на насъ и подозрѣнія не пало.

Защитникъ у меня былъ знаменитый, изъ Петербурга. Онъ такъ и говорилъ: «Во всѣхъ дѣйствіяхъ подсудимаго видна безсмысленность, слабоволіе и слабоуміе. Его одинаково можно вовлечь и въ хорошее и въ дурное». Здорово онъ во мнѣ разобрался — до нитки. И про отца вспомнилъ, и про Юшку, и про разныя мои болѣзни, и про Зоську. Меня оправдали, а Михайлу, какъ главнаго зачинщика, а также за его упорство, закатали на шесть лѣтъ. Держали меня потомъ полгода въ сумасшедшемъ домѣ, но рѣшили, что я хотъ и не того... психически... но безвреденъ, — и выпустили на волю. Вотъ и все.

Я знаю, господинъ, что такихъ вещей, вообще, не разсказываютъ, и теперь поэтому намъ съ вами дорога: если вамъ налѣво, то мнѣ направо, и наоборотъ. Вы ужъ не сердитесь, но я еще разъ злоупотреблю вашей гуманностью. Знаете: ночлежка, завтра рюмку водки, пожевать что-нибудь... О, куда же мнѣ такъ много!.. Ну, а впрочемъ, мерси бьенъ.

Куда я пойду? Да, пока что, на улицу. Я — человѣкъ съ улицы. Не скрою отъ васъ, что, по щедротамъ вашимъ, завинчу сегодня въ какую-нибудь веселенькую трущобку. Вы говорите — подняться? Э-эхъ, что тамъ! Мой циклъ свершенъ окончательно, и никуда мнѣ больше нѣтъ ходу, кромѣ улицы.

Знаете ли-съ... Позвольте, я вамъ краткую притчу... Всѣ мы у Господа Бога нашего квартиранты. Но одни занимаютъ бельэтажъ и платятъ за десять лѣтъ впередъ, и старшій дворникъ при видѣ ихъ не знаетъ, какъ ему лучше кувыркнуться. Другіе живутъ себѣ подъ крышей, но честно, аккуратно, и просрочку считаютъ для себя несмываемымъ позоромъ. Есть и такіе, которые самовольно

контрактъ разрываютъ — это ужъ прямо скандалисты... А есть и такіе, вотъ и я въ томъ числѣ, которые и денегъ не платятъ, и осточертѣли всѣмъ до чорта, а выжить ихъ съ квартиры никакими силами нельзя.

Вотъ такъ-то-съ... Однако что же это я васъ на холодѣ держу? Простите великодушно...

О резервуаръ, мусью, какъ говорятъ французы, и глубокое вамъ мерси.

Чувствую, въ темнотѣ чувствую, какъ вы тревожитесь: «протянуть ему руку или нѣтъ?». Пожалуйста, не безпокойте себя пустяками. Что за предразсудки? Ну-съ, желаю вамъ... У, какой дьявольскій вѣтеръ!..

КОРЬ.

I.

Передъ обѣдомъ докторъ Ильяшенко и студентъ Воскресенскій искупались. Жаркій юго-восточный вѣтеръ развелъ на морѣ крупную зыбь. Вода у берега была мутная и рѣзко пахла рыбой и морскими водорослями; горячія качающіяся волны не освѣжали, не удовлетворяли тѣла, а, наоборотъ, еще больше истомляли и раздражали его.

— Вылѣзайте, коллега, — сказалъ докторъ, поливая пригоршнями свой толстый бѣлый животъ. — Такъ мы до обморока закупаемся.

Отъ купальни нужно было подыматься вверхъ, на гору, по узкой тропинкѣ, которая была зигзагами проложена въ сыпучемъ черномъ шиферѣ, поросшемъ корявымъ дубнячкомъ и блѣдно-зелеными кочнями морской капусты. Воскресенскій взбирался легко, шагая рѣдко и широко своими длинными мускулистыми ногами. Но тучный докторъ, покрывшій голову, вмѣсто шляпы, мокрымъ полотенцемъ, изнемогалъ отъ зноя и одышки. Наконецъ онъ совсѣмъ остановился, держась за сердце, тяжело дыша и мотая головой.

— Фу! Не могу больше... Хоть снова полѣзай въ воду... Постоимъ минутку...

Они остановились на плоскомъ закругленіи между двумя колѣнами дорожки и оба повернулись лицомъ къ морю. Взбудораженное вѣтромъ, мѣстами освѣщенное солнцемъ, мѣстами затѣненное облаками, — оно все пестрѣло разноцвѣтными заплатами. У берега широко бѣлѣла пѣна, тая на пескѣ кисейнымъ кружевомъ, дальше шла грязная лента свѣтло-шоколаднаго цвѣта, еще дальше — жидкая зеленая полоса, вся сморщенная, вся изборожденная гребнями волнъ, и наконецъ — могучая, спокойная синева глубокаго моря съ неправдоподобными яркими пятнами — то густо-фіолетовыми, то нѣжно-малахитовыми, съ неожиданными блестящими кусками, похожими на ледъ, занесенный снѣгомъ. И вся эта живая мозаика казалась опоясанной у горизонта черной, спокойной, неподвижной лентой безбрежной дали.

— А все-таки здо́рово какъ!—сказалъ докторъ. —Красота вѣдь, а?

Онъ протянулъ впередъ короткую руку съ толстенькими, какъ у младенца, пальцами и широко, по-театральному, черкнулъ ею по морю.

— Да... ничего, — равнодушно отвѣтилъ Воскре́сенскій и зѣвнулъ полупритворно. — Только надоѣдаетъ скоро. Декорація.

— Та-акъ! Мы ихъ ѣли. Это, знаете, анекдотъ есть такой, — пояснилъ Ильяшенко. — Пришелъ солдатъ съ войны къ себѣ въ деревню, ну и, понятно, вретъ, какъ слонъ. Публика, конечно, обалдѣмши отъ удивленія. «Были мы, говоритъ, на Балканахъ, въ самыя, значитъ, облака забрались, въ самую середку». — «Ахъ, батюшки, да неужто жъ въ облака?» А солдатъ этакъ съ равнодушіемъ: «А что́ намъ облака? Мы ихъ ѣли. Все одно, какъ стюдень».

У доктора Ильяшенки была страсть разсказывать анекдоты, особенно изъ простонароднаго и еврейскаго быта. Въ глубинѣ души онъ думалъ, что только по капризному расположенію судьбы изъ него не вышло актера. Дома онъ изводилъ жену и дочь Островскимъ, а въ гостяхъ у паціентовъ любилъ декламировать никитинскаго «Ямщика», при чемъ неизмѣнно для этого вставалъ, переворачивалъ передъ собою стулъ и опирался на его спинку вывороченными врозь руками. Читалъ же онъ самымъ неестественнымъ, нутрянымъ голосомъ, точно чревовѣщатель, полагая, что именно такъ и долженъ говорить русскій мужикъ.

Разсказавъ анекдотъ о солдатѣ, онъ тотчасъ же, первый, радостно захохоталъ свободнымъ груднымъ смѣхомъ. Воскресенскій принужденно улыбнулся.

— Видите ли, докторъ... югъ, — началъ онъ вяло, точно затрудняясь въ словахъ:—не люблю юга. Здѣсь все какъ-то масляно, какъ-то... не знаю... чрезмѣрно. Ну, вотъ, цвѣтетъ магнолія... позвольте, да развѣ это—растеніе? Такъ и кажется, что ее нарочно сдѣлали изъ картона, выкрасили зеленой масляной краской, а сверху навели лакъ. Природа! Солнце встало изъ-за моря — и жара, а вечеромъ бултыхъ за горы—и сразу ночь. Нѣтъ птицъ. Нѣтъ нашихъ сѣверныхъ зорь съ запахомъ молодой травки, нѣтъ поэзіи сумерокъ, съ жуками, съ соловьемъ, со стадомъ, бредущимъ въ пыли. Какая-то оперная декорація, а не природа...

— Въ ва-ашемъ до-омѣ, — сиплымъ теноркомъ запѣлъ докторъ. — Извѣстно, — вы кацапъ.

— А эти лунныя ночи, чортъ бы ихъ далъ! — продолжалъ Воскресенскій, оживляясь отъ давнишнихъ мыслей, которыя онъ до сихъ поръ думалъ въ одиночку. — Одно мученье. Море лоснится, камни лоснятся, деревья лоснятся. Олеографія! Цикады дурацкія орутъ, отъ луны

никуда не спрячешься. Противно, безпокойно какъ-то, точно тебя щекочутъ въ носу соломинкой.

— Варваръ! Зато, когда у васъ въ Москвѣ 25 градусовъ мороза, и даже городовые трещатъ отъ холода,—у насъ цвѣтутъ розы, и можно купаться.

— И южнаго народа не люблю, — упрямо продолжалъ студентъ, слѣдившій за своими мыслями. — Скверный народишко — лѣнивый, сладострастный, узколобый, хитрый, грязный. Жрутъ всякую гадость. И поэзія у нихъ какая-то масляная и приторная... Вообще — не люблю!

Докторъ остановился, развелъ руками и сдѣлалъ круглые, изумленные глаза.

— Тю-тю-тю-у! — засвисталъ онъ протяжно. — И ты, Брутусъ? Узнаю духъ нашего почтеннаго патрона въ вашихъ словахъ. Русская пѣсня, русская рубаха, а? Русскій Богъ и русская подоплёка? Жидишки, полячишки и прочіе жалкіе народишки? А?

— Будетъ вамъ, Иванъ Николаевичъ. Оставьте,—рѣзко сказалъ Воскресенскій. Лицо у него вдругъ поблѣднѣло и сморщилось точно отъ зубной боли.—Тутъ смѣяться не надъ чѣмъ; вы знаете хорошо мои взгляды. Если я до сихъ поръ не сбѣжалъ отъ этого попугая, отъ этого гороховаго шута, то только потому, что ѣсть надо, а это все скорѣе прискорбно, чѣмъ смѣшно. Довольно и того, что за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ я ежедневно отказываю себѣ въ удовольствіи высказать то, что меня давитъ... душитъ за горло... что оподляетъ мои мысли!..

— Пре-елесть, ну зачѣмъ такъ сильно!

— У! Я бы ему сказалъ много разныхъ словъ!—воскликнулъ злобно студентъ, потрясая передъ лицомъ крѣпкимъ, побѣлѣвшимъ отъ судорожнаго напряженія кулакомъ. — Я бы... О, какой это шарлатанъ!.. Ну, да ладно... Не на вѣкъ связаны.

Глаза доктора вдругъ сузились и увлажнились. Онъ

взялъ Воскресенскаго подъ руку и, баловливо прижимаясь головой къ его плечу, зашепталъ:

— Слушайте, радость, зачѣмъ такъ кирпичиться? Ну что̀ толку, если вы Завалишина изругаете? Вы его, онъ васъ — и выйдетъ шкандалъ въ благородномъ домѣ, и больше ничего. А вы лучше соедините сладость мести съ пріятностью любви. Вы бы Анну Георгіевну... А? Или уже?

Студентъ промолчалъ и дѣлалъ усилія высвободить свою руку изъ рукъ доктора, но тотъ еще крѣпче притиснулъ ее къ себѣ и продолжалъ шептать, играя смѣющимися глазами:

— Чудакъ-человѣкъ, вы вкусу не понимаете. Женщинѣ 35 лѣтъ, самый расцвѣтъ, огонь... тѣлеса какія! Да будетъ вамъ жасминничать — она на васъ, какъ котъ на сало, смотритъ. Чего тамъ стѣсняться въ родномъ отечествѣ? Запомните афоризмъ: женщина съ опытомъ подобна вишнѣ, надклеванной воробьемъ — она всегда слаще... Эхъ, гдѣ мои двадцать лѣтъ? — заговорилъ онъ по-театральному, высокимъ блеющимъ горловымъ голосомъ. — Гдѣ моя юность! Гдѣ моя пышная шевелюра, мои тридцать два зуба во рту, мой...

Воскресенскому удалось наконецъ вырваться отъ повисшаго на немъ доктора, но сдѣлалъ онъ это такъ грубо, что обоимъ стало неловко.

— Простите, Иванъ Николаичъ, а я... не могу такихъ мерзостей слушать... Это не стыдливость, не цѣломудріе, а... просто грязно, и... вообще... не люблю я этого... не могу...

Докторъ насмѣшливо растопырилъ руки и хлопнулъ себя по ляжкамъ.

— Очарованіе мое, значитъ, вы не понимаете шутокъ? Я самъ вполнѣ уважаю чужія убѣжденія и, увѣряю васъ, радуюсь, когда вижу, что среди нынѣшней молодежи мно-

гіе смотрятъ чисто и честно на эти вещи, но почему же нельзя пошутить? Сейчасъ же фрр... и хвостъ вѣеромъ. Къ чему?

— Извините, — глухо сказалъ студентъ.

— Ахъ, родной мой, я же вѣдь это не къ тому. Но только всѣ вы теперь какіе-то дерганые стали. Вотъ и вы: здоровенный мужчинище, грудастый, плечистый, а нервы, какъ у институтки. Кстати, знаете, что,—прибавилъ докторъ дѣловымъ тономъ: — вы бы, сладость моя, порѣже купались. Особенно въ такую жару. А то, знаете, можно съ непривычки перекупаться до серьезной болѣзни. У меня одинъ паціентъ нервную экзему схватилъ отъ того, что злоупотреблялъ моремъ.

Они шли теперь по послѣднему, почти ровному излому тропинки. Справа отъ нихъ обрывалась круто внизъ гора и безконечно далеко уходило кипящее море, а слѣва лѣпились по скату густые кусты шиповника, осыпаннаго розовыми, нѣжными цвѣтами, и торчали изъ красно-желтой земли, точно спины лежащихъ животныхъ, большіе, сѣрые, замшѣлые камни. Студентъ смущенно и сердито глядѣлъ себѣ подъ ноги.

«Нехорошо это вышло,—думалъ онъ, морщась.—Нелѣпо какъ-то. Въ сущности, докторъ славный, добрый человѣкъ, всегда внимательный, уступчивый, ровный. Правда, онъ держитъ себя немножко паяцомъ и болтливъ, ничего не читаетъ, сквернословитъ, опустился благодаря легкой курортной практикѣ... Но все-таки онъ хорошій, и я поступилъ съ нимъ рѣзко и невѣжливо».

А Ильяшенко въ это время безпечно сбивалъ тросточкой тонкіе бѣлые цвѣточки павилики, крѣпко пахнувшіе горькимъ миндалемъ, и напѣвалъ вполголоса:

Въ вашемъ до-омѣ узналъ я впервые-ые...
Сладость чистай и нѣжн-ай любви.

II.

Они вышли на шоссе. Надъ бѣлой каменной оградой, похожей своею массивностью на крѣпостную стѣну, возвышалась дача, затѣйливо и крикливо выстроенная въ видѣ стилизованнаго русскаго терема, съ коньками и драконами на крышѣ, со ставнями, пестро разрисованными цвѣтами и травами, съ рѣзными наличниками, съ витыми колонками, въ формѣ бутылокъ, на балконахъ. Тяжелое и несуразное впечатлѣніе производила эта вычурная, пряничная постройка на фонѣ сіяющаго крымскаго неба и воздушныхъ, сѣро-голубыхъ горъ, среди темныхъ, задумчивыхъ, изящныхъ кипарисовъ и могучихъ платановъ, обвитыхъ съ верху до низу плющемъ, вблизи отъ прекраснаго, радостнаго моря. Но ея владѣлецъ, Павелъ Аркадьевичъ Завалишинъ, бывшій корнетъ армейской кавалеріи, затѣмъ комиссіонеръ по продажѣ домовъ, позднѣе — нотаріусъ въ крупномъ портовомъ городѣ на югѣ, а нынѣ извѣстный нефтяникъ, пароходовладѣлецъ и предсѣдатель биржевого комитета, — не чувствовалъ этого противорѣчія. «Я — русскій, и потому имѣю право презирать всѣ эти ренессансы, рококо и готики! — кричалъ онъ иногда, стуча себя въ грудь. — Намъ заграница не указъ. Будетъ-съ: довольно накланялись. У насъ свое, могучее, самобытное творчество, и мнѣ, какъ русскому дворянину, начихать на иностранщину!»

На огромномъ нижнемъ балконѣ уже былъ накрытъ столъ. Дожидались Завалишина, который только-что пріѣхалъ изъ города и переодѣвался у себя въ комнатѣ. Анна Георгіевна лежала на креслѣ-качалкѣ, томная, изнемогающая отъ жары, въ легкомъ халатѣ изъ молдаванскаго полотна, шитаго золотомъ, съ широкими, разрѣзными до подмышекъ рукавами. Она была еще очень кра-

сива тяжелой, самоувѣренной, пышной красотой, — красотой полной, хорошо сохранившейся брюнетки южнаго типа.

— Здравствуйте, докторъ, — сказала она низкимъ голосомъ, чуть-чуть картавя. — Отчего вы вчера не догадались пріѣхать? У меня была такая мигрень!

Не подымаясь съ кресла, она лѣниво протянула Ивану Николаевичу руку, при чемъ свисшій внизъ рукавъ открылъ круглое, полное плечо съ бѣлой оспинкой, и голубыя жилки на внутреннемъ сгибѣ локтя, и темную хорошенькую родинку немного повыше. Анна Георгіевна (она требовала почему-то, чтобы ее называли не Анной, а Ниной) знала цѣну своимъ рукамъ и любила ихъ показывать.

Ильяшенко приникъ къ протянутой рукѣ такъ почтительно, что ее пришлось у него выдернуть насильно.

— Вотъ видите, какой у насъ докторъ галантный,— сказала Анна Георгіевна, переводя на Воскресенскаго смѣющіеся, ласковые глаза. — А вы никогда у дамъ рукъ не цѣлуете. Медвѣдь! Подите сюда, я перевяжу вамъ галстухъ. Вы Богъ знаетъ какъ одѣваетесь!

Студентъ неуклюже подошелъ и нагнулся надъ ней, ощущая, сквозь сильный ароматъ духовъ, запахъ ея волосъ. Ловкіе, нѣжные пальцы забѣгали по его шеѣ.

Воскресенскій былъ цѣломудренный молодой человѣкъ, въ прямомъ, здоровомъ смыслѣ этого слова. Конечно, еще съ первыхъ классовъ гимназіи онъ, по наслышкѣ, зналъ все, что̀ касается самыхъ интимныхъ отношеній между женщиной и мужчиной, но его просто никогда не тянуло дѣлать то, что̀ дѣлали и чѣмъ хвастливо гордились его товарищи. Въ немъ сказывалась спокойная и здоровая кровь устойчивой старинной поповской семьи. Но и лицемѣрнаго, ханжескаго негодованія противъ «безстыдниковъ» у него не было. Онъ равнодушно слушалъ то, что̀ гово-

рилось по этому поводу, и не возмущался, если при немъ разсказывали тѣ извѣстные анекдотцы, безъ которыхъ въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ не обходится ни одинъ разговоръ.

Онъ хорошо понималъ, что̀ значило постоянное заигрываніе съ нимъ Анны Георгіевны. Здороваясь и прощаясь, она подолгу задерживала его руку въ своей мягкой, изнѣженной и, въ то же время, крѣпкой рукѣ. Она любила, подъ видомъ шутки, ерошить ему волосы, звала его иногда покровительственно уменьшительнымъ именемъ, говорила при немъ рискованныя, двусмысленныя вещи. Если имъ обоимъ случалось нагнуться надъ альбомомъ, или опереться рядомъ на перила балкона, слѣдя за пароходомъ въ морѣ, она всегда жалась къ нему своей большой грудью и горячо дышала ему въ шею, при чемъ завитки ея жесткихъ, курчавыхъ волосъ щекотали его щеку.

И она возбуждала въ Воскресенскомъ странное, смѣшанное чувство — боязливости, стыда, страстнаго желанія и отвращенія. Когда онъ думалъ о ней, она представлялась ему такой же чрезмѣрной, ненатуральной, какъ и южная природа. Ея глаза казались ему черезчуръ выразительными и влажными, волосы черезчуръ черными; губы было неправдоподобно ярки. Лѣнивая, глупая, безпринципная и сладострастная южанка чувствовалась въ каждомъ ея движеніи, въ каждой улыбкѣ. Если она подходила къ студенту слишкомъ близко, то онъ сквозь одежду, на разстояніи, ощущалъ теплоту, исходящую отъ ея большого, полнаго, начинающаго жирѣть тѣла.

Двое подлѣтковъ-гимназистовъ, съ которыми занимался Воскресенскій, и три дѣвочки, поменьше, сидѣли за столомъ, болтая ногами. Воскресенскій, стоявшій согнувшись, поглядѣлъ на нихъ искоса, и ему вдругъ стало совѣстно за себя и за нихъ, и въ особенности за голыя, теплыя руки ихъ матери, которыя двигались такъ близко пе-

редъ его губами. Онъ неожиданно выпрямился, съ покраснѣвшимъ лицомъ.

— Позвольте-съ, я самъ, — сказалъ онъ хрипло.

На балконѣ показался Завалишинъ, въ фантастическомъ русскомъ костюмѣ: въ чесучовой поддевкѣ поверхъ шелковой голубой косоворотки и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ. Этотъ костюмъ, который онъ всегда носилъ дома, дѣлалъ его похожимъ на одного изъ провинціальныхъ садовыхъ антрепренеровъ, охотно щеголяющихъ передъ купечествомъ широкой натурой и одеждой въ русскомъ стилѣ. Сходство дополняла толстая золотая цѣпь черезъ весь животъ, бряцавшая десятками брелоковъ-жетоновъ.

Завалишинъ вошелъ быстрыми, тяжелыми шагами, высоко неся голову и картинно расправляя обѣими руками на двѣ стороны свою пушистую, слегка сѣдѣющую бороду. Дѣти, при его появленіи, вскочили съ мѣстъ. Анна Георгіевна медленно встала съ качалки.

— Здравствуйте, Иванъ Николаевичъ. Здравствуйте, Цицеронъ, — сказалъ Завалишинъ, небрежно протягивая руку студенту и доктору. — Кажется, я заставилъ себя ждать? Боря, молитву.

Боря съ испуганнымъ видомъ залепеталъ:

— Оч-чи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ...

— Прошу,—сказалъ Завалишинъ, короткимъ жестомъ показывая на столъ. — Докторъ, водки?

Закуска была накрыта сбоку на отдѣльномъ маленькомъ столикѣ. Докторъ подошелъ къ ней шутовскимъ шагомъ, немного согнувшись, присѣдая, подшаркивая каблуками и потирая руки.

— Одному фрукту однажды предложили водки, — началъ онъ по обыкновенію паясничать. — А онъ отвѣтилъ: — «Нѣтъ, благодарю васъ; во-первыхъ, я не пью, во-вторыхъ, теперь еще слишкомъ рано, а въ-третьихъ, я уже выпилъ».

— Изданіе двадцатое,—замѣтилъ Завалишинъ.—Возьмите икры.

Онъ придвинулъ къ доктору деревянный лакированный ушатъ, въ которомъ, во льду, стояла серебряная бадья съ икрой.

— Удивляюсь, какъ вы можете въ такую жару пить водку, — сказала, морщась, Анна Георгіевна.

Завалишинъ поглядѣлъ на нее съ серьезнымъ видомъ, держа у рта серебряную чеканную чарочку.

— Русскому человѣку отъ водки нѣтъ вреда, — отвѣтилъ онъ внушительно.

А докторъ, только-что выпившій, громко крякнулъ и прибавилъ дьяконскимъ басомъ:

— Во благовременіи... Что же, Павелъ Аркадьевичъ? Отецъ Мелетій велитъ по третьей?

За столомъ прислуживалъ человѣкъ во фракѣ. Прежде онъ носилъ что-то въ родѣ ямщичьей безрукавки, но Анна Георгіевна въ одинъ прекрасный день нашла, что господамъ и слугамъ неприлично рядиться почти въ одинаковые костюмы, и настояла на европейской одеждѣ для лакея. Но зато вся столовая мебель и утварь отличались тѣмъ безшабашнымъ, ёрническимъ стилемъ, который называется русскимъ декадансомъ. Вмѣсто стола стоялъ длинный, закрытый со всѣхъ сторонъ ларь; сидя за нимъ, нельзя было просунуть ногъ впередъ, — приходилось все время держать ихъ скорченными, при чемъ колѣни больно стукались объ углы и выступы рѣзного орнамента, а къ тарелкѣ нужно было далеко тянуться руками. Тяжелые, низкіе стулья, съ высокими спинками и растопыренными ручками, походили на театральные деревянные троны— жесткіе и неудобные. Жбаны для кваса, кувшины для воды и сулеи для вина имѣли такіе чудовищные размѣры и такія нелѣпыя формы, что наливать изъ нихъ приходилось стоя. И все это было вырѣзано, выжжено и

разрисовано разноцвѣтными павлинами, рыбами, цвѣтами и неизбѣжными пѣтухами.

— Нигдѣ такъ не ѣдятъ, какъ въ Россіи,—сочнымъ голосомъ говорилъ Завалишинъ, заправляя бѣлыми, волосатыми руками уголъ салфетки за воротникъ.—Да, господинъ студентъ, я знаю, что вамъ это непріятно, но—увы!—это такъ-съ. Во-первыхъ, рыба. Гдѣ въ мірѣ вы отыщете другую астраханскую икру? А камскія стерляди, осетрина, двинская семга, бѣлозерскій снитокъ? Найдите, будьте любезны, гдѣ-нибудь во Франціи ладожскаго сига или гатчинскую форель. Ну-ка, попробуйте, найдите; я васъ объ этомъ усердно прошу. Теперь возьмите дичь. Все, что вамъ угодно, и все въ несмѣтномъ количествѣ: рябчики, тетерки, утки, бекасы, фазаны на Кавказѣ, вальдшнепы. Потомъ дальше: черкасское мясо, ростовскіе поросята, нѣжинскіе огурцы, московскій молочный теленокъ! Да, словомъ, все, все... Сергѣй, дай мнѣ еще ботвиньи.

Павелъ Аркадьевичъ ѣлъ много, жадно и некрасиво. «А вѣдь онъ порядочно наголодался въ молодости», — подумалъ студентъ, наблюдая его украдкой. Случалось иногда, что среди фразы Завалишинъ клалъ въ ротъ слишкомъ большой кусокъ, и тогда нѣкоторое время тянулась мучительная пауза, въ продолженіе которой онъ, торопливо и неряшливо прожевывая, глядѣлъ на собесѣдника выпученными глазами, мычалъ, двигалъ бровями и нетерпѣливо качалъ головой и даже туловищемъ. Въ эти минуты Воскресенскій опускалъ глаза на тарелку, чтобы не выдать своей брезгливости.

— Докторъ, а вина? — съ небрежной любезностью предлагалъ Завалишинъ.—Рекомендую вамъ вотъ это бѣленькое. Это Оріанда 93-го года. Вашъ стаканъ, Демосѳенъ.

— Я не пью, Павелъ Аркадьевичъ. Простите.

— Эт-то уд-дивительно! Юноша, который не пьетъ и

не куритъ. Скверный признакъ, молодой человѣкъ! — вдругъ строго возвысилъ голосъ Завалишинъ. — Скверный признакъ! Кто не пьетъ и не куритъ, тотъ мнѣ всегда внушаетъ подозрѣніе. Это—или скряга, или игрокъ, или развратникъ. Пардонъ, къ вамъ сіе не касательно, господинъ Эмпедоклъ. Докторъ, а еще? Это — Оріанда; право же, недурное винишко. Спрашивается, зачѣмъ я долженъ выписывать отъ колбасниковъ разные тамъ мозельвейны и другую кислятину, если у насъ, въ нашей матушкѣ Россіи, выдѣлываютъ такія чудныя вина. А? Какъ вы думаете, профессоръ? — вызывающе обратился онъ къ студенту.

Воскресенскій принужденно и вѣжливо улыбнулся.

— У всякаго свой вкусъ...

— Де густибусъ?.. знаю-съ. Тоже учились когда-то... Чему-нибудь и какъ-нибудь, выразился великій Достоевскій. Вино, конечно, пустяки, киндершпиль, но важенъ принципъ. Принципъ важенъ, да! — закричалъ неожиданно Завалишинъ. — Если я истинно-русскій, то и все вокругъ меня должно быть русское. А на нѣмцевъ и французовъ я плевать хочу. И на жидовъ. Что, не правду я говорю, докторъ?

— Да... собственно говоря — принципъ... это, конечно... да, — неопредѣленно пробасилъ Ильяшенко и развелъ руками.

— Горжусь тѣмъ, что я русскій! — съ жаромъ воскликнулъ Завалишинъ. — О, я отлично вижу, что господину студенту мои убѣжденія кажутся смѣшными и, такъ сказать, дикими, но ужъ что подѣлаешь! Извините-съ. Возьмите такимъ, каковъ есть-съ. Я, господа, свои мысли и мнѣнія высказываю прямо, потому что я человѣкъ прямой, настоящій русопетъ и привыкъ рубить съ плеча. Да, я смѣло говорю всѣмъ въ глаза: довольно намъ стоять на заднихъ лапахъ передъ Европой. Пусть не мы ея, а

она, насъ боится. Пусть почувствуютъ, что великому, славному, здоровому русскому народу, а не имъ, тараканьимъ мощамъ, принадлежитъ рѣшающее властное слово! Слава Богу! — Завалишинъ вдругъ размашисто перекрестился на потолокъ и всхлипнулъ. — Слава Богу, что теперь все больше и больше находится такихъ людей, которые начинаютъ понимать, что кургузый нѣмецкій пиджакъ уже трещитъ на русскихъ могучихъ плечахъ; которые не стыдятся своего языка, своей вѣры и своей родины, которые довѣрчиво протягиваютъ руки мудрому правительству и говорятъ: «веди насъ!..»

— Поль, ты волнуешься,—лѣниво замѣтила Анна Георгіевна.

— Я ничего не волнуюсь, — сердито огрызнулся Завалишинъ.— Я высказываю только то, что̀ долженъ думать и чувствовать каждый честный русскій подданный. Можетъ-быть, кто-нибудь со мной не согласенъ? Что̀ жъ, пускай мнѣ возразитъ. Я готовъ съ удовольствіемъ выслушать противное мнѣніе. Вотъ, напримѣръ, господину Воздвиженскому кажется смѣшнымъ...

Студентъ не поднялъ опущенныхъ глазъ, но поблѣднѣлъ, и ноздри у него вздрогнули и расширились.

— Моя фамилія — Воскресенскій, — сказалъ онъ тихо.

— Виноватъ, я именно такъ и хотѣлъ сказать: Вознесенскій. Виноватъ. Такъ вотъ, я васъ и прошу: чѣмъ строитъ разныя кривыя улыбки, вы лучше разбейте меня въ моихъ пунктахъ, докажите мнѣ, что я заблуждаюсь, что я не правъ. Я говорю только одно: мы плюемъ сами себѣ въ кашу. Мы продаемъ нашу святую, великую, обожаемую родину всякой иностранной шушерѣ. Кто орудуетъ съ нашей нефтью. — Жиды, армяшки, американцы. У кого въ рукахъ уголь? руда? пароходы? электричество?—У жидовъ, у бельгійцевъ, у нѣмцевъ. Кому принадлежатъ сахарные заводы? — Жидамъ, нѣмцамъ и по-

лякамъ. И, главное, вездѣ жидъ, жидъ, жидъ!.. Кто у насъ докторъ?—Шмуль. Кто аптекарь? банкиръ? адвокатъ? — Шмуль. Ахъ, да чортъ бы васъ побралъ! Вся русская литература танцуетъ маюфесъ и не вылѣзаетъ изъ миквы. Что ты дѣлаешь на меня страшные глаза, Анечка? Ты не знаешь, что такое миква? Я тебѣ потомъ объясню. Да. Недаромъ кто-то сострилъ, что каждый жидъ—прирожденный русскій литераторъ. Ахъ, помилуйте, евреи! израэлиты! сіонисты! угнетенная невинность! священное племя! Я говорю одно,—Завалишинъ свирѣпо и звонко ударилъ вытянутымъ пальцемъ о ребро стола:—я говорю только одно: у насъ, куда ни обернешься, сейчасъ на тебя такъ мордой и претъ какая-нибудь благородная оскорбленная нація. «Свободу! языкъ! народныя права!» А мы-то передъ ними разстилаемся. «О, бѣдная, культурная Финляндія! О, несчастная, порабощенная Польша! Ахъ, великій, истерзанный еврейскій народъ!.. Бейте насъ, голубчики, презирайте насъ, топчите насъ ногами, садитесь къ намъ на спины, поѣзжайте». Н-но нѣтъ!—грозно закричалъ Завалишинъ, внезапно багровѣя и выкатывая глаза.—Нѣтъ!—повторилъ онъ, ударивъ себя изо всей силы кулакомъ въ грудь. — Этому безобразію подходитъ конецъ. Русскій народъ еще покамѣстъ только чешется спросонья, но завтра, Господи благослови, завтра онъ проснется. И тогда онъ стряхнетъ съ себя блудливыхъ радикальствующихъ ин-тел-ли-гентовъ, какъ собака блохъ, и такъ сожметъ въ своей мощной длани всѣ эти угнетенныя невинности, всѣхъ этихъ жидишекъ, хохлишекъ и полячишекъ, что изъ нихъ только сокъ брызнетъ во всѣ стороны. А Европѣ онъ просто-напросто скажетъ; тубо, старая...

— Браво, браво, браво!—голосомъ, точно изъ граммофона, подхватилъ докторъ.

Гимназисты, сначала испуганные крикомъ, громко захо-

хотали при послѣднемъ словѣ, а Анна Георгіевна сказала, дѣлая страдальческое лицо:

— Поль, зачѣмъ ты такъ при дѣтяхъ!

Завалишинъ однимъ духомъ проглотилъ стаканъ вина и торопливо налилъ второй.

— Пардонъ. Сорвалось. Но я говорю только одно: я сейчасъ высказалъ всѣ свои убѣжденія. По крайней мѣрѣ—честно и откровенно. Пусть теперь они, т.-е., я хочу сказать, господинъ студентъ, пусть они опровергнутъ меня, разубѣдятъ. Я слушаю. Это все-таки будетъ честнѣе, чѣмъ отдѣлываться разными кривыми улыбочками.

Воскресенскій медленно пожалъ плечами.

— Я не улыбаюсь вовсе.

— Ага! Не даете себѣ труда возражать? Кон-нечно! Это сам-мое лучшее. Стоите выше всякихъ споровъ и доказательствъ?

— Нѣтъ... совсѣмъ не выше... А просто, намъ съ вами невозможно столковаться. Зачѣмъ же понапрасну сердиться и портить кровь?

— Та-акъ! Пон-ним-маю! Не удостоиваете, значитъ?— Завалишинъ пьянѣлъ и говорилъ преувеличенно громко.— А жаль, очень жаль, милый вьюноша. Лестно было бы усладиться млекомъ вашей мудрости.

Въ эту секунду Воскресенскій впервые поднялъ глаза на Завалишина и вдругъ почувствовалъ приливъ острой ненависти къ его круглымъ, свѣтлымъ, выпученнымъ глазамъ, къ его мясистому, красному и точно рваному у ноздрей носу, къ покатому назадъ, бѣлому, лысому лбу и фатоватой бородѣ. И неожиданно для самого себя онъ заговорилъ слабымъ, сдавленнымъ, точно чужимъ голосомъ:

— Вамъ непремѣнно хочется вызвать меня на споръ? Но, увѣряю васъ, это безполезно. Все, что вы изволили сейчасъ съ такимъ жаромъ высказывать, я слы-

шалъ и читалъ сотни разъ. Вражда ко всему европейскому, свирѣпое презрѣніе къ инородцамъ, восторгъ передъ мощью русскаго кулака и такъ далѣе, и такъ далѣе... Все это говорится, пишется и проповѣдуется на каждомъ шагу. Но при чемъ здѣсь народъ, Павелъ Аркадьевичъ, этого я не понимаю. Не могу понять. Народъ — т.-е. не вашъ лакей и не вашъ дворникъ, и не мастеровой, а тотъ народъ, что составляетъ всю Россію, — темный мужикъ, троглодитъ, пещерный человѣкъ! Зачѣмъ вы его-то пристегнули къ вашимъ національнымъ мечтамъ? Онъ безмолвствуетъ, ибо благоденствуетъ, и вы его лучше не трогайте, оставьте въ покоѣ. Не намъ съ вами разгадать его молчаніе...

— Позвольте-съ, я не хуже васъ знаю народъ...

— Нѣтъ, ужъ теперь вы позвольте мнѣ,—дерзко перебилъ его студентъ. — Вы давеча изволили упрекнуть меня въ томъ, что я будто бы смѣюсь надъ вашими разглагольствованіями... Такъ я вамъ скажу ужъ теперь, что смѣшного въ нихъ мало, такъ же какъ и страшнаго. Вашъ идеальный всероссійскій кулакъ, жмущій сокъ изъ народишекъ, никому не опасенъ, а просто-напросто омерзителенъ, какъ и всякій символъ насилія. Вы — не болѣзнь, не язва, вы — просто неизбѣжная, надоѣдливая сыпь, въ родѣ кори. Но ваша игра въ широкую русскую натуру, всѣ эти ваши птицы-сирины, ваша поддевка, ваши патріотическія слезы — да, это, дѣйствительно, смѣшно.

— Такъ. Пре-красно. Продолжайте, молодой человѣкъ, въ томъ же духѣ, — произнесъ Завалишинъ, язвительно кривя губы. — Чудесные полемическіе пріемы, докторъ, не правда ли?

Воскресенскій и самъ чувствовалъ въ душѣ, что онъ говоритъ неясно, грубо и сбивчиво. Но онъ уже не могъ остановиться. Въ головѣ у него было странное ощущеніе пустоты и холода, но зато ноги и руки стали тя-

желыми и вялыми, а сердце упало куда-то глубоко внизъ и тамъ трепетало и рвалось отъ частыхъ ударовъ.

— Э, что̀ тамъ пріемы. Къ чорту! — крикнулъ студентъ, и у него этотъ крикъ вырвался неожиданно такимъ полнымъ и сильнымъ звукомъ, что онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ злобную и веселую радость. — Я слишкомъ много намолчался за эти два мѣсяца, чтобы еще разбираться въ пріемахъ. Да! И стыдно, и жалко, и смѣшно глядѣть, Павелъ Аркадьевичъ, на вашу игру. Знаете, лѣтомъ въ увеселительныхъ садахъ выходятъ иногда дуэтисты-лапотники. Знаете:

Разъ Ванюша, крадучись,
Дуню увидалъ
И, схвативши ея ручку,
Нѣжно цѣловалъ.

Что-то мучительно-фальшивое, наглое, позорное! Такъ и у васъ. «Русскія щи, русская каша — мать наша». А вы видѣли эти щи когда-нибудь? Пробовали? Сегодня съ такомъ, а завтра съ нѣтомъ? Вы ѣли ихній хлѣбъ? Вы видали ихнихъ ребятъ съ распученными животами и съ ногами колесомъ? А у васъ поваръ 60 рублей въ мѣсяцъ получаетъ, и лакей во фракѣ, и паровая стерлядка. Такъ и во всемъ вы. Русское терпѣніе! Русская желѣзная стойкость! Да вѣдь какими ужасами рабства, какимъ кровавымъ путемъ куплено это терпѣніе! Смѣшно даже! Русское несокрушимое здоровье — эхъ, раззудись плечо! — русская богатырская сила! — у этого-то изможденнаго работой и голодомъ, опившагося, надорваннаго человѣка?.. И въ довершеніе всего этого неистовый вопль: долой сюртуки и фраки! Вернемся къ доброй, славной, просторной и живописной русской одеждѣ! И вотъ вы, на смѣхъ своей прислугѣ, наряжаетесь, точно на святки, въ поддевку по семи рублей за аршинъ, на муаровой подкладкѣ. Эхъ, весь вашъ національнизмъ на муаровой под-

кладкѣ. Господи, и когда вы заведете рѣчь о русской пѣснѣ—вотъ чепуха какая! Тутъ у васъ и море слышится, и степь видится, и лѣсъ шумитъ, и какая-то безпредѣльная удаль... И все вѣдь это неправда: ничего вы здѣсь не слышите и не чувствуете, кромѣ болѣзненнаго стона или пьяной икотки. И никакой широкой степи вы не видите, потому что ея и нѣтъ вовсе, а есть только потное, искаженное мукой лицо, вздувшіяся жилы, кровавые глаза, раскрытый, окровавленный ротъ...

— Вамъ, духовенству, виднѣе съ колокольни, — презрительно фыркнулъ Завалишинъ, но студентъ только отмахнулся рукой и продолжалъ:

— Ну-съ, а теперь, изволите ли видѣть, вошло въ моду русское зодчество! Рѣзные пѣтухи, какіе-то деревянные поставцы, ковши, ендовы, подсолнечники, кресла и скамьи, на которыхъ невозможно сидѣть, какіе-то дурацкіе колпаки... Господи, да неужели же вы не чувствуете, какъ все это еще больше подчеркиваетъ страшную скудость народной жизни, узость и бѣдность фантазіи? Сѣрое, сумеречное творчество, папуасская архитектура... Игра, именно игра. Игра гнусная, если все это дѣлается нарочно, чтобы водить дураковъ и ротозѣевъ за носъ, и жалкая, если это только модное баловство. Какой-то нелѣпый маскарадъ! Все равно, если бы доктора, приставленные къ больницѣ, вдругъ надѣли бы больничные халаты и стали бы въ нихъ откалывать канканъ. Вотъ онъ что такое, вашъ русскій стиль на муаровой подкладкѣ!..

Что-то перехватило горло Воскресенскому, и онъ замолчалъ. Только теперь, спохватившись, онъ сообразилъ, что во время своей безсвязной рѣчи онъ, незамѣтно для самого себя, всталъ во весь ростъ и колотилъ кулаками по столу.

— Можетъ-быть, вы еще что-нибудь прибавите, молодой человѣкъ? — съ усиленной вѣжливостью, преувели-

ченно мягко спросилъ весь поблѣднѣвшій Завалишинъ. Губы у него кривились и дергались, а концы пышной бороды тряслись.

— Все, — глухо отвѣтилъ студентъ.—Больше ничего...

— Тогда позвольте ужъ и мнѣ послѣднее слово. — Завалишинъ всталъ и швырнулъ салфетку на стулъ. — Убѣжденія — убѣжденіями, и твердость въ нихъ вещь почтенная, а за своихъ дѣтей я все-таки отвѣчаю передъ церковью и отечествомъ. Да. И я обязанъ ограждать ихъ отъ вредныхъ, развращающихъ вліяній. А поэтому, — вы ужъ извините, — но одному изъ насъ — или мнѣ, или вамъ — придется отстраниться отъ ихъ воспитанія...

Воскресенскій молча кивнулъ головой. Павелъ Аркадьевичъ рѣзко повернулся и большими шагами пошелъ отъ стола. Но въ дверяхъ онъ остановился. Его еще душила злоба. Онъ чувствовалъ, что студентъ взялъ надъ нимъ нравственный верхъ въ этомъ безтолковомъ спорѣ и взялъ не убѣдительностью мыслей, не доводами, а молодой, несдержанной и хотя сумбурной, но все-таки красивой страстностью. И ему хотѣлось, прежде чѣмъ уйти отсюда, нанести студенту послѣднее оскорбленіе, потяжелѣе, похлеще...

— Мой человѣкъ принесетъ вамъ наверхъ деньги, которыя вамъ слѣдуетъ, — сказалъ онъ въ носъ, отрывисто и надменно. — А также, по условію, деньги на дорогу.

И вышелъ, такъ громко хлопнувъ дверью, что хрустальная посуда на столѣ задребезжала и запѣла тонкими голосами.

На балконѣ всѣ продолжительно и неловко замолчали. Воскресенскій дрожащими холодными пальцами катал хлѣбный шарикъ, низко наклонивъ лицо надъ столомъ. Ему казалось, что всѣ, даже шестилѣтняя Вавочка, смотрятъ на него съ любопытствомъ и брезгливой жалостью. «Пойти и дать ему пощечину?—безсвязно мелькало у него

въ головѣ. — Вызвать на дуэль? Ахъ, какъ все это вышло скверно, какъ пòшло! Вернуть ему назадъ деньги? Швырнуть въ лицо? Фу, какая гадость!»

— Милый Сашенька, не придавайте такого значенія,— ласкающимъ голосомъ, точно съ маленькимъ, заговорила Анна Георгіевна. — Голубчикъ, не стòитъ. Черезъ часъ онъ самъ сознàется, что былъ неправъ, и извинится. Ужъ если говорить правду, то ¡ вѣдь и вы ему порядочно наговорили.

Онъ не отвѣтилъ. Больше всего на свѣтѣ онъ хотѣлъ бы сейчасъ же встать, уйти куда-нибудь подальше, спрятаться въ какой-нибудь темный, прохладный уголъ, но сложная, мучительная нерѣшительность приковывала его къ мѣсту. Докторъ заговорилъ о чемъ-то слишкомъ громко, неестественно-развязнымъ тономъ. «Это онъ оттого такъ, что ему за меня стыдно», — подумалъ Воскресенскій и сталъ прислушиваться, почти не понимая словъ.

— Одинъ мой знакомый, который хорошо знаетъ арабскій языкъ, такъ онъ сравнивалъ арабскія поговорки съ русскими. И получились прелюбопытныя параллели. Напримѣръ, арабы говорятъ: «Честь—это алмазъ, который дѣлаетъ нищаго равнымъ султану». А по-русски выходитъ: «Чтò за честь, коли нечего ѣсть». То же насчетъ гостепріимства. Арабская пословица говоритъ...

Воскресенскій вдругъ всталъ; не глядя ни на кого, съ потупленными глазами неуклюже обошелъ столъ и торопливо сбѣжалъ съ балкона въ цвѣтникъ, гдѣ сладко и масляно пахло розами. За своей спиной онъ слышалъ тревожный голосъ Анны Георгіевны:

— Сашенька, Александръ Петровичъ, куда же вы! Сейчасъ подадутъ фрукты!..

III.

Придя наверхъ, Воскресенскій переодѣлся, вытащилъ изъ-подъ кровати свой старый, порыжѣлый, весь обклеенный багажными ярлыками чемоданъ и сталъ укладываться. Съ ожесточеніемъ швырялъ онъ въ чемоданъ книги и лекціи, съ излишней энергіей втискивалъ скомканное коекакъ бѣлье, яростно затягивалъ узлы веревокъ и ремни. И по мѣрѣ того, какъ расходовалась его физическая сила, взбудораженная недавнимъ неудовлетвореннымъ гнѣвомъ, — онъ самъ понемногу отходилъ и успокаивался.

Покончивъ съ чемоданомъ, онъ выпрямился и оглянулся кругомъ. Внезапно ему стало жаль своей комнаты, точно въ ней оставалась часть его существа. По утрамъ, когда онъ просыпался, то ему не надо было даже приподымать голову отъ подушки, чтобы увидѣть прямо передъ собою темную, синюю полосу моря, подымавшуюся до половины оконъ, а на окнахъ въ это время тихо колебались, парусясь отъ вѣтра, легкія, розоватыя, прозрачныя занавѣски, и вся комната бывала по утрамъ такъ полна свѣтомъ, и такъ въ ней крѣпко и бодро пахло морскимъ воздухомъ, что въ первые дни, просыпаясь, студентъ нерѣдко начиналъ смѣяться отъ безсознательнаго, расцвѣтавшаго въ немъ восторга.

Воскресенскій вышелъ на балконъ. Далеко впереди выдавался въ море узкій длинный мысокъ, кончавшійся правильнымъ закругленіемъ, которое здѣсь называли батареей. Изъ-за батареи, круто огибая ее, выплывалъ маленькій паровой катеръ, и отчетливо доносилось его торопливое фырканье, похожее на дыханіе запыхавшейся собаки. Подъ полотняннымъ тентомъ можно было разглядѣть темныя человѣческія фигуры. Катеръ покачивало, но онъ бодро подымался на одну волну и, съ замедленіемъ

перевалившись черезъ нее, смѣло зарывался носомъ въ слѣдующую, между тѣмъ какъ разрѣзанная имъ вода взмывала къ самымъ бортамъ. А еще дальше, какъ будто по серединѣ между берегомъ и горизонтомъ, плавно, безъ малѣйшаго звука и сотрясенія, двигалась черная, могучая громадина большого парохода съ наклоненными назадъ трубами. И тотчасъ же, сквозь легкое облачко набѣжавшей грусти, Воскресенскій почувствовалъ то сладкое и дерзкое замираніе сердца, которое онъ всегда испытывалъ при мысляхъ о дальнихъ поѣздкахъ, о новыхъ впечатлѣніяхъ, о новыхъ людяхъ — о всей безбрежной широтѣ лежащей передъ нимъ молодой, неисчерпанной жизни.

«Завтра и я буду толкаться по пароходу вмѣстѣ съ другими, буду знакомиться, смотрѣть на берега, на море,— подумалъ онъ. — Хорошо!»

— Сашенька, гдѣ вы здѣсь? Подите ко мнѣ, — услышалъ онъ голосъ Анны Георгіевны.

Онъ быстро вернулся въ комнату, застегивая на ходу воротъ красной рубахи и поправляя волосы. Какой-то мимолетный испугъ, какое-то темное, раздражающее предчувствіе на мгновеніе шевельнулось въ его душѣ.

— Устала! — говорила Анна Георгіевна, слегка задыхаясь. — Какъ у васъ хорошо. Прохладно.

Она сѣла на подоконникъ. На фонѣ ослѣпительнаго, бѣло-голубого неба сверху и густой синевы моря снизу— ея высокая, немного полная фигура, въ бѣломъ капотѣ, обрисовалась съ тонкой, изящной и мягкой отчетливостью, а жесткіе, рыжеватые противъ солнца завитки волосъ зажглись вокругъ ея головы густымъ золотымъ сіяніемъ.

— Ну, что, сердитый воробей,—спросила Анна Георгіевна съ нѣжной фамильярностью: — еще не простыли?

— Простылъ. Сейчасъ вотъ ѣду, — угрюмо отвѣтилъ студентъ.

— Саша!..

Она произнесла его имя тихо и такимъ страннымъ, протяжнымъ, волнующимъ звукомъ, какого Воскресенскій не слыхалъ никогда въ жизни. Онъ вздрогнулъ и пристально поглядѣлъ на нее. Но она сидѣла спиной къ яркому свѣту, и выраженія ея лица нельзя было разсмотрѣть. Однако студенту показалось, что ея глаза блестятъ не обыкновенному.

— Саша, родной мой, вы не уѣдете! — вдругъ заговорила она, спѣша и задыхаясь. — Нѣтъ, нѣтъ, милый, вы не уѣдете. Слышите? Подите сюда. Да сюда же, ко мнѣ... ко мнѣ, вамъ говорятъ!.. Охъ, какой безтолковый... Слышите, не смѣйте ѣхать. Я не хочу. Дорогой мой, вы останетесь...

Она схватила его руки, крѣпко сжала ихъ и, не выпуская изъ своихъ, положила къ себѣ на колѣни, такъ что онъ на секунду ощутилъ подъ легкой шершавой тканью капота ея твердое и точно скользкое тѣло.

— Останетесь? Да? — спросила она быстрымъ шопотомъ, близко заглядывая ему въ лицо.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтился съ ея затуманеннымъ, неподвижнымъ, жаднымъ взглядомъ. Горячая радость хлынула у него изъ сердца, разлилась по груди, ударила въ голову и забилась въ вискахъ. Смущеніе и неловкость исчезли. Наоборотъ, было жуткое, томительное наслажденіе — глядѣть такъ долго, такъ безстыдно и такъ близко, не отрываясь и не произнося ни слова, въ эти прекрасные, еще сіяющіе слезами, обезсмысленные страстью глаза. Потомъ онъ полусознательно почувствовалъ, что она смотритъ ниже его глазъ, и онъ самъ перевелъ глаза на ея крупныя, яркія раскрытыя губы, за которыми сверкала влажная бѣлизна зубовъ. Ему вдругъ показалось, что воздухъ въ комнатѣ сталъ знойнымъ; во рту у него сразу пересохло, и стало трудно дышать.

— Останетесь? Да? Правда?

Онъ обнялъ ее и тотчасъ же почувствовалъ ея большое, роскошное тѣло легкимъ, живымъ, послушнымъ каждому движенію, каждому намеку его рукъ. Какой-то жаркій, сухой вихрь вдругъ налетѣлъ и скомкалъ его волю, разсудокъ, всѣ его гордыя и цѣломудренныя мысли, все, что̀ въ немъ было человѣческаго и чистаго. Почему-то вдругъ, обрывкомъ, вспомнилось ему купанье передъ обѣдомъ и эти теплыя, качающіяся, ненасытныя волны.

— Милый, правда? Правда? — повторяла безъ конца женщина.

Онъ грубо, по-звѣрски, схватилъ ее на руки и поднялъ. Точно въ бреду онъ слышалъ, какъ она съ испугомъ прошептала:

— Дверь... ради Бога... дверь!

Онъ машинально оглянулся назадъ, увидѣлъ раскрытую настежь дверь и темноту коридора за нею, но не понялъ ни смысла этихъ словъ, ни значенія этой двери, и тотчасъ же забылъ о нихъ. Полузакрытые черные глаза вдругъ очутились такъ близко около его лица, что очертанія ихъ стали неясными, расплывчатыми, и сами они сдѣлались огромными, неподвижными, страшно блестящими и совсѣмъ незнакомыми. Горячія, качающіяся волны хлынули на него, разомъ затопили его сознаніе и загорѣлись передъ нимъ странными вертящимися кругами...

Потомъ онъ очнулся и услышалъ съ удивленіемъ ея точно о чемъ-то умоляющій голосъ:

— Я обожаю тебя... Мой сильный, молодой, красивый...

Она сидѣла рядомъ съ нимъ на его постели и съ покорнымъ, заискивающимъ видомъ жалась головой къ его плечу, стараясь поймать его взглядъ. А онъ глядѣлъ въ сторону, хмурился и трясущейся рукой нервно теребилъ бахрому своего пледа, висѣвшаго на спинкѣ кровати. Непобѣдимое отвращеніе росло въ немъ съ каждой секундой

къ этой женщинѣ, только-что отдавшейся ему. Онъ и самъ понималъ, какъ эгоистично было это чувство, но не могъ его пересилить даже изъ благодарности, даже изъ сострадательной вѣжливости. Ему было физически гадко ея близкое присутствіе, ея прикосновеніе, шумъ ея частаго прерывистаго дыханія, и хотя онъ во всемъ происшедшемъ винилъ одного себя, но слѣпая, неразумная ненависть и презрѣніе къ ней наполняли его душу.

«О, какой я подлецъ! Какой подлецъ!» — думалъ онъ и боялся въ то же время, что она прочитаетъ его мысли и чувства у него на лицѣ.

— Милый мой, обожаемый, — растроганно говорила Анна Георгіевна. — Зачѣмъ ты отвернулся? Ты сердишься? Тебѣ непріятно? О, мой дорогой, неужели ты не замѣчалъ, что я тебя люблю? Съ самаго начала, съ самаго перваго дня... Ахъ, впрочемъ, нѣтъ!.. Когда ты къ намъ пришелъ въ Москвѣ, ты мнѣ не понравился. Я думала: у, какой злюка. Но зато потомъ!.. Милый, посмотри же на меня...

Студентъ пересилилъ себя и какъ-то сбоку, неуклюже, исподлобья взглянулъ на нее. И у него даже захватило горло: до того противнымъ показалось ему ея раскраснѣвшееся лицо со слѣдами пудры у ноздрей и на подбородкѣ, мелкія морщинки около глазъ и на верхней губѣ, которыхъ онъ раньше не замѣчалъ, и въ особенности ея молящій, тревожный, полный виноватой преданности, какой-то собачій взглядъ. Содрогаясь спиной отъ гадливости, онъ отвернулся.

«Но почему же я-то ей не противенъ? — подумалъ онъ съ отчаяніемъ. — Почему? Ахъ, я подлецъ, подлецъ!..»

— Анна Георгіевна... Нина, — сказалъ онъ, заикаясь, фальшивымъ, деревяннымъ, какъ ему самому показалось, голосомъ. — Вы меня простите... Вы меня извините, я взволнованъ и не знаю, что говорю... Поймите меня и

не сердитесь... Мнѣ нужно побыть одному... У меня голова кружится.

Онъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ бы отстраняясь отъ нея, и она поняла это. Ея руки, обвивавшія его шею, безсильно упали вдоль колѣнъ, и голова опустилась внизъ. Такъ она посидѣла еще минуту и затѣмъ встала, молча, съ покорнымъ видомъ.

Она понимала лучше, чѣмъ студентъ, то, что̀ съ нимъ теперь происходило. Она знала, что у мужчинъ первые шаги въ чувственной любви сопряжены съ такими же ужасными, болѣзненными ощущеніями, какъ и первыя затяжки опіумомъ для начинающихъ, какъ первая папироса, какъ первое опьянѣніе виномъ. И она знала также, что до нея онъ не сближался ни съ одной женщиной, что она была для него п е р в о й, знала это по его прежнимъ словамъ, чувствовала это по его дикой и суровой застѣнчивости, по его неловкости и грубости въ обращеніи съ ней.

Ей хотѣлось утѣшить, успокоить его, объяснить ему въ нѣжныхъ материнскихъ выраженіяхъ причины его страданій, такъ какъ она видѣла, что онъ страдаетъ. Но она — всегда такая смѣлая, самоувѣренная — не находила словъ; она смущалась и робѣла, точно дѣвушка, чувствуя себя виноватой и за его паденіе, и за его молчаливую тревогу, и за свои 35 лѣтъ, и за то, что она не умѣетъ, не находитъ, чѣмъ помочь ему.

— Саша, это пройдетъ, — сказала она чуть слышно.— Это пройдетъ, успокойтесь, вѣрьте мнѣ. Только не уѣзжайте... слышите? Вы вѣдь скажете мнѣ, если захотите уѣхать?

— Да... хорошо... да... да... — повторялъ онъ нетерпѣливо и все оглядывался назадъ, на дверь.

Она вздохнула и тихо вышла изъ комнаты, беззвучно притворивъ за собою дверь. А Воскресенскій обѣими ру-

ками вцѣпился себѣ въ волосы и со стономъ повалился лицомъ въ подушку.

IV.

На другой день Воскресенскій ѣхалъ въ Одессу на большомъ пассажирскомъ пароходѣ «Ксенія». Онъ позорно и малодушно сбѣжалъ отъ Завалишиныхъ, не вытерпѣвъ жестокаго раскаянія, не находя въ себѣ рѣшительности встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Анной Георгіевной. Пролежавъ до сумерокъ въ постели, онъ, какъ только стало темно, собралъ свои вещи и потихоньку, крадучись, точно воръ, заднимъ крыльцомъ вышелъ въ виноградникъ, а оттуда спрыгнулъ на шоссе. И во все время, пока онъ добрался до почтовой станціи, пока ѣхалъ въ дилижансѣ, биткомъ набитомъ молчаливыми турками и татарами, пока устраивался въ ялтинской гостиницѣ на ночь, его не оставлялъ колючій стыдъ и безпощадное омерзѣніе къ себѣ самому, къ Аннѣ Георгіевнѣ, ко всему, что вчера произошло, и къ собственному мальчишескому побѣгу. «Вышло такъ, какъ будто бы послѣ ссоры, изъ мести, я взялъ и укралъ что-то у Завалишиныхъ и убѣжалъ отъ нихъ», — думалъ онъ, злобно стискивая зубы.

День былъ жаркій, безвѣтренный. Море лежало спокойное, ласковое, нѣжно-изумрудное около береговъ, свѣтло-синее посрединѣ и лишь кое-гдѣ едва тронутое лѣнивыми фіолетовыми морщинками. Внизу подъ пароходомъ оно было ярко-зелено, прозрачно и легко, какъ воздухъ, и бездонно. Рядомъ съ пароходомъ бѣжала стая дельфиновъ. Сверху было отлично видно, какъ они въ глубинѣ могучими, извилистыми движеніями своихъ тѣлъ разсѣкали жидкую воду и вдругъ съ разбѣгу, одинъ за другимъ, выскакивали на поверхность, описавъ быстрый темный полукругъ.

Берегъ медленно уходилъ назадъ. Постепенно показывались и скрывались густые, взбирающіеся на холмы парки, дворцы, виноградники, тѣсныя татарскія деревни, бѣлыя стѣны дачъ, утонувшихъ въ волнистой зелени, а сзади голубыя горы, испещренныя черными пятнами лѣсовъ, и надъ ними тонкія, воздушныя очертанія ихъ вершинъ.

Пассажиры толпились на правомъ борту, у перилъ, лицомъ къ берегу. Называли вслухъ мѣста и фамиліи владѣльцевъ. На серединѣ палубы, около люка, двое музыкантовъ — скрипка и арфа — играли вальсъ, и избитый, пошлый мотивъ звучалъ необыкновенно красиво и бодро въ морскомъ воздухѣ.

Воскресенскій нетерпѣливо искалъ глазами знакомую дачу въ видѣ русскаго терема. И когда она показалась наконецъ изъ-за густой чащи княжескаго парка и стала вся видна надъ своей огромной, бѣлой крѣпостной стѣной, онъ часто задышалъ и крѣпко прижалъ руку къ холодѣвшему сердцу.

Ему показалось, что онъ различаетъ на нижней террасѣ бѣлое пятно, и ему хотѣлось думать, что тамъ сидитъ теперь эта странная женщина, ставшая вдругъ для него такой таинственной, непонятной и привлекательной, и что она смотритъ на пароходъ такими же, какъ и онъ, печальными, полными слезъ глазами. Онъ представилъ себѣ самого себя, стоящаго тамъ на балконѣ, рядомъ съ ней, но не теперешняго себя, а вчерашняго, недѣлю назадъ, — прежняго себя, какого уже больше никогда не будетъ. И ему стало жалко, — нестерпимо, до боли жалко той полосы жизни, которая ушла отъ него навсегда и никогда не вернется, никогда не повторится... Съ необычайной яркостью, въ радужномъ туманѣ слезъ, застилавшихъ глаза, встало передъ нимъ лицо Анны Георгіевны, но не торжествующее, не самоувѣренное, какъ всегда,

а кроткое, съ умоляющимъ выраженіемъ, виноватое, и сама она представилась ему почему-то маленькой, обиженной, слабой и какъ-то болѣзненно близкой ему, точно приросшей навѣки къ его сердцу.

И къ этимъ тонкимъ, грустнымъ, сострадательнымъ ощущеніямъ примѣшивалось чуть слышно, какъ ароматъ тонкаго вина, воспоминаніе о теплыхъ обнаженныхъ рукахъ и о голосѣ, дрожавшемъ отъ чувственной страсти, и о прекрасныхъ глазахъ, глядѣвшихъ внизъ, на его губы...

Прячась за деревьями и дачами и опять показываясь на минутку, русскій теремъ уходилъ все дальше и дальше назадъ и вдругъ исчезъ изъ виду. Воскресенскій, прижавшись щекой къ чугунному столбику перилъ, еще долго глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ онъ скрылся. «Все сіе прошло, какъ тѣнь и какъ молва быстротечная» — вспомнился ему вдругъ горькій стихъ Соломона, и онъ заплакалъ. Но слезы его были благодатныя, а печаль — молодая, свѣтлая и легкая.

Внизу, въ салонѣ, зазвонили къ завтраку. Болтливый, шумный студентъ, съ которымъ Воскресенскій познакомился еще на пристани, подошелъ къ нему сзади, хлопнулъ его по спинѣ и закричалъ радостно:

— А я васъ, коллега, ищу, ищу... Вы вѣдь съ продовольствіемъ? Айда водку пить...

МИРНОЕ ЖИТІЕ.

Сдвинувъ на носъ старинныя большія очки въ серебряной оправѣ, наклонивъ на бокъ голову, оттопыривъ бритыя губы и многозначительно двигая вверхъ и внизъ косматыми, сердитыми старческими бровями, Иванъ Віанорычъ Насѣдкинъ писалъ письмо попечителю учебнаго округа. Почеркъ у него былъ круглый, безъ нажимовъ, красивый и равнодушный, — такой, какимъ пишутъ военные писаря. Буквы сцѣплялись одна съ другой въ слова, точно правильныя звенья цѣпочекъ разной длины.

«Какъ человѣкъ, нѣкогда близко стоявшій къ великому, отвѣтственному передъ Престоломъ и Отечествомъ дѣлу воспитанія и образованія русскаго юношества и безпорочно прослужившій на семъ, можно смѣло выразиться, священномъ поприщѣ 35 лѣтъ, я хотя и не открываю своего настоящаго имени, подписываясь лишь скромнымъ названіемъ «Здравомыслящій», но считаю нравственнымъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства объ одномъ изъ смотрителей многочисленныхъ учебныхъ заведеній, ввѣренныхъ Вашему мудрому и глубокоопытному попеченію. Я говорю о штатномъ смотрителѣ Вырвинскаго четырехкласснаго городского училища, коллежскомъ ассесорѣ Опимаховѣ, при чемъ почтительнѣйше осмѣливаюсь задать себѣ вопросъ: совмѣстимымъ

ли съ высокимъ призваніемъ педагога и съ довѣріемъ, оказываемымъ ему начальствомъ и обществомъ, является поведеніе лица, проживающаго безстыдно, въ явной для всего города и противной существующимъ законамъ любовной связи съ особой женскаго пола, числящейся, по виду на жительство, дѣвицей, которая къ тому же въ городѣ никому не извѣстна, не посѣщаетъ храмовъ Божіихъ и, точно глумясь надъ христіанскими чувствами публики, ходитъ по улицѣ съ папиросами и съ короткими, какъ бы у дьякона, волосами? Во-вторыхъ:...»

Поставивъ аккуратное двоеточіе, Иванъ Віанорычъ бережно положилъ перо на край хрустальной чернильницы и откинулся на спинку стула. Глаза его, ласково глядя поверхъ очковъ, переходили отъ оконъ съ тюлевыми занавѣсками къ угловому образу, мирно освѣщенному розовой лампадкой, оттуда на старенькую, купленную по случаю, но прочную мебель зеленаго репса, потомъ на блестящій восковымъ глянцемъ полъ и на мохнатый, сшитый изъ пестрыхъ кусочковъ коверъ, работы самого Ивана Віанорыча. Сколько ужъ разъ случалось съ Насѣдкинымъ, что внезапно, среди дѣлового разговора, или очнувшись отъ задумчивости, или оторвавшись отъ письма, онъ испытывалъ тихую обновленную радость. Какъ будто бы онъ на нѣкоторое время совсѣмъ забылъ, а тутъ вдругъ взялъ да и вспомнилъ, — про свою честную, всѣми уважаемую, свѣтлую, опрятную старость, про собственный домикъ съ флигелемъ для жильцовъ, сколоченный 35-ю годами свирѣпой экономіи, про выслуженную полную пенсію, про кругленькія пять тысячъ, отданныя въ вѣрныя руки, подъ вторую закладную, и про другія пять тысячъ, лежащія, пока что, въ банкѣ, — наконецъ, про всѣ тѣ удобства и баловства, которыя онъ могъ бы себѣ позволить, но никогда не позволитъ изъ благоразумія. И теперь, вновь найдя въ себѣ эти счастливыя мысли, ста-

рикъ мечтательно и добродушно улыбался бритымъ, морщинистымъ, начинавшимъ западать ртомъ.

Въ кабинетикѣ пахло геранями, мятнымъ куреніемъ и чуть-чуть нафталиномъ. На правомъ окнѣ висѣла клѣтка съ канарейкой. Когда Иванъ Віанорычъ устремилъ на нее затуманенный, видящій и невидящій взглядъ, птичка суетливо запрыгала по жердочкамъ, стуча лапками. Насѣдкинъ нѣжно и протяжно свистнулъ. Канарейка завертѣла хорошенькой хохлатой головкой, наклоняя ее внизъ и набокъ, и пискнула вопросительно:

— Пи-и?

— Ахъ, ты... пискунья! — сказалъ лукаво Иванъ Віанорычъ и, вздохнувъ, опять взялся за перо.

«Во-вторыхъ, — писалъ онъ, тихонько шепча слова: — тотъ же Опимаховъ позволяетъ себѣ пренебрегать положеніями нѣкоторыхъ циркуляровъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и иными правительственными указаніями, побуждая и самъ первый подавая примѣръ подвѣдомственнымъ ему молодымъ учителямъ, якы бы къ расширенію программы (sic!), а на самомъ дѣлѣ—къ возбужденію въ довѣрчивыхъ умахъ юношей превратныхъ и гибельныхъ идей, клонящихся къ разрушенію добрыхъ нравовъ, къ возбужденію политическихъ страстей, къ низверженію авторитета власти и, въ сущности, къ самому гнилому и пошлому соціализму. Такъ, вышеназванный коллежскій ассесоръ Миронъ Степановичъ Опимаховъ находитъ нужнымъ читать ученикамъ лекціи (это слово Насѣдкинъ дважды густо подчеркнулъ, язвительно скрививъ ротъ набокъ) о происхожденіи человѣка отъ микроскопическаго моллюска, а учитель географіи Сидорчукъ, неизвѣстно для чего, сообщаетъ имъ свои извращенныя личнымъ невѣжествомъ познанія о статистикѣ и политической экономіи. Послѣ этого неудивительно, что просвѣщаемые подобными отличными педагогами ученики

четырехкласснаго городского Вырвинскаго училища о т л и ч а ю т с я буйнымъ нравомъ и развращенными дѣйствіями. Такъ, напр., на-дняхъ у о. Михаила Трабукина, протоіерея мѣстнаго собора, всѣми чтимаго пастыря, человѣка болѣе чѣмъ святой жизни, были камнями выбиты 2 стекла въ оранжереѣ. При встрѣчѣ со старшими, почтенными въ городѣ лицами, даже имѣвшими высокую честь принадлежать 35 лѣтъ къ учебному вѣдомству, не снимаютъ головныхъ уборовъ, а, наоборотъ, глядя въ глаза, нагло смѣются, и многое, очень многое другое, что̀ готовъ подробно описать Вашему Превосходительству (NB: равно какъ и о нравахъ, процвѣтающихъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ), если послѣдуетъ милостивый отвѣтъ на сіе письмо въ мѣстное почтовое отдѣленіе, до востребованія, предъявителю кред. бил. 3-хъ-рублеваго достоинства за № 070911.

«Имѣю честь быть Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою.

«Здравомыслящій»

Насѣдкинъ поставилъ послѣднюю точку и сказалъ вслухъ:

— Такъ-то-съ, господинъ Опимаховъ!

Онъ всталъ, хотѣлъ-было долго и сладко потянуться уставшимъ тѣломъ, но вспомнилъ, что въ постъ грѣхъ это дѣлать, и сдержался. Быстро потеревъ рукой объ руку, точно при умываньи, онъ опять присѣлъ къ столу и развернулъ ветхую записную книжку съ побурѣвшими отъ частаго употребленія нижними концами страницъ. Вслѣдъ за записями крахмальнаго бѣлья, адресами и днями именинъ, за графами прихода и расхода, шли замѣтки для памяти, написанныя бѣгло, съ сокращеніями въ словахъ, но все тѣмъ же прекраснымъ писарскимъ почеркомъ.

«Кузяевъ намекалъ, что у городского казначея растрата. Провѣритъ и сообщ. въ казенную пал.

NB. Говорятъ, Куз. корреспондируетъ въ какую-то газету!! Узнать».

«Священникъ с. Б. Мельники, Златодѣевъ (о. Никодимъ) на святки упился. Танцовалъ и потерялъ крестъ. Довести до свѣд. Его Преосв. «Исполнено. Вызванъ для объясн. 21 февр.».

«Не забыть о Серг. Платонычѣ. Съ нянькой».

«Учитель Опимаховъ. Сожительство. Лекціи и пр. Сидорчукъ. Непочтеніе. Попеч. уч. округа».

Дойдя до этой замѣтки, Иванъ Віанорычъ обмакнулъ перо и приписалъ сбоку: «сообщено».

Въ эту книжку были занесены всѣ скандалы, всѣ любовныя интрижки, всѣ сплетни и слухи маленькаго, соннаго, мѣщанскаго городишки; здѣсь кратко упоминалось о господахъ и о прислугѣ, о чиновникахъ, купцахъ, офицерахъ и священникахъ, о преступленіяхъ по службѣ, о томъ, кто за кѣмъ ухаживаетъ (съ приблизительнымъ указаніемъ часовъ свиданій), о неосторожныхъ словахъ, сказанныхъ въ клубѣ, о пьянствѣ, карточной игрѣ, наконецъ даже о стоимости юбокъ у тѣхъ дамъ, мужья или любовники которыхъ жили выше средствъ.

Иванъ Віанорычъ быстро пробѣгалъ глазами эти замѣтки, схватывая ихъ знакомое содержаніе по одному слову, иногда по какому-нибудь таинственному крючку, поставленному сбоку.

— До всѣхъ доберемся, до всѣхъ, мои миленькіе, — кривя губы, шепталъ онъ вслухъ, по старческой привычкѣ. — Семинаристъ Элладовъ... Вы, пожалуй, подождите, господинъ либеральный семинаристъ. Драка у Харченко, Штурмеръ передернулъ... Ну, это еще рано. Но вы не безпокойтесь, придетъ и ваша очередь. Для всѣхъ придетъ правосудіе, для всѣ-ѣхъ!.. Вы думаете какъ: нашкодилъ и въ кусты? Нѣ-ѣтъ, драгоцѣнные, есть надъ вашими безобразіями зоркіе глаза, они, братъ, все ви-

дятъ... Землемѣрша... Ага! Это самое. Пожалуйте-ка на свѣтъ Божій, прекрасная, но легкомысленная землемѣрша.

Наверху страницы стояли двѣ строчки:

«Землемѣрша (Зоя Никит.) и шт.-кап. Беренговичъ. Землемѣръ — тюфякъ. Лучше сообщить капитаншѣ».

Иванъ Віанорычъ придвинулся поближе къ столу, поправилъ очки, торопливо запахнулъ свой ватный халатикъ, съ желтыми разводами въ видѣ вопросительныхъ знаковъ, и принялся за новое письмо. Онъ писалъ прямо начисто, почти не обдумывая фразъ. Отъ долгой практики у него выработался особый стиль анонимныхъ писемъ, или, вѣрнѣе, нѣсколько разныхъ стилей, такъ какъ обращеніе къ начальствующимъ лицамъ требовало однихъ оборотовъ рѣчи, къ обманутымъ мужьямъ — другихъ, на купцовъ дѣйствовалъ слогъ высокій и витіеватый, а духовнымъ особамъ были необходимы цитаты изъ твореній отцовъ церкви.

«Милостивая Государыня,

«Мадамъ Беренговичъ.

«Не имѣя отличнаго удовольствія знать Васъ близко, боюсь, что сочтете мое письмо къ Вамъ за невѣжество. Но долгъ порядочности и человѣколюбія повелѣваетъ мнѣ скорѣе нарушить правила приличія, нежели молчать о томъ, что̀ стало уже давно смѣхотворной сказкой города, но о чемъ Вы, какъ и всякая обманутая жертва, узнаете—увы!—послѣдняя. Да, несчастная! Мужъ твой, недостойный своего высокаго званія защитника Отечества, обманываетъ тебя самымъ наглымъ и безсердечнымъ образомъ съ той, которую ты отогрѣла на своей груди, подобно крестьянину въ извѣстной баснѣ великаго Крылова!!!

«Совѣтую Вамъ узнать стороной, когда именно соберется въ уѣздъ нѣкій хорошо знакомый Вамъ землемѣръ, и въ тотъ же вечеръ, такъ часовъ около 9-ти, нанесите

прелестной Зоѣ визитъ, чѣмъ, конечно, доставите ей весьма пріятный сюрпризъ, который будетъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ онъ будетъ неожиданнѣе. Ручаюсь — ничто не помѣшаетъ вамъ: супруга Вашего, господина Штабсъ-Капитана, въ этотъ вечеръ навѣрно не будетъ дома (его отзовутъ въ полкъ по дѣламъ службы, или, скажемъ, къ больному товарищу). А для того, чтобы еще больше обрадовать обольстительнѣйшую Зою, рекомендую Вамъ пройти не черезъ парадный ходъ, а черезъ кухню и какъ можно быстрѣе. Если Вы встрѣтите на кухнѣ горничную, — помните, что ее зовутъ Аришей, и что рубль, вообще, производитъ магическое дѣйствіе».

Низкій, одинокій ударъ колокола тяжелой волной задрожалъ въ воздухѣ, густо и широко влившись въ комнату. Иванъ Віанорычъ привсталъ, перекрестился, сурово прикрывъ на секунду глаза, но тотчасъ же сѣлъ и продолжалъ писать, нѣсколько торопливѣе, чѣмъ раньше:

«Къ самому г. землемѣру я бы Вамъ посовѣтовалъ лучше не обращаться. Кажется, этому индивидую рѣшительно безразлично, что его супруга, подобно древней Мессалинѣ, прославилась не только на весь уѣздъ, но и на всю губернію своимъ поведеніемъ. Васъ же я знаю за даму съ твердыми и честными правилами, которыя, во всякомъ случаѣ, не дозволятъ Вамъ хладнокровно переносить свой позоръ. Простите, что по нѣкоторымъ причинамъ не открываю своего имени, а остаюсь глубоко сострадающій Вашему горю —

«Доброжелатель».

Въ полуоткрытую дверь просунулся сначала голый костлявый локоть, а потомъ и голова старой кухарки.

— Баринъ, къ ефимонамъ звонютъ...

— Слышу, Ѳекла, не глухой, — отозвался Насѣдкинъ, поспѣшно заклеивая конвертъ. — Дай мнѣ старый сюртукъ и приготовь шубу.

— Шубу скунсовую?

— Нѣтъ, ту, другую, съ капюшономъ.

Прежде, чѣмъ выйти изъ дому, Насѣдкинъ, по обыкновенію, помолился на свой образъ.

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! — шепталъ онъ, умильно покачивая склоненной на бокъ головой и крѣпко надавливая пальцами на лобъ, на животъ и плечи. И въ то же время мысленно, по давней привычкѣ дѣлать все не торопясь и сознательно, онъ напоминалъ самому себѣ:

— Письма лежатъ въ шубѣ, въ боковомъ карманѣ. Не забыть про почтовый ящикъ.

* *
*

Надъ городомъ плылъ грустный, тягучій великопостный звонъ. Банн... банн...—печально и важно, густымъ голосомъ, съ большими промежутками, выпѣвалъ огромный соборный колоколъ, и послѣ каждаго удара долго разливались и таяли въ воздухѣ упругія трепещущія волны. Ему отзывались другія колокольни: сипло, точно простуженный архіерейскій басъ, вякалъ надтреснутый колоколъ у Никиты Мученика; глухимъ, короткимъ, беззвучнымъ рыданіемъ отвѣчали съ Николы на Выселкахъ, а въ женскомъ монастырѣ за рѣчкой знаменитый «серебряный» колоколъ стоналъ и плакался высокой, чистой, пѣвучей нотой.

Былъ конецъ зимы. Санный путь испортился. Широкая улица, вся исполосованная мокрыми темными колеями, изъ бѣлой стала грязно-желтой. Въ глубокихъ ухабахъ, пробитыхъ ломовыми, стояла вода, а въ палисадничкѣ, передъ домомъ Насѣдкина, высокій сугробъ снѣга осѣлъ, обрыхлѣлъ, сдѣлался ноздреватымъ и покрылся сверху сѣрымъ налетомъ. Заборы размякли отъ сырости.

Въ городскомъ саду, на деревьяхъ, — тамъ, гдѣ среди

голыхъ верхушекъ торчали пустыя гнѣзда, безъ умолку кричали и гомозились галки. Онѣ отлетали и тотчасъ же возвращались, качались на тонкихъ вѣткахъ, неуклюже взмахивая крыльями, или черными, тяжелыми комками падали сверху внизъ. И все это — и птичья суета, и рыхлый снѣгъ, и печальный, задумчивый перезвонъ колоколовъ, и запахъ оттаивающей земли, — все говорило о близости весны, все было полно грустнаго и сладостнаго, необъяснимаго весенняго очарованія.

Иванъ Віанорычъ степенно двигался по деревянному тротуару, часто и внушительно постукивая большими кожаными калошами. На Дворянской его обогналъ десятокъ гимназистовъ разнаго возраста. Они шли парами, громко смѣясь и сталкивая другъ друга съ помоста въ снѣгъ. Сзади шагалъ долговязый молодой учитель въ синихъ очкахъ, съ козлиной черной бородкой; въ зубахъ у него была папироса. Проходя мимо Насѣдкина, учитель поглядѣлъ ему прямо въ лицо тѣмъ открытымъ, дружескимъ взглядомъ, которымъ такъ славно смотрятъ весной очень молодые люди.

— И это называется итти въ храмъ, да еще въ такіе дни! — съ горечью и укоризной подумалъ Иванъ Віанорычъ. — И это учитель, педагогъ! Развращенный видъ, папироса во рту! Кажется, его фамилія Добросердовъ?.. Нечего сказать, хорошъ... Буду имѣть его въ виду, на всякій случай.

По широкимъ ступенямъ соборной лѣстницы тихо подымались темныя фигуры мужчинъ и женщинъ. Не было обычной около церквей суматохи и нетерпѣливаго раздраженія. Люди шли робко, точно утомленные, придавленные своими грѣхами, уступая другъ другу дорогу, сторонясь и выжидая очереди.

Соборъ внутри былъ полонъ таинственной, тяжелой тьмы, благодаря которой стрѣльчатыя узкія окна каза-

лись синими, а куполъ уходилъ безконечно въ вышину. Пять-шесть свѣчей горѣло передъ иконами алтаря, не освѣщая черныхъ старинныхъ ликовъ и лишь чуть поблескивая на ризахъ и на острыхъ концахъ золотыхъ сіяній. Пахло ладаномъ, свѣчной гарью и еще той особенной холодной, подвальной сыростью древняго храма, которая всегда напоминаетъ о смерти.

Народу было много, но тѣсноты не чувствовалось. Говорили шопотомъ и точно съ боязнью, кашляли осторожно, и каждый звукъ гулко и широко отдавался подъ огромными каменными сводами. На лѣвомъ клиросѣ молодой лабазникъ Бардыгинъ читалъ часы громкимъ и такимъ ненатуральнымъ, задавленнымъ голосомъ, какъ будто въ горлѣ у него застряла корка чернаго хлѣба. Щеголяя мастерствомъ быстраго чтенія, онъ выкрикивалъ однимъ духомъ столько текста, сколько могъ, при чемъ сливалъ всѣ слова, цѣлыя предложенія, даже новыя строчки въ одно длинное, въ сотню слоговъ, непонятное слово. Изрѣдка онъ останавливался на секунду, чтобы набрать въ грудь воздуха, и тогда начальное слово слѣдующей фразы онъ произносилъ съ большой растяжкой, театрально удваивая согласные звуки, и лишь послѣ этого, точно пріобрѣтя необходимый ему размахъ, съ разбѣгу сыпалъ частой дробью непонятныхъ звуковъ. «Ак-кискименъ, обитаяй въ тайныхъ»... «Ик-кам-мень его прибѣжище заяцамъ тра-та-та-та...» вырывалось отдѣльными восклицаніями.

Иванъ Віанорычъ подошелъ къ свѣчному прилавку. Церковный староста — благообразный тучный старикъ, весь точно серебряный отъ чисто вымытыхъ, картинно расчесанныхъ сѣдинъ—звякалъ среди напряженной тишины мѣдяками, укладывая ихъ въ стопочки.

— Михалъ Михалычу! — сказалъ Насѣдкинъ, протягивая черезъ прилавокъ руку.

— А! Иванъ Віанорычъ! — сдержаннымъ ласковымъ баскомъ отвѣтилъ староста. — Все ли въ добромъ здоровьичкѣ? А мнѣ, того, какъ его... надо съ вами поговорить о чемъ-то, — прибавилъ онъ, понижая голосъ и заслоняясь ладонью отъ свѣчи, чтобы лучше разглядѣть изъ темноты лицо Насѣдкина. — Ты, отецъ, подожди меня малость послѣ ефимоновъ... Ладно?

— Отчего жъ... Я подожду.

Степенно шаркая калошами по плитяному полу, Иванъ Віанорычъ пробрался на свое обычное мѣсто, за правымъ клиросомъ у образа Всѣхъ Святителей, которое онъ, по праву давности и почета, занималъ уже девятый годъ. Тамъ стоялъ, сложивъ руки на животѣ и тяжело вздыхая, рослый бородатый мужикъ въ бѣломъ дубленомъ тулупѣ, пахнувшемъ бараномъ и терпкой кислятиной. Со строгимъ видомъ, пожевавъ губами, Иванъ Віанорычъ брезгливо тронулъ его за рукавъ.

— Ты что же это, любезный, распространился? Видишь — чужое мѣсто, а лѣзешь! — сказалъ онъ сурово.

Мужикъ низко поклонился и съ покорной суетливостью затоптался въ сторону.

— Прости, батюшка, прости Христа ради.

— Богъ проститъ, — сухо отвѣтилъ старикъ.

* * *

На клиросѣ задвигался желтый огонекъ свѣчки, отъ него робко вспыхнулъ другой, третій. Теплые огненные язычки, постепенно рождаясь въ темнотѣ, перешли снизу вверхъ, и невидимая до сихъ поръ пѣвческая капелла ясно и весело озарилась свѣтомъ среди скорбной темноты, наполнявшей церковь. Лица дискантовъ, освѣщаемыя снизу, съ блестящими точками въ глазахъ, съ мягкими контурами щекъ и подбородковъ, стали похожи на личики тѣхъ мурильевскихъ херувимовъ, которые поютъ у

ногъ Мадонны, держа развернутыя ноты. У стоявшихъ сзади мужчинъ изъ-за темныхъ усовъ бѣло и молодо сверкали зубы. Басы мощно откашливались, рыча въ глубинѣ хора, какъ огромные, добродушные звѣри.

Пронесся тонкій, жужжащій звукъ камертона. Регентъ, любимецъ и баловень купечества, лысый, маленькій и толстый мужчина, въ длинномъ сюртукѣ, болѣе широкій къ заду, чѣмъ въ плечахъ, тонкимъ голосомъ, бережно, точно сообщая хору какую-то нѣжную тайну, задалъ тонъ. Толпа зашевелилась, протяжно вздохнула и стихла.

— Помощникъ и Покровитель бысть мнѣ во спасеніе! — съ чувствомъ прошепталъ Насѣдкинъ, опережая пѣвчихъ, хорошо знакомыя ему слова ирмоса.

Стройные, печальные звуки полились съ клироса, но прежде, чѣмъ преодолѣть огромную пустоту купола, оттолкнулись отъ каменныхъ стѣнъ, и въ первыя мгновенія казалось, будто во всѣхъ уголкахъ темнаго храма запѣло, вступая одинъ за другимъ, нѣсколько хоровъ.

Изъ алтаря вышелъ, щуря на народъ голубые, близорукіе глаза, второй соборный священникъ о. Евгеній, — маленькій, чистенькій старичокъ, похожій лицомъ на Николая угодника, какъ его пишутъ на образахъ. Онъ былъ въ одной траурной эпитрахили поверхъ черной рясы, и эта простота церковной одежды, и слабая, утомленная походка священника, и его прищуренные глаза — трогательно шли къ покаянному настроенію толпы и къ тишинѣ и къ темнотѣ собора.

Пѣвчіе замолчали, и вслѣдъ за ними замолкли одинъ за другимъ невидимые хоры въ углахъ и въ куполѣ. Тихимъ, слегка вздрагивающимъ, умоляющимъ голосомъ, такъ странно непохожимъ своей естественностью на обычные церковные возгласы, священникъ проговорилъ первыя слова великаго канона:

— Откуда начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній? Кое положу начало, Христе, нынѣшнему рыданію?..

— Помилуй мя, Боже, помилуй мя! — скорбно заплакалъ хоръ.

«Нынѣшнему рыданію!» — повторилъ мысленно Иванъ Віанорычъ, почувствовавъ въ затылкѣ у себя холодную волну. — Какія слова!..

Воображеніе вдругъ нарисовало ему древняго, согбеннаго годами, благодушнаго схимника. Вотъ онъ пришелъ въ свою убогую келью, позднимъ вечеромъ, послѣ утомительной службы, едва держась на больныхъ ногахъ, принеся въ складкахъ своей одежды, украшенной знаками смерти, запахъ ладана и воска. Молчаніе, полумракъ... слабо дрожитъ огонекъ свѣчи передъ темными образами... на полу, вмѣсто ложа, раскрытый гробъ... Со стономъ боли становится отшельникъ на израненныя, натруженныя колѣни. Впереди цѣлая ночь молитвы, страстныхъ вздоховъ, горькихъ и сладостныхъ рыданій, сотрясающихъ хилое тѣло. И, уже предчувствуя близость блаженныхъ слезъ, старецъ перебираетъ въ умѣ всю свою невинную, омытую ежедневнымъ плачемъ жизнь и ждетъ вдохновенія молитвы. «Откуда начну плакати!»...

— Нѣтъ! Уйду въ монастырь, на покой! — вдругъ рѣшилъ растроганный Иванъ Віанорычъ. — Домъ, проценты... Зачѣмъ все это?

— Осквернивъ плоти моей ризу и окаляхъ еже по образу, Спасе, и по подобію! — читалъ священникъ.

— Уйду. Вотъ возьму и уйду. Тамъ тишина, благолѣпіе, смиреніе, а здѣсь... о, Господи!.. Ненавидятъ другъ друга, клевещутъ, интригуютъ... Ну, положимъ, я свою каплю добра несу на пользу общую: кого надо остерегу, предупрежду, открою глаза, наставлю на путь. Да вѣдь и о себѣ надо подумать когда-нибудь, смерть-то— она не ждетъ, и о своей душѣ надо порадѣть, вотъ что!

Около Насѣдкина зашелестѣло шелкомъ женское платье. Высокая дама въ простомъ черномъ костюмѣ прошла впередъ, къ самому клиросу, и стала въ глубокой нишѣ, слившись съ ея темнотой. Но на мгновеніе Иванъ Віанорычъ успѣлъ разглядѣть прекрасное бѣлое лицо и большіе, печальные глаза подъ тонкими бровями.

Всему городу, — а Ивану Віанорычу больше другихъ, — была извѣстна трагическая исторія этой женщины. Ее выдали изъ бѣдной купеческой семьи замужъ за мѣстнаго милліонера-лѣсопромышленника Щербачева, вдовца, человѣка старше ея лѣтъ на сорокъ, про котораго говорили, что онъ побоями вогналъ въ гробъ двухъ своихъ первыхъ женъ. Несмотря на то, что Щербачеву подходило уже подъ шестьдесятъ, онъ былъ необычайно крѣпокъ здоровьемъ и такъ силенъ физически, что, во время своихъ обычныхъ безобразныхъ запоевъ, разбивалъ кулакомъ мраморные столики въ ресторанахъ и одинъ выворачивалъ уличные фонари. Однажды, собравшись въ дальній уѣздъ по дѣламъ, онъ нежданно вернулся съ дороги домой и засталъ жену въ своей спальнѣ съ красавцемъ-приказчикомъ. Говорили, что онъ былъ заранѣе предупрежденъ анонимнымъ письмомъ. Приказчика онъ не тронулъ, велѣлъ ему только ползти на четверенькахъ черезъ всѣ комнаты до выходной двери. Но надъ женой онъ вдоволь натѣшилъ свою звѣриную, хамскую душу. Сваливъ ее съ ногъ кулаками, онъ до устали билъ ее огромными коваными сапожищами, потомъ созвалъ всю мужскую прислугу, приказалъ раздѣть жену догола и самъ, поочередно съ кучеромъ, стегалъ кнутомъ ея прекрасное тѣло, обративъ его подъ конецъ въ сплошной кусокъ кроваваго мяса.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Сильная натура молодой женщины какимъ-то чудомъ выдержала это истязаніе, но душа сломилась и стала рабской. Жена Щер-

бачева отказалась отъ людей, никуда не ѣздила и никого у себя не принимала. Лишь изрѣдка появлялась она въ церкви, вызывая шопотъ мѣщанскаго любопытства между городскими сплетниками. Разсказывали, что Щербачевъ послѣ той ужасной ночи не сказалъ болѣе съ женой ни одного слова, а если уѣзжалъ куда-нибудь, то запиралъ ее на ключъ и приказывалъ ложиться на ночь у ея дверей дворникамъ.

— Богъ-то все заранѣе расчислилъ! — набожно и злорадно думалъ Насѣдкинъ, косясь на стѣнную нишу, въ которой едва темнѣла высокая женская фигура. — Кабы не нашлись вѳ-время добрые люди, ты бы и теперь, вмѣсто молитвы и воздыханія сердечнаго, хвосты бы съ кѣмъ-нибудь трепала. А такъ-то оно лучше, по-хорошему, по-христіански... О, Господи, прости мои согрѣшенія... Ничего, помолись, матушка. Молитва-то — она сердце умягчаетъ и отъ зла отгоняетъ...

— Слезы блудницы, Щедре, и азъ предлагаю: очисти мя, Спасе, благоутробіемъ твоимъ! — кроткимъ, старчески-простымъ голосомъ выговаривалъ маленькій священникъ.

— Помилуй мя, Боже! — глубокимъ стономъ сокрушенія отвѣтилъ ему хоръ.

Плечи Щербачевой вдругъ затряслись. Закрывъ лицо ладонями, она быстро опустилась на колѣни, точно упала.

«И я тоже, и я, Господи! Слезы блудницы предлагаю!»—со смиреннымъ самоуниженіемъ подумалъ Иванъ Віанорычъ. Но смиреніе его было легкое, пріятное. Глубоко въ душѣ онъ зналъ про самого себя, что жизнь его чиста и дѣла безпорочны, что онъ честно прослужилъ 35 лѣтъ своему отечеству, что онъ строго блюдетъ посты и обличаетъ беззаконіе. Не осмѣливаясь выпускать этихъ самолюбивыхъ мыслей на поверхность сознанія, притворяясь передъ самимъ собой, что ихъ вовсе нѣтъ

въ его сердцѣ, онъ все-таки съ гордостью вѣрилъ, что ему уготовано въ будущей жизни теплое, радостное мѣсто, въ родѣ того, которое ему общій почетъ и собственныя заслуги отвели въ церкви, подъ образомъ Всѣхъ Святителей.

Слезы стояли у него въ груди, щипали глаза, но не шли. Тогда, пристально смотря на огонь свѣчки, онъ сталъ напрягать горло, какъ при зѣвотѣ, и часто дышать, и наконецъ онѣ потекли сами — обильныя, благодатныя, освѣжающія слезы...

Служеніе кончилось. Народъ медленно, въ молчаніи расходился. О. Евгеній вышелъ изъ алтаря, съ трудомъ передвигая ревматическими ногами, и, узнавъ Насѣдкина, ласково кивнулъ ему головой. Прошла робко, неувѣренной походкой, странно не идущей къ ея роскошной фигурѣ, купчиха Щербачева... Иванъ Віанорычъ вышелъ послѣднимъ вмѣстѣ съ церковнымъ старостой.

— Чудесно читаетъ ефимоны о. Евгеній, — сказалъ, спускаясь по ступенькамъ, староста. — До того вразумительно. Такъ всю тебѣ душу и пробираетъ.

— Отлично читаетъ, — согласился Насѣдкинъ. — Про какое дѣло-то вы хотѣли, Михалъ Михалычъ?

— Дѣло такое, отецъ: что есть у васъ сейчасъ, того, какъ его... свободныя деньги?

— Ну?

— А ты не запрягъ, такъ и не погоняй. Спрашиваю, есть деньги?

— Много ли?

— Пустое... Тысячи три, а то лучше четыре.

— Ну, скажемъ, есть, — недовѣрчиво произнесъ Иванъ Віанорычъ. — Ты про дѣло-то говори: кому надо?

— Чудакъ человѣкъ. Не вѣришь ты мнѣ, что ли? Того, какъ его... ужъ, если я говорю, стало-быть, дѣло вѣрное.

Я бы тебя не сталъ и звать, кабы располагалъ сейчасъ наличными. Апрянина надоть выручить, ему платежи подходятъ, а по векселямъ задержка.

— Такъ, — задумчиво произнесъ Насѣдкинъ. — Изъ сколькихъ процентовъ?

Михаилъ Михайловичъ фыркнулъ носомъ и, слегка навалившись на спутника, проказливо толкнулъ его локтемъ въ бокъ.

— Ахъ, ты... мастеръ Іоганъ Кнастеръ! Сказалъ тебѣ, будь безъ сомнѣнія, и шабашъ. За полгода двѣсти на тыщу хватитъ съ тебя? Ну и... того, какъ его... нечего разговаривать. Прощай, что ли. Мнѣ направо. Зайди завтра утречкомъ, обговоримъ.

— Ладно, приду, — вздохнулъ Иванъ Віанорычъ. — Прощайте, Михалъ Михалычъ.

— Наилучшаго, Иванъ Віанорычъ.

Они разошлись. Насѣдкинъ шелъ по деревяннымъ мосткамъ, постукивая кожаными калошами, и все время вздыхалъ, съ наружнымъ сокрушеніемъ и внутреннимъ довольствомъ. Отъ его шубы еще пахло мирнымъ запахомъ церкви, спина пріятно, разслабленно ныла послѣ долгаго стоянія, и въ душѣ у него была такая же тихая, сладкая истома.

Маленькій захолустный городишко уже спалъ. Не было прохожихъ на улицѣ. Гдѣ-то недалеко за заборомъ лаяла лѣниво, отъ-нечего-дѣлать, собака. Сгущались прозрачныя, зеленыя апрѣльскія сумерки; небо на западѣ было нѣжно-зеленое, и въ голыхъ вѣткахъ деревьевъ уже чувствовался могучій, темно-зеленый весенній тонъ.

Вдали показался домъ Насѣдкина. Лампа внутри не была зажжена, но тюлевыя занавѣси на окнахъ чуть-чуть розовѣли отъ сіянія лампадки.

— Слезы блудницы и азъ предлагаю! — съ умиленіемъ вспомнилъ Иванъ Віанорычъ.

— Ворона! — перебилъ онъ вдругъ себя. — Пропустилъ почтовый ящикъ.

Онъ вернулся назадъ, чтобы опустить письма. Услышавъ, какъ они стукнулись о желѣзное дно ящика, онъ еще плотнѣе запахнулъ теплую шубу и пошелъ дальше. И для того, чтобы опять вернуться къ прежнимъ отраднымъ мыслямъ о домѣ, о процентахъ, о сладости молитвъ, о людскихъ грѣхахъ и о своей чистотѣ, онъ еще разъ съ чувствомъ прошепталъ, растроганно покачивая головой:

— Слезы блудницы и азъ предлагаю...

НА ГЛУХАРЕЙ.

Очеркъ.

Я не могу себѣ представить, какія ощущенія въ мірѣ могутъ сравниться съ тѣмъ, что испытываешь на глухарной охотѣ. Въ ней такъ много неожиданнаго, волнующаго, таинственнаго, труднаго и прелестнаго, что этихъ впечатлѣній не забудешь никогда въ жизни.

Просыпаешься среди темной, безлунной мартовской ночи и сначала никакъ не можешь сообразить, гдѣ ты находишься. Лежишь на земляномъ полу подлѣ цѣлой груды раскаленныхъ головешекъ, по которымъ то и дѣло трепетно пробѣгаютъ послѣдніе огненные языки. Бревенчатыя стѣны и низкій бревенчатый потолокъ больше чѣмъ на палецъ покрыты черной, висящей, какъ бахрома, сажей. Пространство въ половину кубической сажени. Вмѣсто двери — узкое отверстіе, сквозь которое глядитъ ночь, еще болѣе темная, чѣмъ эти закоптѣлыя стѣны.

Но отчаянный храпъ человѣка, лежащаго по другую сторону костра, живо возвращаетъ память не успѣвшему еще проснуться, какъ слѣдуетъ, сознанію. Мы находимся въ старой, заброшенной «угольницѣ», въ самомъ центрѣ Полѣсья, въ сорока верстахъ отъ какого бы то ни было жилья, кромѣ одинокихъ лѣсныхъ сторожекъ, затерянныхъ среди непроходимой чащи. Насъ окружаетъ со

всѣхъ сторонъ сплошной вѣковой боръ, равный по величинѣ доброму нѣмецкому княжеству.

Вспоминается весь вчерашній день: ранній торопливый выѣздъ и узкая лѣсная дорожка, вьющаяся самыми неожиданными зигзагами между деревьевъ, — дорожка, по которой умѣютъ пробираться только привычныя, крошечныя, но сердитыя и бойкія полѣсскія лошаденки. Цѣлый день мы то пробирались среди сугробовъ рыхлаго, грязнаго снѣга, то вязли въ густой грязи, то тряслись и подпрыгивали, вмѣстѣ съ телѣгой, по узловатымъ корневищамъ, пересѣкающимъ дорогу, то на песчаныхъ, уже обсохшихъ пригоркахъ сходили на землю и криками ободряли усталыхъ, потемнѣвшихъ отъ поту лошадей, то переправлялись мимо снесенныхъ половодьемъ мостовъ черезъ неглубокіе, но широкіе и быстрые, коричневые отъ грязи, лѣсные ручьи... Наконецъ, около одной сторожки дорога совсѣмъ прекратилась, и мы добрались до угольницы пѣшкомъ, средь быстро падавшихъ на землю сумерокъ, по едва замѣтнымъ тропинкамъ, злые, голодные, поминутно сбиваясь съ дороги и не довѣряя другъ другу...

Неподвижный, устремленный на меня взглядъ заставляетъ меня обернуться. Мой спутникъ уже не спитъ. Онъ спокойно смотритъ на меня сонными, ничего не выражающими глазами и усиленно посасываетъ потухшую короткую трубку. Увидѣвъ, что я уже бодрствую, онъ языкомъ передвигаетъ трубку въ уголъ рта и произноситъ глухо:

— Эге!.. Не спите, панычъ? А я цѣлую ночь не сплю. Все васъ стерегу.

— То-то ты храпѣлъ такъ.

— Ну-ну!.. Я однимъ ухомъ сплю, а другимъ все слушаю... Я хитрый... А ну-ка, панычъ, который теперь часъ будетъ?

Я смотрю на часы.

— Часъ безъ четверти... Можетъ-быть, собираться?

Трофимъ вяло глядитъ на потухающіе уголья, задумчиво чешетъ затылокъ, сдвинувъ шапку совсѣмъ на глаза, потомъ чешетъ поясницу.

— А что жъ! — вдругъ восклицаетъ онъ съ неожиданнымъ приливомъ энергіи. — Собираться, такъ собираться. Лучше пойдемъ себѣ помаленьку, не будемъ торопиться...

Сборы наши не занимаютъ много времени. Я стягиваю потуже вокругъ таліи патронташный ремень и выпрастываю изъ-подъ него кверху бока свитки, чтобы дать больше свободы рукамъ, сильно встряхиваюсь всѣмъ тѣломъ, чтобы убѣдиться, что ничто на мнѣ не бренчитъ и не болтается, натягиваю кожаныя бахилы *) и крѣпко обвязываю ихъ повыше колѣнъ вокругъ ногъ, а тѣмъ временемъ Трофимъ даетъ мнѣ послѣднія наставленія, и хотя я ихъ слышалъ, по крайней мѣрѣ, разъ десять, я слушаю еще разъ со вниманіемъ и новымъ любопытствомъ.

Трофимъ Щербатый — казенный лѣсникъ, благосклонному вниманію котораго меня рекомендовалъ лѣсничій — мой родственникъ, а его непосредственный начальникъ. Трофимъ безпеченъ, грубъ, немного хвастунъ и лѣнтяй и втихомолку торгуетъ казенной дичью. Это его отрицательныя качества. Но зато онъ смѣлъ, знаетъ лѣсъ не хуже любого звѣря, прекрасный стрѣлокъ и неутомимый охотникъ. Ко мнѣ онъ относится покровительственно.

— Сначала глухарь съ опаской играетъ, — наставительно говоритъ Трофимъ. — Чокъ! и замолчалъ. Сидитъ себѣ на суку и во всѣ стороны слушаетъ. Потомъ опять:

---

*) Бахилы—родъ толстаго кожанаго чулка. Бахилы выдѣлываются изъ цѣльнаго куска кожи и потому совершенно не пропускаютъ воды.

чокъ, чокъ! — и опять тихо. Уже тутъ спаси васъ, Господи, панычъ, поворохнуться, или сучкомъ треснуть — только и услышите, какъ онъ крыльями по всему лѣсу захлопаетъ. Потому что его хоть и называютъ — глухарь, а нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ такой чуткой птахи, какъ онъ... Потомъ вдругъ какъ зашипитъ! Вотъ тутъ-то вы ужъ, что есть духу, скачите впередъ. Изо всей силы... Прыгнули разъ съ пять — и стой! И — ни муръ-муръ. Даже не пять, а хоть четыре, аль-бы три сначала. И ужъ сто-ой... опять жди пѣсни. Тутъ онъ въ скорости опять заиграетъ: чокъ-чокъ... чокъ-чокъ... чокъ-чокъ... и опять зашипѣлъ. Вы опять впередъ и опять стой — ожидай пѣсню. Иной глухарь какъ разойдется, такъ безъ передышки пѣсенъ тридцать сыграетъ, а вы только знайте себѣ, скакайте впередъ и больше ничего. А потомъ вдругъ замолчитъ и а-ни-ни, какъ отрѣзалъ. Полчаса, подлецъ, будетъ прислушиваться. Ну, ужъ тутъ ничего не сдѣлаешь: какъ сталъ, такъ и стой. Ждите. Другой разъ въ багнѣ *) по поясъ загрузнешь, дрожишь весь, а терпи! Ноги замлѣютъ, спина ноетъ, руки болятъ, а все-таки жди... А какъ онъ только опять началъ играть, такъ вы, панычъ, одну пѣсню пропустите. Бываютъ изъ нихъ такіе прохвосты, что стрѣльца обдуриваютъ. Это харкуны называются. Зачокаетъ, зачокаетъ... ты — скокъ, а онъ и замолчалъ. Подождетъ немного и давай харкать: хрр... хрр... Это онъ другимъ глухарямъ вѣсть подаетъ: берегись, говоритъ, стрѣлецъ идетъ. И ужъ если гдѣ такой харкунъ завелся — все токовище ни къ чортову батьку не годится. Только и знаетъ, холера, что сидитъ на суку да сторожитъ, не идетъ ли кто.

Мы подымаемся по тремъ земляным ступенькамъ, вылѣзаемъ сквозь узкое отверстіе, бокомъ, изъ угольницы

*) Багно — вязкое болото.

и сразу попадаемъ въ такую глубокую темень, что кажется, будто насъ внезапно окунули въ какую-то гигантскую чернильницу. Я остановился вновь въ нерѣшительности, почти въ страхѣ. Чтобы обмануть себя, я нарочно на нѣсколько секундъ закрываю глаза и потомъ быстро раскрываю ихъ. Нѣтъ! — ночь попрежнему черна и непроницаема до жуткости. Я подымаю голову вверхъ. Но на небѣ нѣтъ ни одной звѣзды, и у меня вдругъ мелькаетъ мистическая, тревожная мысль: неужели все живущее осуждено погрузиться послѣ смерти въ такой же непобѣдимый, вѣчный, ужасный мракъ?

— Ну, что же вы, панычъ? Идите за мной, — слышу я гдѣ-то впереди себя глухой голосъ Щербатаго.

И я иду, прислушиваясь къ его шагамъ, боязливо простирая передъ собой руки и осторожно ощупывая ногами почву. Меня ни на секунду не покидаетъ ожиданіе, что вотъ-вотъ я наткнусь лицомъ на острый сучокъ, и отъ этого ожиданія я испытываю въ глазахъ странную, тупую боль, точно кто-то сильно давитъ на нихъ изнутри.

Мы идемъ безъ дороги, прямикомъ. Ноги по колѣно безъ всякаго усилія входятъ въ жидкій, какъ кашица, зернистый, холодный снѣгъ, подъ которымъ при каждомъ шагѣ громко хлюпаетъ вода. То мы идемъ по сплошной грязи, съ трудомъ вытаскивая изъ нея ноги, иногда взбираемся на сухіе и твердые пригорки, иногда шагаемъ по мшистымъ кочкамъ, подающимся мягко и упруго внизъ, когда на нихъ ступаешь. Но гдѣ мы? Куда мы идемъ? — я не знаю. Я съ первыхъ же шаговъ пересталъ ориентироваться, и теперь наше шествіе представляется мнѣ чѣмъ-то нелѣпымъ, тяжелымъ и фантастическимъ, какъ кошмаръ. Порою вѣтки какихъ-то деревьевъ хлещутъ меня по лицу и цѣпляются, точно невидимыя длинныя руки, за мои плечи. Порою прямо передо мной, въ аршинѣ отъ моего лица, вдругъ вырастаетъ

черный, толстый стволъ дерева. Я останавливаюсь, отшатываюсь въ испугѣ и протягиваю впередъ руки... но пальцы мои встрѣчаютъ все тотъ же непроницаемый для глазъ, пропитанный тьмою воздухъ.

— Идите, идите, панычъ, — ободряетъ меня Щербатый.—Тутъ недалеко... всего полторы версты... Можно бы было... О, чортъ!..

Я слышу, какъ онъ падаетъ куда-то внизъ, ломая сухой валежникъ, и какъ потомъ его тѣло съ размаху бултыхаетъ въ воду. Мной овладѣваетъ дикій, эгоистическій страхъ и какая-то растерянная, безпомощная, тоскливая озлобленность. Мнѣ кажется, что, если я сдѣлаю еще хоть одинъ шагъ среди этой грозной темноты, я тоже полечу въ глубокую, холодную и грязную трясину.

— Въ яму угодилъ! — говоритъ откуда-то снизу Щербатый, и я слышу, какъ онъ, вылѣзая, отфыркивается и топчется ногами по грязи. — Держитесь лѣвѣе, панычъ, лѣвѣе... Идите на меня... вотъ такъ... И какъ это я въ нее такъ ловко нацѣлился? Вѣдь, кажись, добре знаю. Въ эту самую яму въ позапрошломъ году лось попалъ, весною. Такъ и подохъ въ ней, не могъ выкарабкаться...

Его спокойствіе передается и мнѣ, и опять я бреду, ощупывая, какъ слѣпецъ, руками воздухъ и прислушиваясь къ шагамъ лѣсника.

— Много ли осталось, Трофимъ?

— Осталось? Да еще съ версту будетъ. Нѣтъ, не будетъ съ версту... Меньше... Будетъ еще съ три четверти.

Чтобы обмануть свое нетерпѣніе, я начинаю считать шаги. «Отсчитаю хоть пятьсотъ шаговъ, думаю я, тогда ужъ самые пустяки останутся». И я уже успѣваю насчитать болѣе двухсотъ, какъ вдругъ наталкиваюсь на спину остановившагося Щербатаго.

— Чего ты сталъ, Трофимъ?

— Тутъ полегче надо, панычъ. Будемъ рѣчонку переходить.

Я слышу, какъ быстро-текущая вода бурлитъ и плещется вокругъ Трофимовыхъ сапогъ, и тотчасъ же чувствую, что и я самъ постепенно вхожу къ воду, которая упруго и яростно бьется о мои ноги. Разлившаяся лѣсная рѣчонка не глубока, но она такъ стремительно несется внизъ по крутому косогору, что я принужденъ волочить ноги по дну, изъ опасенія быть сбитымъ теченіемъ. По временамъ я попадаю на болѣе глубокія мѣста и каждый разъ, внезапно погружаясь въ нихъ, чувствую, какъ у меня отъ испуга дыханіе пересѣкается быстрымъ и короткимъ вздохомъ. Мнѣ немного жутко, потому что самой воды я въ темнотѣ не вижу, но со всѣхъ сторонъ, далеко вокругъ себя, я слышу ея торопливое журчанье, таинственные всплески и гнѣвный ропотъ...

Наконецъ мы выходимъ на плотный, упругій, песчаный берегъ. Я только теперь замѣчаю, что ночь немного посвѣтлѣла, — замѣчаю по тому, что смутно вижу спину шагающаго впереди Трофима и неясныя очертанія сосенъ. Трофимъ на ходу поворачиваетъ ко мнѣ голову и шепчетъ:

— Ну, панычъ, идите потихоньку, не шумите. Сейчасъ придемъ на токовище. «Онъ» еще съ вечера усѣлся на мѣсто, а теперь проснулся и слушаетъ...

— А скоро онъ начнетъ? — спрашиваю я также шопотомъ.

— Тсс... тихонько!.. Сперва журавли заиграютъ.

Теперь мы подвигаемся медленно, шагъ за шагомъ. Подъ ногами у насъ узенькая лѣсная тропинка, обледянѣлая и скользкая. Трофимъ идетъ совсѣмъ безшумно въ своихъ легкихъ лыковыхъ постолахъ, но я то и дѣло наступаю на какія-то вѣточки и сучки, и мнѣ кажется, что ихъ трескъ оглушительно разносится по всему лѣсу.

Трофимъ останавливается и, не оборачиваясь, подзываетъ меня къ себѣ рукою. Я подхожу. Онъ наклоняется къ моему уху и шепчетъ такъ тихо, что я съ трудомъ разбираю слова:

— Здѣсь станемъ. Не ворошитесь, панычъ.

Ночь поблѣднѣла еще больше. Отъ земли поднялся густой туманъ. Я слышу его влажное прикосновеніе на своемъ лицѣ, слышу его сырой запахъ. На его сѣдомъ фонѣ ближайшія сосны однотонно плоско и неясно вырисовываются своими прямыми, голыми стволами. Въ ихъ неподвижности среди этой глубокой тишины, среди этого холоднаго, мокраго тумана чувствуется что-то суровое, сознательно-печальное и покорное.

Я не знаю, сколько прошло времени, можетъ-быть, пять минутъ, можетъ-быть, полчаса. Внезапно мой слухъ поражается такими странными звуками, что я невольно вздрагиваю отъ неожиданности. Это какіе-то высокіе, необыкновенно звучные и гармоничные стоны, издаваемые цѣлыми десятками голосовъ. Я никакъ не могу опредѣлить, откуда они несутся: справа, слѣва, спереди или сзади? Они торопятся, вторятъ другъ другу, перегоняютъ другъ друга, сплетаются и вновь расходятся, образуя своеобразный размѣръ и оригинальную мелодію, и разбуженный лѣсъ откликается на нее звонкимъ и чистымъ отзвукомъ.

— Журавли! — еле слышно произноситъ Трофимъ.

— Уу-рлы, урлу-рлы, урлу-рлы, — стонетъ по всему лѣсу невидимый хоръ, и едва только онъ замолкаетъ, какъ въ отвѣтъ ему откуда-то съ противоположнаго конца лѣса раздаются такіе же гармоническіе стоны другого стада проснувшихся журавлей, потомъ отзывается третье стадо, за нимъ четвертое... Эта утренняя перекличка служитъ сигналомъ для всего лѣса. Заяцъ начинаетъ вонить своимъ дрожащимъ, гнусавымъ и прерывающимся

сопрано, гдѣ-то близко около насъ чуфыкнулъ задорно и рѣзко тетеревъ, сова расхохоталась на верхушкѣ высокаго дерева... И опять все стихаетъ, погружается въ прежнюю чуткую дремоту, и опять мы стоимъ молча и неподвижно и, еле дыша и теряя счетъ времени, подслушиваемъ тайны лѣса.

Вдругъ Трофимъ встрепенулся, вытянулъ шею, подался впередъ всѣмъ туловищемъ и такъ и замеръ въ напряженной, выжидательной позѣ. Очевидно, его изощренный слухъ уловилъ какіе-то отдаленные, слабые звуки, но я, какъ ни прислушивался, какъ ни насиловалъ свое вниманіе, ничего не могъ различить, кромѣ непрерывнаго глухого шума, раздававшагося у меня въ ушахъ.

— Играетъ! — прошепталъ Трофимъ. — Слышите?

— Нѣтъ.

— Все равно, идите за мной. Какъ я скокну, такъ и вы. Нога въ ногу... А какъ услышите совсѣмъ хорошо, тогда скажите... я тогда отъ васъ отстану... О! Чуете? Опять заигралъ.

Но я попрежнему ничего не слыхалъ. Вдругъ Трофимъ, точно подброшенный сильной пружиной, сорвался съ мѣста, сдѣлалъ три огромныхъ прыжка прямо по глубокому снѣгу и остановился, точно окаменѣлый. Я не могъ поспѣть за нимъ и пропустилъ лишній шагъ.

Трофимъ молча повернулся ко мнѣ и съ исказившимся, злымъ и взволнованнымъ лицомъ погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Черезъ минуту пружина опять бросила его впередъ. Теперь я изловчился и, попадая ногами какъ разъ въ тѣ самыя мѣста, которыя только-что оставляли ноги Трофима, успѣлъ остановиться вмѣстѣ съ нимъ. Трофимъ одобрительно кивнулъ головой.

Мы сдѣлали такимъ образомъ около двадцати перебѣжекъ, когда я наконецъ разслышалъ играющаго глухаря. Это были сухіе, отрывистые звуки съ металличе-

скимъ оттѣнкомъ, похожіе на то, какъ если бы кто щелкалъ ногтемъ по пустой жестяной коробкѣ. Они слѣдовали другъ за другомъ попарно, сначала очень рѣдко, съ интерваломъ въ нѣсколько секундъ, но потомъ повторялись все чаще и чаще, пока не переходили въ мелкую, сливающуюся дробь. Въ этотъ моментъ мы съ Трофимомъ стремглавъ бросились впередъ, высоко вскидывая ноги и разбрасывая вокругъ себя жидкій снѣгъ.

— Трофимъ, — шепнулъ я, дернувъ за рукавъ лѣсника. — Теперь я...

Но онъ грубо вырвалъ у меня руку и укоризненно замоталъ головой. И только тогда, когда глухарь опять зачастилъ и перешелъ въ дробь, Трофимъ рѣзко обернулся ко мнѣ и закричалъ:

— Можно говорить только подъ пѣсню. Постойте!

Дождавшись еще одной дроби, онъ прибавилъ также громко и торопливо:

— Помните: цѣлься подъ пѣсню, заряжай подъ пѣсню, стрѣляй подъ пѣсню...

Наконецъ, во время третьей дроби онъ сказалъ уже болѣе спокойно:

— Захотите кашлять — ждите пѣсню. Ну... идите.

Глухарь тотчасъ же заигралъ въ четвертый разъ. Я ринулся впередъ. Въ то же время побѣжалъ и Трофимъ, но не за мной, а въ противоположную сторону. Такимъ образомъ въ пять перебѣжекъ мы потеряли другъ друга, и я остался одинъ.

У меня такъ сильно колотилось сердце и такъ дрожали ноги, что я рѣшился пропустить нѣсколько пѣсенъ, чтобы оправиться. Тутъ я разслышалъ совершенно ясно и второе колѣно. Чистая дробь незамѣтно и быстро переходитъ въ сплошной жесткій и рѣзкій звукъ, похожій скорѣе на скрежетъ, чѣмъ на шипѣнье, и напоминающій звукъ, происходящій отъ тренія двухъ металли-

ческихъ поверхностей. Этотъ скрежетъ продолжается недолго — секунды четыре, — но зато въ эти секунды глухарь абсолютно ничего не видитъ и не слышитъ, потому что плотно зажмуриваетъ глаза, а уши у него герметически закупориваются отростками челюстныхъ костей. Въ эти секунды можно выпалить изъ пушки въ разстояніи четверти аршина отъ его головы: онъ не обратитъ на выстрѣлъ никакого вниманія и все-таки докончитъ свое колѣно. Уже много времени спустя я узналъ, что всѣ эти звуки глухарь производитъ своимъ кривымъ и твердымъ клювомъ. Глухарь — единственная птица, у которой нѣтъ языка, но зато огромная полость его рта представляетъ собою прекраснѣйшій резонаторъ. Начиная пѣсню, онъ ударяетъ верхнею частью клюва о нижнюю. Ударитъ и прислушается. Потомъ еще ударитъ и еще прислушается, и ударяетъ все чаще и чаще, пока не переходитъ въ дробь. Тогда глухарь уже не въ силахъ остановиться. Въ дикомъ любовномъ экстазѣ онъ третъ одной челюстью о другую, ожесточенно скрежещетъ ими и забываетъ въ эти мгновенія объ опасности, и о многочисленныхъ врагахъ, и о мудромъ благоразуміи, и рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ.

Въ то время, когда я отдыхалъ, глухарь вдругъ пересталъ играть и молчалъ, должно-быть, минутъ съ десять. Потомъ онъ чокнулъ одинъ разъ, но — тихо, осторожно, какъ будто бы нехотя, и опять замолчалъ на нѣсколько минутъ, затѣмъ чокнулъ другой разъ, уже сильнѣе и громче, еще немного погодя чокнулъ два раза, затѣмъ опять два, зачастилъ, заторопился и, будучи не въ силахъ остановиться, перешелъ во второе колѣно. Согласно наставленію Щербатаго, я пропустилъ первую пѣсню. Глухарь тотчасъ же, почти безъ перерыва, заигралъ вторую, и я побѣжалъ впередъ.

Ровная покатость, по которой мнѣ до сихъ поръ при-

ходилось бѣжать, перешла въ низменное водянистое болото, поросшее рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. Изрѣдка попадалась рѣдкая ольха и осина и приземистые кусты можжевельника. Одинокія кочки, покрытыя мягкимъ мохомъ и брусникой, торчали кое-гдѣ изъ-подъ тонкаго и хрупкаго утренняго ледка, затянувшаго за ночь болото. Мнѣ не всегда удавалось попадать ногами на эти кочки, и я обрывался, уходя въ грязь по поясъ. Бахилы мои налились водою и страшно отяжелѣли. Одинъ разъ, вытаскивая ноги изъ болота, я не удержалъ равновѣсія и, пробивъ тѣломъ тонкій ледъ, упалъ ничкомъ прямо въ вязкую и холодную гущу. Однако у меня хватило мужества лежать въ такомъ неудобномъ положеніи, чтобы не всполошить глухаря. Я лежалъ и слышалъ, какъ надо мною булькаютъ подымающіеся изъ болота пузырьки, чувствовалъ, какъ вонючая влага медленно просачивается за бортъ и въ рукава моей свитки... Къ счастью, глухарь недолго испытывалъ мое терпѣніе. Когда онъ заигралъ, я быстро вскочилъ и утвердился на кочкѣ. Въ слѣдующую пѣсню я побѣжалъ дальше.

Съ каждой перебѣжкой пѣсня становилась все яснѣе и яснѣе. Теперь я не только слышалъ хорошо оба колѣна, но даже различалъ между ними какой-то новый странный звукъ, какое-то глухое и быстрое фырканье. Наконецъ я остановился. Я слышалъ, что глухарь играетъ гдѣ-то совсѣмъ близко, надъ самой моей головой, на одной изъ шести или семи сосенъ, обступившихъ почти правильнымъ кругомъ кочку, на которой я стоялъ. Подъ пѣсню я поднялъ голову вверхъ и сталъ жадно всматриваться въ густыя шапки сосенъ. Но или ночь была еще слишкомъ темна, или мой глазъ недостаточно зорокъ, — я ничего не различалъ въ этихъ черныхъ массахъ перепутавшихся вѣтвей.

А глухарь все игралъ и игралъ, не переставая, одну

пѣснь за другой. Онъ такъ разгорячился, что окончательно забылъ объ осторожности: онъ уже не чокалъ, а пачиналъ прямо съ дроби и, едва окончивъ одну пѣсню, тотчасъ же принимался за другую. Никогда въ жизни, ни раньше ни впослѣдствіи, не слыхалъ я ничего болѣе страннаго, загадочнаго и волнующаго, чѣмъ эти металлическіе, жесткіе звуки. Въ нихъ чувствуется что-то допотопное, что-то принадлежащее давно исчезнувшимъ формаціямъ, когда птицы и звѣри чудовищнаго вида перекликались страшными голосами въ таинственныхъ первобытныхъ лѣсахъ...

Мнѣ показалось, что въ вѣтвяхъ ближайшаго дерева шевельнулось что-то черное. Это «что-то» могло быть и сучкомъ и птицей, но мое воображеніе увѣрило меня, что это глухарь. Выждавъ пѣсню, я дрожащими руками взвелъ курокъ и прицѣлился... Ноги у меня тряслись отъ волненія, а сердце такъ колотилось въ груди, что стукъ его, казалось, разносился по всему лѣсу.

Глухарь заигралъ снова. Я потянулъ собачку. Какъ загремѣлъ, какъ загрохоталъ послѣ моего выстрѣла проснувшійся лѣсъ!.. По всей его громадной площади пронеслось эхо, разбиваясь о деревья на тысячи медленно стихающихъ отзвуковъ, и еще долго-долго глухо гудѣло и рокотало оно гдѣ-то далеко на опушкѣ... Съ дерева дождемъ посыпалась сбитая выстрѣломъ хвоя. Должно-быть, она обсыпала и глухаря, потому что онъ на нѣсколько секундъ прекратилъ пѣсню, но потомъ, точно разсердившись на внезапную помѣху, заигралъ съ новымъ ожесточеніемъ.

Тотчасъ же послѣ своего выстрѣла я услышалъ сзади себя, въ очень далекомъ разстояніи, выстрѣлъ Трофимовой шестилинейной одностволки, — характерный, долгій, глухой, подобный пушечному выстрѣлъ. «Этотъ-то ужъ навѣрно не промахнулся», — подумалъ я и по-

чувствовалъ, что въ сердцѣ моемъ шевельнулась охотничья зависть.

Разсвѣтъ близился. Въ воздухѣ стало холоднѣе и сырѣе. Опять прокричали журавли, и опять отозвались на ихъ крикъ лѣсные обитатели: звонко затрещала жолна, меланхолически застонала горлица, гдѣ-то послышалось робкое и нѣжное болботаніе тетерева, пичужки съ легкимъ пискомъ завозились въ кустахъ.

А я все стоялъ, не рѣшаясь стрѣлять въ другой разъ, и мной уже начинали овладѣвать скука и утомленіе. Вдругъ со стороны Трофима раздался второй выстрѣлъ. Что-то шевельнулось вверху надъ моей головой. Я поднялъ глаза и почти въ томъ самомъ мѣстѣ, куда только-что стрѣлялъ, совершенно отчетливо увидѣлъ глухаря.

Отъ меня до него по прямому направленію было не больше десяти-пятнадцати шаговъ, но онъ мнѣ показался величиною съ домашняго голубя. Играя пѣсню, онъ то вытягивалъ впередъ, то опять втягивалъ шею, точь въ точь, какъ это дѣлаетъ кричащій индюкъ, а переходя ко второму колѣну, онъ весь поворачивался на суку, опускалъ внизъ крылья и съ шумомъ разворачивалъ вѣеромъ хвостъ (этотъ-то шумъ, похожій на фырканье, я и услышалъ раньше, не понимая его значенія). Во всѣхъ его движеніяхъ было что-то напыщенное, глубоко-важное и комическое.

На этотъ разъ я не промахнулся. Глухарь, какъ камень, свалился внизъ, брякнувшись глухо и плотно о землю. Я подбѣжалъ къ нему. Онъ былъ живъ и судорожно бился и подпрыгивалъ по землѣ, яростно хлопая могучими крыльями. Однако страданія его не были продолжительны. Онъ упалъ спиной въ мелкую лужицу и уже не могъ больше подняться. Нѣсколько разъ его шея быстро поднялась изъ воды и опустилась, потомъ по ногамъ пробѣжала мелкая, частая дрожь, и все было кончено.

Я поднялъ его. Въ немъ было фунтовъ около пятнадцати вѣсу, а величиной онъ равнялся средняго роста индюку. Шея и животъ — черные, спина свѣтло-коричневая, съ сѣдоватыми пятнами, брови красныя, бархатистаго оттѣнка, лапы въ сѣрыхъ штаникахъ, а пальцы ихъ покрыты костяной бахромой, глазъ круглый, коричневый, съ большимъ, круглымъ и чернымъ зрачкомъ.

Скоро я услышалъ голосъ звавшаго меня Трофима, и мы сошлись съ нимъ на прежней тропинкѣ. За спиной у него было два глухаря, которыхъ онъ связалъ между собою, продѣвъ сквозь ихъ клювы веревку.

— Я хитрый, — говорилъ онъ хвастливо. — Я, какъ подошелъ къ своему пѣтуху, такъ слышу, что заразъ и другой прилетѣлъ, да близенько такъ, всего какихъ тридцать шаговъ... и давай они оба играть. Ну, думаю, если своего убью, такъ другой заслышитъ и улетитъ. Такъ я что сдѣлалъ! Прицѣлился въ своего да и жду, когда другой заиграетъ. Тотъ какъ заигралъ, я сейчасъ — бахъ! — и есть. И сейчасъ къ другому — разъ! — и готово. Вотъ какъ у насъ, панычъ!..

Потомъ онъ взвѣсилъ моего глухаря на рукѣ и похвалилъ:

— Пѣтухъ хорошій... Добрый пѣтухъ... Ну, съ полемъ васъ, панычъ!

Когда мы возвращались обратно, лѣсъ совсѣмъ проснулся и ожилъ и весь наполнился птичьимъ радостнымъ гомономъ. Пахло весной, талой землею и прошлогоднимъ прѣлымъ листомъ. Голубое небо было такъ прохладно, чисто и весело, а верхушки сосенъ, точно осыпанныя золотой пылью, уже грѣлись въ первыхъ лучахъ весенняго солнца.

КАКЪ Я БЫЛЪ АКТЕРОМЪ.

Эту печальную и смѣшную исторію — болѣе печальную, чѣмъ смѣшную — разсказывалъ мнѣ какъ-то одинъ пріятель, человѣкъ, проведшій самую пеструю жизнь, бывавшій, что̀ называется, и на копѣ и подъ конемъ, но вовсе не утратившій подъ хлыстомъ судьбы ни сердечной доброты ни ясности духа. Лишь одна эта исторія отразилась на немъ нѣсколько страннымъ образомъ: послѣ нея онъ разъ навсегда пересталъ ходить въ театръ и до сихъ поръ не ходитъ, какъ бы его ни уговаривали.

Я постараюсь передать разсказъ моего пріятеля, хотя и боюсь, что мнѣ не удастся это сдѣлать въ той простой формѣ, съ той мягкой и грустной насмѣшкой, какъ я его слышалъ.

I.

Ну, вотъ... Представляете ли вы себѣ скверный южный уѣздный городишко? Посрединѣ этакая огромная колдобина, гдѣ окрестные хохлы, по поясъ въ грязи, продаютъ съ телѣгъ огурцы и картофель. Это базаръ. Съ одной его стороны соборъ и, конечно, Соборная улица, съ другой—городской скверъ, съ третьей—каменные городскіе ряды, у которыхъ желтая штукатурка облупилась, а на крышѣ и на карнизахъ сидятъ голуби; нако-

нецъ, съ четвертой стороны впадаетъ главная улица, съ отдѣленіемъ какого-то банка, съ почтовой конторой, съ нотаріусомъ и съ парикмахеромъ Теодоромъ изъ Москвы. Въ окрестностяхъ города, въ разныхъ тамъ Засельяхъ, Замостьяхъ, Зарѣчьяхъ былъ расквартированъ пѣхотный полкъ, въ центрѣ города стоялъ драгунскій. Въ городскомъ скверѣ возвышался лѣтній театръ. Вотъ и все.

Впрочемъ, надо еще прибавить, что и самый городъ, съ его думой и реальнымъ училищемъ, а также скверъ, и театръ, и мостовая на главной улицѣ — все это существуетъ благодаря щедротамъ мѣстнаго милліонера и сахарозаводчика Харитоненко.

II.

Какъ я попалъ туда — длинная исторія. Скажу вкратцѣ. Я долженъ былъ встрѣтиться въ этомъ городкѣ съ однимъ моимъ другомъ, съ настоящимъ, царство ему небесное, истиннымъ другомъ, у котораго однакоже была жена, которая, по обыкновенію всѣхъ женъ нашихъ истинныхъ друзей, терпѣть меня не могла. И у него и у меня было по нѣсколько тысячъ, скопленныхъ тяжелымъ трудомъ: онъ, видите ли, служилъ много лѣтъ педагогомъ и въ то же время страховымъ инспекторомъ, а я цѣлый годъ счастливо игралъ въ карты. Однажды мы съ нимъ набрели на весьма выгодное предпріятіе съ южнымъ барашкомъ и рѣшили рискнуть. Я поѣхалъ впередъ, онъ долженъ былъ пріѣхать двумя-тремя днями позже. Такъ какъ мое ротозѣйство было уже давно извѣстно, то общія деньги хранились у него, хотя въ разныхъ пакетахъ, ибо мой другъ былъ человѣкъ аккуратности нѣмецкой.

И вотъ начинается градъ несчастій. Въ Харьковѣ на

вокзалѣ, пока я ѣлъ холодную осетрину, соусъ провансаль, у меня вытащили изъ кармана бумажникъ. Пріѣзжаю въ С. (это тотъ самый городишко, о которомъ идетъ рѣчь) съ той мелочью, что была у меня въ кошелькѣ, и съ тощимъ, но хорошимъ желто-краснымъ англійскимъ чемоданомъ. Останавливаюсь въ гостиницѣ—конечно, Петербургской — и начинаю посылать телеграмму за телеграммой. Гробовое молчаніе. Да, да, именно гробовое, потому что въ тотъ самый часъ, когда воръ тащилъ мой бумажникъ,—представьте, какія шутки шутитъ судьба!— въ этотъ часъ мой другъ и компаньонъ умеръ отъ паралича сердца, сидя на извозчикѣ. Всѣ его вещи и деньги были опечатаны, и по какимъ-то дурацкимъ причинамъ эта волокита съ судейскими чинами продолжалась полтора мѣсяца. Знала ли убитая горемъ вдова, или не знала о моихъ деньгахъ — мнѣ неизвѣстно. Однако телеграммы мои она всѣ получила, до одной, но молчала упорно, молчала изъ мелочной, ревнивой и глупой женской мести. Впрочемъ, эти телеграммы сослужили мнѣ впослѣдствіи большую пользу. Уже по снятіи печатей, совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ, присяжный повѣренный, ведшій дѣло о вводѣ въ наслѣдство, обратилъ случайно на нихъ вниманіе, пристыдилъ вдову и на свой страхъ перевелъ мнѣ прямо на театръ пятьсотъ рублей. Да и то сказать — это были не телеграммы, а трагическіе вопли моей души по двадцати и по тридцати словъ.

III.

Итакъ, я сижу въ Петербургской гостиницѣ уже десятый день. Вопли души совершенно истощили мое портмонэ. Хозяинъ — мрачный, заспанный, лохматый хохолъ съ лицомъ убійцы — уже давно не вѣритъ ни одному моему слову. Я ему показываю нѣкоторыя письма и бу-

маги, изъ которыхъ онъ могъ бы и т. д., но онъ пренебрежительно отворачиваетъ лицо и сопитъ. Подъ конецъ мнѣ приносятъ обѣдать, точно Ивану Александровичу Хлестакову: «хозяинъ сказалъ, что это въ послѣдній разъ»...

И вотъ наступилъ день, когда въ моемъ карманѣ остался одинъ сиротливый, позеленѣлый двугривенный. Въ это утро хозяинъ грубо сказалъ мнѣ, что ни кормить меня ни держать больше не станетъ, а пойдетъ къ господину приставу и пожалится. По тону его я понялъ, что этотъ человѣкъ рѣшился на все.

Я вышелъ изъ гостиницы и весь день блуждалъ по городу. Помню, заходилъ я въ какую-то транспортную контору и еще куда-то просить мѣста. Понятно, мнѣ отказали съ перваго же слова. Иногда я присаживался на одну изъ зеленыхъ скамеекъ, что̀ стояли вдоль тротуара главной улицы, между высокими пирамидальными тополями. Голова у меня кружилась, меня тошнило отъ голода. Но ни на секунду мысль о самоубійствѣ не приходила мнѣ въ голову. Сколько, сколько разъ въ моей путанной жизни бывалъ я на краю этихъ мыслей, но, глядишь, прошелъ годъ, иногда мѣсяцъ, а то и просто десять минутъ, и вдругъ все измѣнилось, все опять пошло удачно, весело, хорошо... И въ этотъ день, бродя по жаркому, скучному городу, я только говорилъ самому себѣ: «Да-съ, дорогой Павелъ Андреевичъ, попали мы съ вами въ переплетъ».

Хотѣлось ѣсть. Но по какому-то тайному предчувствію я все берегъ мои двадцать копеекъ. Уже вечерѣло, когда я увидѣлъ на заборѣ красную афишу. Мнѣ все равно нечего было дѣлать. Я машинально подошелъ и прочиталъ, что сегодня въ городскомъ саду даютъ трагедію Гуцкова «Уріэль Акоста», при участіи такихъ-то и такихъ-то. Два имени были напечатаны большимъ чер-

нымъ шрифтомъ: артистка петербургскихъ театровъ г-жа Андросова и извѣстный харьковскій артистъ г. Лара-Ларскій; другіе были помельче: г-жи Вологодская, Медвѣдева, Струнина-Дольская, гг. Тимоѳеевъ-Сумской, Акименко, Самойленко, Нелюбовъ-Ольгинъ, Духовской. Наконецъ самымъ меньшимъ наборомъ стояло: Петровъ, Сергѣевъ, Сидоровъ, Григорьевъ, Николаевъ и др. Режиссеръ г. Самойленко, Директоръ-распорядитель г. Валерьяновъ.

На меня снизошло внезапное, вдохновенное, отчаянное рѣшеніе. Я быстро перебѣжалъ напротивъ, къ парикмахеру Теодору изъ Москвы, и на послѣдній двугривенный велѣлъ сбрить себѣ усы и остренькую бородку. Боже праведный! Что за угрюмое, босое лицо взглянуло на меня изъ зеркала! Я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Вмѣсто тридцатилѣтняго мужчины не слишкомъ красивой, но во всякомъ случаѣ порядочной наружности, тамъ, въ зеркалѣ, напротивъ меня, сидѣлъ, обвязанный по горло парикмахерской простыней, — старый, прожженный, заматерѣлый провинціальный комикъ, со слѣдами всяческихъ пороковъ на лицѣ и къ тому же явно нетрезвый.

— Въ нашемъ театрѣ будете служить? — спросилъ меня парикмахерскій подмастерье, отрясая простыню.

— Да! — отвѣтилъ я гордо. — Получи!

IV.

По дорогѣ къ городскому саду я размышлялъ:

— Нѣтъ худа безъ добра. Они сразу увидятъ во мнѣ стараго, опытнаго воробья. Въ такихъ маленькихъ лѣтнихъ театрикахъ каждый лишній человѣкъ полезенъ. Буду на первый разъ скроменъ... рублей пятьдесятъ... ну, сорокъ въ мѣсяцъ. Будущее покажетъ... Попрошу

авансъ... рублей въ двадцать... пѣть, это много... рублей въ десять... Первымъ дѣломъ пошлю потрясающую телеграмму... пятью-пять — двадцать пять, да ноль — два съ полтиной, да пятнадцать за подачу — два рубля шестьдесятъ пять... На остальныя какъ-нибудь продержусь, пока не пріѣдетъ Илья... Если они захотятъ испытать меня... ну что жъ... я имъ произнесу что-нибудь... вотъ хотя бы монологъ Пимена.

И я началъ вслухъ, вполголоса, торжественнымъ утробнымъ тономъ:

Еще одно-о послѣ-ѣднее сказа-аньо.

Прохожій отскочилъ отъ меня въ испугѣ. Я сконфузился и крякнулъ. Но я уже подходилъ къ городскому саду. Тамъ игралъ военный оркестръ, по дорожкамъ, шаркая ногами, ходили тоненькія мѣстныя барышни въ розовомъ и голубомъ, безъ шляпокъ, а за ними увивались съ непринужденнымъ смѣхомъ, заложивъ руку за бортъ кителя, съ бѣлыми фуражками набекрень, мѣстные писцы, телеграфисты и акцизники.

Ворота были открыты настежь. Я вошелъ. Кто-то пригласилъ меня получить изъ кассы билетъ, но я спросилъ небрежно: гдѣ здѣсь распорядитель, г. Валерьяновъ? Мнѣ тотчасъ же указали на двухъ бритыхъ молодыхъ господъ, сидѣвшихъ неподалеку отъ входа на скамейкѣ. Я подошелъ и остановился въ двухъ шагахъ.

Они не замѣчали меня, занятые разговоромъ, но я успѣлъ разсмотрѣть ихъ: одинъ, въ легкой панамѣ и въ свѣтломъ фланелевомъ костюмѣ съ синими полосками, имѣлъ притворно-благородный видъ и гордый профиль перваго любовника и слегка поигрывалъ тросточкой; другой, въ сѣренькой одеждѣ, былъ необыкновенно длинноногъ и длиннорукъ, ноги у него какъ будто бы начинались отъ середины груди, и руки, вѣроятно, ви-

сѣли ниже колѣнъ, — благодаря этому, сидя, онъ представлялъ собою причудливую ломаную линію, которую, впрочемъ, легко изобразить при помощи складного аршина. Голова у него была очень мала, лицо въ веснушкахъ и живые черные глаза.

Я скромно откашлялся. Они оба повернулись ко мнѣ.

— Могу я видѣть г. Валерьянова? — спросилъ я ласково.

— Это я, — отвѣтилъ рябой: — что вамъ угодно?

— Видите ли, я хотѣлъ... — у меня что-то запершило въ горлѣ: — я хотѣлъ предложить вамъ мои услуги въ качествѣ... въ качествѣ, тамъ, второго комика, или... вотъ... третьяго простака... Также и характерныя...

Первый любовникъ всталъ и удалился, насвистывая и помахивая тросточкой.

— А вы гдѣ раньше служили? — спросилъ г. Валерьяновъ.

Я только одинъ разъ былъ на сценѣ, когда игралъ Макарку въ любительскомъ спектаклѣ, но я судорожно напрягъ воображеніе и отвѣтилъ:

— Собственно, ни въ одной солидной антрепризѣ, какъ, напримѣръ, ваша, я до сихъ поръ не служилъ... Но мнѣ приходилось играть въ маленькихъ труппахъ въ Юго-Западномъ краѣ... Онѣ такъ же быстро распадались, какъ и создавались... напримѣръ, Мариничъ... Соколовскій... и еще тамъ другіе...

— Слушайте, а вы не пьете? — вдругъ огорошилъ меня г. Валерьяновъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я безъ запинки. — Иногда передъ обѣдомъ, или въ компаніи, но совсѣмъ умѣренно.

Г. Валерьяновъ поглядѣлъ, щуря свои черные глаза на песокъ, подумалъ и сказалъ:

— Ну хорошо... я беру васъ. Пока что двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, а тамъ посмотримъ. Да, можетъ-быть,

вы и сегодня будете нужны. Идите на сцену и спросите помощника режиссера Духовского. Онъ васъ представитъ режиссеру.

Я пошелъ на сцену и дорогой думалъ: почему онъ не спросилъ моей театральной фамиліи? Вѣроятно, забылъ? А можетъ-быть, просто догадался, что у меня никакой фамиліи нѣтъ? Но на всякій случай я тутъ же по пути изобрѣлъ себѣ фамилію — не особенно громкую, простую и красивую — Осининъ.

V.

За кулисами я разыскалъ Духовского — вертляваго мальчугана съ испитымъ воровскимъ лицомъ. Онъ въ свою очередь представилъ меня режиссеру — Самойленкѣ. Режиссеръ игралъ сегодня въ пьесѣ какую-то героическую роль и потому былъ въ театральныхъ золотыхъ латахъ, въ ботфортахъ и въ гримѣ молодого любовника. Однако сквозь эту оболочку я успѣлъ разобрать, что Самойленко толстъ, что лицо у него совершенно кругло, и на этомъ лицѣ два маленькихъ острыхъ глаза и ротъ, сложенный въ вѣчную баранью улыбку. Меня онъ принялъ надменно и руки мнѣ не подалъ. Я уже хотѣлъ отойти отъ него, какъ онъ сказалъ:

— Постойте-ка... какъ васъ?.. Я не разслышалъ фамиліи...

— Васильевъ! — услужливо подскочилъ Духовской.

Я смутился, хотѣлъ поправить ошибку, но было уже поздно.

— Вы вотъ что, Васильевъ... Вы сегодня не уходите... Духовской, скажите портному, чтобы Васильеву дали куту.

Такимъ-то образомъ изъ Осинина я и сдѣлался Васильевымъ и остался имъ до самаго конца моей сцени-

ческой дѣятельности, въ ряду съ Петровымъ, Ивановымъ, Николаевымъ, Григорьевымъ, Сидоровымъ и др. Неопытный актеръ — я лишь спустя недѣлю догадался, что среди этихъ громкихъ именъ лишь одно мое прикрывало реальное лицо. Проклятое созвучіе погубило меня!

Пришелъ портной — тощій, хромой человѣкъ, надѣлъ на меня черный коленкоровый длинный саванъ съ рукавами и заметалъ его съ верху до низу. Потомъ пришелъ парикмахеръ. Я въ немъ узналъ того самаго подмастерья отъ Теодора, который только-что меня брилъ, и мы дружелюбно улыбнулись другъ другу. Парикмахеръ надѣлъ на мою голову черный парикъ съ пейсами. Духовской вбѣжалъ въ уборную и крикнулъ: «Васильевъ, гримируйтесь же!» Я сунулъ палецъ въ какую-то краску, но сосѣдъ слѣва, суровый мужчина съ глубокомысленнымъ лбомъ, оборвалъ меня:

— Развѣ не видите, что лѣзете въ чужой ящикъ? Вотъ общія краски.

Я увидѣлъ большой ящикъ съ ячейками, наполненными смѣшавшимися грязными красками. Я былъ какъ въ чаду. Хорошо было Духовскому кричать: «гримируйтесь!». А какъ это дѣлается? Но я мужественно провелъ вдоль носа бѣлую черту и сразу сталъ похожъ на клоуна. Потомъ навелъ себѣ жестокія брови. Сдѣлалъ подъ глазами синяки. Потомъ подумалъ: что бы мнѣ еще сдѣлать? Прищурился и устроилъ между бровей двѣ вертикальныя морщины. Теперь я походилъ на предводителя команчей.

— Васильевъ, приготовьтесь! — крикнули сверху.

Я поднялся изъ уборной и подошелъ къ полотнянымъ сквозящимъ дверямъ задней стѣнки. Меня ждалъ Духовской.

— Сейчасъ вамъ выходить. Фу, чортъ, на кого вы похожи! Какъ только скажутъ: «Нѣтъ, онъ вернется» —

идите! Войдете и скажете... — Онъ назвалъ какое-то имя собственное, которое я теперь забылъ... «Такой-то требуетъ свиданья»... — и назадъ. Поняли?

— Да.

...Нѣтъ, онъ вернется! — слышу я и, оттолкнувъ Духовского, стремлюсь на сцену. Чортъ его побери, какъ зовутъ этого человѣка? Секунда, другая молчанія... Зрительная зала—точно черная шевелящаяся бездна. Прямо передо мной на сценѣ ярко освѣщены лампой незнакомыя мнѣ, грубо намазанныя лица. Всѣ смотрятъ на меня напряженно. Духовской шепчетъ что-то сзади, но я ничего не могу разобрать. Тогда я вдругъ выпаливаю голосомъ торжественнаго укора:

— Да! Онъ вернулся!

Мимо меня проносится, какъ ураганъ, въ своемъ золотомъ панцырѣ Самойленко. Слава Богу! Я скрываюсь за кулисы.

Въ этомъ спектаклѣ меня употребляли еще два раза. Въ той сценѣ, гдѣ Акоста громитъ еврейскую рутину и потомъ падаетъ, я долженъ былъ подхватить его на руки и волочить за кулисы. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ помогалъ пожарный солдатъ, наряженный въ такой же черный саванъ, какъ и я. (Почемъ знать, можетъ-быть, онъ у публики сошелъ за Сидорова?).. Уріэлемъ Акостой оказался тотъ самый актеръ, что̀ сидѣлъ давеча съ Валерьяновымъ на скамейкѣ; онъ же былъ и извѣстный харьковскій артистъ Лара-Ларскій. Подхватили мы его довольно неловко — онъ былъ мускулистъ и тяжелъ, — но, къ счастью, не уронили. Онъ только сказалъ намъ шопотомъ: «Чтобъ васъ чортъ, олухи!». Такъ же благополучно мы его протащили сквозь узкія двери, хотя долго потомъ вся задняя стѣна древняго храма раскачивалась и волновалась.

Въ третій разъ я присутствовалъ безъ словъ при судѣ

надъ Акостой. Тутъ случилось маленькое происшествіе, о которомъ не стоило бы и говорить. Просто, когда вошелъ Бенъ-Акиба и всѣ передъ нимъ встали, я, по ротозѣйству, продолжалъ сидѣть. Но кто-то больно щипнулъ меня выше локтя и зашипѣлъ:

— Вы съ ума сошли. Это Бенъ-Акиба! Встаньте!

Я поспѣшно всталъ. Но, ей-Богу, я не зналъ, что это Бенъ-Акиба. Я думалъ: такъ себѣ, старичокъ.

По окончаніи пьесы Самойленко сказалъ мнѣ:

— Васильевъ, завтра въ одиннадцать на репетицію.

Я возвратился въ гостиницу, но, узнавъ мой голосъ, хозяинъ захлопнулъ дверь. Ночь я провелъ на одной изъ зеленыхъ скамеечекъ между тополями. Спать мнѣ было тепло, и во снѣ я видѣлъ славу. Но холодный утренникъ и ощущеніе голода разбудили меня довольно рано.

VI.

Ровно въ половинѣ одиннадцатаго я пришелъ въ театръ. Никого еще не было. Только кое-гдѣ по саду бродили заспанные лакеи изъ лѣтняго ресторана въ бѣлыхъ передникахъ. Въ зеленой рѣшетчатой бесѣдкѣ, затканной дикимъ виноградомъ, для кого-то приготовляли завтракъ или утренній кофе.

Потомъ я узналъ, что здѣсь каждое утро завтракали на свѣжемъ воздухѣ распорядитель театра г. Валерьяновъ и старая бывшая актриса Булатова-Черногорская, дама лѣтъ 65-ти, которая содержала какъ театръ, такъ и самого распорядителя.

Была постлана свѣжая блестящая скатерть, стояли два прибора, и на тарелкѣ возвышались двѣ столбушки нарѣзаннаго хлѣба — бѣлаго и ситнаго...

Тутъ идетъ щекотливое мѣсто. Я въ первый и въ по-

слѣдній разъ сдѣлался воромъ. Быстро оглянувшись кругомъ, я юркнулъ въ бесѣдку и растопыренными пальцами схватилъ нѣсколько кусковъ хлѣба. Онъ былъ такой мягкій! Такой прекрасный! Но когда я выбѣжалъ наружу, то вплотную столкнулся съ лакеемъ. Не знаю, откуда онъ взялся, должно-быть, я его не замѣтилъ сзади бесѣдки. Онъ несъ судокъ съ горчицей, перцемъ и уксусомъ. Онъ строго поглядѣлъ на меня, на хлѣбъ въ моей рукѣ и сказалъ тихо:

— Это что же такое?

Какая-то жгучая, презрительная гордость колыхнулась во мнѣ. Глядя ему прямо въ зрачки, я отвѣтилъ тихо:

— Это то... что съ третьяго-дня, съ четырехъ часовъ... я ровно ничего еще не ѣлъ...

Онъ вдругъ повернулся и, не говоря ни слова, поспѣшно побѣжалъ куда-то. Я спряталъ хлѣбъ въ карманъ и сталъ ждать. Сразу стало мнѣ жутко и весело! «Чудесно! — думалъ я: — вотъ сейчасъ прибѣжитъ хозяинъ, соберутся лакеи, засвистятъ полицію... подымется гамъ, ругань, свалка... О, какъ великолѣпно буду я бить эти самыя тарелки и судки объ ихъ головы. Я искусаю ихъ до крови!»

Но вотъ, я вижу, мой лакей бѣжитъ ко мнѣ... и... одинъ. Немного запыхался. Подходитъ ко мнѣ бокомъ, не глядя. Я тоже отворачиваюсь... И вдругъ онъ изъ-подъ фартука суетъ мнѣ въ руку большой кусокъ вчерашней холодной говядины, заботливо посоленный, и умоляюще шепчетъ:

— Пожалуйста... прошу васъ... кушайте.

Я грубо взялъ у него мясо, пошелъ съ нимъ за кулисы, выбралъ мѣстечко, гдѣ было потемнѣе, и тамъ, сидя между всякимъ бутафорскимъ хламомъ, съ жадностью разрывалъ зубами мясо и сладко плакалъ.

Я потомъ часто, почти ежедневно, видѣлъ этого чело-

вѣка. Его звали Сергѣемъ. Когда не случалось никого изъ посѣтителей, онъ издали глядѣлъ на меня ласковыми, преданными, просящими глазами. Но я не хотѣлъ портить ни себѣ ни ему перваго теплаго впечатлѣнія, хотя — признаюсь — и бывалъ иногда голоденъ, какъ волкъ зимой.

Онъ былъ такой маленькій, толстенькій, лысенькій, съ черными тараканьими усами и съ добрыми глазами въ видѣ узенькихъ лучистыхъ полукруговъ. И всегда онъ торопился, присѣдая на одну ножку. Когда я получилъ наконецъ, мои деньги и моя театральная кабала осталась позади, какъ сонъ, и вся эта сволочь лакала мое шампанское и льстила мнѣ, какъ я тосковалъ о тебѣ, мой дорогой, смѣшной, трогательный Сергѣй! Я не посмѣлъ бы, конечно, предложить ему денегъ — развѣ можно такую нѣжность и любовь человѣческую расцѣнивать на деньги? Мнѣ просто хотѣлось оставить ему что-нибудь на память... Какую-нибудь бездѣлицу... Или подарить что-нибудь его женѣ или ребятишкамъ — у него ихъ была цѣлая куча, и иногда по утрамъ они прибѣгали къ нему... суетливые и крикливые, какъ воробьята.

Но за недѣлю до моего чудеснаго превращенія Сергѣя уволили со службы, и я даже зналъ, за что. Ротмистру фонъ-Брадке поднесли бифштексъ, поджаренный не по вкусу. Онъ закричалъ:

— Какъ подаешь, прохвостъ? Не знаешь, что я люблю съ кровью?..

Сергѣй осмѣлился замѣтить, что это не его вина, а повара, и что онъ сейчасъ пойдетъ перемѣнить, и даже прибавилъ робко:

— Извините, сударь.

Это извиненіе совсѣмъ взбѣсило офицера. Онъ ударилъ Сергѣя по лицу горячимъ бифштексомъ и, весь багровый, заоралъ:

— Что-ò? Я тебѣ сударь? Я т-тебѣ сударь? Я тебѣ не сударь, а государю моему штабсъ-ротмистръ! Хозяинъ! Позвать сюда хозяина! Иванъ Лукьянычъ, чтобъ сегодня же убрали этого идіота! Чтобъ его и духу не было! Иначе моя нога въ вашемъ кабакѣ не будетъ!

Штабсъ-ротмистръ фонъ-Брадке широко кутилъ, и потому Сергѣя разсчитали въ тотъ же день. Хозяинъ цѣлый вечеръ успокаивалъ офицера. И я самъ, выходя во время антрактовъ въ садъ освѣжиться, долго еще слышалъ негодующій, раскатистый голосъ, шедшій изъ бесѣдки:

— Нѣтъ, каковъ мерзавецъ! Сударь! Если бы не дамы, я бы ему такого сударя показалъ!

VII.

Между тѣмъ понемногу собрались актеры, и въ половинѣ перваго началась репетиція. Ставили пьесу «Новый міръ», какую-то нелѣпую балаганную передѣлку изъ романа Сенкевича «Quo vadis». Духовской далъ мнѣ литографированный листикъ съ моими словами. Это была роль центуріона изъ отряда Марка Великолѣпнаго. Тамъ были отличныя, громкія слова, въ родѣ того, что «твои приказанія, о, Маркъ Великолѣпный, исполнены въ точности!» или: «она будетъ ждать тебя у подножія Помпеевой статуи, о, Маркъ Великолѣпный». Роль мнѣ понравилась, и я уже готовилъ про себя мужественный голосъ этакого стараго рубаки, суроваго и преданнаго...

Но по мѣрѣ того, какъ шла репетиція, со мной стала происходить странная исторія: я, неожиданно для себя самого, началъ дробиться и множиться. Напримѣръ: матрона Вероника кончаетъ свои слова. Самойленко, который слѣдилъ за пьесой по подлиннику, хлопаетъ въ ладоши и кричитъ:

— Вошелъ рабъ!

Никто не входитъ.

— Господа, кто же рабъ? Духовской, поглядите, кто рабъ?

Духовской поспѣшно роется въ какихъ-то листкахъ. Раба не оказывается.

— Вымаратъ, что тамъ! — лѣниво совѣтуетъ Боевъ, тотъ самый резонеръ съ глубокомысленнымъ лбомъ, въ краски котораго я залѣзъ наканунѣ пальцемъ.

Но Маркъ Великолѣпный (Лара-Ларскій) вдругъ обижается:

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста... Тутъ у меня эффектный выходъ... Я эту сцену безъ раба не играю.

Самойленко мечется глазами по сценѣ и натыкается на меня.

— Да вотъ... позвольте... позвольте... Васильевъ, вы въ этомъ актѣ заняты?

Я смотрю въ тетрадку.

— Да Въ самомъ концѣ...

— Такъ вотъ вамъ еще одна роль, — раба Вероники. Читайте по книгѣ. — Онъ хлопаетъ въ ладоши. — Господа, прошу потише! Рабъ входитъ... «Благородная госпожа»... Громче, громче, васъ въ первомъ ряду не слышно...

Черезъ нѣсколько минутъ не могутъ сыскать раба для божественной Мерціи (у Сенкевича она — Лигія), и эту роль затыкаютъ мною. Потомъ не хватаетъ какого-то домоправителя. Опять я. Такимъ образомъ къ концу репетиціи у меня, не считая центуріона, было еще пять добавочныхъ ролей.

Сначала у меня не ладилось. Я выхожу и говорю мои первыя слова:

— О, Маркъ Великолѣпный...

Тутъ Самойленко раздвигаетъ врозь ноги, нагибается впередъ и прикладываетъ ладони къ ушамъ.

— Что-съ? Что вы такое бормочете? Ничего не понимаю.

— О, Маркъ Великолѣпный...

— Виноватъ. Ничего не слышу... Громче!—Онъ подходитъ ко мнѣ вплотную. — Вотъ какъ надо это произносить... — и горловымъ козлинымъ голосомъ онъ выкрикиваетъ на весь лѣтній садъ:

— О, Маркъ Великолѣпный, твое повелѣніе... Вотъ какъ надо... Помните, молодой человѣкъ, безсмертное изреченіе одного изъ великихъ русскихъ артистовъ: «На сценѣ не говорятъ, а произносятъ, не ходятъ, а выступаютъ». — Онъ самодовольно оглядѣлъ кругомъ. — Повторите.

Я повторилъ, но еще неудачнѣе. Тогда меня стали учить поочередно и учили до самаго конца репетиціи положительно всѣ: и гордый Лара-Ларскій съ пренебрежительнымъ и брезгливымъ видомъ, и старый, оплывшій благородный отецъ Гончаровъ, у котораго дряблыя щеки въ красныхъ жилкахъ висѣли ниже подбородка, и резонеръ Боевъ, и простакъ Акименко съ искусственно наигранной миной Иванушки дурачка... Я походилъ на задерганную дымящуюся лошадь, вокругъ которой собралась уличная толпа совѣтчиковъ, а также и на слабаго новичка, попавшаго прямо изъ теплой семьи въ кругъ опытныхъ, продувныхъ и безжалостныхъ школяровъ.

На этой же репетиціи я пріобрѣлъ себѣ мелочного, но безпощаднаго врага, который потомъ отравлялъ каждый день моего существованія. Вотъ какъ это произошло.

Я произносилъ одну изъ своихъ безпрерывныхъ репликъ: «О, Маркъ Великолѣпный», какъ вдругъ ко мнѣ торопливо подбѣжалъ Самойленко.

— Позвольте, голуба, позвольте, позвольте, позвольте. Не такъ, не такъ. Вѣдь вы къ кому обращаетесь? Къ самому Марку Великолѣпному? Ну, стало-быть, вы не

имѣете ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ въ древнемъ Римѣ подчиненные говорили съ главнымъ начальникомъ. Глядите: вотъ, вотъ жестъ.

Онъ подвинулъ правую ногу впередъ на полшага, нагнулъ туловище подъ прямымъ угломъ, а правую руку свѣсилъ внизъ, сдѣлавъ ладонь лодочкой.

— Видите, каковъ жестъ? Поняли? Повторите.

Я повторилъ, но жестъ вышелъ у меня такимъ глупымъ и некрасивымъ, что я рѣшился на робкое возраженіе:

— Извините... но мнѣ кажется, что военная выправка... она вообще какъ-то избѣгаетъ согбеннаго положенія... и, кромѣ того... вотъ тутъ ремарка... выходитъ въ латахъ... а согласитесь, что въ латахъ...

— Извольте молчать! — крикнулъ гнѣвно Самойленко и сдѣлался пурпурнымъ. — Если вамъ режиссеръ велитъ стоять на одной ногѣ, высунувъ языкъ, вы обязаны исполнить безпрекословно. Извольте повторить.

Я повторилъ. Вышло еще безобразнѣе. Но тутъ за меня вступился Лара-Ларскій.

— Оставь, Борисъ, — сказалъ онъ нехотя Самойленкѣ: — видишь, у него не вытанцовывается. И, кромѣ того, какъ ты самъ знаешь, исторія намъ не даетъ здѣсь прямыхъ указаній... Вопросъ... мм... спорный...

Самойленко оставилъ меня въ покоѣ со своимъ классическимъ жестомъ. Но съ этихъ поръ онъ не пропускалъ ни одного случая, когда можно было меня оборвать, уязвить и обидѣть. Онъ ревниво слѣдилъ за каждымъ моимъ промахомъ. Онъ такъ меня ненавидѣлъ, что, я думаю, даже видѣлъ меня во снѣ каждую ночь. Что касается меня... Видите ли, съ тѣхъ поръ прошло уже десять лѣтъ, но до сего дня, какъ только я вспомню этого человѣка, злоба подымается у меня изъ груди и душитъ меня за горло. Правда, передъ отъѣздомъ... впро-

чемъ, объ этомъ скажу потомъ, иначе придется повредить стройности разсказа.

Передъ самымъ концомъ репетиціи, на сцену вдругъ явился высокій, длинноносый, худой господинъ въ котелкѣ и съ усами. Онъ пошатывался, задѣвалъ за кулисы, и глаза у него были совсѣмъ какъ двѣ оловянныя пуговицы. Всѣ глядѣли на него съ омерзѣніемъ, но замѣчанія ему никто не сдѣлалъ.

— Кто это? — спросилъ я шопотомъ Духовского.

— Э! Пьяница! — отвѣтилъ тотъ небрежно. — Нелюбовъ-Ольгинъ, нашъ декораторъ. Талантливый человѣкъ — онъ иногда и играетъ, когда трезвъ, — но совсѣмъ, окончательно пропоица. А замѣнить его некѣмъ: дешевъ и пишетъ декораціи очень скоро.

VIII.

Репетиція кончилась. Расходились. Актеры острили, играя словами: Мерція-Коммерція. Лара-Ларскій многозначительно звалъ Боева «туда». Я догналъ въ одной изъ аллей Валерьянова и, едва поспѣвая за его длинными шагами, сказалъ:

— Викторъ Викторовичъ... я бы очень попросилъ у васъ денегъ... хоть немножко.

Онъ остановился и едва могъ прійти въ себя отъ изумленія.

— Что? Какихъ денегъ? Зачѣмъ денегъ? Кому?

Я сталъ объяснять ему мое положеніе, но онъ, не дослушавъ меня, нетерпѣливо повернулся спиной и пошелъ впередъ. Потомъ вдругъ остановился и подозвалъ меня:

— Вы вотъ что... какъ васъ... Васильевъ... Вы подите къ этому... къ своему хозяину и скажите ему, чтобы онъ навѣдался сюда, ко мнѣ. Я здѣсь пробуду въ кассѣ еще съ полчаса. Я съ нимъ переговорю.

Я не пошелъ, а полетѣлъ въ гостиницу! Хохолъ выслушалъ меня съ мрачной недовѣрчивостью, однако надѣлъ коричневый пиджакъ и медленно поплелся въ театръ. Я остался ждать его. Черезъ четверть часа онъ вернулся. Лицо его было, какъ грозовая туча, а въ правой рукѣ торчалъ пучокъ красныхъ театральныхъ контрамарокъ. Онъ сунулъ мнѣ ихъ въ самый носъ и сказалъ глухимъ басомъ:

— Бачите! Ось! Я думалъ, онъ мнѣ гроши дастъ, а онъ мнѣ — яки-сь гумажки. На що воны мини!

Я стоялъ сконфуженный. Однако и бумажки принесли нѣкоторую пользу. Послѣ долгихъ увѣщеваній, хозяинъ согласился на раздѣлъ: онъ оставилъ себѣ въ видѣ залога мой прекрасный новый англійскій чемоданъ изъ желтой кожи, а я взялъ бѣлье, паспортъ и, что было для меня всего дороже, мои записныя книжки. На прощанье хохолъ спросилъ меня:

— А що, и ты тамъ будешь дурака валять?

— Да, и я, — подтвердилъ я съ достоинствомъ.

— Ого! Держись. Я какъ тебе забачу, заразъ скричу: а гдѣ мои двадцать карбованцивъ!

Три дня подъ рядъ я не смѣлъ безпокоить Валерьянова и ночевалъ на зеленой скамеечкѣ, подложивъ себѣ подъ голову узелокъ съ бѣльемъ. Двѣ ночи, благодареніе Богу, были теплыя; я даже чувствовалъ, лежа на скамейкѣ, какъ отъ каменныхъ плитъ тротуара, нагрѣвшихся за день, исходитъ сухой жаръ. Но на третью шелъ мелкій, долгій дождикъ, и, спасаясь отъ него подъ навѣсами подъѣздовъ, я не могъ заснуть до утра. Въ восемь часовъ отворили городской садъ. Я забрался за кулисы и на старой занавѣси сладко заснулъ на два часа. И, конечно, попался на глаза Самойленкѣ, который долго и язвительно внушалъ мнѣ, что театръ — это храмъ искусства, а вовсе не дортуаръ, и не будуаръ, и не ночлежный домъ.

Тогда я опять рѣшился догнать въ аллеѣ распорядителя и попросить у него хоть немного денегъ, потому что мнѣ негдѣ ночевать.

— Позвольте-съ, — развелъ онъ руками: — да мнѣ-то какое дѣло? Вы, кажется, не малолѣтній, и я не ваша нянька.

Я промолчалъ. Онъ побродилъ прищуренными глазами по яркому солнечному песку дорожки и сказалъ въ раздумьѣ:

— Развѣ... вотъ что... Хотите, ночуйте въ театрѣ? Я говорилъ объ этомъ сторожу, но онъ, дуракъ, боится.

Я поблагодарилъ.

— Только одинъ уговоръ: въ театрѣ не курить. Захотите курить — выходите въ садъ.

Съ тѣхъ поръ у меня былъ обезпеченъ ночлегъ подъ кровлей. Иногда днемъ я ходилъ за три версты на рѣчку, мылъ тамъ въ укромномъ мѣстечкѣ свое бѣлье и сушилъ его на вѣткахъ прибрежныхъ ветлъ. Это бѣлье мнѣ было большимъ подспорьемъ. Время отъ времени я ходилъ на базаръ и продавалъ тамъ рубашку или что-нибудь другое. На вырученныя 20 — 30 копеекъ я бывалъ сытъ два дня. Обстоятельства принимали явно благопріятный оборотъ для меня. Однажды мнѣ даже удалось въ добрую минуту выпросить у Валерьянова рубль, и я тотчасъ же послалъ Ильѣ телеграмму:

«Умираю голоду переведи телеграфомъ С. театръ Леоптовичу».

IX.

Вторая репетиція была и генеральной. Тутъ кстати мнѣ подвалили еще двѣ роли: древняго христіанскаго старца и Тигеллина. Я взялъ ихъ безропотно.

Къ этой репетиціи пріѣхалъ и нашъ трагикъ Тимо-

оевъ-Сумской. Это былъ плечистый мужчина, вершковъ 14-ти ростомъ, уже немолодой, курчавый, рыжій, съ выворочеными бѣлками глазъ, рябой отъ оспы — настоящій мясникъ, или, скорѣе, палачъ. Голосъ у него былъ непомѣрный, и игралъ онъ въ старой, воющей манерѣ:

И дикимъ звѣремъ завывалъ
Широкоплечій трагикъ.

Роли своей онъ не зналъ совершенно (онъ игралъ Нерона), да и читалъ ее по тетрадкѣ съ трудомъ, при помощи сильныхъ старческихъ очковъ. Когда ему говорили:

— Вы бы, Ѳедотъ Памфилычъ, хоть немного ролькуто подучили.

Онъ отвѣчалъ низкой октавой:

— Наплевать. Сойдетъ. Пойду по суфлеру. Не впервой. Публика все равно ничего не понимаетъ. Публика — дура.

Съ моимъ именемъ у него все выходили нелады. Онъ никакъ не могъ выговорить — Тигеллинъ, а звалъ меня то Тигелиніемъ, то Тинегиломъ. Каждый разъ, когда его поправляли, онъ рявкалъ:

— Плевать. Ерунда. Стану я мозги засаривать!

Если ему попадался трудный оборотъ или нѣсколько иностранныхъ словъ подъ рядъ, онъ просто ставилъ карандашомъ у себя въ тетрадкѣ зэтъ и произносилъ:

— Вымарываю.

Впрочемъ, вымарывали всѣ. Отъ пьесы-ботвиньи осталась только гуща. Изъ длинной роли Тигеллина получилась всего одна реплика.

Неронъ спрашиваетъ:

— Тигеллинъ! Въ какомъ состояніи львы?

А я отвѣчаю, стоя на колѣняхъ:

— Божественный цезарь! Римъ никогда не видалъ такихъ звѣрей. Они голодны и свирѣпы.

Вотъ и все.

Наступилъ и спектакль. Зрительная открытая зала была полна. Снаружи, вокругъ барьера, густо чернѣла толпа безплатныхъ зрителей. Я волновался.

Боже мой, какъ они всѣ отвратительно играли! Точно они заранѣе сговорились словами Тимоѳеева: «наплевать, публика — дура». Каждое ихъ слово, каждый жестъ напоминали что-то старенькое-старенькое, давно примелькавшееся десяткамъ поколѣній. Мнѣ все время казалось, что въ распоряженіи этихъ служителей искусства имѣется всего-навсего десятка два заученныхъ интонацій и десятка три зазубренныхъ жестовъ, въ родѣ того, напримѣръ, которому безплодно хотѣлъ меня научить Самойленко. И мнѣ думалось: какимъ путемъ нравственнаго паденія могли дойти эти люди до того, чтобы потерять стыдъ своего лица, стыдъ голоса, стыдъ тѣла и движеній!

Тимоѳеевъ-Сумской былъ великолѣпенъ. Склонившись на правый бокъ трона, при чемъ его лѣвая вытянутая нога вылѣзала на половину сцены, съ шутовской короной набекрень, онъ вперялъ вращающіеся бѣлки въ суфлерскую будку и такъ ревѣлъ, что мальчишки за барьеромъ взвизгивали отъ восторга. Моего имени онъ, конечно, не запомнилъ. Онъ просто заоралъ на меня, какъ купецъ въ банѣ:

— Телянтинъ! Подай сюда моихъ львовъ и тигровъ. Ж-жива!

Я покорно проглотилъ мою реплику и ушелъ. Конечно, всѣхъ хуже былъ Маркъ Великолѣпный — Лара-Ларскій, потому что былъ безстыднѣе, разнузданнѣе, пошлѣе и самоувѣреннѣе всѣхъ остальныхъ. Изъ пафоса у него выходилъ крикъ, изъ нѣжныхъ словъ — сладкая тянушка, изъ-за повелительныхъ репликъ римскаго воина-патриція выглядывалъ русскій брандмайоръ. Зато по-

истинѣ была прекрасна Андросова. Все въ ней было очаровательно: вдохновенное лицо, прелестныя руки, гибкій музыкальный голосъ, даже длинные, волнистые волосы, которые она въ послѣднемъ дѣйствіи распустила по спинѣ. Играла она такъ же просто, естественно и красиво, какъ поютъ птицы.

Я съ настоящимъ художественнымъ наслажденіемъ, иногда со слезами, слѣдилъ за нею сквозь маленькія дырочки въ холстѣ декорацій. Но я не предчувствовалъ, что черезъ нѣсколько минутъ она растрогаетъ меня, но уже совсѣмъ инымъ образомъ, не со сцены.

Я въ этой пьесѣ былъ такъ многообразенъ, что, право, дирекціи не худо было бы на афишѣ къ именамъ Петрова, Сидорова, Григорьева, Иванова и Васильева присоединить еще Дмитріева и Александрова. Въ первомъ актѣ я сначала явился старцемъ въ бѣломъ балахонѣ, съ капюшономъ на головѣ, потомъ побѣжалъ за кулисы, сбросилъ куту и уже выступилъ центріономъ, въ латахъ и шлемѣ, съ голыми ногами, потомъ опять исчезъ и опять вылѣзъ христіанскимъ старцемъ. Во второмъ актѣ я былъ центріономъ и рабомъ. Въ третьемъ — двумя новыми рабами. Въ четвертомъ — центріономъ и еще двумя чьими-то рабами. Въ четвертомъ — домоуправителемъ и новымъ рабомъ. Наконецъ я былъ Тигеллиномъ и въ заключеніе безгласнымъ воиномъ, который повелительнымъ жестомъ указываетъ Мерціи и Марку дорогу на арену, на съѣденіе львамъ.

Даже простакъ Акименко потрепалъ меня по плечу и сказалъ благодушно:

— Чортъ васъ возьми! Вы какой-то трансформистъ.

Но мнѣ дорого стоила эта похвала. Я едва держался на ногахъ отъ усталости.

Спектакль окончился. Сторожъ тушилъ лампы. Я ходилъ по сценѣ, въ ожиданіи, когда послѣдніе актеры

разгримируются и мнѣ можно будетъ лечь на мой старый театральный диванъ. Я также мечталъ о томъ кускѣ жареной трактирной печенки, который висѣлъ у меня въ уголкѣ между бутафорской комнатой и общей уборной. (Съ тѣхъ поръ, какъ у меня однажды крысы утащили свиное сало, я сталъ съѣстное подвѣшивать на веревочку). Вдругъ я услышалъ сзади себя голосъ:

— До свиданья, Васильевъ.

Я обернулся. Андросова стояла съ протянутой рукой. Ея прелестное лицо было утомлено.

Надо сказать, что изо всей труппы только она, не считая маленькихъ, Духовского и Нелюбова-Ольгина, подавала мнѣ руку (остальные гнушались). И я даже до сихъ поръ помню ея пожатіе: открытое, нѣжное, крѣпкое — настоящее женственное и товарищеское пожатіе.

Я взялъ ея руку. Она внимательно посмотрѣла на меня и сказала:

— Послушайте, вы не больны? У васъ плохой видъ.— И добавила тише: — Можетъ-быть, вамъ нужны деньги?.. а?.. взаймы...

— О, нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ! — перебилъ я искренно. И вдругъ, повинуясь безотчетному воспоминанію только-что пережитаго восторга, я воскликнулъ пылко:

— Какъ вы были прекрасны сегодня!

Должно-быть, комплиментъ по искренности былъ не изъ обычныхъ. Она покраснѣла отъ удовольствія, опустила глаза и легко разсмѣялась.

— Я рада, что доставила вамъ удовольствіе.

Я почтительно поцѣловалъ ея руку. Но тутъ какъ разъ женскій голосъ крикнулъ снизу:

— Андросова! Гдѣ вы тамъ? Идите, васъ ждутъ ужинать.

— До свиданья, Васильевъ, — сказала она просто и

ласково, потомъ покачала головой и, уже уходя, чуть слышно произнесла:

— Ахъ, бѣдный вы, бѣдный...

Нѣтъ, я себя вовсе не чувствовалъ бѣднымъ въ эту минуту. Но мнѣ казалось, что, если бы она на прощанье коснулась губами моего лба, я бы умеръ отъ счастья!

X.

Скоро я приглядѣлся ко всей трушѣ. Признаюсь, я и до моего невольнаго актерства никогда не былъ высокаго мнѣнія о провинціальной сценѣ. Но, благодаря Островскому, въ моемъ воображеніи все-таки засѣли грубые по внѣшности, но нѣжные и широкіе въ душѣ Несчастливцевы, шутоватые, но по-своему преданные искусству и чувству товарищества Аркашки... И вотъ я увидѣлъ, что сцену заняли просто-напросто безстыдникъ и безстыдница.

Всѣ они были безсердечны, предатели и завистники по отношенію другъ къ другу, безъ малѣйшаго уваженія къ красотѣ и силѣ творчества, — прямо какія-то хамскія, дубленыя души! И, вдобавокъ, люди поражающаго невѣжества и глубокаго равнодушія, притворщики, истерически-холодные лжецы съ бутафорскими слезами и театральными рыданіями, упорно-отсталые рабы, готовые всегда радостно пресмыкаться передъ начальствомъ и передъ меценатами... Недаромъ Чеховъ сказалъ какъ-то: «Болѣе актера истериченъ только околоточный. Посмотрите, какъ они оба въ царскій день стоятъ передъ буфетной стойкой, говорятъ рѣчи и плачутъ».

Но театральныя традиціи хранились у насъ непоколебимо. Какой-то Митрофановъ-Козловскій, какъ извѣстно, передъ выходомъ на сцену всегда крестился. Это всосалось. И каждый изъ нашихъ главныхъ артистовъ

передъ своимъ выходомъ непремѣнно продѣлывалъ то же самое и при этомъ косилъ глазомъ вбокъ: смотрятъ или нѣтъ? И если смотрятъ, то навѣрно ужъ думаютъ: какъ онъ суевѣренъ!.. Вотъ оригиналъ!..

Какой-то изъ этихъ проституторовъ искусства, съ козлинымъ голосомъ и жирными ляжками, прибилъ однажды портного, а въ другой разъ парикмахера. И это также вошло въ обычай. Часто я наблюдалъ, какъ Лара-Ларскій метался по сценѣ съ кровавыми глазами и съ пѣной на губахъ и кричалъ хрипло:

— Дайте мнѣ этого портного! Я убью этого портного!

А потомъ, уже ударивъ этого портного и въ тайнѣ души ожидая и побаиваясь крѣпкаго отвѣта, онъ простиралъ назадъ руки, дрожалъ и вопилъ:

— Держите меня! Держите! Иначе я въ самомъ дѣлѣ сдѣлаюсь убійцей!..

Но зато какъ проникновенно они говорили о «святомъ искусствѣ» и о сценѣ! Помню одинъ свѣтлый, зеленый іюньскій день. У насъ еще не начиналась репетиція. На сценѣ было темновато и прохладно. Изъ большихъ актеровъ пришли раньше всѣхъ Лара-Ларскій и его театральная жена — Медвѣдева. Нѣсколько барышень и реалистовъ сидятъ въ партерѣ. Лара-Ларскій ходитъ взадъ и впередъ по сценѣ. Лицо его озабочено. Очевидно, онъ обдумываетъ какой-то новый глубокій типъ. Вдругъ жена обращается къ нему:

— Саша, насвисти, пожалуйста, этотъ вчерашній мотивъ изъ «Паяцовъ».

Онъ останавливается, мѣряетъ ее съ ногъ до головы выразительнымъ взглядомъ и произноситъ, косясь на партеръ, бархатнымъ актерскимъ баритономъ:

— Свистать? На сценѣ? Ха-ха-ха! (онъ смѣется горькимъ, актерскимъ смѣхомъ). Ты ли это говоришь? Да развѣ ты не знаешь, что сцена — это хра-амъ, это алтарь,

на который мы кладемъ всѣ свои лучшія мысли и желанія. И вдругъ — свистать! Ха-ха-ха...

Однако, въ этотъ же самый алтарь, въ дамскія уборныя ходили мѣстные кавалеристы и богатые бездѣльники-помѣщики совершенно такъ же, какъ въ отдѣльные кабинеты публичнаго дома. На этотъ счетъ мы вообще не были щепетильны. Сколько разъ бывало: внутри виноградной бесѣдки свѣтится огонь, слышенъ женскій хохотъ, лязганье шпоръ и звонъ бокаловъ, а театральный мужъ, точно дозорный часовой, ходитъ взадъ и впередъ по дорожкѣ около входа въ темнотѣ и ждетъ, не пригласятъ ли его. И лакей, пронося на высоко поднятомъ подносѣ судака о-гратенъ, толкнетъ его локтемъ и скажетъ сухо:

— Посторонитесь, сударь.

А когда его позовутъ, онъ будетъ кривляться, пить водку съ пивомъ и уксусомъ и разсказывать похабные анекдоты изъ еврейскаго быта.

Но все-таки объ искусствѣ они говорили горячо и гордо. Тимоѳеевъ-Сумской не разъ читалъ лекцію объ утерянномъ «классическомъ жестѣ ухода».

— Утерянъ жестъ классической трагедіи! — говорилъ онъ мрачно. — Прежде какъ актеръ уходилъ? Вотъ! — Тимоѳеевъ вытягивался во весь ростъ и подымалъ кверху правую руку со сложенными въ кулакъ пальцами, кромѣ указательнаго, который торчалъ крючкомъ. — Видите? — И онъ огромными, медленными шагами начиналъ удаляться къ двери. — Вотъ что называлось «классическимъ жестомъ ухода»! А что теперь? Заложилъ ручки въ брючки и фить домой. Такъ-то, батеньки.

Иногда они любили и новизну, отсебятину. Лара-Ларскій такъ, напримѣръ, передавалъ о своемъ исполненіи роли Хлестакова:

— Нѣтъ, позвольте. Я эту сцену съ городничимъ вотъ

какъ веду. Городничій говоритъ, что номеръ темноватъ. А я отвѣчаю: «Да. Захочешь почитать что-нибудь, напримѣръ, Максима Горькаго, — нельзя! Темыно, тем-мыно!» И всегда... аплодисментъ!

Хорошо было послушать, какъ иной разъ разговариваютъ въ подпитіи старики, напримѣръ, Тимоѳеевъ-Сумской съ Гончаровымъ.

— Да, братъ Ѳедотушка, не тотъ нонѣ актеръ пошелъ. Нѣтъ, братъ, не то-отъ.

— Вѣрно, Петряй. Не тотъ. Помнишь, братъ, Чарскаго, Любскаго!.. Э-ххъ, братъ!

— Завѣты не тѣ.

— Вѣрно, Петербургъ. Не тѣ. Не стало уваженія къ святости искусства. Мы съ тобой, Пека, все-таки жрецами были, а эти... Э-ххъ! Выпьемъ, Пекаторисъ.

— А помнишь, братъ Ѳедотушка, Иванова-Козельскаго?

— Оставь, Петроградъ, не береди. Выпьемъ. Куда теперешнимъ?

— Куда!

— Ку-уда!

И вотъ среди этой мѣшанины пошлости, глупости, пройдошества, альфонсизма, хвастовства, невѣжества и разврата — поистинѣ служила искусству Андросова, такая чистая, нѣжная, красивая и талантливая. Теперь, ставъ старѣе, я понимаю, что она такъ же не чувствовала этой грязи, какъ бѣлый, прекрасный вѣнчикъ цвѣтка не чувствуетъ, что его корни питаются черной тиной болота.

XI.

Пьесы ставились, какъ на курьерскихъ. Небольшія драмы и комедіи шли съ одной репетиціи, «Смерть Іоанна Грознаго» и «Новый міръ» — съ двухъ, «Измаилъ», сочиненіе господина Бухарина, потребовалъ трехъ репети-

ціи, и то благодаря тому, что въ немъ участвовало около сорока статистовъ изъ мѣстныхъ командъ: гарнизонной, конвойной и пожарной.

Особенно памятно мнѣ представленіе «Смерти Іоанна Грознаго», — памятно по одному глупому и смѣшному происшествію. Грознаго игралъ Тимоѳеевъ-Сумекой. Въ парчевой длинной одеждѣ, въ островерхой шапкѣ изъ собачьяго мѣха, — онъ походилъ на движущійся обелискъ. Для того, чтобы придать грозному царю побольше свирѣпости, онъ все время выдвигалъ впередъ нижнюю челюсть и опускалъ внизъ толстую губу, при чемъ вращалъ глазами и рычалъ, какъ никогда.

Конечно, роли онъ не зналъ и читалъ ее такими стихами, что даже у актеровъ, давно привыкшихъ къ тому, что публика — дура и ничего не понимаетъ, становились волосы дыбомъ. Но особенно отличился онъ въ той сценѣ, гдѣ Іоаннъ въ покаянномъ припадкѣ становится на колѣни и исповѣдуется передъ боярами: «Оступился мой умъ» и т. д.

И вотъ онъ доходитъ до словъ: «аки песъ смердящій...» Нечего и говорить, что глаза его были все время въ суфлерской будкѣ. На весь театръ онъ произноситъ: «Аки!» и умолкаетъ.

— Аки песъ смердящій... — шепчетъ суфлерша.

— Паки! — реветъ Тимоѳеевъ.

— Аки песъ...

— Каки!

— Аки песъ смердящій...

Наконецъ ему удается справиться съ текстомъ. При этомъ онъ не обнаруживаетъ ни замѣшательства ни смущенія. Но со мной — я въ это время стоялъ около трона — вдругъ случился неудержимый припадокъ смѣха. Вѣдь всегда такъ бываетъ: когда знаешь, что нельзя смѣяться — тогда именно и овладѣваетъ тобою этотъ со-

трясающій, болѣзненный смѣхъ. Я быстро сообразилъ, что лучше всего спрятаться за высокой спинкой трона и тамъ высмѣяться вдоволь. Поворачиваюсь; иду торжественной боярской походкой, едва удерживаясь отъ хохота; захожу за тронъ и... вижу, что тамъ прижались къ спинкѣ и трясутся, и давятся отъ беззвучнаго смѣха двѣ артистки, Волкова и Богучарская. Это было выше моего терпѣнія. Я выбѣжалъ за кулисы, упалъ на бутафорскій диванъ, на м о й диванъ, и сталъ по нему кататься... Самойленко, всегда ревниво слѣдившій за мною, оштрафовалъ меня за это на пять рублей.

Да и вообще этотъ спектакль изобиловалъ приключеніями. Я забылъ сказать, что у насъ былъ актеръ Романовъ, очень красивый, высокій, представительный молодой человѣкъ на громкія и величественныя второстепенныя роли. Къ сожалѣнію, онъ отличался чрезвычайною близорукостью, такъ что даже носилъ стекла по какому-то особенному заказу. На сценѣ, безъ пенснэ, онъ вѣчно натыкался на что-нибудь, опрокидывалъ колонны, вазы и кресла, путался въ коврахъ и падалъ. Онъ уже былъ давно извѣстенъ тѣмъ, что въ другомъ городѣ и въ другой труппѣ, играя въ «Принцессѣ Грезѣ» зеленаго рыцаря, онъ упалъ и покатился въ своихъ жестяныхъ латахъ къ рампѣ, громыхая, какъ огромный самоваръ. Въ «Смерти Іоанна Грознаго» Романовъ однако превзошелъ самого себя. Онъ ворвался въ домъ Шуйскаго, гдѣ собрались заговорщики, съ такой стремительностью, что опрокинулъ на полъ длинную скамью вмѣстѣ съ сидѣвшими на ней боярами.

Эти бояре были очаровательны. Всѣ они были набраны изъ молодыхъ караимчиковъ, служившихъ на мѣстной табачной фабрикѣ. Я выводилъ ихъ на сцену. Я небольшого роста, но самый высокій изъ нихъ приходился мнѣ по плечо. При томъ половина изъ этихъ родовитыхъ бояръ

была въ кавказскихъ костюмахъ съ газырями, а другая половина—въ кафтанахъ, взятыхъ на прокатъ изъ мѣстнаго архіерейскаго хора. Прибавьте еще къ этому мальчишескія лица съ подвязанными черными бородами, блестящіе черные глаза, восторженно раскрытые рты и застѣнчиво-неловкія движенія. Публика привѣтствовала нашъ торжественный выходъ дружнымъ ржаніемъ.

Благодаря тому, что мы ставили ежедневно новыя пьесы, театръ нашъ довольно охотно посѣщался. Офицеры и помѣщики ходили изъ-за актрисъ. Кромѣ того, ежедневно посылался Харитоненкѣ билетъ на ложу. Самъ онъ бывалъ рѣдко — не болѣе двухъ разъ за весь сезонъ, но каждый разъ присылалъ по сту рублей. Вообще театръ дѣлалъ недурныя дѣла, и если младшимъ актерамъ не платили жалованья, то тутъ у Валерьянова былъ такой же тонкій расчетъ, какъ у того извозчика, который вѣшалъ впереди морды своей голодной клячи кусокъ сѣна для того, чтобы она скорѣе бѣжала.

XII.

Однажды — не помню, почему — спектакля не было. Стояла скверная погода. Въ десять часовъ вечера я уже лежалъ на моемъ диванѣ и въ темнотѣ прислушивался, какъ дождь барабанитъ въ деревянную крышу.

Вдругъ гдѣ-то за кулисами послышался шорохъ, шаги, потомъ грохотъ падающихъ стульевъ. Я засвѣтилъ огарокъ, пошелъ навстрѣчу и увидѣлъ пьянаго Нелюбова-Ольгина, который безпомощно шарашился въ проходѣ между декораціями и стѣной театра. Увидѣвъ меня, онъ не испугался, но спокойно удивился:

— К'кого ч-чорта вы тутъ дѣлаете?

Я объяснилъ ему въ двухъ словахъ. Заложивъ руки въ карманы панталонъ и кивая длиннымъ носомъ, онъ

нѣкоторое время раскачивался съ носковъ на каблуки. Потомъ вдругъ потерялъ равновѣсіе, но удержался, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, и сказалъ:

— А п'чему не ко мнѣ?

— Мы съ вами такъ мало знакомы...

— Чепуха. Пойдемъ!

Онъ взялъ меня подъ руку, и мы пошли къ нему. Съ этого часа и до самаго послѣдняго дня моего актерства я раздѣлялъ съ нимъ его крошечную полутемную комнатенку, которую онъ снималъ у бывшаго с — аго исправника. Этотъ пьяница и скандалистъ, предметъ лицемѣрнаго презрѣнія всей труппы, оказался кроткимъ, тихимъ человѣкомъ, съ большимъ запасомъ внутренней деликатности, и отличнымъ товарищемъ. Но у него была въ душѣ какая-то болѣзненная, незалѣчимая трещина, нанесенная женщиной. Я никогда, впрочемъ, не могъ понять, въ чемъ суть его неудачнаго романа. Будучи пьянымъ, онъ часто вытаскивалъ изъ своей дорожной корзинки портретъ какой-то женщины, не очень красивой, но и не дурной, немного косенькой, со вздернутымъ вызывающимъ носикомъ, нѣсколько провинціальной наружности. Онъ то цѣловалъ эту фотографію, то швырялъ ее на полъ, прижималъ ее къ сердцу и плевалъ на нее, ставилъ ее въ уголъ на образъ и потомъ капалъ на нее стеариномъ. Я не могъ также разобраться, кто изъ нихъ кого бросилъ, и о чьихъ дѣтяхъ шла рѣчь: его, ея или кого-то третьяго.

Ни у него ни у меня денегъ не было. Онъ уже давно забралъ у Валерьянова крупную сумму, чтобы послать ей, и теперь находился въ состояніи крѣпостной зависимости, порвать которую ему мѣшала простая порядочность. Изрѣдка онъ подрабатывалъ нѣсколько копеекъ у мѣстнаго живописца вывѣсокъ. Но этотъ заработокъ былъ большимъ секретомъ отъ труппы: помилуйте, развѣ Лара-

Ларскій вытерпѣлъ бы такое надруганіе надъ искусствомъ!

Нашъ хозяинъ — отставной исправникъ — толстый, румяный мужчина въ усахъ и съ двойнымъ подбородкомъ— былъ человѣкомъ большого благодушія. Каждое утро и вечеръ послѣ того, когда въ домѣ у него отпивали чай, намъ приносили вновь долитый самоваръ, чайникъ со спитымъ чаемъ и сколько угодно чернаго хлѣба. Мы бывали сыты.

Послѣ послѣобѣденнаго сна отставной исправникъ выходилъ въ халатѣ и съ трубкой на улицу и садился на крылечко. Передъ тѣмъ, какъ итти въ театръ, и мы подсаживались къ нему. Разговоръ у насъ шелъ всегда одинъ и тотъ же — о его служебныхъ злоключеніяхъ, о несправедливости высшаго начальства и о гнусныхъ интригахъ враговъ. Онъ все совѣтовался съ нами, какъ бы это ему написать такое письмо въ столичныя газеты, чтобы его невинность восторжествовала, и чтобы губернаторъ съ вице-губернаторомъ, съ нынѣшнимъ исправникомъ и съ подлецомъ-приставомъ II-й части, который и былъ главной причиной всѣхъ бѣдъ, полетѣли со своихъ мѣстъ. Мы давали ему разные совѣты, но онъ только вздыхалъ, морщился, покачивалъ головой и твердилъ:

— Эхъ, не то... Не то, не то... Вотъ, если бы мнѣ найти человѣка съ перомъ! Перо бы мнѣ найти! Никакихъ денегъ не пожалѣю.

А у него — канальи — были деньги. Войдя однажды къ нему въ комнату, я засталъ его за стрижкой купоновъ. Онъ немного смутился, всталъ и загородилъ бумаги спиной и распахнутымъ халатомъ. Я твердо увѣренъ, что во время службы за нимъ водились: и взяточничество, и вымогательство, и превышеніе власти, и другіе поступки.

По ночамъ, послѣ спектакля, мы иногда бродили съ

Нелюбовымъ по саду. Въ тихой, освѣщенной огнями зелени повсюду уютно стояли бѣлые столики, свѣчи горѣли не колеблясь въ стеклянныхъ колпачкахъ. Женщины и мужчины какъ-то по-праздничному, кокетливо и значительно улыбались и наклонялись другъ къ другу. Шуршалъ песокъ подъ легкими женскими ножками...

— Хорошо бы намъ найти карася! — говорилъ иногда сиплымъ баскомъ Нелюбовъ и поглядывалъ на меня лукаво сбоку.

Меня сначала коробило. Я всегда ненавидѣлъ эту жадную и благородную готовность садовыхъ актеровъ примазываться къ чужимъ обѣдамъ и завтракамъ, эти собачьи, ласковые, влажные и голодные глаза, эти неестественно-развязные баритоны за столомъ, это гастрономическое всезнайство, эту усиленную внимательность, эту привычно-фамильярную повелительность съ прислугой. Но потомъ, ближе узнавъ Нелюбова, я понялъ, что онъ шутитъ. Этотъ чудакъ былъ по-своему гордъ и очень щекотливъ.

Но вышелъ одинъ смѣшной и чуть-чуть постыдный случай, когда самъ карась поймалъ меня съ моимъ другомъ въ кулинарную сѣть. Вотъ это какъ было.

Мы съ нимъ выходили послѣдними изъ уборной послѣ представленія, и вдругъ откуда-то изъ-за кулисъ выскочилъ на сцену нѣкто Альтшиллеръ... мѣстный Ротшильдъ, еврей, этакій молодой, но уже толстый, очень развязный, румяный мужчина, сладострастнаго типа, весь въ кольцахъ, цѣпяхъ и брелокахъ. Онъ бросился къ намъ.

— Ахъ, Боже мой... я уже вотъ полчаса вездѣ бѣгаю... сбился съ ногъ... Скажите, ради Бога, вы не видѣли Волкову и Богучарскую?

Мы, дѣйствительно, видѣли, какъ эти артистки сейчасъ же послѣ спектакля уѣхали кататься съ драгун-

скими офицерами, и любезно сообщили объ этомъ Альтшиллеру. Онъ схватился за голову и заметался по сценѣ.

— Но это же безобразіе! У меня заказанъ ужинъ! Нѣтъ, это просто Богъ знаетъ что̀ такое: дать слово, обѣщаться и... Какъ это называется, господа, я васъ спрашиваю?

Мы молчали.

Онъ еще покрутился по сценѣ, потомъ остановился, помялся, почесалъ нервно високъ, почмокалъ въ раздумьѣ губами и вдругъ сказалъ рѣшительно:

— Господа, я васъ покорнѣйше прошу отужинать со мной.

Мы отказались.

Но не тутъ-то было. Онъ прилипъ къ намъ, какъ клей-синдетиконъ. Онъ кидался то къ Нелюбову, то ко мнѣ, трясъ намъ руки, заглядывалъ умильно въ глаза и съ жаромъ увѣрялъ, что онъ любитъ искусство. Нелюбовъ первый дрогнулъ.

— А, чортъ! Пойдемъ въ самомъ дѣлѣ. Чего тамъ!

Меценатъ повелъ насъ на главную эстраду и засуетился. Выбралъ наиболѣе видное мѣсто, усадилъ насъ, а самъ все время вскакивалъ, бѣгалъ вслѣдъ за прислугой, размахивалъ руками и, выпивъ рюмку доппель-кюммеля, притворялся отчаяннымъ кутилой. Котелокъ у него былъ для лихости на боку.

— Можетъ-быть, огуречика? Какъ это по-русски говорится? Значитъ, эфто безъ огуречика никакая пишшыя не проходитъ. Такъ? А водочки? Пожалуйста, кушайте... кушайте до конца, прошу васъ. А можетъ-быть, бефъ-строгановъ? Здѣсь отлично готовятъ... Псст! Человѣкъ!

Отъ большого куска горячаго жаренаго мяса я опьянѣлъ, какъ отъ вина. Глаза у меня смыкались. Веранда съ огнями, съ синимъ табачнымъ дымомъ и съ

пестрой скачкой болтовни, плыла куда-то вбокъ, мимо меня, и я точно сквозь сонъ слышалъ:

— Пожалуйста, кушайте еще, господа... Не стѣсняйтесь. Ну, что я могу съ собой подѣлать, когда я такъ люблю искусство!..

XIII.

Но приближался моментъ развязки. Питаніе однимъ чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ отзывалось на мнѣ болѣзненно. Я сталъ раздражителенъ и часто, чтобы сдержать себя, убѣгалъ съ репетицій куда-нибудь подальше въ садъ. Кромѣ того, я давно уже распродалъ все мое бѣлье.

Самойленко продолжалъ терзать меня. Знаете, иногда бываетъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, что учитель вдругъ ни съ того ни съ сего возненавидитъ какого-нибудь замухрышку-ученика: возненавидитъ за блѣдность лица, за торчащія уши, за непріятную манеру дергать плечомъ, — и эта ненависть продолжается цѣлые года. Такъ именно относился ко мнѣ Самойленко. Онъ уже успѣлъ оштрафовать меня въ общей сложности на 15 рублей и на репетиціяхъ обращался со мною, по крайней мѣрѣ, какъ начальникъ тюрьмы съ арестантомъ. Иногда, слушая его грубыя замѣчанія, я опускалъ вѣки и видѣлъ у себя передъ глазами огненные круги. Валерьяновъ теперь уже совсѣмъ не разговаривалъ со мной и при встрѣчахъ убѣгалъ отъ меня со скоростью страуса. Я служилъ уже полтора мѣсяца и до сихъ поръ получилъ всего-навсего 1 рубль.

Однажды утромъ я проснулся съ больной головой, съ металлическимъ вкусомъ во рту и съ тяжелой, черной, безпричинной злобой въ душѣ. Въ такомъ настроеніи я пошелъ на репетицію.

Не помню, что̀ мы ставили, но помню хорошо, что въ моей рукѣ была толстая, сложенная трубкой тетрадь. Роль свою я зналъ, какъ и всегда, безукоризненно. Въ ней, между прочимъ, стояли слова: «я это заслужилъ».

И вотъ пьеса доходитъ до этого мѣста.

— Я это заслужилъ, — говорю я.

Но Самойленко подбѣгаетъ ко мнѣ и вопитъ:

— Ну кто же такъ говоритъ по-русски? Кто такъ говоритъ? Я это заслужилъ! Надо говорить: я на это заслужилъ! Без-здарность!

Поблѣднѣвъ, я протянулъ-было къ нему тетрадку со словами:

— Извольте справиться съ текстомъ...

Но онъ выкрикнулъ горломъ:

— Плевать я на вашъ текстъ! Я самъ для васъ текстъ! Не хотите служить — убирайтесь къ чорту!

Я быстро поднялъ на него глаза. Онъ вдругъ понялъ все, поблѣднѣлъ такъ же, какъ и я, и быстро отступилъ на два шага. Но было уже поздно. Тяжелымъ свертком я больно и громко ударилъ его по лѣвой щекѣ и по правой, и потомъ опять по лѣвой и опять по правой, и еще, и еще. Онъ не сопротивлялся, даже не нагнулся, даже не пробовалъ бѣжать, а только при каждомъ ударѣ дергалъ туда и сюда головой, какъ клоунъ, разыгрывающій удивленіе. Затѣмъ я швырнулъ тетрадь ему въ лицо и ушелъ со сцены въ садъ. Никто не остановилъ меня.

И вотъ случилось чудо! Первый, кого я увидѣлъ въ саду, былъ мальчишка-разсыльный изъ мѣстнаго отдѣленія Волжско-Камскаго банка. Онъ спрашивалъ, кто здѣсь Леонтовичъ, и вручилъ мнѣ повѣстку на 500 рублей.

Черезъ часъ я и Нелюбовъ были уже опять въ саду и заказывали себѣ чудовищный завтракъ, а черезъ два часа вся труппа чокалась со мною шампанскимъ и

поздравляла меня. Честное слово: это не я, а Нелюбовъ пустилъ слухъ, что мнѣ досталось наслѣдство въ шестьдесятъ тысячъ. Я не опровергалъ его. Валерьяновъ потомъ клялся, что дѣла съ антрепризой ужасно плохи, и я подарилъ ему сто рублей.

Въ пять часовъ вечера я садился въ поѣздъ. Въ карманѣ у меня, кромѣ билета до Москвы, было не болѣе семидесяти рублей, но я чувствовалъ себя Цезаремъ. Когда, послѣ второго звонка, я поднимался въ вагонъ, ко мнѣ подошелъ Самойленко, который до сихъ поръ держался въ отдаленіи.

— Простите меня, я погорячился, — сказалъ онъ театрально.

Я пожалъ протянутую руку и отвѣтилъ любезно:

— Простите, я тоже погорячился.

Мнѣ прокричали «ура» на прощанье. Послѣднимъ теплымъ взглядомъ я обмѣнялся съ Нелюбовымъ. Пошелъ поѣздъ, и все ушло назадъ, навсегда, безвозвратно. И когда стали скрываться изъ глазъ послѣднія голубыя избенки Зарѣчья и потянулась унылая, желтая, выгорѣвшая степь — странная грусть сжала мнѣ сердце. Точно тамъ, въ этомъ мѣстѣ моихъ тревогъ, страданій, голода и униженій, осталась навѣки частица моей души.

Оглавленіе

IV ТОМА.

	стр.
Изумрудъ	3
На переломѣ (Кадеты)	24
Прапорщикъ армейскій	113
Съ улицы	167
Корь	211
Мирное счастіе	241
На глухарей	259
Какъ я былъ актеромъ	274

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

REC'D LD-URL
DUE JUN 23 1976
MAY 10 1978

University of California Library
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

Phone Renewals
310/825-9188

AC MAY 05 1997
APR 23 1997

Form L9-25

University Of California, Los Angeles
L 007 523 564 8

PG
3467
K8
1912
v.3-4